THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

LF4435
.L5
G7

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00014440795

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
SEP 02 1991		SEP 30 '91	

Form No. 513,
Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/pushkinsklitse1800grot

К. Я. Гротъ.

ПУШКИНСКІЙ ЛИЦЕЙ

(1811—1817).

БУМАГИ I-ГО КУРСА,

СОБРАННЫЯ,

АКАДЕМИКОМЪ **Я. К. ГРОТОМЪ.**

Залъ Царскосельскаго Лицея.

Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и рисунковъ, а также нѣкоторыхъ бумагъ III и VI курсовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

LF4435
.L5
G7

К. Я. Гротъ.

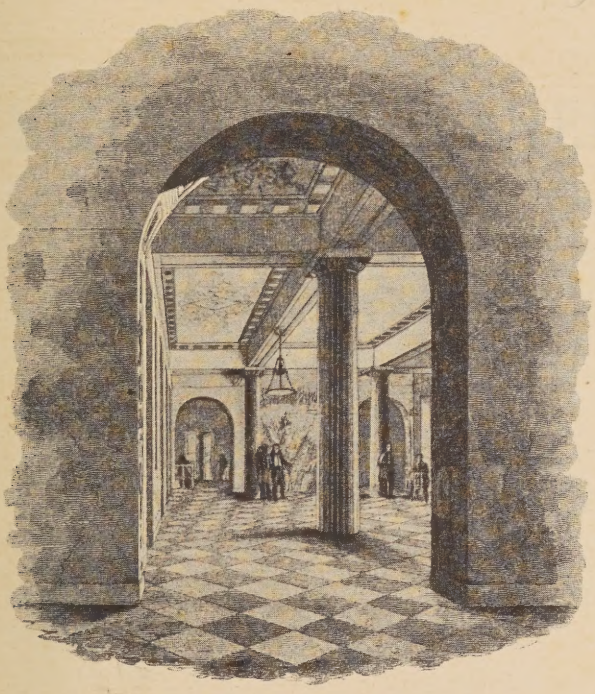
ПУШКИНСКІЙ ЛИЦЕЙ

(1811—1817).

БУМАГИ I-ГО КУРСА,

СОБРАННЫЯ

АКАДЕМИКОМЪ **Я. К. ГРОТОМЪ.**



Залъ Царскосельскаго Лицея.

Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и рисунковъ, а также нѣкоторыхъ бумагъ III и VI курсовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

ПУШКИНСКІЙ ЛИЦЕЙ.

БУМАГИ I-ГО КУРСА.

Памяти

моего отца.

Яковъ Гротъ. Апрѣль 1892 г.

Еще въ 1899 году, издавая вторымъ, дополненнымъ изданіемъ извѣстный сборникъ отца моего, Я. К. Грота „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники", я видѣлъ настоятельную необходимость при первой возможности вернуться къ этимъ матеріаламъ, собраннымъ и въ общемъ, самомъ существенномъ, использованнымъ покойнымъ академикомъ, чтобы вполнѣ ихъ исчерпать и сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ, т. е. достояніемъ не только исторіи русской литературы и культуры, но и широкаго круга читателей, всегда питающихъ особый интересъ ко всему, что касается Пушкина, его біографіи и въ частности мѣста его воспитанія. Съ тѣхъ поръ меня постоянно влекло къ этой работѣ, но обстоятельства и другія срочныя занятія не позволяли мнѣ удѣлить ей необходимый досугъ.

Наконецъ, нынѣ мнѣ удалось исполнить мое давнишнее желаніе, и наступающая 19-го октября столѣтняя годовщина основанія Императорскаго (т. е. Царскосельскаго) Лицея[1]) является какъ нельзя болѣе подходящимъ моментомъ для выпуска въ свѣтъ моего сборника.

Его значеніе и характеръ всецѣло опредѣляются содержаніемъ издаваемаго матеріала. Это не есть новый матеріалъ или новое изысканіе собственно о Пушкинѣ въ Лицеѣ,

---

[1]) Почти совпадающая съ столѣтней годовщиной рожденія Я. К. Грота (15 дек. 1812 г.).

а это есть снабженный необходимымъ коментаріемъ сборникъ по счастью уцѣлѣвшихъ и сохраненныхъ въ Гротовскомъ архивѣ бумагъ Пушкинскаго курса, этихъ документальныхъ свидѣтельствъ о той умственной и душевной жизни, которая окружала нашего геніальнаго юношу-поэта въ Лицеѣ, о той духовной атмосферѣ, которою онъ тамъ дышалъ и особенно о тѣхъ людяхъ, которымъ выпало на долю счастье составить его общество, стать къ нему въ близкія и дружескія отношенія, играть роль въ его интеллектуальной жизни и развитіи и въ свою очередь испытывать его вліяніе.

Значительную часть публикуемыхъ матеріаловъ составляютъ литературныя упражненія товарищей Пушкина, его собратьевъ по перу, главнымъ образомъ, бар. Дельвига, Илличевскаго и Кюхельбекера, а также коллективныя, а потому и анонимныя мелкія произведенія юныхъ лицейскихъ сатириковъ и остряковъ и такъ называемыя „національныя“ лицейскія пѣсни.

Быть можетъ многія вошедшія сюда еще ребяческія пробы пера и наивныя упражненія въ стихахъ и прозѣ, какъ и грубоватыя, не всегда остроумныя выходки и шутки лицейскихъ авторовъ, покажутся инымъ читателямъ не заслуживающими удѣляемаго имъ вниманія и опубликованія. Но едва-ли на эти юношескіе опыты слѣдуетъ смотрѣть съ этой строгой, безотносительной критико-литературной точки зрѣнія. Ихъ значеніе прежде всего бытовое и эпизодическое: они важны какъ характерное явленіе мѣста и времени, какъ общій фонъ, какъ свѣтъ и тѣни возсоздаваемой нашими источниками картины той духовной и литературной обстановки, въ которой суждено было развиваться поэтическому генію Пушкина.

Лицейскую поэзію Пушкина нельзя изучать внѣ обстановки Лицея его времени, отдѣливъ и вырвавъ ее изъ той почвы, которая ее питала, изъ той стихіи или среды, въ которой она создавалась и расцвѣтала. Какъ ни выдавался неизмѣримо Пушкинъ своимъ поэтическимъ геніемъ и духовнымъ развитіемъ среди своихъ товарищей, онъ все же жилъ съ ними общею жизнью, общими интересами и увле-

ченіями, и поэзія его была все же частью лицейской поэзіи его курса, имѣла съ ней многіе общіе импульсы и мотивы, общіе элементы, темы и литературные пріемы, а главное, общую реальную жизненную почву въ лицейскомъ бытѣ, умственныхъ занятіяхъ и окружающей средѣ, а потому и изучать ее слѣдуетъ въ связи съ сохранившимися памятниками и остатками литературной и поэтической дѣятельности его соговарищей, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ, особенно коллективныхъ плодахъ ея имѣются несомнѣнно, хоть и неотдѣлимые, элементы творчества, остроумія и веселости также и юнаго лицеиста Пушкина.

На томъ естественномъ и реальномъ фонѣ, который составляютъ литературныя упражненія и стихотворство Пушкинскаго выдающагося по дарованіямъ курса, лицейская муза самого Пушкина является намъ уже во всемъ своемъ блескѣ, въ истинномъ своемъ величіи и въ правильномъ бытовомъ и историческомъ освѣщеніи.

Такимъ образомъ, я позволяю себѣ надѣяться, что издаваемый матеріалъ имѣетъ цѣну не только для исторіи Пушкинскаго Лицея и для біографіи и характеристики его воспитанниковъ и дѣятелей, но и для дальнѣйшаго детальнаго изученія и оцѣнки лицейскихъ твореній великаго поэта.

Какъ любопытный матеріалъ для исторіи Лицея въ ближайшее къ Пушкину время, помѣщаются мною въ „Приложеніяхъ“ еще извѣстія, документы и извлеченія изъ бумагъ III-го курса, переданныхъ нѣкогда отцу моему бывшимъ воспитанникомъ этого курса Д. Н. Замятнинымъ, и VI-го курса, къ которому принадлежалъ самъ Я. К. Гротъ.

Свое изданіе я счелъ долгомъ снабдить какъ воспроизведеніемъ нѣкоторыхъ интересныхъ автографовъ (Пушкина, Илличевскаго, Кюхельбекера, Матюшкина и др.) и рисунковъ, въ томъ числѣ—любопытныхъ карикатуръ изъ журнала „Лицейскій Мудрецъ“, такъ и портретами (кромѣ самого Пушкина) тѣхъ лицъ, стараніями которыхъ были собраны и сохранились для потомства издаваемые остатки архива I-го курса, а именно М. А. Корфа, М. Л. Яковлева, С. Д. Комовскаго, Ѳ. Ѳ. Матюшкина и Я. К. Грота.

Мнѣ остается выразить здѣсь мою искреннюю признательность Лицейскому Пушкинскому Обществу и Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, облегчившимъ мнѣ осуществленіе моей задачи своимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ, равно какъ и всѣмъ лицамъ, къ которымъ мнѣ приходилось обращаться по книжной части въ теченіе работы.

К. Гротъ.

Царское Село
26 сентября
1911 г.

. . . . . .

На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...

Пушкинъ (въ альбомъ Пущину, 1817).

19-го октября 1911 года Императорскій Александровскій Лицей празднуетъ столѣтнюю годовщину своего основанія, т. е. вѣрнѣе— основанія того замѣчательнаго въ исторіи русской культуры учебнаго заведенія— первоначальнаго Царскосельскаго Лицея, изъ котораго развился нынѣшній Петербургскій его преемникъ (съ 1843 года) Александровскій Лицей, счастливый наслѣдникъ и хранитель его великихъ и священныхъ традицій.

Пушкинъ и Царскосельскій лицей — вотъ слова, которыя каждому Русскому говорятъ такъ много, въ которыхъ заключено все высокое значеніе нынѣшняго юбилея какъ для русскаго образованнаго общества, такъ и для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы. Вѣдь жизнь Лицея въ первое его шестилѣтіе (1811—1817) — это годы ученія и умственнаго развитія геніальнаго на-

шего поэта, начальная эпоха его поэтическаго творчества. Уже изъ этого ясно, что написать полную и подробную—насколько позволяютъ источники,—а вмѣстѣ живую и яркую исторію именно Царскосельскаго лицея (1811—1843), въ которой конечно время Пушкина заняло бы первенствующее мѣсто, есть настоятельная и давно лежащая на совѣсти русскихъ культурныхъ историковъ задача, въ высшей степени почетная, благодарная и привлекательная.

Между тѣмъ матеріаловъ для такой исторіи накопилось уже не мало, да есть для нея и солидное основаніе въ извѣстномъ трудѣ И. Селезнева, заключающемъ въ себѣ историческій очеркъ Лицея за первое его пятидесятилѣтіе. Цѣлая половина его посвящена Царскосельскому лицею, но помѣщенный здѣсь матеріалъ требуетъ многихъ важныхъ дополненій, тщательной разработки и возсозданія изъ сохранившихся письменныхъ памятниковъ, бумажныхъ обрывковъ и преданій—всесторонняго и яркаго изображенія жизни стараго Лицея и характеристики столь для насъ интересныхъ старѣйшихъ его дѣятелей и питомцевъ.

Въ протекшее же второе пятидесятилѣтіе Лицея изданы въ томъ или другомъ видѣ новые весьма цѣнные и разнообразные матеріалы и свидѣтельства современниковъ, даны отдѣльныя интересныя характеристики личностей, нарисованы черты жизни, быта и отношеній дѣйствующихъ лицъ Пушкинскаго Лицея, но все это отрывочно, разбросанно, иногда разнорѣчиво, и вотъ свести все это воедино, связать въ одну цѣльную, полную содержанія и подробностей, картину, критически оцѣнивъ и провѣривъ всѣ имѣющіеся и прежніе и новые источники, свидѣтельства и преданія,—все это на правдивомъ историческомъ фонѣ событій, жизни и быта той эпохи—вотъ задача, все еще ожидающая своего талантливаго и одушевленнаго исполнителя.

А до появленія такой исторіи всякое, даже самое скромное дополненіе къ тому, что уже написано и издано,—въ смыслѣ ли обнародованія хотя бы малѣйшаго новаго матеріала или частичнаго, детальнаго углубленія въ тотъ или другой вопросъ—должно быть обязанностью всякаго, могущаго внести еще что-нибудь заслуживающее вниманія въ эту литературу.

Это и заставляетъ меня, располагающаго собраніемъ лицейскихъ реликвій, составленнымъ въ теченіе долгихъ лѣтъ моимъ отцомъ, лицеистомъ VI-го курса Я. К. Гротомъ, и имъ въ свое время использованнымъ въ рядѣ этюдовъ и очерковъ, въ свою очередь, заняться этими любопытными бумагами и извлечь изъ нихъ все то, что еще можетъ послужить матеріаломъ для вышенамѣчен-

ной задачи и что до сего времени или вовсе не было опубликовано, или стало извѣстно лишь отчасти.

Обозрѣвая въ одной изъ статей своихъ въ 1874 г. [1]) литературу предмета, Я. К. Гротъ замѣчаетъ, что „къ сожалѣнію сами воспитанники Лицея и близкаго ему Лицейскаго пансіона сдѣлали не много для исторіи этихъ заведеній“. Это замѣчаніе, вполнѣ вѣрное въ то время, въ общемъ остается довольно вѣрнымъ и нынѣ, хотя справедливость требуетъ признать, что главная доля въ изданіи и обработкѣ сохранившихся матеріаловъ принадлежитъ все же двумъ старымъ лицеистамъ — В. П. Гаевскому и самому Я. К. Гроту [2]), которымъ послужили прежде всего важнѣйшія лицейскія воспоминанія, записанныя первокурсниками, напр., Пущинымъ, Корфомъ, Комовскимъ.

Къ названнымъ именамъ бытописателей Царскосельскаго лицея —изъ числа воспитанниковъ уже Петербургскаго Лицея можно прибавить лишь два-три имени, напр., маститаго русскаго историка и библіографа Д. Ѳ. Кобеко, Н. А. Гастфрейнда, да еще неутомимаго организатора лицейскаго Пушкинскаго музея, собирателя памятниковъ лицейской старины для него и пушкиниста П. Е. Рейнбота. Всѣ остальные издатели матеріаловъ, историки стараго Лицея и пушкинисты, писавшіе о Пушкинѣ въ Лицеѣ и объ этомъ послѣднемъ, какъ старѣйшіе, напр., И. Я. Селезневъ, авторъ „Очерка исторіи Лицея“, И. П. Шульгинъ, П. И. Бартеневъ, П. В. Анненковъ, Л. Н. Майковъ и П. А. Ефремовъ, такъ и новѣйшіе, какъ П. О. Морозовъ, И. А. Шляпкинъ, Н. О. Лернеръ и др., по воспитанію не принадлежатъ Лицею и почти всѣ занимались имъ лишь въ связи съ работой надъ біографіей и поэзіей Пушкина.

Не задаваясь здѣсь цѣлью обозрѣвать всю литературу, касающуюся Пушкинскаго Лицея, я остановлюсь лишь на томъ, что̀ непосредственно связано съ настоящимъ изданіемъ, т. е. на отношеніяхъ къ Царскосельскому лицею моего отца и на его трудѣ по собиранію и изданію сохранившихся бумагъ архива I-го лицейскаго курса.

Я. К. Гротъ былъ связанъ съ Лицеемъ самыми тѣсными и долголѣтними узами: какъ воспитанникъ сперва Лицейскаго пансіона (1823—1826), потомъ Имп. Царскосельскаго Лицея (1826—1832), какъ профессоръ Имп. Александр. Лицея (1853—1862), наконецъ

---

[1]) „Первенцы Лицея и его преданія“, въ сборникѣ „Складчина“. Спб. 1874 г.

[2]) Къ нимъ надо причислить анонимнаго автора (кн. Н. Н. Голицына) книги „Благородный пансіонъ Царскосельскаго Лицея“ (Спб. 1869).

впослѣдствіи какъ собиратель лицейской старины, бытописатель первоначальнаго Лицея и пушкинистъ. Едва-ли поэтому кто-либо другой могъ и чувствовать такъ живо эту связь и быть такъ преданъ завѣтамъ лицейской старины, какъ покойный академикъ. Это отношеніе его къ Лицею запечатлѣлось въ сохранившихся его личныхъ воспоминаніяхъ о годахъ, проведенныхъ въ Лицеѣ, и о лицейскихъ дѣятеляхъ,—воспоминаніяхъ, какъ вошедшихъ въ его автобіографическія замѣтки [1]), такъ и разбросанныхъ въ его извѣстномъ сборникѣ, посвященномъ Пушкину и Лицею [2]). Отсылая читателей къ этимъ воспоминаніямъ, мы извлечемъ изъ нихъ здѣсь лишь тѣ данныя, которыя относятся къ собиранію бумагъ I-го курса, къ судьбѣ этого маленькаго постепенно накопленнаго нѣкоторыми изъ первокурсниковъ и переходившаго изъ рукъ въ руки „архива“.

Отецъ мой поступилъ (10-ти лѣтъ) въ Лицейскій пансіонъ въ 1823 году, слѣдовательно всего черезъ 6 лѣтъ по выходѣ Пушкина изъ Лицея, а въ Лицей перешолъ въ 1826 г., такъ что засталъ тамъ еще нѣкоторыхъ наставниковъ I-го курса и нѣкоторые первоначальные порядки, хотя уже въ концѣ царствованія Александра I (съ 1822 г.) лицейскій режимъ значительно измѣнился въ смыслѣ утраты прежней свободы и введенія болѣе строгой дисциплины полувоеннаго характера.

Я. К. разсказываетъ, что ихъ, лицеистовъ VI курса, чрезвычайно интересовали преданія о первомъ курсѣ. „Съ жадностью слушали мы всякій разсказъ о старѣйшихъ нашихъ предшественникахъ и съ любопытствомъ разспрашивали ихъ современниковъ о подробностяхъ первоначальной исторіи Лицея“... „Надъ всѣми преданіями царило славное имя Пушкина. Легко представить себѣ, съ какимъ восторгомъ мы читали и выучивали наизусть его стихи; каждое новое произведеніе его ходило между нами по рукамъ, если не въ печати, то въ спискахъ... Въ созданіяхъ Пушкина, въ славѣ его мы видѣли что-то для себя родное, мы считали его своимъ“... Рядомъ съ нимъ возбуждали любопытство и были популярны въ лицейской средѣ и нѣкоторые его товарищи, напр. Кюхельбекеръ и Пущинъ, ставшіе особенно извѣстны по ихъ участію въ декабрскихъ событіяхъ, а изъ другихъ привлекали наибольшее вниманіе бар. Дельвигъ (другъ Пушкина и поэтъ), кн. Горчаковъ, Вольховскій и бар. Корфъ (по блестящей тогда уже карьерѣ) и Матюшкинъ (по слухамъ о его путешествіяхъ).

---

[1]) „Я. К. Гротъ. Нѣск. данныхъ къ его біогр. и характ.“ СПБ. 1895 г. См. извлеченіе изъ нихъ въ „Приложеніяхъ“ къ настоящему сборнику, отд. IV.

[2]) Пушкинъ, его лицейск. товарищи и наставники. 2 изд. (изъ III т. „Трудовъ“) СПБ. 1899 г.

Изъ нихъ Лицей посѣтили при Я. К., кромѣ Пушкина, Дельвигъ и Вольховскій. Пушкинъ посѣтилъ Лицей въ эти годы два раза, и конечно съ восторгомъ былъ тамъ встрѣчаемъ воспитанниками. Объ одномъ (первомъ) изъ этихъ посѣщеній (именно въ 1828 г.), очевидно произведшемъ на отца моего глубокое впечатлѣніе, онъ восторженно разсказываетъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ. „Мы слѣдовали за нимъ, пишетъ онъ, тѣсною толпой, ловя каждое его слово. Пушкинъ былъ въ черномъ сюртукѣ и бѣлыхъ лѣтнихъ панталонахъ. На лѣстницѣ оборвалась у него штрипка; онъ остановился, отстегнулъ ее и бросилъ на полъ; я съ намѣреніемъ отсталъ и завладѣлъ этою драгоцѣнностью, которая послѣ долго хранилась у меня. Изъ разговоровъ Пушкина я ничего не помню, да и почти не слышалъ: я такъ былъ пораженъ самымъ его появленіемъ, что не умѣлъ даже и слушать его, да притомъ по всегдашней своей застѣнчивости шелъ позади другихъ“. Въ другомъ мѣстѣ воспоминаній Я. К. находимъ еще свидѣтельство о такомъ посѣщеніи Пушкина, относящееся, повидимому, ко времени пребыванія Я. К. на старшемъ курсѣ (въ 1831 г.). „Какъ всегда водилось, когда пріѣзжалъ кто-нибудь изъ нашихъ „дѣдовъ“, мы его окружили всѣмъ курсомъ и гурьбой провожали по всему Лицею. Обращеніе его съ нами было совершенно простое, какъ съ старыми знакомыми; на каждый вопросъ онъ отвѣчалъ привѣтливо, съ участіемъ разспрашивалъ о нашемъ бытѣ, показывалъ намъ свою бывшую комнатку и передавалъ подробности о памятныхъ ему мѣстахъ. Послѣ того мы не разъ встрѣчали его гуляющимъ въ Царскосельскомъ саду, то съ женою, то съ Жуковскимъ, котораго мы видѣли у себя около того же времени: онъ присутствовалъ на экзаменѣ изъ исторіи“...

Такое юношеское обожаніе великаго поэта, сочетавшееся съ пылкою привязанностью къ Лицею и благоговѣйнымъ почитаніемъ лицейской старины, вынесенное Я. К. изъ стѣнъ Лицея—онъ покинулъ его въ 1832 году,—развиваясь подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, въ скоромъ времени обратилось въ сознательный культъ и воплотилось позже въ плодотворное дѣло изученія объекта этого культа и собиранія лицейскихъ реликвій.

Изъ юноши-лицеиста, хранившаго—какъ драгоцѣнность — ничтожнѣйшее вещественное воспоминаніе о посѣщеніи Пушкинымъ Лицея и тщательно сберегавшаго свои лицейскія тетрадки и рукописные литературные журналы, издававшіеся въ подраженіе I-му курсу, выросъ съ теченіемъ времени извѣстный изслѣдователь жизни и эпохи Пушкина, собиратель и хранитель обрывковъ архива и преданій первоначальнаго Лицея.

Плоды поэтической и вообще литературной лицейской дѣятель-

ности перваго курса были однако-жъ еще мало извѣстны въ стѣнахъ Лицея воспитанникамъ слѣдующихъ курсовъ, знавшимъ о нихъ лишь по слухамъ и преданіямъ и слѣдовавшимъ примѣру старѣйшихъ и этимъ преданіямъ въ собственныхъ своихъ опытахъ. По словамъ Я. К. Грота, изъ лицейскихъ стихотвореній I-го курса они почти ничего не знали, пока находились въ заведеніи. „Я познакомился съ ними, пишетъ онъ, только черезъ годъ послѣ своего выпуска изъ Лицея, именно въ 1833 г., когда товарищъ Пушкина баронъ М. А. Корфъ, тогдашній мой начальникъ по Канцеляріи Комитета Министровъ,..... далъ мнѣ на прочтеніе двѣ переплетенныя въ зеленый сафьянъ тетради, содержавшія собраніе стихотвореній нѣкоторыхъ изъ его товарищей. Я тогда же переписалъ большую часть ихъ, не пропустивъ конечно ни одной изъ пьесъ Пушкина. Эти тетради принадлежали собственно товарищу и другу его (Корфа) М. Л. Яковлеву, страстному любителю музыки и пѣнія, который нѣкогда и самъ пописывалъ стихи, особенно басни, но не обнаружилъ въ поэзіи замѣтнаго таланта“ [1]). Итакъ этими выписками изъ лицейскихъ тетрадей Корфа или Яковлева мой отецъ въ 1833 г. и положилъ очевидно первое основаніе своему собранію литературныхъ опытовъ и разныхъ бумагъ первокурсниковъ Лицея. Три тетради этихъ выписокъ сохранились въ его архивѣ подъ заглавіемъ „Извлеченіе изъ собранія лицейскихъ стихотвореній I-го курса“, и я уже имѣлъ случай воспользоваться ими въ одной изъ своихъ статей [2]).

Несомнѣнно, служба Я. К. у бар. Корфа и сближеніе его съ этимъ товарищемъ Пушкина сыграли видную роль въ удовлетвореніи имъ тѣхъ литературныхъ стремленій и интересовъ по отношенію къ Пушкину и Лицею, которыми онъ проникся еще на лицейской скамьѣ. Черезъ Корфа, въ его домѣ, онъ познакомился со многими первенцами Лицея, напр. съ Яковлевымъ, Матюшкинымъ, кн. Горчаковымъ, Комовскимъ.

Первымъ хранителемъ *большей части* лицейскихъ бумагъ I-го курса былъ извѣстный товарищъ и другъ Пушкина, общій любимецъ и „лицейскій староста“ (устроитель лицейскихъ сходокъ

[1]) Къ Яковлеву онѣ, по видимому, перешли (или вернулись) значительно позже, ибо В. П. Гаевскій въ 1853 г. (въ первой статьѣ о Дельвигѣ, „Современникъ“, т. 37, стр. 76) бралъ для своей работы эти рукописныя тетради у М. А. Корфа. О „тетрадяхъ бар. Корфа“ говорятъ въ 1855 г. П. В. Анненковъ (Соч. П. т. I, стр. 28 и пр.), ими пользовавшійся, а въ 1858 г. и Пущинъ въ своихъ „Запискахъ“ (изд. 1907 г., стр. 27, прим.). Въ 1863 г. Гаевскій получилъ всѣ лицейскія бумаги уже отъ Яковлева.

[2]) „Къ Лицейскимъ стихотвореніямъ А. С. Пушкина (нѣсколько поправокъ и варіантовъ)“. Журн. Мин. Н. Пр. 1905 г., № 10.

М. Л. Яковлевъ († 1868 г.) [1]). В. П. Гаевскій въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ въ Лицеѣ (1863), [2]) говоритъ объ этихъ бумагахъ, какъ о „хранящихся“ у Яковлева. Очевидно онъ отъ него получилъ ихъ, и ему же возвратилъ. Разумѣется, не все, что потомъ было собрано изъ лицейскаго „архива“, принадлежало къ этому собранію Яковлева. Бережно хранили у себя разные остатки письменной лицейской старины какъ нѣкоторые другіе товарищи Пушкина (не говоримъ здѣсь о самомъ поэтѣ), напримѣръ бар. Корфъ, Матюшкинъ, Комовскій, Малиновскій, такъ и старый директоръ Энгельгардтъ, а равно и нѣкоторые лицеисты ближайшихъ къ I-му курсовъ и лица, случайно связанныя съ первоначальнымъ Лицеемъ и его воспитанниками. Но все-же главная часть сохранившихся рукописей была сосредоточена у Яковлева.

Всѣ эти бумаги Яковлевъ или самъ въ послѣдніе годы жизни (слѣд. до 1868 г.) передалъ или можетъ быть завѣщалъ передать послѣ своей смерти адмиралу Ѳ. Ѳ. Матюшкину, съ которымъ онъ былъ повидимому особенно друженъ (вспомнимъ извѣстную записку Матюшкина къ Яковлеву по поводу смерти Пушкина, см. ниже) и который жилъ тогда уже постоянно въ Петербургѣ, занимая разныя административныя должности, а съ 1861 г. состоя сенаторомъ. Дѣйствительно, по смерти Яковлева, обладателемъ лицейскихъ бумагъ является Матюшкинъ. Но послѣдній прожилъ послѣ смерти своего друга всего около 4-хъ лѣтъ.

Съ Матюшкинымъ Я. К. Гротъ познакомился ближе, когда по учрежденіи въ февралѣ 1871 г. Комитета по сооруженію памятника Пушкину (въ который вошли они оба), они имѣли довольно часто случай сходиться для совѣщаній. По свидѣтельству Я. К. „Матюшкинъ до конца неизмѣнно хранилъ завѣтную привязанность къ Лицею и къ своимъ товарищамъ и былъ однимъ изъ тѣхъ, которые знали всего болѣе подробностей о лицейской жизни перваго курса. Видя, что кто-нибудь интересуется ими, онъ охотно передавалъ свои воспоминанія. Съ его словъ я успѣлъ кое-что записать, но, къ сожалѣнію, по свойственной человѣку привычкѣ откладывать, узналъ далеко не все, что могъ бы извлечь изъ бесѣдъ съ

[1]) Можно думать, что ему удалось сберечь лишь нѣкоторую часть бумагъ I-го курса, первоначально имъ собранныхъ, о чемъ можно судить по слѣдующему свидѣтельству, переданному Я. К. Гротомъ, со словъ Матюшкина: „За нѣсколько дней до 14-го декабря (1825) И. И. Пущинъ выпросилъ у него (т. е. Яковлева) и взялъ къ себѣ на домъ (лицейскія бумаги)—сколько могъ забрать. Дней черезъ десять, при обыскѣ квартиры Пущина, всѣ эти бумаги были отобраны и остались, какъ думалъ Матюшкинъ, въ архивѣ судной комиссіи“. См. „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“ 2-е изд., стр. 282.—Возможно, что часть этихъ бумагъ Яковлеву удалось вернуть.

[2]) Современникъ, 1863, кн. 97, стр. 129.

Матюшкинымъ“ [1]). Объ одной изъ такихъ бесѣдъ и о слышанномъ при этомъ мой отецъ разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ своей книги: въ тотъ разъ встрѣча ихъ была у барона Корфа въ Царскомъ Селѣ. „Послѣ обѣда Матюшкинъ пошелъ со мной гулять по старому саду и передалъ мнѣ многое изъ своихъ воспоминаній, между прочимъ показалъ мнѣ мѣсто т. н. розоваго поля“ [2])... Безъ сомнѣнія, изъ сближенія съ Я. К. Матюшкинъ вынесъ убѣжденіе, что лицейскія преданія и остатки лицейскаго архива I-го курса могутъ найти въ лицѣ моего отца не только самаго горячаго чтителя и хранителя, но и ревностнаго собирателя и изыскателя. Какъ такой собиратель, Я. К. уже былъ нѣсколько извѣстенъ въ лицейскомъ кругу. Уже въ 1830-хъ годахъ, какъ мы знаемъ, онъ пользовался у барона М. А. Корфа сборниками лицейскихъ стихотвореній I-го курса и дѣлалъ изъ нихъ выписки для себя. Съ тѣхъ поръ собираніе разныхъ лицейскихъ воспоминаній продолжалось при всякомъ удобномъ случаѣ, даже во время пребыванія Я. К. профессоромъ въ Гельсингфорсѣ (1840—1853). Въ эту эпоху ему послалъ изъ Петербурга для его „лицейскаго архива“ нѣсколько реликвій — старый директоръ Е. А. Энгельгардтъ. Однажды, въ 1842 г., онъ послалъ ему извѣстную брошюру „Шесть лѣтъ, прощальная пѣснь лицейская съ музыкой (Спб. 1835)“; въ другой разъ, въ 1844 г. — брошюру о жизни Вольховскаго съ посвященіемъ „Лицейскому Гроту для его лицейскаго архива отъ Егора Антоновича“ [3]). Затѣмъ уже въ 1860-хъ годахъ Я. К. успѣлъ опубликовать (въ „Русск. Арх.“ 1864 г.) интересный матеріалъ, относящійся къ I-му выпуску, а именно замѣчательныя письма Илличевскаго къ Фуссу, полученныя имъ отъ сына послѣдняго, лицеиста вып. 1860 г.

Все это безъ сомнѣнія зналъ и имѣлъ въ виду Матюшкинъ, и онъ естественно пришелъ къ рѣшенію, быть можетъ не безъ участія въ этомъ и барона М. А. Корфа, сдѣлать Я. К. наслѣдникомъ своего лицейскаго архива. По словамъ моего покойнаго отца, адмиралъ Матюшкинъ, „чувствуя упадокъ силъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти“ (это было весною 1872 г.), передалъ лицейскія бумаги „въ наслѣдство“ ему, Я. К., „какъ лицеисту, для котораго преданія стараго Лицея всегда были особенно дороги“ [4]).

Вотъ какимъ образомъ остатки архива I-го курса сосредото-

---

[1]) „Пушкинъ, etc.“ стр. 74.

[2]) Тамъ же, стр. 282.

[3]) См. нашу статью „Изъ лицейской старины“, Истор. Вѣстн. 1905, т. CI, стр. 91—93. Срв. ниже, стр. 114.

[4]) „Пушкинъ и пр.“, стр. 28; срв. еще стр. 75, 80—81, 218 и 282.

чились у Я. К. Кромѣ Матюшкина и Корфа [1]), изъ остававшихся въ живыхъ ихъ товарищей послѣдовалъ ихъ примѣру и С. Д. Комовскій, обогатившій собраніе Я. К. нѣсколькими хранившимися въ его домашнемъ архивѣ цѣнными лицейскими документами [2]), а позже семья Малиновскихъ. Наконецъ, въ разное время ему же передавали кое-какія бумаги и воспоминанія стараго Лицея воспитанники послѣдующихъ курсовъ не только Царскосельскаго, но и Александровскаго Лицея, которымъ случайно достались нѣкоторыя реликвіи отъ I-го курса. Этими дополнительными вкладами въ свой лицейскій архивъ отецъ мой обязанъ, между прочимъ, слѣдующимъ лицамъ: Д. Н. Замятнину (III курса † 1881 г.), барону А. К. Икскулю (IV курса † 1880 г.), И. Р. фонъ-деръ-Ховену (V курса), А. И. Малиновскому (XXI курса, сыну товарища Пушкина, † 1904 г.), В. П. Фуссу (XXIV курса) и друг.

Свою драгоцѣнную коллекцію лицейскихъ бумагъ Я. К. Гротъ не держалъ подъ спудомъ. Онъ въ теченіе послѣдующихъ 15 лѣтъ постепенно использовалъ ее въ цѣломъ рядѣ статей и очерковъ, помѣщенныхъ въ различныхъ періодическихъ и иныхъ изданіяхъ.

Главными между ними были статьи: „Первенцы лицея и его преданія“ (въ сборн. „Складчина“ 1874 г.) и „Старина Царскосельскаго лицея“ (въ „Русск. Архивѣ“ 1875—6 гг.), которыя впослѣдствіи дополняемы были новыми замѣтками и очерками, относившимися къ Пушкину въ Лицеѣ и къ его товарищамъ и вызванными такими торжествами, какъ открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ (въ 1880 г.) и чествованіе памяти поэта въ 50-ти-лѣтнюю годовщину его смерти (1887 г.). Это послѣднее чествованіе дало поводъ Я. К. собрать воедино всѣ свои работы о Пушкинѣ и Царскосельскомъ лицеѣ (о наставникахъ и товарищахъ поэта) и издать ихъ въ особомъ сборникѣ „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“ [3]), который послѣ трудовъ Селезнева, Бартенева, Анненкова и Гаевскаго—является наиболѣе полнымъ и важнымъ собраніемъ, а вмѣстѣ и обработкой матеріаловъ по Царскосельскому лицею и пребыванію въ немъ Пушкина.

Этотъ трудъ, дополненный еще нѣкоторыми статьями Я. К. (появившимися послѣ 1887 г.) и кое-какими новыми извлеченіями изъ его бумагъ, былъ переизданъ мною въ годъ столѣтняго юбилея рожденія поэта (въ 1899 г.) и вошелъ затѣмъ въ III-ій томъ „Трудовъ“ академика.

---

[1]) Въ 1874 г. баронъ М. А. передалъ Я. К. списокъ своей извѣстной „Записки“ о Лицеѣ.

[2]) Онъ передалъ ихъ Я. К. на лицейскомъ обѣдѣ въ 1875 г. (за 5 лѣтъ до кончины своей).

[3]) Спб. 1887 г., вошелъ въ Сборникъ Отдѣл. русск. яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ, т. 42 (1887).

Въ очеркахъ и статьяхъ этого сборника Я. К. Гротъ, какъ уже сказано, использовалъ и исчерпалъ въ самомъ существенномъ и важномъ доставшіеся ему остатки архива I-го курса; нѣкоторые, особенно цѣнные матеріалы (напр., нѣсколько писемъ лицеистовъ, замѣтки ихъ о Лицеѣ, письма Илличевскаго къ Фуссу, путевыя замѣтки Матюшкина) онъ напечаталъ цѣликомъ или въ значительныхъ извлеченіяхъ. Изъ другихъ (напр., лицейскихъ журналовъ) онъ представилъ небольшія выдержки и образцы. Но издать полностью весь матеріалъ—не составляло тогда его задачи, да, можетъ быть, въ то время это казалось и излишнимъ.

Однакожъ, чѣмъ дальше мы идемъ къ разработкѣ исторіи нашего культурнаго и литературнаго прошлаго, и въ частности біографіи великаго Пушкина, въ изслѣдованіи всѣхъ условій и обстановки его воспитанія и развитія, слѣдовательно и окружавшей его учебной среды и быта, тѣмъ глубже и живѣе мы интересуемся всѣми сохранившимися до нашихъ дней источниками и документами, способными сколько-нибудь разъяснить и освѣтить многіе возникающіе и не вполнѣ еще ясные для насъ вопросы и всю картину лицейской жизни, среди которой протекала юность поэта. А такъ какъ такихъ источниковъ и документовъ очень немного и всѣ они наперечетъ, то естественно вниманіе къ нимъ все усиливается, и постепенно измѣняется точка зрѣнія на степень важности опубликованія тѣхъ или другихъ матеріаловъ: что прежде могло казаться излишнимъ, то теперь представляется не только полезнымъ, но и необходимымъ; что въ былое время казалось „любопытнымъ только для небольшого кружка“ (какъ выразился В. П. Гаевскій въ своей статьѣ о празднованіи лицейскихъ годовщинъ), то становится съ современной точки зрѣнія и безспорно важнымъ и общеинтереснымъ.

Вотъ почему я **нахожу**, что настало время дополнить изданіе покойнаго академика — какъ опубликованіемъ цѣликомъ большей части матеріаловъ, которые или совсѣмъ еще не вошли въ его статьи или вошли лишь въ извлеченіяхъ, такъ и болѣе подробнымъ описаніемъ того, что, не представляя достаточнаго интереса для напечатанія полностью (напр. нѣкоторые болѣе длинныя и слабыя произведенія товарищей Пушкина), заслуживаетъ все-же вниманія — для общихъ сужденій и характеристики учебнаго и воспитательнаго дѣла въ первоначальномъ Лицеѣ, а также второстепенныхъ его дѣятелей.

Унаслѣдовавъ драгоцѣнное собраніе лицейскихъ бумагъ Я. К., я считаю своимъ долгомъ довершить и вмѣстѣ увѣковѣчить его дѣло настоящимъ изданіемъ, обнимающимъ (въ видѣ ли воспроизведенія или описанія) исключительно этотъ *Гротовскій* лицейскій архивъ, а потому и не претендующимъ дать итоги всего

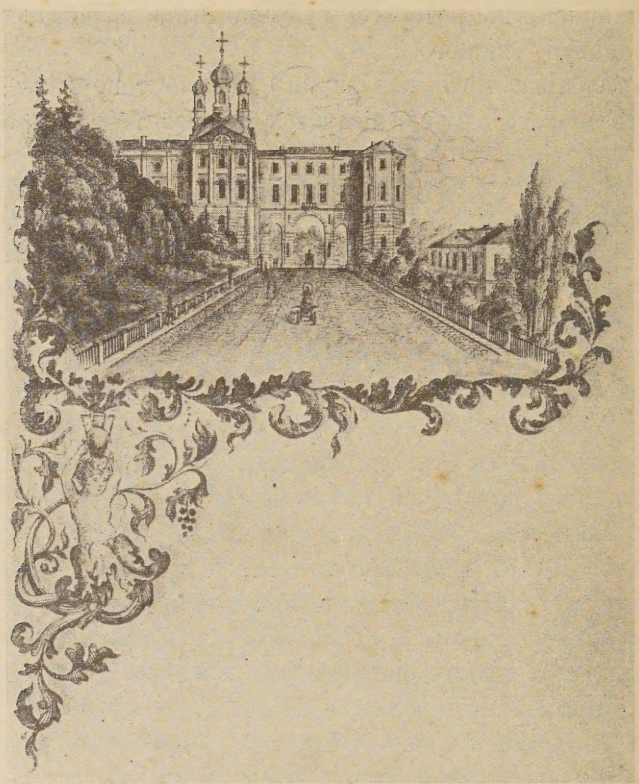
вообще собраннаго и сдѣланнаго по настоящему предмету или исчерпывающе изслѣдовать его, обнявъ эту тему со всѣхъ сторонъ.

Переиздавая 12 лѣтъ тому назадъ книжку Я. К., я тогда уже счелъ возможнымъ сдѣлать маленькія дополненія къ ней изъ оставленныхъ имъ бумагъ [1]), и говоря о ихъ составѣ и судьбѣ, замѣтилъ, что „имѣю въ видѣ еще разъ вернуться къ этимъ любопытнымъ рукописямъ, чтобы дополнить уже изданное и извлечь изъ нихъ то, что еще можетъ имѣть цѣну и представить интересъ для характеристики той школьной и товарищеской среды, тѣхъ условій и той обстановки, въ которыхъ суждено было развиваться и зрѣть геніальной натурѣ нашего поэта“.

Осуществленіе этого намѣренія именно теперь, къ торжеству 100-лѣтняго юбилея Лицея, является вполнѣ своевременнымъ.

---

[1]) Какъ я замѣтилъ тогда, не все, однако, о чемъ онъ упоминаетъ или что описываетъ въ своихъ статьяхъ, нашлось въ его архивѣ. Кое-что могло остаться въ другихъ рукахъ.



Видъ на Ц.-С. Лицей и дворецъ съ Садовой улицы.

Виньетка (въ краскахъ) на письмахъ б. директора Лицея Е. А. Энгельгардта къ Я. К. Гроту (въ нач. 1840-хъ гг.).

Баронъ (позже графъ) М. А. Корфъ.
(1800—1876).

I.

Лицей и его первенцы

въ ихъ запискахъ и перепискѣ.

Несомнѣнно, самымъ важнымъ и цѣннымъ источникомъ для начертанія жизни и быта первоначальнаго Лицея, для характеристики его порядковъ и духа, его педагогическаго и ученическаго состава и установившихся въ немъ отношеній — являются свидѣтельства самихъ воспитанниковъ въ оставшихся послѣ нихъ замѣткахъ, воспоминаніяхъ и перепискѣ.

Къ большому сожалѣнію, дошедшій до насъ матеріалъ этого рода очень невеликъ и отрывоченъ. Тутъ сыграло свою роль безъ сомнѣнія прежде всего безпощадное всеистребляющее время, такъ какъ подобную скудость современныхъ письменныхъ свидѣтельствъ изъ круга самихъ первокурсниковъ трудно согласить съ ихъ извѣстною раннею литературностью и юношеской экспансивностью, съ ихъ привязанностью къ лицейской старинѣ и преданіямъ, съ ихъ

прочною, и позже не ослабѣвавшею, взаимною дружбой. Навѣрное очень многіе изъ нихъ вели уже въ Лицеѣ свои записки и дневники, а также усердно переписывались между собой и съ близкими какъ въ лицейскихъ стѣнахъ, такъ и позже. Но отъ всего этого дошли до потомства только самые скудные обрывки. Тѣмъ цѣннѣе они становятся для историка.

Что касается позднѣйшихъ воспоминаній товарищей Пушкина, то этотъ высокоцѣнный матеріалъ, какъ извѣстно, исчерпывается воспоминаніями И. И. Пущина, извѣстной запиской графа М. А. Корфа, написанной имъ по поводу статей П. И. Бартенева (1854 г.), и небольшой запиской С. Д. Комовскаго (собственно о Пушкинѣ).

Изъ этихъ записокъ послѣднія двѣ имѣются въ бумагахъ нашихъ: записка Корфа въ спискѣ, полученномъ моимъ отцомъ отъ самого автора въ 1874 г. [1]), а вторая—въ подлинникѣ. И та и другая были напечатаны въ сборникѣ Я. К. „Пушкинъ“ и проч. (1887 и 1899 гг.). Какъ и „Записки“ Пущина, онѣ достаточно извѣстны, и перепечатывать ихъ здѣсь не представляется необходимымъ.

Обычай писать свои замѣтки, свой дневникъ или записки, обусловленный такъ-же, какъ до нѣкоторой степени и стихотворство, раннимъ литературнымъ развитіемъ и сосредоточенною въ довольно узкой сферѣ душевной жизнью воспитанниковъ Лицея, а можетъ быть внушенный и кѣмъ-нибудь изъ наставниковъ, былъ повидимому распространенъ въ средѣ его старѣйшихъ питомцевъ еще въ Лицеѣ, и только недостатокъ выдержки, постоянства въ характерѣ юношей (почти мальчиковъ) и необходимой для этого занятія усидчивости мѣшали многимъ осуществить благую мысль [2]). Къ этимъ послѣднимъ принадлежалъ, какъ извѣстно, и Пушкинъ, который, судя по сохранившимся обрывкамъ его лицейскихъ „записокъ“, тоже пробовалъ вести дневникъ, но очевидно не нашелъ въ себѣ достаточныхъ для этого постоянства и терпѣнія.

Изъ лицейскихъ замѣтокъ товарищей Пушкина сохранились только доставшіеся Я. К. Гроту: небольшая часть дневника за мартъ-апрѣль 1815 г. С. Д. Комовскаго, и краткія, отрывочныя дорожныя замѣтки Ѳ. Ѳ. Матюшкина (о его путешествіи въ Москву тотчасъ по окончаніи курса) [3]). Съ послѣдними познакомилъ своихъ читателей (въ значительныхъ выдержкахъ) Я. К. въ своей статьѣ „Старина

---

[1]) См. „Пушкинъ, его наставники и товарищи“ (894) стр. 222.

[2]) Въ нашихъ лицейскихъ бумагахъ сохранилась между прочимъ бумажная обложка съ написаннымъ на ней заглавіемъ, кажется, рукой Илличевскаго: „Воспоминанія о Лицеѣ. Учебныя занятія“.

[3]) И. И. Пущинъ, какъ знаемъ изъ его „Записокъ“, также велъ въ Лицеѣ свой дневникъ, но послѣ „поспѣшно и опрометчиво“ уничтожилъ его.

царскосельскаго Лицея“ („Матюшкинъ“)[1]). О дневникѣ Комовскаго онъ только упоминаетъ въ своемъ сборникѣ[2]). Хотя эти скромныя ученическія записки не заключаютъ въ себѣ ничего особенно важнаго или значительнаго, хотя-бы въ біографическомъ отношеніи (напр., по отношенію къ Пушкину), тѣмъ не менѣе какъ живой памятникъ пребыванія въ Лицеѣ его первенцевъ, ихъ ученическаго быта, ихъ отношенія къ своей alma mater и между собой, а также какъ характеристика самихъ авторовъ, эти откровенные, безхитростные, можно сказать, ребяческіе разсказы, очень любопытны, и нельзя не напечатать ихъ здѣсь цѣликомъ.

Далѣе, огромный и живой интересъ представляетъ то, что̀ сохранилось изъ взаимной переписки первенцевъ Лицея, а тѣмъ болѣе изъ ихъ лицейской переписки.

По счастью, хоть въ общемъ и скудно то, что изъ этой послѣдней пощадило время, мы все-же располагаемъ здѣсь такимъ крупнымъ и драгоцѣннымъ памятникомъ, какъ извѣстное собраніе писемъ А. Д. Илличевскаго къ его бывшему гимназическому товарищу П. Н. Фуссу, которое было опубликовано моимъ отцомъ еще въ 1864 г. (въ „Русск. Арх.“), но лишь въ извлеченіяхъ (правда, заключавшихъ въ себѣ все существенное къ Лицею относящееся), и затѣмъ перепечатано въ его извѣстномъ сборникѣ. Нечего и говорить, что эти письма должны быть переизданы здѣсь въ полномъ видѣ, безъ всякихъ пропусковъ.

Къ нимъ присоединяются отдѣльныя, случайно сохранившіяся письма нѣсколькихъ первенцевъ Лицея, какъ лицейской эпохи, такъ и позднѣйшей, а также ихъ гувернеровъ. Они попали въ собраніе Я. К. изъ разныхъ рукъ, и хоть нѣкоторая часть ихъ и была уже напечатана имъ, но здѣсь представляется не лишнимъ помѣстить всю эту маленькую коллекцію цѣликомъ.

Тѣсная дружеская связь большинства членовъ лицейской семьи I курса продолжалась, какъ извѣстно, и въ послѣдующія эпохи ихъ жизни и постоянно поддерживалась и согрѣвалась воспоминаніями о Лицеѣ, а главнѣйшимъ поводомъ для оживленія послѣднихъ были ежегодныя лицейскія собранія въ день основанія Лицея, 19 октября. Этотъ день съ его дружеской сходкой и бесѣдами связывалъ до конца дней многихъ товарищей. Онъ поддерживалъ отчасти и ихъ взаимную переписку.

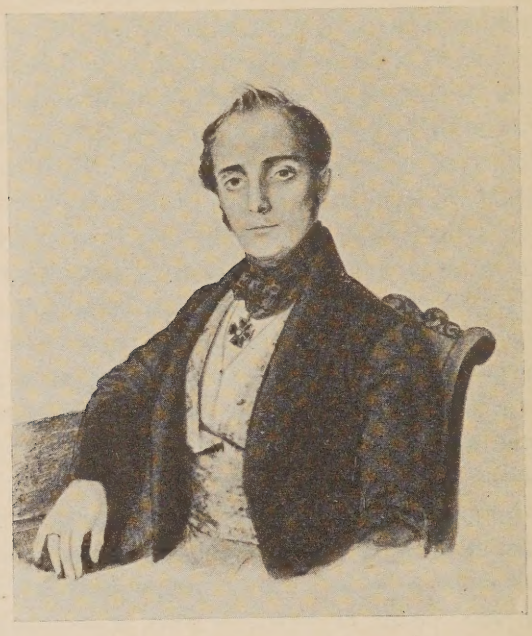
Нельзя не вспомнить еще того, что однимъ изъ живыхъ звеньевъ лицейской дружбы, восторженно относившимся къ идеѣ братства лицеистовъ и къ лицейскимъ преданіямъ, былъ старый директоръ

---

[1]) Также „Пушкинъ etc.“, стр. 75—78.

[2]) Тамъ же, стр. 281.

Лицея Е. А. Энгельгардтъ, состоявшій постоянно въ перепискѣ съ нѣкоторыми изъ лицейскихъ первенцевъ, напр., съ Ѳ. Ѳ. Матюшкинымъ, И. И. Пущинымъ и другими и поощрявшій переписку своихъ питомцевъ. Многія изъ этихъ писемъ были уже напечатаны [1]). Изъ нѣкоторыхъ были опубликованы отрывки [2]). Отмѣтить и дополнить здѣсь сохранившіеся обрывки этой переписки изъ бумагъ Я. К. будетъ, мнѣ кажется, вполнѣ умѣстно.



С. Д. Комовскій.
(1798—1880).

1. Записки и замѣтки.

Дневникъ С. Д. Комовскаго.

Къ числу товарищей Пушкина, которые, достигнувъ преклоннаго возраста, до конца съ горячимъ любовнымъ чувствомъ и благоговѣніемъ относились къ лицейской старинѣ и ко всему, что составляетъ ея славу, и которые сыграли замѣтную роль въ сохра-

---

[1]) О перепискѣ Энгельгардта съ Матюшкинымъ см. статью (рѣчь) Д. Ѳ. Кобеко, „Вѣстникъ всемірн. исторіи“, 1899 № 1, стр. 90—104.

[2]) См. нашу статью „Изъ лицейской старины. И. И. Пущинъ“, „Историч. Вѣстн.“, іюль 1905 г. и „Празднованіе лиц. годовщинъ“ (1910 г.).

неніи для потомства лицейскихъ преданій и реликвій, принадлежитъ и Сергѣй Дмитріевичъ Комовскій (рядомъ съ Пущинымъ, Яковлевымъ, Матюшкинымъ, Корфомъ). Посвятить ему здѣсь нѣсколько словъ будетъ поэтому вполнѣ кстати.

Запись самого Комовскаго въ его лицейской записной книжкѣ гласитъ: „Я родился въ 1798-мъ году въ концѣ царствованія Россійскаго Императора Павла I. 1-го іюля мое рожденіе, 5-го іюля мои имянины; 18-го октября 1811 года вступилъ я въ Лицей, на 13-мъ году отъ роду".

М. А. Корфъ въ своемъ дневникѣ за 1839 г., вспоминая Лицей и давая краткія свѣдѣнія о каждомъ изъ своихъ товарищей, выражается о Комовскомъ такъ: „добрый малый, отличный сынъ и братъ, и вѣрный, надежный пріятель" [1]).

По отзыву Я. К. Грота, „С. Д. Комовскій не занималъ особенно виднаго мѣста въ кругу лицеистовъ I-го курса, но изъ добрыхъ его отношеній къ товарищамъ, обнаруживающихся въ его перепискѣ съ ними, можно заключить, что это былъ человѣкъ вполнѣ достойный уваженія". Съ отзывомъ Корфа вполнѣ согласуется то, что писалъ какъ-то (въ 1872 г.) Комовскому, въ отвѣтъ на его письмо, другой его товарищъ И. В. Малиновскій: „какой ты христіанской души человѣкъ, а еще столичный: помнишь усопшихъ! Ты у меня первый по нравственно-христіанскому направленію изъ насъ четырехъ Богомъ хранимыхъ" [2]). Всѣ эти согласныя показанія о душевныхъ и нравственныхъ достоинствахъ Комовскаго, о его вѣрности въ дружбѣ и вытекавшей изъ религіозности моральной высотѣ его души подтверждаются тѣми еще юношескими настроеніями и стремленіями къ нравственному самосовершенствованію, о которыхъ онъ чистосердечно повѣствуетъ въ ниже печатаемомъ „Дневникѣ" [3]).

Скромностью и непритязательностью Комовскаго вѣроятно отчасти объясняется и скромность его карьеры—при очень хорошихъ способностяхъ и связяхъ. По словамъ М. А. Корфа, „числясь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія (въ департаментѣ народнаго просвѣщенія), онъ служилъ сперва въ разныхъ временныхъ Комитетахъ, Комиссіяхъ и проч., а теперь (въ 1839 г.) правителемъ

---

[1]) „Русская Старина", 1904, іюль, стр. 552.

[2]) См. это письмо ниже. Кромѣ себя и К., Малиновскій разумѣетъ здѣсь еще Матюшкина и Корфа.

[3]) Такимъ образомъ совершенно ничѣмъ не оправдывается пренебрежительное отношеніе къ К-му П. А. Ефремова и бросающее тѣнь на него подозрѣніе, высказанное Ефремовымъ, о поддѣлкѣ К-имъ Пушкинскихъ стиховъ съ упоминаніемъ о немъ (изд. С. Пушкина, Ефремова 1905, т. VIII, стр. 223), о чемъ рѣчь еще ниже.

канцеляріи въ Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, или по-просту секретаремъ въ Смольномъ монастырѣ". Позже онъ состоялъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, а, кажется, уже въ 50-хъ годахъ оставилъ службу, дослужившись до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Онъ пережилъ всѣхъ своихъ товарищей, кромѣ одного (Горчакова), и умеръ на 83-мъ году жизни 8 іюля 1880 г., доживъ до знаменательнаго дня открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, къ чему относился съ энтузіазмомъ, хотя по болѣзни и не могъ уже присутствовать на торжествѣ [1]).

Съ Пушкинымъ Комовскій не былъ особенно близокъ въ Лицеѣ, но бывъ въ добромъ знакомствѣ съ нѣкоторыми изъ его ближайшихъ друзей, а также съ Павлищевыми (семействомъ сестры поэта), онъ послѣ Лицея, повидимому, нерѣдко встрѣчался съ поэтомъ.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ А. П. Кернъ (Маркова-Виноградская), разсказывающая, что въ зиму 1827—28 г. „Пушкинъ по вечерамъ бывалъ у Дельвига, гдѣ собирались два раза въ недѣлю лицейскіе товарищи его", въ числѣ которыхъ она называетъ Яковлева, Комовскаго и Илличевскаго [2]). Въ запискахъ же Павлищева Комовскій не разъ упоминается въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ домъ его родителей и встрѣчавшихся у нихъ съ Пушкинымъ [3]). Что Комовскій былъ близокъ къ семейству сестры поэта Ольги Сергѣевны, видно и изъ того, что, когда Анненковъ, собираясь писать біографію поэта и набросавъ рядъ вопросовъ о его жизни и о пребываніи въ Лицеѣ, сообщилъ ихъ зятю Пушкина, Н. И. Павлищеву, послѣдній обратился за отвѣтомъ на нихъ именно къ С. Д. Комовскому. По этому-то поводу С. Д. и написалъ свою извѣстную записку о Пушкинѣ въ Лицеѣ, которую давалъ затѣмъ на просмотръ другимъ товарищамъ: Корфу, Яковлеву и Корнилову.

Л. Н. Майковъ, называя эти воспоминанія Комовскаго—„простыми, непритязательными разсказами стараго товарища, небольшого мастера писать, да и никогда не находившагося въ особенно короткихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ" (разумѣя лицейское время), справедливо отмѣчаетъ, что Комовскій (какъ и Яковлевъ) говоритъ о Пушкинѣ съ нѣжностью, свидѣтельствующею, что оба они питали къ нему неподдѣльное сердечное расположеніе". Нѣтъ никакого

---

[1]) См. ниже его письмо къ Ѳ. П. Корнилову.

[2]) Л. Майковъ „Пушкинъ" (сборникъ) Спб. 1899, стр. 253.

[3]) Л. Павлищевъ „Воспоминанія о Пушкинѣ", Москва, 1890, стр. 34, 72, 263. Однакожъ совершенно произвольно и ложно утвержденіе Ефремова (С. Пушкинъ, т. VIII, 223), будто „Комовскій выставленъ въ запискахъ Павлищева чуть ли не самымъ близкимъ къ поэту изъ всѣхъ его товарищей". Ничего подобнаго тамъ нѣтъ.

основанія думать, чтобъ и со стороны поэта не было взаимнаго сочувствія къ Комовскому, хоть и нѣтъ на то прямыхъ указаній, такъ что тенденціозное подчеркиваніе отсутствія такихъ указаній со стороны П. А. Ефремова является совершенно необоснованнымъ и несправедливымъ [1]).

---

[1]) Эта выходка была сдѣлана по слѣдующему поводу: Отецъ мой въ своей книжкѣ („Пушкинъ“ etc., стр. 280), отмѣчая, что Пушкинъ въ своихъ стихахъ только разъ упоминаетъ объ этомъ товарищѣ, приводитъ переданную ему Комовскимъ (съ другими бумагами) копію Пушкинскаго восьмистишія съ надписью на ней К—го: „Стихи эти доставлены мнѣ отъ служившаго при генералѣ Инзовѣ штабъ-офицера Алексѣева, на квартирѣ коего жилъ нашъ поэтъ во время ссылки его на югъ“. Вотъ эти стихи:

„Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной,
Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Графъ *Брольо* былъ отважнѣе, сильнѣе,
Комовскій же—проворнѣе, хитрѣе.
Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой.
Гдѣ вы, лѣта забавы молодой!...“

Я. К. высказалъ при этомъ правдоподобную догадку, что строфа эта, повидимому, предназначалась въ пьесу „19 октября“. П. А. Ефремовъ старается отвергнуть эту догадку указаніемъ на происхожденіе этихъ стиховъ: почти дословно первые четыре стиха (слѣдовательно—безъ упоминанія о Брогльо и Комовскомъ) встрѣчаются въ знаменитой „Гавриліадѣ“ въ изображеніи борьбы добраго духа со злымъ (гдѣ не разъ авторъ обращается къ воспоминаніямъ школьныхъ лѣтъ),—пьесѣ, которая была, по словамъ Ефремова, написана въ Кишиневѣ (въ 1822 г.), гдѣ съ Пушкинымъ состоялъ при генералѣ Инзовѣ и Алексѣевъ, такъ что передача стиховъ черезъ Алексѣева является вполнѣ естественной. Это мѣсто въ „Гавриліадѣ“ читается такъ:

„Не правда ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
Оставя классъ, играли мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой“.

Но Ефремовъ, почему-то очень неблагосклонный къ Комовскому, высказываетъ ни на чемъ не основанное предположеніе, что Комовскій (о которомъ де поэтъ *ни разу* нигдѣ не упоминаетъ), „желая самъ пополнить умолчаніе о немъ Пушкина“, *замѣнилъ* борющихся духовъ именами Брольо и своимъ, и, слѣдовательно поддѣлалъ стихи Пушкина... Къ сожалѣнію, эту неблаговидную для К—го догадку о „сочинительствѣ“ его, въ тонѣ утвержденія, повторилъ и комментаторъ стиховъ 19-го октября 1825 г. въ изд. Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова (т. III, стр. 574). Между тѣмъ Ефремовъ не правъ уже потому, что тутъ нѣтъ никакой *замѣны* ибо всѣхъ 4-хъ стиховъ съ именами Брогльо и Комовскаго вовсе нѣтъ въ „Гавриліадѣ“, а они явно составляютъ одно цѣлое съ первыми 4-мя и принадлежатъ тому же автору, естественно вспомнившему эпизодъ школьной забавы

Во всякомъ случаѣ, имя Комовскаго останется на всегда связаннымъ съ исторіей собиранія и разработки матеріаловъ какъ по біографіи великаго поэта, такъ и по описанію жизни и быта первоначальнаго Лицея.

Въ Лицеѣ Комовскій учился очень хорошо и былъ вообще на отличномъ счету. Въ сохранившейся въ бумагахъ Я. К. „Табели, составленной изъ вѣдомостей объ успѣхахъ, прилежаніи и дарованіяхъ воспитанниковъ Императорскаго Лицея (съ 19 марта по ноябрь 1812 г.), отзывы о Комовскомъ по всѣмъ предметамъ самые лестные, а въ графѣ „по нравственной части“ находимъ такую характеристику: „весьма благонравенъ, скроменъ, чувствителенъ, послушенъ, любопытенъ, проворенъ [1]), но остороженъ при всей живости“. Съ этимъ довольно близко сходится приведенная въ книгѣ Я. К. Грота аттестація его изъ записокъ гувернера Чирикова, относящаяся къ слѣдующему 1813 году (30 сентября): „Благонравенъ, искрененъ, чувствителенъ, вѣжливъ, ревностненъ къ своей пользѣ, пристрастенъ ко всѣмъ гимнастическимъ упражненіямъ [2]). Любопытство, чистота, опрятность, бережливость и насмѣшливость суть особенныя его свойства“. Указаніе на это послѣднее свойство навѣрно вспомнится читателю при чтеніи дневника С. Д.

Судя по сохранившимся обрывкамъ переписки Комовскаго съ его товарищами и гувернерами,—онъ былъ любимъ и тѣми и другими. По собственному его свидѣтельству (см. Дневникъ), онъ былъ любимцемъ гувернера Чирикова. Разумѣется, у мальчика и потомъ юноши Комовскаго были свои недостатки и отрицательныя черты, которыя были отмѣчены въ лицейской средѣ, но которыя однако же не мѣшали всѣмъ цѣнить и любить его. Изъ протоколовъ „лицейскихъ годовщинъ“, сохранившихъ намъ лицейскія прозвища Пушкина и нѣкоторыхъ его товарищей, мы уже знаемъ, что прозвище Комовскаго была „смола“ и „лиса“. Самъ Комовскій подтверждаетъ это въ своемъ дневникѣ, говоря, что главные его „пороки“ были „насмѣшка и охота привязываться“, за что товарищи на него „сердились и давали разныя непріятныя прозвища (смола, лисичка и проч.)“; за его наклонность морализировать и направлять товарищей на

въ Лицеѣ. Редакція, присланная Комовскому,—просто варіантъ, не попавшій по понятнымъ соображеніямъ въ извѣстный текстъ „Гавриліады“.

Нечего и говорить, что заподозрѣваніе Комовскаго въ такомъ неблаговидномъ поступкѣ, какъ поддѣлка стиховъ Пушкина,— рѣшительно не вяжется съ благороднымъ характеромъ его и съ тѣмъ нравственнымъ обликомъ, въ какомъ онъ является въ отзывахъ современниковъ.

[1]) Невольно вспоминаешь въ вышеупомянутыхъ стихахъ Пушкина о борьбѣ на „розовомъ полѣ“ слова „Комовскій же проворнѣе, хитрѣе“.

[2]) Борьба съ Брогльо.

путь истинный иногда посредствомъ конфиденцій передъ особенно любившимъ его гувернеромъ, они обзывали его „фискаломъ“, какъ онъ самъ чистосердечно разсказываетъ. Но все это, повторяемъ, не мѣшало имъ отдавать должное преобладавшимъ въ немъ добрымъ качествамъ и сохранять дружескія съ нимъ отношенія.

Отъ Комовскаго-то, бережно хранившаго остатки лицейской старины, отецъ мой и получилъ нѣкоторыя бумаги своего собранія [1]) Вотъ что читаемъ объ этотъ въ „Дополненіяхъ“ къ его сборнику [2]): „На лицейскомъ обѣдѣ 1875 года и потомъ, незадолго передъ смертью, онъ передалъ мнѣ небольшое собраніе бумагъ, относящихся къ старинѣ Царскосельскаго лицея. Тутъ я нашелъ между прочимъ тетрадку дневника, веденнаго имъ въ годы воспитанія. Въ этихъ запискахъ онъ является молодымъ человѣкомъ (вѣрнѣе: юношей) добросовѣстнымъ, набожнымъ, искренно стремящимся къ самоусовершенствованію“...

Этотъ дневникъ или его отрывокъ за мѣсяцъ 1815 года (съ 14 марта по 18 апрѣля), веденный авторомъ еще въ духѣ старой сентиментальной литературной школы, не внося въ наши свѣдѣнія ничего особенно новаго въ фактическомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ любопытенъ, какъ единственный связный отрывокъ повседневной хроники лицейской жизни за Пушкинское время, съ ея мелкими интересными и злобами дня, освѣщающій обстановку, ученическій бытъ и отношенія на первомъ курсѣ Лицея,—правда за очень краткій періодъ времени,—но несомнѣнно типичные вообще для послѣдняго. При чтеніи дневника живо рисуются не только внутреннее моральное настроеніе и душевные порывы писавшаго, но и рядъ живыхъ картинокъ изъ товарищескаго быта первенцевъ Лицея.

Здѣсь находимъ и описаніе мальчишескихъ шалостей, увлеченій и предосудительныхъ забавъ, въ родѣ денежной азартной игры; здѣсь рядомъ съ благотворнымъ вліяніемъ добрыхъ наставниковъ и взаимной идеальной дружбы—встрѣчаешь и указаніе на дурное вліяніе иныхъ товарищей; здѣсь находимъ характеристику одного изъ питомцевъ (Корфа) въ первую эпоху его лицейскаго воспитанія и характеристику умершаго (какъ разъ въ тѣ же дни предшествовавшаго 1814 г.) перваго любимаго директора Лицея Малиновскаго; здѣсь наконецъ вскользь отмѣчается рядъ чертъ изъ обыденной жизни и занятій воспитанниковъ. Однимъ словомъ, при всей своей субъективности, а также однообразіи и сравнительной скудости

---

[1]) Напр., кромѣ Дневника его и разныхъ писемъ, къ нему писанныхъ, извѣстныя письма И. И. Пущина къ Энгельгардту (изъ Ялуторовска), некрологическую замѣтку о франц. учителѣ Будри и проч.

[2]) „Пушкинъ etc.“, стр. 281.

фактическаго содержанія, дневникъ этотъ все-же заслуживаетъ полнаго вниманія бытописателей Царскосельскаго лицея.

Журналъ или ежедневные поступки, начиная отъ 14 марта 1815-го года.

С(ергѣя) К(омовскаго (писано имъ самимъ) [1]).

1815 годъ.

14-е марта. (День причащенія).

Праздность есть мать *всѣхъ* пороковъ. Какъ жестоко испыталъ я нынѣ несомнѣнную сію истину, которая уже съ давнихъ временъ употребляется пословицею.

По принятіи святыхъ Таинъ Христовыхъ, коихъ божественный огнь, свергнувъ съ меня ужасное иго грѣховъ, поселилъ въ сердцѣ моемъ непонятную тишину и спокойствіе, послѣ сего быстро пролетѣло время въ чтеніи душеспасительныхъ св. книгъ, и звонкій колоколъ зоветъ уже къ обѣду. Послѣ же стола, вмѣсто того, чт бъ подобнымъ образомъ заняться полезнымъ и вмѣстѣ пріятнымъ чтеніемъ, пошелъ я къ С. Г. Ч. [2])

О! еслибъ я могъ предвидѣть будущность, еслибъ могъ знать какъ проведу я тамъ время, то вѣрно бы не пошелъ къ нему.— Съ самаго моего прихода началъ я съ нимъ, какъ обыкновенно, сперва шутить, потомъ мѣшать ему рисовать, наконецъ болѣе и болѣе къ нему приставая, несмотря на кроткія его увѣщанія, несмотря на все его терпѣніе, довелъ дѣло до того, что оно изъ шутки превратилось въ серіозное. С. Г., оказывавшій мнѣ до того времени удивительную благосклонность, которой я вовсе не заслуживалъ, видя, что поступки мои становятся уже несносными, запретилъ мнѣ никогда не ходить къ нему въ комнату и объявилъ, что больше не будетъ мнѣ дѣлать никакихъ удовольствій.

Сколь ни чувствительны были для меня сіи его угрозы, но, подстрекаемъ будучи самолюбіемъ, никакъ я не хотѣлъ перестать; такъ что, проведя битыхъ три часа единственно досаждая какъ можно болѣе С. Г—у, наконецъ я самъ себѣ опротивѣлъ. Съ досадою хлопнулъ я дверью и поспѣшно вышелъ изъ комнаты, въ то время

---

[1]) Маленькая тетрадка въ 8-ку плотной синеватой бумаги; текстъ занимаетъ 24 листка (48 стр.) съ полями, на которыхъ выставлены числа. 6 послѣднихъ листковъ чистыхъ. Обложка тетрадки изъ той же бумаги: на передней—приведенный здѣсь заголовокъ.

[2]) Чириковъ, учитель рисованія и гувернеръ, коего я былъ любимцемъ. *Прим. автора.*

какъ ужъ скоро надлежало идти къ ужину. Тутъ въ самыхъ гнусныхъ краскахъ представились мнѣ мерзкіе мои поступки, которыми я очернилъ тотъ день, который долженъ быть блаженнѣйшій въ жизни.

Тутъ начала сильно угрызать меня совѣсть, повсюду представлялся мнѣ С. Г., котораго я такъ обидѣлъ. Пришедъ въ мою комнату, въ безпамятствѣ палъ я на колѣни предъ образомъ Спасителя, съ воплемъ и слезами умолялъ я Его милосердіе,—но раскаяніе мое было уже поздно: я не достоинъ былъ того, чтобъ Всевышній внялъ мольбѣ моей; съ скукою и съ несносною пустотою въ сердцѣ пошелъ я спать.

15-е марта.

Будучи въ такомъ разстроенномъ положеніи, не могъ я скоро заснуть. Различные непріятные сны безпрестанно раздирали мою душу. По прошествіи сей ужасной для меня ночи справедливое Божье наказаніе явно обнаружилось. Съ самаго моего пробужденія почувствовалъ я ужасную головную боль и ломъ въ вискахъ. Но, зная, что это было наказаніе Небесное, съ покорностью повиновался я святой волѣ Всевышняго, и для того безъ ропота, а терпѣливо старался я перенесть посланныя мнѣ отъ Бога болѣзни. Между тѣмъ, узнавъ изъ собственнаго своего опыта, сколь пагубна праздность и какія вредныя слѣдствія влечетъ она за собою, провелъ я сей день уже съ большею осторожностью, нежели ему предшествовавшій и отъ того съ гораздо спокойнѣйшею совѣстью легъ я спать.

16-е марта.

Хотя я эту ночь довольно хорошо провелъ, однако боль нимало у меня не уменьшалась. Впрочемъ день сей прошелъ то въ классическихъ упражненіяхъ, то въ собственныхъ занятіяхъ. Но и тутъ, Боже! сколь часто не впадалъ я въ прегрѣшенія! Во время молитвы, когда наиболѣе надлежало вознести мысль и сердце къ престолу Твоему, вмѣсто того вниманіе мое обращено было вовсе на другіе неважные предметы. Какъ часто скучалъ я въ классахъ, сердился на нихъ, и самыми колкими насмѣшками уязвлялъ своихъ товарищей. Ты, Спаситель мой, Ты терпѣлъ ужасныя страданія и даже смерть, и терпѣлъ невинно — единственно чтобъ кровію своею искупить родъ человѣческій: и я, недостойный называться вѣрнымъ рабомъ Твоимъ, я, не только не воздавалъ за зло добромъ, но и малѣйшей обиды не могъ снести безъ отмщенія и не уступалъ другому ни самой маловажной вещи. Чувствую всѣ мои прегрѣшенія, чувствую сколь они гнусны, но я слабъ и не въ состояніи противиться страстямъ, меня увлекающимъ,—вѣтръ преклоняетъ къ землѣ гибкую трость.

Но на неизреченное милосердіе Твое уповаю, Боже! Вонми

гласу моленія моего: истреби во мнѣ сѣмена пороковъ; но просвѣти разумъ мой въ святой истинѣ, водвори въ сердцѣ моемъ твердую и непоколебимую къ Тебѣ любовь, вѣру и почтеніе, и направи поступки мои на путь истинной добродѣтели.

17-е марта.

Какъ сильна бываетъ недостойная любовъ къ суетному міру! Нынѣ узнавъ, что одинъ довольно мнѣ знакомый молодой человѣкъ, жившій прежде въ шумномъ свѣтѣ, вступилъ въ духовное званіе: Ахъ! бѣдный человѣкъ, подумалъ я; какъ? перемѣнить ту живость, которая одушевляетъ свѣтъ, тѣ удовольствія, забавы, которыя соединены съ свѣтскою жизнью, —все это перемѣнить на жизнь уединенную, единообразную, и отъ того унылую и скучную!—О, безумный! какъ могъ ты такъ разсуждать! Боже, прости моимъ заблужденіямъ. Что можетъ быть, напротивъ того, для человѣка блаженнѣе того состоянія, какъ когда онъ, удалясь отъ мірскихъ суетъ, посвящаетъ всю жизнь свою на служеніе единому Богу; когда онъ, какъ добрый пастырь, старается лишь о благѣ стада, ему самимъ Христомъ ввѣреннаго. Какихъ пропастей, коварствомъ и злобою поставленныхъ ему въ свѣтѣ, избѣгнулъ онъ удаленіемъ отъ онаго.

Ароматные цвѣты, украшавшіе раскинутыя для уловленія его сѣти, могли бъ его плѣнить—и тогда бъ испилъ онъ ядъ изъ позлащеннаго сосуда, испилъ и погибъ бы невозвратно. О, Боже мой, слава Тебѣ, яко просвѣтилъ разумъ мой; я позналъ теперь истину и сердечно раскаиваюсь въ моихъ прежнихъ заблужденіяхъ. Какъ счастливъ, думаю я теперь, какъ счастливъ тотъ, который посвятилъ себя Богу и святой Церкви Его; участь его должна быть предметомъ болѣе зависти, нежели сожалѣнія.

18 марта.

Послѣднія ночи провелъ уже я спокойно, не чувствуя никакой болѣе боли. Занимаясь какъ можно болѣе, хотя я и не впадалъ въ такія прегрѣшенія, какъ прежде, однако насмѣшка и охота привязываться—сіи главные два мои порока, несмотря на все мое стараніе, и нынѣ еще не совсѣмъ меня оставили. Сіи худыя склонности были часто причиною, что товарищи иные на меня сердились и давали мнѣ различныя непріятныя прозвища (смола, лисичка и проч.) [1]).

19 марта, 20, 21 марта.

Я имѣлъ во все это время весьма много дѣла; ибо профессора наши безпрестанно задавали, особливо переписывать; одна эта переписка занимала весьма много времени, и занимала его самымъ

---

[1]) Эти слова въ скобкахъ приписаны позже. *К. Г.*

скучнымъ образомъ[1]). Кромѣ того, еженедѣльная письменная переписка съ домомъ, чтеніе вѣдомостей и всѣхъ почти тогда издаваемыхъ журналовъ, кои мы получали, также прогулка и разныя веселыя и вмѣстѣ невинныя забавы—вотъ въ чемъ протекло остальное время этихъ трехъ дней. Но упражняясь въ сихъ невинныхъ занятіяхъ, не могъ я совершенно сохранить чистоты ихъ, покоривъ худыя склонности внушенію разума.

Какое желаніе посмѣяться надъ товарищемъ, представивъ въ самомъ колкомъ видѣ какія-нибудь его неловкости и маловажные недостатки! Какая мстительность, неуступчивость и непризнательность въ худыхъ поступкахъ! Иногда приходилъ я въ церковь для того, чтобъ посмотрѣть народъ, тамъ находящійся, и натуральнымъ образомъ вниманіе мое, вмѣсто того, чтобъ обратиться на то, что читалось, разсматривало прилежно разнообразіе въ лицахъ, пестроту одеждъ, фигуру и проч. и проч. и такимъ образомъ занималось совершенно другими предметами, нежели каковымъ долженствовало оно заниматься. Если когда и прилежно стоялъ я за молитвою, то это было или для того, чтобъ обратить на себя всеобщее вниманіе, или искреннее раскаяніе побуждало меня къ тому.

Если кто-нибудь требовалъ отъ меня небольшого одолженія, то всегда почти показывалъ я сперва неудовольствіе, отказываясь недосугомъ, или даже неимѣніемъ требуемой вещи, или другимъ какимъ-нибудь препятствіемъ, и тогда какъ онъ, не надѣясь уже отъ меня получить, начиналъ удаляться, тогда только, раскаясь, призывалъ я его обратно, и то только съ условіями и уговорами ссулялъ его желаемою вещью—и какое жъ было это одолженіе?—самое маловажное и нестоющее никакого труда; но и это дѣлалъ я ему такъ, что онъ лучше бъ желалъ вовсе отъ меня ничего не получить, нежели получить, но съ такими скучными условіями. Боже! сколько пороковъ, сколько недостатковъ вижу я во мнѣ! Искорени ихъ Всемощною силою Твоею навсегда изъ сердца моего.

22 марта.

Чѣмъ болѣе я въ себя вхожу, чѣмъ болѣе проникаю я въ глубину сердца моего и разсматриваю многочисленные изгибы его, тѣмъ болѣе открываю въ себѣ различныхъ погрѣшностей, которыхъ безъ Твоей, Всевышній! помощи, я не могу самъ исправить. Одинъ только вѣрный, искренній другъ, другъ добродѣтельный, стремящійся всегда твердою стопою по стезѣ священнаго закона Божія, одинъ только подобный другъ можетъ умягчить сердце, исправить худыя

---

[1]) За неимѣніемъ печатныхъ курсовъ, лицеисты должны были списывать записки преподавателей. Бар. Корфъ жалуется на этотъ методъ по поводу курса Куницына (см. Гротъ, „Пушкинъ“, стр. 228). *К. Г.*

склонности и совершенно преобразовать человѣка. Но гдѣ можемъ мы найти лучшаго друга, какъ не посреди тѣхъ, съ коими мы учимся, играемъ и забавляемся, — словомъ, посреди милыхъ товарищей счастливой юности нашей. Проводя съ ними часы, дни, мѣсяцы и цѣлые годы, видя поступки ихъ во всевозможныхъ встрѣчающихся обстоятельствахъ, видя ихъ склонности и навыки, недостатки, потребности и вмѣстѣ хорошія свойства, видя и примѣчая все это, мы легко и съ вѣрностью познаемъ ихъ настоящій характеръ, ихъ душу и сердце. Ахъ! и мое сердце наслаждалось нѣкогда сладостями счастливой дружбы, и я имѣлъ друга въ М. К. [1]). Это было въ первомъ году моего въ Лицеѣ пребыванія. Получивъ особенную и непримѣтнымъ образомъ одинъ къ другому привязанность, долгое время испытывали мы другъ друга, не знавъ еще взаимнаго расположенія. Между тѣмъ невинная страсть сія болѣе и болѣе воспламенялась въ юныхъ сердцахъ нашихъ, и мы, наконецъ, (об)изъяснились въ тайныхъ, но одинаковыхъ мысляхъ нашихъ и заключили вѣчный союзъ дружбы.

Съ сего времени судьба моя сплелась съ судьбою К., всѣ радости сдѣлались для меня вдвое пріятнѣе, и всѣ горести гораздо сноснѣе. Тутъ уже ни на минуту не разставались мы другъ съ другомъ; каждая мысль, каждое даже намѣреніе было уже извѣстно другому. Его кроткій нравъ, его чистосердечіе, откровенность, чувствительность, простота, нѣжность и особливо невинность восхищали меня счастливымъ симъ выборомъ. Черты лица его были пріятны; какая-то откровенность, простота и невинность изображалась на ономъ. Подобно свѣтлому ручью, сквозь чистую воду коего можно видѣть все дно онаго, такъ чиста была душа его.

Бывъ четыре года въ такомъ училищѣ [2]), гдѣ были всякаго рода дѣти, я зналъ всѣ опасности, предстоящія молодому неопытному юношѣ, когда онъ находится въ кругу другихъ, какъ добрыхъ, такъ и худыхъ дѣтей. Посему я всячески старался сохранить въ немъ безпорочность нрава и предостеречь его отъ пропастей, могущихъ ему встрѣтиться; онъ же съ своей стороны истреблялъ во мнѣ худыя склонности и переселялъ, такъ сказать, хорошія свои качества изъ своего въ мое сердце. Такимъ образомъ счастье мое, казалось, утвердилось навсегда, я блаженствовалъ и почиталъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Всѣ находили удивительное сходство въ нашихъ нравахъ. Товарищи завидовали счастливой дружбѣ нашей и въ шутку называли насъ Дамономъ и Питіасомъ; но

---

[1]) Бар. М. А. Корфъ. *Примѣч. С. К.*

[2]) Къ сожалѣнію не знаемъ, гдѣ учился Комовскій до Лицея. *К. Г.*

счастье непостоянно, и неожиданный переворотъ въ судьбѣ моей имѣлъ великое вліяніе на мой характеръ.

К., какъ я уже прежде сказывалъ, имѣлъ пріятную физіономію, и это отчасти было причиною всѣхъ моихъ несчастій. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей, особливо И. П. [1]), съ которымъ я долго былъ за сіе въ ссорѣ, начали говорить ему о красотѣ лица его, потомъ допускать неблагопристойныя насчетъ сего слова, и наконецъ дерзость и безстыдство ихъ простерлись до того, что они стали говорить ему о такихъ вещахъ, отъ коихъ могла пострадать сама его невинность. Онъ же, по природной своей простотѣ, истинно по простотѣ, не понимая рѣчей хитрыхъ сихъ обольстителей, принималъ ихъ благосклонно. Видя приближающуюся опасность, видя громовую тучу, сгущающуюся надъ главою неопытнаго друга моего, я употребилъ всевозможныя средства, чтобъ отклонить отъ него сіи бѣдствія. Тутъ представилъ я ему всѣ горестныя слѣдствія, могущія отъ того послѣдовать, просилъ, умолялъ для собственнаго его счастья не внимать болѣе симъ сладкимъ но растворенным въ ядѣ похваламъ льстецовъ.

Сначала послушался онъ дружескимъ совѣтамъ моимъ и старался избѣгать опасныхъ сихъ разговоровъ, но самолюбіе, сія пагубная слабость, ослѣпляющая не только юношей, но даже самыхъ опытныхъ мужей,—самолюбіе обольстило его. Неблагопристойныя шутки казались ему невинными. Лестныя насчетъ лица его похвалы были для него пріятнѣе сухихъ, но справедливыхъ увѣщаній истинно любящаго его друга, и тогда какъ я въ объятіяхъ нѣжной дружбы начиналъ уже блаженствовать, тогда тотъ, который былъ сердцу моему драгоцѣннѣйшій въ свѣтѣ предметъ, которому я всѣмъ готовъ былъ пожертвовать, тотъ, наконецъ, котораго я мыслилъ имѣть вѣрнѣйшимъ до гроба другомъ, не объявя мнѣ никакой причины, оставилъ меня оплакивать горькую мою участь. Всѣ сладкія сіи мечты мгновенно исчезли, какъ сонъ, изъ моего воображенія. Я плакалъ, я вылъ, но слезы мои лились вотще; онъ не внималъ моимъ воплямъ и страданіямъ. О, неблагодарное человѣчество, восклицалъ я въ отчаяніи: о, суетный міръ! и самое счастіе въ тебѣ мгновенно и не надежно!

Долго разбиралъ я безпристрастно свои поступки, дабы отыскать, не подалъ ли я какъ-нибудь самъ тому поводъ; но не нашедъ, я сталъ думать, за что мнѣ приняться. За презрѣніе отплатить ли презрѣніемъ?—Я не въ состояніи былъ это сдѣлать; священная искра дружбы, возженная однажды въ моемъ сердцѣ, не могла такъ скоро потухнуть. Итакъ, я рѣшился терпѣть и мол-

[1]) И. И. Пущинъ. *Примѣч. С. К.*

чать.—Иной, чтобы избѣжать несноснаго взгляда измѣнившаго ему друга, удаляется въ густую рощу и тамъ подъ тѣнью древесъ или при лунномъ сіяніи, сидя на берегу томно катящагося ручья, наигрываетъ на лютнѣ—единственно оставшейся ему отрадѣ,—унылыя пѣсни отчаяннаго друга. Другой цѣлый день бѣгаетъ по стремнинамъ или взбирается на крутизны высокихъ горъ, а ночью скрывается въ ущельяхъ скалъ и тамъ оплакиваетъ свою горькую судьбу. Онъ лучше желаетъ претерпѣть голодъ, мразъ и другія физическія нужды, нежели чтобъ видѣть виновника всѣхъ золъ своихъ. А я, несчастный, я и этой не могъ имѣть отрады. Ихъ мучило одно лишь невольное воспоминаніе сладкихъ протекшихъ дней; а я, я принужденъ былъ терпѣть ежедневное съ нимъ свиданіе, видѣть, какъ гнусные люди всѣми средствами стараются его развратить, видѣть острый мечъ, висящій на одномъ волоскѣ надъ главою его, видѣть всю пропасть бѣдствій, въ которую онъ повергается, и, не въ состояніи будучи его спасти, молить только о томъ Всевышняго и—терзаться. Отъ сего иногда случалось, что я, встрѣтясь съ К. глазами, приходилъ въ замѣшательство и краснѣлъ; товарищи смѣялись надъ моимъ смущеніемъ; но еслибъ они знали, сколь я его прежде любилъ и что привязанность сія еще не простыла въ сердцѣ моемъ, то бы они не смѣялись, а болѣе сожалѣть стали обо мнѣ. Но я никому не открывался въ внутреннемъ моемъ къ нему расположеніи, и холодное его со мной обхожденіе приписывалъ болѣе его развратителямъ, нежели ему; и потому первыхъ только ненавидѣлъ, а о семъ послѣднемъ сожалѣлъ.

Такъ протекли около двухъ лѣтъ, какъ мы ни слова не говорили другъ съ другомъ. Наконецъ, нынѣшняго года предъ исповѣдью просилъ я его забыть прошедшее, и мы опять стали разговаривать между собою; но уже не такъ, какъ во время нашей дружбы, когда мы всѣ душевныя наши тайны повѣряли одинъ другому, а такъ, какъ товарищи разговариваютъ просто между собою. Сегодня (22 марта) вечеромъ, когда уже мы спать ложились, нечаянно я встрѣтился съ нимъ и онъ мнѣ сказалъ, не знаю точно съ намѣреніемъ или безъ намѣренія: „прощай К.“. Слова сіи произнесены были съ такою дружескою нѣжностью, что я, легши въ постель, долго еще объ этомъ думалъ.

23-е марта.

Сегодня была панихида по директорѣ Васильѣ Ѳедоровичѣ Малиновскомъ, который скончался прошедшаго 1814 года въ этотъ день. Сіе привело мнѣ на память, какъ сей почтенный старецъ, проведшій благочестивую жизнь свою въ страхѣ Божіемъ и въ послѣдованіи священнаго закона Его, лежалъ на смертномъ одрѣ, благословляя и научая дѣтей своихъ въ той вѣрѣ и любви къ

Богу, которыми онъ самъ былъ одушевленъ. До самой послѣдней минуты его жизни сохранилъ онъ здравый умъ; до самой той минуты молился онъ о чадахъ своихъ, пока не преселился на тотъ прекраснѣйшій свѣтъ, дабы тамъ получить за дѣла свои вѣнецъ награды.

Дай, Боже, чтобъ и мнѣ, пріобщась пречистыхъ Тайнъ Твоихъ, такою спокойною и безмятежною смертію окончить житіе на бурномъ семъ свѣтѣ.

24-е и 25-е марта до 29-го и самое сіе число.

Нынѣ постъ, т. е. такое время, которое слабый смертный, не могущій и минуты провести, не согрѣшивъ дѣломъ или мыслію, старается провести самымъ лучшимъ, христіанскимъ образомъ.

Зная, что Спаситель нашъ, принесшій себя—невиннаго агнца—добровольно въ жертву для искупленія рода человѣческаго, и что 40 дней до страданія Своего провелъ Онъ въ молитвѣ и въ постѣ, зная все это, истинный христіанинъ вопервыхъ, въ воспоминаніе великихъ и неизреченныхъ милостей Христа, за насъ многогрѣшныхъ невинно пострадавшаго, такъ и для испрошенія отъ милосердой десницы Всевышняго прощенія всѣмъ проступкамъ, учиненнымъ въ теченіе цѣлаго года,—старается въ чистотѣ соблюсти сей самимъ Спасителемъ нашимъ установленный обрядъ. Конечно, не въ умерщвленіи плоти единственно состоитъ сей постъ, но и сіе самое весьма много содѣйствуетъ къ проведенію сего времени въ большемъ страхѣ и благоговѣніи къ Богу; ибо натуральнымъ образомъ человѣкъ, заботящійся единственно, какъ бы ему лучше поѣсть, да попить, можетъ ли обращать вниманіе на другіе важнѣйшіе предметы? Пресытившись сладкими яствами, онъ предается на лонѣ роскоши и нѣги праздности, а въ какія ужасныя пропасти ввергаетъ насъ праздность! Тутъ всякія худыя мысли овладѣютъ душою его, дьяволъ будетъ употреблять всевозможныя хитрости, дабы ввести его въ искушеніе, и всякая благая мысль будетъ бѣжать отъ него. Итакъ, постное яденіе, истощая наше тѣло, истребляетъ дьявольскія наущенія, приводитъ намъ на память страданія нашего Искупителя, возбуждаетъ въ насъ тѣмъ горячую любовь, вѣру и почтеніе ко Всевышнему и, наконецъ, заставляетъ помышлять о будущемъ и изслѣдовать свое поведеніе. Вникнувъ въ сердце наше, находимъ мы, колико гнусны наши поступки, и съ истинно раскаяннымъ сердцемъ обвинивъ себя, какъ недостойнаго отъ тяжести грѣховъ воззрѣть на высоту славы Бога нашего, но представивъ неизреченное Его милосердіе, даемъ обѣщаніе впредь вести себя осторожнѣе. Такимъ образомъ, исповѣдавъ служителю Христову всѣ свои прегрѣшенія, мы удостоиваемся причащенія пречистыхъ Таинъ Христовыхъ, сего Божественнаго дара, который снимаетъ съ насъ

тяжкое бремя грѣховъ и поселяетъ въ сердцѣ Ангельскую тишину и спокойствіе. Вотъ слабое изображеніе того, какъ долженъ истинный христіанинъ проводить постъ.

Какъ же я провожу сей постъ? Только развѣ недѣлю говѣнія велъ я себя нѣсколько осторожнѣе, а потомъ, несмотря на данное мною обѣщаніе, опять началъ я впадать въ прежнія, а можетъ быть и въ худшія еще прегрѣшенія. Странно! у насъ въ Лицеѣ бываютъ такія времена, въ которыя почти всѣ мы, какъ-бы составляя одно физическое лицо, особенно на какой-нибудь предметъ обращаемъ все наше вниманіе. Предметы сіи бываютъ какъ хорошіе, такъ, къ несчастію, не рѣдко и худые. Такъ, напримѣръ, было нѣкогда время, когда дружба была особенно у насъ въ почтеніи; опять другое, когда мы всѣ почти, какъ-бы понуждаемы будучи какою-нибудь силою, стали другъ съ другомъ заниматься языками, особливо французскимъ и нѣмецкимъ. Сей мгновенный энтузіазмъ мало-по-малу ослабѣвалъ и, наконецъ, совершенно прошелъ. Теперь, не знаю точно, какой злобный духъ ввелъ у насъ денежную игру, и большая часть уже тайно играетъ въ деньги. Тутъ вижу я двухъ игроковъ; изъ нихъ каждый съ надеждою выиграть предается слѣпому случаю, и оба спѣшатъ въ какую-нибудь отдаленную комнату, дабы убѣжать страшныхъ для нихъ взоровъ начальства. Начинается игра и не пройдетъ часа, какъ уже одинъ совершенно обыгрался; первый предлагаетъ кончить, но онъ, надѣясь отыграться, разгоряченный проигрышемъ, продолжаетъ игру; но что жъ? сверхъ потери принесенныхъ имъ денегъ проигрываетъ еще столько въ долгъ. Съ досадою и негодованіемъ оставляетъ онъ мѣсто, сдѣлавшееся ему столь отвратительнымъ, раскаивается въ потерѣ золотого времени, столь нужнаго для молодого человѣка; клянется оставить сію пагубную страсть, но ужъ поздно: потерянное время прошло невозвратно. Но другіе не умудряются его примѣромъ, приписывая все единственно его неискусству; желаютъ оное испытать по собственному опыту и устремляются въ ту же пропасть. Къ большому моему прискорбію между сими обольщенными премѣннымъ счастіемъ нахожу и преждебывшаго моего друга, къ которому дружба, несмотря на случившіяся перемѣны, не совсѣмъ еще во мнѣ потухла; вижу, какъ сей неопытный въ такихъ вещахъ юноша полагается на честность своего противника, и какъ сей хитрый игрокъ, воспользуясь такою его довѣренностью, плутовски его обманываетъ и наконецъ, обыгрываетъ; я вижу все это—и молчу, потому что не могу ему помочь. Иногда думалъ я черезъ кого-нибудь другого подать ему помощь, но кому могъ я поручить такое важное намѣреніе, когда уже за малѣйшій дружескій совѣтъ, который я какому-нибудь моему товарищу иногда давалъ, всѣ на меня сердились

и со всѣхъ сторонъ съ негодованіемъ и насмѣшкою кричали: „*ты что за гувернеръ?*“ Итакъ, мнѣ только оставалось сожалѣть о другѣ, просить помощи у Подателя всѣхъ благъ и ожидать счастливой перемѣны.

И меня хотѣли нѣкоторые недоброжелатели уговорить играть, и даже нѣкоторое внутреннее желаніе иногда меня къ тому подстрекало; однако, благодаря Всевышняго, я преодолѣлъ всѣ сіи льстивыя искушенія и тѣмъ избѣгнулъ угрожавшей мнѣ пропасти.

30 марта.

Хотя я побѣдилъ сію опасную страсть, однако же, сколько оставалось у меня непобѣжденныхъ! Если я не могъ не грѣшить дѣлами и поступками моими, то столь же трудно мнѣ довести себя до того, что бъ даже и мыслію никого не оскорблять: ибо предъ исполненіемъ какого-нибудь дѣла имѣемъ мы время хорошо его разобрать и обдумать, а мысль приходитъ мгновенно, нерѣдко вовсе противъ нашей воли и даже такъ, что мы не въ состояніи бываемъ отъ оной избавиться, какъ только съ особенною Божіею помощью.

Ихъ всего труднѣе и между тѣмъ всего болѣе должно истреблять, ибо отъ худой мысли не долго и до дѣла. О какъ часто грѣшилъ я мыслями, какъ часто думалъ я о другихъ худо, завидовалъ ихъ счастію, желалъ имъ всякое зло, осуждалъ ихъ и впадалъ во множество другихъ подобныхъ прегрѣшеній! Боже! пошли мнѣ средства избавиться отъ оныхъ и впредь вести себя исправнѣе!

31 марта и 1 апрѣля.

Пріятная весна ужъ наступила; вся природа, дремавшая дотолѣ въ глубокомъ снѣгу, начала оживляться; быстрые ручьи, свергнувъ съ себя тяжкое для нихъ бремя зимы, какъ бы радуясь возвращенной имъ свободѣ, съ шумомъ извиваются по долинѣ и благотворною струею орошаютъ зеленѣющіе берега. На деревьяхъ, покрытыхъ прежде бѣлымъ мхомъ, появляются зеленыя почки. Веселыя птички, прогнанныя грознымъ Бореемъ въ теплѣйшія страны, опять къ намъ прилетѣли и усладительные хоры ихъ опять уже раздаются въ рощахъ нашихъ. Уже болѣе не принуждены мы сидѣть по цѣлымъ днямъ, запершись дома. Теперь мы уже начинаемъ прогуливаться за городомъ, восхищаясь прелестными мѣстоположеніями. Вчера (31-го ч.), когда солнце, находясь уже на срединѣ своего теченія, благотворными лучами своими согрѣвало природу, когда вѣялъ пріятный зефиръ и умѣрялъ теплоту солнца, вчера въ первый разъ наступающаго лѣта увидѣлъ я жаворонка, вспорхнувшаго вверхъ. Я остановился, долго смотрѣлъ, какъ онъ, кружась надъ головой моею и насвистывая громкія радостныя пѣсни, выше и выше подымался вверхъ; наконецъ, онъ исчезъ и одинъ только его пріятный и звучный голосъ былъ еще слышенъ въ воздухѣ. Возвращаясь съ прогулки я увидѣлъ пестренькую бабочку,

которая, конечно, искала душистую розу, фіалку или лилію, но нигдѣ еще не находила ихъ. Сіи два прекрасныя зрѣлища привели мнѣ на память прошедшее весело проведенное лѣто, и я сгоралъ нетерпѣніемъ дождаться нынѣшняго. Какъ чисто весенняго дня небо, такъ да будетъ чиста душа моя. Разсматриваніе красотъ возобновляющейся природы да утвердитъ въ сердцѣ моемъ горячую любовь и вѣру къ Благому Творцу оныхъ!

Отъ 2-го до 6-го апрѣля.

Но погода перемѣнилась: солнце сокрылось подъ густыя тучи, сумракъ облекъ всю природу; сѣдые туманы, какъ водяные холмы, безпрестанно волновались — казалось, что опять настала осень, и мы принуждены были опять оставаться дома. Тутъ, удалясь отъ товарищей, сидѣлъ я гдѣ-нибудь въ углу или у печки и прилежно занимался заданными уроками или перепискою. Проведя такимъ образомъ вечеръ и сдѣлавъ во время онаго все, что предполагалъ, съ какимъ удовольствіемъ вкушалъ я потомъ пищу! какая отрада проливалась въ сердце мое! совѣсть моя была совершенно спокойна,— но что можетъ быть счастливѣе того положенія, когда человѣкъ доволенъ внутренно собою, т. е., когда совѣсть довольна его поступками. Но иногда, желая нѣсколько отдохнуть отъ трудовъ, я забывалъ и вмѣсто получаса проводилъ нѣсколько часовъ въ праздности, и отъ того нерѣдко впадалъ въ прегрѣшенія; насмѣшки и передразниваніе не оставляли меня, и симъ я часто навлекалъ на себя негодованіе прочихъ товарищей.

Отъ 6-го до 8-го ч.

Давно уже имѣлъ я охоту учиться на скрыпкѣ и уже годъ цѣлый бралъ довольно прилежно уроки, выучилъ нѣсколько пѣсенъ, дуэтовъ и почти всю первую часть Русалки; но когда трехгодичный экзаменъ приблизился, когда надлежало къ оному приготовиться, то по недостатку времени я началъ худо заниматься скрыпкою и наконецъ совершенно ее оставилъ, надѣясь зато послѣ экзамена тѣмъ съ большимъ прилежаніемъ за оную приняться. Туча, столь долго насъ устрашавшая, наконецъ, благополучно прошла; но несмотря на то времени было не болѣе, какъ и предъ испытаніемъ, ибо явились новыя науки, а съ ними новые и труды—и я пересталъ заниматься играніемъ на скрыпкѣ. Вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я болѣе въ руки ее не бралъ; однакожъ непреодолимое желаніе умѣть хорошо на ней играть — все еще во мнѣ сохранилось. Вчера (6-го) одинъ изъ товарищей моихъ [1]) игралъ на скрыпкѣ и пріятные звуки ея, поразивъ слухъ мой, возжгли преж-

---

[1]) Вѣроятно М. Л. Яковлевъ, большой музыкантъ, игравшій хорошо на скрипкѣ. *К. Г.*

нюю мою страсть. Мнѣ представилось, будто я, небрежно забросивъ на плечо голову, аккомпанирую любезной подругѣ, которая, сопровождая звуки гитары нѣжнымъ голосомъ, воспѣваетъ гимнъ Богу за ниспосланное благословеніе семейству ея и проситъ сохранить оному сіе безцѣнное счастіе. Между тѣмъ милыя малютки, забавляя насъ невинными своими играми, поперемѣнно цѣлуютъ то меня, то ее. Трогательное сіе зрѣлище, хотя было только мечтательное, но такъ разгорячило мое воображеніе, что я непремѣнно рѣшился, во что бы ни стало, выучиться хорошо, т. е. съ чувствами играть на скрыпкѣ и на другой же день болѣе часа занимался повтореніемъ прежнихъ пѣсенъ моихъ.

Отъ 8-го до 11-го апрѣля.

Дни эти протекли, какъ обыкновенно. Та же разсѣянность и то же невниманіе во время молитвы, которой продолжительность, вмѣсто того, чтобъ, какъ бесѣда съ Богомъ, (должна) быть весьма пріятною, иногда мнѣ наскучала. Несмотря на то, что я сколько можно старался вести себя осторожно, насмѣшки и привязчивость не совсѣмъ меня оставляли. Пренебреженіе ко всему священному, неблагодарность, грубость и дерзкіе разговоры съ начальниками, надменность, тщеславіе, раболѣпство, лесть, подлое обхожденіе и стремленіе ко всему худому, и множество подобныхъ пороковъ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей вселяли въ меня такія худыя мысли и намѣренія, отъ коихъ нерѣдко я съ трудомъ только могъ освободиться.

Иногда раздраженъ будучи сими гнусными поступками, я выходилъ изъ себя и бранился съ виновниками оныхъ; но увѣщанія отъ товарища не могутъ произвести никакого хорошаго послѣдствія; они только раздражаютъ надменность и безразсудное самолюбіе. Итакъ я прибѣгалъ иногда къ помощи начальства, особливо открывался я во всемъ столь меня любящему гувернеру [1]) и за сіе называли меня ябедникомъ, фискаломъ и проч. Но пустыя слова сіи нимало меня не огорчали, понелику я дѣлалъ сіе единственно для ихъ собственной пользы и вмѣстѣ для общей; ибо худое поведеніе нѣкоторыхъ, какъ нѣкая язва, заражала и прочія, прежде невинныя, сердца.

11-го апрѣля.

Ввечеру сегодня вдругъ получаю я совсѣмъ неожиданно два письма, одно изъ дому, а другое отъ дядюшки П. П. Въ семъ послѣднемъ, изобразивъ, какъ необходимъ въ его возрастѣ вѣрный другъ и какъ давно уже онъ ищетъ такового, онъ, наконецъ, говоритъ, что никого не находилъ достойнѣе меня и требуетъ на то моего согласія.

---

[1]) т. е. С. Г. Чирикову. *К. Г.*

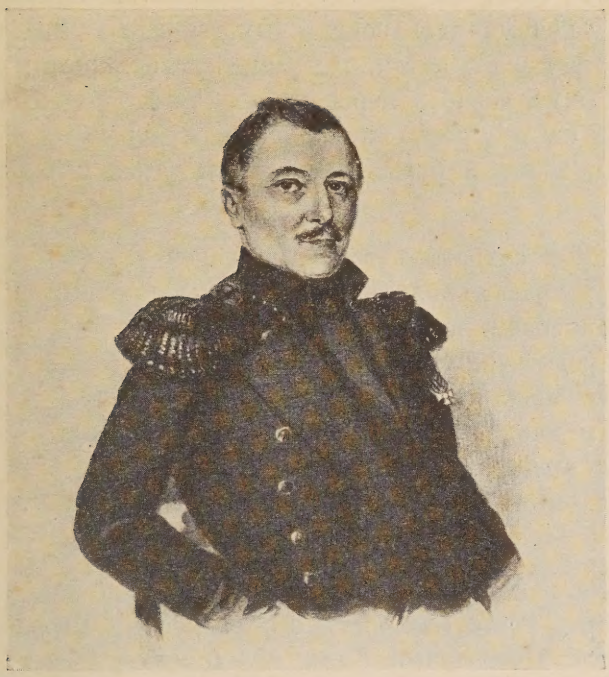
Прочитавъ письмо, не въ малое пришелъ я замѣшательство, ибо пламя дружбы къ М. К. [1]), возженное однажды въ сердцѣ моемъ, не совсѣмъ еще потухло. Долго думалъ о семъ нечаянномъ предложеніи и, наконецъ, написалъ ему письмо, въ которомъ чувствительно его благодарилъ за предлагаемую мнѣ честь и обѣщался хорошимъ поведеніемъ содѣлаться оной достойнымъ. Не знаю, какъ еще сіе приметъ. Конечно, для меня лестно и великое было бы счастіе имѣть его своимъ другомъ; но въ моихъ обстоятельствахъ я не могъ иначе поступить.

Отъ 12-го до 18-го апрѣля.

И даже въ сіи трогательные дни, въ кои нѣкогда Спаситель нашъ ужасныя претерпѣвалъ муки и даже смерть, дабы своею невинною смертію искупить грѣхами удрученный родъ человѣческій и дабы самимъ даже его мучителямъ доставить вѣчную блаженную жизнь, и въ сіи самые дни, говорю, когда читаются понесенныя имъ за насъ страданія, когда и самыя тѣлеса усопшихъ возстали, камни распались и вся земля потряслася, я былъ еще безчувственнѣе сихъ неодушевленныхъ вещей. Вмѣсто того, чтобы, слушая съ величайшимъ вниманіемъ мученія Христовы и преклонивъ главу свою на перси, лить слезы истиннаго раскаянія, я половину слушалъ и то безъ особеннаго чувства и безъ малѣйшаго соучастія; половину же вовсе не слушалъ, думая совсѣмъ о другомъ. Боже, священнымъ огнемъ Твоимъ отогрѣй замерзлое сердце мое и даждь ми благополучно дождаться свѣтлаго дня Твоего воскресенія и провесть оный, равно какъ и прочіе дни моей жизни въ страхѣ и любви къ Тебѣ, Всесильный!—О, недостойный грѣшникъ! какъ дерзаешь ты еще вопіять о милосердіи!

---

[1]) Бар. М. Корфу. *К. Г.*



Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ.
(1799—1872).

Путевыя замѣтки Ѳ. Ѳ. Матюшкина.

Обстоятельныя свѣдѣнія о жизни и личности адмирала Матюшкина (род. 1799, ум. 1872 г.) сообщены Я. К. Гротомъ въ его извѣстной книжкѣ о Пушкинѣ и Лицеѣ [1]). Я. К., какъ и всѣ знавшіе Матюшкина, отзываются о немъ съ глубокой симпатіей. По его словамъ, „въ Матюшкинѣ не было ничего блестящаго: онъ былъ скроменъ, даже застѣнчивъ и обыкновенно молчаливъ, но при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ нельзя было не оцѣнить этой чистой, правдивой и теплой души“. Матюшкинъ, какъ и Яковлевъ, принадлежалъ къ числу ближайшихъ друзей Пушкина (особенно по выходѣ изъ Лицея), и не даромъ послѣдній посвятилъ ему двѣ такихъ задушевныхъ строфы въ своемъ знаменитомъ „19 октября 1825 г.“

[1]) „Пушкинъ“ etc., стр. 74—80, и 283.

„Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
Счастливый путь!... Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О, волнъ и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ".

Извѣстно, какъ страшно поразило Матюшкина неожиданная роковая смерть поэта (см. ниже его письмо къ Яковлеву)!

Въ Лицеѣ Матюшкинъ былъ на хорошемъ счету по ученію, и пользовался за свой нравъ и доброе сердце всеобщею любовью. Особенно тепло онъ былъ принятъ въ семьѣ директора Е. А. Энгельгардта, который помогъ своему любимцу, мечтавшему о морской службѣ, тотчасъ по выходѣ изъ Лицея попасть подъ команду адмирала В. М. Головнина, отправлявшагося въ кругосвѣтное путешествіе. Во время своихъ странствій до самаго поселенія въ Петербургѣ (1849 г.) Матюшкинъ состоялъ въ оживленной перепискѣ съ Энгельгардтомъ [1]).

Когда въ 1817 г. лѣтомъ, вопросъ о его путешествіи былъ рѣшонъ, онъ изъ Царскаго Села, съѣздивъ за подорожной въ Петербургъ, отправился 2-го іюня въ Москву проститься съ своими семейными (мать его была классной дамой въ московскомъ Екатерининскомъ Институтѣ) и оттуда вернулся въ Царское въ концѣ мѣсяца. Объ этомъ-то путешествіи и сохранились печатаемыя здѣсь его черновыя замѣтки, которыя, быть можетъ, должны были стать началомъ записокъ, которыя онъ, какъ говоритъ преданіе, „собирался вести по совѣту и плану Пушкина" [2]).

---

[1]) Извлеченія изъ писемъ Энгельгардта см. въ статьѣ Д. Ѳ. Кобеко „Вѣстникъ Всемірной Исторіи" 1899, № 1, стр. 90—104.

[2]) Гротъ, „Пушкинъ" etc., стр. 77.

О передачѣ Матюшкинымъ передъ смертью своихъ лицейскихъ бумагъ, а въ томъ числѣ и этихъ замѣтокъ моему отцу, было уже разсказано выше.

О послѣдней болѣзни и кончинѣ Матюшкина 16 сентября 1872 г., см. ниже въ письмахъ Я. К. Грота и кн. Эристовой.

Путевыя замѣтки между Царскимъ селомъ и Москвою (1817 г.)

Это—черновая, сильно перемаранная поправками рукопись въ сшитой тетрадкѣ изъ грубой синей бумаги на 8 листкахъ, т. е. 16 страничкахъ — въ такой же оборванной обложкѣ, на заднемъ листикѣ которой имѣются какія-то морскія техническія (путевыя) записи Матюшкина, изъ чего можно заключить, что эти листки сопровождали его въ морскомъ странствіи.

Изъ Петербурга въ Москву.

Іюль.

Получивши достовѣрное извѣстіе о томъ, что я отправляюсь съ Василіемъ Михайловичемъ [1]) въ путешествіе, первое мое желаніе было ѣхать въ Москву проститься съ своими; поѣхавши въ Петербургъ за подорожной и отпускомъ и получивши оные, я пріѣхалъ въ Царское Село, откуда, поживши три дня у Егора Антоновича, отправился въ дорогу, прощаясь съ мѣстомъ, гдѣ я, можетъ быть, провелъ счастливѣйшее время моей жизни, гдѣ въ отдаленіи отъ родителей я вкушалъ всѣ пріятности сыновней любви, гдѣ будучи принятъ въ кругъ счастливѣйшаго семейства [2]), и я наслаждался его счастіемъ; прощаясь съ Егоромъ Антоновичемъ и его семействомъ, я не могъ удержаться отъ слезъ... Я не хотѣлъ оставить Царское Село, но оно скоро скрылось...

2-го Іюля.

Не знаю, что я чувствовалъ, когда я прибылъ въ Ижору. Хотя я ѣхалъ въ Москву, хотя я ѣхалъ къ любимой мною матери, которую не видалъ шесть долгихъ лѣтъ, но я не радовался: какая-то непонятная грусть тяготила меня: мнѣ казалось, что я оставляю Царское Село противъ воли, по принужденію.

Изъ Ижоры я спѣшилъ какъ можно скорѣе, чтобы (признаюсь) мнѣ не возвратиться назадъ.

Только-что я выѣхалъ изъ Ижоры, какъ слышу за собою го-

---

[1]) Головнинымъ. *К. Г.*

[2]) Т. е. директора Е. А. Энгельгардта. *К. Г.*

лось; я велѣлъ остановиться, оглядываюсь и вижу сѣдого старика, бѣгущаго по большой дорогѣ; прибѣжавши, бросился онъ на колѣни и со слезами на глазахъ просилъ меня взять его съ собою до слѣдующей станціи.

Имѣвъ подорожную на двухъ, я посадилъ его съ собою. Онъ мнѣ тотчасъ разсказалъ, что онъ отставной дьячекъ села Грузина, принадлежащаго графу Аракчееву, что онъ ходилъ въ Петербургъ кой-что закупить для попа. Потомъ старикъ было началъ мнѣ говорить про барина своего, его попа, попадью — сонъ уже смыкалъ мои вѣжды. Я слышалъ слова его и не понималъ ихъ; потомъ ихъ болѣе уже не слыхалъ... Не знаю, долго ли спалъ я, но пробужденіе мое было очень непріятно: толчокъ чуть не выбросилъ меня изъ телѣги. Я просыпался и мнѣ казалось, что я вижу сонъ. На быстрой тройкѣ несусь лѣтомъ по обширной безпредѣльной дорогѣ, не вижу предмета, къ коему стремлюсь, — безъизвѣстность вездѣ. Подлѣ меня лежалъ старецъ въ глубокомъ снѣ. Ты дремлешь разсудокъ! Удаляюсь отъ своего счастія, я бѣгу отъ тебя! Проснись, проснись, разсудокъ, что ты дѣлаешь? Но уже поздно, — счастіе невозвратно! я долженъ удалиться. Слезы у меня катились изъ глазъ, и я къ ужасу своему увидѣлъ, что это не сонъ, но истина.

Пріѣхавъ въ Тосну, я пошелъ къ станціонному смотрителю прописать подорожную и заказать что-нибудь, чтобъ утолить голодъ. Тамъ я засталъ офицера [1]), который велъ команду солдатъ Тарутинскаго полка изъ Петербурга въ Москву. Я предложилъ ему чашку чаю; онъ принялъ ее. Поговоривъ съ нимъ часикъ - другой, я хотѣлъ проститься и ѣхать дальше, но онъ мнѣ предложилъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, а свою повозку оставить. Я согласился, но такъ какъ я обѣщался довезти старика до Грузина, то далъ ему впередъ прогонныя деньги, а самъ сѣлъ въ телѣжку съ офицеромъ.

3-го Іюля, вечеромъ мы прибыли въ Новогородъ. Новогородская мостовая, безпокойный экипажъ меня такъ измучили, что я не зналъ, продолжать ли мнѣ дорогу или нѣтъ. Я думалъ уже простоять въ Новѣгородѣ одинъ день, посмотрѣть городъ столь славный въ древности и потомъ уже пуститься далѣе. Но короткое время отпуска, совѣтъ моего товарища и, наконецъ, случай, открывшійся намъ ѣхать водою, принудилъ меня оставить мое намѣреніе и ѣхать изъ Новогорода, не видавши его. Мы отправились на двухъ лодкахъ, сначала черезъ быстрый Волховъ, потомъ Новогородскимъ каналомъ и, наконецъ, рѣкою Мстою. Прекрасная лунная ночь! Послѣ паля-

---

[1]) Его имя я узналъ уже въ Москвѣ, такъ какъ и онъ мое при прощаніи: его зовутъ Римской-Корсаковъ, поручикъ Тарутинскаго полка. *Ѳ. М.*

щаго жара, который продолжался во весь день, прохлада ночная была намъ весьма пріятна; тихое и покойное плаваніе оправило наши ослабѣвшіе члены, пѣсельники пѣли заунывныя и веселыя пѣсни попеременно, и непримѣтнымъ образомъ мы пристали къ слѣдующей станціи.

Такъ какъ я ѣхалъ въ первый разъ на повозкѣ, то и ѣхалъ весьма тихо; почти каждую ночь я останавливался отдыхать и только на 6-й день мы прибыли въ послѣднюю станцію отъ Москвы— въ Черную Грязь. Черезъ два часа открылась златоглавая Москва; вскорѣ мы услышали благовѣстъ къ вечернѣ, я смотрю—и я уже у Тверской заставы. Завтра или даже сегодня я увижу дражайшую свою родительницу.

Изъ Москвы въ Царское Село.

Съ 26 на 27 ночью я уѣхалъ изъ Москвы, пріѣхалъ къ заставѣ: зазвенѣли колокольчики, и я вечеромъ въ Торжкѣ. Вотъ я уже 227 верстъ отъ Москвы. Мелькали мимо меня мѣстечки, города, а мнѣ казалось, что я все еще въ Москвѣ!

Въ Торжкѣ, городѣ, извѣстномъ по своимъ кожевеннымъ и сафьяннымъ заводамъ, я былъ принужденъ остановиться, потому что не было лошадей. На другой день вмѣстѣ съ зарею я отправился опять на барской тройкѣ и въ полдень я остановился на одной станціи, чтобы подкрѣпить силы свои. Вошедъ въ одну крестьянскую избу, чтобы что нибудь закусить (у станціоннаго смотрителя ничего не было), я увидѣлъ, что крестьяне сидѣли за столомъ; я къ нимъ подсѣлъ — и съ довольно большимъ аппетитомъ помогъ имъ опростать миску со вкусными щами; окончивши нашъ обѣдъ, хозяева попотчивали меня земляникою со сливками. Когда я хотѣлъ выйти, мнѣ попался въ дверяхъ крестьянинъ; онъ остановилъ меня, перекрестился, послѣ обратился ко мнѣ и началъ говорить невнятнымъ и дрожащимъ голосомъ.

Я сначала думалъ, что онъ пьянъ, но слова моего хозяина, который его уговаривалъ, просилъ, чтобъ онъ молился Богу, наконецъ отчаянный видъ вошедшаго заставили меня обратить на его слова вниманіе. Я не все могъ понять: онъ говорилъ отрывисто и несвязно, но все что я слышалъ, было то, что будто бы, ѣхавши въ Ригу съ однимъ чиновникомъ (онъ называлъ его секретарскимъ сыномъ), онъ его въ лѣсу заживо зарылъ въ землю. Голосъ, видъ его, подробности, съ которыми онъ злодѣяніе сіе разсказывалъ, изображали отчаяніе и раскаяніе. „Иванъ, помолись Богу! Иванъ помолись, — Богъ взмилуется!“ слышны были въ избѣ. Наконецъ

хозяинъ мой взялъ его за руку, привелъ его къ образу Спасителя и, ставъ на колѣна, началъ вслухъ молиться; они молились съ полъчаса, но вдругъ несчастный всталъ, бросился изъ дверей, — крестьянинъ за нимъ: что тамъ было, я не знаю, но когда я расплатился, то вышелъ и увидѣлъ страдальца въ самомъ ужасномъ положеніи: онъ лежалъ на сырой землѣ, глаза у него закатились, изъ рта течетъ руда (черная кровь), въ ужасныхъ конвульсіяхъ онъ кидался во всѣ стороны, стоналъ, какъ будто бы издаетъ послѣднее издыханіе. Я возвратился въ избу, чтобъ что-нибудь о немъ узнать; тамъ была одна хозяйка и вотъ что она мнѣ объ немъ сказала: „Иванъ былъ нашимъ сосѣдомъ и очень добрый и смышленый мужикъ, но пять лѣтъ тому назадъ въ него вселился нечистый духъ; онъ прошлое лѣто ходилъ въ Москву на поклоненіе, но ему это не помогло“. „Бывалъ ли онъ въ Ригѣ“?—„Нѣтъ, онъ далѣе 30 верстъ отсюда не отлучался“.—„Какъ же онъ говоритъ объ Ригѣ, вѣдь онъ грамоты не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ?“— „Вѣстимо такъ, батюшка, но это — нечистая сила въ немъ говоритъ“.

Лошади были запряжены, мнѣ нельзя было ее долѣе разспрашивать... Въ станціи Ранино я имѣлъ удовольствіе увидать одного изъ старыхъ своихъ товарищей, Маслова; онъ выѣхалъ 24 часами прежде меня изъ Москвы. Мы ѣхали нѣсколько станцій вмѣстѣ; но въ Бронницахъ онъ получилъ прежде меня лошадей и такимъ образомъ мы разстались. Мнѣ запрягли послѣ, и очень худыхъ: я видѣлъ, что мнѣ не проѣхать на нихъ и половины дороги — нечего дѣлать, надобно отъ нихъ какъ-нибудь избавиться. Къ счастію, ночевали по близости цыгане; первому мнѣ встрѣтившемуся я сунулъ полтину въ руки, и онъ подошелъ къ извозчику, пророческимъ голосомъ ему объявилъ, что если онъ сегодня поѣдетъ, то одна лошадь у него падетъ — и ямщикъ, коего не могли убѣдить ни побои, ни деньги, послушался пустыхъ словъ цыгана: онъ тотчасъ распрягъ телѣгу и нанялъ за себя тройку.

Между тѣмъ какъ ее запрягали, подошелъ ко мнѣ старикъ, показываетъ на десятилѣтняго мальчишку и проситъ, чтобъ я его поберегъ. Я его сначала не понялъ, но послѣ увидѣлъ, что онъ его посылаетъ въ первый разъ — со мной; благословивши его въ дорогу, онъ его сажаетъ на сѣтку, подаетъ возжи и, ударивъ самъ въ первый разъ лошадей кнутомъ, провожаетъ его изъ деревни глазами. Между тѣмъ парнишка мой храбрится на козлахъ, покрикиваетъ и пощелкиваетъ, какъ будто старый ямщикъ, лошади несутся по гладкой, прямой дорогѣ. — „Нѣтъ ли проселочной дороги?“ — „Есть мимо монастыря св. Саввы“.—„Ступай по ней!“ Онъ тотчасъ своротилъ съ большой дороги прямо въ дубовый лѣсъ;

съ полчаса скакали по пнямъ и кочкамъ и, наконецъ, выѣхали къ монастырю св. Саввы; тамъ переправились черезъ рѣку, ѣдемъ далѣе, болѣе въ траву и, наконецъ — мы въ болотѣ! Вездѣ кругомъ густая болотная трава. Лошади пыхтятъ, тонутъ въ болотѣ, колеса увязли,—ихъ уже не видно, и мы почти что (не) плывемъ. „Куда ты заѣхалъ?“ —„Я, баринъ, здѣсь никогда не бывалъ“.—„Зачѣмъ же сюда ѣхалъ?“—„Да вѣдь надобно же когда-нибудь побывать: по большой дорогѣ я ѣзжалъ съ отцомъ“.—Потомъ вставъ на сѣтку, началъ немилосердымъ образомъ бить лошадей: онѣ были хороши и сильны, и черезъ два часа мы выѣхали опять на чистую дорогу.

Вскорѣ я догналъ Маслова, перегналъ его и двумя днями ранѣе его, 30-го, увидѣлъ Царское Село.

Городъ лежитъ на горѣ: всѣ улицы, всѣ дома видны. Мнѣ казалось, что я давно тамъ не былъ. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на высокіе златоглавые церковные купола, на бѣлые красивые домики, искалъ глазами тотъ, гдѣ живетъ мой благодѣтель, мой наставникъ, гдѣ живетъ его любезное семейство, нашелъ его—и не могъ спустить глазъ съ него. . .

Я забылъ Москву, когда увидѣлъ Царское Село...

---

2. Переписка первенцевъ лицея.

Среди сохранившихся обрывковъ этой переписки безспорно самое важное и исключительное мѣсто занимаютъ давно уже обнародованныя Я. К. Гротомъ, хотя и не въ полномъ видѣ, а въ значительныхъ и существенныхъ извлеченіяхъ, лицейскія письма одного изъ товарищей Пушкина А. Д. Илличевскаго, къ его бывшему гимназическому товарищу и другу П. Н. Фуссу (извѣстному впослѣдствіи ученому, непремѣнному секретарю Академіи Наукъ).

Издавая здѣсь, впервые цѣликомъ и безъ всякихъ пропусковъ этотъ любопытный историко-бытовой матеріалъ, я не могу не сказать хоть нѣсколькихъ словъ объ авторѣ писемъ, отсылая читателя для болѣе подробнаго ознакомленія съ нимъ, его ролью и его личностью къ трудамъ прежнихъ бытописателей Лицея, между прочимъ къ спеціальному о немъ этюду Н. О. Лернера въ Венгеровскомъ изданіи Пушкина [1]).

Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій (южно-русскаго происхожденія), сынъ томскаго губернатора, родился въ 1798 г., слѣдовательно былъ немногимъ старше Пушкина, и умеръ 6 октября 1837 г.,

---

[1]) Т. I, стр. 414—428.

т. е. переживъ поэта всего на 8 мѣсяцевъ. Внѣшняя фактическая біографія Илличевскаго намъ мало извѣстна. По окончаніи Лицея онъ уѣхалъ на службу въ Сибирь, къ своему отцу (будучи причисленъ къ почтовому вѣдомству), а потомъ перешелъ къ сибирскому генералъ-губернатору. Но съ начала 20-хъ годовъ мы уже видимъ его опять въ Петербургѣ, на службѣ въ Министерствѣ Финансовъ [1]), въ кружкѣ Пушкина, Дельвига, Баратынскаго, Соболевскаго, кн. Вяземскаго. Съ Дельвигомъ онъ повидимому былъ ближе, но съ Пушкинымъ въ эту эпоху у него уже не было прежней лицейской близости. Онъ восторженно чтилъ вмѣстѣ съ старыми товарищами лицейскую старину, постоянно участвовалъ въ лицейскихъ собраніяхъ 19-го октября, какъ живой и насмѣшливо-остроумный собесѣдникъ, сочинялъ стихи, экспромпты и эпиграммы. Но въ серіозномъ литературномъ отношеніи онъ не успѣлъ заявить себя ничѣмъ значительнымъ [2]), никакихъ крупныхъ дарованій не обнаружилъ, и несмотря на надежды, которыя подавалъ въ Лицеѣ, оказался такъ сказать „пустоцвѣтомъ“. Между тѣмъ, слава Пушкина (съ которымъ онъ нѣкогда соперничалъ), какъ безподобнаго поэтическаго генія, ярко уже блистала, и эта поразительная разность въ ихъ положеніяхъ и духовномъ значеніи, быть можетъ, должна была отразиться и на ихъ отношеніяхъ, по крайней мѣрѣ со стороны Илличевскаго. Впрочемъ, Илличевскій, кажется, ни съ кѣмъ не былъ въ тѣсной дружбѣ, чему причиной былъ повидимому его характеръ; на это указываетъ отзывъ о немъ его товарища бар. М. А. Корфа, который, при всей его обычной рѣзкости и преувеличеніи, заслуживаетъ все-же въ общемъ довѣрія.

Въ своихъ отзывахъ о товарищахъ, помѣщенныхъ въ дневникѣ его (за 1839 г.), бар. Корфъ такъ характеризуетъ Илличевскаго: „Еще въ Лицеѣ онъ показывалъ явно желчный и завистливый характеръ, который послѣ отразился во всей его жизни и отравилъ ее для него самого. Съ острымъ умомъ, съ большимъ дарованіемъ въ эпиграммѣ, онъ писывалъ прежде много стиховъ, но хотя при смерти его (въ 1837 г.) въ журналахъ назвали его „извѣстнымъ нашимъ литераторомъ“, однако, извѣстность эта умерла вмѣстѣ съ нимъ. Онъ служилъ сперва въ Министерствѣ Финансовъ, потомъ долго жилъ въ отставкѣ и путешествовалъ за границею, и нако-

[1]) Онъ умеръ въ должности начальника отдѣленія тогдашняго департамента государственныхъ имуществъ.

[2]) Лишь въ 1827 г., т. е. 10 лѣтъ по выходѣ изъ Лицея и за 10 лѣтъ до кончины, Иллючевскій издалъ томикъ своихъ избранныхъ мелкихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Опыты въ антологическомъ родѣ“, не стоящіе выше посредственности. См. о нихъ Н. Лернеръ въ указанномъ очеркѣ.

нецъ вступилъ опять въ Министерство Финансовъ, въ которомъ и умеръ начальникомъ отдѣленія. Какъ собесѣдникъ, онъ былъ чрезвычайно пріятенъ, но друзей не имѣлъ: подозрительный и себялюбивый характеръ удалилъ его отъ всякаго сердечнаго сближенія" [1]).

Однакожъ, вопреки мнѣнія Корфа, „извѣстность" Илличевскаго (хотя правда, и не литературная) не умерла вмѣстѣ съ нимъ, и она не умретъ и въ будущемъ, такъ какъ она не основывается ни на его дѣйствительно незначительной жизненной карьерѣ, ни на его болѣе чѣмъ скромномъ вкладѣ въ нашу литературу, а всецѣло на связи его имени съ именемъ Пушкина [2]), на его роли въ кругу лицейскихъ товарищей поэта и въ лицейскомъ періодѣ развитія послѣдняго, наконецъ на значеніи тѣхъ важныхъ письменныхъ и художественныхъ свидѣтельствъ о жизни въ Лицеѣ, которыя, выйдя изъ-подъ пера этого рано развившагося умственно юноши, сохранились къ счастью для потомства.

Илличевскій въ Лицеѣ и Илличевскій въ жизни — это какъ будто два разныхъ лица, и насколько послѣдній мало для насъ интересенъ и не внушаетъ особеннаго сочувствія, настолько первый возбуждаетъ къ себѣ интересъ и симпатію. Искреннія и простодушныя лицейскія посланія его къ другу, какъ и лицейское его стихотворное острословіе и талантливые рисунки-карикатуры, при всемъ ихъ ребяческомъ характерѣ, для насъ столь же важны и цѣнны, сколь мало интересны и не значительны всѣ его послѣдующіе литературные „опыты". И надо сказать правду: что и безотносительно все, чѣмъ проявилъ себя Илличевскій въ стѣнахъ Лицея и что сохранилось отъ него, дѣйствительно должно было возбуждать извѣстныя надежды на расцвѣтъ и производительность его все-же недюжинныхъ способностей въ будущемъ, и мы даже склонны думать, что въ этомъ полномъ неоправданіи ожиданій отчасти виноваты и обстоятельства и условія жизни, въ которыя былъ поставленъ Илличевскій послѣ Лицея... При иныхъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, изъ его хотя-бы посредственнаго дарованія могло бы выйти что-нибудь болѣе значительное.

Илличевскій въ Лицеѣ (прозвище его у товарищей было „Олосенька" — уменьшительное отъ Алексѣя) принадлежалъ къ лучшимъ, „превосходнымъ" ученикамъ и удостоивался отъ профессоровъ самыхъ похвальныхъ аттестацій, что явно свидѣтельствуетъ о его способностяхъ. Но уже въ этихъ лицейскихъ аттестаціяхъ отмѣчаются нѣкоторыя шероховатости въ его нравѣ и характерѣ.

Вотъ, напримѣръ, отзывъ о его успѣхахъ по нѣсколькимъ

---

[1]) Русская Старина, 1904 г., іюнь, стр. 554.

[2]) Вспомнимъ предсказаніе самого Илличевскаго, что „лучи славы его (Пушкина) будутъ отсвѣчиваться и въ его товарищахъ".

предметамъ и поведенію изъ цитованной уже табели вѣдомостей профессоровъ за 1812 г. (подписанной дир. Малиновскимъ):

Въ русскомъ и латинскомъ языкахъ:

Счастливыя способности, прилежаніе чрезвычайное и успѣхи отличные.

Въ логикѣ и нравственности:

Острое понятіе, отмѣнно успѣваетъ, но слишкомъ торопливъ.

Въ математикѣ: Судитъ основательно, но скоро, самонадеженъ. Успѣхи отличные.

Въ географіи и исторіи: Рѣдкихъ дарованій, особенно прилеженъ, судитъ здраво и основательно, успѣхи прекрасны.

Въ рисованіи: Великихъ дарованій, успѣхи превосходные.

По нравственной части: Довольно благонравенъ, остроуменъ, пылкаго воображенія, смѣлъ, рѣшителенъ, съ чувствомъ къ добродѣтели; но властолюбивъ и съ трудомъ подчиняется!

О дѣятельномъ участіи Илличевскаго въ литературныхъ упражненіяхъ лицеистовъ, о его любви къ стихотворству въ разныхъ родахъ, особенно въ сатирическомъ, о раннемъ соперничествѣ его съ Пушкинымъ, о его злыхъ эпиграммахъ и каррикатурахъ (онъ былъ отличный рисовальщикъ), которыми онъ украшалъ лицейскіе журналы, объ этомъ достаточно извѣстно, и ко всему этому мнѣ придется еще возвращаться по разнымъ поводамъ.

Здѣсь же на очереди стоятъ письма Илличевскаго къ его другу Фуссу. Значеніе этихъ живыхъ современныхъ свидѣтельствъ о лицейскомъ бытѣ и порядкахъ, о педагогахъ лицея и ихъ ученикахъ, о литературныхъ занятіяхъ, вкусахъ и настроеніяхъ въ средѣ питомцевъ I курса и пр. вполнѣ признано и оцѣнено, и излишне было бы распространяться о томъ.

П. Н. Фуссъ, къ которому обращены письма, сынъ непремѣннаго секретаря Академіи Наукъ Н. И. Фусса (впослѣдствіи самъ занявшій эту должность), былъ ученикомъ Петербургской гимназіи (нынѣ 2-й, что́ на Казанской ул.), гдѣ до Лицея учился и Илличевскій. Такъ возникла ихъ дружба, не прекращавшаяся и послѣ ихъ разлуки. Видимо она поддерживалась общими рано развитыми духовными интересами и любовью къ литературѣ. Илличевскій, надо думать, поступилъ въ Лицей уже съ порядочной подготовкой, и въ этомъ смыслѣ могъ имѣть вліяніе на товарищей. Въ письмахъ своихъ онъ обнаруживаетъ большую разсудительность, начитанность въ современной литературѣ, остроту сужденій и наблюдательность.

Моему отцу эти письма были переданы сыномъ П. Н. Фусса лицейскимъ воспитанникомъ Влад. Павл. Фуссомъ.

Письма Илличевскаго къ Фуссу [1]).

1812-й годъ.

I.

9 февраля (1812 г.).

За добрый твой привѣтъ, за лестное желаніе
Я приношу тебѣ сердечное признанье.
Благодарю тебя за то, что не забылъ
Того, кто такъ тебя, какъ друга, вѣкъ любилъ.
Прошу меня простить за долгое молчанье:
Но чтобъ проступокъ сей,
Толико дерзостный, загладить поскорѣй,
Пишу къ тебѣ, мой другъ, стихами я посланье.

Благодаря судьбу, здоровъ и веселъ я;
Ученіе-жъ меня совсѣмъ не отягчаетъ;
Вотъ только чѣмъ, мой другъ, прискорбна жизнь моя:
Разлука отъ меня любезныхъ отдѣляетъ.
Но, можетъ быть, смягчится рокъ,
И въ Петербургѣ я, средь празднаго досуга,
Увижу и родныхъ, и милый домъ, и друга.

Душевно радъ, что ты не одинокъ:
Что нѣкто есть къ тебѣ душою приближенный.
Желаю сердцемъ всѣмъ, чтобъ сей союзъ безцѣнный
Продлился—и тебѣ вѣкъ утѣшеньемъ былъ.
Ты пишешь, что и онъ прокладуетъ дорогу
На Пиндъ утесистый, къ стихотворенья богу,
Куда въ Гимназіи и я подчасъ ходилъ,
Куда и днесь хожу, но только что украдкой,
Ибо, сказать тишкомъ, намъ всѣмъ запрещено
Шутить съ Парнасскою, опасною лошадкой,
Которую сѣдлать еще намъ мудрено.

Ты счастливъ, что нашелъ себѣ въ Гимназьи друга,
Ты счастливъ! У меня жъ нѣтъ искреннихъ друзей:

---

[1]) Всѣ письма писаны на довольно толстой и грубой бумагѣ (б. ч. въ 4-ку) разнаго цвѣта: бѣлой, свѣтло-синей, желтоватой и сѣроватой и хорошо сохранились; почеркъ во всѣхъ четкій, но мѣняется значительно съ годами: крупный и дѣтскій въ 1812 г. (за 1813 г. нѣтъ вовсе писемъ), онъ обращается въ болѣе мелкій и твердый съ 1814—15 г. и по характеру приближается къ почерку Пушкина. Сходство ихъ во многихъ рукописныхъ наброскахъ порой такъ велико, что не легко для неопытнаго глаза различать ихъ автографы.—Сохраняемъ подстрочныя примѣчанія Я. К. Грота къ письмамъ. Первое письмо все—въ стихахъ.

Но есть пріятели, съ коими средь досуга,
Дѣлю часы забавъ и юности моей.

Пора ужъ перестать... но сдѣлай одолженье,
Товарищамъ отдать прошу мое почтенье:
Ахматову скажи ты отъ меня поклонъ;
Преплуту Ольхину мой выговоръ строжайшій,
Зачѣмъ писать ко мнѣ не хочетъ больше онъ;
А Фусу [1]) объяви почтеніе нижайше.

Что? Каково теперь въ Гимназіи у васъ?
Пиши, пожалуйста, ни мало не стыдясь.
Скажу же про себя—нѣтъ лучше, какъ въ Лицеѣ:
Учась съ прилежностью, ведя себя скромнѣе,
Бояться нечего: бѣда, напасть—пустякъ,
Счастливъ быть можетъ всякъ.
Увѣренъ будь всегда, мой другъ нелицемѣрный,
Что я тебя любить не перестану вѣрно,
И что писать къ тебѣ я буду средь досугъ.
Отвѣта жду—прощай! Я есмь твой вѣрный другъ

Алексѣй Илличевскій.

II.

18 февраля 1812 г.

Любезный другъ
Павелъ Николаевичъ!

Благодарю тебя душевно за твое пріятнѣйшее письмо: оно мнѣ принесло много удовольствія. Прошу тебя и впредь продолжать столь для меня пріятную переписку.

Напрасно ты думаешь, что у насъ въ Лицеѣ не слишкомъ хорошо: потому что не можешь видѣть всякую недѣлю своихъ родителей. Средь разлуки привыкнешь къ разлукѣ; да будто бы и нельзя совсѣмъ видѣть ихъ? Къ намъ пріѣзжаютъ наши родители довольно часто. Жаль мнѣ, любезный другъ, что ты не въ Лицеѣ. Ты вѣрно бы здѣсь былъ изъ самыхъ лучшихъ. Позволь затруднить тебя маленькой просьбой: пришли ко мнѣ мои басни: *Дубъ*

[1]) Вѣроятно, брату П. Н. Фусса Александру, о которомъ упомянуто ниже. *К. Г.*

и *Лисица вельможею* [1]) и поцѣлуй миленькихъ Виленьку, Егорушку и Сашеньку. Rendez de ma part mes plus profonds respects à M-me votre mère et M-r votre père.

Остаюсь твой вѣрный другъ
Алексѣй Илличевскій.

III.

25 марта (1812) г.

Любезный другъ
Павелъ Николаевичъ!

Письмо твое, отъ 12 марта, къ великому удовольствію я получилъ недавно, и приношу тебѣ чувствительную благодарность за то, что ты меня не оставляешь, подобно плуту-Ольхину, своими отвѣтами. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ получать письма отъ старинныхъ своихъ пріятелей, и при полученіи оныхъ воспоминать драгоцѣнныя минуты, проведенныя нѣкогда вмѣстѣ; по крайней мѣрѣ, я всегда держусь правила: ищи друзей, не забывай старинныхъ; Богъ знаетъ, милый другъ, что впредь случится, а что за плечами, то уже сбылось... Но полно! я, мнѣ кажется, наскучилъ тебѣ своей моралью.

Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ одного молодого человѣка, который, живши между лучшими стихотворцами, пріобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса (не правда ль тебѣ это послѣднее имя неизвѣстно?), и, читая мои прежніе стихи, вижу въ нихъ непростительныя ошибки. Хотя у насъ, правду сказать, запрещено сочинять, но мы съ нимъ пишемъ украдкою; по первой почтѣ постараюсь прислать тебѣ нѣсколько стихотвореній [2]).

Прошу засвидѣтельствовать нижайшее почтеніе мое Папенькѣ и Маменькѣ вашей и не забывать истинно тебя любящего друга.

Алексѣй Илличевскій.

---

[1]) Басня „Дубъ“ оказалась приложенною и печатается ниже съ другими стихотвореніями автора. Тамъ имѣется приписка: „Извини, другъ мой! другую пришлю послѣ: я ее хочу поправить; правда и эта не слишкомъ хороша. А И“. *К. Г.*

[2]) Ниже печатается еще нѣсколько оказавшихся при письмахъ стихотвореній Илличевскаго отъ 1812 г. *К. Г.*

минуты проведенныя нѣ-
когда вмѣстѣ; по крайней
мѣрѣ я всегда дѣлился пра-
вилом: игры друзей, не забывай
старинныхъ: богъ знаетъ, мы
ной фигуръ, что впредь случит-
ся, а что за плечами, то у-
же сбылось... Но полно! я,
мнѣ кажется, наскучилъ
тебѣ своей моралью. Что ка-
сается до моихъ стихотворе-
ческихъ занятiй, я въ нихъ
успѣлъ чрезвычайно, шибко
... одного моло-

дого человѣка, который жи-
лъ между лучшими стихо-
творцами приобрѣлъ мно-
го, въ поэзiи, знанiй и вкуса;
(неправда ль тебѣ это поѣ-
здка была неизвѣстна?) и, ви-
дѣвъ мои прежнiе стихи,
вижу въ нихъ непростительны-
ныя ошибки. Хотя у насъ,
правду сказать, запрещено
воспитывать, но мы съ нимъ
пишемъ украдкою: по вечер-
вой почти по старосвѣтски при-

IV.

26 апрѣля 1812 г.

Любезный другъ
Павелъ Николаевичъ!

Христосъ воскресе! Искренно поздравляю тебя съ праздникомъ Св. Пасхи и желаю всѣмъ сердцемъ быть тебѣ отнынѣ здорову и щастливу. Чувствительно жалѣю, другъ мой, что у тебя все еще болитъ рука: потому что это отнимаетъ у меня удовольствіе получать твои письма, а тебѣ мѣшаетъ въ успѣхахъ.

Ты пишешь, что у васъ въ Гимназіи все идетъ весьма хорошо; врядъ ли? Ты, я думаю, изъ пристрастія къ Миддендорфу [1]), въ этомъ меня увѣряешь! Что же касается до нашего Лицея, увѣряю тебя, нельзя быть лучше: учимся въ день только 7 часовъ, и то съ перемѣнами, которыя по часу продолжаются; на мѣстахъ никогда не сидимъ; кто хочетъ учится, кто хочетъ гуляетъ; уроки, сказать правду, не весьма велики; въ праздное время гуляемъ, а нынче жъ начинается лѣто: снѣгъ высохъ, трава показывается, и мы съ утра до вечера въ саду, который лучше всѣхъ лѣтнихъ петербургскихъ. Ведя себя скромно, учась прилежно, нечего бояться. Притомъ родители насъ посѣщаютъ довольно часто, а чѣмъ рѣже свиданіе, тѣмъ оно пріятнѣе. Скажу тебѣ новость: намъ позволили теперь сочинять, и мы начали періоды; вслѣдствіе чего посылаю тебѣ двѣ мои басни и желаю, чтобъ онѣ тебѣ понравились. Горчаковъ [2]) благодаритъ тебя за поклонъ, и хотѣлъ было писать, да ему некогда. Повѣришь ли? Этотъ человѣкъ учится съ утра до вечера, чтобъ быть первымъ ученикомъ, и, кажется, достигъ своего желанія.

Побрани, сдѣлай милость, *преплута* Ольхина (кажется, вы всѣ его такъ зовете), что онъ лѣнится пять строчекъ написать къ прежнему своему товарищу, и скажи Гижицкому, что его муза напрасно молчитъ. Засвидѣтельствуй мое нижайшее почтеніе Папенькѣ и Маменькѣ и поцѣлуй миленькихъ твоихъ братьевъ.

Остаюсь съ искреннимъ доброжелательствомъ и вѣрною дружбою

А. Илличевскій.

---

[1]) Тогдашнему инспектору гимназіи, который на дѣлѣ управлялъ заведеніемъ. Директоромъ былъ извѣстный, какъ цензоръ, Иванъ Осиповичъ Тимковскій. *Я. Г.*

[2]) Князь Ал. Мих. Горчаковъ, впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ, поступилъ въ Лицей также изъ гимназіи, какъ и нѣкоторые другіе воспитанники 1-го курса. Получилъ при выпускѣ изъ лицея вторую золотую медаль. *Я. Г.*

1814-й годъ.

V.

1юля 27 дня 1814 года
Царское Село.

Любезный другъ,
Павелъ Николаевичъ!

Странно, что, питая взаимно постоянную дружбу и ведя толь долго пріятную переписку, вдругъ оба мы замолкли. Прошелъ годъ — и я не получилъ отъ тебя ни одного слова. Обыкновенно дружба подобна огню, который не горитъ, не будучи раздуваемъ; ее истребляетъ долгое молчаніе; но мое чувство къ тебѣ никогда не истощится. Воспоминанія о тебѣ составляютъ пріятнѣйшія минуты въ моей жизни! Позволь же о тебѣ мыслить то же,—думать, что ты не позабылъ меня, и надѣяться, что примешь ты письмо сіе съ благосклонностью.

Въ теченіе тѣхъ трехъ лѣтъ, какъ я оставилъ Гимназію, мнѣ кажется, что она совершенно измѣнилась. Прежніе товарищи вышли, вступили новые, и ты, мой другъ, скоро оставишь оную. Отъ многихъ, въ томъ числѣ и отъ Матвѣева, который служитъ теперь въ правленіи нашего Лицея, слышалъ я, что ты перешелъ въ 7-й классъ. Желать тебѣ успѣховъ было бы съ моей стороны и не кстати и не-зачѣмъ: я увѣренъ и безъ того, что ты изъ первыхъ въ Гимназіи. Радуюсь, что тебѣ не много остается уже продолжать ученіе; но мой курсъ продолжится. . еще... еще... три года!—Хоть не радъ, да будь готовъ!

У насъ въ Царскомъ Селѣ завелось теперь новое училище подъ именемъ Пансіона при Императорскомъ Лицеѣ, гдѣ за каждаго воспитанника платятъ по 1000 рублей. Число ихъ простирается уже до 80, и всѣ они на казенномъ содержаніи [1]). Нельзя жаловаться на смотрѣніе, ни на ученіе; но содержаніе могло бы быть лучше. Отличнѣйшіе изъ нихъ будутъ поступать въ лицей: итакъ, разсуди самъ, какъ трудно теперь къ намъ попасть! Въ пансіонѣ много есть и изъ Гимназіи, именно: Романовскій, Бухаровъ, Рашетъ, Безаки, Черкасовъ... всѣхъ не могу вспомнить!

Каково ты проводишь время въ Петербургѣ? здоровъ ли ты? прошла ли у тебя болѣзнь руки, которою ты прежде страдалъ? У васъ теперь каникулы: тебѣ, я думаю, весело! И я бы могъ

[1]) Лицейскій пансіонъ возникъ изъ частнаго училища, основаннаго въ 1813 г. Гауэншильдомъ, который потомъ и назначенъ былъ директоромъ новообразованнаго казеннаго заведенія. *Я. Г.*

проводить также весело время, когда бы не лишенъ былъ удовольствія видѣть своихъ родителей, которые живутъ теперь въ Томскѣ, гдѣ Папенька Губернаторомъ, за 4.500 верстъ отсюда! Каково разстояніе? Часто случается, что по два мѣсяца не получаю отъ нихъ писемъ.

Кланялся ли тебѣ отъ меня Гижицкій? Онъ былъ у насъ въ Лицеѣ, когда мы представляли маленькую пьесу, и видѣлъ меня. Не помню фамиліи одного вашего пансіонера, который былъ также у насъ и котораго просилъ я именно тебѣ и Гижицкому поклониться. Опиши мнѣ, сдѣлай милость, ежели это тебѣ не трудъ, какія у васъ теперь перемѣны въ разсужденіи прежняго? Кто остался еще въ Гимназіи изъ бывшихъ нашихъ товарищей? Что сдѣлалось съ Ильею Ольхинымъ, гдѣ онъ теперь и что творитъ? Поклонись отъ меня Гижицкому, Шварцу и пр., также твоему братцу Александру Николаевичу. Увѣрь миленькихъ Виленьку и Егорушку, что я ихъ всегда люблю и невольно о нихъ вспоминаю; я думаю, что первый изъ нихъ весьма выросъ и уже въ Гимназіи.

Вотъ тебѣ письмо мое,—ты не можешь жаловаться, чтобъ оно коротко было; вдобавокъ еще посылаю тебѣ мою *Оду на взятіе Парижа* [1]). Прости, ежели увидишь несовершенства. Остаюсь въ полной надеждѣ получить отъ тебя отвѣтъ,—отъ тебя, которому былъ и всегда пребуду нелестнымъ другомъ.

Алексѣй Илличевскій.

P. S. Прошу засвидѣтельствовать глубочайшее уваженіе Родителямъ твоимъ и изъявить мое почтеніе Федору Ивановичу Каттерфельду. Онъ всегда бралъ во мнѣ особенное участіе и помнитъ меня до сихъ поръ еще, за что бы я былъ весьма благодаренъ, ежели бы не питалъ къ нему живѣйшихъ чувствованій истинной признательности.

VI.

Царское Село.
10-го сентября 1814 г. [2]).

Любезный другъ,
Павелъ Николаевичъ!

Пріятное письмо твое отъ 24 августа имѣлъ я удовольствіе получить. Суди сколько я былъ обрадованъ: оно первое послѣ толь

[1]) Печатается ниже, въ отдѣлѣ стихотвореній на заданныя темы. *К. Г.*

[2]) Адресъ этого письма, какъ и слѣдующаго (написанъ на одной изъ сторонъ листа): „Его Благородію Милостивому Государю моему Павлу Николаевичу Фуссу— въ *Петербургѣ*. На Васильевскомъ острову, въ 7-й линіи, угольный домъ на набережной". *К. Г.*

долгаго твоего молчанія. Но что дѣлать? не всякъ господинъ своего времени. Beatus, кто свободенъ, кто можетъ управлять досугомъ и можетъ по волѣ наслаждаться бытіемъ своимъ; beatus! По крайней мѣрѣ, этотъ удѣлъ не нашъ, не нашъ, повторю: ибо и я нерѣдко въ зависимости у должности своей.

Такъ! но не страшись, чтобъ это могло перервать переписку нашу—нѣтъ! нѣтъ! не захочу я лишиться самыхъ пріятныхъ минутъ въ жизни: ибо, по истинѣ, чтеніе писемъ твоихъ доставляетъ мнѣ оныя. Но извини, ежели нынѣшнее письмо мое тебѣ короткимъ покажется: я опоздалъ, а почта, ты знаешь, никого не дожидается. Все лучше написать хоть мало, чѣмъ ничего не написать.

Свидѣтельствую мое почтеніе Федору Ивановичу К. и цѣлую братцевъ твоихъ. Прощай—до будущаго раза.

Искренній и всегдашній другъ твой
Алексѣй Илличевскій.

VII.

Октября 6 дня
1814 года.

Любезный другъ,
Павелъ Николаевичъ!

Принимаюсь за перо, три недѣли оставленное мною. Ты простишь мнѣ это молчаніе, въ которомъ, однакожъ, я не виноватъ ни мало: признайся, что по законамъ справедливости тебѣ писать слѣдовало, — и къ величайшему удовольствію, ты исполнилъ долгъ свой. На сихъ дняхъ получилъ я письмо твое отъ 26 сентября.

Что сказать мнѣ о состояніи вашей Гимназіи? Жаль! и только; подлинно только: лучшей перемѣны ожидать не можно! Если въ мою бытность при М. все такъ перемѣнилось, чтожъ должно быть нынѣ? Ахъ! съ какою сладостію воспоминаю иногда пребываніе мое въ Гимназіи, времена счастливыя Энгельбаха и Дольста, наше взаимное дружество, прежнихъ товарищей: Голубя, Оржитскаго, Ольхина – et tant d'autres! Oui, j'aime le souvenir de ceux, que j'ai chéri! Ахъ, воспоминаніе прежняго счастія и настоящія бѣдствія усладить можетъ:

Et le pauvre lui même est riche en espérance,
Et chacun redevient Gros-Jean comme devant,
Et chacun est du moins fort heureux en rêvant!

Но я слишкомъ разахался! un mot de M-r Gretch: Quoique je n'ai pas l'honneur de le connaitre en personne, j'estime néanmoins son talent supérieur. Son journal de Patriote, sa traduction de Léontine, son édition des Избранныя мѣста—дѣлаетъ ему честь великую, а похвала моя, я увѣренъ, не прибавитъ къ его славѣ... ни крошечки!

Ежели уроки мѣшаютъ тебѣ свободно вести со мною переписку, то и мнѣ не менѣе мѣшаетъ (только не уроки: il s'en faut de beaucoup!), а страсть къ стихамъ. Къ счастію уроковъ у насъ не много, а времени—довольно; и такъ я со всѣмъ успѣваю раздѣлываться. Но не думай, чтобъ это помѣшало мнѣ писать къ тебѣ. Счастливѣйшими почитаю тѣ минуты, въ которыя, извѣстивъ тебя о всемъ нужномъ, могу подписаться твоимъ нелицемѣрнымъ другомъ.

Алексѣй Илличевскій.

P. S. Почтеннымъ Родителямъ твоимъ свидѣтельствую глубочайшее мое уваженіе и цѣлую братьевъ твоихъ.

Знаешь ли, Будри получилъ крестъ Владимірской въ петлицу (4 степени).

Что-нибудь объ Ольхинѣ.

VIII.

Ноября 2 дня,
1814 года.

Любезный другъ,
Павелъ Николаевичъ!

Ты требуешь отъ меня пространнаго письма. Охотно на сей разъ исполняю твое желаніе. Ты правъ, у меня нѣтъ недостатка въ матеріи; но обстоятельства, проклятыя обстоятельства кого не держатъ въ оковахъ? За то я и самъ не сержусь на тебя. Правда, у всякаго свое на умѣ: у тебя уроки, у Ольхина шалости, у меня стихи; но они равносильно дѣйствуютъ на наши души. Впрочемъ какъ ни есть повинуюсь тебѣ, гоню отъ себя докучливыхъ Музъ, беру перо и пишу тебѣ цѣлые пол-листа—безсмыслицы.

Начнемъ съ самаго скучнаго. Первою матеріею нашей будетъ Лицей. Но что тебѣ сказать о немъ? Ты самъ знаешь, что всѣ училища подъ одну стать: начало хорошо; чѣмъ же далѣе, то становится хуже. Благодаря Бога, у насъ по крайней мѣрѣ царствуетъ съ одной стороны свобода (а свобода дѣло золотое!). Нѣтъ

скучнаго заведенія сидѣть *à ses places*, въ классахъ бываемъ не долго: 7 часовъ въ день, большихъ уроковъ не имѣемъ, лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимою въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театръ, съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся. Такимъ образомъ, какъ можемъ, сражаемся со скукою: подобно матросамъ, которые, когда корабль ихъ производитъ течь, видя къ нимъ со всѣхъ сторонъ вливающіяся волны, не предаются отчаянію, но усиліямъ моря противополагая свои усилія, спокойно борются съ ужасною стихіею.

Въ наукахъ мы таки кое-какъ успѣваемъ; но языки, ты самъ знаешь, какъ трудны—и die deutsche Sprache до сихъ поръ еще мнѣ почти тарабарская азбука. Въ латинскомъ мы плыли, плыли, (начали было читать Федровы басни и Cornelius Nepotis de vitae etc.), да вдругъ и наѣхали на мель, не стало кормчаго, и мы ни тпрру, ни ну—сѣли, какъ раки. Подлинно нашъ профессоръ Н. Ф. Кошанскій, довольно извѣстный въ ученомъ свѣтѣ, вдругъ сдѣлался боленъ и съ полгода уже не ходитъ въ классы, а мы хоть и ходимъ, однако ничему не учимся. А математика?...

О, Ураньи чадо темное,
О, наука необъятная,
О, премудрость непостижная,
Глубина неизмѣримая!
Видно, на роду написано
Свыше нѣкимъ тайнымъ промысломъ
Мнѣ взирать съ благоговѣніемъ
На твои рогаты прелести,
А плодовъ твоей учености,
Какъ огня бояться лютаго!

Признаюсь и радъ еще повторить прозой. Въ ней, кажется, заключила природа всю горечь неизъяснимой скуки. Нельзя сказать, чтобъ я не понималъ ее, но... право, отъ одного воспоминанія голова у меня заболѣла.

Жаль бѣднаго Ольхина: попалъ онъ въ свою стихію; да съ кѣмъ это онъ гуляетъ? ужели съ Бемомъ? нѣтъ, кажется невозможно! Если увидишь его, то поклонись ему отъ меня. Я бы не полѣнился писать къ нему, да что бѣдняка обременять письмами —ему некогда. Но потрудись ты, сдѣлай милость, попросить у него для меня на время комедіи: „Домовые“, и пришли ее ко мнѣ; по прочтеніи я возвращу въ цѣлости.

Знаешь ли что? на этихъ дняхъ я видѣлъ Бакуринскаго. Ты, я думаю, помнишь его. Онъ служилъ въ гвардейскомъ Гусарскомъ полку. Въ эту кампанію находился во всѣхъ сраженіяхъ,

былъ въ Парижѣ, не получилъ ни одной раны, имѣетъ чинъ поручика и Владиміра въ петлицѣ — каково? для молодого человѣка довольно.

Много писалъ я тебѣ объ Лицеѣ, но главное оставилъ на конецъ. Ужели ты до сихъ поръ не знаешь еще, что насъ за порогъ ни на шагъ не отпускаютъ. Какъ же мнѣ побывать у васъ на каникулахъ?... Ахъ! благодарю тебя за твое дружеское усердіе; жестокая судьба не позволяетъ имъ пользоваться. Какая страшная разница! 2 мѣсяца—и ты свободенъ; а мнѣ такъ остается еще... 36 мѣсяцевъ, ужасно!... Прощай и помни многолюбящаго тебя друга

Алексѣя Илличевскаго.

При семъ посылаю тебѣ стихи. Подивись, онѣ переведены мною съ нѣмецкаго [1]).

IX.

Царское Село, 10 декабря 1814 года.

Любезный другъ
Павелъ Николаевичъ,

Признаться, довольно долго ждалъ я твоего отвѣта, однако, за это я ни мало не въ претензіи: знаю, что ты приближаешся теперь къ тому времени, когда экзаменъ, послѣдній, можетъ быть, въ твоемъ учебномъ курсѣ, рѣшитъ будущую судьбу твою. Желаю тебѣ отъ всего сердца добраго успѣха, что, впрочемъ, я увѣренъ, и безъ моего желанія исполнится. Но знаешь ли что? и мы ожидаемъ экзамена, которому бы давно уже слѣдовало быть и послѣ котораго мы перейдемъ въ окончательный курсъ, то есть останемся въ Лицеѣ еще на 3 года... Утѣшительныя мысли!

Тебѣ непремѣнно хочется знать нашихъ профессоровъ; изволь: я опишу ихъ самымъ обстоятельнымъ образомъ; mais c'est pour la dernière fois, entendez vous; car, certes, tout ce qui appartient au Lycée m'ennuye fort.

О Будри, проф. французскаго языка, и Кошанскомъ, проф. Латинской и Россійской Словесности, говорить тебѣ не стану: одного ты знаешь лично, другого—изъ прошедшаго письма моего.

---

[1]) Стихи приложены. Это „Цефизъ“ (Идилія, подражаніе Клейсту). Они помѣщены ниже, особо. *К. Г.*

Нѣмецкаго языка проф. у насъ—г. фонъ-Гауэншильдъ, человѣкъ съ большими познаніями; попечитель вашъ Уваровъ нарочно призвалъ его изъ Вѣны въ Россію и доставилъ ему мѣсто въ Лицеѣ.

Адъюнктъ проф. нравственныхъ и политическихъ наукъ—г. Куницынъ; при открытіи нашего училища въ присутствіи Царской Фамиліи сказалъ онъ такую рѣчь, что Государь Императоръ самъ назначилъ ему въ награду орденъ Владиміра 4-ой степени.

Адъюнктъ проф. историческихъ и географическихъ наукъ—г. Кайдановъ; онъ сочинилъ прекрасную Исторію древнихъ временъ, которая теперь только выходитъ изъ печати.

Адъюнктъ проф. математическихъ и физическихъ наукъ—г. Карцовъ. Всѣ трое учились они въ Педагогическомъ Институтѣ, путешествовали по Европѣ, слушали извѣстныхъ ученыхъ людей въ свѣтѣ—и всѣ вышли люди съ достоинствомъ. Аминь.

Достигаютъ ли до нашего уединенія вновь выходящія книги? спрашиваешь ты меня; можешь ли въ этомъ сомнѣваться?..

И можетъ ли ручей сребристой,
По свѣтлому песку катя кристаллъ свой чистой
И тихою волной ласкаясь къ берегамъ,
Течь безъ источника по рощамъ и лугамъ?..
И можетъ ли огонь пылать безъ вѣтра?..
И можетъ ли когда въ долинахъ кедра,
А въ полѣ злакъ цвѣсти безъ солнца и дождя?..
И можетъ ли поэтъ неопытной и юной,
Чуть чуть бренча по лирѣ тихострунной,
Не подражать другимъ?—Ахъ! никогда!

Никогда! чтеніе питаетъ душу, образуетъ разумъ, развиваетъ способности; по сей причинѣ мы стараемся имѣть всѣ журналы—и впрямь получаемъ: *Пантеонъ*, *Вѣстникъ Европы*, *Русской Вѣстникъ* и пр. Такъ, мой другъ! и мы также хотимъ наслаждаться свѣтлымъ днемъ нашей литературы, удивляться цвѣтущимъ геніямъ Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Гнѣдича. Но не худо иногда подымать завѣсу протекшихъ временъ, заглядывать въ книги отцовъ отечественной Поэзіи, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева; тамъ лежатъ сокровища, изъ коихъ каждому почерпать должно. Не худо иногда вопрошать пѣвцовъ иноземныхъ (у нихъ учились предки наши), бесѣдовать съ умами Расина, Волтера, Делиля и, заимствуя отъ нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія.

Такъ пчелка молодая
Въ лугахъ, въ садахъ весной,
Съ листка на листъ летая,
Сбираетъ медъ златой
И въ улей отдаленный
Несетъ соты скопленны
Прилѣжностью своей.

Когда же лѣто знойно
Зажжется въ небесахъ,
Она сидитъ спокойно
На собранныхъ плодахъ,
Въ довольствѣ отдыхаетъ
И счастіе вкушаетъ...
Тружусь подобно ей!

Прости, ежели я тебя замучилъ своими стихами; проклятая метроманія всему виною. Къ Гижицкому я не такъ много пишу; зато ужъ и онъ молчаливъ не въ мѣру. Вотъ первое его письмо ко мнѣ отъ ноября 23 числа 1814.

„Любезный другъ Алексѣй Демьянычъ!

Считая со дня моего пріѣзда изъ деревни Усланки (по нашествіи Француз.), занялся я переводомъ книги съ французк. языка, которую намѣренъ я посвятить графу И. А. Безбородкову, величайшему моему благодѣтелю, – по сей причинѣ и не могъ къ тебѣ во все сіе время писать, теперь же прошу тебя начать вновь прежнюю нашу переписку. По неимѣніи времени принужденъ сократить мою цедулку. Остаюсь и пр.“.

И только! я не сократилъ ни слова, не перемѣнилъ ни буквы— et il m'engage à lui écrire—bon Dieu! Я надѣюсь, что это останется между нами тайною.—Въ Postscriptum сказалъ онъ мнѣ, что служитъ теперь въ Канцеляріи Статсъ-секретаря Молчанова. Не позабудь и ты меня увѣдомить, куда опредѣлишься по выходѣ изъ Гимназіи.

Помнишь ли ты Штеричей? (ихъ было у насъ три брата); старшій и средній теперь офицерами въ Гвардейскомъ гусарскомъ полку, и я ихъ часто вижу. Когда наступитъ весна, то пріѣзжай къ намъ въ Царское село, ich hoffe, dass du mit deinem Zeitvertreiben sehr zufrieden sein wirst. Только смотри, пріѣзжай въ праздникъ.

Поклонись отъ меня твоимъ братцамъ и прежнимъ нашимъ товарищамъ; засвидѣтельствуй мое истинное уваженіе почтеннымъ твоимъ Родителямъ и помни о томъ, который не щадя ни бумаги, ни времени, изъ одной дружбы пишетъ къ тебѣ о чемъ и самъ не знаетъ. Его зовутъ

Алексѣй Илличевскій.

1815-й годъ.

X.

Царское Село,
Февраля 25 дня
1815 года.

Любезный другъ,
Павелъ Николаевичъ!

Долго, слишкомъ долго не получалъ я отъ тебя отвѣта на прошедшее письмо мое. Скажу откровенно, я даже отчаявался получить его. Кто изъ людей побѣдитъ обстоятельства? я даже думалъ, что тутъ и конецъ нашей перепискѣ. Мысль ужасная! лишиться въ одну минуту всѣхъ пріятностей, каковыя доставляютъ мнѣ дружескія письма твои... ахъ! одинъ только тотъ можетъ вообразить цѣну сей потери,

Кто страждетъ—такъ, какъ я—подъ гнетомъ рока злого,
Кто принужденъ влачить дни юности златой
Вдали отъ дружества, семейства дорогого
И родины святой.

Ты хотѣлъ посѣтить меня на праздникѣ. Тысячу благодарностей милому другу. Судьба не хотѣла этого; буду терпѣливо сносить ея суровости: но ни она, ни разлука не охладятъ моего сердца; пусть письма сіи будутъ залогомъ нашей дружбы. Гофману [1]) посылаю искренній поклонъ—мы говорили съ нимъ не болѣе трехъ часовъ, но и сего довольно было, чтобъ узнать непринужденную доброту его и привѣтливость.

Поздравляю тебя съ окончаніемъ твоего экзамена и курса ученія. О первомъ я наслышался много хорошаго, въ чемъ и сомнѣваться грѣхомъ поставляю. Знаю, что ты читалъ прекрасное сочиненіе о *красотѣ россійскаго слова* (?) [2]); знаю также, что ты сообщишь мнѣ его, по крайней мѣрѣ для прочтенія. Честь и слава тебѣ! — О нашемъ говорить нечего. Стеченіе народа было соразмѣрное съ нашимъ городомъ и разстояніемъ его отъ столицы. Впрочемъ въ числѣ зрителей были Державинъ, Горчаковъ, Саблуковъ, Салтыковъ, Уваровъ, Филаретъ и множество профессоровъ

---

[1]) Андрей Логиновичъ Гофманъ, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта, поступилъ въ гимназію въ 1813 г., а оставилъ ее въ 1815 вмѣстѣ съ другомъ своимъ Фуссомъ. Они часто вмѣстѣ отправлялись въ Царское Село, зимой въ саночкахъ, лѣтомъ иногда пѣшкомъ, къ лицейскимъ друзьямъ, которыхъ у нихъ было нѣсколько. *Я. Г.*

[2]) Вопросительный знакъ стоитъ въ подлинникѣ. *Я. Г.*

Изъ письма отъ 25 февраля 1815 г. [1]).

не охладятъ моего сердца; пусть письма сіи будутъ залогомъ нашей дружбы. Гофману посылаю искренній поклонъ — Мы говорили съ нимъ не болѣе трехъ часовъ, но и сего довольно было, чтобъ узнать непринужденную доброту его и привѣтливость.

Поздравляю тебя съ окончаніемъ твоего экзамена и курса ученія. О первомъ я наслышался много хорошаго, въ чемъ и сомнѣваться грѣхомъ поставляю. Знаю, что ты читалъ прекрасное сочиненіе о красотѣ россійскаго слова (?); знаю также, что ты сообщишь мнѣ его, по крайней мѣрѣ для прочтенія Честь и слава тебѣ! — О нашемъ говорить нечего Стеченіе народа было соразмѣрное съ нашимъ городомъ и разстояніемъ его отъ столицы. Впрочемъ въ числѣ зрителей были Державинъ, Горчаковъ, Саблуковъ, Салтыковъ, Уваровъ, Филаретъ и множество профессоровъ и ученыхъ. Я льстился надеждою, что ты пріѣдешь на сей случай съ Папинькою — но ни тутъ то было!

---

[1]) Воспроизводится въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ.

и ученыхъ. Я льстился надеждою, что ты пріѣдешь на сей случай съ Папенькою—но не тутъ то было!

Жестокой опять надо мною
Хотѣлось судьбѣ пошутить;
Остался я съ горькой тоскою,
Гдѣ думалъ веселіе пить
Полною чашей.
Ахъ! еслибъ безсмертные дали
Намъ даръ напередъ узнавать
И радость и томны печали...
Счастливѣе были бъ стократъ
Въ жизни мы нашей.

Между тѣмъ назначено въ награжденіе 5 медалей. Кому то достанется получить? Но прежде ждутъ возвращенія Государя. Для любопытства посылаю тебѣ программу. —Были читаны у насъ и сочиненія. Хотѣлось мнѣ прочесть стихотвореніе: *Весенній вечеръ!* [1]), но приказано прозаическое разсужденіе: *О цѣли человѣческой жизни*, котораго теперь нѣтъ у меня.

Поздравляю тебя съ новымъ мѣстомъ. [2]) Радуюсь, если оно приноситъ тебѣ выгоды и удовольствіе. Не сомнѣваюсь, чтобъ ты познаніями своими, прилежностію и талантами не достигъ всего, что только въ виду себѣ представляешь. Скажи только мнѣ, все ли и теперь ты такъ мало имѣешь времени, какъ прежде? Прощай, мой другъ! желаю тебѣ съ симъ новымъ годомъ новыхъ успѣховъ и новаго благополучія и новаго веселія на наступающей масленицѣ. Помни, что скорые отвѣты твои доставляютъ несказанное удовольстіе любящему тебя другу

Алексѣю Илличевскому.

XI.

Царское Село.
Іюня 21 дня,
1815 года.

Любезный другъ,
Павелъ Николаевичъ!

Скажи, что значитъ записка твоя — нечаянный пріѣздъ— обѣщаніе посѣтить меня? все это изчезло въ воздухѣ! Ошибся

---

[1]) Это стихотвореніе („переводъ изъ III пѣсни Le printemps d'un proscrit, poême de Michaud) сохранилось, бывъ приложено къ письму. См. ниже. *К. Г.*

[2]) Фуссъ поступилъ въ студенты Академіи Наукъ. Отецъ его Николай Ивановичъ былъ въ то время непремѣннымъ секретаремъ Академіи, занявъ это мѣсто послѣ своего тестя Іоанна Альберта Эйлера, сына великаго математика. *Я. Г.*

ли ты въ расчетѣ — обманутъ ли ты надеждой—или Богъ знаетъ. Ты пишешь записку отъ 19 іюня—я получаю ее 18-го(!). Обѣщаешь притти завтра — по твоему въ воскресенье, по моему въ субботу— но оба дня сіи проходятъ — и тебя не видно ни въ саду, ни въ Лицеѣ, ни во всемъ городѣ. Главное несчастіе—ты полагалъ, что нельзя меня видѣть въ будень—и ошибся. Правда, наше свиданіе было бы кратко, — но все равно, все равно: для друзей всякое мгновеніе драгоцѣнно.

Ахъ! меньше житель кроткихъ селъ—
Оратай ждетъ трудолюбивый,
Чтобъ благотворный дождь слетѣлъ
На тукъ его цвѣтущей нивы;
Ахъ! меньше, меньше ждетъ пловецъ,
Терпя всѣ ужасы волненья,
Остановиться наконецъ
У пристани успокоенья,
Предаться мирной тишинѣ,
Вдали отъ грознаго ненастья,
И прежнія, какъ въ легкомъ снѣ,
Свои воспоминать несчастья,—
Какъ я, любезный другъ, желалъ
Тебя обнять—душа пылала—
И что жъ? увы! я только ждалъ,
А всѣмъ судьба располагала.
Уже предсталъ невдалекѣ
Счастливый случай, улыбаясь;
Надежда, въ розовомъ вѣнкѣ,
Меня ласкала, усмѣхаясь;
Но все прошло, какъ съ ночью сонъ...
Спѣшу къ тебѣ, обнять желаю,
И—какъ несчастный Иксіонъ,
Одинъ лишь облакъ обнимаю...
О рокъ! *здѣсь* снова стало *тамъ!*
Доколѣ течь моимъ слезамъ?
Или сердцамъ напрасно биться?
Иль невозможно двумъ друзьямъ
Минутой счастья насладиться?...

Чувства мои нелицемѣрны — повѣрь своему другу. Несчастіе мое совершенно—но, признаться ли? еще надежда не совсѣмъ для меня изчезла. Я увѣренъ—ты бъ не уѣхалъ, не видя возможности опять увидѣться со мною. Дай Богъ, чтобъ это была правда!

Нетерпѣливо жду твоего отвѣта. Симъ кончаю письмо мое. Остальное до другого раза,—въ теченіе получаса нельзя написать болѣе. Прости! будь увѣренъ, что чувства мои къ тебѣ всегда останутся одинаковы—чувствами искренняго друга.

Алексѣй Илличевскій.

XII.

Царское Село.
Сентября 2 дня
1815 года.

Любезный другъ,
Павелъ Николаевичъ,

„На силу-то собрался отвѣчать мнѣ! такой лѣнивецъ!“ думаешь ты, развертывая это письмо. О Monsieur le свободный человѣкъ, пользующійся весь день счастливымъ досугомъ, прошу не мѣрить меня своимъ аршиномъ! или ты забылъ, что нахожусь въ *Лицеѣ*—другому сказалъ бы я въ мѣстѣ ученія, заточенія, безпрестанныхъ уроковъ и занятій,—въ мѣстѣ, въ которомъ время каждый день съѣдается восемью часами классовъ, но тебѣ ужъ это извѣстно. Господинъ Математикъ, составь изъ этого прогрессію: *чѣмъ ближе мы къ предѣлу ученія, тѣмъ больше требуютъ отъ насъ прилежанія;* но ты уже повѣрилъ это собственнымъ опытомъ. Счастливый человѣкъ! ты уже кончилъ сей многотрудный опытъ—а я?.. Съ какимъ восторгомъ присталъ ты къ берегу, восклицая: *конецъ благополучну бѣгу! спускайте други паруса!..* когда-то я воскликну!...

Описать ли тебѣ, какъ я провожу время?—Наше Царское Село въ лѣтніе дни есть Петербургъ въ миніатюрѣ. И у насъ есть вечернія гулянья, въ саду музыка и пѣсни, иногда театры. Всѣмъ этимъ обязаны мы графу *Толстому*, богатому и любящему удовольствія человѣку. По знакомству съ хозяиномъ и мы имѣемъ входъ въ его спектакли—ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствіе. Но *Осень* на насъ, не на шутку, косо поглядываетъ. Эта дама такъ сварлива, что съ нею никто почти ужиться не можетъ. Все запрется въ домы, разъѣдется въ столицу, или куда кто хочетъ—а мы постоянные жители Села—живи съ нею.

Чѣмъ убить такое скучное время? Вотъ тутъ-то по неволѣ призовешь къ себѣ науки.—Знаешь ли что я затѣялъ? Есть книга:

Плутархъ для юношества, сочиненіе *Бланшарда* въ 4 частяхъ [1]). Она переведена на русскій и дополнена многими великими мужами Россіи. Но и сочинитель и переводчикъ много еще пропустили. Мнѣ пришло на мысль издать—(рано или поздно, разумѣется)—*Новый Плутархъ для юношества*, служащій дополненіемъ къ *Плутарху Бланшардову*. Безъ великаго труда набралъ я 60 великихъ мужей, ими пропущенныхъ.—Покамѣстъ собираю о нихъ разныя извѣстія, а издамъ по выходѣ изъ Лицея. Можетъ быть и не издамъ—кто знаетъ, какія препятствія могутъ случиться—но и одна мечта забавляетъ меня.

О *Леонардѣ Эйлерѣ*—отношусь къ тебѣ, какъ къ ближайшему его родственнику—не можешь ли извѣстить меня, напечатана ли гдѣ-нибудь жизнь его? или, если ты знаешь ее, напиши мнѣ хоть краткое о ней понятіе. Впрочемъ не дѣлай этого гласнымъ—ты видишь, что это ни что, какъ игрушка.

Любезнымъ братцамъ твоимъ кланяюсь искренно. Вилиньку благодарю за то, что онъ меня помнитъ; Егорушку за его пріятное письмо. Не могу писать болѣе—зови, коли хочешь, это письмо запискою.—Звонятъ въ классы, несутъ письма на почту и я имѣю время толь подписаться вѣрнымъ твоимъ другомъ

Алексѣемъ Илличевскимъ.

XIII.

Царское Село.
Сентября 22 дня
1815 г.

Любезный другъ
Павелъ Николаевичъ,

Пріятнѣйшее письмо твое получилъ я—сидя за чашкою чаю; но въ этомъ случаѣ я-поэтъ—былъ хладнокровнѣе тебя-математика: возможно-ль? Я не кинулъ чашки подъ столъ, не пролилъ даже ни капли чаю; но—окончивъ все какъ слѣдуетъ—распечаталъ письмо твое—не повторяю мной прибавленнаго эпитета: *пріятнѣйшее*; ибо я увѣренъ, что ты самъ чувствуешь, сколько письма твои мнѣ приносятъ удовольствія, не смотря на тѣ слова, которыя ты влагаешь въ уста мои и которыя истинѣ (математической или какой хочешь: истина одна и та же) надлежитъ вычеркнуть: *„опять письмо! какъ часто и какія длинныя письма! такой скучный че-*

[1]) Не въ 4-хъ, а въ 10 частяхъ. См. Смирдинскую роспись № 3323. Эта книга въ русскомъ переводѣ имѣла три изданія 1809, 1814 и 1823 гг. *Я. Г.*

ловпкъ!“ Скучный человѣкъ: точно! потому что говоришь противъ сердца. Ecce verba amici!

Каковъ громъ моего краснорѣчія! ты, я думаю, блѣднѣешь, дрожишь, трепещешь... Но я подобно Зевсу-тучегонителю разсѣваю бурю и лучь отрадный просіяваетъ на небосклонѣ. Изъяснимъ Аллегорію: я разсѣваю безсмыслицу и начинаю говорить о дѣлѣ.

Благодарю тебя за одобреніе моего мечтательнаго, гигантическаго—для силъ моихъ—предпріятія; благодарю еще болѣе за помощь, поданную моему *невѣдѣнію:* не лучше ли *невѣжеству?* Предоставляю твоему милостивому произволу—или переслать мнѣ *Похвальное слово Эйлеру* (съ тѣмъ, что я возвращу ее какъ можно скорѣе въ цѣлости и исправности), или... боюсь вымолвить, ибо знаю, что обременю тебя великимъ и скучнымъ трудомъ... или сообщать мнѣ, когда соблаговолишь, хоть изрѣдка переводы тѣхъ мѣстъ, которыя именно относятся къ жизни сего великаго человѣка, выкидывая всѣ неумѣренныя восклицанія, похвалы и излишнія обстоятельства, которыя не входятъ въ составъ біографіи и въ предметъ строгаго историка. Великое само по себѣ прекрасно! Я увѣренъ совершенно, что, если ты захочешь посвятить этому нѣсколько досуга, то исполнишь въ точности ожиданія не меня—pauvre diable que je suis,—но всякаго знатока литературы... Довольно! пишу къ тебѣ *о Похвальномъ словѣ Эйлеру*, а дѣлаю *похвальное слово П. Фуссу*—такова моя головушка! впрочемъ, будь увѣренъ, что во всей этой похвалѣ нѣтъ ни лишняго, ни неумѣреннаго.—Сердце говорило, рука писала. На первый разъ ты меня обяжешь и тѣмъ, если пришлешь ко мнѣ: когда Эйлеръ родился и когда умеръ. Le reste je laisse à la Providence.

Свободный человѣкъ! ты ходишь всюду, куда захочешь;

Ты ходишь въ Академью,
Въ трагедію, въ камедью,
Въ балетъ и въ хороводъ.
А я какъ птичка въ клѣткѣ...
Неволя горче рѣдьки;
Свобода—сладкій медъ!

Два портрета отгадалъ точно: одинъ *Мартынова*, [1]) другой *Пушкина*, а стихи написаны не моею рукою! [2]) но простимъ

---

[1]) Аркадій Ив. Мартыновъ былъ братъ извѣстнаго Ивана Ив. Мартынова (директ. департ. народн. просвѣщенія) и товарищъ Илличевскаго. Онъ умеръ чуть-ли не прежде послѣдняго, начальникомъ отдѣленія. *Я. Г.*

[2]) Здѣсь разумѣется вѣроятно пьеса *Иринъ* (идиллія, подражаніе Клейсту) приложенная къ письмамъ 1815 г. и дѣйствительно написанная не рукою Илличевскаго. *К. Г.*

дружбѣ: у ней, какъ и у страха, глаза велики. Третій не отгадалъ: *et peut on deviner, ce que l'on ne connait pas?* Это портретъ *Вольховскаго*, одного изъ лучшихъ нашихъ учениковъ, прилежнаго, скромнаго, словомъ великихъ достоинствъ и великой надежды: этого на портретѣ ты не видѣлъ, а примѣтилъ развѣ: большой носъ и большіе усы. Adieu!

Прости великой и большой безсмыслицѣ моего письма:
пишу его рѣзвясь, а не четыре дня.
Но искренно люблю: доволенъ ли? Прости!

Алексѣй Илличевскій.

XIV.

Октября 11 дня, 1815 года.

Вотъ тебѣ, любезный другъ, письмо мое и вмѣстѣ благодарность за начало жизни *Эйлера*. Finis coronat opus! Надѣюсь, что это начало будетъ имѣть конецъ свой и конецъ благословенный — ибо переводчикъ отъ дѣтства благословенъ Музами: ты понимаешь, что я говорю про тебя. Прошу только тебя присылать продолженіе въ такомъ точно форматѣ, какъ и начало, т. е. въ малую осьмушку. Прости моему капризу, ибо онъ имѣетъ добрый источникъ. Хочу, чтобъ весь переводъ твой составилъ маленькую тетрадку—тебѣ во славу, мнѣ для пріятнаго воспоминанія. Съ моей стороны исполню условіе,—условіе къ счастію весьма не тягостное; ибо нѣтъ мнѣ большаго удовольствія, какъ переписываться съ тобою; но не всегда располагаешь временемъ: обстоятельства! должность!—Еще одно препятствіе: какъ мнѣ досадно, что почта не отходитъ на другой день по прибытіи твоихъ писемъ! Обыкновенно, насладившись твоей мысленной бесѣдой, я вхожу въ такой жаръ, что радъ писать къ тебѣ цѣлый листъ. (Суди, какъ твои пріятны мнѣ письма и не представляй себѣ, что я, какъ поэтъ, удобенъ входить въ восхищеніе). Но мысль [1]), что почта отходитъ еще чрезъ четыре дня, потушаетъ мой восторгъ, вырываетъ перо изъ рукъ моихъ — и я вхожу опять въ прежнее состояніе. Увы!..

Сказать ли тебѣ, какъ ты узналъ, что я *сочинилъ Оперу, которую у васъ въ Св. Питерѣ играли?* Не почти меня колдуномъ, ибо я скажу тебѣ всю истину, хоть удаленъ отъ тебя на двадцать

---

[1]) Я получаю твои письма въ четвергъ—посылаю тебѣ отвѣтъ не прежде понедѣльника. *А. И.*

верстъ. Но начиная мою повѣсть или диссертацію, ставлю Эпиграфъ:

Что больше бродитъ,
То больше въ цѣну входитъ:
Снѣжной шаришка будетъ шаръ,
А изо лжи, товаришка товаръ:
Ложь ходитъ завсегда съ прибавкой въ мірѣ..

Сумароковъ.

Такъ! я *перевелъ* Оперу (а не *сочинилъ*): *l'Opéra comique* par Ségur, opéra comique en un acte. Переведши, старался, чтобъ ее разыграли на театрѣ, отъ чего надѣялся получить—барышъ. Прости на этотъ случай моему сребролюбію. Для этого просилъ я Г. Петра Александровича Корсакова, стихотворца и чиновника, служащаго при театрѣ [1]). Родственникъ его Рязановъ учится въ Гимназіи; ему не трудно было узнать все мое дѣло. Отъ него узнали это въ Гимназіи; а ты узналъ о томъ отъ своего брата. Не правда ли?

Теперь мнѣ остается исправить, дополнить и окончить это извѣстіе: пьесы моей не *играли*, да и играть не станутъ; причина тому та, что меня предупредили переводомъ и, хоть чужой переводъ и хуже, но уже онъ испробованъ и роли розданы. Таково мое несчастіе! Жалѣя о моей неудачѣ, дивись однако же великому Генію моему, который предугадалъ (я навѣрно полагаю это) всѣ дѣйствія молвы, и открылъ причины дошедшаго до тебя слуха.— Пьеса моя еще въ Петербургѣ, но коль скоро получу оную назадъ, то перешлю къ тебѣ охотно для прочтенія.—Благодарю тебя за доставленный мнѣ анекдотъ—жаль, что мнѣ нечего сообщать тебѣ. Прости любезный Павелъ Николаевичъ! я не Геркулесъ—предѣлы письма меня останавливаютъ.

Алексѣй Илличевскій.

XV.

Царское село,—вѣчное Царское село—26 Октября 1815 г.

Любезнѣйшій другъ, Павелъ Николаевичъ! *Мы бы могли еженедѣльно получать письма одинъ отъ другого: какъ бы это мнѣ было пріятно* — повторяю я за тобою, повѣрь, не съ меньшею

[1]) Впослѣдствіи цензора и издателя журнала *Маякъ*, брата воспитанника Лицея, I-го курса (Ник. Алекс.). Они были братьями попечителя Петерб. учебн. округа Дондукова-Корсакова, на котораго княжескій титулъ и дополн. фамилія перешла отъ его тестя, умершаго безъ мужского потомства. *Я. Г.*

искренностью и желаніемъ—и въ то самое время, какъ повторяю оное въ пылу восторга душевнаго — разрушаю это благодатное намѣреніе; и въ тотъ самый разъ, когда ты ждешь моего отвѣта еще ранѣе обыкновеннаго, я посылаю его тебѣ—тремя днями позже. Не вини меня въ этомъ *противувольномъ* поступкѣ; не припиши его моему непостоянству, но выслушай меня далѣе—и найдешь меня невиноватымъ. Я получилъ письмо твое—пріятное, какъ и всѣ твои письма, въ такое время, когда я не имѣлъ ни на часъ свободнаго времени, ибо оно было посвящено цѣлому обществу—скажу яснѣе—въ такое время, когда мы приготовлялись праздновать день *открытія* Лицея (правилнѣе бы было: день *закрытія* насъ въ Лицеѣ), что дѣлалось обыкновенно всякой годъ въ первое воскресеніе послѣ 19 Октября, и нынѣшній годъ также: октября 24-го числа. Этотъ праздникъ описать тебѣ недолго: начали театромъ, мы играли *Стряпчаго Пателена и Ссору двухъ сосѣдовъ*. Обѣ пьесы Комедіи. Въ первой представлялъ я *Вильгельма*, купца торгующаго сукнами, котораго плутъ стряпчій подрядился во всю пьесу обманывать; во второй *Вспышкина*, записного псаря, охотника и одного изъ ссорящихся сосѣдовъ. Не хочу хвастать передъ другомъ, но скажу, что мною зрители остались довольны. За театромъ послѣдовалъ маленькій балъ и потчеваніе гостей всякими лакомствами, что называется въ свѣтѣ: *угощеніемъ*. Довольно ли съ тебя? Время прекратить, кажется, извиненіе, которое тянется чрезъ цѣлую четвертушку.

Знаешь ли, любезный Павелъ Николаевичъ! я раскаиваюсь въ двухъ вещахъ, и обѣ эти вещи происходили отъ моего невѣжества! Откроюсь тебѣ въ нихъ, какъ другу.

Первое. Я никогда не полагалъ, чтобъ ты дѣлалъ *un si grand cas* изъ моихъ писемъ. Радуюсь, если они тебѣ не противны; но можно ли ихъ читать всякому, даже принимающему во мнѣ участіе?— Это *плодъ* или *испареніе восторга*, какъ ты самъ называешь ихъ. Гдѣ же въ нихъ толкъ, связь? я увѣренъ, что иногда въ нихъ и смыслу ты не находишь. Но ты мнѣ простишь это по дружескому великодушію: ахъ! всякій ли то въ состояніи сдѣлать?—*Второе*— есть преступленіе, въ которомъ тебѣ заблаговременно каюсь. Извини, что я, находя въ тебѣ ежедневно новыя и новыя достоинства, не зналъ одного, конечно малѣйшаго изъ оныхъ. Дорогой математикъ! ты... поэтъ!—Твою пьесу и безъ твоей просьбы, я бы перевести поставилъ пріятнѣйшимъ долгомъ; но теперь—еще когда ты этого желаешь, сколь велика моя обязанность! Твоя воля всегда мнѣ была закономъ; но послѣ великодушнаго того поступка, когда ты съ такою непринужденною готовностью взялся за переводъ жизни Эйлера,—она мнѣ сдѣлалась еще болѣе закона. Въ непродолжи-

тельномъ времени надѣюсь тебѣ доставить переводъ стихотворенія, котораго хвалить сверхъ того, что боюсь оскорбить скромность Автора—почитаю излишнимъ.

При семъ прилагаю письмо къ миленькому Егорушкѣ, котораго и чрезъ тебя еще благодарю за нѣжную привязанность, которую, не знаю, чѣмъ заслужилъ. Но эту переписку продолжать не обѣщаюсь. Ахъ, любезный другъ! сколько ужъ и ты одинъ виноватъ въ томъ, что я не рѣдко для тебя отлагаю писать къ родителямъ, но это—пріятная жертва! Помни, что твоего отвѣта ждетъ

Алексѣй Илличевскій.

XVI.

Ноября 28-го дня—1815 года.

Какъ, любезный другъ! возможно ль, чтобъ ты послѣднее письмо мое получилъ такъ поздно—20 ноября! Это-то знать причина тому, что ты такъ долго не отвѣчалъ мнѣ. Цѣлый мѣсяцъ томимъ я неизвѣстностію—наконецъ нынче получаю письмо твое—и утѣшаюсь. Повѣришь ли? я подумалъ, что какое-нибудь нескромное выраженіе (а сколько ихъ въ письмахъ моихъ!), какое-нибудь недоразумѣніе (кто не ошибается?) навлекло на меня гнѣвъ твой.—Повѣришь ли? я уже хотѣлъ просить у тебя извиненія, хотя не весьма зналъ въ чемъ.—Но, еще разъ повторяю, пріятнѣйшее письмо твое, подобно лучу тихой Авроры—скажу при помощи поэзіи—разогнало туманы моего сомнѣнія. И такъ, теперь ясно открывается: одна Нева была всему причиною.—Я думаю, что она уже стала—не будетъ болѣе препятствія—и письмо мое чрезъ три дня долетитъ въ руки твои.

Позволь, какъ другу, спросить у тебя: *читаешь ли ты нынѣ выходящіе журналы?*—спросить не изъ пустого любопытства, но изъ желанія знать, *читаешь ли ты* пьесы мои въ печати—а это для того, чтобы не подчивать тебя извѣстными тебѣ пьесами или, что французы называютъ: la soupe réchauffée.—Въ *Вѣстникъ Европы* 1814 года и въ *Россійскій Музеумъ* отсылалъ я нѣсколько моихъ стихотвореній, напр.: *Ирина*, *Цефиза* [1]), нѣсколько *Эпиграммъ* и пр.: и получилъ отъ ихъ издателя *Влад. Измайлова* письмо,

---

[1]) О нихъ выше; онѣ помѣщены ниже. *К. Г.*

исполненное лестныхъ одобреній.—Посылаю теперь тебѣ двѣ пьесы, которыя ты ожидаешь, напечатанныя нынѣшняго года въ послѣднемъ журналѣ, желаю, чтобъ онѣ тебѣ понравились—я ихъ перевелъ съ французскаго изъ сочиненій Парни, у котораго они однако жъ написаны въ прозѣ,—это слабое возмездіе за твои прекрасные переводы съ Крылова и Капниста, въ которыхъ духъ авторовъ удержанъ совершенно. Хвала и слава переводчику!—Дай Богъ, чтобъ русскіе авторы нашли *взаправду* себѣ переводчиковъ на языкахъ и въ народахъ иностранныхъ.—Кстати скажу тебѣ, что нѣкто *фонъ Боргъ*, студентъ Дерптскаго Университета, рѣшилъ перевесть на нѣмецкій языкъ лучшія сочиненія русскихъ авторовъ и отпечатать ихъ въ Дрезденскомъ Журналѣ [1]). — *Освобожденіе Москвы* г. Дмитріева отпечатано пока въ послѣднемъ № Музеума, и переведено—прекрасно!—Нашъ Лицейскій воспитанникъ *Кюхельбекеръ* написалъ на нѣмецкомъ языкѣ разсужденіе *О древней Русской поэзіи*, которое, какъ я думаю, также будетъ напечатано,—воскликнемъ же съ тобой вмѣстѣ: хвала Русскому языку и Русскому народу! Послѣдняя война доставила ему много славы—и я увѣренъ, что иностранцы, разувѣрившіеся, что мы варвары, разувѣрятся также и въ томъ, что нашъ языкъ—варварскій,—давно пора этому!

Ты уже, я чай, и забылъ о моей оперѣ—которую просилъ сначала—а я такъ не забылъ—и теперь же исполняю твое желаніе. Надо вообще признаться, что я не такъ счастливъ въ драматическихъ своихъ трудахъ, какъ въ другихъ стихотвореніяхъ.—Сверхъ этой пьесы, о процессѣ которой ты уже извѣщенъ мною,—скажу тебѣ еще нѣчто о другой—комедіи: *Григорій* или *Герцогъ Бургундской*, переведенной мною съ французскаго изъ соч. Du Cerceau, довольно неизвѣстнаго автора,—комедіи болѣе дѣтской, нежели свѣтской, болѣе скучной, нежели смѣшной. *Для чего-жъ ты переводилъ ее?* ты спросишь меня. *Для чего? чортъ попуталъ, да и все тутъ*—я примѣтилъ, что сдѣлалъ глупость, когда ужъ сдѣлалъ ее. Впрочемъ эта пьеса—пьеса въ 5 дѣйствіяхъ и въ стихахъ—довольно переведена небрежно,—итакъ времени не много потеряно. Лучшія сцены доставлю я тебѣ, можетъ быть—только въ другое время,—а теперь остается мнѣ лишь подписаться твоимъ искреннимъ другомъ—

Алексѣй Илличевскій.

---

[1]) Намѣреніе это было выполнено: переводы Борга пріобрѣли въ свое время заслуженную извѣстность. *Я. Г.*

XVII.

Лицей—12 декабря 1815 года.

Любезный другъ! получивъ пріятное письмо твое, не медлю отвѣчать тебѣ—знаю, сколь несносна остановка въ перепискѣ. Начинаю письмо мое—выговоромъ—да! не дивись: выговоромъ—и самымъ строгимъ,—видѣлъ ли ты гдѣ-нибудь, чтобъ дружба одобряла лесть—а ты противъ этого именно и погрѣшаешь.—Горе тебѣ! *Я счастливъ, что другъ мой будетъ нѣкогда великимъ человѣкомъ.—Дорогой поэтъ! ты рожденъ прославить современниковъ, блистать въ потомствѣ.* Не узнаёшь ли ты эти строки?—это ли слогъ искренней дружбы, чувство простого сердца?—Ахъ! я увѣренъ, что это излилось въ минуту энтузіазма, а что говорится въ жару, то никогда не бываетъ основательно. Всего забавнѣе, что ты даешь мнѣ толь высокія прорицанія за пару простыхъ пѣсенокъ [1]), которыя едва-ли не всякій, знающій механизмъ стиховъ, сочинить въ состояніи. Ты жалуешься, что я мало присылаю къ тебѣ стиховъ моихъ, и именно исчисливъ всѣ пьесы, мною тебѣ доставленныя, восклицаешь: *ай! много.* C'est la, que je vous tiens. Радъ, что ты самъ мнѣ подалъ случай отбить всѣ твои похвалы самымъ видимымъ образомъ. Неужто ты думаешь, что у меня стиховъ цѣлый амбаръ?—Такъ вотъ же, увѣряю тебя, что я ихъ присылалъ къ тебѣ по мѣрѣ того, какъ и сочинялъ ихъ—ни болѣе, ни менѣе.—Правда! есть у меня еще нѣсколько пьесокъ, но ихъ столько, что, если посылать къ тебѣ съ каждымъ письмомъ, то ихъ не станетъ и на шесть разъ. Теперь моя череда воскликнуть: *ай! много.*—Впрочемъ думай о мнѣ, что хочешь; но я скажу тебѣ откровенно (прочь всякая ложная скромность!), что вовсе не мѣчу въ храмъ безсмертія—я знакомъ съ музами только издали, боюсь великой славы, пишу для себя и дружбы—и только.

Ты говоришь мнѣ, что Французская Опера тебѣ не совсѣмъ понравилась,—жалѣю; но знатоки своего дѣла, совѣтовавшіе мнѣ перевести ее, не одного съ тобою мнѣнія; — прости, если я держусь ихъ стороны. Я говорю о ней безъ сравненія съ другими пьесами—suum cuique! — но сюжетъ этой пьесы не очень обыкновенный: оригинальность ее и отличаетъ, особливо развязка прекрасна: гдѣ видно, чтобы старикъ, опекунъ (которыхъ во всѣхъ комедіяхъ обманываютъ обыкновенно) такъ хорошо провелъ молодыхъ, которые сами думали восторжествовать надъ его особою? Согласись, что это ново,—впрочемъ, я переводилъ съ неисправнаго подлинника—и

---

[1]) Вѣроятно, тутъ разумѣются двѣ „Мадагаскарскія пѣсни“ („Побѣдитель“ и „Гостепріимство“), сохранившіяся при письмахъ. *К. Г.*

переводилъ одну недѣлю. Это ужъ я говорю не въ защиту пьесы, которой переводъ, опять вопреки твоему мнѣнію, довольно посредственъ. Но у дружбы, какъ и у страха, глаза всегда велики!

Другую комедію, переведенную мною, уже я рекомендовалъ тебѣ, но la recommandation était un peu outrée.—Жаль, что не могу тебѣ послать ее въ цѣломъ, ибо у меня самого нѣтъ ея.—Посылаю тебѣ сцену изъ оной: здѣсь переводъ былъ труднѣе,—car quoique cette comédie n'ait pas un grand mérite, malgré tout elle est une grande comédie въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ. Вотъ тебѣ ея содержаніе. Филиппъ, Герцогъ Бургундскій, находитъ какъ-то пьянаго соннаго мужика на улицѣ и философъ-Государь вдругъ задумываетъ сдѣлать надъ нимъ испытаніе. Онъ велитъ перенести его (пьянаго *Григорія*, героя пьесы) въ царскіе чертоги и нарядить въ царскую порфиру. Мужикъ просыпается—вообрази его удивленіе!—Придворные однако жъ успѣваютъ увѣрить его, что онъ въ самомъ дѣлѣ герцогъ—и новый герцогъ вступаетъ въ управленіе. Авторъ умѣлъ употребить всѣ способы представить самою тяжкою царскую должность: его поперемѣнно мучатъ то въ царскомъ совѣтѣ, то объявленіемъ войны, то прошеніемъ разсудить тяжбы и т. п.—Наконецъ, доводятъ *Григорія* до того, что онъ проклинаетъ свою новую должность и жалѣетъ о мужичьемъ своемъ состояніи. Этого только *Филиппъ* и дожидался. Напоивъ до пьяна, опять переносятъ его на улицу: онъ просыпается—вообрази опять его удивленіе.—Это главное въ пьесѣ.—Есть эпизоды, о которыхъ я молчу: такова, наприм. сцена, которую присылаетъ тебѣ твой другъ

Алексѣй Илличевскій.

P. S. Со временемъ больше.

1816-й годъ.

XVIII.

Генваря 16 дня 1816 г.

Благодарю тебя, любезный другъ! за письмо твое; я его получилъ уже съ недѣлю, и еще не собрался отвѣчать тебѣ—прости мнѣ за это съ свойственнымъ тебѣ великодушіемъ, ежели я со свойственною мнѣ искренностію объявлю тебѣ причину моего молчанія. У насъ завелись книги, которыя по истеченіи срока должны были отправиться восвояси,—я хотѣлъ прочесть ихъ, не хотѣлъ пропустить времени и сдѣлалъ преступленіе противъ законовъ дружества и условій нашей переписки.—Теперь je change de style: становлюсь на твоемъ мѣстѣ, тебя воображаю на моемъ. Было ли у насъ условіе, спрашиваю тебя грознымъ голосомъ судьи,

церемониться передъ другомъ, утаивать то на языкѣ, что сердце сказать хочетъ?—Ты понимаешь, что я говорю о второй просьбѣ, которую ты удовольствовался намѣтить точками. Нѣтъ! нѣтъ! этого я тебѣ никогда не прощу, а въ доказательство того исполняю первую твою просьбу въ точности.

Пушкинъ и Есаковъ [1]) взаимно тебѣ кланяются—тебѣ и Гофману, а къ нимъ и я присоединяю свои комплименты. Кстати о Пушкинѣ: онъ пишетъ теперь комедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ названіемъ *Философъ*. Планъ довольно удаченъ—и начало: то есть I-е дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее,—стихи и говорить нечего, а острыхъ словъ—сколько хочешь! Дай только Богъ ему терпѣнія и постоянства, что̀ рѣдко бываетъ въ молодыхъ писателяхъ; они то же, что мотыльки, которые не долго на одномъ цвѣткѣ покоятся,—которые также прекрасны и также, къ несчастію, непостоянны; дай Богъ ему кончить ее—это первый большой ouvrage, начатый имъ,—ouvrage, которымъ онъ хочетъ открыть свое поприще по выходѣ изъ Лицея. Дай Богъ ему успѣха—лучи славы его будутъ отсвѣчиваться въ его товарищахъ.

И такъ еще одно благодѣяніе для меня исполнено тобою, еще одно кольцо прибавлено къ той цѣпи, которая возлагается на меня благодарностью. Я разумѣю *жизнь Эйлера*. Нѣтъ, мой другъ, я не отказываюсь еще отъ моего намѣренія, и въ будущности, увидимъ, можетъ быть, исполненіе. Но теперь недостаетъ мнѣ матеріаловъ, и такъ что̀ было мнѣ прошлаго разу говорить тебѣ объ этомъ?

Съ Ахматовымъ переписка моя идетъ clopin—clopan. И что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть несноснѣе переписки *въ стихахъ*,—какое принужденіе, какая лесть; прибавь еще къ тому, что я самого Ахматова (котораго принужденъ называть первымъ другомъ, предметомъ чувствъ и мыслей, идоломъ сердца и души, которому противу воли долженъ я пѣть такую же безсмыслицу о дружбѣ, каково Кантово опредѣленіе любви) едва только помню, слѣдственно не знаю ни свойствъ его, ни характера—сколько неудобствъ! но что дѣлать, *съ волками надо по волчьи выть*.

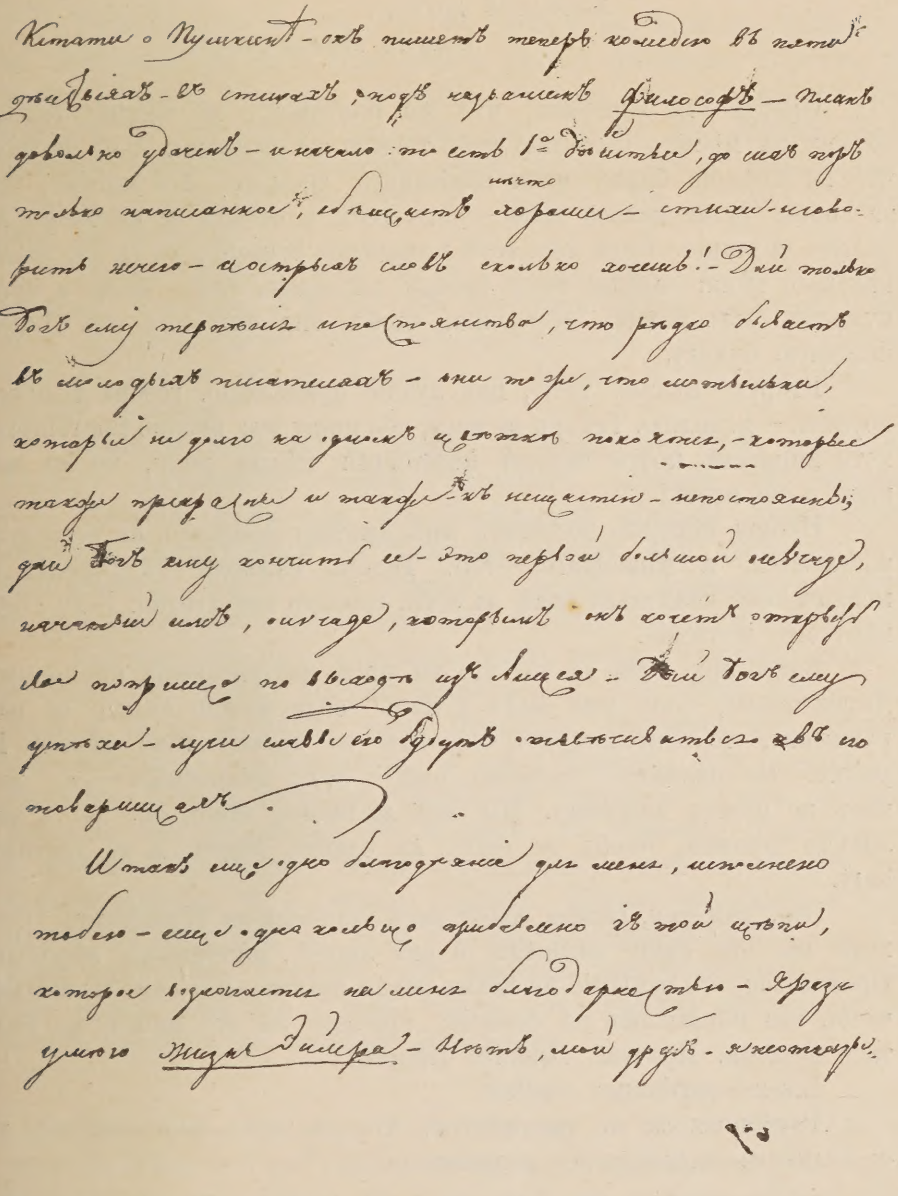
Прощай, любезный мой anti-Ахматовъ, пиши мнѣ, пиши, если хочешь сдѣлать мнѣ одолженіе, требуй всего: услуживать тебѣ есть первое удовольствіе твоего

Царскосельскаго друга Алексѣя Илличевскаго.

---

[1]) Семенъ Семеновичъ Есаковъ, вышедшій изъ Лицея въ гвардію, былъ послѣ полковникомъ артиллеріи и погибъ въ царствѣ польскомъ, въ 1831 г. во время войны. *Я. Г.*

Изъ письма отъ 16-го января 1816 г.[1]).



Кстати о Пушкинѣ — онъ пишетъ теперь комедію въ пяти дѣйствіяхъ — въ стихахъ, подъ названіемъ Философъ — планъ довольно удаченъ — и начало, то есть 1-е дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее — стихи — нечего говорить — а острыхъ словъ сколько хочешь! — Дай только Богъ ему терпѣнія и постоянства, что рѣдко бываетъ въ молодыхъ писателяхъ — они то же, что мотыльки, которые недолго на одномъ цвѣткѣ покоятся, — которые также прекрасны и также ничтожны — непостоянны; дай Богъ ему кончить ее — это первой большой опытъ, начальный шагъ, которымъ онъ хочетъ открыть себѣ поприще по выходѣ изъ Лицея — Дай Богъ ему успѣхъ — лучи славы его будутъ отсвѣчиваться въ его товарищахъ.

Итакъ еще одно благодѣяніе для меня, исполнено тобою — еще одно кольцо прибавлено къ той цѣпи, которое возбуждаетъ во мнѣ благодарность — Кромѣ умнаго Жиль Блаза — Нѣтъ, мой другъ — я не отстану.

1) Снимокъ въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ.

XIX.

17 февраля 1816 г.

Любезный другъ,
Павелъ Николаевичъ,

Правда! ты виноватъ, что мы получаемъ по одному только письму въ мѣсяцъ (отвѣчаю тебѣ твоими же словами): 1-ое потому, что ты имѣешь болѣе меня свободнаго времени, 2-е потому, что за тобою остановилось дѣло,—вотъ тебѣ и отвѣтъ и выговоръ за долгое молчаніе. Если онъ тебѣ покажется brusque, то ты въ правѣ наказать меня: задуши меня своими письмами, такъ, чтобы я принужденъ былъ нанять извозчика, чтобъ онъ вывозилъ изъ Лицея негодную бумагу.

Вторую просьбу твою, или лучше приказаніе, говоря языкомъ дружбы,—исполню. Теперь не могу, ибо пишу это письмо impromptu, хотя впрочемъ поэты пишутъ impromptu цѣлыя ночи, но на сей разъ я не поэтъ!

Прошу покорно доставить мнѣ Дмитрія Донского, не русскаго, разумѣется, а нѣмецкаго.—NB. Теперь Есаковъ въ городѣ, и можетъ тебѣ кланяться самъ за себя, сколько ему угодно. Г-ну Гофману мое почтеніе.

Благодарю тебя за то, что ты насъ поздравляешь съ новымъ Директоромъ,—онъ уже былъ у насъ; если можно судить по наружности, то Энгельгардтъ человѣкъ *не худой*—vous sentez la pointe. Не полѣнись написать мнѣ о немъ подробнѣе,—это для насъ не будетъ лишнимъ. Мы всѣ желаемъ, чтобъ онъ былъ человѣкъ прямой, чтобъ не былъ къ однимъ Engel, а къ другимъ hart.

Это, кажется, вздоръ, чтобъ насъ перевели въ Петербургъ [1]),—хотя мы это сами слышали и отъ людей, достойныхъ вѣроятія. Признаться, это извѣстіе не всѣмъ равно пріятно, и я самъ не желаю, чтобъ это обратилось въ событіе: причинъ на это много, но болтать некогда. Прочти! Прости! Прости!

Lisez—pardonnez—adieu.

Pardonnez за то, разумѣется, что на этотъ разъ *хорошее не въ великомъ количествѣ*— понимаешь.

Алексѣй Илличевскій.

---

[1]) Уже тогда носились такія слухи, осуществившіеся только въ 1844 г. *К. Г.*

XX.

28 февраля; извѣстенъ годъ и мѣсто.

Теперь, можетъ быть, въ эту минуту мы пишемъ вмѣстѣ, я къ тебѣ и ты ко мнѣ, если вѣрить твоему обѣщанію. Поэтому ты видишь, что я получилъ послѣднее письмо твое, разумѣется, послѣднее по сіе время,—не дай Богъ, чтобъ ты лишилъ меня лучшаго удовольствія получать твои письма, всегда исполненныя остроты и нѣжныхъ увѣреній въ дружбѣ. Но подожди, j'aurai bien ma revanche.

Теперь, можетъ быть въ эту минуту ты посылаешь ко мнѣ Дмитрія Донского, а я къ тебѣ желаемую тобою Балладу, подивись проницательству дружбы—вопреки тебѣ самому я узналъ, чего ты хочешь; это не *Козакъ* [1]), а *Полякъ* [2]), баллада нашего *барона Дельвига.*

Краткое извѣстіе о жизни и твореніяхъ сего писателя. Антонъ Антоновичъ Баронъ Дельвигъ родился въ Москвѣ 6-го Августа 1798 года отъ благородной древней Лифляндской фамиліи. Воспитанный въ Русскомъ законѣ, онъ окончилъ (или оканчиваетъ) науки въ Импер. Лицеѣ. Познакомясь рано съ музами, *музамъ пожертвовалъ онъ большую часть своихъ досуговъ.*

Быстрые способности (если не геній), совѣты свѣдущаго друга—отверзли ему дорогу, которой держались въ свое время Анакреоны, Горація, а въ новѣйшіе годы Шиллеры, Рамлеры, ихъ вѣрные подражатели и послѣдователи; я хочу сказать, онъ писалъ въ древнемъ тонѣ и древнимъ размѣромъ—*метромъ.* Симъ метромъ написалъ онъ *Къ Діону, Къ Лилетѣ, Къ больному Горчакову*— и написалъ прекрасно. Иногда онъ позволялъ себѣ отступленія отъ общаго правила, т. е. писалъ ямбомъ: *Полякъ* (балладу), *Тихую жизнь* (которую пришлю тебѣ—мастерское произведеніе!) и писалъ опять прекрасно. Странно, что человѣкъ такого веселаго шутливаго нрава (ибо онъ у насъ одинъ изъ лучшихъ остряковъ) не хочетъ блеснуть на поприщѣ Эпиграммъ.

Поклонись отъ меня Г-ну Гофману и поблагодари его за книгу le Printems d'un Proscrit, которую онъ принялъ на себя трудъ прислать ко мнѣ. Жаль, что я не могу ею воспользоваться: мнѣ

---

[1]) У насъ есть баллада и *Козакъ*, сочиненіе А. Пушкина. Mais: *on ne peut désirer ce qu' on ne connait pas.* Voltaire, Zaire. *А. И.*

[2]) Она приложена къ письму. См. ниже. *К. Г.*

нужно было *четвертое* изданіе, а она къ несчастію еще хуже моего экземпляра; мой экземпляръ *третьяго*, его же *перваго* изданія. Есаковъ перешлетъ къ нему ее обратно, это его дѣло. Мой долгъ былъ пріятнѣе—мнѣ надлежало *благодарить*.

Читая твой анекдотъ, я вспомнилъ другой анекдотъ, который будетъ ему родной братецъ: одна дама (видно, все дамамъ пришлось грѣшить) сказала, говоря о своемъ братѣ: *Il a reçu une poule* (пулю вмѣсто balle) *dans le caviar de sa jambe* (въ икру ноги—beau ruthénisme!) *et on lui a passé la cavalerie* (т. е. кавалерственный орденъ) *à travers les épaules*. Этотъ, кажется, не хуже твоего.

А знаешь знаменитыя изреченія Генерала Уварова? Qui est ce qui a commandé l'aile gauche? спросилъ его Бонапарте при заключеніи мира въ прошедшія кампаніи.—Je, Votre Majesté, отвѣчалъ онъ со свойственнымъ ему безстрашіемъ.

Въ другое время онъ спрашивалъ у Французовъ съ нимъ бывшихъ *une pipe à regarder*, подзорную трубку—вмѣсто lunette d'approche!

Вотъ тебѣ задача—прочти слѣдующія стихи такъ, чтобъ въ нихъ была мѣра—послѣдніе два, ты видишь, безъ римфъ: чего-же недостаетъ? отгадай!

Какая здѣсь гора крутая,
Взойдемъ медлительной стопой,
Любезный другъ мой,
На ону;

Намаравъ столько глупостей, не нужно мнѣ подписываться—*виденъ соколъ по полету*,—однако жъ, usus est tyrannus: такъ ли?

Алексѣй Илличевскій.

XXI.

Марта 20 1816 г.

Браво, Фуссъ! вотъ еще одно письмо, теперь нечего винить тебя въ неисправности, если только такъ же продолжаться будетъ. За это вотъ тебѣ и награда или лучше двѣ награды: 1) Мое письмо будетъ короче; 2) посылаю тебѣ съ нимъ двѣ *гусарскія* пьесы нашего Пушкина—гусарскія потому, что въ нихъ дѣло идетъ о гусарахъ и о ихъ принадлежностяхъ [1]). Обѣ прекрасны!—Почитай ихъ, покамѣстъ еще не затопленъ наводненіемъ.

---

[1]) „Усы“ и „Слеза“. Обѣ были приложены къ письмамъ. *К. Г.*

Какъ же это ты пропустилъ случай видѣть нашего Карамзина—безсмертнаго Исторіографа Отечества? Стыдно, братецъ,—ты бы могъ по крайней мѣрѣ увидѣть его хоть на улицѣ; но прошедшаго не воротить, а чему быть, тому не миновать—такъ нечего пустого толковать! Ты хочешь знать, видѣлъ ли я его когда-нибудь? какъ будто желаешь найти утѣшеніе, если это подлинно случилось. Нѣтъ, любезный другъ, и я не имѣлъ счастія видѣть его; но я не находилъ къ тому ни разу случая. Мы надѣемся, однакожъ, что онъ посѣтитъ нашъ Лицей, и надежда наша основана не на пустомъ. Онъ знаетъ Пушкина и имъ весьма много интересуется; онъ знаетъ также и Малиновскаго [1])—поспѣшай же, о день отрадъ! Правда ль? говорятъ, будто Государь пожаловалъ ему вдругъ чинъ Статскаго Совѣтника, орденъ Св. Анны I класса и 60.000 рублей для напечатанія Исторіи. Слава великодушному Монарху! горе зоиламъ генія!

Признаться тебѣ, до самаго вступленія въ Лицей я не видѣлъ ни одного писателя, но въ Лицеѣ видѣлъ я Дмитріева, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, Василія Пушкина и Хвостова; еще забылъ: Нелединскаго, Кутузова, Дашкова. Въ публичномъ мѣстѣ быть съ ними гораздо легче, нежели въ частныхъ домахъ,—вотъ почему это и со мною случилось. Прощай! не могу писать болѣе, скажу откровенно,—я боленъ нѣсколько головою. Отвѣтъ твой возвратитъ мнѣ здоровье и силы и оживитъ мысли мои. Прощай еще разъ.

Алексѣй Илличевскій.

Письма другихъ первенцовъ Лицея.

Кромѣ писемъ Илличевскаго, сохранились въ архивѣ I-го курса еще отдѣльныя письма нѣсколькихъ первокурсниковъ другъ къ другу, а также нѣсколькихъ наставниковъ (гувернеровъ) къ нимъ—изъ эпохи лицейскаго шестилѣтія, а равно изъ послѣдующихъ временъ. Всѣ они представляютъ, разумѣется, цѣнный матеріалъ для характеристики какъ лицейскаго быта и отношеній, такъ и самихъ корреспондентовъ.

Хотя нѣкоторая часть этого маленькаго собранія писемъ была уже напечатана (впрочемъ по большой части въ извлеченіяхъ [2]), однакожъ согласно нашему плану и для полноты нашего изданія,

[1]) Ивана Вас., воспитанника Лицея, сына директора и племянника начальника Моск. Архива И. Д. Алексѣя Ѳедоровича Малиновскаго. *К. Г.*

[2]) Въ извѣстномъ сборникѣ Я. К. Грота.

Послѣднее письмо Илличевскаго [1]).

Марта 20 — 1816.

Браво, Фуссъ! вотъ и еще одно письмо — теперь нечего винить тебя въ неисправности; и мнѣ только также предупреждать будетъ. За это вотъ тебѣ и награда или лучше двѣ награды: 1) Мое письмо будетъ хорошее; 2) Посылаю тебѣ въ живыхъ двѣ гусарскія пьесы нашего Пушкина — гусарскія потому что въ каждой изъ нихъ идетъ о гусарахъ и о ихъ прекрасныхъ дѣлахъ — обѣ прекрасны! — Почитай ихъ, пожалуйста, еще не затопленъ наводненіемъ.

Какъ же это ты пропустилъ случай видѣть нашего Карамзина — безсмертнаго Исторіографа отечества? — Стыдно, братецъ — ты бывши по сосѣдству можно увидѣть его хоть на улицѣ — но прошедшаго не воротить, чему быть, тому не миновать — такъ нечего пустое толковать! — Ты хочешь знать, видѣлъ ли я его когда нибудь? — какъ будто желаешь найти ~~[illegible]~~ утѣшеніе, или это подлинно случилось. Итакъ, любезный другъ, я не имѣлъ счастія видѣть его; хотя не находилъ къ тому и перваго случая. Мы надѣемся, однакожъ, что онъ посѣтитъ нашъ Лицей —

---

[1]) Воспроизводится въ нѣсколько уменьшенномъ снимкѣ.

(продолженіе этого письма).

и надежда наша основана и на путешествіи — Ты знаешь Пу-
шкина, и тебя вѣрно интересуетъ; онъ знаетъ
также и Малиновскаго — пишетъ уже день отъ дня!
Правда ли? говорятъ будто государь пожаловалъ ему вдругъ
чинъ статскаго совѣтника, орденъ Св. Анны 1 класса
и 60,000 рублей для напечатанія Исторіи — Слава вели-
кодушному Монарху! горе зоиламъ генія!

Признаться тебѣ, до самого вступленія въ Лицей, я
не видалъ ни одного писателя — но въ Лицеѣ видѣлъ я
Дмитріева, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, Василія
Пушкина — и Хвостова; еще забылъ: Нелединскаго,
Кутузова, Дашкова. Въ публичномъ мѣстѣ быть
съ ними гораздо легче, нежели въ частныхъ домахъ —
вотъ почему это со мною случилось. Прощай!
не могу писать болѣе — скажу откровенно — я боленъ
нѣсколько головою. Отвѣтъ твой возвратитъ
мнѣ здоровье и силы и оживитъ мысли мои.
Прощай искренно!

Алексѣй Илличевскій

я помѣщаю здѣсь *всѣ* имѣющіяся у меня письма, безъ всякихъ пропусковъ.

Къ этой коллекціи, въ видѣ дополненія, я присоединю нѣсколько писемъ другихъ лицъ, постороннихъ лицею, но близкихъ къ его первенцамъ и изъ другой эпохи,—писемъ, вызванныхъ лицейскими воспоминаніями и разработкой матеріаловъ о Пушкинѣ и Лицеѣ.

Письма Матюшкина къ товарищу Созоновичу [1]).

№ 1.

Царское Село,
10 Іюня 1817 г.

Публичныя испытанія, которыя продолжались 16 дней, были причиною, что я не писалъ къ тебѣ уже около мѣсяца, не пеняй на меня—ты знаешь, что я лѣнивъ писать письма, но ты, который прежде всегда дѣлалъ выговоры за лаконическій слогъ мой, ты мнѣ уже не писалъ около восьми мѣсяцевъ. Я не знаю, какъ сіе объяснить; послѣднее письмо мое къ тебѣ послалъ я брату, но онъ тебя не нашелъ въ Москвѣ. Это я отправлю къ А. А. Антонскому [2]). Кажется, онъ долженъ знать, гдѣ ты находишься; я надѣюсь скоро получить отвѣтъ, а не то не прогнѣвайся, если отъ меня ни строчки не увидишь.

Вчера, любезный Сережа, былъ у насъ выпускъ: Государь на ономъ присутствовалъ, постороннихъ никого не было: все сдѣлалось такъ нечаянно, вдругъ; я выпущенъ съ чиномъ коллежскаго секретаря; ты конечно поздравишь меня съ счастливымъ началомъ службы. Еще ничего не сдѣлавши—быть X класса. Конечно это много, но мы судимъ по сравненію: нѣкоторые выпущены титулярными совѣтниками, но объ этомъ ни слова.

Я вознагражденъ тѣмъ, что Директоръ нашъ Е. А. Энгельгардъ, о которомъ я писалъ къ тебѣ уже нѣсколько разъ, обѣщалъ доставить мнѣ случай сдѣлать морское путешествіе. Капитанъ Головнинъ отправляется на Фрегатѣ „Камчаткѣ“ въ путешествіе кругомъ свѣта, и я надѣюсь, почти увѣренъ итти съ нимъ.

---

[1]) Сохранились въ черновыхъ тетрадяхъ Матюшкина, вмѣстѣ съ путевыми его замѣтками. Оба письма помѣщены другъ за другомъ—въ тетрадкѣ (въ 4-ку) довольно толстой синей бумаги, на 9 стран. Рукопись обрывается на полусловѣ.

[2]) Извѣстный ученый писатель Ант. Ант. Прокоповичъ-Антонскій, бывшій инспекторомъ, а потомъ директоромъ Московскаго Благороднаго Университетскаго пансіона. *К. Г.*

Наконецъ мечтанія мои быть въ морѣ исполняются; дай Богъ, чтобъ ты былъ такъ счастливъ, какъ я теперь. Однако мнѣ не достаетъ товарищей,—всѣ оставили Царское Село, исключая меня. Я, какъ сирота, живу у Е. А., но ласки, благодѣянія сего человѣка день ото дня, часъ отъ часу меня болѣе къ нему привязываютъ. Онъ мнѣ второй отецъ. Не прежде какъ получу извѣстіе о моемъ счастіи (ты меня понимаешь), не прежде я оставлю Царское. Шестилѣтняя привычка здѣсь жить дѣлаетъ разлуку съ нимъ весьма трудною.

Прощай, любезный Созоновичъ, до радостнаго свиданія. Вотъ тебѣ наша прощальная пѣсня, ноты я тебѣ не посылаю, потому что ни ты, ни я въ нихъ толку не знаемъ, но впрочемъ скажу тебѣ, что музыка прекрасна: сочиненіе Terper de Ferguson, а слова б. Дельвига.

Ты объ нихъ самъ судья: можетъ они стоятъ музыки. Прощай.

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятьяхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: Шествуйте сыны!
Тебѣ, нашъ Царь, благодаренье,
Ты самъ насъ юныхъ съединилъ,
И въ семъ святомъ уединеньи
На службу музамъ посвятилъ.
Прими-жъ теперь не тѣхъ веселыхъ
Безпечной радости друзей,
Но въ сердцѣ чистыхъ, въ правдѣ смѣлыхъ,
Достойныхъ благости Твоей.
О матерь, вняли мы призванью,
Кипитъ въ груди младая кровь!
Одно лишь есть у насъ желанье:
Всегда къ тебѣ хранить любовь.
Мы дали клятву: все родимой,
Все безъ раздѣла, кровь и трудъ,
Готовы въ бой неколебимо,
Неколебимо въ правды судъ.
Благословите положившихъ
Святой отечеству обѣтъ
И съ дѣтской нѣжностью любившихъ
Васъ, други нашихъ рѣзвыхъ лѣтъ.
Мы не забудемъ наставленій,
Плодъ вашихъ опытовъ и думъ,
И мысль объ нихъ, какъ нѣкій геній,

Неопытный удержитъ умъ.
Прощайте братья, руку въ руку,
Обнименмтесь въ послѣдній разъ,
Судьба на вѣчную разлуку
Быть можетъ съединила насъ.
Другъ на другѣ остановите
Вы взоръ съ прощальною слезой.
Храните, о друзья, храните
Ту-жъ дружбу съ тою-же душой!
То-жъ къ правдѣ пылкое стремленье,
Ту-жъ юную ко славѣ кровь,
Въ несчастьѣ гордое терпѣнье,
А въ счастьи всѣмъ равно любовь.
Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтаніе,
Въ объятяхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: Шествуйте сыны!
Прощайте братья, руку въ руку,
Обнименмтесь въ послѣдній разъ,
И поклянемся мы разлуку
Провесть какъ разлученья часъ. [1])

№ 2.

Царское Село,
18 іюля 1817 г.

Другъ есть неоцѣненное сокровище, безъ котораго жизнь наша есть единое токмо бытіе. Еслибы возможно было смертному вознестись выше земли и видѣть строеніе натуры, источникъ солнцевъ, какое бы пріобрѣлъ онъ себѣ отъ сего знаніе (и) удовольствіе, еслибъ онъ никому изъ подобныхъ себѣ не въ состояніи былъ сообщить чувствованій своихъ и мыслей.

---

[1]) Послѣдніе два стиха — лучшій и болѣе осмысленный варіантъ вмѣсто:

„Судьба на вѣчную разлуку
Быть можетъ породнила насъ“,

какъ читаемъ въ общепринятой редакціи.

Эта, приведенная здѣсь, редакція—несомнѣнно самая ранняя, первоначальная. Она повторена и въ извѣстномъ отдѣльномъ изданіи—брошюрѣ (съ музыкой), 1835 г., гдѣ текстъ, написанный рукою Е. А. Энгельгардта, налитографированъ на оборотѣ послѣдняго листа. Та, что напечатана въ „Сынѣ Отечества“ 1817 г., вѣроятно,—исправленная бар. Дельвигомъ для печати. В. П. Гаевскій, не знакомый съ настоящимъ спискомъ, ошибочно считалъ нашу редакцію—позднѣйшей („Современникъ“, 1853, т. 37, стр. 86—88.).

Я теперь, любезный другъ, наслаждаюсь жизнью; прошедшее доставляетъ мнѣ пріятное воспоминаніе; настоящее меня радуетъ— а будущее составляетъ все мое счастіе.

Позволь съ тобою поговорить, любезный другъ, позволь съ тобою раздѣлить мое счастіе. Ахъ, еслибъ я былъ съ тобою, я бы бродилъ съ тобою по густымъ аллеямъ Царскосельскаго сада, разсказывалъ бы тебѣ о прошедшемъ счастливомъ времени, представлялъ бы тебѣ еще блаженнѣйшую будущность.

Теперь же хожу одинъ, задумываюсь, мечтаю: каждое дерево, каждая бесѣдка рождаютъ во мнѣ тысячу воспоминаній счастливаго времени, проведеннаго въ Лицеѣ.

Царскосельскій дворецъ построенъ въ 1744 году Графомъ Растрелли, напоминающимъ вѣкъ Людовика XIV, вѣкъ вкуса и роскоши, и несмотря, что время истребило яркую позолоту, коею были густо покрыты кровли, карнизы, статуи и другія украшенія, все еще можетъ почесться великолѣпнѣйшимъ дворцомъ въ Европѣ. Еще видны на нѣкоторыхъ статуяхъ остатки сей удивительной роскоши, предоставленные дотолѣ однимъ внутренностямъ царскихъ чертоговъ. Когда Императрица Елизавета пріѣхала со всѣмъ дворомъ своимъ и иностранными министрами осмотрѣть оконченный дворецъ, то всякій, пораженный великолѣпіемъ его, спѣшилъ изъявить Государынѣ свое удивленіе; одинъ французскій министръ Маркизъ дела Шетарди не говорилъ ни слова. Императрица замѣтила его молчаніе, хотѣла знать причину его равнодушія, и получила въ отвѣтъ, что онъ не находитъ здѣсь главной вещи—футляра на сію драгоцѣнность.

Я слышалъ также, что когда Екатерина приказала выкрасить зеленою краскою кровлю, то многіе подрядчики предлагали болѣе 20.000 черв. за позволеніе собрать оставшееся на ней золото.

Внутренность дворца совер. . . . . *(на этомъ текстъ прерывается).*

Матюшкинъ—Яковлеву [1]).

Севастополь,
14-ое Февраля 1837 г.

Пушкинъ убитъ—Яковлевъ, какъ ты это допустилъ—у какого подлеца поднялась на него рука!

---

[1]) Послѣ Лицея, изъ товарищей Пушкина самыми близкими ему (съ лучшими своими друзьями въ стѣнахъ Лицея, Пущинымъ и Малиновскимъ, онъ судьбою былъ разлученъ очень скоро) были Матюшкинъ и Яковлевъ, съ которыми его связывала самая сердечная товарищеская дружба. Понятно, какое потрясающее впечатлѣніе на нихъ произвела трагическая смерть поэта. Глубокій, безотрадный вопль любящаго сердца слышится въ строкахъ Матюшкина, уко-

Яковлевъ, Яковлевъ, какъ ты могъ это допустить?—Нашъ кругъ рѣдѣетъ, пора и намъ убираться".

Адресъ на письмѣ слѣдующій:

Его Высокородію

Михаилу Лукьяновичу

Яковлеву.

Ст. Петербургъ.

У Полицейскаго моста на Екатерининскомъ каналѣ—въ домѣ бывшаго Библейскаго общества у Михайловскаго театра.

ряющаго своего друга въ томъ, что онъ допустилъ эту роковую развязку. Любопытно сопоставить съ этимъ слова И. И. Пущина по поводу ужаснаго извѣстія: „еслибъ я былъ на мѣстѣ К. Данзаса, то роковая пуля встрѣтила бы мою грудь: я бы нашелъ средство сохранить поэта-товарища, достояніе Россіи... (см. ниже письмо А. И. Малиновскаго къ Я. К. Гроту).

Матюшкина я имѣлъ случай характеризовать выше. Здѣсь надо сказать нѣсколько словъ о Яковлевѣ. Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ (род. 1798 г., ум. 1868 г.), переведенный въ Лицей изъ Московскаго Университетскаго благороднаго пансіона, впослѣдствіи извѣстный „лицейскій староста", собиратель лицейскаго архива, восторженный хранитель лицейскихъ преданій и устроитель лицейскихъ сходокъ—„годовщинъ 19 октября", былъ въ Лицеѣ очень любимъ и популяренъ среди своихъ товарищей, главнѣйше благодаря своему веселому нраву, неисчерпаемой изобрѣтательности на всякія затѣи, забавы и штуки и своей музыкальности: онъ пѣлъ, игралъ на скрипкѣ, былъ композиторомъ, актеромъ и замѣчательнымъ подражателемъ, за что получилъ у товарищей прозвище „паяса" (см. ниже стр. 80). Подобно многимъ товарищамъ, онъ писалъ также стихи и особенно басни, надъ которыми подшучивалъ Пушкинъ (*„Пирующіе студенты"*: „Забавный право ты поэтъ, хоть плохо басни пишешь"...) О роли Яковлева, какъ „лицейскаго старосты" на годовщинахъ 19 октября, см. нашу статью „Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него". (Спб. 1910 г.).

М. А. Корфъ, бывъ очень близокъ съ М. Л., называлъ его „хорошимъ товарищемъ, надежнымъ въ пріязненныхъ своихъ сношеніяхъ". Служебная карьера М. Л. была довольно удачна. Онъ началъ ее въ Московскомъ Сенатѣ, но, по словамъ Корфа, ему сперва очень не везло; но потомъ, съ переходомъ во II Отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи (къ Сперанскому), все поправилось. Одно время онъ былъ директоромъ типографіи II отдѣленія и наблюдалъ за печатаньемъ „Исторіи Пугачевскаго бунта" своего друга. См. о немъ еще ниже, стр. 80—81.

Записочка Матюшкина къ Яковлеву
(по поводу смерти Пушкина).

Пушкинъ убитъ — Яковлевъ, как-
ты, это допустилъ — у какого
подлеца поднялась на него рука!
Яковлевъ. Яковлевъ, как ты мог
это допустить — Наш кругъ редеетъ
пора и нам убиратьс.

14е февраля.
Севастополь.

И. П. Фуфайкинъ—Яковлеву [1]).

1816 г.
Декабря 22,
Суббота.

Милостивый Государь
Михайло Лукьяновичъ!

Крайне сожалѣю, Милостивый Государь мой Михайло Лукьяновичъ, что время не позволило мнѣ при проѣздѣ чрезъ Царское увидѣть васъ лично и поздравить съ праздниками. Батюшка вашъ и Матушка кланяются вамъ изъ Москвы и препоручили мнѣ доставить вамъ при семъ прилагаемую посылку, которую, такъ какъ я самъ не могъ васъ видѣть, просилъ переслать къ вамъ общаго нашего друга Ѳедора Васильевича. При столь вѣрномъ случаѣ позвольте не упустить рекомендовать себя, равно какъ и гостинецъ, вашей дружбѣ и расположенію. Съ моимъ къ вамъ почтеніемъ честь имѣю пребыть,

Милостивый Государь мой,
Вашимъ покорнымъ слугою
Иванъ Петровичъ Фуфайкинъ.

Изъ переписки С. Д. Комовскаго.

Иконниковъ—Комовскому [2]).

Теперь обстоятельство меня съ тобою, любезный мой, разлучило; но бывшій твой гувернеръ увѣренъ, что дружба между тобою и имъ утвердится разлукой, что пространство, которое тебя отдалитъ отъ него, соединитъ его съ тобою большею любовію, довѣренностію, искренностію и всегдашнимъ, если можно, воспоминаніемъ вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ и другомъ Сергѣемъ Гавр. [3]).

А. Иконниковъ.

31 октября 1812 г.

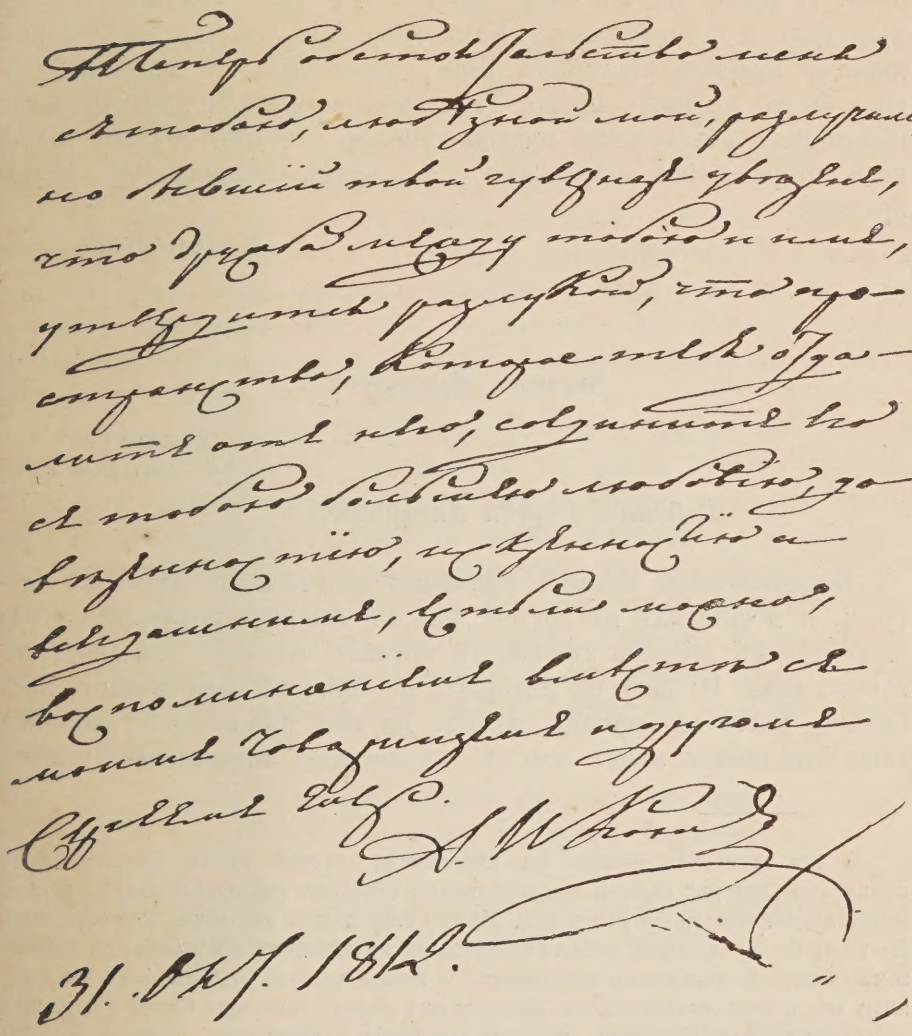
---

[1]) Кто былъ этотъ Фуфайкинъ—намъ не извѣстно: очевидно кто-то близкій къ семьѣ Яковлева. Родители Яковлева жили въ Москвѣ, гдѣ—какъ знаемъ—воспитывался сперва и ихъ сынъ въ Моск. Универс. Благородномъ пансіонѣ.

[2]) Алексѣй Никол. Иконниковъ, первый гувернеръ въ Лицеѣ, служившій тамъ не болѣе года (до конца октября 1812 г.), но оставившій добрую память въ питомцахъ своихъ—при всѣхъ своихъ чудачествахъ и несчастной слабости къ вину. О первыхъ свидѣтельствуетъ Пушкинъ въ извѣстной своей характеристикѣ И—ва (въ „Отрывкахъ изъ Лицейскихъ записокъ"). Вспомнимъ симпатичный отзывъ объ И-вѣ въ „Запискѣ" б. М. А. Корфа. Иконниковъ поощрялъ занятія воспитанниковъ литературой и поэзіей (см. ниже, въ главѣ о лиц. журналахъ) и школьные спектакли, въ которыхъ самъ принималъ дѣятельное участіе (см. разсказъ Корфа). Онъ былъ внукъ знаменитаго актера Дмитревскаго. По словамъ Пушкина, онъ имѣлъ дарованія, писалъ изрядно стихи и любилъ поэзію. Уволенъ онъ былъ изъ Лицея, вѣроятно, за свою страсть къ напиткамъ. Эта записочка—очевидно прощальная, вписана въ записную книжку Комовскаго.

[3]) Т. е. Чириковымъ. *К. Г.*

Запись Иконникова въ зап. тетрадкѣ Комовскаго.



Кюхельбекеръ—Комовскому [1]).

Я нѣсколько разъ получилъ въ награду за самыя лучшія намѣренія—величайшія непріятности. И если бы не Ты, могу Тебя увѣрить, что никогда не рѣшился предостеречь кого бы то ни было. Я знаю, что Ты очень добрый и честный мальчикъ, но не худо быть и осторожнымъ.—Какъ искренній твой другъ, который никакой прибыли не имѣетъ Тебя обманывать или клеветать на кого бы то ни было, прошу Тебя быть осторожнѣе въ разсужденіи нѣкоторыхъ изъ нашихъ господъ. Помни, что нѣтъ ничего легче, какъ потерять свое доброе имя и что, будучи потеряно, оно невозвратимо.

Кюхельбекеръ.

Чириковъ—Комовскому [2]).

Царское Село,
6 сент. 1814 г.

Любезный Сергѣй Дмитріевичъ!

Встревоженный вашимъ письмомъ, полученнымъ мною 26 августа, я поспѣшилъ на другой день къ вашимъ родителямъ, нашелъ ихъ въ добромъ здоровьѣ и вручилъ отъ васъ письмо, писанное вами 10 августа, котораго, по причинѣ безвыходнаго пребыванія моего въ горницѣ, прежде вручить имъ не могъ. Батюшка вашъ увѣдомилъ меня, что въ прошедшее воскресенье (считая

---

[1]) Эта записочка писана на небольшомъ листкѣ синей бумаги; сбоку приписано „издери“ (чего К. не исполнилъ); относится она повидимому къ первой эпохѣ лицейскаго жизни I-го курса. Можно сопоставить это дружеское обращеніе К—ра къ К—му (который видимо пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ) съ разсказомъ самого Комовскаго о товарищахъ и товарищескихъ отношеніяхъ въ *Дневникѣ* его, о предостереженіяхъ, которыя онъ дѣлалъ товарищу Корфу (см. выше).

[2]) Серг. Гавр. Чириковъ, учитель рисованія и гувернеръ, пробылъ въ Лицеѣ болѣе 30 лѣтъ и за свой добрый нравъ и обходительность пользовался любовью и довѣріемъ воспитанниковъ. Онъ, какъ и его другъ Иконниковъ, сочувствовалъ литературнымъ занятіямъ лицеистовъ и самъ пописывалъ стихи (хотя и плохіе). Въ первое время лицеисты проводили свободное время у Чирикова: тамъ составлялся ихъ литературный кружокъ. На квартирѣ его, какъ извѣстно, долго сохранялись на стѣнѣ строки, набросанныя рукою Пушкина. См. о немъ воспоминанія въ замѣткахъ М. А. Корфа. Комовскій былъ любимцемъ Чирикова, какъ онъ самъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ.

отъ 26 Августа назадъ) былъ въ Лицеѣ, что вы находитесь здоровы и пр. и пр. Мнѣ весьма жаль, что никакого не получаю извѣстія въ разсужденіи моего здѣсь долгаго пребыванія, т. е. мнѣ бы хотѣлось знать, не гнѣвается ли на меня Степанъ Степановичъ [1]), и какого онъ о мнѣ по сему обстоятельству мнѣнія... Даже и Комочекъ меня о семъ, при всей своей откровенности, до сего времени не увѣдомилъ.

Я время провождаю здѣсь въ большой скукѣ, заниматься ничѣмъ не могу, словомъ: я бы крайне желалъ поскорѣе оставить Петербургъ и возвратиться къ моей должности. Глаза мои, слава Богу, лучше, но все слабы, и я думаю, что и по пріѣздѣ моемъ въ Лицей не вдругъ примусь я за труды.

Въ минуты, въ кои съ вами я бесѣдую, бесѣдую также съ Ѳотіемъ Петровичемъ [2]) и Алексѣемъ Николаевичемъ [3]), и минуты сіи для меня весьма пріятны, говоримъ о васъ и пр. и пр. Но извините: мы идемъ всѣ трое въ Академію Художествъ смотрѣть различныя произведенія любителей Художествъ. Жаль, весьма жаль, что васъ съ нами нѣтъ. Прощайте.

Увѣдомьте Ѳедора Ѳедоровича [4]), что я нигдѣ не нашелъ такого ножа, какой ему угоденъ; всѣ тѣ, кои я видѣлъ у Курапцова и у прочихъ продавцовъ, всѣ тѣ, повторяю, ножи безъ шилъ, и я съ прискорбіемъ возвратился домой. Кланяйтесь, пожалуйста, отъ меня любезнымъ вашимъ товарищамъ: Кн. Ал. Мих. Горчакову, Вл. Дм. Вольховскому, Сем. Сем. Есакову [5]), Арк. Ив. Мартынову [6]), Матюшкину и пр., Илличевскому, Пущину, Малиновскому и пр. Скажите, или лучше извините меня передъ ними, что я никому изъ нихъ особенно не писалъ: мнѣ по слабости глазъ моихъ опасно.

Съ любовію къ вамъ пребываю
вашъ усердный Чириковъ.

P. S. На будущей недѣлѣ я буду имѣть удовольствіе васъ лично видѣть, и потому вамъ надобности нѣтъ въ адресѣ.

---

[1]) Фроловъ, инспекторъ Лицея (одно время исправлялъ должность директора).

[2]) Калиничъ (тоже гувернеръ).

[3]) Иконниковъ.

[4]) Матюшкинъ.

[5]) О немъ см. выше, стр. 60, а также біограф. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго (съ портретомъ) въ изд. „Пушкинъ и его современники“, в. II (1904 г.), стр. 27—31. *К. Г.*

[6]) См. выше, стр. 52.

Комовскій – своей матери [1]).

Воскресеніе,
24 февраля 1818.

Слава Богу, любезная Маменька, вчерашній день мы благополучно пріѣхали въ 2 часа пополудни въ Москву, и еслибъ я увѣренъ былъ, что и у васъ дома всѣ живы и здоровы, то я бы совершенно былъ спокоенъ. Хотя мы не много на дорогѣ останавливались, однако жъ должны были ѣхать болѣе четырехъ сутокъ. Первые два дня погода была хорошая, дорога также, и ѣхать было довольно пріятно; но, не доѣзжая до Новгорода, одна изъ ѣхавшихъ съ нами повозокъ сломалась. Мы, между тѣмъ, уѣхали съ Папенькой впередъ; тутъ пошла дорога самая худая, снѣжная и покрытая сугробами, глубиною аршина въ $1^1/_2$.

Къ несчастію нашему, нельзя намъ было хорошо закрыться въ повозкѣ, потому что отъ первыхъ еще толчковъ гвоздь, на который надѣвался фартукъ нашей повозки, отскочилъ, холодный вѣтеръ, особенно на зарѣ, дулъ безпрестанно въ лицо, снѣгъ засыпалъ всю коляску, лошади насилу тащили повозку, взбираясь изъ ямы на пригорокъ, для того, чтобъ спуститься въ другую яму; и такъ, по клюкву ягоду, тише нежели охтянки возятъ у васъ молоко, ѣхали мы около 300 верстъ до самой Москвы. Передокъ повозки нашей весь разбило, однако жъ бѣлье, платье и пр. довезли мы хорошо. И подивитесь, любезная Маменька, какъ я выдержалъ эту поѣздку, столь продолжительную и притомъ крайне безпокойную; я не только не замерзъ, но даже отъ безпрестанныхъ качаній, какъ въ шлюпѣ во время бури, мнѣ и тошно не дѣлалось. Одну только ночь провелъ очень скучно, съ середы на четвергъ; мы проѣзжали Валдайскія горы, ночь была пасмурная, и мы, голодные и продрогнувъ отъ холода, проѣхали цѣлыя двѣ станціи, не выходя изъ повозки. То кинетъ вправо, то ударится влѣво; то подыметъ вверхъ, то броситъ въ яму, и эти 56 верстъ тащились мы съ 3-хъ часовъ ночи до полудня, такъ что я, выходя изъ терпѣнія, начиналъ было раскаяваться, зачѣмъ поѣхалъ, и мнѣ, изнуренному голодомъ, стужей, толканьемъ и качаньемъ, чуть было не сдѣлалось тошно.

---

[1]) Письмо писано спустя 8 мѣсяцевъ послѣ выпуска. Къ Лицею оно отношенія не имѣетъ (и не было еще напечатано). Печатается мною, однако, ради интереса къ личности этого товарища Пушкина и въ виду бытовыхъ подробностей. Поясненія къ именамъ, въ немъ встрѣчающимся, сдѣланы на письмѣ— самимъ Комовскимъ.

Однако жъ, какъ ни ѣхали, но, слава Бога, наконецъ доѣхали, остановились на Тверской въ домѣ графа Петра Ивановича Салтыкова, обогрѣлись, отдохнули, наипрекраснѣйшимъ образомъ вымылись въ первыхъ здѣшнихъ Грузинскихъ баняхъ; а сегодня слушали обѣдню въ домѣ г. Владиміра Григорьевича [1]), у него же обѣдали вмѣстѣ съ Гр. Анною Алексѣевною [2]) и Катериною Владиміровною [3]), которая спрашивала о вашемъ здоровьѣ, о своихъ крестникахъ и пр. Послѣ обѣда, когда Папенька былъ съ графомъ въ кабинетѣ, ѣздилъ я на горы, однако жъ, по причинѣ оттепели народу очень мало, да и горы въ П-бургѣ несравненно красивѣе выстроены. Видѣлъ, хотя проѣздомъ, открытый здѣсь въ среду передъ масленой монументъ Минина и Пожарскаго.—Гр. Григорій Владиміровичъ еще въ Москву не пріѣхалъ.

С. Комовскій.

П. Ѳ. Саврасовъ—Комовскому [4]).

1818 года. Февраля 24.
Москва.

Любезный Сергѣй Дмитріевичъ.

Стыдно, очень стыдно, что до сихъ поръ не могъ написать ни одной строчки; хотя вы, статскіе люди, бываете очень заняты, однако же все-таки можно найти свободную минуту, чтобы увѣдомить стараго товарища о своемъ здоровьѣ и препровожденіи времени; мнѣ помнится, что ты еще особенно обѣщалъ писать ко

---

[1]) гр. Орлова.

[2]) Орловою-Чесменскою.

[3]) Е. В. Новосильцевою, рожд. гр. Орловой.

[4]) Петръ Ѳедоров. Саврасовъ вышелъ изъ Лицея въ чинѣ поручика гвардейской артиллеріи и достигъ полковничьяго чина, но умеръ рано отъ чахотки въ 1830 г. за границей, куда поѣхалъ на воды. Умеръ онъ въ Гамбургѣ, гдѣ и похороненъ. Бар. М. А. Корфъ въ своемъ дневникѣ за 1839 г. (Русск. Старина, 1904, іюнь, стр. 554), характеризуя своихъ товарищей, такъ отзывается о Саврасовѣ: „Прекрасный, съ чистѣйшею душою, благороднѣйшій человѣкъ, и его тоже ужъ нѣтъ съ нами!“... „Онъ, который въ Лицеѣ и послѣ пользовался самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ, впалъ вдругъ въ жестокую чахотку!“...—Письмо это не было еще напечатано. Оно писано изъ Москвы въ тотъ самый день, какъ и письмо Комовскаго къ матери изъ Москвы: о путешествіи К—го Саврасовъ очевидно не зналъ.

мнѣ; а какъ уѣхалъ, то и совсѣмъ позабылъ. Я здѣсь иногда видаюсь съ господами Дипломатами, а еще чаще съ добрымъ Мишкой [1]),

---

[1]) Извѣстный ихъ товарищъ лицеистъ М. Л. Яковлевъ, поступившій изъ Лицея въ Московскій сенатъ (за оберъ-прокурорскимъ столомъ). О немъ см. выше, стр. 72. Саврасовъ сообщаетъ, что онъ по прежнему „паяситъ“ и представляетъ разные типы и т. п. Извѣстно, что въ Лицеѣ его прозвали „паясомъ“. Въ протоколахъ лицейскихъ годовщинъ за 1828 г. (писанъ Пушкинымъ) и 1831 г. (писанъ Яковлевымъ) эта кличка записана при имени Яковлева, причемъ во второмъ онъ самъ подписался: *„Скрыпилъ Яковлевъ (паясъ 200 №№)“* (см. нашу статью о праздновеніи годовщинъ, отд. отт., стр. 14). Что значитъ это обозначеніе 200 №№ при словѣ „паясъ“? Къ счастью, сохранилась разгадка его. Это цифра означаетъ число ролей, въ которыхъ „паясилъ“ лицеистъ-Яковлевъ. Въ нашихъ бумагахъ нашелся ветхій, надорванный и сильно запачканный листокъ (синей бумаги) въ мал. 8-ку, на которомъ записаны (рукой Матюшкина) на четырехъ страничкахъ въ два столбца всѣ лица, фигуры и типы, которые представлялъ Яковлевъ. Ихъ дѣйствительно какъ разъ *двѣсти* №№. Приводимъ этотъ любопытный списокъ [1]):

1. Графъ Разумовскій.
2. Д. Малиновскій [2])
3. Март. Пилецкій.
4. И. Фроловъ.
5. Будри.
6. Гауеншильдъ.
7. Кошанскій.
8. Галичъ.
9. Георгіевскій.
10. Карцовъ.
11. Архангельскій.
12. Кайдановъ.
13. Куницынъ.
14. Гакенъ.
15. Кюкюель.
16. Соколовъ.
17. Иконниковъ.
18. Мейеръ.
19. Владиславлевъ.
20. Чириковъ.
21. Эбергардъ.
22. Камарашъ.
23. Золотаревъ.
24. Зюрзе-Селетскій.
25. Зерновъ.
26. Калиничъ.
27. Вилмъ.
28. Вальвилъ.
29. Билье.
30. Гюаръ.
31. Эльснеръ.

32. Прокофій.
33. Карлъ.
34. Матвѣй.
35. Тюрень.
36. Вагинъ.
37. Кобелевъ.
38. Киселевъ.
39. Матвѣй П.
40. Тимофѣй.

41. Тепперъ.
42. Пушкинъ.
43. Гревеницъ.
44. Дельвигъ.
45. Яковлевъ (братъ).
46. Есаковъ.
47. Кюхельбекеръ.
48. Персидскій посолъ.
49. Илья Степановичъ.
50. Сади.
51. Гассанъ.
52. Толстой.
53. Роспини.
54. Чертковъ.
55. Мать и дитя.
56. Кайданова дядя.
57. Соня. } дьякона.
58. Левъ. } дьякона.
59. Царскосельскій. } дьякона.
60. Степанъ.
61. Ѳаддей [3]).
62. Постанъ. [3])
63. Наталья.
64. Софья.
65. Анюта.
66. Отецъ Павелъ.
67. Кузьминскій попъ.
68. Ожеденно.
69. Г-жи Карцова.
70. Гауеншильдъ.
71. Кранкенъ.
72. „Я пьянъ“.
73. Криженовскій.

---

[1]) Въ этомъ спискѣ есть наименованія, которыя съ трудомъ разбираются. Нечего и говорить, что по смыслу здѣсь множество намъ непонятныхъ. Этотъ репертуаръ, разумѣется, постоянно обогащался, какъ можно заключить и изъ настоящаго письма товарища его.

[2]) Имя директора Малиновскаго зачеркнуто: а сверху надписано: *понимается*.

[3]) У этихъ именъ приписано сбоку: *не настоящіе*.

который совершенно не перемѣнился, также паяситъ, также представляетъ подъячаго, Подъ Пултускомъ, баньщика и пр. и пр. и пр.—

74. Зейдлеръ (? Вейдлеръ).
75. Іоганъ.
76. Мад. Terrer.
77. Чухонская } пѣсни.
78. Персидская }
79. Обомеликъ.
80. Преестественная.
81. Левъ.
82. Маіоръ (солдатъ).
83. Загрядская.
84. Левашевъ.
85. Закревскій. } на сценѣ.
86. Абаза. }
87. Стадо.
88. Индейскій пѣтухъ.
89. Черепаха.
90. Трубачъ.
91. Бутылка.
92. Двойная харя.
93. Медвѣди-Италіанцы
94. и ихъ проводники.
95. Обезьяна.
96. Пѣтухъ и курицы.
97. Поросенокъ.
98. Самоваръ.
99. Бевадепп.
100. Стасовъ.
101. Шумахеръ.
102. Лоди.
103. Зябловскій.
104. Резановъ.
105. Кукольникъ.
106. Корфъ.
107. Колченогій дьячекъ.
108. Ренненкамфъ.
109. Проводники медвѣдя—Русскіе.
110. Италіанецъ-штукарь.
111. „ конфетчикъ.
112. Агафонъ.
113. Кухмистеръ.
114. Пешель.
115. Петръ (Ч—Д.)
116. Открытый ротъ.
117. Изволь.
118. Князь Черкезскій.
119. Дада (Дядя).
120. Илья Пилецкій (чавось).
121. Варвара Ушакова.
122. Баронесса Гревеницъ.
123. Директоръ [1]).
124. Обманули дурачка.
125. Подмастерье портн.
126. Рожественъ.
127. Васька.
128. Слонъ.
129. Permettez moi de passer.
130. Кекгъ. Докторъ.
131. Суворовъ.
132. Ник. Корфъ.
133. Брусиловъ.
134. Молчановъ.
135. Измайловъ.
136. Северина.
137. Лаура.
138. Инстр. музыка.
139. Тромпетка.
140. Колонистиха.
141. Крей.
142. Дьячекъ съ трелями.
143. Сынъ Павла.
144. Гусарскій сынъ.
145. Чего просите?
146. Ѳеатръ Фаготъ.
147. Родня Гауеншильда.
148. Брусиловъ.
149. Петровъ.
150. Барановъ.
151. Морякъ съ К.
152. Дочь пастора на дудкѣ.
153. Демидовъ.
154. Аксёнъ.
155. Егерь.
156. Аксёнъ (солд.)
157. Мд. Толстой (А. Н).
158. Pechez Vous.
159. Афанасій.
160. Ершова.
161. Сынъ Отечества.
162 Штукмейстеръ—французъ.
163. Волчокъ.
164. Наташа (Коч.) [2]).
165. Геникени.
(166 пропущено).
167. Пальчикова.
168. Почталіонъ.
169. Камарашъ.
170. Корабль.
171. Ситниковъ.
172. Голдсмитъ.
173. Матернъ.
174. Шмидтъ.
175. Германъ.
176. Чезари.
177. Павловскій (попъ).
178. 2-ой попъ Лицейскій.
179. Безумный (унтеръ-офицеръ гусарскій).
180. Святая Гарназа.
181. Стесель.
182. Двѣ Куропатки.
183. К. Хильковъ.
184. Ржевскій.
185. Роговая музыка.
186. Капельмейстеръ.
187. Mr. Philippin
188. M. Seguin.
189. Родастъ.
190. Засъ и пр.
191. Фр. поваръ Нарыш.
192. Кукушка.
193. Алекс. } Энгельг.
194. Мах }
195. Воля }
196. Радищева.
197. Лаврентій.
198. Фильдъ.
195. Гр. Зотовъ.
200. Piccolo flauto [3]).

[1]) Вѣроятно, Энгельгардтъ.
[2]) Т. е. Н. В. Кочубей, къ которой относятся стихотворенія Пушкина „Измѣны“ и „Къ Наташѣ“ и Корсакова „Наташа“.
[3]) Зачеркнутъ: Обойщикъ и приписано: кровельщикъ.

ты знаешь, что реестръ его штукъ очень длиненъ и очень трудно пересказать все. Теперь я началъ привыкать къ Москвѣ и время провожу довольно весело; вчера былъ въ дворянскомъ собраніи, гдѣ находилось тысяча слишкомъ человѣкъ; иные танцовали, другіе играли въ карты, а прочіе ходили взадъ и впередъ и смотрѣли лучшую Московскую публику; вчера тамъ былъ дневной маскарадъ и обѣдъ, зала преогромная и, можно сказать, единственная въ своемъ родѣ. Я еще нигдѣ здѣсь не былъ, но надѣюсь вездѣ быть и видѣть всѣ Московскія древности.

Кланяйся Маслову, Корнилову и всѣмъ любезнымъ товарищамъ. Прощай, милая обезьянка, и не забывай отъ всего сердца любящаго товарища твоего

П. Саврасова.

Адресъ мой:

Въ Москву, на Бутыркахъ, въ роту Его Высочества, или лучше отдавай письма Вольховскому: онъ знаетъ, какъ ихъ доставлять.

М. Л. Яковлевъ.
(1798—1868).

С. Г. Ломоносовъ—Комовскому [1]).

Вашингтонъ, 1 Іюня 1820 г.[2]).

Сегодня получилъ я, любезный Комовскій, дружеское письмо твое отъ 2-го марта, на которое спѣшу отвѣчать наскоро. Не ожидай подробностей, ни описаній.—Радуюсь сердечно, что ты доволенъ службою, а что лучше — судьбою. Дай Богъ всѣмъ Лицейскимъ счастья,—благополучіе одного простирается на всѣхъ. Я не могу жаловаться на судьбу свою; доволенъ совершенно своимъ начальникомъ, который способствуетъ, сколько ему возможно, содѣлать пребываніе мое въ здѣшнемъ краѣ пріятнымъ и полезнымъ. Съ другой стороны имѣю случай удовлетворить природное любопытство и пріобрѣсть новыя идеи отъ обозрѣнія всего здѣсь достопамятнаго.—Съ декабря мѣсяца жилъ я въ Вашингтонѣ и хотя соскучился въ ономъ отъ недостатка хорошаго общества и лишенія всѣхъ удовольствій, изобилующихъ въ городахъ Европейскихъ, но имѣлъ случай изслѣдовать ходъ здѣшняго Правительства, о которомъ трудно имѣть ясное понятіе, не видѣвши онаго съ близи. Красны бубны за горами!—Представительный образъ правленія имѣетъ болѣе неудобностей, нежели полагаютъ сочинители конституцій, которыя вошли въ такую моду въ Европѣ. Что хорошо на бумагѣ или по теоріи, трудно, а часто невозможно въ исполненіи.

Ты желаешь имѣть извѣстія о здѣшнихъ ученыхъ обществахъ и богоугодныхъ заведеніяхъ. На досугѣ постараюсь собрать над-

---

[1]) Серг. Григ. Ломоносовъ, воспитанникъ 1-го курса, род. въ 1799, умеръ въ 1857 г. (13 окт.), въ дѣтствѣ былъ товарищемъ по пансіону и остался другомъ съ кн. П. А. Вяземскимъ, примыкалъ въ лицейскіе годы къ кружку литераторовъ, былъ близокъ съ В. Л. Пушкинымъ, посѣщалъ Карамзина и пр. Въ директорѣ Е. А. Энгельгардтѣ онъ нашелъ покровителя и второго отца. Свою благодарность ему онъ выразилъ въ записи въ его извѣстномъ альбомѣ („Пушкинъ и его современники“, в. VII, стр. 10). Изъ Лицея вышелъ на дипломатическое поприще, (въ коллегію иностранн. дѣлъ), на которомъ остался до конца. Въ эпоху этого письма онъ былъ секретаремъ посольства въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ впослѣдствіи былъ посланникомъ; а до того побывалъ въ Филадельфіи, Парижѣ, Мадридѣ, Копенгагенѣ, Лондонѣ, наконецъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Бразиліи и министромъ въ Португаліи; подъ конецъ былъ посланникомъ въ Голландіи, (съ 1853). Онъ скончался въ своемъ имѣніи, бл. Флоренціи и похороненъ въ Ливорно. Бар. Корфъ отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ способномъ и умномъ, но хитромъ и ловкомъ („пронырливомъ“), вслѣдствіе чего его въ Лицеѣ прозвали „кротомъ“. См. о немъ ниже: письмо кн. Вяземскаго къ Гроту, еще „Остафьевск. Арх. Кн. Вяземскихъ“, II, примѣч. Саитова, стр. 527-8.

[2]) Сверху письма надпись „получено 30 августа 1820 г.“.

лежащія свѣдѣнія и удовлетворить твоему благородному любопытству. Скажу тебѣ вообще, что богоугодныя заведенія довольно въ хорошемъ состояніи, особенно сличая оныя съ нашими. Но замѣчено, что преступники наслаждаются въ тюрьмахъ слишкомъ хорошимъ содержаніемъ. Заключеніе не служитъ имъ наказаніемъ, и многіе празднолюбцы находятъ свой расчетъ проводить время въ смирительныхъ домахъ, гдѣ они на всемъ готовомъ. Отъ сего мягкосердія происходятъ пагубнѣйшія слѣдствія.—Заключеніе, вмѣсто того, чтобы исправлять нравственность преступниковъ, поощряетъ ихъ къ новымъ преступленіямъ. Извѣстно, что со времени введенія въ Соед. Ш. сей системы мягкосердія, число преступленій увеличилось невѣроятнымъ образомъ. Что жъ касается до учебныхъ заведеній, то бѣдные учатся въ Ланкастерскихъ школахъ, коихъ составленіе тебѣ извѣстно. Высшихъ училищъ весьма мало. Въ Западныхъ Штатахъ находятся два университета, гдѣ молодые люди получаютъ окончательное воспитаніе.

Для военныхъ находится въ Ньюіоркскомъ Штатѣ школа, которая зависитъ отъ Правительства и изъ коей ежегодно выпускаются Арт. и Инж. Офицеры. Что жъ касается до ученыхъ обществъ, то оныя въ младенческомъ состояніи. Американцы не дошли еще до той степени образованія и благоденствія, чтобы посвящать свои досуги наукамъ. Они не имѣютъ народнаго языка и пользуются изобрѣтеніями и сочиненіями Англичанъ. Англія долгое время будетъ имѣть нравственное вліяніе на Соед. Штаты, не взирая на ненависть, существующую между обѣими націями.

Прощай, любезный другъ, спѣшу, какъ ты видишь. Въ другой разъ на свободѣ побесѣдую съ тобою. Поклонись всѣмъ Лицейскимъ. И не забудь напомнить обо мнѣ въ Царскомъ [1]). Поклонись любезнѣйшему Сергѣю Гавриловичу [2]).

Весь твой

С. Ломоносовъ.

Не пишу къ Матюшкину за недостаткомъ времени. Левонтій вамъ всѣмъ кланяется. Ты у меня просилъ бездѣлицу на память,— посылаю тебѣ медаль Вашингтона.

---

[1]) Т. е. семейству директ. Энгельгардта. *К. Г.*

[2]) Чириковъ. *К. Г.*

Письма В. К. Кюхельбекера къ Комовскому [1]).

Село Закупъ,
14 февраля 1823.

1.

Другъ мой, Сергѣй Дмитріевичъ,

Твое милое письмо отъ 1 февраля меня очень обрадовало, хотя ты и больно журишь меня; хотя и называешь планы мои планами сумасбродной мечтательности. Ты ихъ не знаешь,—итакъ не суди о томъ, чего не знаешь; самого меня ты помнишь только прежняго: я во многомъ, многомъ перемѣнился. Но ссориться, любезный мой, за одно или два выраженія слишкомъ жестокія отнюдь не стану съ тобой, потому что люблю тебя и вижу, что и ты принимаешь во мнѣ нелицемѣрное участіе.

Помни только, добрый Комовскій: audiatur et altera pars — особенно pars infélix. Pour votre second reproche, que je suis l'ami de tout le monde, ma foi, — какъ говаривалъ товарищъ нашъ, Тырковъ, — ma foi! я никогда не полагалъ, чтобы *я* могъ заслужить упрекъ сей. — Но еще разъ: не хочу и не стану ссориться съ тобою. Благодарю тебя отъ всей души за письмо твое и за дружескій совѣтъ служить въ Москвѣ при такомъ начальникѣ, каковъ К. Голицынъ. — Но comment faire? — Caput atro carbone notatum, безъ связей, безъ всякихъ знакомствъ въ Москвѣ, безъ денегъ! Егоръ Антоновичъ писалъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ другое мѣсто, которое конечно также трудно получить, но не невозможно.

Впрочемъ и твое письмо для меня можетъ быть полезнымъ: если не удастся, о чемъ Энгельгардъ для меня старается, поѣду на удачу въ Москву: авось судьба перестанетъ меня преслѣдовать! Мысль же къ тому будетъ подана мнѣ тобою, и твоему доброму сердцу конечно будетъ пріятно, если ты будешь первою отдаленною причиною перемѣны моего жребія!... Что говоришь ты мнѣ о женитьбѣ, сильно, другъ мой, на меня подѣйствовало: вѣрь, и мнѣ наскучила бурная, дикая жизнь, которую велъ доселѣ по необходимости. Тѣмъ

---

[1]) Біографическія данныя о В. К. Кюхельбекерѣ (род. 10 іюня 1797 г., умеръ 11 авг. 1846 г.) достаточно извѣстны, см. между прочимъ очеркъ въ кн. „Избранныя стихотворенія В. К. Кюхельбекера, Шо-де-фонъ: Ф. И. Бутурлинъ 1880, Веймаръ, тип. Ушмана, а потому помѣщать ихъ здѣсь считаемъ излишнимъ. См. ниже о К. въ отдѣлѣ „Лицей. поэзія". Эти два письма, какъ видно изъ надписи на 1-мъ Я. К. Г., переданы были ему, какъ и вышепомѣщенная записка, самимъ Комовскимъ на лицейскомъ обѣдѣ 19 окт. 1875 г.

болѣе, что скажу тебѣ искренно—сердце мое не свободно и я любимъ—въ первый разъ—любимъ взаимно. Mais cela vous ne direz pas à mes parents, je ne veux pas, que cette nouvelle leur cause de nouvelles inquiétudes.

Твое письмо, милый мой Сергѣй Дмитріевичъ, я перешлю Энгельгарду: онъ взялся устроить мое счастіе и послѣ отеческаго письма, которое писалъ онъ ко мнѣ, не хочу для него никакой тайны. Пусть онъ судитъ о твоемъ проектѣ и рѣшитъ между нимъ и собственнымъ. Но надѣюсь, что ты похлопочешь, чтобъ онъ мнѣ обратно переслалъ твое братское посланіе: оно для меня слишкомъ дорого и не хочу потерять его.

Обнимаю и цѣлую тебя. Вѣрный другъ и товарищъ твой
Вильгельмъ.

NB. Получили ли вы въ Петербургѣ мою трагедію [1]) и что объ ней говоритъ Дельвигъ? Напиши мнѣ это! Сдѣлай милость!

2 [2]).

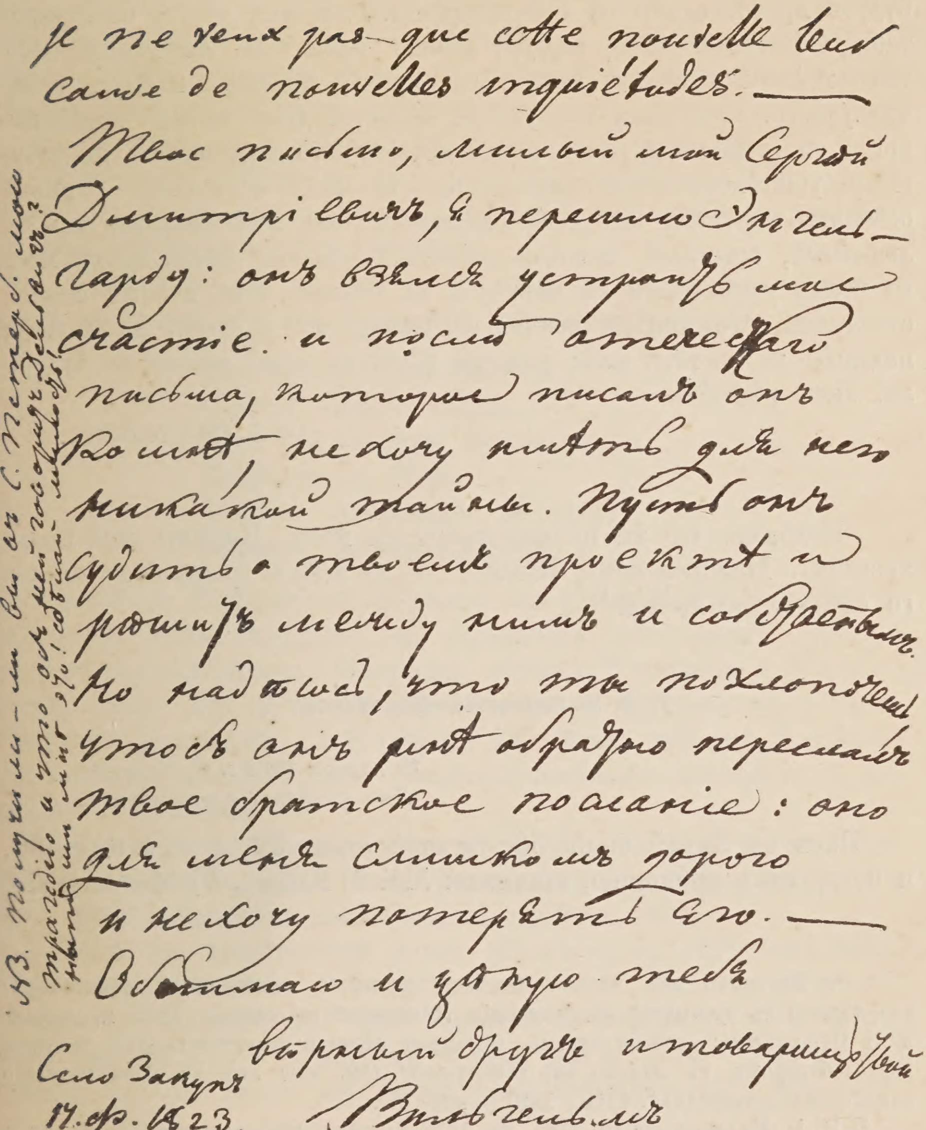
Комовскій! чего ты хочешь отъ меня? быть правымъ... Хорошо, если это тебя утѣшаетъ, будь правъ. Даю тебѣ право называть меня сумасбродомъ и чѣмъ угодно. Par ce qu'il paraît que Vous Vous plaisez à cette expression. Я не хотѣлъ тебѣ уже болѣе писать въ первомъ пылу: беру перо, чтобъ доказать, что, если я не ужился съ людьми, то не потому, что не хотѣлъ, но потому, что не умѣлъ. Жестоко, безчеловѣчно несчастнаго упрекать его несчастіемъ: но ты оказалъ мнѣ услуги; говорятъ, что ты любишь меня. Вѣрю и надѣюсь, что ты не понялъ, что значило говорить со мною въ моихъ обстоятельствахъ твоимъ языкомъ. Но кончимъ: заклинаю тебя всѣмъ, что можетъ быть для тебя священнымъ, не заставь меня боятся самихъ услугъ твоихъ, если онѣ тебѣ могутъ

---

[1]) Предположеніе Я. К. Грота, что тутъ разумѣется драмат. шутка „Шекспировы духи“ (о которой рѣчь идетъ въ письмѣ Пушкина къ К. въ дек. 1825 г. и которую П. называетъ комедіей) едва-ли вѣрно, такъ какъ во 1-хъ авторъ не назвалъ бы это произведеніе трагедіей, а во 2-хъ оно появилось въ печати только въ 1825 г. Здѣсь очевидно К. разумѣетъ другое.

[2]) Это письмо, если судить по словамъ К. о его 26-мъ годѣ, можно бы отнести и къ второй полов. 1822 г., но судя по содержанію, вѣрнѣе кажется, его отнести къ 1823-му, т. е. признать его писаннымъ въ ту же пору, что и предыдущее, т. е. вѣроятно немножко позже.

Автографъ В. К. Кюхельбекера
(послѣдняя страничка письма).


Je ne veux pas que cette nouvelle soit cause de nouvelles inquiétudes. —
Твое письмо, милый мой Сергѣй Дмитріевичъ, я перешлю Энгельгарду: онъ взялся устроить мое счастіе. и послѣ отеческаго письма, которое писалъ онъ ко мнѣ, не хочу имѣть для него никакой тайны. Пусть онъ судитъ о твоемъ проектѣ и рѣшитъ между нимъ и собратьями. Но надѣюсь, что ты похлопочешь чтобъ онъ рѣшительно обратно переслалъ твое братское посланіе: оно для меня слишкомъ дорого и не хочу потерять его. — Обнимаю и цѣлую тебя
вѣрный другъ и товарищъ твой
Вильгельмъ
Село Закупъ
17. фе. 1823.
NB. Получили-ли вы съ С. Петерб. мою трагедію и что объ ней говоритъ Дельвигъ? напишите мнѣ это! объ ней ничего!

дать право растравлять мои раны. Вы, счастливцы! Еще не знаете, какъ больно душа растерзанная содрагается отъ малѣйшаго прикосновенія. Еще разъ! кончимъ! Дай руку; я все забываю; но не пиши ко мнѣ такъ, не пиши вещей, которыя больнѣе смерти.

Мои родные тебя чрезвычайно полюбили: они тебѣ всегда будутъ признательны за твои старанія. И я, мой другъ, благодарю тебя. Облегчивъ свое сердце, помню одни твои попеченія, одну твою пріязнь и въ эту минуту все прочее забываю: клянусь тебѣ, что участіе твое меня тронуло до глубины души моей;—особенно, когда со стороны другихъ моихъ друзей, которыхъ назвать не хочу, вижу убійственнѣйшее равнодушіе. Но Богъ съ ними!—Улинька особенно поручила мнѣ тебѣ кланяться: она мнѣ сказала, что ты любезный, пріятный молодой человѣкъ. Желаю тебѣ, другъ мой, во всемъ успѣховъ и въ свѣтѣ, и въ службѣ, и въ счастіи семейственномъ. Мои успѣхи кончились: волоса мои сѣдѣютъ на 26 году; надежды не льстятъ мнѣ; радости были въ моей жизни; но будутъ ли? Богъ вѣсть?—

Твой Вильгельмъ.

Надѣюсь, что ты не сердишься на меня. Поклонъ мой Вольховскому, Малиновскому, Пущину: я ко всѣмъ тремъ буду писать со слѣдующею почтой [1]).

И. В. Малиновскій—Комовскому [2]).

19 ноября 1872 г. С. Каменка.
День кончины Александра I.

Насъ въ Лицеѣ было 30—вскорѣ стало 29, а №№ было 50, и вотъ, какъ припомню, занимали: №№ 6) Юдинъ, 7) Малиновскій,

---

[1]) Вѣроятно эти письма (вмѣстѣ съ выше помѣщенной записочкой) разумѣются въ протоколѣ празднованія Лицейской годовщины 1836 г., писаннымъ Пушкинымъ: „читали письма, писанные нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей“ (см. мою статью: „Празднованіе лицейскихъ годовщинъ“, СПБ., 1910 г., стр. 24).

[2]) И. В. Малиновскій (р. 1795, ум. 1873 г.), сынъ перваго директора Лицея и пользовавшійся вмѣстѣ съ Пущинымъ особенной дружеской привязанностью Пушкина въ Лицеѣ, снискалъ себѣ большую популярность въ кругу товарищей за свою симпатичность и благородство при горячемъ, вспыльчивомъ нравѣ (его прозвали „казакъ“). Впослѣдствіи онъ породнился съ двумя товарищами: женился на сестрѣ И. И. Пущина (въ 1834), а на его сестрѣ Маріи женился другой товарищъ В. Д. Вольховскій.

8) Корфъ, 9) Ржевскій, 10) Стевенъ, 11) Вольховскій, 12) Матюшкинъ, 13) Пущинъ, 14) Пушкинъ, 15) Саврасовъ, 16) Гревеницъ, 17) Илличевскій, 18) Масловъ, 19) Корниловъ, 20) Ломоносовъ: всѣ они ко дворцу, а въ ограду: 29) Данзасъ, 30) Горчаковъ, 31) Гр. Брогліо, 32) Тырковъ, 33) Дельвигъ, 34) Мартыновъ, 35) Комовскій, 36) Костенскій, 37) Есаковъ, 38) Яковлевъ, 39) Кюхельбекеръ [1]), 40)...[2]) 41) Мясоѣдовъ, 42) Бакунинъ, 43) Корсаковъ. Этихъ нумеровъ навѣрно не помню за давностью 61 года. Потомъ насъ перемѣстили, когда перевели изъ пансіона во второй курсъ 21 ученика, и только помню, что № 1 былъ мой [3]).

Вотъ тебѣ отвѣтъ на твое отъ 20 октября о №№, такъ и вижу ихъ надъ дверьми и на лѣвой сторонѣ воротника шинели на квадратной тряпочкѣ чернилами.

А помнишь ли ты, что въ 12 году мы 26 августа представляли ратниковъ съ вывороченными шинелями и пѣли:

Мы Монарха прославляемъ
Счастье нашего творца,
День сей славный величаемъ
Покровителя, Отца.
Славься, Александръ на тронѣ,
Славься, добрый Государь!

Семейство Вольховскихъ состоитъ: изъ вдовы Марьи Васильевны, ея дочери Анны, замужемъ за окружнымъ инженеромъ Анемподистомъ Алексѣевичемъ Носовымъ, внучатъ Владиміра и Маріи—прелестныхъ, отъ 5 до 2 лѣтъ,—дѣтей и наружностью и нравственнымъ развитіемъ. Съ Носовымъ 74-лѣтняя мать его, и если бъ ты видѣлъ, какое горячее безъисключительное попеченіе о ней имѣетъ сестра моя.

Карточки теперь подъ рукою нѣтъ, да и быть не могло: не въ его, Вольховскаго, время была фотографія, а попрошу вдову его и дочь, художественныхъ живописцевъ, утѣшить тебя.

Какой ты христіанской души человѣкъ, а еще столичный. Богъ наградитъ тебя и потомство за твои подвиги,—помнишь усопшихъ.—Неужели мой сынъ Антоній не передастъ тебѣ лично, насколько ты мнѣ—77-лѣтнему отрада; все неудачи,—дома не застаетъ; жду на дняхъ изъ Петербурга: поѣхалъ—какъ Предсѣда-

---

[1]) Я. К. Гротомъ исправлено: 38—Кюхельбекеръ, а 39—Яковлевъ.

[2]) Я. К. вставлено: Гурьевъ.

[3]) Этотъ новый порядокъ отмѣченъ бар. М. А. Корфомъ, который въ своемъ Дневникѣ (Русск. Стар. 1904, іюнь, стр. 550) располагаетъ свой списокъ товарищей по порядку спальныхъ комнатъ. Дѣйствительно. Малиновскій въ этомъ спискѣ стоитъ 1-мъ. *К. Г.*

тель Изюмскаго Окруж. Суда представить о невозможности дѣйствовать, если не переименуютъ судъ изъ 4 въ 3 разрядъ; онъ весь на службѣ.

Прости, мой другъ, долженъ кончать, ѣду надавить всѣ пружины къ преоборенію неправды, хотя въ чужомъ дѣлѣ; эта страсть съ офицерства росла во мнѣ съ годами. Уже поднялъ два дѣла туда къ Вамъ. Храни тебя Богъ, тебѣ признательный

Иванъ Малиновскій.

Ты у меня первый по нравственно-христіанскому направленію изъ насъ 4-хъ Богомъ хранимыхъ [1]).

Припомнишь ли ты, когда гувернеръ Мейеръ прихаживалъ будить послѣ звонка Матюшкина подъ-часъ безуспѣшно, то выскочилъ, какъ бывало и на все другое:

Вставайте, Herr Матюшкинъ.

. . . . . .

А я Вамъ и скажу:
Коль не придетъ директоръ,
Въ отставку я подамъ
И завтра съ Kleine Сашей
Поѣду—и съ Madame [2]).

Надо бы намъ съ тобою съѣхаться: то ли бы мы разшевелили изъ старины; а не слѣдовало бы, по пословицѣ: „не выноси сора

---

[1]) Только эти слова—автографъ; остальное письмо продиктовано.—Кромѣ обоихъ корреспондентовъ, оставались въ живыхъ Корфъ и Горчаковъ. Малиновскій же умеръ менѣе чѣмъ черезъ 3 мѣсяца, 10 февр. 1873. Какъ видно изъ его стихотворной записи въ альбомѣ Е. А. Энгельгардта, и онъ въ юности (въ Лицеѣ) пописывалъ стихи. Корфъ въ своемъ Дневникѣ (1839) даетъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія: „Вспыльчивый, вообще совершенно эксцентричный, но самый благородный и добрый малый. Началъ и продолжалъ службу въ гвардейскомъ Финляндскомъ полку и, дослужившись до капитана, вышелъ въ отставку полковникомъ еще въ 1825 г. Онъ переселился въ деревню въ Харьковскую губернію, гдѣ былъ два трехлѣтія уѣзднымъ предводителемъ дворянства, женился на дочери старика Пущина и теперь постоянно живетъ въ деревнѣ". (Р. Старина, 1904, іюнь 550). Помѣщаемое здѣсь письмо И. В. къ Комовскому, напечатанное не совсѣмъ полно въ книгѣ Я. К. Грота (стр. 285—7), печатается здѣсь въ точности по подлиннику и безъ пропусковъ. Оно было вызвано слѣдующимъ случаемъ: въ 1872 г. на лицейскомъ обѣдѣ (19 окт.) заговорили о нумерахъ комнатъ, принадлежавшихъ въ Лицеѣ товарищамъ Пушкина. Никто ихъ не помнилъ. Изъ первокурсниковъ присутствовали только Корфъ и Комовскій (Матюшкинъ скончался за мѣсяцъ передъ тѣмъ, 16-го сент.). Комовскій на другой день написалъ Малиновскому, спрашивая, не поможетъ ли его память. Ив. Вас. отвѣтилъ настоящимъ письмомъ изъ села Каменки (Харьк. г.).

[2]) Срв. ниже, въ главѣ о „національныхъ пѣсняхъ". *К. Г.*

изъ избы", предавать въ журналы печатью; помнится, было въ какомъ-то нумерѣ послѣднихъ годовъ Современника не подлежащее.

Сейчасъ поручилъ составить списокъ нуждающимся крестьянамъ, а нищихъ у насъ нѣтъ, и раздамъ имъ изъ собираемаго капитала, при отпискѣ имъ отъ каждаго робера въ ералашъ по 4; играемъ по $^1/_4$ коп.; за карты новыя вычитается, а игранныя долго намъ служатъ. Заведи-ка и ты это: —съ міру по ниткѣ бѣдному рубаха. И больные приняты въ уваженіе; сторонніе не исключаются изъ помощи, а въ особенности переселенцы, жившіи на большой дорогѣ.

На верху письма приписка: „А Гротъ несомнѣнно геніально выразитъ о Матюшкинѣ [1]).

Комовскій—къ своимъ товарищамъ (собственно Корфу) [2]).

Получивъ отъ зятя нашего Пушкина прилагаемые при семъ вопросы, я написалъ въ отвѣтъ нѣкоторыя воспоминанія *мои* о времени пребыванія его въ Лицеѣ, *не* для того однако жъ, чтобъ можно было ихъ напечатать *въ этомъ видѣ*, но чтобъ нѣсколько облегчить трудъ того, кто пишетъ полную его біографію при новомъ изданіи всѣхъ его твореній.

Не очень полагаясь на мою память, а еще менѣе на мое перо, передаю то и другое на судъ товарищей, лучше меня знающихъ это дѣло.

Весь твой

С. Комовскій.

23 нояб. 1851.

Сверху письма рукою Корфа карандашемъ приписано:

„Кажется совершенно такъ и я позволилъ себѣ только одно маленькое замѣчаніе".

---

[1]) Безъ сомнѣнія Комовскій, по поводу смерти Матюшкина, сообщилъ Малиновскому о намѣреніи Я. К. Грота писать о покойномъ. *К. Г.*

[2]) При этомъ письмецѣ Комовскій препроводилъ къ бар. М. А. Корфу и къ другимъ товарищамъ (Яковлеву и Корнилову) свою записку „Воспоминанія о дѣтствѣ А. С. Пушкина", написанную по случаю обращенія къ нему зятя Пушкина, Н. И. Павлищева съ рядомъ вопросовъ, сообщенныхъ послѣднему П. В. Анненковымъ, собиравшимъ тогда матеріалы для біографіи Пушкина. Записка эта, съ замѣчаніями на поляхъ М. А. Корфа и М. Л. Яковлева, была напечатана цѣликомъ моимъ отцомъ въ его книжкѣ (стр. 218—221). Не знаемъ, была ли эта записка въ рукахъ у Анненкова, но онъ, сколько мы знаемъ, нигдѣ (даже въ 1873 г., въ ст. „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, по новымъ документамъ", напр., стр. 32—33) на нее не ссылается. Вѣроятно Н. И. Павлищевъ воспользовался ею самъ.

Вопросы П. В. Анненкова [1]).

1) Въ какомъ предметѣ наиболѣе успѣвалъ Пушкинъ во время пребыванія своего въ Лицеѣ и вообще что составляло предпочтительно его занятіе?

2) Какъ судили товарищи объ его характерѣ?

3) *Какіе были анекдоты и происшествія въ его лицейской жизни, которые могли бы дать нѣкоторое понятіе о характерѣ его?*

4) Кто изъ начальниковъ или учителей его особенно благопріятствовалъ ему и какъ онъ отзывался о нихъ и вообще о Лицеѣ?

5) Съ кѣмъ онъ былъ въ связяхъ внѣ Лицея, изъ гусаровъ, постороннихъ лицъ, семействъ, особенно женщинъ? Можно полагать по нѣкоторымъ стихотвореніямъ 1816 года, что онъ былъ влюбленъ еще въ Лицеѣ,—драгоцѣнно всякое извѣстіе о началѣ, родѣ и продолженіи этой первой страсти.

6) По выходѣ изъ Лицея въ какомъ обществѣ любилъ онъ преимущественно находиться, съ кѣмъ имѣлъ особенныя связи, за кѣмъ волочился?

7) Какой былъ его образъ жизни вообще и

8) Нѣтъ ли происшествій, анекдотовъ, словъ и замѣтокъ его, которые бы выражали тогдашнее его направленіе и вообще его самого? Особенно были бы любопытны его мнѣнія о людяхъ.

А. А. Корниловъ—Комовскому [2]).

Посылаю къ тебѣ твою тетрадку—до сихъ поръ она была у Яковлева, который, какъ ты увидишь, сдѣлалъ нѣкоторыя ремарки.—Съ моей стороны я не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній: написанное тобою я нахожу вѣрнымъ.

Преданный тебѣ

А. Корниловъ.

---

[1]) Собственноручно написаны на одной страницѣ большого почтоваго листа (на другой половинѣ котораго написано вышеприведенное письмецо Комовскаго).

[2]) При этой записочкѣ, написанной карандашомъ, А. А. Корниловъ вернулъ Комовскому его записку о Пушкинѣ. Объ Ал. Алексѣев. Корниловѣ Корфъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Дневникѣ) отзывается такъ: „свѣтлая голова и хорошія дарованія. Въ Лицеѣ онъ лѣнился и притомъ вышелъ чрезвычайно молодъ; но послѣ самъ окончилъ свое образованіе и сдѣлался человѣкомъ нужнымъ и полезнымъ“. См. тамъ же біограф. о немъ свѣдѣнія; ум. 5 авг. 1856 г.

Комовскій—Ѳ. П. Корнилову [1]).

Мая 1880 г.

Милостивый Государь
Федоръ Петровичъ,

При неоднократномъ посѣщеніи, которымъ удостоили меня Ваше Высокопревосходительство, Вы имѣли случай удостовѣриться *лично*, какъ въ совершенной невозможности, при настоящемъ состояніи моего здоровья, воспользоваться столь лестнымъ предложеніемъ Вашего Комитета—присутствовать въ Москвѣ при открытіи памятника незабвенному нашему поэту, такъ и въ искренно-сердечномъ моемъ сожалѣніи—не быть 26-го мая при этомъ народномъ торжествѣ.

Впрочемъ и старческое мое *нынѣ* тамъ присутствіе ни къ чему полезному не могло бы послужить, а только надѣлало бы еще кое-какіе лишніе хлопоты, и здоровье мое болѣе бы потрясло.

Другое дѣло, еслибы еще, при помощи волшебной музы Пушкина, я могъ (хотя на *одинъ день*) изъ 81-лѣтняго старика преобразиться въ 18-тил-го *юношу* (какъ въ 1818 г., когда я былъ въ Москвѣ личнымъ свидѣтелемъ и участникомъ истинно-пасхальныхъ восторговъ всего народа при радостной вѣсти о рожденіи возлюбленнаго нашего Монарха—Освободителя),—о! тогда я поспѣшилъ бы подъ живыми впечатлѣніями разсказать *всю* лицейскую жизнь нашего друга:

Какъ Пушкинъ привезя съ собою изъ Москвы огромный запасъ любимой имъ тогда французской литературы, началъ—ребяческую охоту свою—писать одни французскіе стихи—переводить мало по малу на чисто-русскую, очищенную имъ самимъ почву. Затѣмъ, едва познакомившись съ юною своею музою, какъ самъ поощрялъ и другихъ товарищей своихъ писать: рускія *басни* (*Яковлева*), русскія эпиграммы (*Илличевскаго*), терпѣливо выслушивалъ тяжеловѣсные стихи гекзаметрами (*б. Дельвига*), и снисходительно улыбался Клопштокскимъ (!) стихамъ неуклюжаго нашего *Кюхельбекера* и т. п.

Самъ же поэтъ нашъ, удаляясь нерѣдко въ уединенные залы Лицея или въ тѣнистыя аллеи сада, грозно насупя брови и губы, съ искусаннымъ отъ досады перомъ во рту, какъ бы *усиленно* (!) боролся иногда съ прихотливою кокеткою-музою, а между тѣмъ,

---

[1]) Настоящее письмо, обращенное къ члену комитета по сооруженію памятника Пушкину, статсъ-секретарю и члену Госуд. Сов. Ѳ. П. Корнилову (воспитаннику Лицейск. Благородн. Пансіона послѣдняго выпуска 1829 г., † 1895 г.), печатается по подлиннику—цѣликомъ. Въ сборникѣ отца моего изъ него приведена только выдержка (см. стр. 221).

мы всѣ видѣли и слышали потомъ, какъ всегда легкій стихъ его вылеталъ подобно *„пуху изъ устъ Эола“!*

Вообще, несмотря на пылкую, африканскую природу, Пушкинъ сумѣлъ пріобрѣсти всеобщую любовь своихъ товарищей и уваженіе наставниковъ, исключая—быть можетъ—математика и нѣмца, у коихъ онъ не очень охотно учился.

Если всѣ эти свѣдѣнія, о коихъ впрочемъ много уже было и писано и печатано, могутъ быть интересны, хотя для *нѣкоторыхъ* еще изъ почитателей великаго нашего поэта, то я очень буду радъ, что невольное мое отсутствіе отъ предстоящаго торжества останется не безъ всякаго слѣда и съ моей стороны.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ глубокомъ моемъ къ Вамъ уваженіи

Сергѣй Комовскій [1])

Костенскій—Вольховскому [2]).

19 Октября 1830 г.

Любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ!

Потрудитесь благодарить Гг. моихъ товарищей за сдѣланное мнѣ приглашеніе: оно для меня лестно тѣмъ болѣе, что этимъ самымъ показываетъ, что любовь товарищей перваго выпуска пылаетъ все также и въ 1830 году, какъ и въ 1811-мъ.—Но мнѣ къ крайнему сожалѣнію нельзя быть участникомъ вашего веселія, я страдаю горломъ вотъ уже четыре недѣли, ничего не могу ни ѣсть, ни пить.

Повѣрь мнѣ, любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ, что это истинная правда. Повеселитесь, господа, и безъ меня, а за здоровье больного хоть одну рюмку.

Вамъ преданный

К. Костенскій.

---

[1]) С. Д. Комовскій скончался вскорѣ по открытіи памятника, а именно 8 іюля того же года.

[2]) О Конст. Дм. Костенскомъ мы знаемъ только, что онъ вышелъ изъ Лицея съ чиномъ X кл. и поступилъ на службу въ Министерство Финансовъ. Онъ скончался очень скоро послѣ этого письма, въ концѣ 1830 г. Почему-то бар. Корфъ въ своемъ извѣстномъ перечнѣ съ характеристикой товарищей (въ Дневникѣ) опустилъ Костенскаго, ровно какъ и А. И. Мартынова.—Эта записочка была напечатана мною въ статьѣ „Празднованіе лицейскихъ годовщинъ“, стр. 12.

Вольховскій—Яковлеву [1]).

17 октября 1833,
Тифлисъ.

Любезный Михаилъ Лукьянычъ, вѣроятно, получилъ ты давно отвѣтъ на первое твое посланіе. Вмѣстѣ же съ вторымъ дошли мнѣ и законы Ваши. Хвала Вамъ и честь за обширный трудъ Вашъ, но боюсь, исправно ли у васъ переплетаютъ, ибо въ моемъ экземплярѣ въ томѣ XIV, Свода Уставовъ благочинія, части V-й, книги I-й, главы I-й недостаетъ страницъ 3-й и 4-й, т. е. половины § 6 и вполнѣ параграфовъ 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13, кромѣ примѣчанія къ послѣднему, помѣщенному на страницѣ 5-й. И такъ, для чести твоей, какъ знаменитаго начальника Высокой Законотворящей Типографіи, прошу выслать мнѣ печатныя означенныя двѣ страницы, а то весь экземпляръ по почтѣ отправлю съ просьбою на Высочайшее имя въ Правительствующій Сенатъ, и тогда ты, если не будешь за искаженіе законовъ достойно казненъ, то, по крайней мѣрѣ, подвергнешься уплатѣ всѣхъ издержекъ тяжбы съ процентами и рекамбіями. Впрочемъ, за оказываемое мною нынѣ снисхожденіе тебѣ слѣдовало бы доставить мнѣ безденежно оглавленіе законовъ, безъ коего трудно рыться въ оныхъ для справокъ. Кажется, у Васъ вышло что-то похожее; если же необходимо, то вышлю и деньги.

По запискѣ Г. Карузи въ Канцелярію Главноуправляющаго въ Грузіи нѣтъ никакого дѣлопроизводства, но только извѣстно, что вообще наше начальство противится отмежеванію въ частное владѣніе разныхъ земель, нужныхъ для общественныхъ надобностей,

---

[1]) Влад. Дм. Вольховскій, въ Лицеѣ прозванный „Sapientia“ и „Суворочка“, получившій 1-ую золотую медаль и блестяще начавшій свою военную карьеру, но рано ее кончившій (род. 1798 г. въ Москвѣ, умеръ въ 1841, въ своей Харьков. дер., Изюмск. уѣзда), одинъ изъ наиболѣе выдававшихся по уму, способностямъ и особенно характеру—товарищей Пушкина, хорошо извѣстенъ въ литературѣ лицейской старины. Очеркъ его біографіи и характеристика были сообщены ужъ не разъ, и потому повторять ихъ здѣсь было бы излишне, и я ограничусь указаніемъ на эти источники. Еще въ 1844 г. вышла въ Харьковѣ брошюра „О жизни генералъ-маіора Вольховскаго“ (безъ имени автора), принадлежащая перу его товарища и шурина Ив. Вас. Малиновскаго. Этотъ матеріалъ—для времени Лицея дополненъ б. М. А. Корфомъ (Записка Корфа въ книгѣ Грота, стр. 52-53 и Дневникъ его, Русск. Стар. 1904, іюнь, стр. 552-53) и Я. К. Гротомъ (его книга, стр. 71-73). См. также письмо Вольховскаго къ Пушкину (тамъ-же, стр. 175). Срв. еще изд. Соч. Пушкина, подъ ред. Венгерова I, стр. 134-136, а также въ моихъ статьяхъ „Изъ лицейской старины“ (Истор. Вѣстн. 1905, іюль и авг.) и „Празднованіе лицейскихъ годовщинъ“ и проч.—Настоящее письмо не было напечатано.

между прочимъ, и для надѣленія кочующихъ народовъ. Радъ бы содѣйствовать къ побужденію начальника Кавказской области дать г. Карузѣ благопріятный отвѣтъ, но онъ человѣкъ неприступный и всякое ходатайство безполезно для измѣненія единожды изъявленнаго имъ мнѣнія, если не будетъ опровергнута справедливость онаго. Если г. Карузѣ будетъ отказана земля, то полагаю, что г. Министръ Финансовъ найдетъ справедливымъ вознаградить сдѣланныя имъ издержки на отмежеваніе.

Поздравь Корнилова съ вступленіемъ въ законный *бракъ*: дай Богъ ему счастія. Увѣдомь, когда до тебя дойдетъ очередь. Что же Стевенъ все не рѣшается—а пора бы. Ты, я думаю, не позабылъ, что Федернельке нашъ считался недодѣланнымъ: нимфы заморскія не докончили ли его? Не измѣнилъ ли онъ N...? а, впрочемъ безъ шутокъ обними его и скажи, что я серіозно горевалъ, когда у меня въ 1831 г. пропалъ жандармъ съ бумагами, и при оныхъ печать привезенная имъ мнѣ изъ Сибири. Какъ бы онъ короткими пальцами своими подмахнулъ мнѣ длинное посланіе, а есть что разсказать: да я думаю, ему попрежнему, на мѣстѣ не сидится—все плыть хочется [1]).

Поклонись и другимъ нашимъ. Надѣюсь, что ты бываешь у Модеста Андреевича. Малиновскій имъ не нахвалится: а правду сказать и другихъ скотовъ-братцевъ не ругаетъ и напечаталъ мнѣ препышную имъ похвалу, не исключая даже Юдина, который успѣлъ заслужить опять титулъ друга его, только не могъ ничего сказать о Мартыновѣ и Бегребницѣ [2]), безъ слуху будто-бы пропавшихъ.

Прощай. Кончается листъ, приходитъ время къ отправленію почты—и я по прежнему остаюсь

весь твой Владиміръ Вольховскій.

Надѣюсь, что получу отъ кого-нибудь реляцію о 19-мъ октября.

---

[1]) Здѣсь—надо думать—В. разумѣетъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина, употребляя его лицейское прозвище. *К. Г.*

[2]) Подъ этимъ лицейскимъ прозвищемъ (въ первомъ лиц. журн. „Вѣстникъ“ онъ названъ „Гребеницъ“) разумѣется баронъ Пав. Ѳед. Гревеницъ (род. 1798, ум. 1847); онъ служилъ въ Минист. Иностр. Дѣлъ и былъ директоромъ архива М-ства. См. о немъ Грота, „Пушкинъ“ и пр., стр. 188. *К. Г.*

И. И. Пущинъ—роднымъ и Е. А. Энгельгардту.

(Изъ Сибири) [1]).

Изъ письма Jeannot [2]) *къ сестрамъ 1827* [3]).

. . . *13 декабря.* Пишу роковое число и, невольно забывая все окружающее меня, переношусь къ вамъ, милымъ сердцу моему.— Много успѣлъ со времени разлуки нашей передумать объ этихъ дняхъ,—вижу безпристрастно все происшедшее, чувствую въ глубинѣ сердца многое дурное, худое, которое не могу себѣ простить, но—какая-то необыкновенная сила покорила, увлекала меня и заглушала обыкновенную мою разсудительность, такъ что едва-ли какое-нибудь сомнѣніе—весьма естественное—приходило на мысль и отклоняло отъ участія въ дѣйствіи, которое даже я не взялъ на себя труда совершенно узнать, не только по важности его обдумать.— Ни себя оправдывать этимъ, ни другихъ обвинять я не намѣренъ, но хочу только замѣтить, что о пагубномъ 14 декабря не должно рѣшительно судить по тому, что̀ напечатано было для публики.— Будетъ время, когда-нибудь, что нѣсколько пояснится это дѣло для многихъ, которые его видятъ теперь, можетъ быть, съ другой точки. Я скажу вамъ только, что вникая въ глубину души и сердца, я прошу Бога просвѣтить меня и указать мнѣ истину. Е. А. [4]) принимаетъ только: *хорошо* и *худо*; поэтому я обвиняю себя безусловно; то, что мы сдѣлали, предъ закономъ—*худо*, мы преступники, и постигшая насъ гибель справедлива. Но, признавая пагубныя послѣдствія нашихъ необдуманныхъ начинаній, я не могу не надѣяться на того Судію, который судитъ не по тому, что *дѣлаютъ* слабые, слѣпые смертные, а по тому, *что хотятъ* они дѣлать. Онъ намъ судія!.. Онъ, поддержавшій меня понынѣ, дастъ мнѣ силу перенести участь, которая въ отдаленности кажется ужаснѣе, нежели вблизи и на самомъ дѣлѣ. Меня здѣсь мучитъ только ваше обо мнѣ горе—меня мучитъ слеза въ глазахъ моего Ангела-Хра-

[1]) Помѣщаю здѣсь нѣсколько писемъ И. И. Пущина, а именно къ бывшему директору Лицея Е. А. Энгельгардту (съ семьей котораго онъ былъ въ тѣсной дружбѣ и съ которымъ переписывался до конца). Это—самыя давнія письма изъ сохранившихся. Три изъ нихъ были мною напечатаны въ моей статьѣ объ И. И. Пущинѣ. („Истор. Вѣстн.“, 1905 г., авг., стр. 432—435), гдѣ сообщены еще подробности о перепискѣ Пущина съ друзьями и родными изъ Сибири, но въ виду ихъ интереса и для полноты настоящаго маленькаго собранія писемъ товарищей Пушкина, я не могу не перепечатать ихъ здѣсь. Къ этой перепискѣ я надѣюсь еще вернуться въ другой разъ.

[2]) Такъ звали И. И. семья Энгельгардта и товарищи въ Лицеѣ.

[3]) Письмо сохранилось въ копіи Энгельгардта.

[4]) Т. е. Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ.

нителя, который въ ужаснѣйшую минуту моей жизни, забывая о себѣ, думалъ еще спасти меня. Простите, Е. А.,—простите родные, всѣ, то горькое горе, которое я навлекъ на васъ. Не осудите только прежде свиданія со мною, не здѣсь— такъ тамъ. Да, я буду съ вами *тамъ*, я буду съ вами, родные, безвинные на семъ мірѣ; я буду съ Вами, Е. А., и Вы меня примите опять. Нѣтъ, не *опять*, вы меня никогда изъ сердецъ вашихъ не отдалили; я въ нихъ— нашу связь, нашу любовь, нашу дружбу—ни приговоры свѣтскихъ судилищъ, ни 7.000 верстъ, ничто не расторгнутъ; эта связь простирается и за нынѣшнюю мою могилу въ Читѣ и за послѣднюю могилу, которая меня отсюда освободитъ.—Прощайте, родные, прощайте, Е. А.—Простите, простите!..

Пущинъ—Энгельгардту [1]).

Иркутскъ,
14 декабря 1827.

Вотъ два года, любезнѣйшій и почтенный другъ Егоръ Антоновичъ, что я въ послѣдній разъ видѣлъ васъ, и увы! можетъ быть въ послѣдній разъ имѣю случай сказать вамъ нѣсколько строкъ (sic) изъ здѣшняго тюремнаго замка, гдѣ мы уже болѣе двадцати дней существуемъ. Трудно и почти невозможно (по крайней мѣрѣ я не берусь) дать вамъ отчетъ на семъ листкѣ во всемъ томъ, что происходило со мной со времени нашей разлуки—о 14-мъ числѣ надобно бы много говорить, но теперь ни мѣсто, ни время, и потому я хочу только, чтобъ дошелъ до васъ листокъ, который вѣрно вы увидите съ удовольствіемъ; онъ скажетъ вамъ, какъ я признателенъ вамъ за участіе, которое вы оказывали бѣднымъ сестрамъ моимъ послѣ моего несчастія,—всякая вѣсть о посѣщеніяхъ вашихъ къ нимъ была мнѣ въ заключеніи истиннымъ утѣшеніемъ и новымъ доказательствомъ дружбы вашей, въ которой я, впрочемъ, столько же увѣренъ, сколько въ собственной нескончаемой привязанности моей къ вамъ.—Эти слова между нами не должны казаться сильными и увеличенными— мы не на нихъ основали нашу связь, потому я смѣло ихъ пишу, зная, что никакая земная причина не нарушитъ ея; истинно благодаренъ вамъ за утѣшительныя строки, которыя я отъ васъ имѣлъ, и душевно жалѣю, что не удалось мнѣ послѣ приговора обнять васъ и вѣрныхъ друзей моихъ, которыхъ прошу васъ обнять; называть ихъ не нужно—вы ихъ знаете; надѣюсь, что разстояніе 7 тысячъ верстъ не разлучитъ сердецъ нашихъ. Я часто вспоминаю слова ваши, что не трудно жить, когда хорошо,

---

[1]) Собственноручное письмо И. И. Пущина.

а надобно быть довольнымъ, когда плохо. Благодаря Бога, я во всѣхъ положеніяхъ довольно спокоенъ и очень здоровъ—что Богъ дастъ впередъ, при новомъ нашемъ образѣ жизни въ Читинской, что до сихъ поръ отъ насъ подъ большимъ секретомъ, и потому я заключаю, что должно быть одно изъ двухъ: или очень хорошо, или очень дурно.—Тяжело мнѣ быть безъ извѣстій о семьѣ и о васъ всѣхъ—одно сердце можетъ понять, чего ему это стоитъ; тамъ я найду людей, съ которыми я также душою связанъ,—буду искать разсѣянія въ физическихъ занятіяхъ, если въ нихъ будетъ какая-нибудь цѣль; кромѣ этого буду читать сколько возможно въ комнатѣ, гдѣ живутъ, какъ говорятъ, тридцать человѣкъ. Не знаю, какъ и гдѣ васъ вообразить; при свиданіи съ родными я узналъ, что вы съ Фрицомъ тогда были въ Финляндіи, и мнѣ кажется, что вы теперь тамъ поселились, но зачѣмъ, самъ не знаю. Теперь же вся ваша семья пристроена, и Воля, который теперь большой Владиміръ, вѣрно уже государственный человѣкъ.—Если эти строки дойдутъ до васъ, то я надѣюсь, что вы, если только возможно, напишете мнѣ нѣсколько словъ. Если родные имѣютъ право писать къ намъ, то и вамъ правительство не откажетъ прибавить нѣсколько словъ,—для меня это будетъ благодѣяніе. Гдѣ и что съ нашими добрыми товарищами? Я слышалъ только о *Суворочкѣ* [1]), что онъ воюетъ съ Персіанами—не знаю, правда ли это,—да сохранитъ его Богъ и васъ; доброй моей Марьѣ Яковлевнѣ [2]) цѣлую ручку. Отъ души васъ обнимаю и желаю всевозможнаго счастія всему вашему семейству и добрымъ товарищамъ. Авось когда-нибудь узнаю что-нибудь о дорогихъ мнѣ.

Вашъ вѣрный J. Pou...

Пущинъ—Энгельгардту [3]).

Чита,
14-го марта 1830 г.

На дняхъ получилъ доброе письмо ваше отъ 8-го Января, почтенный, дорогой мой другъ Егоръ Антоновичъ! Оно истинно меня утѣшило и какъ будто перенесло къ вамъ, гдѣ бывалъ такъ счастливъ. Спасибо вамъ за подробный отчетъ о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Поцѣлуйте добрую мою М. Я. и всѣхъ вашихъ домашнихъ: ихъ

---

[1]) В. Д. Вольховскій.

[2]) Жена Е. А., рожденная Витекеръ (Whitaker), ум. 1858 г.

[3]) Писано собственноручно. Послѣдующія письма И. И. (изъ Петровской тюрьмы) были писаны отъ его имени женами декабристовъ (бар. Розенъ, М. Юшновской, Нарышкиной, Кн. Е. И. Трубецкой и кн. М. Н. Волконской).

воспоминаніе обо мнѣ очень дорого для меня; отъ души всѣхъ благодарю.—Объ себѣ я ничего особеннаго не имѣю вамъ сказать, могу только смѣло васъ увѣрить, что каково бы ни было мое положеніе, я буду умѣть его твердо переносить, и всегда найду въ себѣ такія утѣшенія, которыхъ никакая человѣческая сила не въ состояніи меня лишить. Я много уже перенесъ и еще больше предстоитъ въ будущемъ, если Богу угодно будетъ продлить *надрѣзанную* мою жизнь; но все это я ожидаю, какъ должно человѣку, понимающему причину вещей и непремѣнную ихъ связь съ тѣмъ, что рано или поздно должно восторжествовать, несмотря на усилія людей—глухихъ къ наставленіямъ вѣка. Желалъ бы только, чтобъ всѣ, принимающіе въ судьбѣ моей участіе, не слишкомъ горевали обо мнѣ: ихъ спокойствіе меня бы еще болѣе подкрѣпило.

Не откажите мнѣ, почтенный другъ, въ возможности чѣмъ-нибудь отсюда вамъ быть полезнымъ въ разстроенныхъ вашихъ обстоятельствахъ,—зная ваши правила, я понимаю, какъ вамъ тягостно не предвидѣть близкаго окончанія вашихъ дѣлъ. Пришлите мнѣ какое-нибудь сочиненіе на французскомъ языкѣ, съ котораго переводъ могъ бы быть напечатанъ на русскомъ и съ выгодою проданъ,—я найду средства скоро и по возможности хорошо его перевести и отсюда его къ вамъ доставить. Вы этимъ доставите величайшее утѣшеніе. У насъ здѣсь много книгъ прекрасныхъ, но я не знаю, что можетъ лучше розойтись. Vous êtes sur les lieux, Vous devez le savoir bien mieux que moi. Можетъ быть это мечта, но мечта для меня утѣшительная, сладостная. Объясненій между нами не нужно: я пойму, если вы пришлете мнѣ какую-нибудь книгу и скажете въ письмѣ, что она вамъ нравится,—тогда я прямо за перо съ нѣкоторыми добрыми друзьями и спечемъ какъ пирогъ. Но увы! когда еще этотъ листокъ до васъ долетитъ и когда получу отвѣтъ?—Мильонъ верстъ!

Человѣкъ странное существо:—мнѣ бы хотѣлось еще отъ васъ получить, или, лучше сказать, получать письма,—это первое совершенно меня опять взволновало. Скажите что-нибудь о нашихъ чугунникахъ [1])—объ иныхъ я кой-что знаю изъ газетъ и по письмамъ сестеръ но этого для меня какъ-то мало. Вообразите, что отъ Мясоѣдова получилъ годъ тому назадъ письмо—признаюсь никогда не ожидалъ, но тѣмъ не менѣе былъ очень радъ.

Шепните мой дружескій поклонъ тѣмъ, кто не боится услышать голоса знакомаго изъ-за Байкала. Надѣюсь, что есть еще

---

[1]) Т. е. товарищахъ-лицеистахъ (I-го выпуска), такъ звавшихъ другъ друга по чугуннымъ кольцамъ, розданнымъ имъ Е. А. въ знакъ прочности лицейскаго союза. *К. Г.*

близкія сердца. Но Бога ради, чтобъ никто не зналъ изъ неосторожныхъ, что я кой-какъ къ Вамъ постучался въ дверь—и на минуту перенесся въ кругъ доброй семьи, которую вѣчно буду любить. Маленькой Annette мильонъ поцѣлуевъ отъ дяди *Пу*....

Еще послѣдняя просьба: не откажите мнѣ—помогать совѣтами добрымъ моимъ сестрамъ, если онѣ будутъ имѣть въ нихъ нужду при могущей скоро случиться перемѣнѣ въ ихъ семейныхъ дѣлахъ. Хотя при жизни отца онѣ и не въ большомъ порядкѣ, но я съ ужасомъ думую, что̀ будетъ, если онъ скончается. Богъ вамъ поможетъ.—Прощайте, будьте счастливы, сколько Вамъ желаетъ искренній другъ вашъ.

Баронесса А. В. Розенъ (по порученію Пущина)—Е. А. Энгельгардту [1]).

Петровскій Заводъ,
27-го ноября 1830.

Милостивый Государь
Егоръ Антоновичъ!

Съ удовольствіемъ исполняю порученіе Ивана Ивановича, который проситъ меня передать вамъ чувства, возбужденныя въ немъ послѣднимъ вашимъ письмомъ, начатымъ на Уральскомъ хребтѣ и оконченнымъ въ Петербургѣ. Вотъ, сколько я помню, собственныя слова и выраженія того изъ вашихъ воспитанниковъ, который вездѣ и всегда будетъ неизмѣннымъ и признательнымъ вашимъ другомъ и почитателемъ.

Онъ просилъ сказать доброму своему Егору Антоновичу, что онъ совершенно ожилъ, читая незабвенныя для него строки, которыми такъ неожиданно порадованъ былъ 10-го сего мѣсяца. Письмо ваше служитъ ему новымъ доказательствомъ драгоцѣнной и утѣшительной для него дружбы, которая ни временемъ, ни обстоятельствами не измѣняется. Хотя онъ никогда въ ней не сомнѣвался, но тѣмъ не менѣе убѣждаться въ ней пріятно. Сладко жить въ памяти добрыхъ друзей!—По крайней мѣрѣ вы узнаете, что вѣрный вамъ прежній Jeannot все тотъ же; что онъ не охлажденъ тюрьмою, съ тою же живостью чувствуетъ, какъ и прежде, и сердцемъ отдохнулъ при мысли, что добрый его старый

---

[1]) Бар. А. В. Розенъ, сестра товарища Пущина И. В. Малиновскаго, женившагося впослѣдствіи (1834 г.) на сестрѣ Пущина, Маріи Ивановнѣ. На другой сестрѣ М. В. Малиновской женился тогда-же другой ихъ товарищъ В. Д. Вальховскій. Декабристъ А. Е. Розенъ женился еще до рокового бунта (въ нач. 1825 г.). Жена догнала своего мужа въ Сибири.

Директоръ съ высотъ Уральскихъ отыскивалъ отдаленное его жилище и думу о немъ думалъ. Спасибо вамъ, почтенный человѣкъ! Вѣрьте, что чувства ваши достойнымъ образомъ раздѣляются, и что понятенъ стонъ благородный вашей души, скорбящей о бѣдствіяхъ человѣчества.—Въ первомъ вашемъ письмѣ вы изложили весь вашъ бытъ и сдѣлали его какъ-бы вновь причастнымъ семейному вашему кругу. Къ сожалѣнію, онъ не можетъ вамъ дать того же отчета—жизнь его бездѣйственная, однообразная! Живетъ потому, что Провидѣнію угодно, чтобъ онъ жилъ; безъ сего убѣжденія съ трудомъ бы понялъ, къ чему ведетъ теперешнее его существованіе. Впрочемъ не огорчайтесь: человѣкъ, когда это нужно, находитъ въ себѣ тѣ силы, которыя и не подозрѣвалъ; онъ собственнымъ опытомъ убѣдился въ сей истинѣ и благодаритъ Бога.

Провидѣніе посѣтило бѣдствіемъ Россію; ужасная болѣзнь свирѣпствуетъ [1]) Плачевное сіе извѣстіе изъ Отечества сильно потрясло наши сердца,—мы просили прислать священника и съ колѣнопреклоненіемъ вознесли къ Небу недостойныя, но искреннія наши мольбы о родныхъ, друзьяхъ и всѣхъ страждущихъ.

Смерть Саврасова его поразила [2]); въ душѣ пожелалъ ему свѣтлой вѣчности и сказалъ съ вами: ему теперь легче! Не стало одного добраго товарища, который кому-нибудь могъ быть полезенъ, а онъ (т. е. Пущинъ) живъ и здоровъ. Какъ это все понять?

Напомните о немъ почтенной доброй Марьѣ Яковлевнѣ; скажите ей, что онъ часто воображеніемъ переносится къ ней, чтобы, какъ прежде бывало, подышать тѣмъ спокойствіемъ, которымъ она умѣла надѣлять всѣхъ окружающихъ ее. Надѣется, что вспомнитъ его все ваше зрѣлое, а тогда юное потомство, всѣмъ отъ души желаетъ возможнаго въ семъ мірѣ счастія. Дайте ему вѣсточку о лицейскихъ его товарищахъ; о нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ ничего не слыхалъ съ самой разлуки съ вами; всѣхъ ихъ помнитъ и любитъ по прежнему. Бѣдная Марья Петровна! чѣмъ ее утѣшить, кромѣ живого участія въ горестной судьбѣ ея.

Пусть эти строки хотя нѣсколько изъяснятъ вамъ его чувства, которыя погаснутъ не прежде, какъ погаснетъ его жизнь. Любите его домашнихъ, не оставляйте ихъ; дружба ваша—истинное для нихъ утѣшеніе. Прощаясь съ вами съ родственнымъ сердцемъ, проситъ, да поможетъ вамъ Богъ во всѣхъ вашихъ начинаніяхъ и дѣлахъ.

---

[1]) Холера. Настоящее письмо все исколото, какъ тогда водилось. *К. Г.*

[2]) Умеръ за границей отъ чахотки, см. выше. *К. Г.*

Мужъ мой вмѣстѣ со мною приноситъ вамъ и любезной Марьѣ Яковлевнѣ свое почтеніе. Желаю, чтобъ письмо сіе было для васъ утѣшительно и остаюсь

Вамъ преданная
А. Розенъ.

Бар-сса А. В. Розенъ—А. И. Пущиной [1]).

(по порученію И. И.).

Петровскій Заводъ,
19 марта 1831.

Въ прошедшій разъ я наскоро отвѣчала вамъ, любезная Анна Ивановна, на письмо ваше отъ 18-го генваря, полученное братцемъ вашимъ 4-го сего мѣсяца. Въ добавокъ онъ поручаетъ мнѣ сказать вамъ, что ему болѣе нежели пріятно всякое откровенное ваше изліяніе чувствъ и проситъ васъ никогда не щадить его, какъ бы мрачно ни было ваше расположеніе; хотя онъ не въ состояніи ничѣмъ утѣшить васъ, но слышать тайный голосъ вашего сердца, раздѣлять самыя его горести—есть уже для него отрада, на которую онъ имѣетъ полное право по истинной его дружбѣ къ вамъ — Извѣстіе о смерти Дельвига сильно поразило Ивана Ивановича. Да сохранитъ Богъ жену его и дочь!

На прошедшей, то-есть на второй недѣлѣ поста, Иванъ Ивановичъ говѣлъ: на алтарь милосердаго Бога принесъ онъ искреннія молитвы о родныхъ, друзьяхъ и о всѣхъ страждущихъ. Въ субботу онъ пріобщился Святыхъ Тайнъ [2])……

Иванъ Ивановичъ, зная вполнѣ доброту Егора Антоновича, рѣшается вновь его безпокоить симъ порученіемъ и проситъ его вмѣстѣ съ Владиміромъ Ивановичемъ похлопотать о дѣлѣ Всеволода, если возможно доставить дѣтямъ свиданіе и утѣшить отца увѣдомленіемъ.

Извините, добрая Анна Ивановна, что весь почти листъ занятъ чуждымъ для васъ предметомъ; братецъ вашъ проситъ васъ быть посредницей въ этомъ дѣлѣ и заранѣе увѣренъ въ успѣхѣ онаго.—Обнимая васъ всѣхъ отъ души, цѣлуя у батюшки и матушки руки, онъ остается неизмѣннымъ Вашимъ другомъ.

Желая вамъ и любезнымъ сестрицамъ всевозможнаго спокойствія и утѣшенія, остаюсь навсегда

Вамъ преданная
А. Розенъ.

---

[1]) Писано тѣмъ же лицомъ, что предыдущее и послѣдующее.

[2]) Здѣсь слѣдуетъ изложеніе просьбы И. И. къ Е. А. похлопотать о сыновьяхъ декабриста В. И. Штейнгеля. *К. Г.*

Бар-сса А. В. Розенъ—Е. А. Энгельгардту.

Петровскій Заводъ,
5-го февраля 1832.

Милостивый Государь
Егоръ Антоновичъ,

Къ сожалѣнію моему, до сихъ поръ не могла исполнить порученія Ивана Ивановича изъявить вамъ искреннюю его благодарность за письмо Ваше отъ 27-го ноября, которое онъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ получилъ 5-го генваря нынѣшняго года. Это было для него однимъ изъ самыхъ пріятныхъ подарковъ на новый годъ.

Вы знаете слишкомъ хорошо Ивана Ивановича, чтобъ нужно было увѣрять васъ въ участіи, которое онъ не перестаетъ принимать во всемъ касающемся до васъ; время, кажется, производитъ надъ нимъ дѣйствіе совершенно противное обыкновенному — вмѣсто того, чтобъ охлаждать его привязанности душевныя, оно еще болѣе ихъ укрѣпляетъ и развертываетъ. Грустно ему было читать въ письмѣ вашемъ о послѣднемъ 19-мъ октября. Прискорбно ему, что этотъ день уже такъ мало соединяетъ людей около стараго Директора. Передайте дружескій поклонъ Ивана Ивановича всѣмъ вѣрнымъ союзу дружбы; охладѣвшимъ попеняйте. Для него собственно этотъ день связанъ съ незабвенными воспоминаніями; онъ его чтитъ ежегодно памятью о всѣхъ старыхъ товарищахъ, старается сколько возможно живѣе представить себѣ бытъ и кругъ дѣйствія каждаго изъ нихъ. Вы согласитесь, что это довольно трудно послѣ столь продолжительной и, вѣроятно, вѣчной разлуки.—Воображеніе дополняетъ недостатокъ существенности. При этомъ случаѣ Иванъ Ивановичъ проситъ васъ напомнить вамъ его просьбу, о которой, по порученію его, писала уже къ вамъ: онъ желалъ бы имѣть отъ васъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ его лицейскихъ товарищей. Вы вѣрно не откажете исполнить когда-нибудь его желаніе,—это принесетъ ему истинное удовольствіе.

Про себя онъ ничего не можетъ вамъ сказать особеннаго. Здоровье его постоянно хорошо—это не бездѣлица при его образѣ жизни. Время, въ которомъ нѣтъ недостатка, онъ старается сократить всякаго рода занятіями. Происшествій для него нѣтъ—одинъ день, какъ другой, слѣдовательно разсказывать ровно нечего. Благодаря довольно счастливому его нраву, онъ умѣетъ найтись и въ своемъ теперешнемъ положеніи и переносить его терпѣливо.— Въ минуты и часы, когда сгрустнется, онъ призываетъ на помощь

разсудокъ и утѣшается тѣмъ, что всему есть конецъ!— такъ проходятъ дни, мѣсяцы и годы.....

Дорогой Марьѣ Яковлевнѣ Иванъ Ивановичъ цѣлуетъ руку; часто, очень часто объ ней вспоминаетъ. Проситъ сказать всѣмъ вашимъ милліонъ поклоновъ. Слова ваши о потерянной вами внучкѣ тронули его до глубины души. Онъ сердечно жалѣетъ объ Августѣ Яковлевичѣ, лишившемся доброй и милой своей супруги. Вы ничего не говорите о маленькой Annette. Иванъ Ивановичъ былъ у васъ, когда вамъ принесли этого ребенка. Минута сія сильное сдѣлала на него впечатлѣніе.

Посѣщайте иногда на досугѣ домъ Пущиныхъ. Иванъ Ивановичъ проситъ васъ объ этомъ, зная, какъ пріятно сестрицамъ его видѣть васъ; онъ такъ имъ благодаренъ за необыкновенную и дѣятельную ихъ привязанность къ нему, что не знаетъ, какъ бы ихъ утѣшить.—Съ удовольствіемъ исполнила я порученіе Ивана Ивановича, и желала бы, чтобъ въ этомъ письмѣ вы сколько-нибудь узнали вѣрнаго и неизмѣннаго вашего друга.

Почтенной Марьѣ Яковлевнѣ приношу мое почтеніе, съ коимъ и къ вамъ пребуду.

А. Розенъ.

---

3. Письма лицъ, близкихъ къ первенцамъ Лицея.

Къ вышепомѣщенной коллекціи сохранившихся у меня писемъ изъ переписки товарищей Пушкина считаю умѣстнымъ присоединить нѣсколько писемъ лицъ, бывшихъ близкими къ поэту, его товарищамъ и Лицею,—писемъ, имѣющихъ отношеніе къ разработкѣ матеріаловъ для біографіи поэта и къ изслѣдованію лицейской старины. Большая часть ихъ печатается впервые.

С. Л. Пушкинъ—Князю П. А. Вяземскому [1]).

1 февраля 1838.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ!

Я бы желалъ, чтобы въ заключеніе Записокъ біографическихъ о покойномъ Александрѣ, сказано было, что Александръ Ивановичъ Тургеневъ былъ единственнымъ орудіемъ помѣщенія его въ

---

[1]) Это письмецо отца поэта было уже напечатано Я. К. Гротомъ въ его кн. „Пушкинъ“ и пр., стр. 237—88. Оно писано на 3-й день послѣ первой годовщины кончины поэта.

Лицей и что черезъ 25 лѣтъ онъ же проводилъ тѣло его на послѣднее жилище. Да узнаетъ Россія, что она Тургеневу обязана любимымъ ею поэтомъ! Чувство непоколебимой благодарности побуждаетъ меня просить васъ объ этомъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что въ Лицеѣ, гдѣ онъ въ товарищахъ встрѣтилъ нѣсколько соперниковъ, соревнованіе способствовало къ развитію огромнаго его таланта. Вотъ что я писалъ Александру Ивановичу и потомъ къ вамъ, но письмо мое въ то время, не знаю почему, до васъ не дошло.— Благодарю еще разъ княгиню за 29-е число.

Весь и всегда вашъ
С. Пушкинъ.

Кн. П. А. Вяземскій—Я. К. Гроту.

Homburg vor der Höhe (безъ даты, относится видимо къ *1874 г.*[1]).

Я не нашелъ у Анненкова („Вѣстникъ Европы“[2]) отмѣтки Пушкина о 1814 г.

Во всякомъ случаѣ не могъ онъ видѣть Карамзина въ теченіе этого года. Можетъ быть, ребенкомъ видалъ онъ его въ Москвѣ у отца своего, да и то невѣроятно. По крайней мѣрѣ, не помню Сергѣя Львовича въ Москвѣ ни у Карамзина, ни у себя. Карамзинъ, вѣроятно, зналъ его, но у него не бывалъ.

Изъ Москвы въ Петербургъ въ 1816 г. съ Карамзинымъ ѣхалъ я одинъ. Жуковскій былъ уже въ Петербургѣ. Василій Львовичъ пріѣхалъ въ Петербургъ или предъ нами или вслѣдъ за нами, но положительно не съ нами, а въ обратный путь примкнулъ къ намъ. Съ нимъ по дорогѣ и заѣзжали мы въ Лицей, вѣроятно по предложенію Вас. Львов. Оставались мы тамъ съ полчаса, не болѣе. Не помню особенныхъ тогда отношеній Карамзина къ Пушкину. Вѣроятно, управляющіе Лицеемъ занимались Карамзинымъ. А меня окружила молодежь: я и самъ былъ тогда молодъ. Тутъ нашелъ я и Сергѣя Ломоносова, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ былъ товарищемъ моимъ или въ іезуитскомъ пансіонѣ, или въ

---

[1]) Писано въ отвѣтъ на вопросы Я. К. по случаю составленія его статьи „Старина Царскосельскаго Лицея“ (въ Сборн. „Складчина“ 1874), гдѣ и разсказано о свиданіи Карамзина съ Пушкинымъ въ 1816 г.

[2]) Разумѣются статьи П. В. Анненкова „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1873, ноябрь и дек. и 1874, янв. и февр. *К. Г.*

пансіонѣ, учрежденномъ при Педагогическомъ институтѣ—въ точности не помню. Пушкинъ былъ не особенно близокъ къ Ломоносову [1])—можетъ быть напротивъ. Ломоносовъ и тутъ былъ уже консерваторомъ, а Пушкинъ въ оппозиціи противъ Энгельгардта и много еще кое-кого и кое-чего.—Но какъ-то фактически сблизили ихъ и я и домъ Карамзиныхъ, въ которомъ по лѣтамъ бывали часто и Пушкинъ и Ломоносовъ, особенно въ тѣ времена, когда наѣзжалъ я въ Царское Село. Холмогорскаго въ Ломоносовѣ ничего не было, т. е. ничего литературнаго. Онъ былъ добрый малый, вообще всѣми любимъ и, вѣроятно, не безъ служебныхъ способностей, потому что совершилъ довольно блистательную дипломатическую карьеру, любимъ былъ Поццо-ди-Борго и занималъ посланническіе посты. Упоминаніе о немъ Вас. Львов. ничего не значитъ, кромѣ обыкновенной и вѣжливой любезности.

О предполагаемой поѣздкѣ Пушкина incognito въ Петербургъ въ дек. 25-го года вѣрно разсказано Погодинымъ въ книгѣ его „Простая рѣчь“, страницы 178 и 179 [2]). Такъ и я слыхалъ отъ Пушкина. Но, сколько помнится, двухъ зайцевъ не было, а только одинъ. А главное, что онъ бухнулся бы въ самый кипятокъ мятежа у Рылѣева въ ночь 13-го на 14-ое дек.: совершенно вѣрно.

Письма моего къ Булгакову не помню, и было ли оно напечатано— не знаю. Спросите Барсукова, а если успѣете, Бартенева. Во всякомъ случаѣ, если Вамъ угодно, печатайте его. Въ статьѣ Анненкова есть невѣрности и много провинціальнаго, какъ у многихъ изъ нашихъ литературо-публицистовъ. Видно; когда говорятъ они о такъ называемомъ высшемъ обществѣ — впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ *высшемъ*,—что говорятъ они по слухамъ, и что это общество для нихъ terra incognita.

Вотъ все, что могу отвѣчать Вамъ на Ваши вопросы, да и мѣста нѣтъ для большаго разглагольствія. Мое сердечное почтеніе А. В. Плетневой. Что переписка его?

Неизмѣнно Вамъ преданный
Вяземскій.

---

[1]) По разсказу И. И. Пущина (его „Записки“, стр. 9—10), Пушкинъ познакомилъ его еще до открытія Лицея (когда всѣ уже съѣхались въ Петербургъ), при представленіи будущихъ лицеистовъ Министру, съ Ломоносовымъ и Гурьевымъ, и всѣ они четверо потомъ часто сходились у В. Л. Пушкина и у Гурьевыхъ. *К. Г.*

[2]) Изд. 2, 1874; отд. II, стр. 22—23; о томъ же разсказываетъ и В. И. Даль. См. Л. Майковъ „Пушкинъ и Даль“, въ своей книгѣ „Пушкинъ“, Спб. 1899, стр. 420—21. *К. Г.*

Я. К. Гротъ—К. К. Гроту[1]).

Спб. 27 сент. 1872.

Матюшкинъ провелъ лѣто близъ станціи Бологое, но не на своей дачѣ [2]), а у кн. Эристовой [3]); тамъ жилъ онъ въ маленькой комнатѣ, изъ которой и не выходилъ (по слабости мочевого пузыря). Это и мало питательная діэта, безъ мяса, очень ослабили его. Въ августѣ, по совѣту доктора Ланга, онъ переѣхалъ въ Петербургъ на прежнюю свою квартиру, перешелъ на мясную пищу съ хорошимъ виномъ и скоро началъ замѣтно поправляться. Но тутъ вдругъ съ нимъ сдѣлался ударъ, и онъ слегъ въ постель (параличъ былъ въ ногахъ, и уже во 2-ой разъ; 1-ый былъ весною). Сначала онъ былъ веселъ, всѣхъ узнавалъ, но однажды вдругъ не сталъ видѣть, и доктора могъ узнавать уже только по голосу, а на другой день впалъ и вовсе въ безсознательное состояніе. Вечеромъ, 16-го числа, онъ просто уснулъ, безъ страданій, навѣки. Въ послѣдніе дни было сдѣлано завѣщаніе, формальное, при нотаріусѣ и лицейскомъ Комовскомъ, но по смерти оказалось, что М. либо не успѣлъ, либо забылъ подписать это завѣщаніе. Въ немъ онъ отказывалъ свою прелестную дачу одному изъ сыновей лицейскаго Данзаса, а не взятую за нѣсколько лѣтъ аренду—какой-то несовершеннолѣтней своей воспитанницѣ. Но это завѣщаніе, конечно, недѣйствительно; за нѣсколько лѣтъ было сдѣлано имъ другое, которое онъ отмѣнялъ этимъ.

Когда я обѣдалъ у Головнина, онъ хотѣлъ было свести меня съ докт. Лангомъ, но тотъ, къ сожалѣнію, не могъ быть. Теперь Ал. Вас. хлопочетъ о доставленіи мнѣ всевозможныхъ свѣдѣній для некролога Матюшкина.

Сегодня получили мы еще печальное извѣстіе: въ Москвѣ умеръ Даль [4]), котораго я видѣлъ въ іюнѣ слабымъ и больнымъ послѣ 3-го удара, но со свѣжею головою спокойно говорящимъ о смерти. Это извѣстіе привезла Надежда Павловна [5]); мужъ ея въ Крыму у Н. Я. Данилевскаго.

Я. Гротъ.

---

[1]) Матюшкинъ скончался 16-го сент. Это письмо писано черезъ 10 дней—Я. К. Гротомъ къ своему брату (лицеисту VII к.), жившему за границей (въ Веве, въ Швейцаріи).

[2]) Называвшейся „Занмка“, см. ниже.

[3]) Вдовы его покойнаго друга, лицеиста II курса, кн. Д. А. Эристова († 1858 г.).

[4]) Влад. Ив., извѣстный лексикографъ и писатель.

[5]) Семенова, супруга сенатора Н. П. Семенова.

Кн. Эристова—А. В. Головнину.

28-го сентября 1872,
С. Высокое [1]).

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ!

Письмо Ваше я имѣла удовольствіе получить и спѣшу отвѣчать Вамъ. Къ большому моему сожалѣнію, у меня нѣтъ никакихъ записокъ нашего друга Федора Федоровича [2]); не думаю даже, чтобъ онъ ихъ писалъ. Писемъ его я не сохранила; они были всегда очень коротенькія и имѣли значеніе только для меня.—Часто и съ любовью вспоминалъ онъ о своихъ путешествіяхъ и о сѣверной экспедиціи, но мнѣ не приходило въ голову записывать его интересные разсказы и теперь не въ состояніи не только письменно, но и словесно ихъ передать. Свою *Заимку* [3]) онъ очень любилъ—занимался и украшалъ ее, но не для себя; вся цѣль его заключалась въ томъ, чтобъ предложить ее на лѣто которому-либо изъ своихъ друзей,—самъ же каждое лѣто проводилъ у меня, любилъ свою комнатку и любовался березкой, которая ласково, по его словамъ, просилась къ нему въ окошко. Каждое утро ранехонько онъ отправлялся на свою дачу, присматривалъ и распоряжался работами и только къ обѣду возвращался къ намъ, окруженный толпою дѣтей; я охотно принимала въ услугу людей семейныхъ, и потому у меня собралось до 30 маленькихъ дѣточекъ,—Федоръ Федоровичъ любилъ ихъ, ласкалъ и надѣлялъ гостинцами; зато дѣти также очень его любили, даже самыя крошечныя протягивали къ нему рученки—ему это очень нравилось, и когда дѣти зарѣзвятся и не замѣтятъ его возвращенія, то онъ тотчасъ же дѣлалъ замѣчаніе: что это дѣтвора меня не встрѣтила?

Но все это было прежде—въ нынѣшнемъ году онъ съ грустію принужденъ былъ отказаться отъ обычныхъ прогулокъ! Въ день своего отъѣзда съ палочкой обошелъ онъ весь мой садъ, а садясь въ экипажъ, приказалъ кучеру ѣхать шагомъ, чтобъ въ послѣдній разъ взглянуть на окрестность. Здѣсь занимала его очень моя цер-

---

[1]) Въ этомъ имѣніи кн. Эристовыхъ, ок. Бологого, въ 1857 г. (весной) состоялась свадьба И. И. Пущина, женившагося на Н. Д. Фонвизиной, рожд. Апухтиной, вдовѣ декабриста ген. М. А. Фонвизина, которую онъ зналъ еще въ ссылкѣ и которой онъ дѣлалъ предложеніе еще въ Сибири. Посредникомъ передачи согласія Н. Д.—Пущину въ 1857 г., по ея просьбѣ, былъ Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ.

[2]) Т. е. Матюшкина.

[3]) Заимка—дача Ф. Ф. Матюшкина близъ станціи Бологое, на берегу озера, противъ усадьбы кн-ни Эристовой.

ковь; онъ старался украшать ее и присутствовалъ при нашемъ богослуженіи каждое воскресеніе. Хотѣлъ онъ даже, чтобъ его адмиральскіе флаги переданы были послѣ его смерти въ нашу церковь, но я не знаю, гдѣ они теперь находятся.

Очень благодарна Вамъ, Александръ Васильевичъ! Вы первый написали мнѣ о его возвращеніи въ Петербургъ; вслѣдъ за Вашимъ письмомъ получила и отъ него нѣсколько строкъ, но уже это было прощаніе; онъ окончилъ словами: „по моему у меня внутренній ракъ [1])—придется отправиться голодною смертію, ну да все равно, только бы не очень мучаться—не оставьте своими молитвами и доброю обо мнѣ памятью. Прощайте. По гробъ вашъ Ф. Матюшкинъ“:

Письма отъ доктора Ланге я еще не получила, но заранѣе много благодарю Васъ! Горестна для меня смерть Федора Федоровича; я лишилась въ немъ искренняго, преданнаго друга. Всю дружбу, которую онъ имѣлъ къ моему дорогому мужу, онъ перенесъ на меня и сохранилъ ее неизмѣнно до смерти! Получивъ Ваше письмо, мнѣ стало какъ-то легче на сердцѣ; Федоръ Федоровичъ сообщалъ мнѣ свѣдѣнія обо всѣхъ общихъ друзьяхъ, и въ особенности о дорогомъ Вашемъ семействѣ. Тяжело мнѣ было думать, что теперь некому будетъ напомнить обо мнѣ! Но теперь надѣюсь, что когда-нибудь опять Вы напишете мнѣ о дорогой Вашей матушкѣ и о себѣ. Прошу Васъ передать ей глубокое мое уваженіе и принять увѣреніе въ душевной преданности.

Кн. Эристова.

Гр. М. А. Корфъ—Я. К. Гроту [2]).

1 февр. (1874 г.)

Получилъ я, любезный Яковъ Карловичъ, мою книжку отъ сына, но къ сожалѣнію не нашелъ въ моихъ замѣткахъ того времени

---

[1]) По словамъ доктора Ланге, онъ ошибался. Этой болѣзни не было. *Прим. Головнина.*

[2]) При этой записочкѣ гр. М. А. Корфъ прислалъ Я. К., вѣроятно въ 1874 г., когда онъ готовилъ свою статью „Первенцы Лицея“, нѣсколько своихъ замѣчаній, прилагаемыхъ ниже, на сообщенія въ извѣстной книгѣ Селезнева „Историч. очеркъ Импер. Лицея“ 1861 г. О бар. (позднѣе графѣ) М. А. Корфѣ писано много. О немъ между проч. см. кн. Я. К. „Пушкинъ“ etc., стр. 87—91. Его извѣстная „Записка“ (какъ и сообщенія о лицейск. товарищахъ въ Дневникѣ) занимаетъ важное мѣсто въ матеріалахъ о Лицеѣ и вызвала цѣлую литературу. Сохранилось множество его записочекъ къ Яковлеву, главнѣйше по поводу годовщинъ 19 окт. Важнѣйшія были сообщены мной въ ст. „Празднованіе Лицейскихъ годовщинъ“. Замѣчанія его и поправки къ статьѣ В. П. Гаевскаго о Пушкинѣ въ Лицеѣ помѣщены Н. Лернеромъ въ сб. „Пушкинъ и его Современники“, в. VIII (1908 г.), стр. 23—28.

почти ничего пригоднаго для Вашего труда. Многое уже у Васъ есть, а изъ прочаго многое запамятовалось. Впрочемъ кое-что попалось (на предшествія Пилецкаго), и этимъ малымъ спѣшу съ Вами подѣлиться. Книга Селезнева, конечно, у Васъ есть. Въ ней при всей оффиціальности тона и недостаткахъ редакціи, есть много дѣльнаго.

Искренно Вашъ

Гр. М. Корфъ.

Замѣчанія гр. М. А. Корфа[1]).

Стр. 142, 143. Упоминаемый здѣсь молодой, но дѣйствительно даровитый (столько же, сколько и безобразный) живописецъ и литографъ былъ Лапгеръ (2-го курса), уже давно умершій.

Стр. 146. Исчисленіе нашихъ журналовъ, Богъ знаетъ гдѣ теперь находящихся.

Стр. 152. Старшій возрастъ никогда и ни въ чемъ не руководилъ младшимъ. При Энгельгардтѣ и даже прежде намъ не запрещалось заниматься въ нашихъ каморкахъ и въ другіе свободные часы, а въ управленіе Фролова мы тамъ и курили. Въ наше время у каждаго воспитанника былъ, въ тѣхъ же каморкахъ, и свой отдѣльный умывальникъ.

Стр. 157. Не помню, чтобы въ наше время отводился кому-нибудь особый столъ въ *классѣ*, но въ *столовой* это случалось по временамъ, хотя тоже не часто.

Стр. 158. Вотъ полная долицейская біографія Мартына Пилецкаго.

Стр. 165. Несправедливо, будто-бы ни одинъ воспитанникъ не подвергался исключенію за проступки. Въ самые первые наши годы былъ исключенъ Гурьевъ..., и насъ до конца оставалось и было выпушено всего 29.

Стр. 169. Бакунинъ былъ не Алексѣй, а Александръ.

Стр. 174. Въ наше время никакихъ баракъ при Лицеѣ не было и не предполагалось.

---

[1]) Показанныя здѣсь страницы см. въ кн. Селезнева.

А. И. Малиновскій—Я. К. Гроту[1]).

9 Сентября 1888 г. С. Подоляне, чр. ст. Поныри, Московско-Курской ж. д.

Глубоко и искренно уважаемый
Яковъ Карловичъ!

Позвольте такъ, безъ чиновъ, начать мою переписку съ Вами. Дочь моя, которая объяснитъ Вамъ на словахъ, почему я такъ замедлилъ съ этимъ началомъ, передастъ Вамъ вмѣстѣ съ этимъ 11 листовъ моего писанія (изъ коихъ $8^1/_2$ одной почти моей болтовни), а всетаки это далеко не все, что я имѣю сообщить Вамъ, какъ матеріалъ для жизнеописанія дяди И. И. Пущина. Въ настоящую минуту я перечитываю еще только его переписку съ матушкой; къ сожалѣнію, письма дяди сохранились лишь съ 1837 года по годъ ея кончины, т. е. 44-ый, слѣдовательно не могутъ пополнить пробѣла, оставляемаго и записками дяди Михаила Ивановича—со дня исполненія приговора надъ декабристами (если не ошибаюсь 10 Іюля 1826 г.) до года выхода моей матери замужъ (1834). Но и въ этихъ письмахъ есть столько мѣстъ интересныхъ для Васъ, какъ для историка Лицея, что я тотчасъ по отъѣздѣ дочери примусь за выписки, подобныя тѣмъ, которыя я сдѣлалъ изъ записокъ М. И. Пущина. Если Вамъ придуманный способъ неудобенъ, то прикажите черезъ дочь измѣнить его. Въ этихъ письмахъ[2]) я нашелъ и обращеніе къ „Суворочкѣ“[3]) и къ другимъ товарищамъ; такія напримѣръ выраженія въ письмѣ 14 Іюня 1840 года: „послѣдняя могила Пушкина! кажется, если бы при мнѣ должна была случиться несчастная его исторія и еслибъ я былъ на мѣстѣ К. Данзаса, то роковая пуля встрѣтила бы мою грудь: я бы нашелъ средство сохранить поэта-товарища, достояніе Россіи, хотя не всѣмъ его стихамъ поклоняюсь; ты догадаешься (письмо обращено сначала къ моему отцу), про что я хочу сказать; онъ минутно забывалъ свое назначеніе и все это послѣ нашей разлуки“; а объ отношеніяхъ его къ моему отцу,

[1]) При настоящемъ письмѣ сообщилъ отцу моему нѣкоторые матеріалы объ И. И. Пущинѣ, его племянникъ, сынъ лицейскаго товарища Пушкина И. В. Малиновскаго—Антонъ Ивановичъ (род. 1838 г., ум. 6 апр. 1904 г.), самъ лицеистъ и ученикъ Я. К. Грота; онъ былъ человѣкомъ и дѣятелемъ высоко-почтеннымъ; былъ членомъ моск. судебн. палаты (см. Р. Арх. 1904 г. № 5). Часть этихъ матеріаловъ была использована мною въ ст. объ И. И. Пущинѣ въ „Историч. Вѣстн.“ 1905 г. авг., стр. 423. Къ нимъ я еще надѣюсь вернуться.

[2]) Т. е. И. И. Пущина.

[3]) В. Д. Вольховскій.

обрисовывающихся для меня особенно въ этихъ письмахъ,—нечего и говорить. Кстати объ отцѣ моемъ: только послѣ свиданія съ Вами я узналъ отъ матушки, что отецъ оставилъ мнѣ, собственноручно имъ переписанный для меня, сводъ своего дневника [1]), самый же черновой, такъ сказать, дневникъ—брату моему Павлу. Надѣюсь въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ еще получить эту драгоцѣнную для меня рукопись и примусь за извлеченіе изъ нея по крайней мѣрѣ канвы для жизнеописанія отца, пропущеннаго въ некрологѣ послѣдней Памятной книжки Лицея. Но не ожидая этого, позвольте теперь же передать въ Ваше распоряженіе уступленный мнѣ теткою Вольховскою [2]) экземпляръ оставленнаго отцомъ моимъ жизнеописанія ея мужа, о которомъ упоминается на страницѣ 95-ой Вашей книги; если найдете, что сдѣланная первоначально на имя какого-то Ознобишина и потомъ зачеркнутая, или вѣрнѣе замаранная надпись не мѣшаетъ, то передайте этотъ оттискъ въ Лицеяну [3]), ибо съ этою цѣлью тетушка Марія Васильевна переслала его мнѣ. Кромѣ того прилагаю принадлежащій мнѣ оттискъ жизнеописанія Панютина, принадлежащаго тоже перу моего отца: это второе и послѣднее его напечатанное сочиненіе, и мнѣ кажется, что Lyceana должна его имѣть; рукописей послѣ отца осталось много: есть записки по такимъ вопросамъ государственной важности, какъ раздѣленіе года для взысканія податей на двѣ равныя половины (что̀, какъ Вамъ извѣстно, осуществилось лишь въ 1883 г., т. е. черезъ 10 лѣтъ послѣ его кончины) и конечно по освобожденію крестьянъ. Но объ этомъ послѣ, а теперь позвольте еще исполнить порученіе тетки М. В. Вольховской и просить Васъ принять отъ нея одинъ оттискъ напечатанныхъ ею въ весьма небольшомъ числѣ (экземпляровъ) матерьяловъ для жизнеописанія Андрея Афанасьевича Самборскаго [4]). Изъ прочтенія предисловія Вы легко поймете, что къ этому изданію побудилъ ее отзывъ профессора Надлера объ ея дѣдѣ, заключающійся въ сочиненіи „Императоръ Александръ I и идея Священнаго Союза“, изъ коего нѣсколько главъ, до воспитанія Императора относящихся, были предварительно напечатаны въ Харьковскомъ изданіи „Вѣра и Разумъ“. Къ сожалѣнію, въ книгѣ „О жизни протоіерея Самборскаго“ на стр. 17 допущена такая ошибка, какъ

[1]) Объ этомъ Дневникѣ мы ничего болѣе къ сожалѣнію не знаемъ. *К. Г.*

[2]) Марія Васильевна, рожденная Малиновская, сестра его отца. *К. Г.*

[3]) Этотъ экземпляръ и переданъ уже мною въ Лицейскій Пушкинскій Музей. *К. Г.*

[4]) Извѣстный законоучитель и духовникъ Вел. Кн. Александра и Константина Павловичей—А. А. Самборскій былъ тестемъ директора Лицея В. Ѳ. Малиновскаго. (Гротъ, „Пушкинъ“ и пр., стр. 32 и 223). *К. Г.*

помѣщеніе Артиллерійской Академіи въ Михайловскомъ замкѣ, тогда какъ и мнѣ, со словъ отца, да и самой тетки, хорошо извѣстно, что квартира моего прадѣда была въ сѣверо-западномъ углу верхняго этажа Михайловскаго Замка, гдѣ нынѣ Инженерная Академія, и такимъ образомъ приходилась однимъ концомъ почти надъ роковою для Императора Павла комнатою, обращенною нынѣ, какъ я слышалъ, въ домовую церковь. Бѣда въ томъ, что тетушка вызывала меня въ Харьковъ очевидно для просмотра приготовляемой ею тогда къ печати рукописи, но я, по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ, не могъ тогда ѣхать и получилъ уже отпечатанную книгу только на дняхъ, вмѣстѣ съ оттискомъ, предназначеннымъ ею для Васъ [1]).

Примите все это, какъ дань уваженія и благодарности отъ нашей семьи за Ваши сердечные отзывы объ отшедшихъ нашихъ, о которыхъ Вамъ приходилось упомянуть въ печати, и простите болтливость Вашего, успѣвшаго состарѣться, но съ юности Васъ неизмѣнно почитающаго ученика

А. Малиновскаго.

Е. А. Энгельгардтъ—Я. К. Роту.

(Изъ письма отъ 5 іюня 1842 г. въ Гельсингфорсъ [2]).

... Не знаю, есть ли въ твоемъ лицейскомъ архивѣ наша прощальная пѣснь съ музыкою; на всякій случай посылаю тебѣ ее.

---

[1]) Объ этомъ изданіи Я. К. далъ печатный отзывъ въ „Русск. Вѣстн.“ 1889 г. янв., стр. 260. См. „Труды Я. К. Грота“, III томъ. стр. 415—418. *К. Г.*

[2]) Въ статьѣ „Изъ лицейской старины“ (Истор. Вѣстн. 1905 г., іюль) я помѣстилъ два письма Е. А. Энгельгардта къ отцу моему 1842 г., адресованныя въ Гельсингфорсъ (гдѣ онъ тогда состоялъ профессоромъ), въ которыхъ старый директоръ Лицея проситъ его объ улаженіи одного дѣла, относившагося къ покупкѣ имъ для себя мѣста на Смоленскомъ кладбищѣ. Дѣйствительно, отецъ уладилъ его, за что Е. А. былъ ему сердечно признателенъ. Изъ одного изъ этихъ писемъ я помѣщаю здѣсь выдержку, относящуюся къ лицейскому архиву. Изданіе, о которомъ въ немъ идетъ рѣчь, составляетъ библіографическую рѣдкость. Вотъ его описаніе: Брошюра въ большой листъ, подъ заглавіемъ: „Шесть лѣтъ. Прощальная пѣснь воспитанниковъ Императорскаго Лицея въ Царскомъ Селѣ. 1817 г. Слова воспитанника барона Дельвига. Музыка В. Теппера. Спб. 1835 г. Литографія Ф. Давиніона, у Казанскаго моста, № 15“, съ довольно большой виньеткой на заглавномъ листѣ (воспроизведенной и въ настоящемъ изданіи), изображающей лицейскій залъ съ нѣсколькими фигурами лицеистовъ, между которыми думаютъ видѣть Пушкина и Е. А. Энгельгардта,—бережно хранилась съ тѣхъ поръ въ архивѣ отца. Она заключаетъ въ себѣ на 17 страницахъ ноты пѣсни „Шесть лѣтъ“, а на 18-ой литографированный автографъ Энгельгардта—самый текстъ „Прощальной пѣсни“, написанный его круглымъ и четкимъ, но не красивымъ

Хотя и некому будетъ тамъ у васъ ее спѣть, однако она и зала шестилѣтняя напомнятъ тебѣ о томъ времени, когда тамъ эту пѣснь пѣли, понимали, чувствовали.—Я никакъ не рѣшился дозволить какому-нибудь бездушному кантонисту-литографу *накалиграфировать* этотъ символъ нашей лицейской вѣры, и потому самъ своеручно написалъ, какъ умѣлъ, на камнѣ и отпечаталъ. Положи въ архивъ.

Видно, такъ уже положено имѣть тебѣ этотъ добавокъ архивный: пока думалъ я и придумывалъ, какъ бы его вѣрнѣе къ тебѣ доставить, является прекрасный случай на то. Одна пріятельница жены моей, Madame Groen, съ премилою своею дочкою ѣдетъ завтра въ Гельсингфорсъ и охотно берется доставить тебѣ мою посылку. Я ее увѣрялъ, что Грота въ Гельсингфорсѣ всѣ знаютъ, и что, слѣдовательно, не будетъ затрудненія тебя отыскать... Потолковалъ бы еще съ тобой, да онѣ торопятъ, чтобъ уложить мою посылку между бѣльемъ; надо кончить. Прощай, мой добрый Гротъ. Наслаждайся мыслію, что ты утѣшилъ, успокоилъ на вечерѣ жизни стараго друга-директора

Егора Антоновича.

Я. К. Гротъ—Д. Н. Замятнину [1]).

22 октября 1880 года.

Милостивый Государь
Дмитрій Николаевичъ.

Возвращая при семъ съ искреннею благодарностью полученную отъ Васъ 19-го октября тетрадку, могу сказать о ней слѣдующее. Она писана рукой Матюшкина, кромѣ послѣдняго стихотворенія, въ которомъ узнаю почеркъ Илличевскаго,—вѣроятно, въ послѣднее время пребыванія ихъ въ Лицеѣ. Это—часть сборника лицейскихъ стихотвореній разныхъ авторовъ, подобнаго тому, какой сообщалъ мнѣ и покойный графъ Корфъ, откуда я еще въ 1833 году сдѣлалъ значительныя выписки. Впослѣдствіи имъ пользовался и

почеркомъ, съ своеобразной орѳографіей. Какъ видно изъ рукописной цензорской помѣтки на этомъ экземплярѣ (9 отк. 1856 г.) *Цензора* Бекетова, брошюра эта была разрѣшена къ перепечаткѣ въ этомъ году (см. тамъ же, стр. 91—92), а именно для Памятной книжки И. А. Лицея на 1856—1857 г.

[1]) Черезъ Д. Н. Замятнина, лицеиста 3-го выпуска (извѣстнаго государственнаго дѣятеля), Я. К. пополнилъ свой архивъ нѣкоторыми и другими лицейскими бумагами. О судьбѣ упоминаемой здѣсь тетради см. ниже, и въ моей статьѣ „Къ лицейскимъ стихотвореніямъ Пушкина“, см. Ж. М. Нар. Пр. 1905, № 10, стр. 229—230.

Анненковъ при изданіи сочиненій Пушкина. Въ Полѣновской тетрадкѣ я внимательно просмотрѣлъ всѣ стихотворенія Александра Сергѣевича. Въ нихъ есть мѣста, пропущенныя по цензурнымъ причинамъ въ изданіяхъ Анненкова и Исакова (прежнихъ); Ефремовскаго я не имѣлъ, но, вѣроятно, въ немъ есть неполноты противъ рукописи. Вѣроятно, Матюшкинъ давно потерялъ изъ виду эту тетрадку, потому что, передавая мнѣ въ 1872 году свои лицейскія бумаги, онъ ничего не упомянулъ ни объ ней, ни объ другихъ частяхъ сборника. Само собой разумѣется, что пріобщить ее къ лицейскому архиву было бы желательно, хотя бы для того только, чтобы она вмѣстѣ съ нимъ перешла къ потомству въ томъ учрежденіи, которому я со временемъ думаю передать всѣ хранящіяся у меня лицейскія рукописи [1]).

Присоединяя къ этому съ особеннымъ удовольствіемъ обѣщанный томъ біографіи Державина, поручаю его Вашему просвѣщенному вниманію и вмѣстѣ съ тѣмъ покорно прошу принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и сердечной преданности

Вашего лицейскаго внука
Я. Грота.

В. Е. Энгельгартъ—Я. К. Гроту [2]).

(*Москва, вѣроятно 1872 г.*).

Прошу Васъ, многоуважаемый Яковъ Карловичъ, принять большое лицейское спасибо за присланную мнѣ книжку *о юбилеѣ Лицея* [3]).

Я узналъ о существованіи ея изъ книги: „Благородный Пансіонъ“, изданной Н. Голицынымъ.—Будучи занятъ теперь составленіемъ: *„Воспоминаній о Директорѣ Царскосельскаго Лицея*

---

[1]) Я. К. при жизни († 1893) не успѣлъ да и не спѣшилъ рѣшать этого вопроса. Лицейскаго Пушкинскаго Музея еще не существовало (лишь за годъ передъ тѣмъ въ 1879 была задумана П. библіотека), и онъ преимущественно имѣлъ въ виду Импер. Публичную Библіотеку. Нынѣ Музей Лицейскій такъ окрѣпъ и развился, что передача всѣхъ Lyceana (я пока отдѣляю ихъ отъ своихъ Pouschiniana) въ это уже богатое хранилище является вполнѣ своевременнымъ даромъ къ 100-лѣтнему юбилею Лицея. *К. Г.*

[2]) Письмо это писано сыномъ бывшаго директора Е. А. Энгельгардта—Влад. Егор. (род. 1808 г.), бывшимъ лицеистомъ (V вып. 1829 г.), д. с. с., служившимъ членомъ Московской Комиссаріатской Комиссіи, и относится ко времени, когда онъ, будучи уже въ отставкѣ, составлялъ свои воспоминанія о директорствѣ Е. А., напеч. въ „Русск. Архивѣ“, 1872 г. стр. 1462—1491.

[3]) 50-лѣтнемъ въ 1861 г.

Егоръ Антоновичъ Э.“, я полагалъ, что въ „Обозрѣніи“ И. П. Шульгина я найду любопытные матеріалы, мнѣ еще неизвѣстные.— Статья Шульгина мастерски написана, но все то, что онъ сказалъ о Е. А., болѣе или менѣе, мнѣ извѣстно; потому я предполагаю помѣстить въ приложеніи отрывокъ изъ отзыва Шульгина о Е. А., какъ документъ, писанный извѣстнымъ очевидцемъ и сослуживцемъ Егора Антоновича.

Я пишу мою статью подъ фирмою: *Воспитан. Императ. Царскос. Лицея*, потому что какъ-то сыну не ловко выступать біографомъ отца [1]).—Да притомъ же я въ литературномъ мірѣ вовсе не извѣстенъ.

Слѣдующіе матеріалы служили мнѣ основаніемъ къ составленію „воспоминаній“:

1) Формулярный списокъ Ег. Ан.

2) Автографъ Е. А. подъ заглавіемъ: Necrolog, и другія его бумаги.

3) Историческій очеркъ Лицея Селезнева.

4) Устные разсказы, *слышанные мною многократно отъ самого Е. А.*,

и 5) Собственныя воспоминанія *слышаннаго и видѣннаго мною лично.*

Прочитавъ на оберткѣ журнала *Русская Старина*, что г-нъ Семевскій намѣренъ напечатать нѣсколько писемъ Егора Антоновича, я въ правѣ полагать, что онъ, можетъ быть, согласится помѣстить и мою статейку о Е. А. въ его журналѣ.

Не имѣя понятія о томъ, какъ подобныя дѣла дѣлаются и на какихъ условіяхъ отдаются статьи господамъ редакторамъ журналовъ, всепокорнѣйше прошу Васъ, яко лицеиста - академика, просвѣтить и напутствовать меня на этомъ вовсе мнѣ чуждомъ пути. Статья моя готова, теперь переписывается на-бѣло и составитъ около 15 писанныхъ листовъ.

Имѣя весьма схожій и отлично написанный масляными красками портретъ Е. А., думаю, что не лишнимъ было бы приложить къ рукописи фотографическій снимокъ съ этого портрета въ уменьшенномъ видѣ.

Егоръ Антоновичъ написанъ въ извѣстномъ его костюмѣ, сидящимъ въ креслахъ близъ письменнаго стола; на стѣнѣ виситъ картина, изображающая *залу Ц. Лицея.*

Относительно памятника нашему великому поэту Пушкину, спѣшу съ особеннымъ лицейскимъ сочувственнымъ удовольствіемъ

---

[1]) Позже авторъ измѣнилъ рѣшеніе и подписалъ статью полнымъ именемъ. *К. Г.*

покорно просить Васъ принять прилагаемую при семъ мою весьма скромную лепту.

Полагая, что нашему русскому поэту Пушкину подобаетъ по возможности принести русскую поэтическую дань, я порѣшилъ половину сбора съ продажи моихъ *„народныхъ разсказовъ“* посвятить хотя на одинъ камень, который войдетъ въ составъ этого памятника.

Моихъ *разсказовъ* напечатано 1.200 экз. Роздано мною безденежно простому русскому люду—200 экз. Продано 600 экз. по 10 коп., что составляетъ всего 60 руб. Изъ этой суммы половину кладу къ подножію памятника Пушкину; остальные 30 руб. оставляю г-ну Царскосельскому за его труды и хлопоты по изданію этихъ разсказовъ.—А 400 экземпляровъ ожидаютъ покупателей. Вотъ Вамъ полный отчетъ по этому дѣлу.—Желательно было бы мнѣ знать, одобритъ ли Академія мои распоряженія?

Поздравляю Васъ съ наступающимъ великимъ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенія Христова; отъ всей души желаю Вамъ и всѣмъ Вашимъ благодати Божіей; уповаю также, что Вы не забудете душевно преданнаго Вамъ стараго однокашника-лицеиста

Владиміра Энгельгардтъ.

Не бывая ни въ какихъ публичныхъ мѣстахъ, ни въ клубахъ, ни въ собраніяхъ, ни въ театрахъ, мнѣ не случилось встрѣтиться съ П. И. Миллеромъ, но ежели узнаю, гдѣ онъ живетъ, то непремѣнно зайду къ нему.

Скажите, живъ ли Мещерскій? [1]) Гдѣ онъ? Что онъ дѣлаетъ? Ежели увидите, поклонитесь отъ меня.

М. П. Погодинъ—Я. К. Гроту [2]).

7 марта (1874 г.).

Какъ Вамъ не стыдно пенять за плохой экземпляръ [3]). Я вѣдь писалъ Вамъ по возвращеніи изъ деревни, что все изданіе разо-

---

[1]) Кн. Александръ Васильевичъ, воспитанникъ Лицея тоже V выпуска, принадлежавшій также къ числу лицейскихъ поэтовъ (писавшій и французскіе стихи), съ которымъ былъ близокъ и Я. К. Гротъ; Мещерскій оставилъ „Воспоминанія кн. А. В. М.“, М. 1901.

[2]) Печатаемъ это письмо въ виду интересныхъ сообщеній Погодина о видѣнномъ имъ архивѣ В. Д. Вольховскаго.

[3]) Рѣчь идетъ о вышедшей тогда книгѣ Погодина „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ“. (Москва 1873 г.).

шлось: у меня даже корректуръ не осталось. Мнѣ удалось собрать изъ дефектовъ два экземпляра, въ которыхъ не доставало по малу и я отыскалъ недобранные листы въ корректурѣ для Васъ и... Надѣялся получить благодарность за стараніе сдѣлать Вамъ удовольствіе, а теперь въ наказаніе требую немедленнаго возвращенія.

На-дняхъ мнѣ пришло въ голову, или я видѣлъ во снѣ, что нашелъ что-то нужное для Васъ. Какъ ни ломаю себѣ теперь голову, никакъ не могу добраться, что это такое.

Корректуру статьи въ „Складчину“ я давно отправилъ, соглашаясь на присланныя мнѣ замѣчанія. Черкните, получена ли она.

Вспомнилъ сейчасъ, то-есть увидѣлъ въ Вашемъ письмѣ, о чемъ дѣло. Въ моихъ рукахъ была кипа бумагъ Вольховскаго, но на короткое время. Въ запрошломъ году, на пути на Святыя Горы, Харьк. губ., Изюмскаго уѣзда, я провелъ сутки у вдовы его въ селѣ Каменка. Она—дочь Вас. Фед. Малиновскаго, 1-го директора Лицея. Въ томъ же селѣ жилъ и сынъ его, воспитанникъ I курса, Ив. Вас. Малиновскій, скончавшійся въ прошломъ году. Все имѣніе пожаловано Императоромъ Павломъ протоіерею Самборскому, тестю В. Ф. М.

Былъ я на могилѣ Вольховскаго. День—исполненный наипріятнѣйшихъ впечатлѣній. Множество подробностей узналъ о Самборскомъ, учителѣ Императора Павла и духовникѣ Александра Павловича [1]). Марья Васильевна уговорила меня остаться ночевать, поманя сундукомъ бумагъ. Первое письмо тамъ, развернутое мною, было—студента Нижегородской семинаріи Сперанскаго, гдѣ онъ просилъ Самборскаго о ходатайствѣ для вступленія въ Московскій университетъ, и проч. Множество писемъ Демидова-чудака и всѣхъ грандовъ Екатерининскаго времени.

Но я заговорюсь, а корректуры ждутъ. Оканчиваю расправу съ ист. ересями и Вамъ ея не пришлю, разсерженный.

У коня нѣтъ рыла, а даровому пословица не велитъ смотрѣть въ зубы.

А вотъ просьба: сдѣлайте милость, спросите академика Савича, получилъ ли онъ письмо отъ товарища моего Кубарева, и скажите ему, что Кубаревъ проситъ прислать ему свой адресъ.

Да благословитъ Васъ Богъ!

Преданный М. Погодинъ.

Поклонъ супругѣ.

---

[1]) См. выше письмо А. И. Малиновскаго къ Я. К. Гроту.

Изъ письма П. И. Миллера къ Я. К. Гроту [1]).

(*Москва*) *30-го ноября, 1874.*

. . . . . .

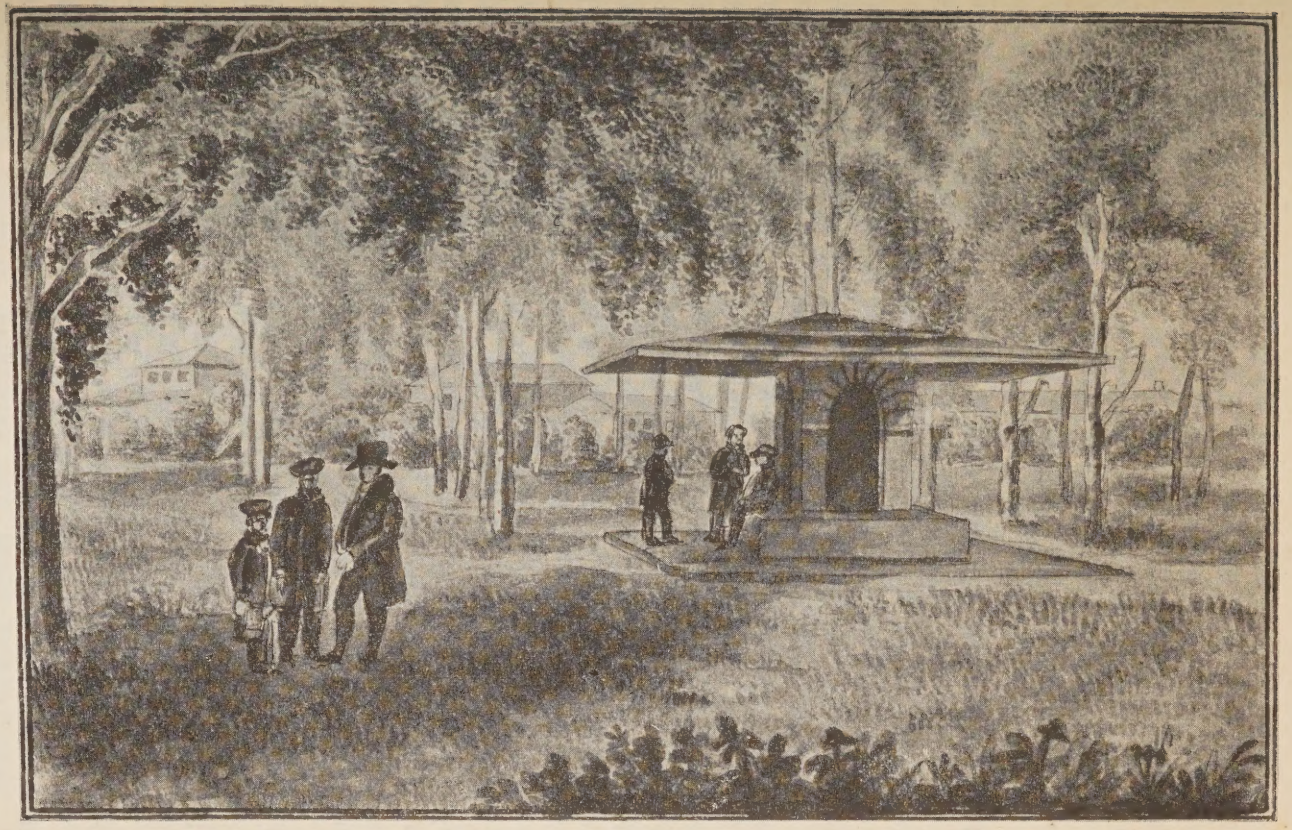
Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я твою статью въ „Складчинѣ“ о Лицеѣ. Въ ней много наблюдательности и вѣрной оцѣнки. Ее могъ написать только лицеистъ. Она интересна для всякаго, какъ критическое изслѣдованіе эпохи и мѣста, но для лицеистовъ— это пріятнѣйшій подарокъ, какой ты только могъ имъ сдѣлать. Мнѣ въ особенности понравился добрый, мягкій и снисходительный тонъ, съ которымъ ты отнесся къ прежнимъ порядкамъ Лицея; въ этомъ тонѣ слышно сыновнее чувство, все прощающее и за все благодарящее и любящее, и какъ послѣ него кажется жалка и гадка Лермонтовская „насмѣшка надъ промотавшимся отцомъ“.

Обнимаю тебя отъ всего сердца.

Твой Пав. Миллеръ.

---

[1]) Помѣщаемъ этотъ отрывокъ, какъ характерный голосъ лицеиста-товарища о трудѣ Я. К. Грота. П. И. Миллеръ († 6 іюня 1885 г.) былъ тоже VI выпуска, жилъ въ Москвѣ и принималъ живое участіе въ дѣлѣ постановки памятника Пушкину въ Москвѣ. Миллеръ въ 1831 г., будучи еще въ лицеѣ, познакомился съ Пушкинымъ, проводившимъ то лѣто въ Царскомъ Селѣ, и снабжалъ его книгами изъ Лицейской библіотеки. Извѣстны нѣсколько записочекъ къ нему Пушкина. См. его „Встрѣча и знакомство съ Пушкинымъ въ Царскомъ Селѣ“. „Русскій Архивъ“, 1902 г., № 10, стр. 231—235. Тамъ же біографическія о немъ свѣдѣнія.



„Грибокъ“ въ Лицейскомъ саду (ок. 1820 г.?).
Съ акварельнаго рисунка одного изъ лицеистовъ (изъ архива Я. К. Грота).

II.

Лицейская поэзія и литературныя занятія первенцевъ Лицея.

Бытописателями стараго Лицея достаточно выяснены обстоятельства и условія, какъ возбудившія въ его воспитанникахъ-первенцахъ страсть къ поэзіи и къ литературнымъ занятіямъ, такъ и благопріятствовавшія развитію этой страсти и расцвѣту литературныхъ дарованій. Не разбирая подробно этихъ причинъ (что̀ нѐ входитъ здѣсь въ мою задачу), я отмѣчу только, что въ числѣ первыхъ справедливо приписывается большое значеніе естественной пересадкѣ въ Лицей вкусовъ, направленія и духа того учебнаго заведенія, съ которымъ судьба связала самое созданіе Царскосельскаго Лицея, такъ какъ оно дало Лицею извѣстный контингентъ въ составѣ и воспитанниковъ и педагоговъ [1]), а именно Московскаго Благороднаго Университетскаго пансіона. А насколько литература и поэзія почитались и процвѣтали въ этомъ знаменитомъ Московскомъ пансіонѣ, съ которымъ тѣсно связаны имя Жуковскаго и рядъ другихъ крупныхъ литературныхъ именъ, объ этомъ излишне распространяться [2]). Впрочемъ, литературные интересы и увлеченія были, повидимому, явленіемъ довольно общимъ въ средѣ учащихъ и учащихся того времени, и, напримѣръ, изъ лицейской переписки Илличевскаго мы знаемъ, что онъ свое пристрастіе къ стихотворству и вообще къ сочинительству уже принесъ въ Лицей изъ петербургской гимназіи, и литературныя темы съ самаго начала были преобладающими въ его перепискѣ съ бывшимъ гимназическимъ товарищемъ; въ Лицеѣ же эта страсть получила новый могучій толчокъ, новую пищу и необыкновенно пышный расцвѣтъ. Извѣстно, что этотъ товарищъ Пушкина сильно увлекалъ своимъ примѣромъ и подзадоривалъ другихъ. По свидѣтельству Кюхельбекера, именно онъ увлекъ послѣдняго въ область поэзіи. Что касается условій, исключительно благопріятствовавшихъ этому направленію въ самомъ

---

[1]) „Пушкинъ, его лиц. тов. и наст.“, стр. 31—32.

[2]) См. Бартеневъ, Матеріалы для біографіи Пушкина, гл. 2, (отд. отт. изъ „Московск. Вѣдом.“ 1884 г.) стр. 27—28.

Лицеѣ, то на таковыя указывалось уже не разъ, и они настолько очевидны, что въ особыхъ поясненіяхъ не нуждаются. Чрезвычайно счастливый подборъ дарованій въ составѣ I-го лицейскаго курса— съ геніальнымъ юношей Пушкинымъ во главѣ и создавшіяся настроеніе и тенденція благороднаго соперничества и соревнованія въ области авторства; образовавшіяся постепенно, благодаря тому же Пушкину, связи и ближайшія сношенія юныхъ лицейскихъ авторовъ съ тогдашними свѣтилами литературнаго міра и поэзіи, успѣвшими заинтересоваться ихъ успѣхами и поощрявшими ихъ своимъ покровительствомъ; благопріятные этому идеальному умственному направленію элементы въ средѣ лицейскихъ воспитателей и профессоровъ (вспомнимъ Малиновскаго и Энгельгардта, А. Иконникова и М. Пилецкаго, Кошанскаго и Галича); самая постановка ученія и занятій въ Лицеѣ и внутренній его бытъ, очень замкнутый и вмѣстѣ дававшій извѣстную свободу и достаточный досугъ для внѣклассныхъ занятій и чтенія; нахожденіе Лицея въ Царскомъ Селѣ, вдали отъ столичнаго шума, и вся окружающая обстановка, полная историческихъ воспоминаній и величественныхъ безмолвныхъ памятниковъ недавней славной старины и поэтическихъ тѣней ея величавыхъ представителей и героевъ; наконецъ, сильно повышенное національно-патріотическое настроеніе и глубокія впечатлѣнія тѣхъ знаменательныхъ лѣтъ (1811—1815), въ которыхъ слагалась эпопея 1812 года,—все это соединилось и создало ту исключительно благопріятную умственную и нравственную атмосферу, среди которой суждено было развиться и приготовиться къ славному и блестящему служенію родинѣ на различныхъ поприщахъ дѣятельности первенцамъ Царскосельскаго Лицея, и подъ вліяніемъ которой поэзіи и литературнымъ занятіямъ въ стѣнахъ Лицея невольно выпало на долю такое видное мѣсто.

Въ свою очередь, удовлетвореніе этихъ склонностей и вкусовъ,— эти не только легкія и игриво-шуточныя, но и глубоко-вдумчивыя и серьёзныя литературныя упражненія оказывали на питомцевъ Лицея благотворное, облагораживающее вліяніе.

Поэтическіе опыты и всякаго рода литературныя упражненія лицеистовъ принимали весьма разнообразную форму, вызывались всевозможными случаями и поводами, а отчасти регулировались то руководствомъ преподавателей (напр., Кошанскаго), то литературными предпріятіями самихъ воспитанниковъ, напр. образовавшимся въ первые же годы лицейскимъ „литературнымъ обществомъ“ или кружкомъ, къ которому примкнули всѣ юныя литературныя силы Лицея и которое имѣло задачей путемъ соревнованія и „изданія“ (въ своемъ кругу) сочиненій своихъ членовъ, а также *журналовъ*, поощрять занятія поэзіей и литературой. Такимъ образомъ, сохра-

нившійся небольшой и отрывочный матеріалъ — сообразно этимъ разнымъ видамъ лицейскаго писательства — можетъ быть подраздѣленъ на слѣдующія категоріи: 1) упражненія въ стихахъ и прозѣ на задаваемыя темы — подъ наблюденіемъ профессора; 2) плоды свободнаго творчества, стихотворства или у иныхъ просто стихоплетства, ходившіе среди товарищей, или отдѣльно, въ наброскахъ и спискахъ, или въ особыхъ, составлявшихся нѣкоторыми изъ нихъ, рукописныхъ сборникахъ или „антологіяхъ“; впослѣдствіи (съ 1814 г.) лучшія, избранныя пьесы лицейскихъ поэтовъ отдавались и въ печать (напр., Дельвигомъ, Пушкинымъ, Илличевскимъ, Яковлевымъ, Кюхельбекеромъ); 3) плоды коллективнаго (анонимнаго) сочинительства чисто школьнаго — сатирическаго, шутовского и не всегда цензурнаго характера, въ видѣ такъ называемыхъ *„національныхъ пѣсенъ“*, получавшихъ распространеніе не столько письменнымъ путемъ, сколько постояннымъ изустнымъ, обыкновенно хоровымъ, исполненіемъ (такъ что многое изъ этихъ пѣсенъ, конечно, не сохранилось); 4) наконецъ, издававшіеся воспитанниками — членами литературнаго сообщества — рукописные журналы съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, куда отчасти попадали иногда и произведенія 2-хъ предыдущихъ категорій. Вотъ — разнообразные итоги литературныхъ работъ и поэтическихъ порывовъ, забавъ и шалостей лицейскихъ первенцевъ.

Среди всего этого матеріала лицейскія творенія Пушкина занимаютъ понятно совсѣмъ особое, исключительное мѣсто. Они и не подлежатъ разсмотрѣнію вмѣстѣ съ другими: имъ давно дана подобающая оцѣнка и посвящена цѣлая обширная литература. Касаться по существу лицейскаго творчества Пушкина — здѣсь, мы и не имѣемъ въ виду. То, что принадлежало перу Пушкина, собственно, въ нашемъ архивномъ матеріалѣ, было уже разсмотрѣно и описано мною въ другомъ мѣстѣ [1]). Для полноты настоящаго сборника краткое описаніе это будетъ повторено ниже вмѣстѣ съ описаніемъ собранія моихъ *автографовъ* Пушкина (см. въ *Приложеніяхъ*).

Здѣсь же меня интересуетъ остальная лицейская литература — въ ея совокупности, тотъ — такъ сказать — entourage и тотъ литературный фонъ, на которомъ вырисовываются созданія юной музы геніальнаго поэта. Однако-жъ, здѣсь я не задаюсь цѣлью обозрѣвать, изслѣдовать и оцѣнивать все, что вообще извѣстно изъ этихъ лицейскихъ, какъ единичныхъ (вышедшихъ изъ подъ пера другихъ стихотворцевъ-товарищей Пушкина), такъ и коллективныхъ опы-

[1]) „Къ лицейскимъ стихотвореніямъ А. С. Пушкина“, Журн. Мин. Н. Пр. 1905 г., № 10.

товъ и литературныхъ упражненій. Моя задача—сообразно плану изданія—болѣе скромная: представить и подробнѣе описать (опубликовавъ также то, что еще не было издано и того заслуживаетъ) весь тотъ матеріалъ, который сохранился въ бумагахъ, доставшихся моему отцу, и съ которымъ онъ лишь отчасти и въ общихъ чертахъ познакомилъ читателей въ своемъ сборникѣ о Пушкинѣ и Лицеѣ.

Послѣдняя категорія этой лицейской литературы, именно лицейскіе *журналы*, составятъ предметъ особой, III-ей части настоящаго сборника.

Хранившіяся первоначально въ остаткахъ лицейскаго архива I курса и бывшія въ рукахъ у первыхъ бытописателей Пушкинскаго Лицея рукописи литературныхъ и поэтическихъ опытовъ его первенцевъ, къ сожалѣнію, переходя изъ рукъ въ руки, постепенно таяли, застревая невѣдомо гдѣ или исчезая безслѣдно, и дошли до насъ въ самыхъ незначительныхъ и скудныхъ обрывкахъ.

В. П. Гаевскій, посвятившій имъ наиболѣе вниманія въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ, имѣлъ въ распоряженіи, какъ видно изъ его замѣтокъ и упоминаній, очень значительный матеріалъ, одолженный ему первымъ хранителемъ „лицеанъ“ М. Л. Яковлевымъ. Отецъ же мой, бережно хранившій все ему доставшееся, получилъ (именно съ бумагами Матюшкина) лишь нѣкоторую часть этого матеріала, которымъ онъ, не издавая его цѣликомъ и не описывая подробно, воспользовался для своихъ характеристикъ лицейскихъ литературныхъ занятій и поэтическихъ опытовъ, а также и самихъ ихъ авторовъ.

Руководствуясь высказанною уже выше мыслью о томъ, что для лучшаго выясненія лицейскаго воспитанія и лицейскаго періода творчества Пушкина—въ виду вообще скудости сохранившихся источниковъ и документовъ—для насъ нынѣ становится цѣннымъ всякій рукописный клочекъ или обрывокъ изъ архива I-го курса, могущій хоть сколько-нибудь освѣтить картину лицейскаго авторства и лицейскаго литературнаго содружества, я считаю здѣсь необходимымъ не только точно описать все до насъ дошедшее, но и напечатать здѣсь почти все еще не изданное, т. е. бо́льшую и наиболѣе любопытную часть всего матеріала.

Представляю его распредѣленнымъ на тѣ категоріи, которыя были мною отмѣчены выше, а именно:

1. Опыты въ стихахъ и прозѣ на заданныя преподавателемъ темы.

2. Плоды свободныхъ упражненій воспитанниковъ въ стихотворствѣ, сохранившіеся либо въ цѣлыхъ сборникахъ — „антологіяхъ“, либо отдѣльными пьесами и въ черновыхъ наброскахъ.

3. Такъ называемыя „національныя пѣсни“ — произведенія коллективнаго сочинительства — въ видѣ шутливыхъ импровизацій.

Особую часть нашего сборника, какъ уже сказано, составятъ *лицейскіе журналы* I-го курса.

1.

Изъ упражненій въ стихахъ и прозѣ, которыя явно написаны на заданныя темы и большею частью даже снабжены исправленіями и отзывами преподавателя (Кошанскаго), въ нашемъ архивѣ имѣется лишь нѣсколько произведеній Илличевскаго, отчасти извѣстныхъ по упоминаніямъ у Гаевскаго и моего отца.

Исправленія и отзывы на рукописяхъ Илличевскаго принадлежатъ исключительно Н. Ѳ. Кошанскому.

Роль и значеніе этого педагога и вліяніе его на своихъ лицейскихъ питомцевъ въ ихъ занятіяхъ, образованіи и успѣхахъ въ области русскихъ языка и словесности (также латинскаго языка и вообще классическаго міра), въ выработкѣ слога и въ развитіи литературныхъ дарованій, уже достаточно выяснены на основаніи множества свидѣтельствъ и оцѣнки Кошанскаго, какъ писателя и ученаго педагога [1]). Что Кошанскій, перешедшій въ Лицей (вмѣстѣ съ частью питомцевъ I-го курса Лицея) изъ Московскаго Университетскаго пансіона и перенесшій туда педагогическіе методы и литературныя преданія послѣдняго, сыгралъ дѣйствительно большую роль въ литературномъ образованіи и развитіи какъ самого Пушкина, такъ и его товарищей, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, несмотря на справедливо отмѣчаемую его нѣкоторую отсталость въ теоретическихъ воззрѣніяхъ и риторическихъ требованіяхъ, поощрявшихъ между прочимъ, согласно еще царившимъ въ тогдашней литературѣ традиціямъ, — извѣстную напыщенность и высокопарность во внѣшней формѣ.

Подобные взгляды и наставленія Кошанскаго всего лучше отражаются въ его исправленіяхъ и отзывахъ на ученическихъ опытахъ. Но эти особенности его руководительства не умаляли его

---

[1]) О Кошанскомъ и его дѣятельности въ Лицеѣ см. въ очеркахъ В. П. Гаевскаго и въ книжкѣ Я. К. Грота (стр. 41—45, въ „запискѣ“ Корфа и проч.) а также въ его автобіограф. замѣткахъ („Я. К. Гротъ, Нѣсколько Данныхъ“, СПБ. 1895, стр. 7—8). Особая очень основательная и безпристрастная статья (Н. Пиксанова) посвящена Кошанскому въ изд. Соч. Пушкина Венгерова (т. I, стр. 250—259: здѣсь и литература о немъ).

главной положительной и крупной заслуги, заключавшейся въ передачѣ своимъ питомцамъ широкихъ и разнообразныхъ свѣдѣній и своего собственнаго увлеченія и одушевленія къ русскому слову и къ поэзіи, и въ любовномъ поощреніи учениковъ своихъ къ занятіямъ литературой и къ вольнымъ упражненіямъ въ стихахъ и прозѣ.

Передъ нами пять произведеній Илличевскаго первой категоріи: три въ стихахъ и два въ прозѣ. Вотъ ихъ описаніе.

Руководствуясь почеркомъ (такъ какъ датъ на нихъ нѣтъ), располагаемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, лишь съ приблизительною точностью.

1. Стихотвореніе „*Добродѣтель*“, состоитъ изъ трехъ куплетовъ по 8 стиховъ; написано на мал. 4-кѣ синей бумаги еще довольно дѣтскимъ почеркомъ и подписано полнымъ именемъ автора. Судя по почерку, да и по содержанію, стихотвореніе относится къ первому времени ученія, вѣроятно, къ 1812 году.

Вотъ это стихотвореніе:

„Одна святая добродѣтель
Вамъ можетъ счастья даровать;
Она всѣхъ нашихъ благъ содѣтель!
Лишь на неё мы полагать
Надежду можемъ несомнѣнну.
Все прочее же подъ луной
Подвержено измѣнѣ, тлѣнно,
Нѣтъ ей кончины лишь одной.

* * *

Чины и знатность и богатства
Блаженства временныя суть:
Онѣ доставятъ намъ пріятства,
Но что онѣ?—на часъ блеснутъ
И послѣ въ Хаосъ превратятся.
Оставятъ насъ съ стыдомъ однимъ
Блаженъ, не мыслитъ кто гоняться
За счастьемъ тщетнымъ и пустымъ!

* * *

Блаженъ! кто истинно умѣетъ
Всѣ добродѣтели цѣнить,
Кто правиломъ своимъ имѣетъ:
Царю всей правдою служить;

Кто бѣднымъ, слабымъ помогаетъ;
Кто чистъ и сердцемъ и душой,
Тотъ и средь бѣдъ не унываетъ,
Успѣхи обрѣтая въ ней.

Подъ этимъ помѣтка, безъ сомнѣнія, Кошанскаго: „*Мысль и стихи очень хороши*“ (автору было тогда лѣтъ 13—14).

2. Сочиненіе въ прозѣ „*Бурная ночь*“—пять страничекъ въ четверку (на бѣломъ листѣ, сложенномъ вчетверо въ видѣ тетрадки), заключаетъ въ себѣ описаніе ночной бури и явленій природы нѣсколько напыщеннымъ слогомъ, но достаточно образнымъ. Окончаніе нравоучительное: „Несчастный! таковъ уставъ природы. Перестань жаловаться на судьбу свою. Сноси бѣдствія съ твердостію; несчастія безъ жалобъ—и спокойствіе душевное будетъ тебѣ наградой“.

Судя по почерку, этотъ автографъ относится къ тому же времени. Кромѣ нѣсколькихъ исправленій въ текстѣ (замѣны словъ etc.) и замѣтки на поляхъ „c'est beau“ противъ фразы „Воды въ радости блеснули пурпуромъ“, подъ сочиненіемъ имѣется слѣдующая аттестація Кошанскаго: „Окончаніе прекрасно.—NB. Владѣя языкомъ, должно умѣть употреблять его.—Планъ вашей *бурной ночи* нѣсколько *темень*—не вездѣ вѣрно изображеніе природы—особенно переходъ отъ вечера къ утру. Есть много словъ излишнихъ, много не то значащихъ, что Вы сказать хотѣли. Но все вообще показываетъ Вашу способность владѣть языкомъ и *счастливый даръ* легко выражать мысли и чувства. Прошу Васъ, М. Г. быть осторожнымъ въ выборѣ словъ и замѣнять все *бурно-смѣшное* скромнымъ благоприличіемъ и тихимъ чувствомъ.

Вашъ слуга Кошанскій“.

3. Вѣроятно къ той же болѣе ранней эпохѣ, но уже къ слѣдующимъ годамъ (1813 или 1814-му) относится ода Илличевскаго „*Освобожденіе Бѣлграда*“, написанная на семи страничкахъ (того же формата, что и предыдущія пьесы), заключающая въ себѣ 22 строфы (по 4 стиха) и снабженная множествомъ поправокъ, помѣтокъ и заключительной аттестаціей Кошанскаго. Сюжетъ этой оды взятъ изъ извѣстнаго разсказа (преданія) лѣтописи о чудесномъ избавленіи отъ Печенѣговъ совѣтомъ мудраго старца кіевскаго Бѣлгорода (авторъ предпочелъ славянскую форму „Бѣлградъ“) во время отсутствія Владиміра Святого въ походѣ на Новгородъ (997 г). Вѣроятно, сюжетъ былъ данъ Кошанскимъ. Оно слишкомъ велико, чтобъ его привести здѣсь.

Задачу свою Илличевскій выполнилъ очень недурно, справившись и съ построеніемъ и содержаніемъ и обнаруживъ даръ владѣнія

стихомъ и изобразительностью. По поводу этой темы и исправленій Кошанскаго, В. П. Гаевскій рѣзко напалъ на послѣдняго (цитируя нѣкоторыя его поправки) за замѣну имъ простыхъ и обиходныхъ (т. е. болѣе прозаическихъ) словъ и выраженій—болѣе „напыщенными“ и „ходульными“, соотвѣтствующими риторическимъ требованіямъ и его схоластическимъ вкусамъ. Дѣйствительно, такая тенденція замѣтна у него, и многихъ его поправокъ нельзя одобрить; но надо признать, что вовсе не всѣ поправки его имѣютъ такой характеръ, и въ большинствѣ онѣ обнаруживаютъ и знаніе дѣла и опытное перо, и поэтическое чутье, а главное внимательное и любовное отношеніе къ дѣлу.

Поправки Кошанскаго заканчиваются слѣдующимъ общимъ отзывомъ:

„Большую часть замѣчаній я сказалъ и скажу еще изустно.—Вотъ планъ Вашъ: Владиміръ удалился—Печенѣги подступаютъ къ Бѣлграду и хотятъ принудить къ сдачѣ голодомъ—12 дней длится осада. Тутъ очень хорошъ переходъ, когда является старикъ съ совѣтомъ. Вы не сказали, что̀ онъ совѣтуетъ, но мы видимъ (и очень кстати), что̀ граждане дѣлаютъ. Тутъ одна строфа („Такъ...“), тянется съ одною только мыслью, какъ желѣзо на заводахъ,—колодцы ваши хороши, можетъ быть, для историка, а поэту нельзя изъ нихъ напиться.—Потомъ, Печенѣги призваны для переговоровъ, видятъ чудо и разсказываютъ своимъ, а *свои* очень хорошо сдѣлали, что возвратились; ибо тутъ Владиміръ роздалъ только награды, и читатель видитъ берегъ...“

4. Другая ода *„На взятіе Парижа“* относится къ 1814 году. Она состоитъ изъ 18 строфъ по 10 стиховъ и является самымъ большимъ произведеніемъ изъ сохранившихся—на 10 страничкахъ (въ четверку) сшитой тетрадки (бумага съ водян. знакомъ 1810): переписана очень тщательно каллиграфически (почему почеркъ нѣсколько отличается отъ обычнаго почерка Илличевскаго). На поляхъ и среди строкъ имѣются поправки Кошанскаго, но ихъ не особенно много. Эта же ода въ другомъ спискѣ автора, съ нѣкоторыми поправками—согласно указаніямъ Кошанскаго, сохранилась при письмахъ Илличевскаго къ Фуссу (письмо отъ 27 іюля 1814 г.).

Извѣстно, что тогда же на ту же тему написалъ оду и Дельвигъ, и его ода была помѣщена въ „Вѣстникѣ Европы“, іюнь 1814 г. (ч. LXXXV, № 12, стр. 272).

Гаевскій, упоминая объ этихъ двухъ одахъ, отзывается о послѣдней [1]), написанной бѣлыми стихами, какъ о „весьма слабой“, а

[1]) См. полное собраніе стихотвореній бар. А. Дельвига (Деш. Библіотека А. С. Суворина), 1891 г., стр. 156.

объ одѣ Илличевскаго говоритъ, что „написанная по рецепту Ломоносовскихъ и Державинскихъ одъ, она, можетъ быть, и недурна въ своемъ родѣ, но только родъ самъ по себѣ невыносимъ“ [1]). Какъ любопытный образчикъ лицейскаго стихотворства этого рода, чтобъ дать возможность судить о немъ самому читателю, и въ виду поправокъ Кошанскаго, считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь эту оду.

На взятіе Парижа [2]).

Раздался громъ—и повторенны
Ему катятся громы вслѣдъ.
Не се ли *молніи*—священны [3])
Благовѣстители побѣдъ?
Всесиленъ русскій Богъ великій!
Гремятъ по стогнамъ шумны клики [4]),
Восторгомъ пламеннымъ горя.
Какое торжество, какое?
Не вновь ли Божество благое
Вѣнчаетъ славою Царя?
Не вновь ли Росскія знамена
Покрыла Божья благодать?
Не вновь ли дерзость пораженна
И злоба свержена во адъ?
Такъ! слышу ратный гласъ: побѣда!
Такъ! *зрю* во всѣхъ предѣлахъ свѣта
Гремитъ молва: въ Парижѣ Россъ [5])!
Въ Парижѣ Россъ!—Тебя хвалою
Превозношу, Творецъ! Тобою
Въ побѣдахъ АЛЕКСАНДРЪ возросъ!
Давно ль, давно ли врагъ строптивый—
Какъ съ грозныхъ водопадъ вершинъ
Склонясь, стремитъ свой токъ бурливый

---

[1]) Гаевскій „Пушкинъ въ Лицеѣ“, Современникъ 1863 г., т. XCVII, стр. 153.

[2]) Въ текстѣ и примѣчаніяхъ Кошанскаго всѣ слова подчеркнуты Кошанскимъ. Въ выноскахъ мы отмѣтимъ, какъ эти примѣчанія, такъ и варіанты изъ второго списка, внесенные авторомъ на основаніи замѣчаній; но оказывается, что авторъ лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ принялъ во вниманіе эти замѣчанія.

[3]) Кошанскій исправилъ: „не се-ль перуны грозны, гнѣвны“. На поляхъ же имъ приписано: а) громъ или молнія не одно и то же. в) Молніи не *благовѣстители*, а *благовѣстницы*. — Третій стихъ исправленъ позже авторомъ такъ: „не се ли радостны, священны“!..

[4]) На поляхъ: „клики горятъ восторгомъ“.

[5]) Подчеркнуты слова *зрю* и *гремитъ молва* и приписано: „гремящую молву не *зрятъ*, а *внемлютъ* или слышатъ“.

На лоно тихое долинъ,
И класы тучные, златые
И пашни и лѣса густые
Крутитъ въ ярящихся волнахъ,
Шумитъ по скаламъ возвышеннымъ [1])
И эхомъ въ дебряхъ пробужденнымъ
Стократно вторится въ лѣсахъ—[2])
Въ предѣлъ отечества драгова
Вломился, вторгнулся? злодѣй
Позоръ и *рабство и оковы* [3])
Россіи несъ въ *рукѣ своей* [4])?
Гордясь оплотомъ страшныхъ строевъ
И льстясь надеждой славныхъ боевъ
Войной и *ужасомъ горитъ* [5]).
Идетъ въ неистовой надеждѣ
Назадъ не возвратиться прежде,
Какъ всю Россію покоритъ.
Идетъ—какъ зной, огнемъ ползящій,
Каленымъ дышущій лучемъ;
Какъ мразъ—лице земли мертвящій;
Какъ вихрь—все *рушащій вверхъ дномъ* [6]),
Какъ съ *молніей* и громомъ буря—
Затмивша *мракомъ* [7]) блескъ *лазуря* [8]):
Но АЛЕКСАНДРЪ, великій ввѣкъ,
Еще не ополчилъ десницы;
Еще Всевышній казнь денницы
Во гнѣвѣ яромъ не изрекъ.
Онъ шелъ—и грады упадали,
И веси обращались въ прахъ.
Всѣ скорби, ужасы, печали
И *страшна смерть* и блѣдный *страхъ* [9])
Исшедъ изъ мрачныхъ безднъ геенны,

---

[1]) Кошанскій: „Непріятная *перемѣна* сцены и при томъ *повтореніе*“.

[2]) Противъ этой строфы: „Длина періода, приличная только прозѣ“. Во 2-мъ спискѣ эта строфа отъ слова „какъ“ поставлена въ скобки.

[3]) „Значимое, поставленное непосредственно подлѣ знака, подрываетъ интересъ“. Этотъ стихъ во 2-ой редакціи: „Позоръ, неволя, бѣдства новы“.

[4]) „Изобилованіе—пустословіе“.

[5]) „Ужасомъ горѣть! притомъ надлежало бы и здѣсь поставить дѣйствіе въ прошедшемъ видѣ“.

[6]) „Рушить вверхъ дномъ!“

[7]) „*Молніеносная* буря *не мрачна*“.

[8]) „Лазоревый цвѣтъ не *блистателенъ*, но онъ можетъ быть *ярокъ*“.

[9]) Исправлено во 2-мъ спискѣ „Опустошеніе и страхъ“.

Имѣя очи раскаленны [1]),
Вездѣ летѣли вслѣдъ за нимъ.
И сильной властію своею,
Какъ будто ѳиміамъ, злодѣю
Во слѣдъ курили огнь и дымъ.
И, жителей своихъ лишенны,
Въ мѣстахъ пустынныхъ и глухихъ,
Стоятъ уныло мрачны стѣны—
Лишь томный гулъ *вселился* въ нихъ.
И гдѣ науки процвѣтали,
Свобода, счастье обитали—
Тамъ нынѣ дебрей видъ глухой;
Тамъ на гробахъ уединенныхъ
За вѣру воевъ убіенныхъ
Звѣрей и вѣтра слышенъ вой!
Онъ шелъ—и цѣли вожделенной
Злодѣй достигнулъ наконецъ.
Еще къ коронѣ похищенной
Одинъ хотѣлъ придать вѣнецъ.
Уже его очами зрится
Москва, какъ нѣкая Царица,
Сѣдяща на семи холмахъ,
Которая на пол-вселенной
Простерла скипетръ позлащенной,
Сіяющій во всѣхъ вѣкахъ.
Какъ звѣрь свирѣпый, гладомъ мучимъ,
Иль лютый тигръ, иль гордый левъ,
Въ тѣни древесъ, въ лѣсу дремучемъ,
Смиренну агницу узрѣвъ,
Открывъ, разверзя зѣвъ ужасный [2]),
Пускаетъ ревъ—и *звѣрь* [3]) несчастный
Уже издохъ [4]) въ его когтяхъ.
Какъ огнь, зажегши поле чисто,
Клубитъ по долу дымъ струистой
И ниву обращаетъ въ прахъ.
Москвою овладѣвъ пространной,
Едва въ нее Наполеонъ

---

[1]) „Сія черта не можетъ относиться до всѣхъ подлежащихъ“.
[2]) Въ новой редакціи: „пасть ужасну“.
[3]) „Агница не *звѣрь*“.—Этотъ и слѣдующій стихъ исправлены авторомъ такъ:
„Реветъ и агницу несчастну
Терзаетъ во своихъ когтяхъ“.
[4]) „Вяло“.

Вступилъ—уже сей городъ славной
Объятъ огнемъ со всѣхъ сторонъ.
Страхъ—ужасъ поражаетъ очи.
Отъ *праха* [1])—день мрачнѣе ночи;
Отъ пламя—ночь яснѣе дня.
Стенанья, *стоны* [2]) раздаются;
Кровавы токи всюду льются;
И жертвы падаютъ *стеня*.
Несчастны жертвы лютой злобы
Безжалостныхъ враговъ своихъ!
Здѣсь старецъ обнимаетъ гробы
Безвинно падшихъ чадъ младыхъ;
Тамъ дѣва трупъ отца находитъ;
Тутъ отрокъ взоръ на небо взводитъ
И смерть зоветъ онъ дни пресѣчь,
Лишенный матери и братій:
На лонѣ отческихъ объятій
Постигнулъ [3]) ихъ тирановъ *мечъ*.
И утро красную денницу
На небо выведъ въ третій день,
Уже не славную столицу,
Но мрачный пепелъ падшихъ стѣнъ
Лучемъ багрянымъ освѣтило—
Вотъ страшный образъ лютой силы!
Вотъ вражьей дерзости слѣды!..
Но стой, злодѣй!.. Всевышній встанетъ,
Правдивый громъ на злобу грянетъ [4]),
И прахомъ претворишься ты!
И се возстало Провидѣнье,
И Вышній казнь врагамъ изрекъ,
И Россъ воскликнулъ: мщенье! мщенье!
И на враговъ, *какъ левъ*, *потекъ*,
Потекъ, какъ бурный вихрь [5]),—и пали,
Что рогъ кичливый воздымали...
Злодѣй еще десницу взнёсъ—

---

[1]) Исправлено К-мъ: „дыма“: такъ исправилъ и авторъ въ новомъ спискѣ.
[2]) „=клики и восклицанія“. Авторъ измѣнилъ: „Рыданья, вопли раздаются“.
[3]) „*Постигнуть* значитъ только коснуться *поверхности*“.
[4]) Во 2-й редакціи эти 2 стиха измѣнены такъ:
„Но стой, злодѣй! твой часъ настанетъ!
Правдивый Богъ на злобу гряпетъ“.
[5]) Во 2-ой редакціи вмѣсто того: „Помчался, полетѣлъ—и пали“.

И вновь враги стыдомъ покрылись!—
Еще шесть лунъ не совершились,
Уже въ Парижѣ храбрый Россъ!
Въ Парижѣ Россъ!—Но не какъ мститель,
Иль бичъ Небесный—лютой, злой:
Но такъ, какъ Ангелъ Покровитель,
Какъ Геній милости благой [1]),
Какъ нѣкій Богъ: на мѣсто мщенья—
Творитъ [2]) врагамъ *благотворенья*;
На мѣсто брани—миръ даритъ;
На мѣсто рабства—дни златые.
Единый АЛЕКСАНДРЪ такіе
Могъ доблести души явить!
Единый АЛЕКСАНДРЪ лишь славу
Кладетъ—великодушнымъ быть!
Единый АЛЕКСАНДРЪ державу
Лишь тщится благостью златить!
Единъ ты, свѣта благодѣтель,
Умѣлъ толику добродѣтель
Со храбростью соединить!
Единый ты во всей вселенны
Навѣки олтари *нетленны*
Умѣлъ въ сердцахъ соорудить!
Звучи, восторгомъ полна лира,
И выше тучъ полетъ взнеси!
Свободу, благоденство міра
Во всѣхъ концахъ земли гласи!
Утѣшь Москвы ты зракъ печаленъ!
Вѣщай: изъ [3]) *нѣдръ* ея развалинъ
Покой вселенной излетѣлъ;
Ея пожаромъ освѣтилась
Свобода—коя воцарилась
Въ предѣлахъ всѣхъ ея земель.
Гласи паденіе злодѣя,
Тирана гнуснаго землѣ!
Вчера еще, землей владѣя,
Онъ вѣчно мнилъ владѣть, и се—
Какъ кедръ, Ливана сынъ надменный,
Внезапно громомъ пораженный,

---

[1]) Исправлено авторомъ: „Благости самой“.
[2]) Измѣнено авторомъ: „Даетъ“.
[3]) Вставлено К-мъ: „подъ“ (изъ-подъ); „нѣдръ“ подчеркнуто.

Падётъ—онъ палъ!.. Злодѣя нѣтъ!..
Ликуйте, Россы величавы!
О, слава выше всякой славы!
Побѣда выше всѣхъ побѣдъ!
Ликуй... Но *стой* [1]), о дерзка лира,
И пылкой свой восторгъ умѣрь!
Не зришь ли ты—пространство міра
Ему дивится все теперь?
Не зришь ли—поздные потомки,
На подвиги воззря столь громки,
Пол-Богомъ АЛЕКСАНДРА чтятъ?
Какъ капля съ моремъ соравненна,
Хвала твоя пребудетъ тлѣнна,
И твой удѣлъ, дивясь,—молчать!

---

5. Наконецъ, къ тому же роду сочиненій на тему относится разсужденіе Илличевскаго „*Строгое исполненіе должностей доставляетъ чистѣйшее удовольствіе*“. Оно написано безъ сомнѣнія на заданную (Кошанскимъ?) тему, хотя и не снабжено отмѣтками или отзывомъ преподавателя; и въ развитіи темы, и порядкѣ, и манерѣ изложенія авторъ придерживается строго теоріи и правилъ общепризнанной риторики. Въ подкрѣпленіе своихъ мыслей онъ мѣстами приводитъ цитаты изъ Вольтера, Расина, Pesselier и Berquin [2]). Въ сочиненіи 9 страницъ: оно написано на такихъ же листахъ въ 4-ку (въ видѣ тетрадки) на синей бумагѣ, причемъ и бумага и почеркъ одинакіе съ бумагой и почеркомъ писемъ Илличевскаго къ Фуссу конца 1814 года, и безъ сомнѣнія относится къ той же порѣ.

Позволяю себѣ привести, для характеристики тона и стиля, начало и заключеніе сочиненія:

Начало: „Человѣкъ предопредѣленъ жить въ обществѣ; излишне было бы доказывать то, что признано всѣми философами и утверждено всѣми временами. Не углубляясь далеко въ причины сего явленія, мы увидимъ, что должности суть узы, привязывающія его къ оному, и силы, удерживающія его въ предѣлахъ его дѣйствій; должности суть условія, безъ которыхъ онъ не могъ бы существовать въ кругу себѣ подобныхъ. Назначивъ ему черту, за которую онъ преступать не долженъ, онѣ опредѣляютъ всю обширность его свободы“...

---

[1]) К.: „Низко“.

[2]) Авторъ соч. „Ami des enfants“ (1749—1791).

Изъ конца: „...Нѣтъ! счастіе не обитаетъ въ сердцѣ жестокомъ—оно неразлучно съ добродѣтелью... Счастливъ только тотъ, кто окруженъ зрѣлищемъ блаженства и изобилія; таковъ мужъ благодѣтельный. Гдѣ онъ ни находится, вездѣ творитъ счастливыхъ..."

Заключеніе: „Блаженъ, стократъ блаженъ единъ ты, о мужъ добродѣтельный! твоя награда—не бренное злато, не тлѣнныя почести, но собственное сердце; твое счастіе — не громкія празднества, не пышныя пиршества—но сердца твоихъ ближнихъ. Блаженъ, стократъ блаженъ единъ ты, о мужъ добродѣтельный!"

Къ этимъ произведеніямъ Илличевскаго можно присоединить еще одно стихотвореніе Кюхельбекера, написанное тоже на отвлеченную тему, быть можетъ внушенную тѣмъ же Кошанскимъ.

Это довольно длинная пьеса „*Безсмертіе есть цѣль жизни человѣческой*", находящаяся въ рукописи (автографъ) въ бывшей у моего отца той самой тетради Державина (№ 9) [1]), гдѣ находился и откуда имъ извлеченъ былъ знаменитый автографъ Пушкина „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ", прочитанныя авторомъ передъ маститымъ старцемъ-поэтомъ на экзаменѣ 1815 г. Само собой напрашивается предположеніе, что и стихотвореніе Кюхельбекера написано тогда же (1815 г.), для того же случая, и поднесено было Державину самимъ авторомъ.

Не печатая его всего, считаю умѣстнымъ нѣсколькими выдержками познакомить съ нимъ читателей.

Безсмертіе есть цѣль жизни человѣческой.

(Начало) Изъ тучъ сверкнулъ зубчатый пламень.
По своду неба громъ протекъ,
Взревѣли бури—челнъ о камень;—
Ряся, океанъ извергъ
Кипящими волнами
Пловца на дикій брегъ.—
Онъ озирается—и робкими очами
Блуждаетъ ночи въ глубинѣ;
Зоветъ сопутниковъ—но въ страшной тишинѣ
Лишь львовъ и вѣтра вопль несется въ отдаленьи.

* *
*

[1]) Нынѣ тетрадь эта съ другими Державинскими бумагами находится въ Публичной библіотекѣ. Стихи Кюхельбекера помѣщены въ ней подъ № 24.

Увы, такъ жизни въ треволненьи
Единый плачъ я зрю, стенанья полонъ слухъ;
Безвѣстность мрачная, мучительно сомнѣнье
Колеблютъ мой смущенный духъ!

* *
*

Какое море зла волнуется повсюду!
Вѣнцовъ и скипетровъ на груду
Воздвигнулъ извергъ свой престолъ,—
И кровью наводнилъ и градъ и лѣсъ и долъ,
И области покрылъ отчаянья туманомъ!
Герой, невинныхъ щитъ, гонимъ, поверженъ въ прахъ,
Неблагодарности, неистовства въ ногахъ
Его безглавый трупъ терзаемъ хищнымъ враномъ,
Съ сверкающимъ мечемъ на брата братъ возсталъ,
И на родителя десницу сынъ подъялъ [1].

* *
*

Затѣмъ слѣдуютъ 8 строфъ (съ неравнымъ количествомъ стиховъ), всего 78 стиховъ, содержаніе которыхъ сводится къ тому, что авторъ сперва изображаетъ терзающія его сомнѣнія о томъ, какъ все это зло можетъ существовать, если есть Всевышній Судія. Онъ задается рядомъ вопросовъ, есть ли Богъ, творецъ міра—человѣка и его души. А если есть, то неужели мы созданы для однихъ только бѣдствій? и т. п. Но, какъ-бы опомнившись, онъ отгоняетъ отъ себя всѣ свои сомнѣнія и фантазіи и обращаетъ свои мысли къ безсмертію, которое возноситъ его къ Престолу Всевышняго.

О сынъ земли, воспрянь, воспрянь отъ заблужденья,
И мракъ сомнѣнья
Отъ вѣждей отряси,
И гласъ природы вопроси!
Ужели онъ тебя, слѣпецъ, не убѣждаетъ?
„Безсмертенъ ты —вѣщаетъ,
„Въ безсмертіи съ самимъ равняешься Творцомъ,
„Конецъ твой сопряженъ лишь вѣчности съ концомъ!
„Се червь, се образъ твой лежитъ передъ тобою,

---

[1]) Здѣсь конечно подъ „извергомъ“ разумѣется Наполеонъ со всѣми бѣдствіями, которыя онъ навлекъ на народы Европы.

„Недвиженъ, заключенъ
„Во гробъ самимъ собою;
„Но лишь весеннею порою
„Отъ животворнаго луча
„Вдругъ рощи возшумятъ, одежду получа,
„Съ брегами рѣки пробудятся,
„Отъ скляныхъ свободясь оковъ,
„И тѣнью рощи осѣнятся
„И прекратится царство льдовъ:
„Оставя домъ свой тѣсной,
„Онъ явится въ лугахъ, сильфидою прелестной,
„Распуститъ крылья, воспаритъ,
„Отъ розы къ розѣ полетитъ"!

Послѣ слѣдующей строфы въ 15 стиховъ идетъ заключительная строфа, опять относящаяся къ Наполеону, которую выписываемъ цѣликомъ:

На честолюбца взоръ простри,
На вихря браннаго воззри,
Кого кровавый слѣдъ и днесь еще дымится!
Съ его могуществомъ дерзалъ ли кто сравниться?
Онъ цѣпью приковалъ блестящій сонмъ Царей
Къ своей побѣдной колесницѣ;
Всесокрушающей покорствуя десницѣ,
Тирана грознаго очей
Всѣ племена страшились, трепетали,
И молча, жизнь иль смерть изъ устъ его внимали!
А онъ?—онъ клялъ судьбу
И изъ торжествъ своихъ, и сердцу и уму
Единую извлекъ отраву;
И вотъ—утратилъ тронъ и счастіе и славу!
И что жъ?—онъ дней своихъ не прекратилъ!
Грозящей вѣчности злодѣя видъ страшилъ,
Что слезъ и вопли дани,
Мученья несъ ему въ неумолимой длани,
И гласомъ громовымъ: „о трепещи!" вѣщалъ—
И умъ ужаснаго вдругъ ужасъ обуялъ.

2.

Переходимъ къ свободнымъ стихотворнымъ опытамъ и упражненіямъ питомцевъ Лицея I-го, Пушкинскаго курса. Многія изъ этихъ упражненій, въ особенности пьесы шуточнаго, сатирическаго, буфонскаго характера (эпиграммы, эпитафіи, басни, шуточныя поэмы и проч.) попадали отчасти въ издававшіеся періодически лицеистами „журналы“ (о которыхъ рѣчь ниже), но большая часть (особенно болѣе серіозные опыты) распространялись между товарищами или отдѣльными списками, или въ цѣлыхъ сборникахъ.

Нѣкоторые воспитанники въ концѣ своего пребыванія въ Лицеѣ (да и раньше, вѣроятно поощряемые принадлежностью къ своему „литературному обществу“) составляли сборники своихъ стиховъ, т. е. переписывали ихъ тщательно въ особыя тетради. Другими составлялись сборники изъ произведеній лучшихъ лицейскихъ поэтовъ—по выбору своему собственному или самихъ авторовъ. Отъ тѣхъ и другихъ сохранились остатки или дошли извѣстія.

Извѣстно, что собранія своихъ лицейскихъ стихотвореній составлялъ передъ выходомъ изъ Лицея и Пушкинъ, и большая тетрадь съ такимъ собраніемъ отъ 1816—17 г. (переписанная большею частью самимъ Пушкинымъ, а отчасти и нѣкоторыми его товарищами) сохранилась и послужила однимъ изъ главныхъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о лицейскомъ творчествѣ поэта [1]). Несомнѣнно, что и другіе лицейскіе поэты составляли такіе сборники своихъ твореній,—такъ напр., извѣстно, что Яковлевъ собиралъ свои басни (особенно полюбивъ этотъ родъ) и вызвалъ своимъ собраніемъ ихъ съ эпиграфомъ „хоть худо, но свое“ и своей попыткой напечатать ихъ —ядовитыя эпиграммы Илличевскаго [2]). Но изъ этихъ сборниковъ ничего болѣе не сохранилось.

Другіе *смѣшанные* „сборники“ составлялись ближайшими товарищами Пушкина—какъ изъ его произведеній, такъ и изъ лучшихъ опытовъ его собратьевъ по музѣ, и изъ нихъ по счастью дошли до насъ, кое-какъ пощаженные временемъ, немногіе скудные остатки рядомъ съ преданіями и показаніями лицъ, имѣвшихъ случай видѣть и кое-что до насъ не дошедшее. Къ сожалѣнію, трудно установить въ точности отношеніе этого послѣдняго (т. е. показаній свидѣтелей) къ сохранившемуся.

---

[1]) Она хранится въ Моск. Румянц. музеѣ. См. о ней I т. академ. изд. сочин. А. С. Пушкина, примѣч. Л. Майкова, стр. 8—10. Она—важнѣйшая рукопись для критики текста лицейскихъ стихотвореній Пушкина.

[2]) Гаевскій въ „Современникѣ“, 1853, т. 97, стр. 143.

Я. К. Гротъ передаетъ изъ разсказовъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина (къ которому остатки лицейскихъ бумагъ перешли отъ перваго ихъ хранителя Яковлева), что онъ, Матюшкинъ, „передъ выпускомъ изъ Лицея составилъ два сборника: въ одну тетрадь переписалъ всѣ *ненапечатанные* стихи лицейскихъ товарищей, въ другую — помѣщенные въ разныхъ журналахъ. Эти двѣ тетради, вмѣстѣ съ другими лицейскими бумагами (архивомъ перваго курса) хранились у Яковлева“ [1]).

Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что тутъ рѣчь идетъ о тѣхъ самыхъ „двухъ переплетенныхъ въ *зеленый* сафьянъ тетрадяхъ, содержавшихъ собраніе стихотвореній товарищей М. С. Корфа“, („принадлежавшихъ собственно М. Л. Яковлеву“), которыя отецъ мой получилъ на прочтеніе отъ бар. М. А. Корфа въ 1833 г. и изъ которыхъ онъ сдѣлалъ для себя значительныя выписки [2]). Это подтверждается уже и тѣмъ соображеніемъ, что Я. К. выписывалъ, какъ надо думать, изъ обѣихъ тетрадей, и дѣйствительно, эти сохранившіяся въ его бумагахъ извлеченія (въ 3-хъ тетрадяхъ) подраздѣляются на двѣ части: 1) „*Изъ ненапечатанныхъ стихотвореній I-го курса*“, и 2) „*Изъ напечатанныхъ стихотвореній*“. Дальнѣйшая судьба этихъ двухъ „зеленыхъ“ тетрадей намъ неизвѣстна [3]).

Кромѣ „Извлеченія“ Я. К. Грота изъ собранія, въ двухъ тетрадяхъ, составленнаго Матюшкинымъ, сохранилась еще другая, такъ называемая „*Матюшкинская*“ тетрадь (называемая еще „Полѣновской“), со стихами лицейскихъ поэтовъ, подъ заглавіемъ „*Стихотворенія воспитанниковъ Императорскаго Лицея*“ (1817 г.), писанныя рукою Матюшкина, но, повидимому, составляющее нѣчто

---

[1]) „Пушкинъ“ и проч. 1899 г., стр. 282.

[2]) „Пушкинъ“ и проч., стр. 4, и вышепомѣщенное письмо Я. К. Грота къ Д. Н. Замятнину.

[3]) Съ перваго раза у читателя невольно можетъ возникнуть предположеніе, не представляетъ ли извѣстная, бывшая въ рукахъ Л. Н. Майкова, имъ описанная и принадлежащая М. Б. Сѣмечкиной (дочери Б. К. Данзаса), тетрадь въ картонномъ переплетѣ *зеленаго цвѣта*, заключающая въ себѣ, кромѣ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, еще стихотворенія Дельвига, Илличевскаго, Данзаса (имѣющіяся и въ выпискахъ Я. К. Грота)—именно одну изъ тѣхъ *зеленыхъ* тетрадей, о которыхъ говоритъ Я. К. Гротъ? По словамъ Л. Н. Майкова, она тоже принадлежала Яковлеву, а имѣющаяся на ней позднѣйшая надпись „Духъ лицейскихъ трубадуровъ 30 сентября 1833 года“ относится какъ разъ къ той порѣ, когда М. А. Корфъ давалъ тетради Яковлева Я. К. на просмотръ. Яковлевъ или Корфъ могли снабдить ее этой надписью. Догадка такая при ближайшей провѣркѣ оказывается, однако же, несостоятельной. Выписанныя Я. К. изъ тетрадей Корфа стихотворенія Пушкина не соотвѣтствуютъ тѣмъ, что имѣются въ тетради г-жи Сѣмечкиной—по свидѣтельству Майкова, которому и почеркъ этихъ копій оказывается неизвѣстнымъ. Вообще, ни судьба, ни составъ, ни нынѣшнее мѣстонахожденіе тетради „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“ намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны.

совсѣмъ отдѣльное отъ перваго сборника. Въ какомъ отношеніи они стоятъ другъ къ другу по возникновенію и по времени—неизвѣстно. Но отождествлять ихъ или считать двумя списками одного и того же собранія—во всякомъ случаѣ нельзя, такъ какъ, во-1-хъ, содержаніе ихъ разное, во-2-хъ, отецъ мой, имѣвшій въ рукахъ одинъ изъ этихъ сборниковъ въ 1833 г., впослѣдствіи, получивъ такъ называемую „матюшкинскую“ тетрадь, не призналъ въ ней уже знакомое ему собраніе, а лишь часть „подобнаго ему сборника“.

Итакъ, мы располагаемъ сохранившимися частями двухъ стихотворныхъ сборниковъ, къ которымъ слѣдуетъ присоединить еще остатки (сохранившіеся отдѣльные листки) извѣстной лицейской „Антологіи“, собранной трудами пресловутаго „ійшій“ (т. е. Илличевскаго) [1]).

Весь заключающійся въ этихъ собраніяхъ матеріалъ лицейской поэзіи — въ отношеніи къ авторству Пушкина — уже исчерпанъ и использованъ. Листки изъ упомянутой только-что „Антологіи“ содержатъ почти только одни Пушкинскія пьесы. Сборники же—относительно Pouschkiniana — были мною описаны и использованы не такъ давно въ статьѣ „Къ лицейскимъ стихотвореніямъ А. С. Пушкина“ [2]). Не повторяя здѣсь результатовъ этой работы и не перепечатывая стихотвореній Пушкина, я имѣю въ виду дать здѣсь возможно исчерпывающее описаніе этихъ собраній—главнѣйше въ отношеніи къ остальному ихъ содержанію.

I.

Хотя остатки „Антологіи“ и заключаютъ въ себѣ почти исключительно пушкинскія пьесы, и ее въ общихъ чертахъ описывали и В. П. Гаевскій, и Я. К. Гротъ, и новѣйшіе пушкинисты (напримѣръ, Лернеръ въ Венгеровскомъ изданіи), все же здѣсь нельзя не удѣлить и ей вниманія и по крайней мѣрѣ описать точно все, что отъ нея сохранилось [3]).

---

[1]) Еще объ одномъ, не дошедшемъ до насъ лицейскомъ сборникѣ, упоминаетъ В. П. Гаевскій („Современн.“, тамъ же, т. е. 1863, т. 97, стр. 147). Это былъ сборникъ стихотвореній (большею частью Пушкина), написанныхъ преимущественно на Кюхельбекера, служившаго излюбленною мишенью товарищей въ ихъ сатирическомъ и шуточномъ стихотворствѣ, подъ названіемъ „Жертва Мому или лицейская Антологія“, переписанный Пущинымъ въ 1814 г. Больше о судьбѣ его мы ничего не знаемъ. Гаевскій, къ сожалѣнію, не познакомилъ съ нимъ ближе, признавъ, что стихи его „не имѣютъ никакого достоинства“.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCCLXI. 1905 г., № 10.

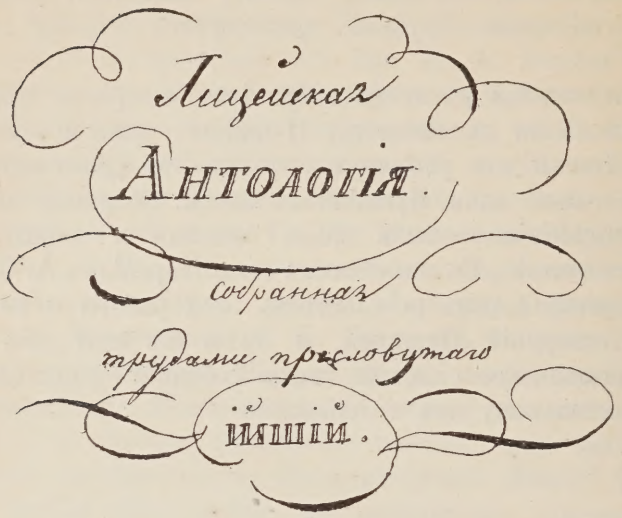
[3]) Въ *Приложеніяхъ* къ этому Сборнику я однакожъ имѣю въ виду дать точные тексты всѣхъ имѣющихся у меня Пушкинскихъ лицейскихъ *автографовъ*, въ томъ числѣ и вошедшихъ въ эту Антологію.

Заглавный листокъ

извѣстнаго сборника лицейскихъ стихотвореній, сост. Илличевскимъ.

Изданіе и почеркъ Илличевскаго. 14

Лицейская
Антологія.
собранная
трудами пресловутаго
ійшій.



Genus irritabile vatum.

Это именно всего четыре маленькихъ листка (въ 8°) синей, сильно выцвѣтшей бумаги, изъ которыхъ одинъ составляетъ заглавный листокъ съ слѣдующей надписью: „Лицейская Антологія, собранная трудами пресловутаго *ійшій*“, и ниже эпиграфъ: „Genus irritabile vatum“. Подъ псевдонимомъ „ійшій“ скрылся составитель сборника Илличевскій, который, повидимому, и переписывалъ въ него не мало стиховъ (если судить по оставшимся листкамъ), хотя рядомъ находятся и автографы Пушкина. Содержаніе сохранившихся листковъ—почти исключительно эпиграммы. Всѣ пьесы занумерованы цифрами отъ № 75; но листки не смежные. Послѣдній №: 111-й.

1. Первый листокъ текста заключаетъ въ себѣ 6 пьесъ отъ № 75 до 80 включительно, изъ которыхъ первые 4 автографа Пушкина, и двѣ послѣднія писаны Илличевскимъ и, вѣроятно, ему принадлежатъ.

Вотъ подрядъ перечень этихъ эпиграммъ:

№ 75: *На Пучкову:*

„Пучкова, право не смѣшна“...

№ 76: *На нее же*:

„Зачѣмъ кричишь ты,
что ты *дьва*“...

№ 77: *Скажи, что новаго?...*

№ 78: *Больны вы, дядюшка—*

№ 79: Четверостишіе:

Куда (с)пѣсивъ учтивый Брутъ
И въ добротѣ своей опасенъ
Онъ честенъ—слышалъ я—согласенъ,—
Я знаю, онъ—пречестный плутъ.

№ 80: *На музыканта* (Илличевскаго) [1])

Ай, мастеръ—ты еще лихова
Пралаза перещеголялъ:
Онъ только обманулъ скупова,
А ты Скупова—обокралъ.

2. Второй листокъ сохранился у насъ лишь въ описаніи моего отца. Онъ подарилъ подлинникъ П. Н. Тиханову (въ 1884 г.). По словамъ Я. К., на немъ написаны были рукою Пушкина слѣдующія пьесы:

№ 86: *Твой и мой* (сов. сходно съ печатнымъ).

№ 87: *Экспромптъ на А.* (на Огареву, по свидѣтельству Матюшкина).

№ 88: *Еще на Пучкову* (Илличевскаго)

„Зачѣмъ объ инвалидной долѣ“...

Эта эпиграмма приписывалась ранѣе Пушкину. Къ сожалѣнію, мы не можемъ провѣрить, чьимъ почеркомъ она написана; но въ „Матюшкинской“ тетради (см. ниже) она помѣщена съ полнымъ именемъ Илличевскаго, какъ было уже сообщено мною въ статьѣ „Къ лицейскимъ стихотвореніямъ Пушкина“.

№ 89. *Надпись на мой портретъ.*

„Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета“.

Эта пьеса тоже до послѣдняго времени приписывалась Пушкину. Но „Матюшкинская“ тетрадь открыла и ея автора: она подписана тамъ Дельвигомъ (о чемъ было сообщено мною тамъ же).

---

[1]) Эта эпиграмма съ именемъ автора имѣется и въ „Матюшкинской“ тетради.

По замѣткѣ въ описаніи Я. К. Грота, она писана здѣсь рукою Матюшкина. Любопытно, что и въ тетради Матюшкина эти обѣ пьесы стоятъ рядомъ, въ томъ же порядкѣ.

3. Третій листокъ содержитъ пять пьесъ, изъ которыхъ двѣ первыя („Надпись къ бесѣдкѣ“ и „Вотъ Виля“)—автографы Пушкина; остальныя три писаны Илличевскимъ: изъ нихъ вторая („Завѣщаніе“)—стихи Пушкина, а остальныя двѣ (двустишіе и „Другое завѣщаніе“), по всей вѣроятности,—сочиненія Илличевскаго.

№ 107. *Надпись къ бесѣдкѣ.*

№ 108. *„Вотъ Виля—онъ любовью дышетъ“.*

(№ 109). Двустишіе (? Илличевскаго).

„Ты знаешь: этого урода
Не могъ и не хотѣлъ никто нарисовать.

№ 110. *Завѣщаніе* (Пушкина).

Друзья! простите—завѣщаю
Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ:
Обиды, пѣсни—все прощаю,
А мнѣ пускай долги простятъ.

№ 111. *Другое завѣщаніе* (Илличевскаго).

Эссенцью чувствъ моихъ пусть приметъ Ушакова,
Не выдохлись они, я чай, въ моихъ стихахъ.
Мой духъ—читателямъ: духъ Шиллера, Боброва—
Онъ сохраненъ въ моихъ прострѣленныхъ штанахъ.
Портретъ мой—если кто уродовъ собираетъ,
Пусть въ Антологіи отыщетъ—онъ готовъ.

Этимъ и исчерпывается все, дошедшее до насъ изъ Антологіи. Повидимому Гаевскій имѣлъ въ рукахъ больше [1]).

Сохранился еще листокъ тоже синей бумаги приблизительно того же формата—съ двумя автографами Пушкина: *„Къ ней“* и *„Слеза“*, но едва-ли этотъ листокъ принадлежалъ той же „Антологіи“, такъ какъ стихи здѣсь не обозначены цифрами. Вѣроятно онъ изъ другого собранія: форматъ этотъ былъ очень въ ходу: тетрадка Матюшкина, Дневникъ Комовскаго, сбор. „Мудрецъ—поэтъ“—того же самаго.

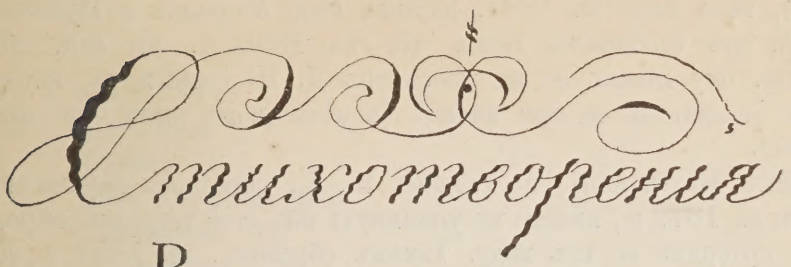
II.

„Матюшкинская“ тетрадь, названная въ вышеприведенномъ письмѣ Я. К. Грота къ Д. Н. Замяткину „Полѣновской“ (вслѣдствіе того, что она найдена была въ бумагахъ Д. В. Полѣнова),

[1]) Современникъ 1863, тамъ же, стр. 143—144.

Заглавный листокъ

такъ называемой „Матюшкинской“ тетради.



Стихотворения

Воспитанниковъ

Императорскаго Лицея

1 выпуска. 1811.–1817.

Часть II.

въ Царскомъ селѣ.

эта тетрадка принадлежала Матюшкину и потомъ мнѣ досталась.

долго считалась утраченной. Ею пользовался когда-то Гаевскій, но затѣмъ слѣдъ ея исчезъ. Какими-то судьбами она попала къ Полѣнову, а отъ него къ зятю его И. П. Хрущову. Описаніемъ ея, сдѣланнымъ послѣднимъ, пользовался Л. М. Майковъ. Къ отцу она перешла очевидно отъ Хрущова, уже въ послѣдніе годы его жизни, такъ какъ въ 1887, издавая свой сборникъ о Пушкинѣ и Лицеѣ, онъ сообщаетъ лишь, что въ 1880 г. на лиц. обѣдѣ 19 апр. ему давалъ ее на просмотръ Д. Н. Замятнинъ, которому онъ и возвратилъ ее при письмѣ (помѣщенномъ выше въ отдѣлѣ писемъ).

Самъ Матюшкинъ, по словамъ Я. К., передавая ему лицейскія бумаги въ 1872 г., ничего не упомянулъ объ этой тетрадкѣ, вѣроятно давно потерявъ ее изъ виду. Такимъ образомъ, въ 1887 г., Я. К. ее не имѣлъ въ рукахъ и не могъ ею воспользоваться.

Такова судьба этой рукописи. Вотъ ея видъ и содержаніе [1]).

Сборникъ этотъ (т. е. собственно часть сборника) представляетъ довольно истрепанную тетрадку того же формата въ маленькую 8-ку (какъ и „Антологія“) синей бумаги, имѣющую 67 стр., которыя всѣ исписаны некрасивымъ, но довольно четкимъ почеркомъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина. На заглавномъ листѣ заглавіе (въ видѣ виньетки): *Стихотворенія Воспитанниковъ Императорскаго Лицея* (приписано рукою, кажется, Хрущова: 1 Выпуска 1811—1817)—*Часть II, въ Царскомъ Селѣ*. Внизу страницы надпись тою же постороннею рукою: „Эта тетрадка принадлежала Матюшкину, а потомъ мнѣ досталась“. Оглавленіе на второмъ листкѣ, равно какъ и послѣднее стихотвореніе въ сборникѣ („Въ альбомъ Илличевскому“ Пушкина) написаны рукой Илличевскаго. Обозначеніе „часть II-я“ и №№ пьесъ (отъ 117 до 150) свидѣтельствуютъ о томъ, что это лишь часть цѣлаго довольно объемистаго по содержанію сборника. Первая пьеса помѣчена римской цифрой CXVII. Послѣ названія стихотворенія стоитъ въ скобкахъ начальная буква фамиліи автора, именно: П. (Пушкинъ), Д. (Дельвигъ), И. (Илличевскій) и Кюх. (Кюхельбекеръ) [2]). Всего здѣсь 34 пьесы. Приведемъ оглавленіе, а затѣмъ самыя пьесы, кромѣ Пушкинскихъ, достаточно извѣстныхъ, особенности редакціи которыхъ исчерпаны мною уже ранѣе.

---

[1]) Исторія и описаніе ея были даны мной въ статьѣ „Къ лицейскимъ стихотвореніямъ А. С. Пушкина“, но здѣсь необходимо повторить это описаніе.

[2]) Это сокращеніе фамиліи вмѣсто буквы К. можетъ заставить думать, что въ сборникѣ были пьесы другого лица на букву К., именно Корсакова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		(стр. въ тетр.).
CXVII.	Осень. (Кюх.)	1
CXVIII.	Къ Амуру. (Д)	2
CXIX.	Пѣвецъ. (П.)	2
CXX.	Сонъ (отрывокъ) (П.)	3
CXXI.	Сновидѣніе. (П.)	12
CXXII.	Дифирамбъ. (Кюх.)	13
CXXIII.	Богиня Тамъ и богъ Теперь. (Д.)	14
CXXIV.	Цефизъ. (Д.)	17
CXXV.	Пирующіе студенты. (П.)	19
CXXVI.	Couplets. (П.)	24
CXXVII.	Роза. (П.)	24
CXXVIII.	Близость любовниковъ. (Д.)	26
CXXIX.	Заздравный кубокъ. (П)	27
CXXX.	Евлега. (П.)	29
CXXXI.	Истина. (П.)	32
CXXXII.	Бова. (П.)	id.
CXXXIII.	Къ переводчику Діона. (Д.)	45
CXXXIV.	Стансы (П.)	id.
CXXXV.	Портретъ (П.)	47
CXXXVI.	На музыканта (И.)	48
CXXXVII.	Надпись въ бесѣдкѣ (П.)	id.
CXXXVIII.	На Пучкову (И.)	id.
CXXXIX.	Надпись на мой портретъ (Д.)	49
CXL.	Экспромптъ на Агареву. (П.)	49
CXLI.	Тріолетъ К. Горчакову. (Д.)	id.
CXLII.	Красавицѣ, которая нюхала табакъ. (П.)	50
CXLIII.	Посланіе къ Натальѣ (П.)	52
CXLIV.	Stances. (П.)	56
CXLV.	Князю А. М. Горчакову (П.)	57
CXLVI.	Посланіе Лидѣ. (П.)	60
CXLVII.	Пробужденіе. (П.)	63
CXLVIII.	Молодой вдовѣ (П.)	64
CXLIX.	Друзьямъ. (П.)	65
CXLX(sic).	Въ Альбомъ Илличевскому	66

CXVII.

Осень [1]).

Вѣтеръ по сучьямъ деревъ пробѣгаетъ; листья валятся
И подъ ногою шумятъ; по синему озеру лебедь
Одинокій плыветъ: вездѣ запустѣніе; птицы
Въ рощахъ умолкли.

* * *

Солнце выглянетъ, скроется тотчасъ; лучъ его хладенъ,
Пѣсней веселыхъ жнецовъ уже нигдѣ отголосокъ
Въ слухъ не приноситъ: лишь колокольчикъ звенитъ по дорогѣ;
Дымъ въ отдаленьи.

* * *

Путникъ закутанный въ плащъ спѣшитъ къ опустѣвшей деревнѣ.—
Я унылой брожу: къ тебѣ прибѣгаю, природа!
Ты ли не примешь печальнаго? матерь, согрѣй мое сердце—
Бѣдное сердце!

* * *

Рано для юноши осень настала; слезу сожалѣнья—
Други! Я умеръ душою—нѣтъ уже прежнихъ восторговъ,
Нѣтъ и сладостныхъ прежнихъ страданій: всюду молчанье,
Холодъ могилы!

Кюхельбекеръ.

CXVIII.

Къ Амуру [2]).

Еще въ началѣ мая
Тебѣ, Амуръ жестокій,
Я жертвенникъ построилъ
Въ тѣнистомъ огородѣ,

---

[1]) Это стихотвореніе сохранилось и въ автографѣ на отдѣльномъ листѣ съ помѣткой 23 сент. (годъ неизвѣстенъ—вѣроятно 1815-го), вмѣстѣ съ пьесой „Утро“ (26-го сент.). См. ниже.

[2]) Появилось впервые въ „Трудахъ Общ. Люб. Р. Сл.“, ч. XII, стр. 97. Въ изданіи (Суворина) „Полное Собр. Сочин. б. Дельвига“ напечатано въ нѣсколько измѣненной редакціи съ обозначеніемъ „изъ Геснера“, и отнесено редакторомъ къ 1820 году.

И розами и миртомъ
Его въ три ряда обвилъ.
Не каждое ли утро
Съ тѣхъ поръ вѣнокъ душистый
Я клалъ тебѣ съ поклономъ?
А было все напрасно!
Ужъ сыпятся мятели
По обнаженнымъ вѣтвямъ,
Она жъ ко мнѣ сурова,
Какъ и въ началѣ мая.—

Дельвигъ.

CXIX. Пѣвецъ.
CXX. Сонъ (отрывокъ). } Пушкина.
CXXI. Сновидѣніе.

CXXII.

Дифирамбъ [1]).

Сладкая сила
Въ чашѣ сокрытая
Духъ увлекаетъ;
Въ кубокъ украдкою
Вливши желанія,
Пафія грѣетъ
Сердце надеждою:
Царь Діонисій
Умъ усыпляетъ,
Гонитъ печаль!
Такъ! упоенному
Грады покорствуютъ;
Онъ надъ народами
Многими властвуетъ;
Златомъ, рѣзбою,
Мраморомъ свѣтится
Домъ беззаботнаго!
Лишь пожелаетъ онъ
Въ радостномъ сердцѣ:
Вотъ изъ Египта
По морю синему,
Всѣми богатствами
Обремененные,
Мчатся суда!

Кюхельбекеръ.

---

[1]) Это стихотвореніе напечатано Майковымъ (вѣроятно взято изъ описанія настоящ. сборника И. П. Хрущовымъ) въ I т. акад. изд. Пушкина (стр. 256), какъ „напоминающее содержаніемъ и размѣромъ *Пуншевую пѣсню* Пушкина“, въ которой Майковъ допускаетъ участіе Кюхельбекера (именно въ переводѣ пьесы изъ Шиллера). О „Пуншевой пѣснѣ“ и авторствѣ Пушкина см. замѣчанія Н. О. Лернера въ Венгеровскомъ изд. Пушкина, I, стр. 320.

CXXIII.

Богиня Тамъ и богъ Теперь [1]).

(Къ Савичу) [2]).

Прозаикъ милой,
О Савичъ мой,
Передъ тобой,
Собравшись съ силой,
Я нарисую,
Махнувъ перомъ,
Всегда младую,
Съ златымъ вѣнцомъ,
Съ златою лирой
И по плечамъ
Съ златой Порфирой,
Богиню *Тамъ*.—
Она витаетъ
(Повѣрь ты мнѣ)
Въ той сторонѣ,
Отколь блистаетъ,
При тишинѣ—
Лѣсовъ заглохшихъ
И водъ умолкшихъ
Въ покойномъ снѣ
Предтеча Феба,
Камѣнъ Царя.
Въ цвѣтахъ заря,
Аврора Неба,
Откинувъ дверь,
Тамъ выпускаетъ,
Но богъ *Теперь*
Ее встрѣчаетъ
И зло кидаетъ
Къ благимъ дарамъ.
Богиня-жъ *Тамъ*,
Какъ ты незлобна!
И не одной
Она душой
Тебѣ подобна,
Но то жъ мила
И весела,
И такъ прелестно
Какъ, Савичъ, ты
Поетъ: мечты
О неизвѣстной
Дали, дали!
Внимай Піита—
Онъ чародѣй:
Судьбой открыта
Грядущихъ дней
Ему завѣса:
Онъ отъ Зевеса
Богиню *Тамъ*
Принялъ въ подруги
Своимъ мечтамъ,
Тебѣ жъ, какъ другу,
Принесъ отъ ней
О, свертокъ дней.
Ты прочитаешь
И въ немъ узнаешь,
Кто будешъ впредь,
Но не краснѣть
Отъ словъ пророка:
„По волѣ рока
Ты будешь пѣть,
Какъ ночью мая

---

[1]) Сколько мнѣ извѣстно, не было напечатано.

[2]) Вѣроятно Никол. Иван. Савичъ, воспитанникъ II курса (съ 1814 по 20 г.) ум. 1892 г. въ Одессѣ. Былъ Директоромъ Одесск. Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета.

Поетъ младая,
Въ тѣни древесъ,
Любви пѣвица,
Когда Царица
Ночныхъ небесъ
Изъ водъ катится
И мрачный лѣсъ
Не шевелится;
Когда-жъ въ крови
Зажгутся муки
Святой любви,
То смѣло руки
Ты на клавиръ,
И слаще лиръ
Прольются звуки
Твоей души.
Тогда жъ въ тиши
Ты одинокой
Въ стихахъ пиши
Письмо къ жестокой—
И ты поэтъ.
Прошепчетъ: нѣтъ—
Она сердито.
О не бѣда!
Полуоткрытой
Вѣрь—скажетъ: да!
И ты, счастливый,
Отъ городовъ
Уйдешь подъ кровъ
Домашней ивы.
Блаженный часъ!
О дняхъ грядущихъ
Несуетясь,
Въ мѣстахъ цвѣтущихъ
Ты будешь жить
И воздухъ пить
Съ душистой розой.
Ты свѣжей прозой
Семьи простой
Опишешь радость,
Души покой,
И чувства сладость
Разсыплешь ты
На всѣ листы."
О Савичъ мой!
То будетъ—вѣрь,
Когда *Теперь*,
Сей богъ унылой,
Богиню *Тамъ*
Не повстрѣчаетъ,
Не примѣшаетъ
Къ ея дарамъ
Полезной муки,
Слезы и скуки.

Дельвигъ.

CXXIV.

Цефизъ [1]).

Мы еще молоды, братецъ, на плечахъ кудри вiются,
Рдѣютъ, какъ яблоко, щеки и алыя губы пушатся
При благовонномъ дыханьи прелестныхъ; но скоро наложитъ
Хладную руку на насъ безотрадная старость, и дѣва
Не поцѣлуетъ сѣдыхъ, и локтемъ подругу толкаетъ,
Скажетъ съ улыбкой: Лиза, вотъ бабушкинъ милый любовникъ!

---

[1]) Это стихотвореніе было переработано впослѣдствіи. Оно въ этой новой редакціи съ посвященіемъ И. А. Б — ому, отнесенное къ 1828 г., помѣщено въ полномъ собраніи сочиненій б. Дельвига. См. изд. Суворина (3-е, стр. 138). Очень любопытно сравнить эти редакціи.—Любопытно также его сравнить съ переложеніемъ той же идиллiи Илличевскаго, см. ниже, стр. 180.

Ну, какъ же щеки румяны, какъ густы волнистыя кудри!
Голосъ его соловьиный, взоръ его прямо орлиной!
Смѣйся красавица, смѣйся! и мы веселились бывало,
Но все проходчиво въ мірѣ, одна непроходчива дружба.
„Здраствуй, любезный Филинтъ! Ужъ давно мы съ тобой не видались.
Благославляю тотъ день, который тебя возвратилъ мнѣ,
Добродѣтельной старецъ! О! съ тѣхъ поръ твои кудри
Старость нескупо осыпала снѣгомъ. Приди же къ Цефизу
И насладися прохладою тѣни. Тебя призываетъ
Сочной въ саду виноградъ и плодами румяная груша!“
Такъ говорилъ обнимая Цефизъ давнишняго друга
И, пожимая рукою, провелъ его въ садъ изобильной.
Бѣдный Филинтъ вкушалъ и хвалилъ благовонныя груши
И Цефизъ, улыбаясь, воскликнулъ: „Будь нынѣ, пріятель,
Дерево это твое! А я отъ холодной мятели
Буду прилежно его укутывать теплой соломой.
Пусть оно для тебя цвѣтетъ и плодомъ богатится!“
Но не Филинту оно и цвѣло и плодомъ тяготилось,
И воздыхая, Цефизъ желалъ умереть столь же бѣднымъ
И добродѣтельнымъ старцемъ, какъ онъ былъ.—Подъ желтою грушей
Похоронилъ онъ Филинта и холмъ увѣнчалъ кипарисомъ.—
Часто онъ слышалъ, когда отражала луна отъ деревьевъ
Длинныя тѣни: священное листьевъ шептанье;
Часто въ могилѣ таинственный гласъ отдавался. Онъ, мнилось,
Былъ благодарности гласъ. И небо усыпало рощи
Изобильно, Цефизу, плодами и гроздемъ прозрачнымъ.

Дельвигъ.

CXXV — Пирующіе студенты; CXXVI — Couplets; CXXVII — Роза, — всѣ три Пушкина.

CXXVIII.

Близость любовниковъ [1]).

Блеснетъ заря—и все въ моемъ мечтаньѣ
Лишь ты одна;
Лишь ты одна, когда потокъ въ молчаньѣ
Сребритъ луна.

* *
*

[1]) Этого стихотворенія нѣтъ въ „Собр. Соч. б. Дельвига“. Эта пьеса съ отмѣткой: изъ Гёте, и подъ заглавіемъ „Близость милой“ имѣется и въ слѣдующемъ собраніи (Я. К. Грота).

Я зрю тебя, когда вдали дороги
Катится прахъ,
И съ трепетомъ идетъ пастухъ убогій
Въ ночныхъ лѣсахъ.

* *
*

Мнѣ слышится твой голосъ несравненный
И въ шумѣ водъ,
Подъ вечеръ онъ въ дубравѣ оживленной
Меня зоветъ.

* *
*

Я близъ тебя, какъ ни была-бъ далека,—
Ты все жъ со мной.
Взошла луна;—когда бъ въ сей тьмѣ глубокой
Я былъ съ тобой!

Дельвигъ.

CXXIX — Заздравный кубокъ; CXXX — Евлега; CXXXI — Истина; CXXXII — Бова — всѣ Пушкина.

CXXXIII.

Къ Переводчику Діона [1]).

Благодарю за переводы
Моихъ ритмическихъ стиховъ:
Отъ одного отца рожденные уроды
Теперь ведутъ свой знатный родъ отъ двухъ отцовъ.

Дельвигъ.

CXXXIV—Стансы; CXXXV—Портретъ—Пушкина.

CXXXVI.

На музыканта.

Ай мастеръ—ты еще Лихова
Пролаза перещеголялъ:
Онъ только обманулъ Скупова,
А ты Скупова обокралъ.

Илличевскій.

---

[1]) Вѣроятно разумѣется чей-либо переводъ (на нѣмецкій языкъ? Не Кюхельбекера ли?) стихотворенія Дельвига „Къ Діону“ (1814 г.).

CXXXVII—Надпись въ бесѣдкѣ—Пушкина.

CXXXVIII.

На Пучкову [1]).

— Зачѣмъ объ инвалидной долѣ
Моя Пучкова такъ тужитъ:
„Она сама въ прелестномъ полѣ
Вѣдь заслуженный инвалидъ“.

Илличевскій.

CXXXIX.

Надпись на мой портретъ.

Не бойся, Глазуновъ! ты моего портрета,
Онъ скоро съ рукъ сойдетъ, хоть я не Генералъ.
Къ чему лишь говорить, что онъ портретъ поэта?
Каррикатурой ты давно бъ его продалъ.

Дельвигъ.

CXL—Экспромптъ на Агареву—Пушкина.

CXLI.

Тріолетъ К. Горчакову.

Тебѣ желаю, милый князь,
Чтобы отнынѣ жилъ счастливо,
Звѣздами, почестьми гордясь!
Тебѣ желаю, милый князь,
Кидать любовь отъ черныхъ глазъ:
То для тебя, ей-ей, не диво!
Тебѣ желаю, милый князь,
Чтобы отнынѣ жилъ счастливо.

Дельвигъ.

CXLII — Красавицѣ, которая нюхала табакъ; CXLIII — Посланіе къ Натальѣ; CXLIV — Stances; CXLV — Князю А. М. Горчакову; CXLVI — Посланіе Лидѣ; CXLVII — Пробужденіе; CXLVIII — Къ молодой вдовѣ; CXLIX — Друзьямъ; CXLX — Въ альбомъ Илличевскому, — всѣ Пушкина.

---

[1]) Приписывалась, какъ и слѣдующая пьеса Дельвига, долгое время—Пушкину.

III.

Отъ другого сборника лицейскихъ стихотвореній, повидимому (судя по разсказу, слышанному Я. К. Гротомъ отъ Матюшкина), составленнаго также Матюшкинымъ [1]), сохранились, какъ мы видѣли, только извлеченія, сдѣланныя оттуда моимъ отцомъ въ 1833 г.

Въ его архивѣ нашлись *три* тетрадки подъ заглавіемъ „Извлеченіе изъ собранія лицейскихъ стихотвореній I-го курса", въ которомъ имѣется два отдѣла: 1) Изъ ненапечатанныхъ стихотвореній I-го курса и 2) Изъ напечатанныхъ стихотвореній. Сюда рукою Я. К. Грота переписано всего 42 стихотворенія лицейскихъ поэтовъ: Пушкина, Дельвига, Илличевскаго, Кюхельбекера и Корсакова; изъ нихъ 20, т. е. почти половина—Пушкинскихъ, которыя уже были мною разсмотрѣны, сличены съ другими списками и исчерпаны относительно разночтеній въ не разъ цитованной статьѣ.

Итакъ, приведя лишь въ надлежащихъ мѣстахъ заглавія послѣднихъ, я ограничусь напечатаньемъ здѣсь только *не* пушкинскихъ пьесъ.

Вотъ оглавленіе 1-ой части Сборника:

Къ Молодой Актрисѣ. *Пушкина.*
Князю Горчакову. *Его-же.*
Тихая Жизнь. Дельвига.
Леда. *Пушкина.*
Стансы. *Пушкина.*
Подражаніе I-му Псалму. Дельвига.
Къ Пущину. *Пушкина.*
Къ Наташѣ. *Пушкина.*
Окно. *Пушкина.*
Наслажденіе. *Пушкина.*
Къ Машѣ. *Пушкина.*
Застольная пѣснь. Дельвига.
Истина. *Пушкина.*
Къ Делiи. *Пушкина.*
Наташа. Корсакова.
Того ужъ нѣтъ. Дельвига.
Вино. Кюхельбекера.
Къ Радости. Его-же.
Диѳирамбъ. Его-же.
Близость милой. Дельвига.

---

[1]) См. „Пушкинъ" и пр., стр. 4, 28 и выше помѣщенное письмо Я. К. Грота къ Замятнину.

Надежда. Илличевскаго.
Перерожденіе. Его-же.
Отъ живописца. Его-же.
Сонъ (отрывокъ). *Пушкина.*
На смерть Державина. Дельвига.
Принцу Оранскому. *Пушкина.*
Къ Дельвигу. *Пушкина.*
Фіалъ Анакреона. *Пушкина.*
Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ. *Пушкина.*
Сновидѣніе. *Пушкина.*
Въ Альбомъ Малиновскому. Илличевскаго.
„ „ Илличевскому. *Пушкина.*
„ „ „ Кюхельбекера.
„ „ „ Дельвига.
Боже, Царя храни, *Пушкина.*

1. Изъ ненапечатанныхъ стихотвореній I-го курса.

Пушкина: Къ Молодой Актрисѣ; Князю А. М. Горчакову.

Тихая жизнь [1]).

Блаженъ, кто за рубежъ наслѣдственныхъ полей
Ногою не шагнетъ, мечтой не унесется;
Кто дышетъ въ родинѣ и съ милою своей,
Какъ весело заснетъ, такъ весело проснется.

* * *

---

[1]) Три первыя строфы весьма удачный переводъ стихотворенія Пóпа, начинающагося такъ:

Happy the man whose wish and care
A few paternal acres bound... (*Я. Г.*).

Это стихотвореніе впервые появилось въ „Трудахъ В. Общ. Люб. Росс. Слов.“ 1820, ч. X, стр. 87; помѣщено въ полномъ собраніи соч. Дельвига, въ нѣсколько исправленной сравнительно съ нашей редакціи, отнесенной къ 1820 г. Послѣдній куплетъ читается совсѣмъ иначе:

„Такъ жизнь и Дельвигу тихонько провести.
Умру — и скоро всѣ забудутъ о поэтѣ.
Что нужды? я блаженъ; я живши могъ найти
Покой въ безвѣстности и счастіе въ Лизетѣ“.

Оно написано очевидно въ Лицеѣ, вѣроятно въ 1816—1817 гг.

Кто молоко отъ стадъ, хлѣбъ съ нивы золотой
И мягкую волну съ своихъ овецъ сбираетъ;
Кому зеленый букъ трещитъ въ огнѣ зимой
И сонъ прохладою въ день лѣтній навѣваетъ.

* * *

Спокойно цѣлый вѣкъ прокатитъ онъ трудясь
Полета быстраго часовъ не примѣчая,
Устанетъ, наконецъ, зѣвнетъ перекрестясь,
Протянется, вздохнетъ да и заснетъ зѣвая.

* * *

Такъ жизни Дельвига безвѣстно пролетѣть.
Не плачь, Эмилія! о други! веселиться!
Тамъ, говоритъ Вильгельмъ, мы будемъ гимны пѣть:
Давайте-жъ мнѣ фіалъ—здѣсь надобно напиться!

Дельвигъ.

Пушкина: Леда; Стансы (изъ Вольтера).

Подражаніе 1-му Псалму [1]).

Блаженъ, о юноша! кто подражая мнѣ,
Не любитъ разсылать себя по всѣмъ журналамъ,
Кто часъ любовниковъ пропуститъ въ сладкомъ снѣ
И кругъ простыхъ друзей предпочитаетъ баламъ.

* * *

Когда неистовый влетитъ къ нему Свистовъ,
Онъ часто по дѣламъ изъ комнаты выходитъ;
Ему жъ нѣтъ времени писать дурныхъ стиховъ,
Когда [онъ съ] за книгой день, съ супругой [подругой] ночь проводитъ.

* * *

За то взгляните, онъ, какъ дубъ, высокъ и прямъ,
Что вялый передъ нимъ угодникъ дамъ и моды?
Цвѣтъ полныхъ яблоковъ разлился по щекамъ,
Благоразуменъ, свѣжъ онъ и въ преклонны годы.

* * *

---

[1]) Этого стихотворенія нѣтъ въ „Собраніи сочиненій“. Оно сохранилось еще въ отдѣльномъ спискѣ, писанномъ рукою Илличевскаго. Вставленныя въ скобки слова надписаны въ этомъ спискѣ надъ строкою.

А ты, слѣпой глупецъ иль новый философъ!
О вѣрь мнѣ, и въ очкахъ повѣса все жъ повѣса.
Что будетъ изъ тебя подъ сѣдиной власовъ,
Когда устанешь ты скакать средь экосеса?

* * *

Скажи, куда уйдешь отъ скуки и жены,
Жены, которая за всякую морщину
Ея румяныхъ щекъ бранится на тебя?—
Примѣръ достойнѣйшій и дочери и сыну!

* * *

Что усладитъ, скажи, безъ вѣры старика?
Что память добраго въ прошедшемъ сохранила!
Что совѣсть... ты молчишь! бѣднѣе червяка
Тебѣ постыла жизнь, тебя страшитъ могила!

Дельвигъ.

Пушкина: Воспоминаніе (къ Пущину); Къ Наташѣ; Окно; Наслажденіе; Къ Машѣ.

Застольная пѣсня [1]).

Други! пусть года несутся:
О годахъ ли намъ тужить,
Коль не все и лозы вьются?
Но скорѣй и пить и жить.

* * *

Громкій смѣхъ надъ лекарями
При плесканьи полныхъ чашъ:
Вѣрьте мнѣ, Игея съ нами,
Самъ Ліэй цѣлитель нашъ.

* * *

Пѣнный Мозель восхищенье
Изливаетъ въ нашу кровь;
Пейте жъ съ нимъ вы утѣшенье
И болтливую любовь!

* * *

[1]) Это стихотвореніе подъ названіемъ „Диѳирамбъ“ напечатано въ первый разъ въ „Трудахъ В. О. Люб. Росс. Сл.“ 1820, ч. XII, стр. 207; нынѣ въ „Полн. Собраніи Сочиненій б. Д.“, но въ болѣе отдѣланномъ видѣ, и отнесено тамъ къ 1820 г.

Выпили? Еще! кругами
Рдѣетъ радость на щекахъ.
Порхъ! Амуръ забилъ крылами
И мы дремлемъ на цвѣтахъ.

Дельвигъ.

Пушкина: Истина; Делія; Къ Делію.

Наташа [1]).

О радость! восхищенье!
Сегодня воскресенье
И, чувства въ упоеньѣ,
Къ обѣднѣ я лечу!
Я видѣлъ тамъ Наташу,
Я страсти выпилъ чашу...
Любовь кто можетъ нашу
Прервать?.. но мнится, чу!
Вотъ колоколъ раздался,
Народъ весь зашатался,
Съ женою попъ разстался
И въ церкви весь причетъ.
О Господи! я грѣшной,
Къ спасенію безпечной!
Наташа, другъ сердечной,
Одна меня влечетъ.

Корсаковъ.

Того ужъ нѣтъ.

Бывало я на все сердился,
Игрушки портилъ, билъ,
Еще весь гнѣвъ не проходилъ
Какъ я стыдился.

* *
*

Того ужъ нѣтъ! вотъ я влюбился,
Томленьемъ грудь полна!
Бывало взглянетъ лишь она—
И я стыдился.

---

[1]) Къ дочери кн. Кочубея (какъ и пушкинское „Къ Наташѣ“). Эту пьесу, но безъ имени автора, мы имѣли и въ отдѣльномъ спискѣ. Это стихотвореніе имѣлъ очевидно въ виду Гаевскій въ статьѣ „Пушкинъ въ Лицеѣ“ Соврем. 1863, т. 97, стр. 387: только онъ относилъ его ошибочно къ другой Наташѣ.

Того ужъ нѣтъ! вотъ я женился
На молодой вдовѣ,
Но глядь—рога на головѣ:
Я застыдился [1]).

* *
*

Того ужъ нѣтъ! вотъ я явился
Въ собраньи съ парикомъ
И всѣ трунятъ надъ старикомъ
Смерть какъ взбѣсился!

Дельвигъ.

Вино.

Что мнѣ до стиховъ любовныхъ,
Что до вздоховъ и до слезъ?
Я смѣюсь надъ дураками,
И съ веселыми друзьями
Пью въ тѣни березъ
Намъ вино дано на радость;
Богомъ щедрымъ создано,
Гонитъ мрачныя мечтанья,
Гонитъ скуку и страданья
Свѣтлое вино.
Много, много винограду
Ѣлъ въ раю отецъ Адамъ,
Грусти онъ и слезъ не вѣдалъ;
А какъ яблока отвѣдалъ,
Отперъ дверь бѣдамъ.
Другъ воды на міръ прекрасный
Смотритъ въ черные очки:
Мало трезвыхъ Демокритовъ,
А спьяна митрополитовъ
Счастливѣй дьячки!

---

[1]) Въ сохранившемся отдѣльномъ спискѣ этой пьесы, бывшемъ въ моихъ рукахъ, эти стихи читались такъ:

Того ужъ нѣтъ. Вотъ я женился
На Лизѣ молодой,
Но глядь — рога надъ головой—
Я застыдился.

О вино, краса вселенной!
Всѣмъ сокровищамъ вѣнецъ!
Кто заботы и печали
Топитъ въ пѣнистомъ фіалѣ,
Тотъ прямой мудрецъ.

Кюхельбекеръ.

Къ радости.

Не порхай, летунья Радость!
Сядь и погости у насъ,
Удержи, Богиня—сладость,
Удержи крылатый часъ.

* *
*

Отдохни: вѣдь въ Петроградѣ
Пышность заняла твой тронъ,
Праздность бродитъ въ Лѣтнемъ садѣ,
Въ залахъ скука и бостонъ.

* *
*

Не порхай, летунья Радость!
Сядь и погости у насъ,
Удержи, Богиня—сладость,
Удержи крылатый часъ.

* *
*

Здѣсь не по указу моды,
Не для новостей сошлись,
Мы въ объятіяхъ природы,
Мы для дружбы собрались.

* *
*

Не порхай, летунья Радость!
Сядь и погости у насъ,
Удержи, Богиня—сладость,
Удержи крылатый часъ.

* *
*

Нынѣ ты хозяйка наша.
Ахъ! не брось насъ навсегда:
Будь сладка намъ жизни чаша,
Къ гробу насъ веди мечта!

* *
*

Не порхай, летунья Радость!
Сядь и погости у насъ,
Удержи, Богиня—сладость,
Удержи крылатый часъ.

Кюхельбекеръ.

Дифирамбъ [1]).

(изъ Шиллера).

Други! повѣрьте, никто изъ Кронидовъ
Къ намъ одинокъ не сойдетъ:
Вакхомъ ли сѣнь освѣтилася хаты,—
Вотъ ужъ слетаетъ и мальчикъ крылатый,
Пламенный Фебъ устремляется въ слѣдъ.

* * *

И всѣ ниспустились
Безсмертные Боги;
Въ Олимпъ обратились
Земные чертоги!

* * *

Чѣмъ же, Небесные, Пиррой рожденный,
Васъ угостить я могу?
Дайте мнѣ Нектаръ въ Гебеиной чашѣ,
Дайте въ удѣлъ мнѣ безсмертіе ваше,
Духъ вознесите въ обитель свою!

* * *

Тамъ, тамъ надъ громами
Блаженство живетъ!
О дайте жъ мнѣ чашу!
Пусть дѣва нальетъ!

* * *

И не глаголъ ли Зевеса я слышу:
„Ты черезъ край, Ганимеда,
Кубокъ наполни пѣвца!
Очи омой животворной росою,
Да не смутится Стигійской волною,
Да не увидитъ восторгамъ конца!“

* * *

[1]) Сохранился и въ автографѣ—на отдѣльномъ листкѣ, съ помѣткой 1815 г.

Источникъ отрады
Вскипѣлъ, засребрился:
И стихло волненье,
И взоръ прояснился.

Кюхельбекеръ.

Пьеса *Близость Милой*, подъ заглавіемъ „Близость любовниковъ“, имѣется въ *Матюшкинской* тетради и помѣщена выше.

Надежда. [1])

Амуръ, амуръ лукавый
Опаснѣй всѣхъ боговъ:
Онъ вѣчно скрытъ забавой,
Какъ змѣй листомъ цвѣтовъ.
Вчера я веселился
Съ прелестными въ кругу,
Сегодня пробудился
И сердцемъ не могу.
Но жалоба напрасна
На милаго божка:
Стрѣла его ужасна,
И боль отъ ней сладка.
Счастливѣе, чѣмъ прежде,
Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ любить,
Я сердце далъ Надеждѣ:
Могу ль печаленъ быть?
Надеждой мысль питаю,
Надеждой живъ лишь я,
Въ Надеждѣ полагаю
Всѣ блага бытія.
Скажу, хотя невѣжда
И осудить возмогъ:
Не Богъ моя надежда,
Моя Надежда—богъ!

Илличевскій.

Перерожденье.

Пролетѣли дни мои
Средь суетъ и заблужденья!
Мнѣ узнать красы твои
Было новымъ днемъ рожденья;

[1]) Этой пьесы, какъ и двухъ слѣдующихъ, нѣтъ въ „Опытахъ въ Антологическомъ родѣ“ Илличевскаго. Спб. 1827.—Всѣ онѣ обращены къ одному лицу, къ неизвѣстной намъ Надеждѣ.

Новымъ свѣтомъ озаренъ
Глазъ твоихъ я взоромъ яснымъ,
Новой жизнью оживленъ
Съ дня какъ сталъ тебѣ подвластнымъ.

* * *

О Надежда! Ангелъ мой!
Рай очей и сердца радость!
Должно видѣть образъ твой,
Чтобъ любви познать всю сладость,
Чтобъ украсить, обновить
Міръ волшебною мечтою
И впередъ желаньемъ жить,
Жить единственно тобою.

* * *

О Надежда! поспѣши:
Дай собою насладиться,
Иль въ предчувствіи души
Мнѣ напрасно счастьемъ льститься?
Или безъ тебя мнѣ часъ
Проклинать перерожденья?
Или мнѣ жалѣть о васъ,
Дни суетъ и заблужденья?

Илличевскій.

Къ Надеждѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ, Ангелъ милый,
Разстался я съ тобой,
Души моей унылой
Навѣкъ исчезъ покой:
Брожу весь день вздыхая,
Ищу твоихъ слѣдовъ,
Но ихъ не обрѣтая,
Виню свою любовь.

* * *

Рисую ль воображеньемъ,
Прелестная, тебя,
Такъ новымъ лишь мученьемъ
Тираню я себя.
Ты днемъ со мной въ мечтаньи,
Ты въ ночь со мной во снѣ,
Пройдетъ очарованье
И снова грусть во мнѣ.

* * *

Припомню часъ блаженный,
Когда рука съ рукой
Леталъ я окриленный
Любовію съ тобой:
Ахъ! этотъ мигъ съ мечтаньемъ
Сравнится ли какимъ?
Теперь воспоминаньемъ
Живу лишь я однимъ!

* * *

О мигъ благотворимый
Возлюбленной душой,
Увы, не возвратимый
Всѣхъ дней моихъ цѣной!
Останься незабвеннымъ
Ты въ памяти моей,
Какъ въ сердцѣ ею плѣнномъ
Сапфиръ ея очей,

* * *

И всѣхъ красотъ небесныхъ
Плѣнительны черты,
И розы устъ прелестныхъ
Съ улыбкой доброты,
И перси нѣги полны,
И грацій станъ прямой,
Власовъ златыя волны
И видъ любви самой.

Илличевскій

Отъ живописца [1]).

Всечасно мысль тобой питая,
Хотѣлось мнѣ въ мечтѣ
Тебя пастушкой, дорогая,
Представить на холстѣ.
Съ простымъ уборомъ Галатеи
Тебѣ я прелесть далъ:
Но что жъ? напрасныя затѣи —
Я сходства не поймалъ.

* * *

[1]) Эта пьеса тоже не извѣстна въ печати.

Все стеръ и начинаю снова.
Я выбралъ образцомъ
Елену, въ пышности покрова,
Въ алмазахъ и съ вѣнцомъ.
Тожъ выраженья благородство,
Какъ и въ чертахъ твоихъ:
Но погляжу—опять нѣтъ сходства,—
Не стало силъ моихъ.

* * *

Такъ! видно мысль одна дерзаетъ
Постичь красу твою:
Предъ совершенствомъ повергаетъ
Искусство кисть свою.
Амуръ всего удачнѣй пишетъ
Въ сердцахъ твой милый видъ,
А страсть, которой сердце дышитъ,
Навѣкъ его хранитъ.

Илличевскій.

Пушкинъ: Отрывки изъ стихотворенія „Сонъ".

На смерть Державина [1]).

Державинъ умеръ! чуть факелъ погасшій дымится, о Пушкинъ!
О Пушкинъ! нѣтъ ужъ великаго! Музы надъ прахомъ рыдаютъ;
Ихъ кудри упали, развитыя, въ безпорядкѣ на грудь;
Ихъ персты по лирамъ не движутся, голосъ (въ устахъ исчезаетъ),
Амура забыли печальныя; съ цѣпью цвѣточною скрылся
Онъ въ дикомъ кустарникѣ, слезы катятся по длиннымъ рѣсницамъ.
Забросилъ онъ лукъ, и въ молчаньи стрѣлу о колѣна ломаетъ.
Мохнатой ногой растопталъ свирѣль семиствольную богъ Панъ;
Вѣнчанъ осокою ручей убѣжалъ отъ повергнутой урны,
Гдѣ Бахусъ на тигрѣ съ толпою Вакханокъ и древнимъ Силеномъ
Изсѣченъ на мраморѣ; тина лѣется изъ мраморной урны.
И Нимфа, на брегѣ сидя, ужъ не плещетъ въ подругу струею.

* * *

[1]) Державинъ скончался 9 іюля 1816 г. Пьеса эта, замѣчательная по пророческому сопоставленію Д—на и юноши Пушкина, была написана вѣроятно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой смерти. Это стихотвореніе имѣется и въ спискѣ (неизвѣстной руки) на листахъ съ лицей, стихами I курса, о которой см. стр. 196 и др. Я. К. Гротъ отмѣтилъ въ выноскѣ: „Сколько мнѣ извѣстно, это стихотвореніе нигдѣ еще не было напечатано". Онъ самъ впослѣдствіи впервые напечаталъ его въ IX томѣ своего изданія „Сочиненій Державина", стр. 550—552. О восторженномъ отношеніи Дельвига къ Державину см. тамъ же, т. VIII, стр. 272—73.

Державинъ умеръ! чуть факелъ погасшій дымится, о Пушкинъ!
О Пушкинъ! нѣтъ ужъ великаго! Музы надъ прахомъ рыдаютъ.
Веселье въ Олимпѣ. Вулканъ хромоногій подноситъ безсмертнымъ
Амврозію, Нектаръ, Зевесовъ прелестный любимецъ,
И каждый безсмертный вкушаетъ съ Амврозіей сладостный Нектаръ.
И отвратясь улыбается Марсу Венера. И вижу
Въ восторгѣ я васъ, полубоги Россіи! Шумящей толпою,
На копья склонясь, ожиданье на челахъ, въ безмолвьи стоите,
И вотъ повернулъ сѣдовласый Кронъ часы, и пресѣкли
Суровыя парки священную нить, и восхитилъ къ Олимпу
Священную тѣнь Аполлонъ, при сладостной пѣсни безсмертныхъ.

* * *

Державинъ! Державинъ! хвала возвышеннымъ поэтамъ! возстаньте,
Безсмертные! Угостите безсмертнаго! Юная Геба!
Омой его очи водою Кастальскою! Вы, Хариты!
Кружитесь, пляшите подъ лиру Державина. Долго не зрѣли
Небесные утѣшенья земли и Олимпа святого Піита!
И Пиндаръ узналъ себѣ равнаго, Флакъ—философа-брата
И Анакреонъ нацѣдилъ ему въ кубокъ пылающій Нектаръ.
Веселье въ Олимпѣ! Державинъ поетъ Героевъ Россіи!

* * *

Державинъ умеръ! чуть факелъ погасшій дымится, о Пушкинъ!
О Пушкинъ! нѣтъ ужъ великаго! Музы надъ прахомъ рыдаютъ!
Вотъ прахъ вѣщуна, вотъ лира виситъ на вѣтвяхъ кипариса!
При самомъ рожденьи пѣвецъ получилъ ее въ даръ отъ Эрмія,
Безсмертный уперся ногой натянуть на кругъ черепахи
Гремящія струны, и только въ часы небесныхъ восторговъ
Державинъ дерзалъ разсыпать по струнамъ бѣгущіе персты.

* * *

Кто жъ нынѣ посмѣетъ владѣть его громкою лирой? Кто, Пушкинъ,
Атлетъ молодой, кипящій летѣть по шумной аренѣ,
Въ порывѣ прекрасной души ее свѣжимъ вѣнкомъ увѣнчаетъ?
Молися Каменамъ! И я за друга молю васъ, Камены!
Любите младого пѣвца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный умъ, окриляйте юные персты!
Но и въ старости грустной пускай онъ пріятно по лирѣ,
Гремящей сперва, ударяя, уснетъ исчезающимъ звономъ.

Бар. Дельвигъ.

Пушкина: Принцу Оранскому; Къ Дельвигу, еще: Къ Дельвигу; Фіалъ Анакреона; Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ; Сновидѣніе (изъ Вольтера).

Въ альбомъ Малиновскому.

Мой другъ! въ пути сей жизни Богу
Послать угодно было намъ
Двѣ милыхъ спутницы въ дорогу
И двѣ помощницы трудамъ.

* * *

Одна влечетъ насъ за собою,
Мы отъ прелестной ни на часъ,
Другая нѣжною рукою
Въ пути поддерживаетъ насъ.

* * *

Съ одной мы дѣлимъ радость нашу,
Съ другой несемъ печалей гнетъ;
Одна намъ льетъ веселье въ чашу,
Другая утѣшенье бѣдъ.

* * *

Когда жъ усталымъ намъ положитъ
Судьба окончить трудный путь,
Одна намъ мягкій одръ разложитъ,
А та пособитъ взоръ сомкнуть.

* * *

Одна надъ свѣжею могилой
Посадитъ кустъ минутныхъ розъ,
Другая—кипарисъ унылой,
И окропитъ росою слезъ.

* * *

Веди ты съ ними дни златые,
Будь надъ тобой ихъ вѣрный кровъ.
Кто жъ эти существа благіе?
Ихъ имя: *Дружба* и *Любовь*.

Илличевскій.

Пушкина: Въ альбомъ Илличевскому.

Въ альбомъ Илличевскому.

Прощай, товарищъ въ классѣ!
Товарищъ за перомъ!
Товарищъ на Парнасѣ!
Товарищъ за столомъ!
Прощай, и въ шумѣ свѣта
Меня не позабудь,
Не позабудь поэта,
Кому ты первый путь,
Путь скользкій, но прекрасный,
Путь къ музамъ указалъ.
Хоть къ новизнамъ пристрастный
Я часто отступалъ
Отъ старорусскихъ правилъ,
Ты въ путь меня направилъ,
Ты мнѣ сказалъ: пиши,
И грѣхъ съ моей души—
Зарѣжу ли Марона,
Измучу ли себя—
Рѣшеньемъ Аполлона
Будь сваленъ на тебя.

Кюхельбекеръ.

Въ альбомъ Илличевскому [1]).

Пока поэтъ еще съ тобой,
Онъ можетъ просто, не стихами,
Съ твоей бесѣдовать судьбой,
Открытой предъ его глазами.
Но ужъ пророчественный гласъ
Мнѣ предсказалъ дрȳзей разлуку,
И рокъ въ таинственную руку
Ужъ забралъ жребіи для насъ.
Готовься жъ слушать предвѣщанье,
Страшись сей груди трепетанья

[1]) Эта пьеса впервые напечатана В. П. Гаевскимъ въ статьѣ о Дельвигѣ, „Современникъ“, 1853, т. 39, стр. 26—27; имѣется и въ Собраніи сочиненій бар. Дельвига, и отнесена къ 1817 г.

И безпорядка сихъ власовъ!
Все, все грядущее открою!
Читай:—написаны судьбою
Вотъ строки невидимыхъ словъ:
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Дельвигъ.

Пушкина: „Боже, Царя Храни!“.

Въ отдѣлѣ „Изъ напечатанныхъ стихотвореній“ находимъ всего 8 стихотвореній. Это извлеченіе переписчикъ (Я. К. Гротъ) тогда-же (въ 1833 г.) сопроводилъ такимъ замѣчаніемъ: „Стихотвореній 1-го курса, напечатанныхъ еще во время пребыванія онаго въ Лицеѣ—до 60,—ихъ можно найти въ разныхъ современныхъ журналахъ. Нѣкоторыя пьесы написаны были въ Лицеѣ, но напечатаны гораздо позже“.

Вотъ оглавленіе этихъ восьми пьесъ, выписанныхъ Я. К.:

Мертвый—Живому. Кюхельбекера.
Пѣснь Лапландца. Его-же.
Къ больному Горчакову. Дельвига.
Къ Батюшкову — *Пушкина.*
Роза. Илличевскаго.
Зима. Кюхельбекера.
Кофе. Его-же.
Кюхельбекеру. *Пушкина.*

Приводимъ стихотворенія Кюхельбекера и Илличевскаго, какъ не вошедшія въ изданія ихъ произведеній, а также Дельвига.

2. Изъ напечатанныхъ стихотвореній.

Мертвый—Живому.

Сажень земли—мое стяжанье,
И тѣсенъ молчаливый домъ,
И ненасытное желанье
Усыплено подъ симъ холмомъ;
И спитъ страданье и веселье
И тихо все въ угрюмой кельѣ.

* * *

Прохожій! жизни сей стязами,
Какъ ты, и я подобно текъ,
И я кропилъ свой путь слезами,
И я провелъ въ мечтахъ свой вѣкъ,
И для меня съ улыбкой счастье
Смѣняло иногда ненастье.

* * *

Я текъ и цѣль передъ очами
Еще мелькала вдалекѣ,
Я быстрыми спѣшилъ стопами;
Но смерти въ гибельной рукѣ
Коса сверкнула—и могила
Мое стремленье прекратила.

* * *

Герой, побѣдой вознесенный,—
Чье имя, какъ небесный громъ,—
И богъ земной, и рабъ презрѣнный,
Всѣ лягутъ въ молчаливый домъ.
Исчезнетъ блескъ, какъ свѣтъ зарницы,
И гордыя падутъ гробницы.

* * *

Конецъ могущества и славы,
Послѣдній пышности предѣлъ!
Что здѣсь вѣнецъ, что мечъ кровавый,
И что здѣсь откликъ громкихъ дѣлъ?
Хвала не тронетъ спящихъ слуха,
И гимнъ до ихъ не дойдетъ уха.

* * *

Дитя забудется игрою,
Примчится вслѣдъ за мотылькомъ,
И съ камня слабою рукою
Гордящійся столкнетъ шеломъ,
Покатитъ, взглянетъ и оставитъ
И рѣзко вдаль шаги направитъ.

* * *

О, вы, хвалящіесь познаньемъ,
Умомъ, искусствомъ, остротой!
Не увлекайтеся мечтаніемъ,
Не ослѣпляйтесь суетой!
Я мыслилъ, разсуждалъ, трудился;
Но ахъ, сырою мглой покрылся!

* * *

И мой смущали взоръ печали;
Восторга пламень въ немъ свѣтлѣлъ,
Любовью перси трепетали,
И въ сердцѣ дружбы огнь горѣлъ;
Онѣ погасли, охладѣли,
Надъ ними тѣнь надгробной ели!

* * *

Взирай на сей, прохожій, камень!
Подъ нимъ мой мирный тлѣетъ прахъ,—
Взирай, и твой потухнетъ пламень:
Тебѣ ко мнѣ единый шагъ;
Вотъ гробъ, изрытый подъ ногою,—
Онъ ждетъ сомкнуться надъ тобою.

* * *

О Пилигримъ! здѣсь край отчизны:
Учись, учися умирать!
Блаженъ, кто путь свершая жизни,
Не престаетъ на смерть взирать!
Онъ тлѣнье сотрясетъ могилы,
Какъ юный фениксъ златокрылый.

Кюхельбекеръ.

(Амфіонъ, 1815 г.).

Пѣснь Лапландца. [1])

Возвратись скорѣе, Зами!
Гдѣ возлюбленны красы?
Хладно Сѣвера дыханье,
Грозно моря колебанье,
Ледъ сковалъ мои власы.

* * *

Ты напрасно убѣгаешь—
Я любовью окрыленъ!
Быстрый токъ шумитъ съ утеса,
Воетъ волкъ во мракѣ лѣса,
Путь мятелью занесенъ.

* * *

---

[1]) На это стихотвореніе кѣмъ-то изъ лицеистовъ сочинено двустишіе:

„Пегасъ, навьюченный лапландскими стихами,
Натужился—и выскочила „Зами“.

(см. Записка М. А. Корфа у Грота „Пушкинъ“, стр. 245).

Не страшусь—мой лукъ натянутъ,
Чутокъ вѣрный мой олень,
Волны раздѣлю рукою:
Зами образъ предо мною—
Я любовью оживленъ.

* * *

Съ высоты угрюмой сосны
На долину брошу взоръ:
Не узрю-ль тебя въ долинѣ?
Пронесуся по пустынѣ,
Протеку вершины горъ.

* * *

Хрупкій листъ стряхну съ березы,
И тростникъ ногой стопчу:
Онъ не скроетъ милой Зами
И за бурными морями,
Всюду Зами я сыщу.

* * *

Ночь приблизилась съ зимою,
Ужъ подъ снѣгомъ спитъ медвѣдь;
Вкругъ огней всѣ улеглися,
И разсказы началися,
И плетутъ дружнѣе сѣть.

* * *

Возвратись и ты, о Зами!
Гдѣ возлюбленны красы?
Хладно Сѣвера дыханье,
Грозно моря колебанье
Ледъ сковалъ мои власы.

Кюхельбекеръ (Тамъ же).

Къ больному Горчакову [1]).

Здравія полный фіалъ Игея сокрыла въ туманѣ;
Рѣзвый Эротъ и Хариты съ тоскою бѣгутъ отъ тебя:
Блѣдная тихо Болѣзнь на ложе твое наклонилась,
Стонъ смѣняется стономъ, моленьемъ друзей тишина.

* * *

[1]) Было напечатано вцервыя въ „Россійскомъ Музеумѣ“ за 1815 г., ч. II, стр. 25.

Тщетно ты слабую длань къ богинѣ младой простираешь,
Тщетно: не внемлетъ Игея, и утѣшительный взоръ
Отвратила съ унынъемъ. И скорбь надъ тобой изливаетъ
Съ колкой улыбкою злобы, болѣзни и скуки сосудъ.

* * *

Юноша! что не созовешь веселій и остраго Мома.
Съ ними Эротъ и Хариты къ тебѣ возвратятся толпой;
Лирой, звенящею радость, отгонятъ болѣзни и скуку.
И опрокинутъ со смѣхомъ цѣлебный фіалъ на тебя.

* * *

Дружба дастъ помощи руку, Вакхъ оживитъ твои силы;
Сердце свое возвратитъ и невинность дѣвица-краса,
Съ трепетомъ тайнымъ къ тебѣ прижимаяся нѣжною грудью...
И поцѣлуй увѣнчаетъ блаженное время любви.

Дельвигъ (Росс. Музеумъ 1815).

Къ Батюшкову—Пушкина.

Роза.

Роза на брегу потока
Съ юною цвѣла весной,
И глядясь въ прозрачность тока,
Восхищалась такъ съ собой.
„Всѣхъ прелестнѣе красою
Я царица сихъ луговъ:
Кто теперь моей судьбою
Не польстится изъ цвѣтовъ.
„Каждымъ днемъ, едва денница
Сводъ небесный озлатитъ,
Рѣзвыхъ мотыльковъ станица
На поклонъ ко мнѣ летитъ.
„Я пчелѣ вокругъ жужжащей
Соты сладкіе даю,
И средь рощицы шумящей
Ароматы въ воздухъ лью.
„Мной гордится вся округа
Мною пестрый лугъ цвѣтетъ,
Я Зефирова подруга—
Мнѣ подобной въ мірѣ нѣтъ!

О блаженство! если взоры
Мнѣ ручей не обольстилъ,
На груди безсмертной флоры
Умереть мнѣ рокъ судилъ".
И умолкла. Вдругъ повѣялъ
Перелетный вѣтерокъ,
Онъ листы ея разсѣялъ
И унесъ съ собой въ потокъ.
И умчали волны въ море
Прелесть гордаго цвѣтка,
И увы! не стало вскорѣ
Ни пчелы, ни мотылька!
Лишь ручей въ своемъ кристалѣ
Непрестанно кажетъ ей
Настоящія печали
И красу прошедшихъ дней.
Но явимъ открыто лица:
Что есть время?—ручеекъ!
Роза?—гордая дѣвица,
А любовникъ?—мотылекъ?

Илличевскій (Кабинетъ Аспазіи 1815).

З и м а.

Бродятъ взоры мои по нѣмой, унылой пустынѣ;
Смерть въ увядшей душѣ; все мертво въ безмолвной природѣ;
На вѣковой соснѣ завыванію бури внимаетъ
Пасмурный вранъ.

* * *

Сердце заныло во мнѣ; я средь думъ унылыхъ забылся:
„Спитъ на горахъ человѣкъ и грезы тяжелыя видитъ!"
Я прошепталъ: ...и только скорбь иногда прилетаетъ
Душу будить.

* * *

„Шумная радость мертва; бытіе въ единой печали,
Въ горькой любви и въ плачѣ живомъ и въ раздавленномъ сердцѣ!"
Я задрожалъ: качаютъ сѣдыми вершинами ели,
Вѣтеръ свиститъ!

* * *

Всюду и холодъ и блескъ. Обнаженны древа и покрыты
Льдяной корой. Иду—не хруститъ у меня подъ ногою
Свѣтлый, безжизненный снѣгъ: бѣжитъ по сугробамъ тропинка
Въ бѣлую даль.

Кюхельбекеръ. (Нев. Зритель 1820; пис. въ 1816 г.).

К о ф е.

Пусть другіе громогласно
Славятъ радости вина:
Не вину хвала нужна!
Бахусъ, не хочу напрасно
Надъ твоей потѣть хвалой:
О, ты славенъ самъ собой.

* * *

И тебѣ въ ней пользы мало—
Даръ прямой самихъ боговъ,
Кофе, нектаръ мудрецовъ!
Но сколь многихъ воспѣвало
Братство лириковъ лихихъ,
Даже не спросясь у нихъ.

* * *

Жаръ, восторгъ и вдохновенье
Грудь исполнили мою;
Кофе—я тебѣ пою.
Вдаль мое промчится пѣнье,
И узнаетъ цѣлый свѣтъ,
Какъ тебя любилъ поэтъ.

* * *

Я смѣюся надъ врачами!
Пусть они бранятъ тебя,
Ревенемъ самихъ себя
И латинскими словами
И пилюлями морятъ—
Пусть имъ будетъ кофе—ядъ.

* * *

О напитокъ несравненный!
Ты живишь, ты грѣешь кровь,
Ты отрада для пѣвцовъ!
Часто, рифмой утомленный,
Самъ я въ руки чашку бралъ,
И восторгъ въ себя вливалъ.

Кюхельбекеръ (тамъ-же).

Кюхельбекеру (1817)—Пушкина.

Рядомъ со сборниками лицейскихъ стихотвореній сохранились еще среди остатковъ архива I-го курса — стихотворные опыты и наброски тѣхъ же главныхъ лицейскихъ поэтовъ (не говоря здѣсь о Пушкинѣ), именно Илличевскаго, Дельвига и Кюхельбекера—на отдѣльныхъ листкахъ, или даже обрывкахъ, случайно пощаженныхъ временемъ. Нѣкоторые изъ нихъ оказываются даже автографами пьесъ, помѣщенныхъ въ сборникахъ. Вообще это—почти все автографы. Большая ихъ часть дошла до насъ только въ этихъ уцѣлѣвшихъ оригиналахъ или спискахъ. Часть ихъ (именно пьесы Илличевскаго) сохранилась при письмахъ, съ которыми авторъ посылалъ ихъ своему другу.

Не ставя своей задачей критику и отборъ лучшаго, а считая своимъ долгомъ представить здѣсь *весь* сохранившійся матеріалъ (который въ своей совокупности и даетъ вѣрное понятіе о лицейской поэзіи, вообще о постепенномъ развитіи дарованія каждаго изъ авторовъ въ стѣнахъ лицея), я приведу здѣсь—въ дополненіе къ уже напечатаннымъ и описаннымъ выше произведеніямъ—все новое, дошедшее въ отдѣльныхъ спискахъ—съ перечисленіемъ уже извѣстнаго, чтобъ дать возможность правильно судить о сохранившихся итогахъ лицейскаго поэтическаго творчества каждаго изъ товарищей и собратьевъ Пушкина по музѣ [1]).

Начну съ Илличевскаго, какъ едва-ли не съ самаго (послѣ Пушкина) дѣятельнаго и плодовитаго лицейскаго стихотворца и считавшагося въ первое время „соперникомъ“ Пушкина.

---

[1]) Разумѣется, тутъ идетъ рѣчь лишь о стихахъ, дошедшихъ съ именами авторовъ. Почти все стихотворство въ лицейскихъ журналахъ—анонимно, иногда коллективно, и потому должно быть поставлено особо.

Стихотворенія Илличевскаго [1]).

Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ дать у значительной части его лицейскихъ пьесъ, мы не имѣемъ возможности распредѣлить ихъ всѣ въ болѣе или менѣе точномъ хронологическомъ порядкѣ. Лишь *приблизительный* хронологическій порядокъ предлагается въ каждой изъ трехъ группъ дошедшихъ до насъ стиховъ.

1. *Стихотворенія, приложенныя авторомъ къ его письмамъ къ Фуссу.*

Всѣ эти стихотворенія, числомъ 9, перенумерованные (на послѣдней страничкѣ каждаго) чернилами той же рукой, что отмѣтила и №№ самыхъ писемъ, т. е. по всей вѣроятности самимъ П. Н. Фуссомъ и, очевидно, по мѣрѣ полученія писемъ, т. е. въ хронологическомъ порядкѣ. Объ иныхъ изъ нихъ есть упоминанія и въ самыхъ письмахъ. Одно изъ нихъ („Ода на взятіе Парижа“) приведена уже мною въ отдѣлѣ стихотвореній на заданныя темы.

Акростихъ [2]).

Прошеніе твое днесь исполняю я,
Елико ты смѣшенъ, врядъ самъ ли чортъ возможетъ
Такимъ, каковъ еси, разрисовать тебя.
Разслабленный совсѣмъ, чуть дышитъ, еле ходитъ,
Отъ слабости чуть-чуть не падаетъ стоя,
Вѣрь мнѣ, какъ на тебя смотрю, то плачу я.

Эпиграмма [3]).

Гуляй, mon Prince, на что учиться!
Отъ книгъ бѣги, какъ отъ бѣды;
Развѣ должно надъ книгой биться?
Чортъ съ ней. Сіятельный вѣдь ты:
Алмазы, денежки имѣешь,
Какъ съ симъ чиновъ не получать?
Охота жъ въ Pension ѣзжать?—
Вѣдь ты parler Français умѣешь!

---

[1]) Печатая свои мелкія стихи въ 1827 г. подъ заглавіемъ „*Опыты въ антологическомъ родѣ*“ (Спб. 1827), Илличевскій не внесъ въ это изданіе ничего изъ извѣстныхъ его лицейскихъ пьесъ.

[2]) На оборотной сторонѣ листка помѣтка: № 1, 1811 г.—Имѣется въ виду какой-то *Петровъ*.

[3]) Эта и послѣдующія двѣ пьесы („Мальчикъ на столѣ“ и „Дубъ“) написаны на листкѣ маленькаго формата, на которомъ помѣтка: № 2, 1811 г.

Мальчикъ на столѣ.

Своей величинѣ ребенокъ удивлялся
На столикѣ, и тамъ съ весельемъ улыбался;
Но папенька его, услышавъ то, сказалъ:
Сойди-ка со стола, то будешь столько-жъ малъ.
Здѣсь мальчикъ богача того изображаетъ,
Который о себѣ излишнее мечтаетъ.

Дубъ.

Свирѣпый, бурный Аквилонъ,
Во время хладной, мрачной ночи
Вонъ вырвалъ дубъ большой, короче
Онъ доказалъ ему, сколь вѣтръ могущъ, силёнъ.
Съ порывомъ вѣтра дубъ, упавши,
Собою малыя деревья поломалъ
И распростертъ на нихъ, какъ бы гигантъ, лежалъ,
Кой выбился изъ силъ, свою честь защищавши.
Лиса, которая нору свою имѣла
Оттоль не далеко, по утру дубъ узрѣла.
Ахъ, что за дерево! вскричала тутъ она,
Какая быть могла бъ тому вина,
Что я его, хотя частёхонько видала,
Но чтобъ столь велико оно было—не знала?

Дубъ [1]).

Свирѣпый Аквилонъ, во время бурной ночи,
Ревѣлъ въ лѣсу густомъ;
Деревья слабыя лишались скоро мочи
И падали на холмъ;
Одинъ лишь твердый дубъ, природу озирая,
Средь гибели всеобщей сей,
Борею угрожалъ, вѣтвями потрясая;
Сражался долго съ нимъ онъ крѣпостью своей,
Но, наконецъ, и самъ, всей твердости лишенный,
Упалъ,
И, среди рощи разрушенной,
Какъ грозный исполинъ, лежалъ.

[1]) На листкѣ помѣтка: № 3. 1812 г.; эта басня приложена къ письму (№ 3), отъ 25 апрѣля 1812 г.

Поутру ясный день, какъ прежде, возсіялъ;
Запѣли птичекъ хоры,
И звѣри дикіе, оставя мрачны норы,
Свѣтила яснаго спѣшили зрѣть восходъ.
Лисѣ случилось дубъ увидѣть на дорогѣ:
„Ахъ! вскрикнула она: хотя цѣню пороки
„И всѣ достоинства и всѣхъ обмановъ ходъ,
„Но я не думала, чтобы сей дубъ высокій
„Былъ такъ великъ—когда, каковъ на дѣлѣ есть.

Достоинства людей по смерти лучше знаютъ,
При жизни получить чтобъ похвалу иль честь,
Употребляютъ лесть,
По смерти лишь талантъ, какъ должно, уважаютъ.

Извини, другъ мой! другую пришлю послѣ [1]): я ее хочу поправить; правда и эта не слишкомъ хороша.

А. И.

Слѣдующая пьеса *„Ода на взятіе Парижа“* (съ помѣткой № 4, 1814 г.), сохранившаяся въ другомъ спискѣ съ исправленіями Кошанскаго, помѣщена уже выше среди стихотвореній на заданныя темы (стр. 130).

Цефизъ [2]).

(Идиллія, подражаніе Клейсту).

„Филинтъ! драгой Филинтъ! тебя ли обрѣтаю?
„Тебя ли ко груди въ восторгѣ прижимаю?
„О радость! счастіе! пребудь благословенъ
„Тотъ часъ, тотъ день,
„Пребудь минута та на вѣкъ благословенной,
„Въ который снова возвращенъ
„Ты дружбѣ и любви и родинѣ священной!
„Давно уже, давно отечески брега

---

[1]) Въ слѣдующемъ письмѣ Илличевскаго говорится: „Скажу тебѣ новость: намъ позволили теперь сочинять, и мы начали періоды: вслѣдствіе чего посылаю тебѣ 2 мои басни и желаю, чтобъ онѣ тебѣ понравились“.

[2]) На послѣдней страницѣ листа помѣтка: № 5. 1814 г.

„Оставилъ ты; давно ужъ мы тебя не зрѣли;
„И лѣта многія въ разлукѣ пролетѣли,
„И Крона быстраго нещадная рука
„На голову твою насыпала снѣга,
„Морщины на челѣ твоемъ напечатлѣла!...
„Но вотъ повѣялъ вѣтръ! вотъ роща зашумѣла!
„Она зоветъ тебя подъ тѣнь свою; приди,
„Вкуси покоя сладость,
„И силы спѣлыми плодами подкрѣпи,
„И позабудь на часъ свою унылу старость,
„Всѣхъ смертныхъ горестный удѣлъ!“
Такъ говорилъ Цефизъ, когда увидѣлъ друга,
Съ которымъ дни младенчества провелъ.
Возсѣдши посреди покрыта дерномъ луга,
На мягкомъ берегу прозрачнаго ручья,
Подъ корнемъ дерева, которое, склоня
Широки вѣтви надъ водами,
Питало странника обильными плодами
И въ долъ бросало тѣнь кудрявой густотой,
Друзья весь вечеръ проводили
Въ бесѣдѣ, въ радости: они счастливы были
Воспоминаніемъ... мечтой...
О сладкая мечта! не ты ли услаждаешь
Всю горесть нашихъ дней, не ты ли ихъ златишь?
Ты прошлое стократъ прелестнѣй представляешь
И настоящее тѣмъ сладостнѣй творишь.
Межъ тѣмъ на западѣ погасъ палящій день;
По легкимъ облакамъ лилась съ востока тѣнь,
И ночь влекла друзей къ покою.
Филинтъ съ дрожащею въ очахъ слезою
То дерево благословилъ,
Подъ коего гостепріимной тѣнью
Ограду счастія вкусилъ.
„Оно твое, Цефизъ воскликнулъ въ умиленьи:
„Оно твое, прими подарокъ сей, прими!
„Доколѣ буду живъ, труды и попеченье
„Я приложу о немъ! Ни зноя, ни зимы
„Не допущу къ нему, отъ бурь его укрою:
„Пусть осенью оно златою
„Подастъ тебѣ румяный плодъ!“.
Они разстались. Круглый годъ,
Какъ быстрая рѣка, промчался:
Филинтъ скончался.

И дерево уже не для него
Плоды румяны приносило,
Не для него уже и солнце восходило!
Подъ корнемъ дерева того,
Гдѣ сладкій часъ они свиданья проводили,
Цефизъ гирляндами усыпалъ гробъ его
И предалъ персть его могилѣ;
И сѣвши на могильный холмъ,
Оплакалъ смерть его, но не жалѣлъ о немъ;
Ахъ! онъ завидовалъ Филину,
Завидовалъ въ душѣ своей:
Онъ дорбодѣтельно провелъ теченье дней,
И дорбодѣтельно наслѣдовалъ кончину!
Съ тѣхъ самыхъ поръ, едва луна
На небѣ голубомъ являлась,
Едва окрестная страна
Въ одежду мрака облекалась:
На гробъ Филинта поспѣшалъ
Цефизъ съ растроганной душою,
О другѣ тамъ воспоминалъ
И камень омочалъ слезою.
Когда-жъ не вѣялъ тихій вѣтръ
И листъ въ лѣсу не колыхался,
Нѣжнѣе лиръ изъ земныхъ нѣдръ
Какой-то голосъ раздавался...
Безвѣстный гласъ, священный стонъ:
Признательность, казалось, онъ
Несъ дружбѣ плачущей, стенящей и унылой
Во тьмѣ полунощи, надъ тихою могилой.
И небеса на плодъ Цефизовыхъ садовъ
Благословеніе излили;
И дружбы дерево отъ вѣтра и громовъ
И зноя осѣнили.
Творецъ, который все хранитъ,
Кто злыхъ и добрыхъ дѣлъ Свидѣтель,
Забудетъ ли когда достойно наградить
Признательность и добродѣтель?

Весенній Вечеръ [1]).

(Переводъ изъ III пѣсни: Le printemps d'un proscrit. Роёme de Michaud).

Летящій сонмъ часовъ въ теченьи увлекая,
Ужъ солнце катится, на западъ поспѣшая.
Уснувшій вѣтерокъ во глубинѣ холмовъ
Подъемлется, летитъ, порхаетъ межъ цвѣтовъ;
Тамъ вѣтви рощицы тѣнистой колыхаетъ
И росу на поля съ деревьевъ отряхаетъ,
Тутъ зеркало струитъ спокойныя рѣки
И клонитъ надъ водой шумящи тростники.
Примѣтно тѣнь ростетъ и небо тмится мглою.
О рощи тихія! убѣжище покою!
Примите странника подъ кровъ своихъ вѣтвей,
Да счастіе вкушу давнопрошедшихъ дней.
И да въ послѣдній разъ (о сладкая отрада!)
Внемлю пѣвцамъ лѣсовъ и реву водопада.
День умирающій съ вершины дальнихъ горъ
На юные цвѣты бросаетъ нѣжный взоръ.
Одѣты сумракомъ, окрестныя дубравы
Склонили надъ рѣкой верхи свои кудрявы;
И волны, разостлавъ обширность водъ своихъ,
Въ прозрачности зыбей изображаютъ ихъ.
Но блѣдный свѣтъ еще сквозь чащу проницаетъ;
Зазженное стекло пожара видъ являетъ;
И аспидъ, отразивъ блескъ солнечныхъ лучей,
Блестящей кажется лазурью для очей.
Но что? какое вдругъ божественное пѣнье
Приводитъ духъ въ восторгъ и сладкое забвенье?
Такъ! это ты поешь, пѣвецъ весеннихъ дней?
Твой гласъ пріятнѣе и трель твоя звучнѣй,
Когда подъ сѣнію рождающейся нощи
Къ гармоніи своей склоняешь холмы, рощи...
Въ безмолвіи межъ тѣмъ паукъ и тамъ и сямъ
Раскидываетъ сѣть по вѣтвямъ, по цвѣтамъ;
Пчела, плѣненная луговъ благоуханьемъ

---

[1]) Съ помѣткой: № 6, 1815 г.

И тихимъ вѣтерка гонимая дыханьемъ,
Летаетъ, носится, сбирая сладкій сокъ,
Съ листочковъ на листки, съ цвѣточка на цвѣтокъ;
То вдругъ, оставя ихъ, по воздуху кружится,
Послѣднимъ блескомъ дня желая насладиться,
Пустынный перепелъ въ тоскѣ подобно мнѣ
Унылымъ голосомъ приноситъ дань веснѣ.
Безъ друга горлица на деревѣ стенаетъ
И эхо дальнее о миломъ вопрошаетъ.
Кузнечикъ, притаясь въ зеленой муравѣ,
Стучитъ подъ листьями кустарника въ травѣ;
А кроликъ, вышедши изъ норки сокровенной,
Играетъ въ рощицѣ, росою окропленной;
Но вдругъ раздался громъ изъ густоты лѣска:
Несчастной жертвой сталъ искуснаго стрѣлка.
Когда, простершися по голубому своду,
Густая ночь покровъ опуститъ на природу,
Отъ суеты гонясь за новой суетой,
Градскіе жители шумящею толпой
Стремятся въ тѣ мѣста, гдѣ дѣйствіе искуства
Обворажаетъ взоръ и восхищаетъ чувства.
Тамъ тысяча вездѣ разставленныхъ огней
Напоминаютъ день, сокрытый отъ очей;
Тамъ сѣра загорясь, пурпуровой стезею,
Со трескомъ возносясь, стремится къ эмпирею,
Зажегши воздухъ весь, сверкаетъ въ облакахъ,
Гремитъ и сыплется въ безчисленныхъ звѣздахъ;
То вдругъ подъемлется блестящими столпами,
То вдругъ свергается лазурными волнами,
То кажется рѣкой, которая со скалъ
Катитъ со громомъ внизъ пылающій кристалъ.
Но ахъ! возможно ли сравнить сіе съ прелестной
Красою, коею блистаетъ сводъ небесной,
Когда въ часъ вечера на крыльяхъ вѣтерка
Колеблются грядой златыя облака?
Воображеніе на нихъ опочиваетъ;
Несчетны призраки оно изъ нихъ рождаетъ:
То сильнаго Царя, который весь (въ) огнѣ
Летитъ по небесамъ на пламенномъ конѣ;
То съ богомъ молніи Гиганта въ грозной брани,
Вознесша на Олимпъ свои могучи длани;
То пышные дворцы, то темные лѣса,
То цѣлы воинства, покрывши небеса,

Которыя, сразясь на облакахъ летящихъ,
Другъ въ друга сыплютъ огнь съ мечей своихъ блестящихъ.
О древній Оссіанъ! О Бардъ геройскихъ лѣтъ!
Къ коль сладостнымъ мечтамъ твой гласъ меня влечетъ!
Когда сѣдой туманъ, возставъ со дна пучины,
Широкой грудію возляжетъ на долины;
Ты, сѣвъ на мшистый холмъ подъ кровомъ ивъ густыхъ,
Поешь безсмертныя дѣла отцевъ своихъ.
Покрыло-ль облако вершину мрачна бора,
Ты зришь летящу тѣнь Фингала иль Тренмора;
Деревъ ли густоту вечерній вѣтръ потрясъ,
Ты слышишь плачущей Итоны томный гласъ;
Свистъ вѣтра, шумъ лѣсовъ, о берегъ бьющи волны,
Утесы дикіе, часъ полночи безмолвны,
Все, словомъ, все тогда родитъ въ душѣ твоей
Воспоминанія героевъ и вождей,
Сподвижниковъ твоихъ побѣдъ во дняхъ минувшихъ,
Давно въ сырой землѣ спокойнымъ сномъ уснувшихъ.
Кто можетъ подлинно безъ умиленья зрѣть
Сію простертую по небу мрака сѣть,
Сіе смѣшеніе сіянья съ темнотою,
Боренье солнечныхъ лучей съ вечерней мглою,
Свѣтъ умирающій на темѣ снѣжныхъ горъ,
Угрюмой синевой одѣтый дальній боръ,
Туманы по полямъ простерши влажны крыла
И западъ весь въ огнѣ и яркое свѣтило
Въ рубиновомъ вѣнцѣ, въ порфирѣ золотой,
И день, часъ отъ часу тонущій въ тьмѣ густой.

Иринъ [1]).

(Идиллія, подражаніе Клейсту).

Въ прекрасный лѣтній день, вечернею порой,
Возсѣвши въ легкій челнъ и сына взявъ съ собой,
По свѣтлу озеру, по водъ равнинѣ скляной,
Поплылъ сѣдой Иринъ ко ближнимъ островамъ,
Дабы въ густой тростникъ, шумящій по брегамъ,
Рыбачью кинуть сѣть. Межъ тѣмъ, въ дали туманной,

---

[1]) На задней обложкѣ цѣлой тетрадки, въ которую вписано это стихотвореніе, имѣется подпись (очевидно Фусса): *Neujahrsgeschenk.* № 7, 1815 г.

На самомъ западѣ румяная заря
Свѣтило дневное спѣшила скрыть въ моря.
Отъ зарева ея кругомъ пылала бездна,
И яркой полосой покрылись небеса.
„О! какъ страна сія волшебна и прекрасна!
„О, какъ божественна природы красота!“
(Воскликнулъ юноша, душою восхищенный,
Родителемъ своимъ изъ дѣтства наученный
Дивиться чудесамъ прелестнымъ естества,
Дивиться мудрости и славѣ Божества).
„Взгляни на лебедя: надменъ красой своею,
„Красивый бѣлизной, отваги гордой полнъ,
„Въ сіяньи златояркихъ волнъ
„Онъ, крылья распустя, согнувъ дугою шею,
„Плыветъ;
„Багряная струя за нимъ ложится въ слѣдъ.
„Но обрати глаза на вкругъ лежащи виды.
„Какое зрѣлище открылось предъ тобой!
„Тутъ холмы злачные, тамъ дикія стремнины,
„Здѣсь мягкой муравой одѣтыя долины,
„Тамъ роща темная, шумяща надъ рѣкой,
„Обворожаютъ взоръ и духъ плѣняютъ твой!
„А тамо вѣтерокъ прохладный и игривый
„Колеблетъ и гнететъ колосья тучной нивы,
„И жатва золотомъ струится, какъ волной;
„А тутъ высокіе утесы, возносящи
„Надменные хребты свои до снѣжныхъ тучъ,
„Зари блѣднѣющей и въ морѣ заходящей
„Послѣдній отражаютъ лучъ.
„О, несравненная и дивная картина!
„Природа щедрая! прекрасная Богиня!
„Не ты ль, не ты ль даришь намъ прелестью своей
„Златое счастіе и радость ясныхъ дней?“
— Ты правъ! ты правъ,—вѣщалъ Иринъ, прервавши сына:
Одна природа насъ счастливыми творитъ,
Коль свято честности уставы наблюдаемъ,
Страстямъ противимся, пороки побѣждаемъ,
Коль правда нашими устами говоритъ.
О сынъ! любезный сынъ! увы! быть можетъ, скоро
Оставлю я сей свѣтъ... и болѣ не узрю;
Оставлю и тебя, и во страну, въ которой
Награда ждетъ меня, душою воспарю:
Люби, мой другъ, люби святую добродѣтель,

Люби ее отца и матери нѣжнѣй!
Будь только добрыхъ дѣлъ содѣтель:
Съ веселымъ радуйся; съ печальнымъ слезы лей;
Для бѣдныхъ не жалѣй ни злата, ни совѣта;
Имѣешь малое, и малое отдай;
Трудомъ и ревностью содѣйствуй благу свѣта!
Но никогда себѣ награды не желай.
Сноси ты клеветы, обиды равнодушно,
Прощай врагамъ своимъ и помышляй о Томъ,
Кому на небесахъ и въ мірѣ все послушно,
Кто правитъ всѣмъ и кто премудръ и благъ во всемъ.
За правду, за Него ты не страшись гоненья;
Страшись однихъ позорныхъ дѣлъ.
Богатство, слава, честь не стоятъ попеченья:
Спокойство нашъ удѣлъ!
Спокойство лишь одно пріятно, вожделѣнно!
Такъ мыслилъ я всегда; такъ мысля, посѣдѣлъ;
Такъ мысля, цѣлый вѣкъ я свой провелъ блаженно!
Ужъ близокъ мой конецъ, ужъ восемьдесятъ кратъ
Природы видѣлъ я блистательный нарядъ,
И снова зрѣлъ луга, красы своей лишенны,
Увядшія поля и рощи обнаженны
Вкругъ хижины моей; но дни мои, веснѣ
Подобно золотой, промчались въ тишинѣ
На лонѣ радости, спокойствія и счастья...
Но ахъ!.. и юная весна не безъ ненастья!
Кто въ мірѣ роковыхъ ударовъ избѣжалъ?
Увы, давно ль, давно ль похитила судьбина
Другого у меня любезнѣйшаго сына?
Давно ли въ горести я слезы проливалъ?
Ахъ! для меня тогда и ясное свѣтило
Во тьмѣ являлося, во тьмѣ и заходило!
Давно ль, воспомню я, среди спокойныхъ волнъ
Меня внезапу вѣтръ и буря заставали
И въ гнѣвѣ ярыхъ силъ мой легкій, утлый челнъ
То вдругъ въ бездонну хлябь, то вдругъ до тучъ кидали?
Во мракѣ запада сверкалъ багровый лучъ,
И страшный громъ, гремя по ребрамъ черныхъ тучъ,
Изъ края въ край небесъ пылающихъ катился;
Сокрылись рыбъ стада морей во глубину;
Одинъ лишь я во мглѣ ревущихъ волнъ носился,
И каждую считалъ чудовищемъ волну,
И въ ужасѣ вездѣ лишь видѣлъ смерть одну!

Но Богъ въ знакъ тишины простеръ свою десницу;
Исчезли облака и яркую денницу
Явили въ небесахъ, и разъяренный валъ,
Ударясь о брега, въ послѣдній возстеналъ;
И воды, отразясь, блеснули жидкимъ златомъ,
Повѣялъ по волнамъ усталымъ тихій вѣтръ;
И рыбы, появясь игривымъ шумнымъ стадомъ
Изъ глубины морей, изъ тихихъ водныхъ нѣдръ,
Сребристой чешуей лоснясь, блестя, сверкая,
Взыграли въ радости по влагѣ голубой...
Все возвѣстило миръ, отраду и покой!
Прошедши ужасы и бѣдства забывая,
На солнце красное съ восторгомъ я взиралъ
И къ Богу, моему Спасителю, взывая,
Восхитился душой и слезы проливалъ...
Но вотъ уже меня могила ожидаетъ,
Могила, тихое пристанище пловцовъ!
Отрадно къ ней мудрецъ желанье простираетъ;
Онъ видитъ въ ней отъ бурь житейскихъ вѣрный кровъ,
Спокоенъ, радостенъ, безоблаченъ и ясенъ
Послѣдній будетъ часъ счастливыхъ дней моихъ;
Какъ утро вешнее, величественъ, прекрасенъ;
Какъ полдень лѣтнія погоды, свѣтлъ и тихъ,
О, старости моей отрада! сынъ безцѣнный!
Будь добродѣтели любитель неизмѣнный!
Да видя красоту души твоей благой,
Сойду въ безмолвный гробъ нетрепетной ногой!

При семъ, на грудь отца склоняся въ умиленьи,
Воскикнулъ юноша: „Нѣтъ! нѣтъ! родитель мой!
„Ты не умрешь еще: Святое Провидѣнье
„Тебя мнѣ сохранитъ въ отраду, въ утѣшенье“.
И слезы полились изъ глазъ его рѣкой.
Межъ тѣмъ на озеро спустилась почь со мглой,
И свѣтлая луна въ сіяніи багряномъ
Изъ моря выплыла, одѣтая туманомъ;
И старецъ, кинувъ сѣть по шумнымъ тростникамъ,
Спокойно полетѣлъ къ домашнимъ берегамъ.

Прошла весна и вновь она явилась въ полѣ;
Но старца мудраго ужъ не застала болѣ.
Давно ужъ нѣжный сынъ оплакалъ смерть его:
Какой-то дивный страхъ, какой-то хладъ священный
Онъ въ сердцѣ чувствовалъ, какъ скоро видъ безцѣнный
Ирина мудраго являлся предъ него.

Какъ заповѣди, чтилъ отцовски наставленья,
Какъ полевый цвѣтокъ, вдали отъ свѣта цвѣлъ,
И счастіе въ простой природѣ онъ обрѣлъ,
И неба на него сошло благословенье,
И цѣлый вѣкъ его подобился веснѣ,
Цвѣтущей въ радости и въ мирной тишинѣ.

Слѣдующая пьеса—два отрывка изъ комедіи въ 5 дѣйствіяхъ, переведенной съ французскаго—соч. du Cerceau *„Григорій или Герцогъ Бургундской“* [1]).

1) *Отрывокъ изъ комедіи*: **Григорій.**

(Дѣйствіе 1. Явленіе 2).

Валеръ, офицеръ и Карманьоль, слуга его (отрывокъ заключаетъ въ себѣ діалогъ этихъ 2-хъ лицъ) [2]).

2) *Второй отрывокъ изъ комедіи*: **Григорій.**

(Дѣйствіе 2. Явленіе 3).

Григорій, спящій въ креслахъ,—потомъ Оргонъ, придворный (отрывокъ побольше перваго; діалогъ двухъ названныхъ лицъ) [3]).

Мадагаскарскія пѣсни [4]).

I.

Побѣдитель.

Кто дерзкій вызвать смѣлъ на битву Ампанани?
Уже копье блеститъ въ его могучей длани—
Ужасенъ быстрый ходъ—ужасенъ, грозенъ взоръ.
Прелестный сынъ его, какъ кедръ зеленыхъ горъ,
Стремится вмѣстѣ съ нимъ, закону битвъ покорный.
О вѣтры бурные! щадите кедръ нагорный.

---

[1]) О ней и ея содержаніи и о своемъ переводѣ ея (предпріятіи, которое заставило потомъ автора жалѣть о потраченномъ трудѣ) Илличевскій подробно пишетъ Фуссу въ письмахъ отъ 28 ноября и 12 декабря 1815 г. См. выше.—Печатать эти отрывки не находимъ нужнымъ.

[2]) На листкѣ помѣтка: № 8, 1815 г.

[3]) На задн. страницѣ помѣтка: № 9, г. 1815 Тутъ же карандашомъ по-нѣмецки (вѣроятно Фуссомъ) набросанъ какой-то списокъ или оглавленіе (пьесъ ?).

[4]) Съ помѣткой въ концѣ: № 10, 1816 г.

Безчисленъ сонмъ враговъ—несмѣтна мочь его—
Но сильный вождь въ толпѣ лишь ищетъ одного;
Обрѣлъ—уже въ поляхъ крутится подвигъ брани.
Врагъ первый поразилъ ударомъ Ампанани,
Но Ампанани кровь безъ мщенья не течетъ:
Погибни, юноша, во цвѣтѣ славныхъ лѣтъ!

Погибъ—и въ строй враговъ помчалося смятенье,
Страхъ объялъ души всѣхъ и трепетъ всѣ сердца:
Такъ въ бурный часъ грозы колеблются лѣса.
Имъ бремя мечъ и щитъ—имъ бѣгство все спасенье,
Но смерть находитъ ихъ и средь родимыхъ стѣнъ—
И домы ихъ во прахъ и чады ихъ во плѣнъ!

И побѣдители съ полей войны кровавой
Текутъ въ домы свои съ веселіемъ и славой.
Добыча ихъ—стада отличныя волной,
Отвагой плѣнники и дѣвы красотой.
Повсюду слышенъ стонъ; Невинность, ты едина
Смѣешься всякой часъ—и въ узахъ властелина!

II.

Гостепріимство.

Цвѣтъ любови—Нагандова,
Прелесть сердца и очей!
Отведи сего младова
Гостя къ хижинѣ своей.

Не богатыми коврами
Ложе радости покрой,
Но весенними цвѣтами,
Равными тебѣ красой.

И со груди бѣлоснѣжной
Скинь стыдливости покровъ;
Пусть узритъ съ улыбкой нѣжной
Онъ въ глазахъ твоихъ любовь.

Если жъ пламенно желанье
Огнь зажжетъ въ его крови,
Сладко дай ему лобзанье
Съ тихимъ трепетомъ любви.

Если жъ онъ въ часъ томной лѣни
Скажетъ: время намъ заснуть!
Сядь къ нему ты на колѣни
И склонись лицомъ на грудь.

И пусть будетъ онъ счастливымъ,
Пусть твой будетъ сладокъ сонъ...
Но уже лучемъ стыдливымъ
Свѣтитъ утра небосклонъ,—

Встань, проснись, безпечна младость!
Долго ль счастью ждать конца?
Въ юношѣ блистаетъ радость,
Въ дѣвѣ томность и краса.

Къ этимъ посланнымъ авторомъ своему старому товарищу произведеніямъ слѣдуетъ присоединить рядъ стихотворныхъ обращеній Илличевскаго къ Фуссу въ самихъ письмахъ. (См. выше письма: 1-ое (9 февр. 1812 г.), 8-е (2 ноября 1814 г.), 9-ое (10 дек. 1814 г.), 10-е (25 февр. 1815 г.), 11-е (21 іюня 1815 г.) 13-е (22 сент. 1815 г. и 20-е (28 февр. 1816 г.)].

---

2. Въ листкахъ „Лицейской Антологіи“, сборникѣ, составленномъ самимъ Илличевскимъ, находятся нѣсколько мелкихъ его стиховъ (эпиграммы), въ своемъ мѣстѣ приведенныя: *„Куда спѣсивъ учтивый Брутъ“*, *„На музыканта“*, *„Еще на Пучкову“* („Зачѣмъ объ инвалидной долѣ“). Ему же вѣроятно принадлежатъ: *Двустишіе* („Ты знаешь: этого урода“) и *„Другое Завѣщаніе“*.

Въ Матюшкинской тетради помѣщены тѣ же двѣ эпиграммы: „На музыканта“ и „На Пучкову“.

Въ тетрадяхъ Грота помѣщены—въ отдѣлѣ „ненапечатанныхъ“ пьесъ: 1. Надежда. 2. Перерожденіе. 3. Отъ живописца. 4. Въ альбомъ Малиновскому. Въ отдѣлѣ напечатанныхъ: „Роза“ (въ „Кабинетѣ Аспазіи“ 1815 г.).

Нельзя не вспомнить здѣсь еще объ одномъ изъ самыхъ раннихъ (быть можетъ, одномъ изъ первыхъ) стихотвореніи Илличевскаго, помѣщенномъ въ 1-мъ лицейскомъ журналѣ (1811 г.) „Вѣстникъ“ подъ названіемъ *„Сила времени“*, которое читатель найдетъ ниже въ отдѣлѣ „журналовъ“.

Наконецъ отдѣльно, сохранилось еще среди смѣси лицейскихъ стиховъ нѣсколько маленькихъ пьесъ, принадлежащихъ также къ

самымъ раннимъ опытамъ Илличевскаго (вѣроятно, еще 1811 года) и писанныхъ тѣмъ же дѣтскимъ почеркомъ, что̀ и первые его стихи (1811—12 г.), посланные при письмахъ къ Фуссу.

Стихотвореніе *„Добродѣтель“* съ отзывомъ Кошанскаго было уже напечатано выше. Другія два безъ подписи, но по почерку—ему принадлежащія, слѣдуютъ здѣсь. Оба они безъ заглавія, а въ первомъ узнаемъ франц. пьесу, переводомъ которой отличился Кюхельбекеръ въ ж. „Вѣстникъ“ (ниже, стр. 247)[1]).

1.

Звонящій колоколъ, всеобщій ужасъ, страхъ
Влечетъ къ себѣ народъ разсѣянный въ лѣсахъ.
Воззри, великій Богъ, на сонмы ихъ прослящи
Въ моленьи искренномъ за всѣ труды наградъ.
Прости имъ. Но, увы, вдругъ ниспадаетъ градъ
И побиваетъ ихъ класы въ поляхъ лежащи.

2 [2]).

Лѣто, знойна дщерь природы
Идетъ къ намъ въ страну;
Жаръ несносный, съ блѣднымъ видомъ,
Слѣдуетъ за нимъ.
Весна убѣгаетъ изъ нашихъ полей;
Зефиры, утѣхи толпятся за ней;
Все, что ни было красой, все бѣжитъ;
Рѣка изсыхаетъ, ручей не журчитъ,
Цвѣтъ пріятный травъ зеленыхъ
Блекнетъ на лугахъ;
Тѣнь прохладна ужъ не въ силахъ
Насъ отъ зноя скрыть.

---

[1]) Есть въ бумагахъ еще пьеса *„Гроза“*, съ именемъ Илличевскаго (въ концѣ въ скобкахъ): она писана очень дурнымъ и нетвердымъ почеркомъ, и съ поправками—несомнѣнно Илличевскаго. Основной почеркъ нельзя не признать за почеркъ Кюхельбекера, а потому и относимъ ее къ стихотвореніямъ этого послѣдняго.

[2]) Эта пьеса Илличевскаго, принадлежащая повидимому къ болѣе позднему періоду, вошла въ число „національныхъ пѣсенъ“ (она помѣщена въ этомъ разрядѣ въ журн. „Мудрецъ-поэтъ“, см. ниже) и была очень популярна. О ней читаемъ въ протоколѣ лицейской годовщины 1828 г., писанномъ рукою Пушкина: „Пѣли извѣстный лицейскій пэанъ: Лѣто, Знойна. NB. Пушкинъ-Французъ открылъ и согласилъ съ нимъ соч. Олосенька, что должно вмѣсто общеупотребительнаго припѣва „лѣто знойно“ пѣть, какъ выше означено“ (т. е. относя *знойна* къ „дщерь“).

Но кинемъ всю горесть: все идетъ чредой:
Жаръ лѣтній, хладъ зимній, пріятства весной.
Богъ внемлетъ и дождю ниспасть повелитъ,
Чтобъ воздухъ отъ вредныхъ паровъ освѣжить.

Общая характеристика Илличевскаго была дана мною выше. Какъ лицейскій поэтъ, живой и веселый товарищъ, отличавшійся остроуміемъ и находчивостью, какъ отличный рисовальщикъ-иллюстраторъ и каррикатуристъ лицейскихъ журналовъ, Илличевскій пользовался среди товарищей большой популярностью и общими симпатіями.

Въ бумагахъ I-го курса сохранились стихи—„*Хоръ по случаю дня рожденія А. Д. Илличевскаго*“ неизвѣстнаго автора (Дельвига или Кюхельбекера?) и неизвѣстнаго года, переписанные каллиграфически (не самимъ ли Илл—мъ?) на толстой синей бумагѣ, въ 4-ку, въ которыхъ прославляется (понятно, сверхъ мѣры) поэтическій даръ Илличевскаго. Приводимъ эти стихи [1]).

Хоръ

по случаю дня рожденія почтеннаго поэта нашего Алексѣя Деміановича Илличевскаго.

Хоръ.

Слава, честь лицейскихъ музъ,
О, безсмертный Илличевскій!
Межъ поэтами ты тузъ!
Всѣ гласятъ тебѣ лицейски
Крикомъ радостнымъ: „виватъ!
Ты родился—всякій радъ!“

Пѣвецъ.

Ты родился, и поэта
Новаго увидѣлъ міръ,
Ты рожденъ для славы свѣта,
Межъ поэтовъ—богатырь!
Пой, чернильница и перья,
Лавка, губка, мѣлъ и столъ,
У него всѣ подмастерья,
Мастеровъ онъ превзошелъ!

---

[1]) Оригиналъ подаренъ мною Лицейск. Пушкинск. Музею 19 марта 1903 г.

Хоръ.

Слава, честь лицейскихъ музъ,
О безсмертный Илличевскій!
Межъ поэтами ты тузъ!
Всѣ гласятъ тебѣ лицейски
Крикомъ радостнымъ: „виватъ!
Ты родился—всякій радъ!“

Пѣвецъ.

Ты родился—эпиграммы
Полились на весь народъ;
Глупыя, слезливы драмы,
Куча громкихъ, мерзкихъ одъ,
Враль-поэтъ и пустомеля,—
Стали свѣту всѣ смѣшны...
Онъ вѣдь посрамилъ Гезеля,
Хуже въ одахъ сатаны!

Хоръ.

Слава, честь лицейскихъ музъ,
О, безсмертный Илличевскій, и проч.

Пѣвецъ.

Благодарностью возженны,
Лавры мы, друзья, возьмемъ!
Увѣнчаемъ!—при вселенной
Пѣснь ему мы воспоемъ:
Да продлится вѣкъ поэта
Милліонъ милліоновъ лѣтъ
Онъ рожденъ для славы свѣта,
Онъ есть истинный поэтъ!!

Хоръ.

Слава, честь лицейскихъ музъ,
О, безсмертный Илличевскій!
Межъ поэтами ты тузъ!
Всѣ гласятъ тебѣ лицейски
Крикомъ радостнымъ: „виватъ!
„Ты родился—всякій радъ!“

Стихотворенія бар. Дельвига.

О Дельвигѣ, его біографіи, его лицейскихъ годахъ и дружбѣ съ Пушкинымъ, о его лицейскомъ творчествѣ писано довольно много [1]) и останавливаться здѣсь на всѣхъ этихъ предметахъ и на характеристикѣ поэта не входитъ въ нашу задачу, состоящую лишь въ томъ, чтобъ извлечь изъ матеріаловъ лицейской поэзіи, имѣющихся въ нашихъ рукахъ, и перечислить все, принадлежащее перу бар. Дельвига [2]).

По недостатку данныхъ мы и относительно Дельвига не можемъ соблюсти общей сколько-нибудь точной хронологіи въ нашемъ перечнѣ, и представляемъ какъ приведенное уже выше, такъ и оставшееся еще—по группамъ, соотвѣтствующимъ нашимъ рукописнымъ источникамъ. Начнемъ съ перечня выше напечатанныхъ пьесъ (въ сборникахъ).

Въ *Матюшкинской* тетради: „Къ Амуру"; „Богиня Тамъ и Богъ Теперь"; „Цефизъ"; „Близость любовниковъ"; „Къ переводчику Діона"; „Надпись на мой портретъ" (эта пьеса также въ „Антологіи" Илличевскаго); „Тріолетъ Кн. Горчакову".

Въ *тетрадяхъ Грота*: Отд. ненапечатанныхъ стих.: „Тихая жизнь"; „Подражаніе I псалму"; „Застольная пѣснь"; „Того ужъ нѣтъ"; „На смерть Державина"; „Въ альбомъ Илличевскому". Отд. напечатанныхъ: „Къ больному Горчакову".

Кромѣ этихъ стихотвореній, вошедшихъ въ сохранившуюся у насъ часть лицейскихъ сборниковъ, въ остаткахъ лицейскихъ бумагъ сохранился на отдѣльныхъ листкахъ еще рядъ пьесъ Дельвига, частью уже извѣстныхъ, частью—сколько мы знаемъ—не попадавшихъ еще въ печать, въ большинствѣ въ спискахъ руки не Дельвига, а его товарищей.

Приведемъ здѣсь всѣ, въ виду того, что бывшія уже въ печати являются здѣсь въ первоначальной редакціи, да и числомъ

---

[1]) Самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ изслѣдованіемъ о Дельвигѣ и его поэзіи, служившимъ главнымъ источникомъ и пособіемъ для всѣхъ позже о немъ писавшихъ, остаются пока извѣстныя статьи В. П. Гаевскаго—„Дельвигъ" (по поводу Смирдинскаго изданія его сочиненій) въ „Современникѣ" 1853 г., томы 37 и 39; 1854 г., т. 43 и 47.

[2]) Дельвигу, такъ рано умершему (1831 г.), при всей его трогательной привязанности къ Лицею и ко всему лицейскому, не довелось оставить сколько-нибудь существенныхъ воспоминаній и свидѣтельствъ о Лицеѣ. За то благопріятнымъ обстоятельствомъ для ознакомленія потомства съ поэзіей самого Дельвига (между прочимъ и лицейской) было то, что послѣ смерти Д. сохранилось три тома рукописей его, подаренныхъ авторомъ Плетневу, который передалъ ихъ Гаевскому („Современ." 1853 г., т. 39), и ими пользовались и другіе издатели.

ихъ немного. Нѣсколько изъ нихъ придется, впрочемъ, только перечислить, такъ какъ ихъ нынѣ не достаетъ въ нашемъ собраніи [1]).

Достаточно будетъ также только назвать здѣсь тѣ пьесы, которыя сохранились въ отдѣльныхъ спискахъ, но вошли (въ той же редакціи) въ одно изъ выше напечатанныхъ уже собраній. Таковы пьесы:

Подраженіе I-му псалму.

Листокъ синей бумаги, автографъ Илличевскаго; подъ заглавіемъ написано въ скобкахъ и зачеркнуто: *Ода Ипполиту*. Подпись Дельвига собственноручная.

На смерть Державина.

На большомъ листѣ (съ двумя другими пьесами того же автора: Цефизъ и Перемѣнчивость) — неизвѣстнаго (лицейскаго) почерка.

Цефизъ (Идиллія) — на томъ-же листѣ [2]).

Среди всѣхъ имѣющихся у насъ списковъ стихотвореній Дельвига, единственнымъ *его автографомъ* является извѣстная сочиненная на А. Е. Измайлова

Пародія на „Смальгольмскаго Барона“ Жуковскаго [3]).

До разсвѣта поднявшись, извозчика взялъ
Александръ Ефимычъ [4]) съ Песковъ
И безъ отдыха гналъ отъ Песковъ чрезъ каналъ
Въ желтый домъ, гдѣ живетъ Бирюковъ;

---

[1]) Нѣсколько листковъ съ этими пьесами (впрочемъ почти все извѣстными) были давно какъ-то даны кому-то изъ интересовавшихся на просмотръ. Не знаю, были ли они возвращены, но затѣмъ въ коллекціи моей ихъ не оказалось.

[2]) Эти большіе листы, какъ и другіе, имъ подобные съ копіями стихотвореній Пушкина принадлежали какой-то цѣлой тетради-сборнику (больш. форм. съ золотымъ обрѣзомъ), исписанной неизвѣстнымъ намъ почеркомъ. Они попали къ Я. К. тоже отъ Матюшкина.

[3]) Издатель „Благонамѣреннаго“ А. Е. Измайловъ, у котораго еще въ 1818 г. были напечатаны 2 пьесы Дельвига, вообще былъ нерасположенъ къ молодымъ поэтамъ новой школы („литературнымъ баловнямъ“, какъ онъ ихъ прозвалъ) и послѣ 1818 г. журналъ его жестоко преслѣдовалъ ихъ эпиграммами. Особенно доставалось бар. Дельвигу, и полагаютъ, что закулисной причиной была обида за эту пародію. (Гаевскій „Соврем.“ 1853 г., т. 39)

[4]) Измайловъ.

Не съ Цертелевымъ онъ совокупно спѣшилъ
На журнальную битву вдвоемъ,
Не съ романтиками перевѣдаться мнилъ
За баллады, сонеты, путемъ.
Но во фракѣ былъ онъ, былъ тотъ фракъ запыленъ,
Какой цвѣтомъ—нельзя разпознать;
Оттопыренъ карманъ: въ немъ торчитъ, какъ чурбанъ,
20-ти фунтовая тетрадь.
Вотъ къ обѣду домой возвращается онъ
Въ трехъ-этажный Моденова домъ,
Его конь опѣненъ, его Ванька хмѣленъ,
И согласно хмѣленъ съ сѣдокомъ.
Бирюкова онъ дома въ тотъ день не засталъ,—
Онъ съ Красовскимъ въ Цензурѣ сидѣлъ,
Гдѣ на Олина грозно вдвоемъ напиралъ,
Гдѣ фонъ-Поль улыбаясь глядѣлъ.
Но изорванъ былъ фракъ, на манишкѣ табакъ,
Ерофеичемъ весь онъ облитъ,
Не въ Парнасскомъ бою, знать въ питейномъ дому
Былъ квартальными больно побитъ.
Соскочивши на Конной съ саней у столба,
Притаяся у будки, стоялъ;
И три раза онъ кликнулъ Бориса раба [1]),
Изъ харчевни Борисъ прибѣжалъ.
Подойди, ты мой Борька, мой трагикъ смѣшной,
И присядь ты на брюхо мое:
Ты скотина, но право скотина лихой,
И скотство по-нутру мнѣ твое.

(Продолженіе когда-нибудь) [2])
Б. Дельвигъ.

---

[1]) Извѣстный, но бездарный литераторъ, Борисъ Мих. Ѳедоровъ († 1875), слывшій въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ подъ кличкой „Борька“. Вспомнимъ эпиграмму на него, принадлежавшую, кажется, также Дельвигу:

Ѳедорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

Въ стихотвореніи Пушкина „Собраніе насѣкомыхъ“ былъ, вѣроятно, стихъ къ нему относившійся („Вотъ Борька—мелкая букашка“). См. объясненія П. А. Плетнева въ „Перепискѣ Я. К. Грота съ П.“, т. III, стр. 401.

[2]) Въ „Полн. Собр. Сочиненій Дельвига“ эта пьеса помѣщена лишь въ извлеченіи.

Старикъ [1]).

Хлоя старика сѣдова
Захотѣла осмѣять
И шепнула: дорогова
Подъ окошкомъ буду ждать.

* * *

Вотъ ужъ ночь; черезъ долину
То за холмомъ, то въ кустахъ—
Хлоя видитъ старичину
Съ длиной лѣстницей въ рукахъ.

* * *

Тихо крадется къ окошку,
Ставитъ лѣстницу и въ мигъ,
Протянувъ съ восторгомъ ножку,
Къ милой полетѣлъ старикъ.

* * *

Близокъ къ мѣсту дорогому
На щекѣ дрожитъ слеза;
Хлоя зеркало сѣдому
Прямо сунула въ глаза.

* * *

Но любовникъ спотыкнулся,
Внизъ со страха соскочилъ:
Побѣжалъ, не оглянулся
И забылъ, зачѣмъ ходилъ.

* * *

Хлоя по утру спросила,
Что же милый не бывалъ
Ужъ не я-ль тебя просила,
И не ты-ли обѣщалъ?

* * *

---

[1]) Эта пьеса (въ оригиналѣ—безъ заглавія) написана рукою Яковлева, который и удостовѣрилъ это своею записью, слѣдующею послѣ собственноручной подписи автора: „съ подлиннымъ вѣрно Баронъ Дельвигъ“. Эта пьеса была впервые напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814 г. LXXVIII, № 22, стр. 98.

Зубы въ зубы ударяя,
Онъ со страхомъ отвѣчалъ:
Домовой меня, родная,
У окна перепугалъ.

* * *

Хоть не радъ, а долженъ, дѣды,
Васъ немного побранить,
Взгляньте въ зеркало: вы сѣды—
Вамъ ли къ дѣвушкамъ ходить?

Съ подлиннымъ вѣрно Баронъ Дельвигъ.

Подъ диктантъ сочинителя писалъ Паяцъ Яковлевъ.

Перемѣнчивость [1]).

Все измѣнилось, Платонъ! подъ Скипетромъ лютаго Крона,
Нѣтъ просвѣщенныхъ Афинъ, Спарты слѣдовъ не найдешь,
Боги покинули Грековъ, Греки забыли свободу,
И униженный рабъ точитъ могилу твою.
Все еще мало, внемли: и Республику ты не узнаешь.
Я поэтъ, но ее не оставляю душой.

Полякъ.

Баллада [2]).

Бородинскія долины
Осеребрялися луной;
Громы на холмахъ нѣмѣли,
И вдали шатры бѣлѣли
Омраченной полосой.

* * *

---

[1]) Помѣщено рядомъ съ „Цефизомъ“ и одой „На смерть Державина“ на описанныхъ выше листахъ изъ тетради съ копіями лицейскихъ стихотвореній. Почеркъ неизвѣстный (б. м. и болѣе поздній).

[2]) Это произведеніе Дельвига, написанное подъ вліяніемъ балладъ Жуковскаго и, кажется, еще не бывшее въ печати, сохранилось въ спискѣ Илличевскаго, посланномъ къ товарищу Фуссу при письмѣ 28 февраля 1816 г., въ которомъ онъ говоритъ и объ этой балладѣ, давая своему другу свѣдѣнія о Дельвигѣ и его характеристику.

Быстро мчалися Поляки
Вдоль лѣсистыхъ береговъ;
Ива листьями шептала
И въ пещерахъ завывала
Стая дикая волковъ.

* * *

Вотъ въ развалинахъ деревня
На проталинѣ лежитъ.
Бурные, ночлегъ почуя,
Гривы по вѣтру волнуя,
Искры сыпали съ копытъ.

* * *

И стучитъ Полякъ въ избушку:
„Есть ли, есть ли тутъ жилой?“
Кто-то въ окнахъ шевелится,
И громчѣй Полякъ стучится:
„Есть ли, есть ли тутъ жилой?“

* * *

Кто тамъ? всадника спросила
Робко дѣвица краса.—
„Эй, пусти въ избу погрѣться:
Буря свищетъ, дождикъ льется,
Тьмой покрыты небеса.“

* * *

— Сжалься надо мной, служивой,
Дѣвица ему въ отвѣтъ;
Мать моя, отецъ убиты,
Здѣсь одна я безъ защиты,
Страшно двери отпереть!—

* * *

Что, красавица, боятьсяя?
Вѣдь Полякъ не людоѣдъ;
Стойло конь не искусаетъ,
Збруя стопку не сломаетъ,
Столъ подъ ранцемъ не падетъ.“

* * *

Дверь со скрипомъ отскочила:
Озирается герой,
Снявъ большую рукавицу,
Треплетъ красную дѣвицу
Онъ могучею рукой.

* * *

„Сколько лѣтъ тебѣ, голубка?“
— Вотъ семнадцатый къ концу.—
„А! такъ скоро со свѣчами,
Помѣнявшися кольцами,
Съ суженымъ пойдешь къ вѣнцу.

* * *

Дай же выпить за здоровье
Мнѣ невѣсты съ женихомъ.
До краевъ наполнись, чаша!
Будь такъ жизнь пріятна ваша,
Будь такъ полонъ здѣшній домъ“.

* * *

И подъ мокрой епанчею
Задремалъ онъ надъ ковшомъ.
Вьюга ставнями стучала,
И въ молчаніи летала
Стража польская кругомъ.

* * *

За гремящей самопрялкой
Страшно дѣвицѣ одной,
Страшно въ тишинѣ глубокой,
Безъ родныхъ и одинокой
Ей бесѣдовать съ тоской.

* * *

Но забылась—сонъ насильно
Въ дѣвѣ побѣждаетъ страхъ;
Колесо чуть-чуть вертится,
Голова къ плечу клонится,
И томленье на очахъ.

* * *

Съ трескомъ вспыхнула лучина;
Тѣнь мелькнула на стѣнѣ;
Въ уголку безъ покрывала
Дѣва юная лежала,
Улыбаясь въ тихомъ снѣ.

* * *

Глядь Полякъ—прелестной груди
Тихимъ трепетомъ дышатъ;
Онъ невольно взоры мечетъ,
Взоръ его желаньемъ блещетъ,
Щеки пламенемъ горятъ.

* * *

Цвѣтъ невинности непроченъ,
Какъ въ долинѣ василекъ:
Часто свѣтлыми косами
Межъ шумящими снопами
Вянетъ скошенный цвѣтокъ!

* * *

Но злодѣй, чу! трескъ булата—
Слышь къ ружью! знакомый гласъ.
Настежъ дверь—какъ вихрь влетаетъ
Въ избу Русской—мечъ сверкаетъ—
Дерзкой! близокъ мститель-часъ.

* * *

Дѣва трепетна, смятенна,
Пробудясь, кидаетъ взглядъ;
Зритъ, у ногъ Полякъ сраженный
Изъ груди окровавленной
Тащитъ съ скрежетомъ булатъ.

* * *

Зритъ, сама себѣ не вѣритъ—
Взоръ восторгомъ запылалъ:
Ты-ль, мой Ангелъ? восклицаетъ,—
Русской мечъ въ ножны бросаетъ...
Дѣвицу женихъ обнялъ.

Отдѣльно имѣется еще стихотвореніе *„Къ Илличевскому“* (въ Сибирь, относящееся, вѣроятно, еще къ 1817 г.), писанное на большомъ листѣ писарскимъ почеркомъ. Но мы его здѣсь не печатаемъ, ибо оно давно извѣстно въ этой самой редакціи (было напечатано въ 1-й разъ въ „Трудахъ В. Общ. Люб. Росс. Слов.“, т. IV, 267).

Наконецъ, сохранились еще на отдѣльныхъ листкахъ (нынѣ не находящихся въ моемъ распоряженіи, но мною отмѣченныхъ въ моемъ описаніи бумагъ) слѣдующія уже извѣстныя пьесы [1]):

На листкѣ синей бумаги въ 8° (безъ подписи):

Застольная пѣснь (въ печати подъ назв. „Диѳирамбъ“): „Други, пусть года несутся!“

Къ Амуру („Еще въ началѣ мая“).

Къ Пастушкѣ („Что ты, пастушка пріуныла!“) (на томъ-же листкѣ неизвѣстная мнѣ пьеса, вѣроятно, Дельвига: *Какъ не такъ* (нач.: „Фи, вы курите табакъ“; къ сожалѣнію, списка ея нѣтъ у насъ).

На другомъ листкѣ синей бум. въ больш. 8° писанная рукою Илличевскаго извѣстная пьеса Дельвига:

„На смерть кучера Агафона“, пародія на помѣщенную тутъ-же рядомъ пьесу Кошанскаго: *„На смерть графини Ожаровской“* [2]). Для наглядности сравненія приводимъ одну пьесу за другой.

На смерть Графини Ожаровской [3]).

Ни прелесть, ни краса, ни радость юныхъ лѣтъ,
Ни пламень нѣжнаго супруга,
Ни сиротство дѣтей, едва узрившихъ свѣтъ,
Ни слезы не спасли отъ тяжкаго недуга,
И Ожаровской нѣтъ...
Потухла, какъ заря во мракѣ тихой ночи,
Какъ эхо темное въ пустынѣ соловья...
О небо! со слезой къ тебѣ подъемлю очи,
И, бренной, не могу не вопрошать тебя:

---

[1]) На одномъ изъ такихъ листковъ есть пьеса „Мадригалъ“, безъ подписи, отличающаяся легкимъ стихомъ (нѣсколько напоминающимъ Пушкинскій) и весьма возможно принадлежащая Дельвигу. См. ниже въ отдѣлѣ пьесъ неизвѣстныхъ авторовъ.

[2]) Была напечатана въ „Вѣстн. Европы“, 1814, № 23. Пародія Дельвига напечатана была въ „Библіограф. Запискахъ“ 1859, т. II, № 5, стр. 148.

[3]) Въ „Вѣстн. Евр“. 1814, № 23. Печатный оттискъ этой пьесы находится въ той самой тетради Державина (№ 9), гдѣ нашлись стихи Пушкина „Воспоминанія въ Ц.-С.“, и стихотвореніе Кюхельбекера.

Ужели радостью намъ льститься невозможно
И въ миломъ счастіе напрасно находить.
Коль лучшимъ существамъ жить въ мірѣ лучшемъ должно,
А намъ здѣсь слезы лить.
Увы! не будешь ты всѣхъ радостей душою,
Не встрѣтишь каждаго любезностью своей,
И другу не вмѣстить въ себѣ одной весь міръ:
Уже не сядешь ты въ мечтаньи за клавиръ,
Твой гласъ волшебный не прольется,
Черезъ отверзтое окно во мракъ вѣтвей,
Гдѣ твой соперникъ—соловей
Съ досадою не отзовется.
И нѣжный твой супругъ сквозь слезъ не улыбнется.
Умолкло все съ тобой! Амуры слезы льютъ,
Супругъ и Граціи вѣнки на урну вьютъ,
И оросивъ твой прахъ слезою:
Почій, вѣщаютъ, миръ съ тобою!

На смерть кучера Агафона [1]).

Ни рыжая брада, ни радость старыхъ лѣтъ,
Ни дряхлая твоя супруга,
Ни кони не спасли отъ тяжкаго недуга...
И Агафона нѣтъ!
Потухъ, какъ отъ копытъ огонь во мракѣ ночи,
Какъ ржанье звучное усталаго коня!..
О, небо! со слезой къ тебѣ подъемлю очи,
И, бренный, не могу не вопросить тебя:
Ужель не вѣчно намъ возжами править можно,
И счастіе въ винѣ напрасно находить?
Иль лучшимъ кучерамъ жить въ мірѣ лучшемъ должно;
А намъ съ худыми быть!..
Увы! не будешь ты потряхивать возжею!
Не будешь лошадей бить плетію своею
И, усомъ шевеля, по-русски ихъ бранить;
Уже не станешь ты и по воду ходить!
Гласъ молодецкій не прольется,
И путникъ отъ тебя ужъ не зажметъ ушей,
И при сіяньи фонарей

---

[1]) Автографъ этой пьесы, съ котораго она напечатана въ „Библіогр. Запискахъ“ принадлежалъ И. И. Пущину.

Ужъ гласъ форейтора тебѣ не отзовется,
И, ахъ! Кузьминишна сквозь слезъ не улыбнется!
Умолкло все съ тобой! Кухарки слезы льютъ,
Супруга, конюхи вѣнки изъ сѣна вьютъ,
Глася отшедшему къ покою:
Когда ты умеръ—чортъ съ тобою!

Особенно популярнымъ произведеніемъ Дельвига изъ его лицейской поэзіи стала его *Прощальная Пѣснь* „Шесть лѣтъ промчались, какъ мечтанье“, написанная для выпускного акта и ставшая лицейскимъ гимномъ. О ея сочиненіи и судьбѣ см. у В. П. Гаевскаго въ статьѣ „Пушкинъ въ Лицеѣ“ (Современникъ 1863, т. 97, стр. 86—87). Выше она напечатана въ одномъ изъ писемъ Матюшкина (см. стр. 69—70).

Стихотворенія Кюхельбекера.

В. К. Кюхельбекеръ (род. 1797, ум. 1846 г.).—лицо столь всѣмъ знакомое изъ исторіи литературы той эпохи, изъ біографіи Пушкина и изъ декабрскихъ событій 1825 года, а печальная и трагическая судьба его также настолько извѣстна[1]), что останавливаться здѣсь болѣе подробно на его жизни и характеристикѣ не представляется надобности. Насъ интересуетъ здѣсь спеціально то, что сохранилось отъ поэтической дѣятельности Кюхельбекера—въ Лицеѣ.

„Вильг. Карл. Кюхельбекеръ—такъ характеризуетъ его лицейскій товарищъ (бар. Корфъ),—начавшій поздно учиться по-русски и отъ того, хотя и изучившій этотъ языкъ въ совершенствѣ, но сохранившій въ выговорѣ ясные слѣды нѣмецкаго происхожденія, сверхъ того представлявшій и по фигурѣ и по всѣмъ пріемамъ живой типъ нѣмца, былъ предметомъ постоянныхъ и неотступныхъ насмѣшекъ цѣлаго Лицея за свои странности, неловкости и часто уморительную оригинальность. Длинный до безконечности, притомъ сухой и какъ-то странно извивавшійся всѣмъ тѣломъ, что и навлекло ему эпитетъ „глиста“, съ эксцентрическимъ умомъ, съ пылкими страстями, съ необузданною вспыльчивостью, онъ, почти полупомѣшанный, всегда былъ готовъ на самыя „курьёзныя“ продѣлки... Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ плодовитыхъ нашихъ стихотворцевъ, и хотя въ стихахъ его было всегда странное направленіе и отчасти странный даже языкъ, но при всемъ томъ, какъ поэтъ, онъ едва-ли стоялъ не выше Дельвига и долженъ былъ

[1]) Кромѣ указаннаго выше (стр. 85), см. соч. Пушкина (изд. Литер. фонда). Еще Н. А. Гастфрейнда „Побѣгъ и поимка В. Кюхельбекера“, Спб. 1904.

занять мѣсто непосредственно за Пушкинымъ"... Въ этой живой характеристикѣ пристрастнымъ увлеченіемъ является, конечно, послѣднее утвержденіе. Нельзя, разумѣется, отказать Кюхельбекеру въ нѣкоторомъ дарованіи, въ извѣстномъ поэтическомъ подъёмѣ (что доказали его позднѣйшіе опыты), но, разумѣется, поэзія Дельвига была неизмѣримо выше. Кюхельбекеръ очень рано и такъ сильно пристрастился къ стихотворству, что надъ его метроманіей жестоко смѣялись товарищи, и вообще все время въ Лицеѣ—за свои смѣшныя стороны—онъ былъ жертвой безпощадныхъ эпиграммъ и злыхъ шутокъ. Есть извѣстіе, что въ одномъ изъ лицейскихъ стихотворныхъ сборниковъ бо́льшая часть стиховъ была на Кюхельбекера (это недошедшій до насъ сборникъ „Жертва Мому") [1]). Особенно много эпиграммъ на него и его стихоплетство сочинялъ Пушкинъ, который, впрочемъ, при всемъ томъ, очень любилъ и цѣнилъ его за его добрыя свойства, относился къ нему и въ Лицеѣ и послѣ очень сердечно и до конца поддерживалъ съ нимъ сношенія и переписку. Кюхельбекеръ, хотъ однажды и вызвавшій Пушкина на дуэль за обидные по его адресу стихи, платилъ ему горячимъ дружескимъ чувствомъ и благоговѣніемъ передъ его поэтическимъ геніемъ. Ранняя страсть къ стихамъ развилась у Кюхельбекера не безъ вліянія Илличевскаго, котораго онъ самъ считаетъ своимъ учителемъ въ этой области, какъ видно изъ его стихотворенія „Въ альбомъ Илличевскому".

„Не позабудь поэта,
Кому ты первый путь,
Путь скользкій, но прекрасный,
Путь къ музамъ указалъ"...

Въ изданіе „Избранныя стихотворенія В. К. Кюхельбекера", Шо-де-фонъ: Ф. И. Бутурлинъ, Веймаръ, 1880, тип. Ушмана—изъ лицейскихъ его стихотвореній не вошло, повидимому, ничего.

Если изъ лицейскихъ произведеній Илличевскаго и Дельвига (не говоря уже о Пушкинѣ) сохранилось довольно много, нельзя того же сказать о поэзіи Кюхельбекера. Собственныхъ старыхъ бумагъ его совсѣмъ не дошло, сколько мнѣ извѣстно, до потомства (что объясняется его мятежной, полной тревогъ, странствій и невзгодъ жизнью), а въ остаткахъ лицейскаго архива I-го курса сохранилось очень незначительное количество его стихотвореній и автографовъ, несмотря на пресловутую его плодовитость. Можно думать, что, поднимая на смѣхъ его неистовую метроманію, товарищи нѣсколько пренебрежительно относились къ его стихамъ, а потому и

[1]) В. П. Гаевскій, „Современникъ", 1863, т. 97, стр. 147.

сберегли изъ нихъ очень немногое, внося и въ свои сборники сравнительно очень скупо образчики его поэзіи. За то *о немъ* и *на него* сохранилось множество товарищескихъ сатиръ и эпиграммъ.

Все главное изъ лицейскихъ опытовъ Кюхельбекера, находящееся въ рукахъ нашихъ, ужъ было приведено выше. Остается перечислить ихъ.

Въ отдѣлѣ лицейскихъ сочиненій на опредѣленныя темы помѣщена мною въ извлеченіяхъ пьеса его „*Безсмертіе есть цѣль жизни человѣческой*“ [1]) (съ отношеніемъ къ Наполеону и его участи), автографъ которой находится въ бумагахъ Державина и по всей вѣроятности былъ ему поднесенъ авторомъ (быть можетъ, на экзаменѣ 1815 г.).

Затѣмъ имѣются стихотворенія Кюхельбекера:

Въ *Матюшкинской* тетрадкѣ „Дифирамбъ“ и „Осень“.

Въ *тетрадяхъ Грота*: (Въ отдѣлѣ *ненапечатанныхъ стих.*) „Вино“; „Къ Радости“; „Дифирамбъ“ („Други, повѣрьте“...); „Въ Альбомъ Илличевскому“.

Въ отдѣлѣ „*напечатанныхъ*“: „Мертвый—Живому“; „Пѣснь Лапландца“; „Зима“; „Кофе“.

Кромѣ этихъ пьесъ, попавшихъ въ сборники лицейскіе, сохранилось еще нѣсколько автографовъ Кюхельбекера на отдѣльныхъ листкахъ.

На одномъ такомъ листкѣ (довольно грубой, грязноватой бумаги) помѣщены стихотворенія: „*Осень*“ съ помѣткой *23 сент.* (которымъ начинается, какъ мы видѣли, тетрадь Матюшкина, и притомъ въ той же самой редакціи) и „*Утро*“ съ прибавленіемъ къ заглавію *26 сент.* (1815 г.?), которое помѣщаемъ здѣсь.

На другомъ такомъ же листкѣ извѣстная уже изъ тетрадей Грота пьеса „*Дифирамбъ*“ (переводъ изъ Шиллера) съ помѣткой подъ стихами: *1815 года.*

Еще сохранились два листка съ двумя *нѣмецкими* пьесами-пѣснями, писанными Кюхельбекеромъ (автографы), которые тоже здѣсь помѣщаются.

Упомянемъ, наконецъ, о первомъ по времени, крайне безграмотномъ, почти безсмысленномъ стихотвореніи-переводѣ его съ французскаго „Отрывокъ изъ грозы С-тъ Ламберта“, помѣщенномъ въ первомъ лицейскомъ журналѣ „Вѣстникъ“ (см. ниже), — стихотвореніи, надъ которымъ такъ смѣялся Пушкинъ [2]).

---

[1]) На тему о безсмертіи есть у К. еще позднѣйшая пьеса „Безсмертіе“. Ср. „Избран. стихотвор. К.“ Веймаръ, 1880.

[2]) Онъ помнилъ его и впослѣдствіи, цитируя въ письмѣ къ брату, 4 сент. 1822 г. („Переписка П.“, акад. изд., т. I, стр. 51), см. В. П. Гаевскій, „Современн.“ 1863, т. 97, стр. 140.

Утро 26-го Сентября.

Хладное вѣянье струи на зеркало водъ нагоняло.
Звѣзды съ небесъ укатились; въ неизмѣримомъ аэрѣ
Призракъ—луна, потухая, блуждала: утренній пѣтелъ
Громко воскрикнулъ.

* * *

И заря занялась и мракъ облаковъ загорѣлся;
Край небосклона златой полосой отъ земли оттѣнялся —
Ярче и ярче алѣлся румянецъ; на соснахъ пустынныхъ
Иней дробился.—

* * *

Колоколъ тихо пронесся и умолкъ въ отдаленьи:
Богомолецъ изъ одинокой обители вышелъ;
Въ храмѣ моленье. Оратай коней запрягаетъ, и солнце
Медля восходитъ.—

* * *

Вотъ взошло; но блѣдное и покрова не сняло
Съ погруженной въ туманы
Природы, въ тучахъ сокрылось.—
И надо мною солнце всходило—Ахъ, оно скоро
Въ тучахъ сокрылось!

Die Verwandten und das Liebchen [1]).

Singe Lerche, sing' ein Liedchen mir
Sing' im Lenze, sing' in hoher Luft: —
Im Gefängniss sitzt ein junges Blut
Ein Gesell, ein Bursche brav und gut;
Einen Brief er seinen Aeltern schreibt:
„Du mein Vater, du mein gnäd'ger Herr,
Meine Mutter, meine gütige —
O befreit, befreit mich euren Sohn!"
Und die Aeltern,— sie verstossen ihn,
Und die ganze Freundschaft sagt ihm ab,
„Denn in unserm Hause haben wir
Weder Dieb' noch Räuber je gehabt."

* * *

---

[1]) Помарки въ текстѣ свидѣтельствуютъ, что это, если не сочиненіе, то переложеніе Кюхельбекера.

Sing' doch Lerche sing' ein Liedchen mir
Sing' im Lenze, sing' in hoher Luft,—
Im Gefängniss sitzt ein junges Blut,
Der Gesell' der Bursche brav und gut,
Einen Brief er seinem Mädchen schreibt:
„Schönes Mädchen, gutes (weiches) Herz,
Du mein Liebchen, Liebchen hold und treu,
Kauf mich deinen Trautgeliebten frei!"
Und es ruft das schöne Mädchen aus:
„Ach ihr Zofen, ihr Gespielinnen
Und du Amme, meine Wärterin!
Bringt mir, bringt mir mein golden Schlüsselchen,
Schliesset mein geschmiedet Kästchen auf,
Nehmt mir meine Barschaft schnell heraus:
Kaufet den Gesellen hold und treu,
Kauft, ach kauft mir den Geliebten frei!"

Der Kosak und das Mädchen [1]).

D. K. Auf und fort der Donau zu!
Lebe wohl feins Liebchen du!
Tummle, tummle dich mein Rappe,
Strecke dich mein Ross!

D. M. Wart, Kosak, o warte noch!
Denk einmal, bedenk dich noch.
Du verlässt dein trautes Liebchen!
S' Liebchen weint so sehr.

D. K. Wein, doch Mädchen nicht so sehr,
Ring die Händ' umsonst nicht mehr!
Harre mein: ich kehre wieder,
Bring viel Ruhm und Ehr.

D. M. Nichts ist Ehr und Ruhm für mich,
Ach, ich wünsch und will nur dich!
Sei nur du gesund, mein Trauter,
Und nichts kümmert mich!

[1]) И въ этой пьесѣ есть помарки и поправки.—На томъ же листкѣ (синей бумаги) карандашемъ приписано, но другой рукой, французское стихотвореніе, происхожденіе котораго намъ совсѣмъ неизвѣстно. См. ниже.

Наконецъ, нижеслѣдующее стихотвореніе (хотя подъ нимъ въ скобкахъ и стоитъ имя Илличевскаго, но не имъ подписанное), должно быть по почерку приписано Кюхельбекеру же, но относится безъ сомнѣнія къ первымъ его опытамъ, а поправки въ немъ (въ 2—3-хъ мѣстахъ замѣна цѣлыхъ стиховъ) несомнѣнно принадлежатъ Илличевскому (имя котораго, какъ исправителя-учителя поставилъ авторъ). Вспомнимъ, что Кюхельбекеръ считалъ своимъ руководителемъ въ первыхъ шагахъ своего поэтическаго поприща— именно Илличевскаго, которому и давалъ вѣроятно исправлять свои вирши.

Гроза.

На небѣ, въ воздухѣ, отъ зноя раскаленномъ,
Явились облака, которы постепенно [1])
Чернѣли,—наконецъ затмили свѣтъ дневной собой [2]).
Ударилъ громъ въ дали и волны закипѣли,
Потрясся воздухъ весь, покрылось небо мглой
И вдоль холмовъ листы дубравы зашумѣли.
Раздался томный гулъ въ пещерахъ и горахъ, [3])
Природу всю объялъ безмолвный трепетъ, страхъ,
Земля въ безмолвіи послѣдствій ожидаетъ,
И горы мрачныя завѣса сокрываетъ.

(Илличевскій).

Произведеніями Илличевскаго, Дельвига и Кюхельбекера почти исчерпывается стихотворное содержаніе сохранившагося лицейскаго архива [4]). Извѣстно, что, кромѣ названныхъ товарищей Пушкина, писали стихи еще нѣкоторые другіе, напр., Яковлевъ (особенно басни) и Корсаковъ, но ихъ стиховъ за подписью автора въ нашей коллекціи не сохранилось, кромѣ попавшаго въ одинъ изъ

---

[1]) У автора стояло:

„На небѣ голубомъ, въ двухъ точкахъ отдаленныхъ
Явились въ воздухѣ двѣ тучи раскаленны".

[2]) Здѣсь былъ стихъ:

„И солнца яркаго закрыли свѣтъ дневной собой".

[3]) Стояло: И потряслась земля, раздался гулъ въ горахъ.

[4]) Если не считать анонимнаго стихотворства лицейскихъ журналовъ и такъ назыв. „національныхъ пѣсенъ".

сборниковъ уже приведеннаго выше стихотворенія Корсакова „Наташа“.

Между тѣмъ среди сохранившихся на отдѣльныхъ листкахъ стихотворныхъ набросковъ есть нѣсколько безымённыхъ, для пріуроченія которыхъ къ тому или другому автору у насъ прямыхъ и несомнѣнныхъ указаній или признаковъ не имѣется.

Таковы, во 1-хъ, анонимныя пьесы на тѣхъ листкахъ, которые описаны въ моихъ бумагахъ, но не имѣются на лицо.

Это 1) пьеса (можетъ быть Дельвига, ибо она послѣдняя на листкѣ съ его 3-мя извѣстными пьесами) „*Какъ не такъ*“, начинающ.: „Фи, Вы курите табакъ“.

Во 2) на особомъ мал. листкѣ синей бумаги „*Пѣсня*“, (автографъ Илличевскаго), начинающаяся такъ:

„Пригорки, рощи и долины
Свидѣтели печальныхъ дней“.

и въ 3) на маленькомъ листкѣ бѣлой бумаги — пьеса „*Мадригалъ*“, которую (какъ списанную мною) и привожу здѣсь и которую, какъ уже замѣтилъ выше, склоненъ приписать б. Дельвигу, хоть не могу не признаться, что есть въ ней что-то напоминающее образы и характеръ Пушкинскаго стиха.

Мадригалъ.

Могу ли я забыть то сладкое мгновенье,
Когда я Вами жилъ и видѣлъ только Васъ—
И вальса въ бѣшеномъ круженьи
Завидовалъ свободѣ дерзкихъ глазъ.
Я умолялъ: постой, веселое мгновенье!
Вели, чтобъ быстрый вальсъ вертѣлся не вертясь,
Чтобъ я не опускалъ съ прекрасной вѣчно глазъ
И чтобъ забвеніе крыломъ покрыло насъ.

Затѣмъ, вотъ нѣсколько другихъ безымённыхъ пьесъ, между которыми есть писанныя знакомыми намъ почерками, но авторы которыхъ все-же неизвѣстны, ибо лицейскіе стихотворцы сплошь и рядомъ записывали и переписывали также стихи своихъ товарищей.

Бородинское сраженіе [1]).

Идутъ войска ужъ на сраженье
Съ обѣихъ поровну сторонъ
Повсюду страшное смятенье,
Французовъ душатъ, какъ воронъ.
Но что? они уже сразились,
Другъ друга колютъ, рубятъ, бьютъ,
Лучи отъ дыму всѣ затмились,
Нагайки тамъ казаки вьютъ,
Ружье солдатъ приготовляетъ:
Кладетъ туда онъ свой патронъ,
Прикладывается, стрѣляетъ,
И пули свищутъ съ всѣхъ сторонъ.
Тамъ отъ артиллерійскихъ пушекъ
Солдатъ валятся цѣлый рядъ,
Въ лѣсахъ не слышно ужъ кукушекъ
И цѣлый въ плѣнъ берутъ отрядъ,
Но кликъ всерадостный взываетъ
Отъ Русскихъ воиновъ: ура!
Трикратно эхо повторяетъ
Сей гласъ—ура! ура! ура!

Описаніе паясовъ [2]).

Здѣсь надъ паясами главою
Поставленъ безъ царя Тырковъ:
Являетъ всѣмъ примѣръ собою
И у него паясамъ кровъ.
Министръ въ Лицеѣ преизвѣстный
Есть Яковлевъ комедіантъ,
Поэтъ Олесинка извѣстный [3])
У Тырко-Синуса Драбантъ.

---

[1]) Писано рукою, если не ошибаюсь, Кюхельбекера—ранняго времени; судя по сюжету, относится къ 1813 г. (послѣ Бородинской битвы). Эта и слѣдующая пьеса писаны на двухъ сторонахъ листка синей бумаги въ 4-ку.

[2]) Тѣмъ же почеркомъ (вѣроятно, Кюхельбекера). Та же пьеса, нѣсколько въ иной, исправленной редакціи—имѣется въ журналѣ „Мудрецъ-Поэтъ“, см. ниже. Надо думать, что эти шуточные стихи—коллективнаго сочиненія (подобно „національнымъ пѣснямъ“); въ нихъ выводится рядъ лицеистовъ, особенно любившихъ, вѣроятно, попаясничать и подурить, и во главѣ ихъ Тырковъ и извѣстный шутникъ и мимикъ Яковлевъ.

[3]) Илличевскій.

Комовскій—маленькая птичка,
И смотритъ точно какъ лисичка,
Костенскій же со славой тамъ
Съ ерышей-гришею толкуетъ,
А Мясоѣдовъ вальсируетъ
И носъ возноситъ къ небесамъ.
А тамъ высокій и рогатый,
Какъ башня, Масловъ выстаетъ
И съ нимъ Вольховскій шутъ идетъ
Бояцинька черноусастый....

На свѣтлый праздникъ Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа [1]).

Грядите, Христіане, въ храмы,
Воспойте гимнъ вы тамъ святый
И гласъ раздастся между вами:
Да будь благословенъ Грядый!
Отъ смерти вѣчной днесь спасенны,
Возжгите въ сердцѣ ѳиміанъ,
Моленья ваши вознесенны
Да внидутъ въ свѣтлый Божій храмъ.

* * *

О Боже! нашихъ дней хранитель,
Столь милосерденъ твой завѣтъ!
Твой сынъ священную обитель
Оставилъ, насъ спасти грядетъ.
Сошелъ съ небеснаго престола,
Быть чтобы въ цѣпи заключенъ,
Быть жертвой злобы и крамола,
Быть на мученья осужденъ.

* * *

---

[1]) Пьеса писана рукою Яковлева и вѣроятно и сочинена имъ. На мѣстѣ подписи—какая-то цифра, кажется 13, гдѣ перечеркнуто потомъ 3 и поставлено 4. Если это такъ, то—принимая, что эти стихи писаны не ранѣе 1814—15 года—авторство Яковлева подтверждается, ибо онъ по порядку комнатъ со времени поступленія въ 1814 г. второго курса, имѣлъ № 13 (какъ видимъ изъ списка Корфа, сохранившаго намъ въ „Дневникѣ“ этотъ порядокъ). № 14 принадлежалъ Корсакову, который быть можетъ участвовалъ въ сочиненіи этихъ стиховъ?

И се грядетъ на заколенье
Въ смиренья ризу облеченъ,
Зритъ слабыхъ смертныхъ ослѣпленье
И будучи на крестъ введенъ,
Невинны взоры обращаетъ
Къ отца небесна алтарю
И умирая, онъ вѣщаетъ:
О чадахъ гибельныхъ молю.

* * *

Скончался онъ—и солнце скрыло
Во мглѣ блестящій, свѣтлый ликъ
И сколь Творецъ оно явило
Въ могуществѣ своемъ великъ:
Земля на оси вкругъ трясется,
Объялъ природу смертный сонъ,
Тамъ въ трепетѣ народъ мятется
Отчаянъ испускаетъ стонъ...

* * *

Но се возсталъ, воскресъ нашъ Богъ
И солнце правды возсіяло!
Вознесся Онъ въ небесъ чертогъ,
Гдѣ славу все Его являло.
Исчезла тьма, простерся свѣтъ
И озарился крестъ лучами,
Исполненъ Божескій завѣтъ,
И Благодать Его надъ нами.

* * *

Пріими, Господь, наши моленья,
И въ горняя услышь нашъ гласъ
Низшли на насъ благословенье,
На насъ, что смертію Ты спасъ!
Да сердцемъ чисты мы пребудемъ,
Егда придешь во славѣ Ты,
И если благость мы забудемъ,
Спаси, настави, Трисвятый!

Наконецъ, вотъ стихотвореніе, написанное карандашемъ на листкѣ одного изъ нѣмецкихъ автографовъ Кюхельбекера [1]).

---

[1]) Ни происхожденіе, ни авторъ этого стихотворенія намъ неизвѣстны; также и почеркъ. Кажется, изъ лицейскихъ I-го курса французскіе стихи писалъ только Пушкинъ.

Tous les jours il me regardait
Et je le regardais de même,
Un jour il me dit qu'il m'aimait
Et je repondis—je vous aime.

* * *

Puis après lui dis-je entre nous—
Il faut savoir à qui l'on parle,
Monsieur, comment vous nommez vous?
Et il repondit: je suis Charles.

* * *

Il est tout simple et sans façon
Et sa figure est si gentille
Et quoique ce fut un garçon,
Il est sage comme une fille.

* * *

J'y pense avec contentement,
Avec plaisir aussi j'en parle,—
Non, je n'aurai jamais d'amants,
Je ne veux que mon ami Charles.

3.

Третьимъ видомъ лицейскаго стихотворства, рядомъ съ сочиненіями на опредѣленныя или заданныя темы и съ опытами свободнаго творчества или сочинительства,—были плоды, такъ сказать, анонимнаго или коллективнаго авторства,—это такъ называемыя *„національныя пѣсни“* (оригинальное для того времени названіе!) Къ нимъ по происхожденію и характеру примыкаютъ разныя сатирическія и шуточныя пьесы, эпиграммы, эпитафіи, акростихи, которыми изобиловали лицейскіе журналы.

Сказанное бар. М. А. Корфомъ объ одномъ акростихѣ, что „онъ едва-ли имѣлъ законнаго отца“, можно безъ натяжки примѣнить къ большей части этихъ произведеній. „Такія пьесы, говоритъ М. А., равно какъ и то, что мы называли *національными пѣснями*, импровизировались у насъ обыкновенно изустно цѣлой толпою, и уже потомъ ихъ кто-либо записывалъ для памяти“ [1]). Онѣ исполнялись лицеистами хоромъ и пользовались у нихъ огром-

[1]) Гротъ, „Пушкинъ“, стр. 227.

ной популярностью. Что касается ихъ названія („національныя"), то его всего вѣроятнѣе объяснить тѣмъ, что у воспитанниковъ Лицея того времени было въ большомъ ходу, какъ это видно изъ ихъ рукописныхъ журналовъ (см. особенно журналы III-го курса, въ *Приложеніяхъ*) изображать свой Лицей (въ его описаніяхъ) въ видѣ какъ-бы государства (республики) или города, подраздѣляя ихъ еще на кварталы, а обитателей (воспитанниковъ) на націи и т. п., откуда и ихъ пѣсни-импровизаціи получили кличку „національныхъ". По свидѣтельству Пущина, и самъ Пушкинъ принималъ участіе въ сочиненіи національныхъ пѣсенъ (какъ и въ лицейскихъ журналахъ). Извѣстно, что въ сохранившихся наброскахъ его лицейскихъ записокъ (вслѣдъ за программой задуманной имъ „картины Царскаго Села") записано имъ нѣсколько куплетовъ изъ одной такой особенно популярной національной пѣсни, съ указаніями, кого именно тотъ или другой куплетъ имѣетъ въ виду. Тутъ приведено всего 16 куплетовъ, начинающихся такою записью поэта: „Вчера не тушили свѣчекъ; за то пѣли куплеты на голосъ: „бери себѣ повѣсу". Запишу сколько могу упомнить...." [1])

Въ виду всего этого, да и сами по себѣ, по своей жизненности и своему бытовому и біографическому характеру, эти *національныя пѣсни* представляютъ значительный интересъ. Онѣ сочинялись и распѣвались—по поводу всякихъ, какъ повседневныхъ фактовъ и обычаевъ, такъ и выходившихъ изъ ряду явленій и эпизодовъ школьной жизни Лицея и особенностей быта его воспитанниковъ; въ нихъ выдвигались, конечно, ихъ забавныя стороны и черты, и осмѣивались часто очень зло и мѣтко смѣшныя слабости и недостатки какъ преподавателей и наставниковъ, такъ и товарищей. Такъ напр. въ нихъ нерѣдко выводились ихъ привычки и излюбленныя прибаутки и словечка. При существовавшей въ Лицеѣ свободѣ и отсутствіи строгой дисциплины эти пѣсни пѣвались часто чуть-ли не въ присутствіи педагоговъ, къ которомъ относились тѣ или другіе куплеты.

Конечно, очень многое въ этихъ пѣсняхъ для насъ уже непонятно: соль многихъ выходокъ и намековъ пропала на всегда. Но тѣмъ не менѣе, благодаря записаннымъ своевременно нѣкоторымъ коментаріямъ современниковъ, кое-что нашло себѣ объясненіе, и изъ этого живого источника историкъ стараго Лицея можетъ почерпнуть не одну любопытную черту и характерную мелочь.

До сихъ поръ эти пѣсни сообщались въ статьяхъ и матеріалахъ о Лицеѣ только въ извлеченіяхъ, въ отрывкахъ, впрочемъ

---

[1]) См. „Цѣнная находка. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина", Д. Сапожникова, изд. „Русск. Обозрѣнія", Спб. 1899 г. стр. 19–22.

наиболѣе существенныхъ и любопытныхъ. Пора ихъ опубликовать цѣликомъ, т. е. по крайней мѣрѣ все что̀ изъ нихъ сохранилось въ нашемъ лицейскомъ архивѣ.

Онѣ дошли до насъ во 1-хъ въ особой тетрадкѣ (изъ двухъ сшитыхъ листковъ синей, довольно грубой бумаги), съ заглавіемъ „Національныя пѣсни“, а во 2-хъ въ извѣстныхъ журналахъ „Лицейскій Мудрецъ„ и „Мудрецъ-поэтъ“. Большая часть этихъ пѣсень записаны въ первой, отдѣльной рукописи. Чтобы представить все дошедшее до насъ вмѣстѣ, не раздробляя этого матеріала, я здѣсь-же дополню имѣющееся въ особой рукописи—тѣмъ, что̀ оказывается сверхъ того въ названныхъ журналахъ.

Отдѣльная рукопись-тетрадка не имѣетъ никакой даты, и опредѣлить сколько-нибудь точно время ея написанія нѣтъ возможности. Но по многимъ соображеніямъ, ее скорѣе всего можно отнести къ эпохѣ 1813—1815 гг. Писана она нѣсколькими почерками, а именно бо̀льшая часть текста—почеркомъ Комовскаго, затѣмъ Кюхельбекера, Илличевскаго, и еще одною неизвѣстною мнѣ рукою.

Національныя пѣсни.

1 [1]).

Въ Лицейской залѣ тишина—
Диковинка межъ нами,—
Друзья, къ намъ лѣзетъ сатана
Съ лакрицей за зубами [2]).

* * *

[1]) Эта пѣснь имѣется и въ журналѣ („Лиц. Мудрецъ“). Она сочинена на лицейскихъ наставниковъ, главнымъ образомъ, на исправлявшаго (по смерти Малиновскаго) должность директора Гауэншильда, нѣмца-австрійца. По словамъ Корфа, дающаго ему очень нелестную характеристику, его ненавидѣли въ Лицеѣ, чему де доказательствомъ служитъ и эта пѣсня, которая „пѣвалась хоромъ на голосъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“ безъ всякаго секрета и только-что не самому Г. въ лицо. Первые четыре стиха пѣлись adagio и sotto voce: потомъ темпъ ускорялся, а съ нимъ возвышались и голоса, которые, наконецъ, переходили въ совершенную бурю“.—Мы уже знаемъ, что эти пѣсни сочинялись сообща. Матюшкинъ, передавая о томъ Я. К. Гроту („Пушкинъ“ etc., стр. 37), признавалъ себя авторомъ стиха объ Иконниковѣ.

[2]) Гауэншильдъ имѣлъ привычку всегда жевать лакрицу.

Друзья, сберемтеся гурьбой—
Дружнѣе въ руки палку,
Лакрицу сплюснемъ за щекой,
Дадимъ Австрійцу свалку.

* * *

И кто послѣдній въ классахъ вретъ,
Не зная вѣкъ урока,
Побѣда! первый заоретъ,
На нѣмца [1]) грянувъ съ бока.

* * *

Но кто нѣмецкихъ бредней томъ
Покроетъ вѣчной пылью?
Пелецкій, пастырь душъ съ крестомъ,
Иконниковъ съ бутылью [2]).

* * *

Съ жидовской рожей экономъ,
Нашъ Эйлеръ знаменитый [3]);
Зерновъ съ преломленнымъ носомъ [4]),
Съ бородкою небритой.

* * *

Съ очками лысый Соколовъ [5])
И Гакенъ криворотый [6])
Докажутъ силу кулаковъ,—
И нѣмца за вороты.

---

[1]) Въ журналахъ слово это оба раза замѣнено словамъ *бѣсъ*.

[2]) Март. Степ. Пилецкій (Урбановичъ), первый инспекторъ классовъ въ Лицеѣ, католикъ, мистикъ и фанатикъ (о немъ см. Записку М. А. Корфа). Объ Иконниковѣ см. выше, стр. 74.

[3]) Леонт. Карл. Эйлеръ, племянникъ знаменитаго академика, былъ по свидѣтельству Я. К. Грота, честнѣйшій человѣкъ.

[4]) Помощникъ гувернера, см. о немъ нелестный отзывъ Корфа (Гротъ, стр. 293).

[5]) Ключникъ при экономѣ.

[6]) Гувернеръ, приставленный для упражненія во французскомъ языкѣ, но самъ въ немъ слабый (Корфъ).

2 [1]).

Аполлонъ, напившись пьянъ,
Пѣлъ однажды на скрыпицѣ
Музѣ, чистенькой дѣвицѣ:
Транъ, транъ, транъ.

* * *

Позабывъ сады свои,
И виномъ разгоряченной,
Пѣлъ Сатиръ воспламененной:
Три, ти, ти, ти, ти.

* * *

А Французъ и Мусульманъ [2])
Феба, Са́тира черты,
Вдругъ запѣлъ намъ: „Транъ, транъ, транъ,
Три, ти, ти, ти, ти.

---

3 [3]).

Пусть кто хочетъ отличайся,
За транъ, транъ, три, ти ругайся,
Я Царя себѣ ищу
Гдѣ Царь? Гдѣ Царь? Ахъ, когда его сыщу?

* * *

Пусть кто хочетъ отличайся,
И паясомъ представляйся,
А я Ферзь себѣ ищу.
Гдѣ Ферзь? гдѣ Ферзь? Ахъ, когда ее сыщу?

* * *

Пусть кто хочетъ отличайся,
И точеньемъ занимайся,
Я ладью себѣ ищу.
Гдѣ ладья? гдѣ ладья? Ахъ, когда ее сыщу?

* * *

---

[1]) Этой пьесы нѣтъ въ журналахъ. Для объясненія ея у насъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній. Вѣроятно, это шутка надъ лицейскими поэтами.

[2]) Не разумѣются ли здѣсь Пушкинъ и Дельвигъ (въ другой пѣснѣ онъ, кажется,—„Султанъ“)?

[3]) Эта пьеса, какъ и нѣсколько слѣдующихъ, имѣется и въ журн. „Мудрецъ-Поэтъ“ (ч. I). Поводъ ея сочиненія намъ неизвѣстенъ.

Пусть кто хочетъ отличайся,
На гору Парнасъ взмощайся,
Я коня себѣ ищу.
Гдѣ конь? гдѣ конь? Ахъ, когда его сыщу?

* *
*

Пусть кто хочетъ отличайся,
И Кабудомъ забавляйся.
Я слона себѣ ищу.
Гдѣ слонъ? гдѣ слонъ? Ахъ, когда его сыщу?

* *
*

Пусть кто хочетъ отличайся,
И съ Моргаевымъ сражайся,
Пѣшку я себѣ ищу,
Гдѣ она? гдѣ она? Ахъ, когда ее сыщу?

---

4 [1]).

Блаженъ, кто діалогъ не учитъ
И за таблицей вслѣдъ нейдетъ;
Тотъ счастье вѣчное получитъ,
Въ Лицеѣ долѣ проживетъ.

* *
*

Кто съ рисомъ пирожки вкушаетъ,
Печонку съ квасомъ и блины;
Тотъ болѣ брюхо набиваетъ,
И рѣдко къ доктору ходи.

* * *

Какъ лексиконъ онъ растолстѣетъ,
Которой Геймъ намъ написалъ,
Или какъ бочка разширѣетъ,
Мамона мученикъ сказалъ:

* *
*

„Не тако съ вами нечестивы,
„Не тако будете вы жить,
„Не тако будете счастливы,
„Вѣкъ цѣлый будете учить!“

---

[1]) Имѣется въ томъ же журналѣ („Мудрецъ-Поэтъ“).

5 [1]).

Блаженъ мужъ, иже
Сидитъ къ каѳедрѣ ближе; [2])
Какъ лексиконъ,
Растолстѣетъ онъ.
Не тако съ вами—
Съ первыми скамьями,
Но яко скелетъ
Будете худѣть.

---

6 [3]).

Лѣто, знойна дщерь природы
Идетъ къ намъ въ страну;
Жаръ несносный, съ блѣднымъ видомъ,
Слѣдуетъ за нимъ;
Весна убѣгаетъ изъ нашихъ полей;
Зефиры, утѣхи толпятся за ней;
Все, что ни было красой,—все бѣжитъ;
Рѣка изсыхаетъ, ручей не журчитъ,
Цвѣтъ пріятныхъ травъ зеленыхъ
Блекнетъ на лугахъ.
Тѣнь прохладна ужъ не въ силахъ
Насъ отъ зноя скрыть!
Но кинемъ всю горесть: все идетъ чредой,
Жаръ лѣтній, хладъ зимній, пріятства весной.
Богъ внемлетъ и литься дождю повелитъ,
Чтобъ воздухъ отъ вредныхъ паровъ освѣжить.

---

[1]) Имѣется также въ журналѣ (Мудрецъ-Поэтъ).

[2]) Пущинъ въ „Запискахъ“ своихъ приводитъ двустишіе Пушкина:

„Блаженъ мужъ, иже
Сидитъ къ кашѣ ближе“,

сказанное имъ по поводу наказанія, постигшаго его и товарищей за извѣстную исторію съ гоголь-могелемъ.

[3]) Слѣдующія 5 пьесъ (отъ № 6 до 10) извлекаются изъ названнаго журнала, гдѣ они стоятъ подъ №№ 4—8.—Это первое есть стихотвореніе Илличевскаго, ставшее очень популярной пѣснью, не забытой и по выходѣ изъ Лицея. См. выше, стр. 192.

7 [1]).

Полно Д... (Дельвигъ), не мори
Ты людей стихами;
Ждутъ насъ кофе, сухари
Фебъ теперь не съ нами.

* * *

Разрѣшаю: вѣкъ лѣнись;
Попусту хлопочешь,
Спи, любезный, не учись,
Дѣлай, что ты хочешь.

* * *

Въ классахъ риѳмы прибирай;
Съ чашкой здѣсь дружися.
Съ Вилей [2])—Клопштока читай,
Съ нами—веселися.

---

8 [3]).

Ахъ! тошно мнѣ
На чужой скамьѣ!
Все не мило,
Все постыло,
К... (Кюхельбекера) тамъ нѣтъ!

К..... тамъ нѣтъ,—
Не глядѣлъ бы я на свѣтъ;
Всѣ скамейки,
Всѣ линейки
О потерѣ мнѣ твердятъ.

Отвѣтъ.

Ахъ! не скучно мнѣ
На чужой скамьѣ!
И все мило,
Не постыло,
К..... здѣсь нѣтъ.

К..... здѣсь нѣтъ,
Я гляжу на бѣлый свѣтъ:
Всѣ скамейки,
Всѣ линейки
Мнѣ о радости твердятъ.

---

[1]) Срв. В. П. Гаевскаго о Дельвигѣ и его лѣни, „Современн.“ 1853, ст. 1-ая (стр. 69 и 78) и ст. 2-ая (стр. 8—9).

[2]) В. К. Кюхельбекеръ.

[3]) Одна изъ многочисленныхъ шуточныхъ выходокъ на Кюхельбекера, отголоскомъ которой былъ извѣстный стихъ Пушкина: „Такъ было мнѣ, мои друзья, и Кюхельбекерно и тошно!“ В. П. Гаевскій („Современ.“ 1863, т. 97, стр. 149) привелъ одинъ куплетъ этой пѣсни.

9 [1]).

Пусть несчастный человѣкъ
Безъ таланта, бейся вѣкъ,
Чтобы взять уже подъ старость
Съ музы чистый поцѣлуй,
Тьфуй, фуй, фуй!
Что за радость!

* * *

Я не пью Парнасскихъ водъ,
Не пишу гремящихъ одъ.
Ахъ! не въ рифмахъ жизни сладость!
Всякъ на Феба лучше плюй:
Тьфуй, фуй, фуй,
Что за радость?

---

10 [2]).

Физика, къ тебѣ стремлюся,
Наизусть тебя учу,
Я тобою вознесуся
Перво мѣсто получу.

* * *

Хоть соскучу, хоть поплачу,
Сидя за громадой книгъ,
Хоть здоровіе потрачу,
Буду первый ученикъ.

---

[1]) Едва-ли также не на Кюхельбекера.

[2]) Физику (какъ и математику) преподавалъ въ Лицеѣ Карцовъ. Въ старшихъ классахъ никто уже не интересовался и не занимался этими предметами (приводя въ отчаянье преподавателя), за исключеніемъ Вольховскаго, съ которымъ однимъ только и приходилось заниматься Карцову (объ этомъ подробно у М. А. Корфа, см. Гротъ, „Пушкинъ etc.“, стр. 228—230). Быть можетъ, къ Вольховскому, шедшему вообще первымъ, и относится эта пѣсня.

11 (6—въ особ. рукоп.) [1]).

Суворовъ нашъ [2]):
Ура! маршъ, маршъ!
Кричитъ, верхомъ на стулѣ.
Но вотъ *Гарпей:*
Онъ шесть грошей
Пять лѣтъ какъ трётъ въ шкатулѣ.

* * *

Большой *Жано* [3])
Мильонъ бонмо
Безъ умыслу проворитъ,
А нашъ *Французъ* [4])
Свой хвалитъ вкусъ
И м . . . . . у поритъ.

* * *

Вотъ *пышка* мой
Въ глазу рукой
Копаетъ, глядя въ книгу;
Сухой *скелетъ*,
Старикъ въ сто лѣтъ,
Въ углу кусаетъ фигу.

* * *

Поэтъ съ горбомъ
Сидитъ съ *крючкомъ*
И эпиграммы точетъ [5]);
Нашъ *Карамзинъ* [6])
Изъ ста корзинъ
Помаду смазать хочетъ.

* * *

---

[1]) Этой пѣсни, посвященной всѣмъ лицеистамъ (каждому—три стиха), нѣтъ въ журналахъ и, сколько мнѣ извѣстно, она нигдѣ не печаталась даже въ выдержкахъ.

[2]) „Суворочкой“ звали Вольховскаго.

[3]) И. И. Пущинъ (Jeannot).

[4]) А. С. Пушкинъ.

[5]) Вѣроятно, Илличевскій.

[6]) Д. Н. Масловъ.

Вотъ *Сибирякъ* [1]).
Медвѣдь, простякъ,
Валяется въ постелѣ.
А *Дипломатъ*
Пустилъ зарядъ
И брюхо третъ при дѣлѣ.

* * *

Пушкарь *Клопштокъ*,
Сморкнувъ въ платокъ [2]),
Виляетъ головою.
Развернутъ Кантъ
И модный *франтъ* [3])
Душитъ его собою.

* * *

Съ игрушкой *кисъ* [4])
Кричитъ: лѣнись!
Я не хочу учиться;
Сосѣдъ *казакъ* [5]),
Задавъ кулакъ,
Другимъ еще грозится.

* * *

А *Меринос*ъ [6]),
Поднявши носъ,
Безъ пары вальсируетъ;
Косой *Маркизъ* [7]),
Взойдя въ капризъ,
Со птичникомъ бушуетъ.

* * *

---

[1]) А. А. Корниловъ.
[2]) Кюхельбекеръ.
[3]) Быть можетъ, кн. Горчаковъ, котораго Пушкинъ называлъ „питомцемъ модъ“.
[4]) Можетъ быть Н. Г. Ржевскій, извѣстный своей лѣностью.
[5]) И. В. Малиновскій.
[6]) П. Н. Мясоѣдовъ.
[7]) Гр. Брогліо.

Но вотъ усачъ,
Нашъ *шведъ* пугачъ [1])
Въ сердцахъ мычитъ теленкомъ.
Мордань дьячокъ [2])
Псалма стишокъ
Горланитъ поросенкомъ

* * *

Танцуетъ здѣсь
Quadrille française,
Впередъ бочкомъ на балѣ;
А *Шишкинъ* князь,
Надъ нимъ смѣясь,
На флейтѣ скачетъ въ залѣ.

* * *

Курносый *Кепъ* [3])
Грядетъ, какъ Фебъ,
И поправляетъ роги;
Рыжакъ *Кабудь*
Съ слезами въ судъ
Передвигаетъ ноги.

* * *

А толстый *носъ* [4])
(Въ рукахъ von Voss)
Объ нѣмцахъ разсуждаетъ,
Когда *лиса* [5])
Глядитъ съ коса
И графа задираетъ.

* * *

---

[1]) Ѳ. Х. Стевенъ.
[2]) Бар. М. А. Корфъ.
[3]) А. Д. Тырковъ (его звали „Курнофіусъ“ и „Кирпичный брусъ“; что̀ такое *кепъ*—не знаемъ).
[4]) Быть можетъ, Гревеницъ?
[5]) С. Д. Комовскій.

Пузырь *Султанъ* [1])
Въ большой стаканъ
Свой кофій наливаетъ.

* * *

Но вотъ антикъ,
Сѣдой *старикъ*,
Ударить шпорой хочетъ;
А нашъ *jeune homme*
Передъ окномъ
Виски себѣ ерошитъ.

* * *

Вотъ *Музыкантъ* [2])
Комедіантъ
Пастора представляетъ;
А *Остерманъ*,
Въ рогахъ баранъ,
Какъ канцлеръ выступаетъ [3]).

---

12 (7—въ рукоп.) [4]).

Что за странная тревога?
Судятъ по закону Бога.
Богъ вели снять нули.
Ай люли, люли, люли.

* * *

Этотъ списокъ сущи бредни,
Кто тутъ первый, кто послѣдній,
Всѣ нули, всѣ нули,
Ай люли, люли, люли.

* * *

---

[1]) Не бар. Дельвигъ ли? Эта строфа имѣетъ только три стиха.

[2]) М. Л. Яковлевъ.

[3]) Въ этой галлереѣ каррикатурныхъ портретовъ 28-ми воспитанниковъ I курса можно узнать до 20 лицъ. Остаются для насъ неразгаданными слѣдующія прозвища: Гарпей, Пышка, сухой скелетъ, Дипломатъ, Шишкинъ-князь, Кабудъ (встрѣчается и въ другихъ лиц. стихахъ), старикъ, jeuneѣomme, Остерманъ.

[4]) Этой пѣсни нѣтъ въ журналахъ. Она (именно рядъ куплетовъ изъ нея), но нѣсколько въ отличной редакціи, напечатана Гаевскимъ въ его статьѣ о Пушкинѣ въ Лицеѣ, „Современникъ“ 1863 г., т. 97, стр. 396—7.

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вольховскій будетъ первый,
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли (см. купл. 7-ой—*).

* * *

Пусть объ насъ заводятъ споры
Съ Энгельгардтомъ Профессоры,
И они вѣдь нули,
Ай люли, etc...

* * *

Помогли Тыркову чорты,—
Полъ (?) вездѣ онъ иль четвертый,
Все нули, все нули,
Ай люли etc...

* * *

Съ гнѣвнымъ пламенемъ во взорѣ
Данзасъ почтальонъ въ Ижорѣ,
Мы нули etc...

* * *

*) Онъ дьячокъ у насъ исправный [1])
И сидѣлецъ въ классѣ славный,
Мы жъ нули etc.

* * *

Поль [2]) проте(к)сіей Бояровъ
Будетъ юнкеромъ гусаровъ,
Ай нули etc.

* * *

Графу [3]) нѣтъ большой заботы,
Будь хоть юнкеръ онъ пѣхоты,
Ай нули etc.

* * *

---

[1]) У Гаевскаго вмѣсто *онъ*—Корфъ. Не вставилъ ли онъ самъ это имя (имѣя въ виду, прозвище Корфа—дьячокъ-морданъ)? Но по выноскѣ въ рукописи этотъ куплетъ—продолженіе куплета о Вольховскомъ.—О Корфѣ упоминается далѣе.

[2]) Мясоѣдовъ.

[3]) Гр. Брогліо.

Дельвигъ мыслитъ на досугѣ
Можно спать и въ Кременчугѣ,
Ай нули etc.

* * *

Не тужи, любезный Пущинъ,
Будешь въ гвардію ты пущенъ,
Ай пули etc.

* * *

Просвѣщеньемъ Масловъ свѣтитъ,
Въ титулярство Масловъ мѣтитъ,
Ай нули etc.

* * *

Стевенъ, Гревницъ и Корфенокъ
Буду(тъ) рыцари чухонокъ,
Ай нули etc.

---

13. (8—въ рукописи) [1].

(На голосъ: *Бери себѣ повѣсу*).

(1) Предположивъ, и дальше,
На Грацію намекъ,
Ну-съ,—Августинъ богословъ,
Профессоръ Буттервекъ.

* * *

(Предположивъ, и дальше,
На Грацію намекъ,
Надъ печкою богословъ,
А въ печкѣ Бутервекъ) [2].

* * *

---

[1]) Изъ этой популярной пѣсни въ нашей особой рукописи всего 17 куплетовъ, тогда какъ въ „Лицейск. Мудрецѣ“ ихъ 24. Притомъ и тамъ и тутъ порядокъ ихъ размѣщенія—разный. Мы печатаемъ ихъ такъ, какъ они записаны въ 2-хъ №№ „Лицейск. Мудреца“ (и въ „Мудрецѣ-Поэтѣ“), отмѣчая цифрами тотъ порядокъ, въ которомъ помѣщены 17 изъ нихъ въ нашей рукописи.

[2]) Этотъ варіантъ перваго куплета имѣется только въ рукоп. „Лиц. Мудреца“ и „Мудреца-поэта“.

(2) Потомъ Ніобы группа;
Корреджіевъ тьмо-свѣтъ;
Прелестна граціозность—
И счастливъ онъ поэтъ [1]).

* * *

(11) Потише животины!
Да долго ль? говорю;
Потише—Борнгольмъ, Борнгольмъ,
Еще разъ повторю [2]).

* * *

(3) Какіе-жъ вы лѣнивцы!
Ну, на кого напасть?
Да нутека, Вольховскій,
Вы ересь понесли [3]).

* * *

А что читаетъ Пушкинъ?
Подайте ка сюды!
Ступай изъ класса, съ Богомъ,
Назадъ не приходи.

* * *

(15) А слышали ль вы новость?
Нашъ докторъ сталъ лѣнивъ [4]),
Драгуна посылаетъ [5]),
Чтобъ отпереть жену.

* * *

---

[1]) Эти три куплета сочинены на проф. Георгіевскаго (адъюнкта Кошанскаго), который, по словамъ М. А. Корфа, „не умѣлъ ничего сказать спроста и отличался самымъ надутымъ краснорѣчіемъ“; впрочемъ, съ этимъ отзывомъ не совсѣмъ соглашается Я. К. Гротъ („Пушкинъ“, стр. 226).

[2]) На проф. Кайданова (см. Записки Пушкина; также Корфъ, l. c., стр. 227).

[3]) Этотъ куплетъ, какъ и слѣдующій, на проф. Карцова (у котораго занимался одинъ только Вольховскій; см. Корфъ, тамъ же).

[4]) Въ Запискахъ Пушкина еще: ревнивъ (о лиц. докторѣ Пешелѣ).

[5]) Тамъ же: еще: „И графъ послалъ драгуна“.

(16) А Камарашъ [1]) взбѣсился,
Роспини обокралъ;
А Фридебургъ свалился,
А графъ захохоталъ.

* * *

(14) Нашъ докторъ хромоглазый
Въ банкъ выигралъ вчера,—
И слѣдственно, гоняетъ
Онъ лошадей съ утра. [2])

* * *

(17) Скашите мнѣ шастицы
Какъ напримѣръ: Wenn so,
Je weniger und desto,
Die Sonne scheint also. [3])

* * *

Молшать! я самъ фитала,
Молшать! я гувернеръ.
Молшать! ты самъ сафрала;—
Пошалуюсь теперь. [4])

* * *

Матвѣюшка! дай соли,
Нѣтъ моченьки, мой свѣтъ,
Служилъ я Государю
Одиннадцать ужъ лѣтъ. [5])

* * *

---

[1]) Лицейскій экономъ.

[2]) Эти три куплета—на доктора (Моравапина родомъ) Пешеля, добряка и весельчака, бывшаго для лицеистовъ вѣстникомъ всякихъ новостей и забавлявшаго ихъ своими разсказами и анекдотами, а также своимъ русскимъ говоромъ.

[3]) На Шумахера—по „Запискамъ“ Пушкина. Объ этомъ преподавателѣ свѣдѣній не имѣемъ.

[4]) На Гакена—гувернера (1813), о которомъ см. выше.

[5]) На Владиславлева, тоже гувернера (1813–1815).

(13) Bonjour, Messieurs!—потише,
Поводьемъ не играй,
Ужъ я тебя потѣшу,
А quand l'Equitation? [1])

* * *

(12) Лишь для безумцевъ, Зульма!
Вино запрещено,
А Вильмушкѣ-поэту
Стихи писать грѣшно. [2])

* * *

(6) Какой столичный городъ?
Желательно бы знать;
А что такое воротъ?
Извольте мнѣ сказать. [3])

* * *

Скажите: разъ,... два,... три,...
(Тутъ скажутъ всѣ скоты:)
Да гдѣ жъ ее взрости?—
Да на святой Руси. [4])

* * *

Извѣстенъ третій способъ—
Черезъ откупщиковъ.
Въ семъ случаѣ помѣщикъ
Владѣлецъ лишь земли.

* * *

---

[1]) Въ „Запискахъ" Пушкина (какъ у Сапожникова, такъ и у новѣйшихъ издателей) этотъ куплетъ снабженъ надписью „*на Лав.*"; но въ подлинной рукописи (если здѣсь не описка) вѣроятно читается *Лев.*,—ибо куплетъ этотъ имѣетъ въ виду генер. Левашева, командира л.-гус. полка, руководившаго ученіемъ лицеистовъ—верховой ѣздѣ. См. „Записки И. И. Пущина, въ кн. Л. Майкова „Пушкинъ", стр. 67, а также—Гаевскій „Соврем." 1863 г., т. 97, стр. 390.

[2]) На В. К. Кюхельбекера. Въ „Запискахъ" есть варіантъ: А не даны поэту Ни геній, ни вино.

[3]) Въ „Лиц. Запискахъ" этотъ куплетъ обозначенъ: „*на Заб. и Петр.*" Кто здѣсь разумѣется—мы не знаемъ.

[4]) На Иконникова (гувернера, въ 1812 г.).

Къ возмезднымъ договорамъ
Относятся еще:
Наемъ, уполномочье,
Служебный договоръ. [1])

* *
*

(5) Коль не придетъ Директоръ,
Отставку и подамъ
И завтра жъ съ kleiner Сашей,
Отпрафлюсь и съ мадамъ. [2])

Продолженіе этой пѣсни имѣется въ слѣдующемъ № „Лицейск. Мудреца“ подъ заголовкомъ:

„*Опытъ продолженія національныхъ пѣсней*“. [3])

(7) Вотъ пирожки съ капустой,—
Позвольте доложить:
Они немножко гнилы,
Позвольте доложить.

* *
*

(9) Читали ль Россіады
Вы новый переводъ?
Прилежнѣе буквальность
Извольте замѣчать.

* *
*

(10) Какъ Енисей излучистъ,
Здѣсь бился Витгенштейнъ—
Сего я полководца
Въ газетахъ не видалъ [4]).

* *
*

---

[1]) Оба куплета на Куницына, лучшаго лицейскаго профессора, читавшаго политич. экономію и финансы. Куницынъ пользовался общимъ уваженіемъ, и пошлыхъ выходокъ по его адресу лицеисты себѣ не позволяли. Извѣстны лестные стихи о немъ Пушкина (въ Годовщинѣ 19 окт. 1825 г.)!

[2]) Эта строфа—на гувернера Мейера, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Малиновскій въ своемъ письмѣ къ Комовскому, вспоминая, какъ, бывало, гувернеръ этотъ приходилъ будить проспавшаго Матюшкина. См. выше это письмо, стр. 90).

[3]) Изъ этихъ шести куплетовъ пять имѣется въ нашей отдѣльной рукописи.

[4]) Этотъ и предыдущій куплеты—на Калинича, учителя чистописанія и гувернера (см. Корфъ въ кн. Я. К. Грота, стр. 235).

(8) Гдѣ та, сударь, свобода,
Что алчете зѣло?
Молчите вы, довольно,
Довольно говорю.

* * *

Mon cher, повремените
Ah, nous nous connaissons,
Родительный тутъ падежъ
Monsieur, allont au Parc [1]).

* * *

Вставайте, Herr Matuschkin,
А я вамъ и скажу,—
Ну къ чорту!—Ахъ какъ можно
Вы [2]) это и сказать [3]).

14 (6—въ рукоп.). [4])

Ты былъ Директоромъ Лицея,
Хвала, хвала тебѣ, Фроловъ [5]),
Теперь ты ниже сталъ Пигмея [6]),
Хвала, Хвала тебѣ, Фроловъ.

* * *

Ты съ Ожаровскимъ [7]) крысъ гоняешь,
Тучкова [8]) сказки выхваляешь.

---

[1]) Еще на Гакена, „спеціалиста“ по французскому языку, который говорилъ: „allont au parc“, а deux выговаривалъ какъ *dio*. (Корфъ, въ кн. Я. К. Грота, стр. 231).

[2]) Въ отдѣльной рукописи: *мнѣ*.

[3]) Очевидно—на того же Мейера, см. выше.

[4]) Этой, извѣстной хорошо (изъ „Записки“ М. А. Корфа и изъ статьи Гаевскаго) пѣсни нѣтъ въ лиц. журналахъ. Мы печатаемъ эту пѣснь, какъ она читается въ нашей рукописи—согласно порядку строфъ, особо отмѣченному знаками въ оригиналѣ. Личность Фролова, инспектора классовъ, исполнявшаго передъ Энгельгардтомъ должность директора, тоже охарактеризована Корфомъ, и иллюстраціей къ этому и является эта пьеса. Приводимъ здѣсь и коментаріи бар. Корфа (въ кн. Грота, стр. 240—242).

[5]) Этотъ refrain повторяется послѣ каждаго стиха.

[6]) Это было прозвище одного изъ наставниковъ. Оно встрѣчается и въ журналахъ III-го курса, см. *Приложеніе.—К. Г.*

[7]) Управляющій Царскимъ Селомъ.

[8]) У Корфа (въ рукоп. запискѣ) такъ же, но въ кн. Я. К. Грота исправлено *Чулкова*.

Ты съ Камарашемъ на дуэли,
Ты ищешь друга въ Кокюелѣ [1])

* * *

Ребята напилися ромомъ,
Зато Ѳому [2]) прогнали съ громомъ.
Дѣтей ты ставишь на колѣни,
Отъ Графа [3]) слушаешъ ты пени;

* * *

Вотъ Гауншильдъ стучится въ двери,
Фроловъ играетъ роль за...
По поведенью мы хлебаемъ [4]),
А все молитву просыпаемъ.

* * *

Ты первый ввелъ звонка тревогу
И въ три ряда повелъ насъ къ Богу, [5])
Завелъ въ Лицеѣ чай и булки, [6])
Умножилъ классныя прогулки.

* * *

На верхъ пускалъ насъ по билетамъ [7]),
Цензуру учредилъ газетамъ,
Швейцара ссоришь съ юнкерами [8]),
Насъ познакомилъ съ чубуками [9]).

* * *

Очистилъ мѣсто Константину [10]),
Левонтья чуть не выгналъ въ спину [11]),

---

[1]) Одинъ изъ гувернеровъ—французъ, котораго воспитанники такъ не любили, что заставили его прогнать.

[2]) Дядька, купившій ромъ.

[3]) Разумовскаго, министра нар. просвѣщенія.

[4]) Ф. разсадилъ лицеистовъ за столомъ по поведенію.

[5]) Ф. ставилъ ихъ въ церкви въ три шеренги.

[6]) Т. е. возобновилъ ихъ раздачу (послѣ сбитня).

[7]) Въ комнаты воспитанниковъ. Прежде ходили и занимались тамъ свободно.

[8]) Съ лейбъ-гусарскими, которыхъ Ф. запретилъ пускать въ Лицей.

[9]) При Ф., который цѣлый день курилъ, многіе лицеисты стали курить.

[10]) Дядька Сазоновъ, извѣстный по стихамъ „Л. Мудреца“, оказавшійся потомъ убійцей.

[11]) Также дядька—Кемерскій (полякъ), порядочный плутъ, но любимый лицеистами (о немъ въ Запискахъ Пущина, стр. 21).

Отъ насъ не спишь за банкомъ ночи,
Съ людьми изъ всей воюешь мочи.

* * *

Предъ париченкомъ [1]) ты въ халатѣ,
Передъ очками [2]) ты въ парадѣ;
Ты въ страхѣ хлопаешь глазами,
Ты острякамъ грозишь тузами.

* * *

Нашелъ ты фи́гуру [3]) въ фигурѣ,
И умъ въ женѣ, болтушкѣ, дурѣ,
Кадетскихъ хвалишь грамотеевъ [4]),
Твой другъ и баринъ Аракчеевъ.

* * *

Французскимъ забросалъ Вальвиля [5]),
Эмиліей зовешь Эмиля [6]),
Медали въ вѣчной ты надеждѣ,
Ты математикомъ былъ прежде.

* * *

Ты подарилъ насъ кислымъ квасомъ,
За ужиномъ мычишь ты басомъ,
Яды Австріецъ [7]) подпускаетъ,
Фроловъ въ отвѣтъ рукой мотаетъ.

* * *

Для мѣстъ съ герольдіей сносился,
Смѣнить Захарова [8]) просился;
Хотѣлъ убить Наполеонку
И безъ штановъ оставилъ Лонку [9]).

* * *

---

[1]) Гувернеръ Эбергардтъ (въ рыжемъ парикѣ) былъ еще глупѣе Калинича.
[2]) Энгельгардтомъ.
[3]) Такъ Ф. выговаривалъ это слово.
[4]) Онъ служилъ раньше при какомъ-то кадетскомъ корпусѣ.
[5]) Учитель фехтованья.
[6]) Ф., какъ полный невѣжа, воображалъ, что Эмиль Руссо—женщина.
[7]) Вѣроятно, Гауэншильдъ (или можетъ быть Камарашъ?).
[8]) Захаровъ, тогда совѣтникъ царскосельскаго дворцоваго правленія.
[9]) Имѣнье Ф. (въ Смол. губ.), откуда онъ бѣжалъ при приближеніи французовъ.

Кадетъ сѣкалъ на барабанѣ,
Статьи умножилъ въ Алкоранѣ [1]),
Министръ позд(н)енько спохватился,
Фролова листъ оборотился,

* * *

Тебѣ въ лицо поютъ куплеты,
Прими же милостиво эти.
Но все ли только пѣть Фролова?
Хвала, хвала тебѣ, Фроловъ!

* * *

(*На Золотарева*).

Давайте пѣть Золотарева [2]),
Хвала, хвала Золотаревъ!
Ты выдумалъ похабны яства,
Запряталъ въ пироги лѣкарства,
Тебя трясутъ за бакенбарду,
Ты спину гнешь и Эбергарду,
Искалъ Владиміра въ петлицу,
Набрелъ на Зассову сестрицу—
Въ петлицу влѣзъ З—въ.

* * *

15 (въ рукоп. 7-я) [3]).

Я во Питерѣ бывалъ,
Изъ Царскаго туда ѣзжалъ [4]).
Персъ я родомъ [5])
И походомъ
Я на Выборской бывалъ.

* * *

---

[1]) Ссылаясь на Алкоранъ, какъ на законъ нравственности, онъ приписывалъ Магомету то, что ему и не снилось.

[2]) Золотаревъ—помощникъ эконома, пользовавшійся плохой репутаціей (по отзыву Корфа—хуже жида).

[3]) На учителя рисованія и гувернера С. Г. Чирикова. (Въ журналахъ ея нѣтъ). Она напечатана въ „Запискѣ" Корфа, гдѣ имѣется и характеристика Ч—а, котораго въ Лицеѣ всѣ любили (см. „Пушкинъ" Грота, стр. 233—234, и въ другихъ частяхъ книги). Сообщаемъ и примѣчанія Корфа.

[4]) Тогда между Царскимъ и столицей была прегадкая мостовая, и поѣздка туда „для такихъ филистеровъ, какъ Чириковъ, считалась почти геркулесовскимъ подвигомъ".

[5]) Ч. считалъ свой родъ происходящимъ изъ Персіи, и въ физіономіи своей онъ имѣлъ что-то восточное.

Я дежурный когда [1]),
Надѣваю фракъ тогда;
Недежурный —
Такъ мишурный
Надѣваю свой халатъ.

* * *

Вотъ ужъ девять бьетъ часовъ,
Я отъ сна встаю здоровъ.
Позѣваю,
Позываю
Всѣхъ Матвѣевъ, слугъ моихъ [2]).

* * *

И кривой ко мнѣ идетъ
И казенный чай несетъ,
И подноситъ,
Выпить проситъ
И себѣ остатковъ ждетъ.

* * *

Когда въ халатѣ я хожу,
Порядокъ въ домѣ завожу;
Крысъ пугаю,
Обдуваю
Въ шашки въ деньги я дѣтей.

* * *

А во фракѣ какъ хожу,
Дома цѣлый день сижу.
Идутъ въ садикъ,

---

[1]) „Гувернеры дежурили при насъ, говоритъ М. А. Корфъ, черезъ день и проводили съ нами цѣлыя сутки, имѣя, впрочемъ, право раздѣваться и ложиться на ночь, но съ обязанностью обойти нѣсколько разъ коридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены были наши комнаты. Въ этихъ комнатахъ верхняя половина дверей была съ рѣшеткою, завѣшенною только до половины, такъ что, нѣсколько приподнявшись, можно было видѣть, что мы дѣлали и ночью. Внѣ дежурства гувернеры были совершенно свободны и могли вставать утромъ, когда хотѣли. Къ этому обстоятельству относится слѣдующая строфа“.

[2]) Между дядьками было двое Матвѣевъ, изъ которыхъ одинъ кривой. Дядьки прислуживали и гувернерамъ, жившимъ въ Лицеѣ. Квартира Чирикова была въ верхнемъ этажѣ галлереи, соединявшей Лицей съ дворцомъ.

Такъ я дядекъ
Посылаю за себя.

* * *

16 (по рукописи—8-я) [1]).

Вотъ припрятавъ свой парикъ,
Задремалъ ужъ нашъ старикъ.
Скинулъ шапку,
Надѣлъ тряпку,
Воображаетъ, что колпакъ.

* * *

17 (по рукописи—9-я).

Вотъ Эбергардъ, смотрите господа!
Съ Кавказскихъ горъ прилетѣлъ сюда.
По Грузинскому Эбергардъ уставу
Въ Лицеѣ хочетъ ввести мудрую расправу
Р(ы)жій парикъ
Глупъ старикъ,
Не по нашему, не по нашему ты нраву,
Убирайся за заставу!

---

[1]) Эти двѣ послѣднія пьески на вышеупомянутаго гувернера Эбергардта (Г. М.), бывшаго очень недолго въ Лицеѣ и удаленнаго, повидимому, по желанію воспитанниковъ.

III.

Лицейскіе журналы.

Лицейскіе рукописные журналы, о которыхъ упоминалось уже не разъ, были однимъ изъ самыхъ характерныхъ и излюбленныхъ видовъ литературной производительности питомцевъ I курса за первые 4 года (1811—1815) пребыванія ихъ въ Лицеѣ и однимъ изъ яркихъ выраженій лицейскихъ ежедневныхъ интересовъ и внутренней интимной жизни и взаимныхъ отношеній воспитанниковъ, а равно отношенія ихъ къ наставникамъ и окружающей внѣшней жизни. Понятно, что для бытописателя и историка Лицея сохранившіеся остатки этихъ журналовъ не могутъ не представлять значительнаго интереса, и ихъ „совершенно мѣстный и слишкомъ личный характеръ“ отнюдь не дѣлаетъ ихъ „незанимательными“, какъ выразился о нихъ почтенный бытописатель Лицея [1]).

Правда, въ содержаніи ихъ много мѣстами ребяческаго, пустого и школьническаго, иногда даже грубоватаго и—пожалуй—тривіальнаго (что̀ слишкомъ естественно и понятно), [2]) но много въ нихъ и такого, что̀ даетъ выгодное понятіе о развитіи, вкусахъ, интересахъ, умственныхъ занятіяхъ и начитанности юношей, издававшихъ эти журналы и принимавшихъ въ нихъ участіе. Извѣстно, что въ нихъ не считали ниже себя участвовать (впрочемъ, всегда анонимно) лучшіе лицейскіе поэты, не исключая и самого Пушкина, который въ одной изъ вычеркнутыхъ первоначальныхъ строфъ стихотворенія 19-го октября (1825) вспомнилъ и о лицейскихъ журналахъ:

. . . . . .
И нашъ словарь, и плески мирной славы
И критики „лицейскихъ мудрецовъ“.

Все это заставляетъ насъ отнестись къ этому виду лицейской литературы съ не меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ къ другимъ, и налагаетъ обязанность познакомить читателей нашихъ цѣликомъ со

[1]) В. П. Гаевскій, „Современ.“, 1863, т. 97, стр. 148.

[2]) Сами воспитанники (напр., Корфъ) считали ихъ „очень неважными, потому что они писались въ первые годы лицейской жизни“.

всѣмъ, что дошло до насъ отъ лицейскихъ журналовъ. Главнѣйшій изъ нихъ важенъ еще и въ другомъ отношеніи: своими чрезвычайно живо и искусно исполненными иллюстраціями-карикатурами (работы мастера на это Илличевскаго)—на товарищей и наставниковъ. Эти бойкіе и забавные рисунки, нарисованные акварелью (которыхъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ передать здѣсь въ подлинномъ видѣ въ краскахъ), могутъ служить также любопытнымъ матеріаломъ для изображенія лицейскаго быта и товарищескихъ отношеній. Иллюстраціи, говорятъ, были и въ другихъ недошедшихъ до насъ журналахъ.

Изданіе воспитанниками учебнаго заведенія своихъ рукописныхъ газетъ или журналовъ не было явленіемъ исключительно или спеціально лицейскимъ. Оно было въ обычаяхъ тогдашнихъ школъ (закрытыхъ); въ лицеѣ оно возникло сразу и привилось естественно, а благопріятныя условія для литературныхъ занятій вообще въ этомъ заведеніи — помогли пышно расцвѣсть этой журнальной дѣятельности. Рукописные журналы продолжали потомъ издаваться и на слѣдующихъ курсахъ, особенно на нѣкоторыхъ, и изъ посвященной (ниже въ *Приложеніяхъ*) журналамъ III-го курса статьи можно видѣть, насколько на первыхъ курсахъ была въ ходу и популярна эта школьная журналистика [1]).

Лицей открылся въ октябрѣ 1811 г., и въ томъ же полугодіи образовалось, по предложенію М. С. Пилецкаго, среди воспитанниковъ литературное общество или кружокъ, а уже къ началу декабря относится уцѣлѣвшій 1-ый № газеты или журнала *Вѣстникъ*. Но и этотъ журналъ былъ повидимому не первымъ опытомъ, ибо въ немъ есть указаніе на изданіе „*Сарско-Сельскія Лицейскія газеты*“, подъ редакціей Корсакова. Кромѣ того, сохранился еще листокъ какого-то неизвѣстнаго изданія со стихами, принадлежащій безъ сомнѣнія, судя по дѣтскости почерка и содержанія, также къ самымъ первымъ опытамъ этого рода. Опишемъ и воспроизведемъ здѣсь все сохранившееся въ нашемъ архивѣ.

По имѣющимся указаніямъ какъ современниковъ, такъ и тѣхъ, кто пользовался остатками лицейскаго архива I курса, извѣстные въ дошедшихъ рукописяхъ или только по названію журналы хронологически распредѣляются въ такомъ порядкѣ:

Въ 1811 г.: 1) *Сарско-Сельскія лицейскія газеты* издат. Корсаковъ [2]).

2) Императорскаго Сарско-Сельскаго Лицея *Вѣстникъ* сохра-

---

[1]) Процвѣтала она видимо и на VI курсѣ, гдѣ усерднымъ издателемъ былъ мой отецъ. См. въ *Приложеніяхъ*.

[2]) О нихъ узнаемъ изъ журнала „Вѣстникъ“.

нился неоконченный 1-ый №, неизвѣстно чьей рукой писанный, но, очевидно, кѣмъ-то, нетвердымъ въ русскомъ языкѣ и очень малограмотнымъ.

3) Неизвѣстное изданіе, изъ котораго сохранился лишь одинъ листокъ со стихами, писанный, повидимому, Кюхельбекеромъ.

Въ слѣдующемъ 1812 г. возникли два журнала:

1. „Для удовольствія и пользы“ [1]), по сообщенію В. П. Гаевскаго („Пушкинъ“ etc., Современн. 1863, т. 97, стр. 141), неизвѣстно, откуда почерпнутому, продолжался и въ 1813 г. и вышелъ въ числѣ 12 нумеровъ; издателями его были: Вольховскій, Есаковъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ, Масловъ и Яковлевъ. Этотъ журналъ не сохранился, но дошло до насъ—въ видѣ небольшой тетрадки (изъ плохой желтоватой бумаги) *„Прибавленіе къ 4 нумеру журнала для удовольствія и пользы“*, заключающее въ себѣ небольшое патріотическое сочиненіе одного изъ воспитанниковъ „Слова истиннаго Русскаго, 1813“ (См. ниже).

2. „Неопытное перо“, отъ котораго, къ сожалѣнію, ничего не сохранилось и который, по признанію М. А. Корфа [2]), былъ, „самымъ аристократическимъ“. По словамъ Гаевскаго (тамъ же), этотъ журналъ издавался Пушкинымъ, Дельвигомъ и Корсаковымъ (характерно названіе для такихъ издателей!) и вышелъ въ нѣсколькихъ нумерахъ; въ немъ было помѣщено стихотвореніе „Роза“ Пушкина, о происхожденіи котораго (на заданную Кошанскимъ тему) разсказываетъ Пущинъ въ своихъ „Запискахъ“.

Въ 1813, по прекращеніи этихъ журналовъ, возникъ новый подъ названіемъ *„Юные Пловцы“* (иногда его называютъ „Пловецъ“), котораго издателями были, согласно Гаевскому, Пушкинъ, Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Отъ него (вышло всего 2 номера) также не осталось ничего, но о содержаніи его дошло до насъ свидѣтельство въ сохранившемся письмецѣ гувернера Иконникова къ издателямъ этого журнала, дѣлающемъ честь этому загубившему себя несчастною страстью (къ вину) педагогу, поощрявшему юныхъ лицеистовъ—и по разлукѣ съ ними—къ литературнымъ занятіямъ. Это письмо печатается ниже.

Въ 1813-мъ же году, какъ сообщаетъ Гаевскій, со словъ М. Л. Яковлева, послѣдовало запрещеніе издавать журналы, какъ занятіе, отвлекавшее воспитанниковъ отъ ученья,—и дѣйствительно, нѣкоторое время повидимому не возникало новыхъ журналовъ; но

---

[1]) Названіе взято отъ извѣстныхъ: журнала А. Варенцова „Жур. для пользы и удовольствія“ (1805 г.), и сборника „Въ удовольствіе и пользу“ (1810), см. Гаевскій (тамъ же).

[2]) Въ подражаніе ему, очевидно, по выходѣ М. А. изъ лицея, въ его семьѣ выходилъ всего съ мѣсяцъ журнальчикъ подъ тѣмъ же названіемъ.

вѣроятно запрещеніе это было постепенно забыто, и вскорѣ послѣ того [1]) сталъ выходить самый извѣстный лицейскій журналъ „*Лицейскій Мудрецъ*“, изъ котораго дошло до насъ четыре номера за 1815 годъ (въ переплетенномъ альбомчикѣ). Судя по сообщеннымъ выше свѣдѣніямъ, этотъ журналъ содержаніемъ своимъ навѣрно уступалъ двумъ утраченнымъ; онъ грубѣе и пошлѣе: Корфъ его назвалъ наиболѣе „площаднымъ“, но зато иллюстраціи его очень хороши и типичны. Во всякомъ случаѣ надо благодарить судьбу и за то, что сохранился хоть этотъ любопытнѣйшій образчикъ лицейской журналистики. Однакожъ, съ именемъ „Мудреца“ существовалъ у первенцевъ Лицея не одинъ только этотъ „Лиц. Мудрецъ“. Издавался одновременно еще *стихотворный* „Мудрецъ“, въ который входило особо все стихотворное содержаніе „Лиц. Мудреца“. Это былъ журналъ (или періодическій сборникъ) [2]) „*Мудрецъ-Поэтъ или Лицейская Антологія*“. Сохранились, по счастью, двѣ его тетрадки, изъ которыхъ вторая представляетъ въ точности повтореніе стихотворнаго содержанія извѣстныхъ намъ №№ „Лиц. Мудреца“. Первая же не имѣетъ двойника и очевидно есть тоже стихотворная выборка или экцерптъ изъ соотвѣтственныхъ №№ основного журнала. Такимъ образомъ, изъ этихъ дошедшихъ до насъ двухъ тетрадей „Мудреца-Поэта“ подлежитъ опубликованію здѣсь только первая, а содержаніе второй будетъ исчерпано изданіемъ „Лицейскаго Мудреца“. Вотъ и всѣ извѣстные намъ журналы [3]).

I.

Журналъ „Вѣстникъ“ [4]).

Журналъ „*Вѣстникъ*“, какъ выражается Я. К. Гротъ [5]), представляетъ самое эмбріоническое начало своихъ послѣдователей въ

---

[1]) По словамъ Гаевскаго, еще съ конца 1813 г. съ промежутками „Л. М.“ существовалъ-де въ теченіе 3-хъ лѣтъ (до конца 1816 г.). Не знаемъ источника этихъ свѣдѣній, но сохранился „Лиц. Мудрецъ“ только за 1815 г.

[2]) Отъ описанныхъ выше собраній стихотвореній этотъ сборникъ отличался все-же какъ характеромъ содержанія, такъ и анонимностью стиховъ.

[3]) Селезневъ (Историч. очеркъ Лицея) называетъ еще одинъ журналъ „*Сверчекъ*“ (стр. 146), но о таковомъ мы другихъ извѣстій не имѣемъ.

[4]) На верху сильно пострадавшаго отъ времени, надорваннаго листа надпись рукою Я. К. Грота: Подарокъ отъ № 7 (т. е. Малиновскаго), и карандашемъ приписано: „1-ая газета Лицея (изд. Корсаковъ)‘, однакожъ относительно вѣрности послѣдней замѣтки можно усомниться, такъ какъ въ текстѣ журнала имѣются ссылки на издаваемыя Корсаковымъ „Лицейскія газеты“, которыя, думается намъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ этимъ „Вѣстникомъ“. Не Кюхельбекеръ ли составлялъ послѣдній?

[5]) Я. К. Гротъ „Пушкинъ“, etc., стр. 31. примѣч., стр. 271.

томъ же родѣ. Онъ весь или, по крайней мѣрѣ, дошедшая до насъ часть его, заключается въ листѣ грубой бумаги, на которомъ разными почерками [1]) и самымъ безграмотнымъ языкомъ написано нѣсколько замѣтокъ соединившихся для ребяческаго предпріятія товарищей. Очевидно все это относится къ самой первой порѣ пребыванія молодыхъ людей въ Лицеѣ".

Императорскаго Царскосельскаго Лицея

ВѢСТНИКЪ № 1-й.

3 декабря 1811 г.

29 Ноября. Лицей.

Мы получили извѣстіе о весьма страстныхъ пройшествій случившіеся въ теченіе сего мѣсяца, мы поспѣшаемъ увѣдомлять объ оныхъ почтеннейшую публику.

28 ноября. Изъ физической залы.

Извѣстно всѣмъ вражда которая завѣлась между Княземъ Горчаковымъ, Г-номъ Масловымъ и Г-номъ Ламаносовымъ. Мы уже отчаивали видомъ прежде согласія; какъ сего дня Князь Горчаковъ, видя что единое самолюбіе заставляло соперниковъ его не предполагать примереніе, послалъ Г-па Гребиница провителя секретной Експедиціи [2]) доложить Г-ну Маслову, что онъ желаетъ съ имъ имѣть переговоръ и какъ скоро Масловъ пришелъ, Князь ему сказалъ: „Милостивый Государь сказалъ онъ я васъ уважаю хотя ненависть насъ столь долгое время раздѣляло я думаю что лучше позабыть наши прошедшіи раздоры и предлагаю вамъ миръ". Г-нъ Масловъ пораженный симъ великимъ поступкомъ великодушно заключилъ съ имъ миръ. Въ скорѣ послѣ, Г-нъ Ламоносовъ прекратилъ свой гневъ и теперь сіи три знатные особы бываютъ очень часто въ мѣсте и тишина намъ возвращена [3]).

29-го ноября отъ туда-жъ.

Мы получили нѣкоторое вѣсьма любопытныя письма изъ секретной Експедиціи. Они писаны на французскомъ языкѣ.

---

[1]) Почеркъ, по моему, одинъ и тотъ-же, но начало написано нѣсколько тщательнѣе 2-ой половины.—Сохраняемъ всецѣло языкъ и правописаніе подлинника.

[2]) Очевидно тоже какая-то школьническая затѣя, связанная съ предпріятіями изданія. *К. Г.*

[3]) Сюда безъ сомнѣнія относится слѣдующее примѣчаніе внизу страницы: *Сіи извѣстія намъ сообщены г-номъ Корсаковымъ. Издатель Царскосельскихъ Лицейскихъ газетъ. Изд. № 1-аго.*

подарокъ отъ № 7.

Императорскаго Сарско-сельскаго Лицея!

Вѣстникъ № 1-й

3-го Декабря 1811-го Года.

29-го Ноября Лицей.

Мы получили извѣстiе о весьма страстныхъ происшествiи случившiеся въ теченiе сего месяца, мы поспѣшаемъ увѣдомлять объ оныхъ почтеннейшую публику.

28 Ноября. Изъ физической залы

извѣстно всѣмъ вражда которая завелась между Княземъ Горчаковымъ Гномъ Масловымъ и Гномъ Ламаносовымъ. Мы уже отчаивались видомъ прежде согласiя; какъ сего дня Князь Горчаковъ видя что единое самолюбiе заставляло соперниковъ его не предполагать примеренiе, послалъ Гна Гребиница провителя секретной експедицiи доложить Гну Маслову что онъ желаетъ съ нимъ имѣть переговоръ и какъ скоро Масловъ пришелъ Князь ему сказалъ „Милостивой Государь сказалъ онъ я васъ уважаю „хотя неновисть насъ столь долгое „время раздѣляло я думаю что лучше „позабыть наши прошедшiи раздоры „и предлагаю вамъ миръ„ Гнъ Масловъ пораженный симъ великимъ поступкомъ великодушно заключилъ съ нимъ миръ въ скорѣ послѣ, Гнъ Ламоносовъ прекратилъ свой гневъ и теперь сiи три знатные особы бываютъ часто въ мѣсте и тишина нами возвращена

29-го Ноября отъ туда-жъ

Мы получили нѣкоторое весьма любопытныя письма изъ секретной Експедицiи они писаны на француцскомъ языкѣ.

1-е Письмо

Гна Барона Гребиница къ Князю Горчакову

Могулъ я узнать причину вашей холодности со мною? вашъ сердечный другъ С: Ло. также не хочетъ быть со мною и я совсемъ не знаю причины сего.

Подписано
Баронъ Гребеницъ

II. Письмо

Отвѣтъ князя горчакова.

Я не знаю находите ли вы меня вашимъ неприятелемъ но что касается до. С.Л: я проучу его добрымъ манеромъ.

Подписано
Князь Горчаковъ

Мы весьма жалѣемъ что немогли доставить прочихъ писемъ Гна Ламаносова Гн: Гребеница и Кня: Горчакова. Но въ будущемъ вѣстникѣ, мы постараемся ихъ доставить.

Сiя новость сiя намъ сообщено Гомъ Корсаковымъ. Издатель Сарско сельскихъ Лицейскихъ Газетъ. изъ N. 1 его

I-ое Письмо.

Г-на Барона Гребиница къ Князю Горчакову.

Могуль я узнать причину вашей холодности со мною? вашъ сердечный другъ С: Ло: также не хочетъ быть со мною и я совсѣмъ не знаю причины сего.

Подписано Баронъ Гребеницъ.

II-ое Письмо.

Отвѣтъ князя Горчакова.

Я не знаю находите ли вы меня вашимъ непріятелемъ, но что касается до С: Л: я проучу его добрымъ манеромъ.

Подписано Князь Горчаковъ.

Мы вѣсьма жалѣемъ что не могимъ доставить протчихъ писемъ Г-на Ламоносова, Г-на Гребеница и Князя Горчакова. Но въ будущемъ Вѣстникѣ мы постараемся ихъ достать.

Смѣсь.

Сила времени [1]).

Все тленно въ мирѣ семъ!
Все время мощное разрушитъ подъ луною.
И царства сильные, которые ни въ чемъ
Препона не найдутъ подъ времени рукою,
Изчезнутъ на всегда, изчезнетъ ихъ и слѣдъ
Гдѣ горды Римляны владевшіе полсвѣтомъ,
Сокрылись вечности и славы той ужъ нѣтъ,
Которая была единымъ ихъ предметомъ.
Гдѣ Греки сильные? гдѣ мощный Ахиллесъ,
Гдѣ знаменитые, гдѣ храбрые герои?

---

[1]) Объ этомъ безъ сомнѣнія одномъ изъ первыхъ лицейскихъ стихотвореній Илличевскаго было уже упомянуто выше. Оно свидѣтельствуетъ о томъ, насколько И. уже тогда превосходилъ своихъ товарищей (не считая разумѣется Пушкина и Дельвига) развитіемъ и литературной подготовкой.

Которыхъ мужество не разъ увидевъ Персъ,
Отъ коихъ гордые упали стѣны Трои.
Изчезли и они! Изчезнетъ и весь свѣтъ,
И солнце нѣкогда свой огонь въ водахъ погаситъ,
Лишь добродѣтели одной кончины нѣтъ
Она на небеси возмездіе получитъ.

А. Иличевской.

Отрывокъ изъ грозы С-нтъ Лемберта. [1])

Страхъ при звонѣ мѣди
Заставляетъ народъ устрашенный
Толпами стремится въ храмъ священный,
Зри, Боже, число, великій,
Унылыхъ тебя просящихъ сохранить намъ
Цѣль трудъ многимъ людямъ
Принадлежащій. Увы изъ небесъ горящихъ
Разможаетъ гнезда летящихъ
И колосы по полю лежащихъ
Градъ быстро падущій.

Съ французскаго Кюхельбекеръ.

Истинное благополучіе.

Не любимецъ фортуны, ни гордый завоеватель, ни мудрый филозофъ, ни тотъ который правитъ судьбою цѣлыхъ народовъ не могутъ называться щастливцами; единый добродѣтельный мужъ истинно благополученъ. Александръ завоеватель полусвѣта, Діогенъ, Боги(?), мизантропъ, Неронъ управляющій милліонами могли чувствовать истиннаго блаженства, гордость была ихъ руководительницею.

(Продолженіе въ предь).

---

[1]) См. объ этой пьесѣ еще въ отдѣлѣ о стихотвореніяхъ Кюхельбекера (стр. 207 По замѣчанію Гаевскаго („Соврем.“ 1893 г. т. 97, стр. 140), эти невозможно-нелѣпые и безграмотные стихи были помѣщены вѣроятно въ насмѣшку надъ автором. Спустя болѣе 10 лѣтъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату отъ 4 сентября 1822 г., изъ Кишинева (изд. Акад. Н., т. I. стр. 51), пишетъ: „стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго.... (и цитируетъ дословно почти всю эту пьесу). Справься объ этихъ стихахъ у б. Дельвига“. Изъ этого видно, что стихи эти были памятны всѣмъ товарищамъ и даже Пушкинъ зналъ ихъ наизусть.

Разные извѣстіе.

Пер.: предложеніе Мартына Степановича Пилецкаго Инспектора Лицея (2). Разные письма Г-на Корсакова, Илличевскаго и Горчакова, 3-іе—потеренные вещи, 4-ое Анекдоты.

1) Мартынъ Степановичъ Пилецкій инспекторъ Лицея предложилъ слѣдующіе: учредить собраніе всехъ молодыхъ людей, которыхъ общество найдетъ довольно способными къ исполненію должности сочинителя. И чтобъ всякой членъ сочинялъ бы что-нибудь въ продолженіе по крайней мѣрѣ 2-хъ нѣдель, безъ чего его выключить [1]).

(2-ое) Господинъ Корсаковъ написалъ въ своемъ журналѣ Лицейскихъ газетъ слѣдующій Анекдотъ: Г-нъ Данзасъ сдѣлалъ мнѣ недавно весьма страшной вопросъ. Говорилъ ли я объ немъ въ своемъ журналѣ? Я ему отвѣчалъ, что его желаніе будетъ исполнено, онъ хотѣлъ на меня пожаловаться Правленію.

Г-нъ Корсаковъ! получилъ слѣдующее письмо.

Г-нъ Корсаковъ!

Мы очень мало принимаемъ участіе въ вашихъ достопамятныхъ произшествій и просимъ впередъ не утруждать насъ ими.

Горчаковъ. Илличевскій.

II.

Автографъ (кажется Кюхельбекера) со стихами, остатокъ какого-то ранняго Лицейскаго изданія — коллективнаго (какъ видно изъ примѣчанія къ первому стихотворенію), представляетъ довольно загрязненный листокъ грубой голубоватой бумаги въ малую 8-ку и заключаетъ въ себѣ слѣдующія пьесы, въ которыхъ нельзя не видѣть перваго, еще совсѣмъ ребяческаго и малограмотнаго стихотворнаго лепета и сочинительства будущихъ лицейскихъ „литераторовъ“. Разнообразное содержаніе указываетъ на именно „журнальный“ характеръ этого изданія [2]).

[1]) Весьма вѣроятно, что это предложеніе способствовало образованію литературнаго сообщества, но, цитируя это мѣсто, Я. К. Гротъ справедливо замѣчаетъ: „Трудно однако вывести отсюда заключеніе, чтобы главнымъ виновникомъ литературнаго движенія въ кругу первыхъ лицеистовъ былъ Пилецкій, человѣкъ съ весьма плохимъ образованіемъ и до того нелюбимый ими, что они наконецъ вступили съ нимъ въ открытую борьбу и принудили его удалиться“ („Пушкинъ“ и проч., стр. 31). *К. Г.*

[2]) Не остатокъ ли это неизвѣстнаго журнала „Сверчокъ“?.

Гимнъ [1]) Богу.

Кому всѣ люди чтимы,
Какъ не къ тебѣ единому одному,
Кому всѣ принадлежимы,
Какъ не къ тебѣ небесному Отцу.

* * *

Но кто дерзнѣолъ съ тобой сравняться?
Тому на свѣтѣ не остаться
И вѣкъ скитаться
И ни съ кѣмъ не видаться
И въ дуракахъ остаться.

* * *

Тебѣ погода, не погода
Тебѣ единому одному
И всѣ четыре время года
По порядку своему.

Майскій вечеръ.

Въ одинъ прекрасный майскій вечерокъ
Пошелъ я гулять въ лѣсокъ,
Взявши книжку
И сѣвши подъ липку,
Началъ читать
И вздумалъ размышлять,
И вздумалося мнѣ стрѣлять:
Пороху съ собой не взялъ
Да и стрѣлять не смѣлъ.

Пословица.

Шенуй [2]) горы мосты
Будутъ цѣлы кости.

---

[1]) Сія и послѣдующія ошибки, не суть описки издателей, но это суть ошибки взятыя изъ Рукописи самого Автора (*примѣчаніе издателей*).

[2]) Вѣроятно отъ сл. *шановать* (юго-зап.), польск. szanować, т. е. почитать, беречь, щадить (настолько, чтобъ избѣгать?). *К. Г.*

Посланіе къ Великому Мужу грамматики.

Всѣ буквы тебѣ принадлежатъ,
Тебя всѣ гласными дарятъ,
Ты буквы собираешь
Изъ всѣхъ Грамматикъ выдираешь.

Приговорка.

Вѣра, Надежда, и Любовь,
Свекла, Капуста, и Морковь.

Муравлей.

Муравлеюшка кружокъ,
Дай мнѣ хлѣба хоть кусокъ,
Ибо я его не имѣю
А у другихъ просить не смѣю.

III.

Остатокъ журнала „Для удовольствія и пользы“. [1])

Это сочиненіе любопытно, какъ показатель патріотическаго настроенія питомцевъ Лицея въ годину Отечественной войны. На оборотѣ обложки стоитъ: Прибавленіе къ 4 нумеру журнала для удовольствія и пользы.

Слова истиннаго Русскаго.

1813.

Помѣщикъ Нижегородской губерніи, служившій Капитаномъ при Суворовѣ, Сила Силовичъ Усердовъ, услышавъ, что Россійскія войска съ помощію Божіею выгнали французовъ изъ предѣловъ Россіи, поѣхалъ въ Нижній-Новгородъ изъ села своего Хлѣбородова, чтобъ тамъ

[1]) Какъ видно изъ приписки Я. К. Грота карандашомъ возлѣ заглавія, онъ считалъ авторомъ (или переписчикомъ?) этого сочиненія М. Л. Яковлева. Основывается ли это опредѣленіе на одномъ почеркѣ (еще дѣтскомъ, но каллиграфическомъ) или еще на чемъ-либо, мнѣ неизвѣстно. Нельзя не вспомнить при этомъ случаѣ, что Дельвигъ дебютировалъ въ лицейское время съ подписью *Русскій*.

вмѣстѣ съ прочими гражданами порадоваться о успѣшныхъ подвигахъ Россійскаго оружія, и по долгу христіанскому отслужить благодарственный молебенъ Господу, крѣпкому во браняхъ. —Пріѣхавши туда, немедленно принесъ благодареніе Всевышнему. Послѣ обѣда пошелъ на большую площадь и, сѣвши противъ памятника Пожарскаго и Минина, сталъ вслухъ разсуждать:

„Молвить правду-матку, а французы—сущая саранча. На Итальянскія поля возлетѣла, да все поѣла; Нѣмецкія достались не за денежку; Швейцарскія мало пощипала; Голландскія сожрала; съ Прусскихъ скоро улетѣла; отъ Польскихъ не скоро отстала: а Русскія такъ полюбила, что зимовать осталась.—Что съ фиглярами прикажешь дѣлать?—Корсиканецъ самъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ [1]). Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. Полюбилась ему нѣмецкая (та) страна, такъ онъ ловитъ всѣхъ Князьковъ, какъ ястребъ цыплятъ. — Знать, когти-то у него велики. — Да не все коту масленица, будетъ и великій постъ. Богъ васъ благословитъ, Кутузовъ и Витгенштейнъ, а монархъ да украситъ васъ почестями; и имена ваши да пребудутъ въ сердцахъ истинно любящихъ Отечество, дорогое царство Русское, народъ котораго въ вѣрѣ непоколебимъ и духъ котораго великъ: *Разумѣйте языцы и покоряйтеся яко съ нами Богъ*: говаривалъ мнѣ батюшка; не вертись на ножкѣ; не перенимай съ образованности-та французкой кривюльки. Почитай Бога; люби царя; и поступай по заповѣдямъ: Вотъ лучшая мораль, которую почтенные французы съ краснорѣчіемъ изливаютъ изъ сердца своего. У нихъ по большей части на языкѣ медъ, а подъ языкомъ ледъ. Не случилось мнѣ видѣть этого индѣйскаго пѣтуха; а ужасовъ и до сихъ поръ такихъ не слыхивалъ. Не рыдай, матушка Москва,—Наша взяла; не оружіе защищало насъ, ни военныя хитрости, но самъ праведный Господь наказалъ злодѣйскую душу. Появились Пожарскіе, Минины, и Сцеволы воскресли. Стало быть, французы только знаютъ вкусъ въ духахъ да въ рогахъ на головѣ, да въ моргослѣпости. У насъ такъ все основано на православной вѣрѣ.—Есть время всему—и орѣшки пощелкать и колачикъ съѣсть Московской, и стерлядью полакомиться, но у господъ просвѣщенныхъ грабителей Европы всегда пиръ горой. — Заповѣди топчутъ ногами; ерошутъ лишь голову, скалютъ зубы, а путнаго нѣтъ ничего, бормочутъ о вздорѣ, да какъ еще вытянутся: такъ и соколикъ! Всѣхъ бы ихъ ботажьемъ. Онъ бы лучше пурганца выжалъ — не потребнаго морсу. — Нѣтъ, Бонапартъ! — Не смѣй къ намъ ни ногой; а то по прежнему примутъ хорошо въ гости, да проводятъ по старому малый Ярославецъ съ Краснымъ. Сколько вору не воровать, а кнута не миновать. Бывало, какъ мы съ Суворовымъ пригрянемъ въ штыки ко-

[1]) Исправлено кѣмъ-то изъ „бородастый котокъ“.

лонной, такъ искры посыплятся, а Улиты-та какъ немазанныя колеса заскрыпятъ.—Ура! Впередъ! Ступай! Не робѣй! а конница-та тро-тото-трото и примутъ живодеровъ въ руки. — Вспомнишь, такъ сердце заноетъ.—Память тебѣ Требіо; не Карфагенцамъ четы. Русскіе отдули потомковъ та Галловъ. А имъ все неймется!—Они все лѣзутъ впередъ. — Трудно опредѣлить именемъ народъ французскій.—Корсиканца-та вдоль и поперекъ знаемъ. Они не христіане, не бусурмане, не раскольники, не поклоняются идоламъ, а ихъ Зевесъ—Наполеонъ. Они суть особенный народъ подъ названіемъ Великой націи страшнаго разбойника Наполеона, забывшаго человѣчество, и исполняющій злобу своего повелителя. Его не вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать.—Нашимъ старухамъ придется въ потомствѣ назвать его кащеемъ безсмертнымъ или Змѣемъ Горынычемъ или какою-нибудь Гидрою Лернскою;—Кутузова сильнымъ богатыремъ, а Москву замкомъ. Чего отъ того ждать путнаго, который и образины не перекреститъ. У нихъ умъ за разумъ зашелъ. Всѣ какъ пузыри надулись, а послѣ какъ лопнутъ, то такъ присядутъ, что ну, пади! Худо казаки попотчевали нагайками.—Благородные Испанцы! вы одни при своей бѣдности оказали свое великодушіе. Не богаты вы сокровищами; но вѣра, какъ чистой ручей, струится въ изобиліи, и орошая, питаетъ васъ. Вы не хотѣли быть порабощенными злодѣемъ и бичемъ рода человѣческаго. — Богъ тѣмъ помогаетъ, которые искренно любятъ Его. *И уповая на Него буду и спасуся Имъ.* Можно ли сравнивать съ ними прочихъ народовъ; а особливо Нѣмцевъ и Поляковъ.—Они какъ флюгеры: куда вѣтеръ сильнѣе подуетъ, туда и они. Первые говорятъ: Was soll man machen; а жмутся отъ всего, какъ цвѣты отъ мороза; а послѣдніе, прижавшись и поглаживая голову, говорятъ: Дали Бугъ не винъ цо робоци цѣлуе стопки асъ пане доброзея,—что же скажутъ они дружку-та? Когда передъ всѣми унижаются.—Нѣтъ, немногіе народы имѣютъ истинно великость духа. Господи, прости мнѣ, естьли я что молвилъ противъ святой воли твоей".

Онъ пошелъ домой, перекрестился передъ соборомъ и возвратился спокойно къ семейству своему.

IV.

Отъ журнала „*Юные Пловцы*" не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ нижеслѣдующаго письма А. Н. Иконникова (1813 г.), уже оставившаго тогда Лицей.

Господамъ издателямъ журнала: подъ заглавіемъ Юныхъ пловцевъ —

отъ Корреспондента Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, отставного Гувернера.

Успѣхи ваши въ изданіи Вашего журнала видѣлъ я съ сердечнымъ удовольствіемъ, сочиненія Ваши, въ ономъ помѣщаемыя, читалъ съ равномѣрнымъ—и баллады: Громобой [1]), Галебъ и Кантемира, прозаическія сочиненія: Изяславъ кн. Горчакова, Полордъ г-на Есакова, Освобожденіе Полоцка, Бѣлграда, Кіева—писанныя участвующими, или сотрудниками Вашихъ Обществъ [2]),—такъ и Гренобль г-на Маслова, басни г-на Яковлева и Дельвига — и теперь еще въ моей памяти. — Уважая Ваши занятія, которыхъ основаніемъ и цѣлью суть охота къ усовершенствованію себя въ Россійской словесности, пріемлю смѣлость покорно просить Васъ, Милостивые мои Государи, Господа издатели, о принятіи и меня, любителя Отечественнаго языка и, смѣю сказать, полезныхъ упражненій, въ ваши Корреспонденты. Увѣряю васъ, что лестное для меня званіе сіе постараюсь, сколько возможно, оправдать моими трудами. Въ надеждѣ Вашего благоволенія, пребудетъ на всегда нижеподписавшійся проситель, съ должнымъ, истиннымъ къ Вамъ почтеніемъ —

А. Иконниковъ.

Сентября 2 дня
1813.
Вас. Островъ [3]).

---

[1]) Или Буревой (Примѣч. И-ва).

[2]) Изъ этого можно заключить, что среди воспитанниковъ образовалось не одно общество для литературныхъ занятій.

[3]) Написано на большомъ листѣ синей грубой бумаги (съ водянымъ знакомъ 1812). Сверху первой страницы оттиснутъ черный штемпель съ монограммой изъ буквъ, кажется, латинскихъ А. и Ј. съ двуглавымъ орломъ надъ ними и вѣнкомъ вокругъ. Объ Иконниковѣ см. выше, стр. 74.

Здѣсь будетъ кстати отмѣтить, что изъ произведеній А. Н. Иконникова (служ. съ 1811—12 г.), бывшаго внукомъ извѣстнаго актера Дмитревскаго, сочинявшаго, какъ извѣстно стихи, а также драматическія пьесы и написавшаго для лицейскихъ спектаклей нѣсколько пьесъ,—сохранилась одна, именно написанная имъ для воспитанника М. Л. Яковлева, обладавшаго большимъ комическимъ талантомъ, комедія въ 1 дѣйствіи „*Добрый Помѣщикъ*“, разыгранная воспитанниками 30 авг. 1812 г. Это—рукопись въ видѣ тетрадки, въ листъ форматомъ (съ полями), состоящей изъ 12 листовъ, исписанныхъ мелкимъ почеркомъ автора.

Бумага плохая, сѣроватая, края обтрепаны. Въ рукописи, особенно во второй половинѣ—много помарокъ. Очевидно, это черновой оригиналъ пьесы. На первомъ листѣ—заглавіе и дѣйствующія лица.

V.

Лицейскій Мудрецъ.

„Лицейскій Мудрецъ есть архивъ всѣхъ древностей и достопримѣчательностей Лицейскихъ. Для того-то мы будемъ помѣщать въ семъ журналѣ приговорки, новыя пѣсенки, вообще все то, что занимало и занимаетъ почтенную публику (т. е. лицейскую)“ — такъ, между прочимъ, однажды опредѣляетъ себя самъ Мудрецъ [1]).

Это — единственный лиц. журналъ I-го курса, который сохранился въ значительной своей части (съ помѣткой 1815 г.). Мы уже говорили выше, что онъ — по отзыву питомцевъ I курса — былъ отнюдь не изъ лучшихъ: бар. Корфъ называетъ его даже „самымъ площаднымъ“, но во всякомъ случаѣ онъ очень характеренъ: а его юмористическое содержаніе и тонъ — направленные главнѣйше на личности дѣйствующихъ персонажей Лицея, преподавателей, гувернеровъ и воспитанниковъ, даютъ не мало любопытнаго для характеристики какъ ихъ, такъ и лицейскаго быта вообще.

Съ нѣкоторыми изъ статей журнала вкратцѣ уже познакомилъ читателей мой отецъ въ своей извѣстной книжкѣ, но откладывать долѣе напечатаніе цѣликомъ этого памятника лицейской старины — нѣтъ основанія.

Я. К. Гротъ далъ и обстоятельное описаніе этого журнала, которое мы повторяемъ здѣсь, не считая нужнымъ что-либо измѣнять въ немъ.

Замѣчу предварительно, что „Лицейскій Мудрецъ“ отыскался не сразу. Его долго считали утраченнымъ, а именно оставшимся въ бумагахъ скончавшагося во Флоренціи (1820 г. отъ чахотки)

„*Добрый Помѣщикъ*“. Представленіе въ 1-мъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

Г. Добровъ, помѣщикъ — г. Масловъ.
Альбертъ, братъ его — г. Пущинъ.
Иванъ, слуга Доброва — г. Костенскій.
Ундеръ-офицеръ — г. Илличевскій.
Комиссаръ (въ комедіи онъ названъ засѣдателемъ) — г. Яковлевъ.
Староста — г. Корсаковъ.

Приводить содержаніе комедіи, по словамъ Гаевскаго „крайне наивное“, считаемъ излишнимъ. Представленіе этой пьесы (при посторонней публикѣ) вызвало неудовольствіе Министра Нар. Просв., запретившаго такіе спектакли, какъ отвлекавшіе учениковъ отъ занятій. Позже они возобновились. См. Гаевскій, „Современн.“ 1863, т. 97, стр. 137—8. Также „Записка“ Корфа, у Грота, „Пушкинъ“. стр. 242—243.

[1]) См. въ его № 3, отд. „Смѣсь“.

воспитанника I-го к. Н. А. Корсакова: В. П. Гаевскій долго искалъ тщетно его и другіе журналы, и въ 1853 г.—въ своихъ статьяхъ о Дельвигѣ не могъ ими воспользоваться. Но черезъ 10 лѣтъ, въ 1863 г., когда писалъ свою статью о Пушкинѣ въ Лицеѣ, онъ уже имѣлъ въ рукахъ „Лицейскій Мудрецъ", но не сообщилъ, гдѣ онъ нашелся. Надо думать, что Гаевскій получилъ и его отъ М. Л. Яковлева (вмѣстѣ съ другими бумагами), отъ котораго всѣ эти рукописи перешли, какъ знаемъ, къ Матюшкину. Послѣдній и передалъ этотъ журналъ, въ числѣ прочихъ документовъ, моему отцу. Вотъ что сообщаетъ Я. К. Гротъ объ этомъ изданіи:

„Сохранившійся *„Лицейскій Мудрецъ"* составляетъ небольшую тетрадь или книжку въ формѣ продолговатаго альбома, въ (темно) красномъ сафьянномъ переплетѣ. На лицевой сторонѣ переплета, въ золотомъ вѣнкѣ, читается заглавіе и подъ нимъ означенъ годъ: „1815". Въ январѣ этого года воспитанники перешли въ старшій курсъ, а возобновленный журналъ сталъ выходить осенью и продолжался еще въ началѣ 1816 года [1]). Въ этотъ періодъ явилось четыре номера, которые всѣ и содержатся въ описанной книжкѣ. Въ концѣ каждаго раскрашенные рисунки работы Илличевскаго, представляющіе то воспитанниковъ, то наставниковъ въ разныхъ сценахъ, отчасти описанныхъ въ статьяхъ журнала. Издателями, по словамъ Матюшкина, были: Данзасъ (будущій секундантъ Пушкина) и Корсаковъ [2]). Статьи по большей части писаны красивымъ почеркомъ перваго [3]), почему въ началѣ книжки и означено „Въ типографіи Данзаса". Изъ прибавленной къ этому шутки: „Печатать позволяется. Цензоръ Баронъ Дельвигъ" — можно заключить, что этотъ товарищъ, всѣми уважаемый за свою основательность, просматривалъ статьи до переписки ихъ на-чисто. Почти вся проза принадлежитъ, кажется, самому Данзасу; по крайней мѣрѣ, во второмъ уже номерѣ онъ бранитъ своихъ читателей за то, что они ничего не даютъ въ журналъ, и грозитъ имъ, что, если это будетъ продолжаться, „если, говоритъ онъ, ваши Карамзины не развернутся и не дадутъ мнѣ какихъ-нибудь смѣшныхъ разговоровъ: то я сдѣлаю вамъ такую штуку, отъ которой вы не скоро отдѣлаетесь. Подумайте.— Онъ не будетъ издавать журнала.—Хуже.—

---

[1]) По словамъ Гаевскаго („Современн." 1863, т. 97, стр. 144), онъ существовалъ до конца 1816 г.

[2]) По Гаевскому же (тамъ же) издателями были, кромѣ названныхъ, еще Мартыновъ и Ржевскій.

[3]) Едва-ли не большая половина написана С. Д. Комовскимъ, въ чемъ всякій можетъ убѣдиться, сличивъ одинъ изъ почерковъ журнала съ почеркомъ его лицейскихъ записокъ.

Онъ натретъ ядомъ листочки „Лицейскаго Мудреца“. —Вы почти угадали; я подарю васъ усыпительною балладою г. Гезеля (то-есть Кюхельбекера)“. Послѣдній, то подъ приведеннымъ именемъ, то съ намекомъ на пристрастіе къ дерптскимъ студентамъ, или на дурное произношеніе русскаго языка, служитъ постояннымъ предметомъ насмѣшекъ на страницахъ „Лицейскаго Мудреца“.

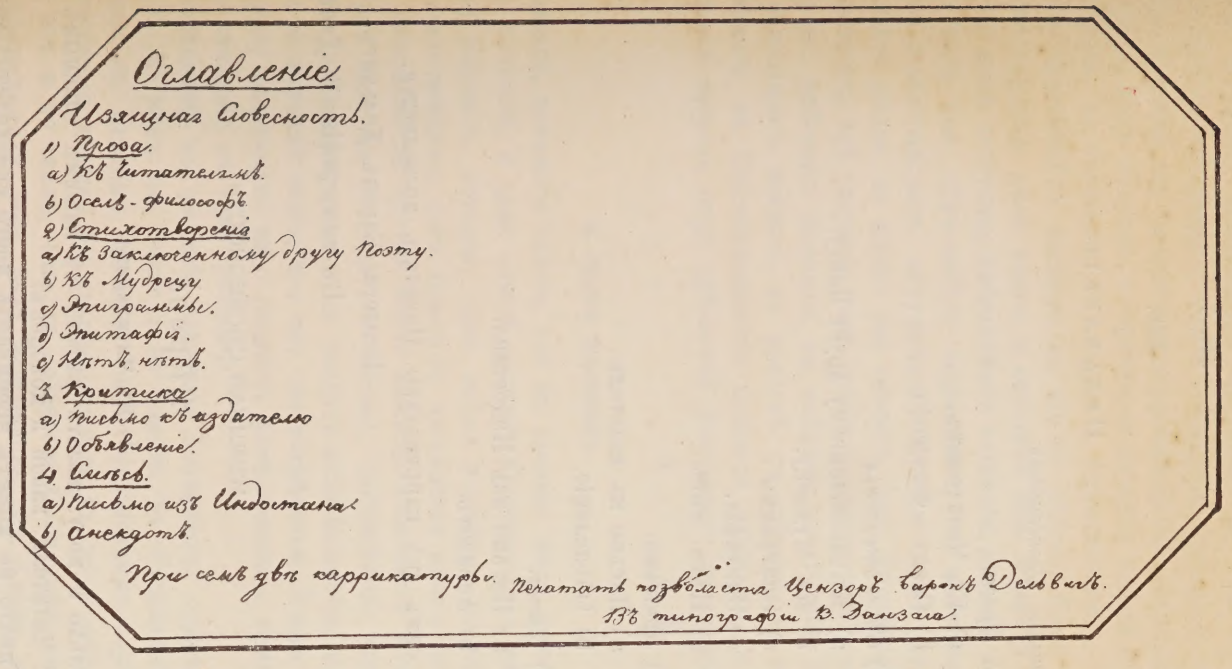
Къ сказанному прибавимъ, что (какъ выше уже упомянуто), два четкихъ, красивыхъ почерка, которыми (въ перемѣшку) написанъ текстъ журнала, принадлежатъ, безъ сомнѣнія, Данзасу и Комовскому. Первый № весь писанъ Данзасомъ (оттого и шуточная подпись „Въ типографіи Данзаса“). Во 2-мъ № только начало и конецъ („Проза“ и „Критика“) написаны Данзасомъ. Все остальное—Комовскимъ. Совершенно то же находимъ и въ 3-мъ №. Наконецъ 4-ый № — сплошь написанъ Комовскимъ. Акварельные рисунки-карикатуры при каждомъ № (безъ имени автора), по свидѣтельству первокурсниковъ, принадлежатъ Илличевскому.

Что касается содержанія статей журнала, то оно все—юмористическое и во всѣхъ №№ заключаетъ въ себѣ отдѣлы: *Изящной словесности: Прозы* и *Стиховъ*, затѣмъ *Критики* и *Смѣси*, а въ №№ 3 и 4 къ этому присоединена еще статья *„Политика“*. Предметомъ насмѣшекъ и нападокъ служатъ то товарищи, то наставники: изъ товарищей всего болѣе достается Кюхельбекеру („Гезелю“) и Мясоѣдову, а изъ прочаго лицейскаго персонала особенно нѣкоторымъ гувернерамъ и доктору Пешелю: Но не одни интересы домашней, лицейской жизни затрагиваются въ „Лиц. Мудрецѣ“. Ему не чужды и вопросы общественные и политическіе. На подобныя двѣ статьи (съ краткой передачей ихъ содержанія) указалъ Я. К. Гротъ въ своемъ описаніи „Лиц. Мудреца“. Это именно—„Занятіе Наполеона Буонапарте на Нортумберландѣ“ по поводу толковъ о паденіи Наполеона и „Апологія“—съ защитой вызова въ Россію иностранныхъ педагоговъ.

Стихотворная часть „Л. Мудреца“ въ общемъ довольно слабая, главнѣйше направленная на тѣхъ же товарищей и педагоговъ, въ которой есть и совсѣмъ не остроумное и пошловатое, заключаетъ въ себѣ, однако жъ не мало и забавнаго и любопытнаго. Таковы прежде всего „Національныя пѣсни“, съ которыми я уже познакомилъ читателей выше, а затѣмъ нѣкоторыя пародіи, эпиграммы и басни, обличающія и остроуміе и изобрѣтательность и бойкость пера юныхъ авторовъ [1]).

[1]) На нѣкоторыя изъ нихъ уже указано въ статьяхъ Гаевскаго и Я. Грота.

Внѣшній видъ „Лицейскаго Мудреца",
переплетеннаго въ темно-красный сафьянъ.



Оглавленіе.

Изящная Словесность.

1) Проза.
a) Къ Читателямъ.
b) Оселъ-философъ.
2) Стихотворенія
a) Къ Заключенному другу Поэту.
b) Къ Мудрецу
c) Эпиграммы.
d) Эпитафія.
e) Нѣтъ, нѣтъ.
3. Критика
a) Письмо къ издателю
b) Объявленіе.
4. Смѣсь.
a) Письмо изъ Индостана.
b) анекдотъ.

При семъ двѣ каррикатуры. Печатать позволяется Цензоръ баронъ Дельвигъ.
Въ типографіи В. Данзаса.

Оглавленіе 1-го №. „Лицейскаго Мудреца“ 1815 г.

Лицейскій Мудрецъ

№. 1.

1815.

Оглавленіе.

Изящная Словесность.

1) *Проза.*
   a) Къ Читателямъ.
   b) Оселъ—Философъ.

2) *Стихотворенія.*
   a) Къ заключенному другу Поэту.
   b) Къ Мудрецу.
   c) Эпиграммы.
   d) Эпитафія.
   e) Нѣтъ, нѣтъ.

3) *Критика.*
   a) Письмо къ издателю.
   b) Объявленіе.

4) *Смѣсь.*
   a) Письмо изъ Индостана.
   b) Анекдотъ.

При семъ двѣ каррикатуры. Печатать позволяется.

Цензоръ Баронъ Дельвигъ.

Въ типографіи В. Данзаса.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1) Проза.

1) Къ Читателямъ.

Ну! только я могу сказать вмѣстѣ съ нашимъ славнымъ Поэтомъ: „Ахти! Читатели, какой я молодецъ!“

Какъ! ничто не можетъ перемѣнить моего снисходительнаго характера, — дни и мѣсяцы летѣли; все перемѣнилось,—стулья ломались,—стекла бились, и дребезги ихъ являли плачевнѣйшія доказательства, что въ семъ мірѣ тлѣнно; а я!... я не перемѣнился, та же услужливость, тѣ же мудрыя изреченія, тотъ же трудолюбивый характеръ, тѣ же... но довольно себя хвалить; словомъ послѣ долговременнѣйшаго

отсутствія, я возвращаюсь къ вамъ, любезнѣйшіе читатели, обогащенный новыми познаніями и открытіями [1]).

Я издаю журналъ, любезнѣйшіе читатели, *но*... это *но* предполагаетъ величайшую остановку и такое возраженіе, котораго вы не ожидаете. Какъ я издаю его по причинѣ величайшей благосклонности моей къ вамъ, то я, какъ мудрецъ, не признавая никакой власти надъ собою, кромѣ разсудка, не обѣщаюсь его издавать періодически...

Это васъ чрезвычайно тронуло, но что же дѣлать? Какъ быть? Теперь година трудная, дѣлъ много, а особливо мнѣ, мудрецу!...

Но я съ вами поступлю, любезнѣйшіе читатели, какъ съ маленькими дѣтьми; естьли они чѣмъ-нибудь недовольны, то мамушка или нянюшка ихъ вознаграждаетъ игрушечкой. Нумера этого журнала будутъ выходить рѣдко, да мѣтко: это значитъ, что Лицейскій мудрецъ будетъ прилагать всѣ старанія свои, чтобъ принести вамъ удовольствіе; но естьли же, любезные читатели, вы найдете, что голова Лицейскаго мудреца повредилась немного въ разлукѣ съ свѣтомъ, то что же дѣлать? извинить съ благосклонностію слабость старости, и подумать, что *Лицейскій мудрецъ* скоро сдѣлается *Лицейскимъ старичкомъ*!...

Л.....й М.....ъ.

2. Оселъ философъ.

Я слышалъ, помнится гдѣ-то, что въ древніе вѣки ослы были въ большомъ почтеніи; и даже самый великій Юпитеръ далъ имъ во владѣніе гору Парнасъ, которая, какъ всѣмъ извѣстно, досталась послѣ нашимъ стихотворцамъ (отъ такого-то наслѣдства многіе изъ нашихъ Поэтовъ, взбираясь на крутые верхи жилища небесныхъ Музъ, промѣняли разумъ свой на ослиной)—и потому, любезнѣйшіе читатели, вы не должны удивляться, естьли вы увидите осла-философа, осла, разсуждающаго о причинѣ всего, что ему ни встрѣтится. Итакъ, любезные чтецы, прошу раздвинуть уши, разинуть ротъ, словомъ, приложить величайшее вниманіе къ сему разсказу:

„Въ Гишпаніи, въ родинѣ славнаго Донкишота, одинъ мельникъ имѣлъ осла, но какъ онъ никогда не бывалъ въ Саламанкѣ, никогда не дружился съ книгами, почитая оныя діавольскимъ порожденіемъ, коего сочинители должны бы давно попасться въ руки святой Инквизиціи, то онъ и не зналъ, что въ древности были ослы, которые разумомъ превосходили весь родъ мельниковъ отъ Адама до его времени... Племя разумныхъ ословъ почти совсѣмъ истребилось; однакожъ, оставалось нѣсколько ословъ, которые, несмотря на пагубное теченіе

[1]) „Мудрецъ“ возобновленъ въ 1815 г. послѣ значительнаго промежутка времени (начало изданія относятъ къ 1813 г., см. ниже соображенія по поводу I ч. журн. „Мудрецъ-Поэтъ“). *К. Г.*

залива правды, на сіяніе, какъ бы сказать, лягушечнаго сиропа, потеряли всякой бюстъ всемірной исторіи...

Что Читатель?... Неужто не понялъ ты, что это безсмыслица?... Экой дуракъ! смѣйтесь надъ нимъ...

Ха!... ха!... ха!... ха!...

---

2. Стихотворенія.

1. Къ заключенному другу—Поэту.

Дружище старой! я пришелъ,—
Со мной ты будь повеселѣе,
Шути, рѣзвись и пей смѣлѣе,
Ты видишь—я какой пострѣлъ.
Пускай, съ солдатской, битой рожей,
Безрукой, долгой Инвалидъ,
На чорта одного похожій,
У нашихъ пусть дверей стоитъ;—
Чего бояться намъ? похмѣлье,
Доставитъ всякому веселье.

* * *

Ты дядьку одного прибилъ,—
За то тебѣ дружище слава,
За дерзость бы ему я, право,
И оплеуху бъ сотворилъ.
Но въ знакъ побѣды достохвальной,
Наполнимъ пуншемъ мы стаканъ,
И звонъ веселья, звонъ бокальной,
До дальнихъ пронесется странъ!
Чего бояться намъ? похмѣлье
Доставитъ всякому веселье.

* * *

И всѣ сбѣгутся къ намъ толпой,
И пальцемъ всѣ на насъ покажутъ,—
„Гдѣ дружба и вино, тутъ, скажутъ,
„Блаженство, радость и покой“.
Такъ полно жъ, милый другъ, уныло,
Съ подлобья на меня смотрѣть;—

И такъ печально, мрачно, хило
Арестъ забавный твой терпѣть.
Чего боишься ты? похмѣлье
Доставитъ всякому веселье.

---

2) Къ Мудрецу.

Возстань, возстань, мудрецъ,
Ты послѣ усыпленья.
Воскресъ опять творецъ,
Спасти тебя отъ тленья.
И ты опять возстанешь,
Какъ прозой, такъ стихами,
На всѣхъ сатирой грянешъ,
И остры Епиграммы,
Какъ молньи заблестятъ,
Всѣмъ уши заглушатъ.
Опять въ Лицеѣ будетъ
Поэзья процвѣтать.—
Мудрецъ же не забудетъ
Журналъ свой издавать.

Епиграммы [1]).

1.

Извѣстный врачъ Глупонъ
Пошелъ лѣчить Дамета;—
Туда пришедши, вспомнилъ онъ,
Что нѣту съ нимъ ни мази, ни ланцета;
Лекарства позабывъ на этотъ разъ,
Дамета тѣмъ отъ смерти спасъ.

2.

Клитъ пѣлъ, что вылечитъ сестру мою Дориду,
Онъ пѣлъ,—да и отпѣлъ сестрицѣ панихиду.

---

[1]) Прозвища Глупона, Дамета, Клита встрѣчаются и въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. *К. Г.*

3.

Глупонъ въ газетахъ публикуетъ,
Что онъ свой разумъ потерялъ.
О семъ несчастіи во всѣхъ домахъ толкуетъ;
И проситъ каждаго, чтобъ онъ его искалъ.
Награды деньгами не мало.
Не знаю, кто сей трудъ захочетъ предпринять?
Да гдѣ его сыскать?
Когда разсудка въ немъ и сроду не бывало!

4.

„Теперь мнѣ кажется у насъ нѣтъ никого,
„То оду прочитать мою благоволите“
(Такъ ночью говорилъ друзьямъ своимъ Полистъ)—
„Не много... право только листъ“.
— На что намъ? Извините,
Мы спимъ и безъ того.

Епитафія [1]).

Родясь, какъ всякой человѣкъ,
Жизнь отдалъ праздности, труда какъ зла страшился;
Ѣлъ съ утра до ночи; подъ вечеръ спать ложился;
Вставая, снова ѣлъ (да пилъ) и такъ провелъ весь вѣкъ.—
Счастливецъ! на себя онъ злобы не навлекъ.
Кто впрочемъ изъ людей былъ вовсе безъ порока?
И онъ писалъ стихи, къ несчастію, безъ прока.

Нѣтъ! Нѣтъ!

(Подражаніе).

Ты хочешъ, чтобъ я вновь пустился,
Любезный другъ, въ сей шумный свѣтъ,
Кричалъ, гремѣлъ и суетился,—
Нѣтъ! Нѣтъ!

Ты хочешь, чтобы полнъ отваги,
Наемный будучи Поэтъ,
Я разумъ ставилъ въ контръ бумаги,—
Нѣтъ! нѣтъ!

---

[1]) Написана на товарища Ржевскаго, большого лѣнтяя. См. Записку М. А. Корфа (Гротъ, „Пушкинъ“, etc., стр. 227, прим.).

Чтобъ для ассесорскаго чину,
Готовъ былъ всякому сонетъ,
Чтобъ льстилъ вельможѣ-господину;—
Нѣтъ! нѣтъ!

Чтобъ франтомъ въ общество пустился,
Имѣлъ тьму слугъ и тьму каретъ,
Былъ bel-esprit, шутилъ, рѣзвился,—
Нѣтъ! нѣтъ!

Ты хочешь, чтобы въ глупомъ спорѣ,
Рѣшалъ всѣ ссоры пистолетъ,—
Чтобъ былъ я съ разумомъ въ раздорѣ,—
Нѣтъ! нѣтъ!

А я хочу, чтобы въ спокойномъ
Убѣжищѣ я былъ всегда,—
Былъ въ счастьи зависти достойномъ,—
Да! Да!

3. Критика.

1) Найденышъ.

(Письмо къ издателю) [1]).

Милостивый Государь!

Недавно, по причинѣ семейственныхъ обязанностей, пошелъ я въ рынокъ для покупокъ. Набравши провизій, я возвратился домой, но не могу представить вамъ моего удивленія, когда увидѣлъ, что семга и калбасы обернуты какими-то стихами, и какой-то балладой. Я зналъ, что употреляютъ часто газеты и журналы для обертокъ; но не думалъ, чтобы сочиненіе стихами, и даже баллада можетъ служить кровлею для калбасовъ.—Любопытство заставило меня разобрать, и не смотря на пятна, удалось мнѣ прочесть нѣсколько словъ,—вотъ они:

„Заглогшей, скользкою тропою,
„Средь смѣжныхъ съ небомъ горъ,
„Идетъ трепеща надъ клюкою,
„Нещастный Алманзоръ.
„Дитя ведетъ его въ пустынѣ,
„Его на вѣкъ померкнулъ взоръ.

* * *

Постой любезный читатель,— *Алманзоръ идетъ заглогшей тропою средь смѣжныхъ съ небомъ горъ, въ пустынѣ.* Авторъ позабылъ, *что пустыня не есть горы*, это маленькая вольность, прости ему. —Причастіе трёпёщă говорится трёпёща.

---

[1]) Можно догадываться, что это—шуточная критика одного изъ произведеній Кюхельбекера, на что намекаетъ разборъ 4-й строфы.

. . . . . .
„И ревъ потока усыпился,
„И водъ падущихъ стукъ,
„И горной вѣтеръ укротился,—
„Все разцвѣло вокругъ.
„И улыбнулся долъ въ дали туманной
„И гулъ пронесъ свирѣлей звукъ.

Вотъ красоты; если ты не возхитился, то у тебя холодно какъ ледъ въ сердцѣ: *ревъ усыпился* такъ и *стукъ падущихъ водъ*, два выраженія совершенно поэтическія.—Говорится *гулъ несется*, а не *гулъ несетъ;* но на это истинный геній не смотритъ.

* * *

„О сынъ мой! близко-ль край желанный,
„Обитель дней златыхъ
„Вечернимъ свѣтомъ увѣнчанной,
„Въ тѣни деревъ густыхъ
„Не видишь ли уютной, чистой домикъ
„Такъ! это домъ Отцевъ моихъ.

Вотъ тутъ мы видимъ *домикъ въ тьни деревъ густыхъ и свѣтомъ увѣнчанной.* Это новая фигура, которую можно кажется назвать *Contrasensutio* (противусмыслiе).

* * *

„О сынъ, не тихіе-ль зефиры
„Летятъ съ родной страны.
„Шептанье отъ волшебной лиры
„Дражащія струны,
„Ахъ! тамъ священный прахъ моей Зюлимы:
„Онъ спитъ въ объятьяхъ тишины.

Помниться мнѣ, что въ миѳологіи никогда не представлялись Зефиры съ лирою. Но это за то зефиры родной страны, да и нѣмецкой!!...

* * *

. . . . . .
„Они спѣшатъ, но вотъ раздался
„Внезапный страшный крикъ,
„Увы—вскричалъ—я погибаю
„Ахъ горе и тебѣ, старикъ,
„И старца руку покидаетъ
„Несчастный проводникъ.

Вотъ и катастрофа! Впрочемъ никто не знаетъ, кто кричалъ? Старикъ ли, проводникъ ли, или другой несчастный запутавшійся въ горахъ?

Но и я боюсь запутаться въ лабиринтѣ громкихъ, пышныхъ, но безъ смысла словъ и потому, милостивый государь! Препровождая вамъ сію піесу, остаюсь и пр.

2) Объявленіе.

М. М. М. желали бы съ величайшею охотою представить нѣкоторую пьесу, на французскомъ языкѣ писанную, и вѣроятно также въ какихъ-нибудь рядахъ сысканную, въ которой Герой есть Verville, а другія лица—*dogue maton* и пр., но нѣкоторое несчастное приключеніе помѣшало удовольствію нашему представить вамъ сію піэсу. — Просимъ Гг. Читателей вспомоществовать насъ всякими пособіями, а наиболѣе манускриптами, которые будемъ помѣщать въ нумерахъ сего журнала.

---

4. Смѣсь.

Письмо изъ Индостана къ Лицейскому Мудрецу [1]).

Любезный другъ!

Ты пишешъ мнѣ, что снова являешься на поприщѣ давно уже тобою прославленномъ, снова представляешь просвѣщеннымъ читателямъ своимъ великіе плоды огромныхъ свѣдѣній и полезныхъ занятій твоихъ. — Ты просишь меня, чтобъ я тебя увѣдомлялъ о всѣхъ политическихъ происшествіяхъ, которыя случаются въ нашихъ странахъ, о поворотахъ, выворотахъ и переворотахъ здѣшнихъ Монархій, и я тебя удовольствую. На этихъ дняхъ произошла величайшая борьба между двумя Монархіями.—Тебѣ извѣстно, что въ сосѣдствѣ у насъ находится длинная полоса земли называемая *Бехелькюкеріада*, производящая великой торгъ мерзѣйскими стихами, и что еще страннѣе имѣющая страшнѣйшую Артиллерію. Въ сосѣдствѣ сей Монархіи находилось государство, называемое *Осло-Доясомъвъ* [2]), которое извѣстно по значительному торгу лорнетами, париками, цѣпочками, честьми и проч. и проч.—Послѣдняя монархія, желая унизить первую, напала съ великимъ крикомъ на провинцію Бехелькюкеріады, называемую sourde oreille, которая была разграблена; но за то сія послѣдняя отмстила ужаснѣйшимъ образомъ: она преслѣдовала непріятеля и, не смотря на всѣ усилія королевства *Рейема* [3]), разбила совершенно при мѣстечкахъ *щекъ, спинъ* и проч. и проч. Казалось, что сими пораженіями война совершенно кончилась; но въ книгѣ судебъ было написано, что еще должны были трепетать и зубы и ребры... Снова начались сраженія, но по большей части они кончились въ пользу королевства *Осло-Доясомъва*. Наконецъ, вся Индія

---

[1]) Въ такой формѣ передается разсказъ о ссорѣ двухъ товарищей: Кюхельбекера и Мясоѣдова. (Срав. объ этой пьесѣ: Гротъ „Пушкинъ“, etc. стр. 271).

[2]) Перестановка буквъ въ фам. Мясоѣдовъ.

[3]) Гувернеръ Мейеръ.

пришла въ движеніе и съ трудомъ укротили бѣшенство сихъ двухъ Монархій, столь долго возмущающихъ спокойствіе Индіи. Присовокупляя при семъ рисунокъ, въ которомъ каждая Монархія является съ своими атрибутами [1]). Вотъ тебѣ и реляція, которую ты у меня спрашивалъ; скажи, доволенъ ли ты ею, а я остаюсь твоимъ и проч.

Устинъ Кононычъ Вспышкинъ, помирясь съ сосѣдомъ своимъ Сутягинымъ и отправивъ сына своего за море, самъ отправился восвояси. Ясенъ былъ вечеръ! ясна была душа его, и добродушный помѣщикъ, закуривъ дорогою большую трубку, вовсе не думалъ о бренности вещей въ семъ мірѣ, который во многомъ, говорятъ философы, подобенъ дыму, вылетавшему тогда изъ рта его. Но вдругъ (правду, видно, говорятъ философы) занози себѣ ногу любимая лошадь его, вспылилъ Устинъ, пріѣзжаетъ домой,—кровь у него какъ въ котлѣ кипитъ, смотри-жъ, никто не попадайся ему... Не тутъ-то было, занесъ чортъ къ нему въ комнату—ужъ не сосѣдняго козла, а домашняго осла... у Вспышкина глаза запрыгали,—„вонъ, паршивая скотина, закричалъ онъ, топнувъ ботфортами блаженной памяти Екатерины Алексѣевны, околѣй [вотъ]

---

[1]) На этой первой изъ карикатуръ изображены Мясоѣдовъ и Кюхельбекеръ съ гув. Мейеромъ между ними. *К. Г.*

вся свора моя, если не убью тебя!“ При сихъ ужасныхъ словахъ—онъ вытащилъ изъ сапога арапникъ еще ужаснѣе и, схватя его за уши, сталъ тузить ужаснѣйшимъ образомъ, и вотъ...

Пошла потѣха надъ скотиной
И крикъ псаря, и крикъ ослиной,
И стукъ побой—не стало силъ—
Такую кашу заварилъ,
Что гость ее не раскусилъ.

Тутъ кончается рукопись. Не скажетъ ли чего болѣе рисунокъ? [1]) Ктожъ это изо столба выглядываетъ? это старый нѣмецъ-учитель, который, подобно Вральману, навидавшись до сыта свѣту, донашивалъ въ конюшняхъ Вспышкина дряхлую свою голову. [2])—Одно утѣшеніе его было въ бесѣдѣ съ четвероногимъ Телемакомъ своимъ. О, бѣдный Менторъ! У питомца твоего еле душа въ ... держится.—Прибавленіе найдено

[1]) Карикатура изображаетъ описанную здѣсь сцену. Кого авторъ разумѣетъ подъ Вспышкинымъ, къ сожалѣнію, не знаемъ. Я. К. Гротъ предположилъ (судя по надписи) Илличевскаго, но на какомъ основаніи, не видно. *К. Г.*

[2]) Все тотъ же гуверн. Мейеръ.

въ бумагахъ Вспышкина, что оселъ позабылъ дорогу *къ покою* неучтиваго Вспышкина, выслушавъ долгое періодическое увѣщаніе отъ своего почтеннаго Ментора...

Довольно ль вамъ, читатели?

Лицейскій Мудрецъ

№. 2.

1815

Оглавленіе.

Изящная Словесность.

Проза.

Къ Читателямъ.
Занятія Наполеона Буонапарте на Нортумберландѣ.

Стихотворенія.

Къ друзьямъ.
Бѣдный мудрецъ.
Зима.
Ослы (баснь).
Эпиграммы.

Смѣсь.

Прогулка.
Охота.
Процессія усопшихъ.
(При семъ три каррикатуры)

Печатать позволяется.—Цензоръ Баронъ Дельвигъ.
Въ типографіи К. Данзаса.

1) ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1) Проза.

1) Къ Читателямъ.

Право, любезные Читатели, я чрезвычайно разсерженъ на васъ. Какъ! ни одного пособія не дать мнѣ; заставить меня одного издавать журналъ! Это стыдно! *весьма* стыдно. Послѣ такого озорническаго поступка, я съ вами и говорить не хочу!...

Что Читатели? вы меня кличете? такъ и быть, я послушаю, что вы только можете сказать въ свое оправданіе... Дѣла много! — Неправда; на этой недѣлѣ и уроковъ не было.

Нѣмецкая безсмыслица не трудна, а тьмо-свѣтъ Кореджіевой ночи и Буттервека замѣтить было легко.... Предметовъ не было.... Вздоръ! пустое! На этой недѣлѣ былъ царской день, можно бы написать похвальную оду Катеринѣ Павловнѣ. Такъ! вижу васъ лѣнь подъѣла, мошенница. Только слушайте, любезные читатели, я васъ на этотъ разъ прощу, только хорошенько посмѣйтеся надъ тѣмъ, что только услышите въ нашемъ журналѣ; но если же страшитесь моего мщенія, еслиже, для будущаго нумера, вы мнѣ ничего не пришлете стихотворнаго или прозаическаго; еслиже ваши Карамзины не развернутся и не дадутъ мнѣ какихъ-нибудь смѣшныхъ разговоровъ, то я сдѣлаю вамъ такую штуку, отъ которой вы нескоро отдѣлаетесь. Подумайте.—Онъ не будетъ издавать журнала...—Хуже!... Онъ натретъ ядомъ листочки Лицейскаго Мудреца...—Вы почти угадали: я подарю васъ усыпительною балладою Г-на Гезеля.!![1])

2) Занятія Наполеона Буонапарте на Нортумберландѣ.

(Письмо къ Издателю)

Милостивый Государь!

Старинная дружба наша, и всегдашнее знакомство заставили меня къ вамъ написать нѣсколько строкъ о той огромной чучелѣ, которую мы веземъ теперь на островъ св. Елены. Зная, что вы издаете журналъ, я надѣюсь, что разсказъ мой принесетъ какое-нибудь удовольствіе для любезныхъ вашихъ читателей.—Итакъ приступимъ къ разсказу:

Находясь на Нортумберландѣ, я имѣю часто случай говорить съ нашимъ славнымъ арестантомъ. И даже, по должности моей, имѣю комнату свою подлѣ его комнаты, отъ которой отдѣляетъ меня одна только перегородка. Вчера день былъ пасмурный; поднялся вѣтеръ, и безпрерывное качанье корабля такъ меня утомило (меня—впрочемъ привыкшаго къ морю офицера), что я принужденъ былъ головною болью лечь въ постель. Я легъ въ полдень, а проснулся почти въ полночь.

Свѣтъ въ комнатѣ моего арестанта виденъ былъ изъ моей каюты и мѣшалъ мнѣ снова заснуть. Вдругъ слышу, что Буонапарте вскрикиваетъ:

„Comment, tu ne veux pas? Morbleu! je te ferai obéir, en avant! je vois que tu n'es pas de ma vieille garde, tu es un lache! un poltron!.. [2])

Любопытство заставило меня посмотрѣть сквозь щелку, и что же я увидѣлъ?... Властелинъ Франціи, бичъ вселенной, словомъ Императоръ Наполеонъ, родоначальникъ великой династіи Наполеонидовъ, ...поймавъ

---

[1]) Т. е. Кюхельбекера. *К. Г.*

[2]) Мы нарочно сохранили его собственныя слова, боясь уменьшить ихъ силу. *Примѣч. Л. М.*

двѣ крысы и бросивъ межъ ими кусокъ сахару, занимался тѣмъ, что эти твари ссорились и дрались за него съ остервенѣніемъ. Я притаился, а онъ продолжалъ.

Bien! voila ce que j'appelle charger! Parfaitement bien; je te reconnois pour François, tu peux prendre ce petit morceau de sucre, il est bien gagné... Revenez dans votre maison!...

При сихъ словахъ онъ открылъ ящикъ, въ которой тотчасъ и скакнули крысы, а онъ, затворивъ его, пошелъ ходить по комнатѣ. Долго ходилъ взадъ и впередъ; наконецъ сказалъ:

Oh! le maudit vieillard de Blücher: il m'a fait bien du mal... J'ai bien mal fait d'avoir quitté Elbe. J'avais tout ce que je voulois. Mon unique plaisir à présent composent ces deux rats, que je fais combattre; aujourd'hui c'est le François qui a le dessus, j'en suis bien aise.

Онъ легъ, и я признаюсь не былъ еще увѣренъ, слышалъ ли это я или нѣтъ?—Бѣдный монархъ! тебя разбили, посадили на корабль и везутъ въ вѣчную тюрьму, а твое утѣшеніе въ двухъ крысахъ!!!...

Къ намъ присталъ корабль, ѣдущій въ Петербургъ: остается только время запечатать письмо и остаться вашимъ и пр.

Стихотворенія.

Къ друзьямъ.

Муза, дай бумагу, перья,
Къ вамъ пишу, мои друзья!
Нѣтъ въ поэтѣ лицемѣрья,
Такъ сердиться вамъ нельзя.
А хотите,—я ни слова.
Только перышкомъ вожу;
Съ чердака мово сквознова
Глупымъ фигу я кажу. [1])

* * *

Михель! добрый ты служивой,
Пусть и доброй человѣкъ.
Чту твой разумъ справедливой,
И потертый въ службѣ вѣкъ.
Но ещебъ любилъ я болѣ...
Еслибъ, противъ нашей воли,
Полнедѣли, каждый разъ,
Не дежурилъ ты у насъ. [2])

* * *

[1]) Слова изъ пьянаго Г-на Демокрита. *Примѣч. „Л. М."*
[2]) Быть можетъ, на гувернера Мейера? *К. Г.*

Кварце, точилъ бы ты балясы,
Я смѣяться такъ готовъ.
Но твои мнѣ горче классы
Нашихъ сладкихъ пироговъ.
Формулы твои глубоки,
Тянутъ не хотя ко сну.
Для чегожъ меня, жестокій,
Будишь, если я засну. [1])

* *
*

Мясинъ! жилъ собой ты столько,
Какъ гусарскій твой жилетъ.
Я люблю тебя, но только...
Коль тебя со мною нѣтъ...
Ласковѣй тебя и слаще
Не знавалъ бы сроду я;
Только еслибъ, другъ мой, чаще
Ты отвѣдывалъ дубья! [2])

* * *

И до васъ доходитъ дѣло,
Добрыхъ рѣдкая чета.
Крадете вы чисто, смѣло,
Такъ ли совѣсть въ васъ чиста?
Въ харѣ вы такъ тощи оба,
Такъ ли тощъ у васъ карманъ?
Красть вамъ обоимъ до гроба!
Правду-ль молвилъ капитанъ? [3])

* * *

Чтожъ, Ферситъ, къ тебѣ взываю:
Долголь праздновать ворамъ
„*Дурно!*“—Самъ я это знаю;
Но поправить надо—вамъ!—
„*Мы поправимъ.*“ *Боже-мати!*
Гдѣ найти ко правдѣ путь?—
Разыгралось, братъ, не къ стати!
Надо листъ перевернуть.

---

[1]) Очевидно на проф. математики Я. Н. Карцова. *К. Г.*
[2]) Подъ Мясинымъ разумѣется Мясоѣдовъ. *К. Г.*
[3]) Вѣроятно на лицейскихъ экономовъ (Камараша, Золотарева?). *К. Г.*

Зима.

Дни холодные настали;
Нѣтъ цвѣточковъ на поляхъ:
Розы, ландыши увяли;
Соловей умолкъ въ лѣсахъ.
Дубы, сосны, мирты, ели
И зеленая трава,—
Всѣ отъ снѣга побѣлѣли,
Какъ отъ пудры голова.

* * *

Часъ весны пока настанетъ,
Пусты дачи, рощи, садъ...
Всѣхъ веселье дружно манитъ.
И на балъ, и въ маскарадъ.
Пиръ горой въ жилищѣ Мома,
А тоска гостей томитъ:
Для чегожъ они не дома?
Намъ мудрецъ не говоритъ.

* * *

Вотъ и солнце на восходѣ,
А друзья ложатся спать!
Спятъ до вечера по модѣ,
И встаютъ, чтобъ вновь зѣвать!
Для чего же? кто ихъ знаетъ,
Такъ весь вѣкъ они ведутъ.
Намъ мудрецъ не отвѣчаетъ
Да и ты молчишь, Кабудъ!

* * *

Ахъ! не лучше-ль все порою,
Раньше лечь и раньше встать,
Чтобы послѣ намъ съ тоскою,
Цѣлыхъ дней не прозѣвать?
Ахъ! не лучше-ли, чѣмъ въ клубѣ,
Съ скукой время убивать,
Завернувшись въ теплой шубѣ,
Книгу мудреца читать?

Мудрецъ.

(Подражаніе Жуковскому) [1].

На кафедрѣ, надъ красными столами,
Вы кипу книгъ не видите-ль, друзья?
Печально чуть скрипитъ огромная доска,
И карты грустно воютъ надъ стѣнами.
На печкѣ дудка и вѣнецъ,
Восплачемте, друзья,—могила
Прахъ мудреца на вѣкъ сокрыла.
Бѣдный мудрецъ!—

* * *

Умомъ былъ простъ, глупенекъ былъ душою,
Но онъ любилъ журналы издавать.
Увы! какъ намъ его не вспоминать?
Онъ одой всѣхъ смѣшилъ одною.
И рано Генію конецъ!
Друзья! восплачемъ надъ могилой,
Онъ былъ медвѣдь,—но мишка милой [2],
Бѣдный мудрецъ! —

* * *

Нѣтъ мудреца! и дудка перестала
Пріятной гласъ повсюду разносить.
И въ классахъ скорбно все,—и все молчитъ,
И кажется доска чернѣе стала!
Изъ печки дымъ коптитъ вѣнецъ,
Его колебля надъ могилой,
И дудка вторитъ имъ уныло:
Бѣдный мудрецъ!

---

[1]) Пародія на „Пѣвца“ Жуковскаго (Гаевскій, „Соврем“. 1863, т. 97, стр. 144; Гротъ, „Пушкинъ“, стр. 272).

[2]) Медвѣдемъ звали товарищи Данзаса. Вѣроятно его, какъ усерднаго издателя „Мудреца“, и имѣетъ въ виду авторъ, оплакивающій прекращеніе журнала.
К. Г.

Ослы.

(Басня) [1]).

Случилося ослу на гору взгромоздиться.
„Дружокъ мой! посмотри, какъ я великъ теперь,
Куда тебѣ со мной сравниться?
Повѣрь,
Что ты передо мною,
Все тожъ что червь передъ тобою".
— Нѣтъ братецъ! мы равны.
Вѣдь оба мы ослы,
А разница лишь та межъ нами,
Что ты вскарабкался на высоты, —
А я стою спокойно подъ горами.
Мой другъ! и межъ людьми увидишь тоже ты.
Иной Министръ, иной торгашъ гусиной,
Но часто умъ у нихъ одинъ,—ослиной.

Эпиграммы.

1.

О чемъ ни сочинитъ, бывало,
Марушкинъ, борзый стихотворъ,
То вѣрь, что не солжешь нимало,
Когда заранѣ скажешь: вздоръ!
Марушкинъ объ *ослахъ* вдругъ басни сочиняетъ.
И басня хоть куды! но страпенъ ли успѣхъ?
Свой своего всѣхъ лучше знаетъ,
И слѣдственно напишетъ лучше всѣхъ! [2])

2.

Ахъ Титъ! какой Силенъ уродъ,
Глаза косые, носъ дугою,
Въ ладонь иль больше ротъ,
Ну словомъ сходствуетъ ужасно какъ съ тобою...

---

[1]) Извлеченіе приведено у Я. К. Грота, тамъ-же, стр. 272.

[2]) Въ извлеченіи—тамъ-же, стр. 272; см. также Гаевскій, въ упомян. статьѣ, стр. 145. *К. Г.*

3.

Дамонъ всегда гостямъ стихи свои читаетъ.
— Такъ то-то у него никто и не бываетъ...

4.

Уродкинъ показалъ какой-то мнѣ портретъ.
И плача говорилъ, что живописецъ вретъ:
Рисуя онъ съ него, нарисовалъ тутъ чорта,
Что красокъ всякаго находится здѣсь сорта,
А человѣчьяго, ей! ей! нѣтъ ни на грошъ.
— Такъ чтожъ?... Ну, слѣдственно портретъ на васъ
похожъ...

———

Смѣсь.

Не помню, въ какой-то книгѣ я читалъ, что лошадь умнѣе осла, и какъ Психологъ скотовъ, старался обдумывать сію важную теорему. Углубленный въ свои размышленія, я очень тихо направлялъ стопы свои по аллеѣ Александровскаго сада.—Вечерняя роса въ туманахъ ниспускалась на землю, и душистые цвѣтки горевали объ теплотѣ закатившагося солнца. А красная луна, какъ-бы стыдясь убѣгающаго солнца, являлась въ свитѣ блистающихъ созвѣздій и плыла по эѳиру, какъ величавая пава; словомъ: всѣ сіи метафоры, приведенныя въ ихъ истинную цѣну, значатъ то, что ночь уже наступала.—Вдругъ слышу топотъ въ дали,... вижу, что издали скачетъ лошадь съ сѣдокомъ,.. слышу крикъ: „держи! держи!.. конь ближе, ближе, — и наконецъ мудрому взору моему представляется... не знаю, какъ вамъ сказать? вы мнѣ не повѣрите, любезнѣйшіе читатели, на лошади сидѣлъ... оселъ!!!.. да, оселъ, да и вислоухой!...

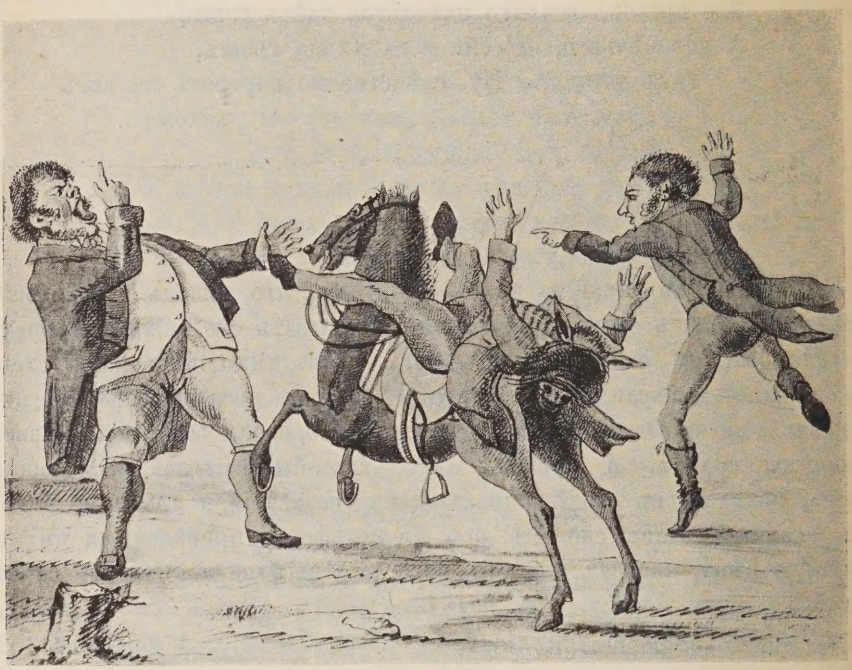
Но гдѣ найду слова, могущія описать положеніе несчастнаго осла:— Голова его была у лошадиной..., но посмотрите лучше на рисунокъ и вы увидите состояніе головы его.—Куча комаровъ летала въ воздухѣ и вѣрно для того, чтобы отмахивать сѣдока своего отъ нихъ, борзый конь хлесталъ безъ милосердія бѣднаго осла по мордѣ, а ноги его, кривые ноги, — готовы были составить дугу для рысака! — (смотри на № 1 карикатуры). Право, любезные читатели, мнѣ чрезвычайно стало жалко, только не могу вамъ сказать кого: осла или лошади?

Я помню, что, когда меня учили миѳологіи, то говорили мнѣ, что нѣкогда люди и лошади составляли одно тѣло, т. е. были въ древности Кентавры; но чтобъ оселъ и лошадь были одно животное, того, мнѣ

помнится, не читалъ; но не менѣе того я возвратился домой будучи увѣренъ, что лошадь умнѣе осла [1]).

Охота.

„Возможно-ль, чтобъ до сихъ поръ нравы наши были на такомъ степени образованія?“ восклицаетъ мудрецъ, вооружаясь противу нашей страсти къ охотѣ. — Очень возможно, отвѣчаю я, не такіе ли мы пустынники, какъ и первобытные жители Пелопониса, Θессаліи, Фракіи?...



Мудрено ли, что мы имѣемъ вкусъ одинакой съ дѣдушками нашего дѣдушки Омира? Мудрено-ль, что мы преданы охотѣ? хотя и не изъ нужды, ибо природа, населившая страны ихъ стадами дикихъ звѣрей,— была къ намъ милостивѣе, нежели къ нимъ. Она послала намъ только одного, да и того мы не очень знаемъ, ибо называемъ его различнымъ образомъ:—одни *краснымъ ослом*ъ, другіе *медвѣдем*ъ, а третьи, наконецъ, *Синусом*ъ, хотя сего послѣдняго я нигдѣ отыскать не могъ. — Однако

[1]) Эта насмѣшка (см. соотвѣтственную карикатуру) опять на того-же Мясоѣдова, бывшаго (подобно Кюхельбекеру и доктору Пешелю) любимою мишенью товарищескихъ выходокъ. Другія два лица, здѣсь изображенныя,—по опредѣленію Я. К. Грота, садовникъ Лямпнъ и воспитанникъ Комовскій. *К. Г.*

же говорятъ, что онъ болѣе золъ, чѣмъ опасенъ.—Не отъ того ли, братцы, находите столько удовольствія травить его?—„Молчи! Молчи! кричите вы, это не твое, а наше дѣло!.. — Молчу, но не позволено ли мнѣ представить вамъ картинку знаменитой травли [1]), скопированную съ натуры,—нѣтъ, нарисованную только фантазіей, а на нее тарифу не положено.

Вы мнѣ не вѣрите,—вы сомнѣваетесь—„онъ насъ морочитъ“, говорите вы, перерывая одинъ другого. Вотъ этотъ человѣкъ въ зеленомъ мун-

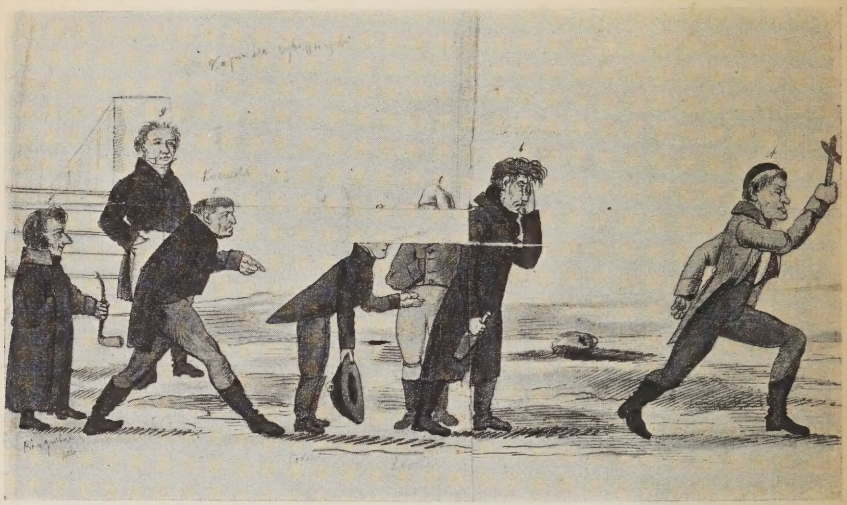
дирѣ—какъ онъ одѣтъ! какая на немъ рожа! — это Италіанецъ, это нашъ пріятель Б..... А этотъ молодецъ, которой отважнѣе и задорнѣе всѣхъ нападаетъ на звѣря, тѣснитъ его съ бока, рубитъ его саблею,— это нашъ Сибирякъ ....овъ. А этотъ нѣмчикъ, въ кургузомъ фракѣ съ лисичьей харей, съ лифомъ на — это .....кій. А этотъ маленькій Бутусъ, смотрите, какъ онъ выступаетъ маленькой ножкой и грозитъ маленькимъ кулакомъ,—это... думайте, друзья, что..., что хотите, это не мое, а—ваше дѣло, скажу я вамъ въ свою очередь.

---

[1]) Къ этому относится карикатура, на которой Медвѣдь осаждается 4-мя лицами въ разныхъ позахъ: это—Данзасъ, редакторъ „Мудреца“, на котораго напали товарищи, въ которыхъ—по описанію автора — можно узнать налѣво (внизу): гр. Брогліо (а не Ржевскаго, какъ думалъ Я. К.) и Корнилова, а направо: Комовскаго (внизу) и Мартынова. *К. Г.*

Процессія усопшихъ [1]).

A. Развратъ! Развратъ! Развратъ! всѣ за мной!
b. Ахъ! оставьте!
c. Я гуфернеръ!
d. Повремените! Повремените!
e. Quelle logique avez-vous dans votre tête?



f. Мочиньки моей нѣтъ, — чортъ меня возьми. — Не хочу здѣсь оставаться. Я 11 лѣтъ служилъ и рожденъ повелѣвать, а не повиноваться.
g. Fi, Monsieur, cela ne vous convient pas!—

---

[1]) Чтобы понять эту насмѣшку надъ уволенными лицейскими гувернерами и соотвѣтственную карикатуру, надо вспомнить характеристику ихъ (напр., въ „Запискѣ“ М. А. Корфа). Подъ латинскими буквами разумѣются слѣдующія лица (на карикатурѣ, начиная справа—налѣво): A—надзиратель по учебн. и нравств. части М. С. Пилецкій (въ Лицеѣ по 1813 г.), B — Иконниковъ (по 1812 г.), C — Гакевъ (въ 1813 г.), D—А. И. Соколовъ (по 1813 г.), E—Кюкюэль (по 1815 г.), G—очевидно—изъ иностранцевъ, скорѣе всего Я. А. Вениг ель (гувернеръ съ 1815 г.), знавшій хорошо французскій и нѣмецкій языки (оставался до 1824 г.), F—Владиславлевъ, отставной капитанъ (по 1815 г.). Къ сожалѣнію, рисунокъ не вполнѣ сохранился. При первыхъ двухъ вспомнимъ стихи національной пѣсни:

„Пилецкій, пастырь душъ съ крестомъ,
Иконниковъ съ бутылью“... *К. Г.*

(№ 3.)

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Проза.

1) Къ читателямъ.

Охъ! охти мнѣ!—Рифматизмъ!.. горло болитъ, чуть чуть дышу... право, любезные читатели, я чрезвычайно боленъ; а вы меня заставляете говорить. Я думалъ, что болѣзнь моя избавитъ меня отъ того, чтобъ издавать журналъ; но не тутъ-то было.—Вызвали меня изъ убѣжища; приставили ножъ къ горлу и кричатъ: „издавай!"—Право не могу.—„Какъ хочешь!"—Что вы ко мнѣ пристали? Я пожалуюсь на васъ... Ай! Ай! не бейте меня,—такъ ужъ и быть, издамъ, да что же писать мнѣ? стиховъ не умѣю, баллады въ 79 строфъ не смѣю; а лучше скажу вамъ повѣсть... „Повѣсть! (кричите вы) ты вѣрно опять скажешь безсмыслицу..... Нѣтъ,—ужъ положитесь на меня; вы знаете, что я человѣкъ правдивый, ужъ повѣрьте, что скажу вамъ повѣсть, да и повѣсть славную . . . . .

. . . . . .

ВЕРВИЛЯ!!!

„Въ маленькомъ переулкѣ Парижа, въ двухъ-этажномъ домѣ, жилъ былъ честный фабрикантъ Вервиль: старый слуга, бѣдная клячонка, большой и жирный котъ и вѣрнѣйшая собака,—вотъ все, что составляло его богатство; онъ не желалъ ни чиновъ, ни сокровищъ; умѣренное состояніе казалось ему самымъ счастливымъ. Однажды—это было ночью,—дождь ливнемъ льетъ, ...изрѣдка блеститъ молнія, воетъ вѣтеръ, вдругъ на него нападаютъ воры, злодѣи, мошенники!... и вдругъ съ небесъ слетаетъ... Довольно!.. прощай братъ!.. внутреннихъ происшествій не знаете [1])... Остального конца я не нашелъ въ своихъ бумагахъ и потому я вамъ ничего не скажу!.. Какъ же вы смѣшны теперь!.. въ другой разъ не принуждайте; сами виноваты!..

Ахъ! постойте,... я вамъ позабылъ сказать, что я чрезвычайно похожъ на Аріоста!.. вы удивляетесь... Да!.. у него привычка, когда приведетъ на какое-нибудь интересное мѣсто своихъ Героевъ, то вдругъ ихъ и оставитъ, и перейдетъ на что-нибудь другое. Ну не похожъ-ли я теперь на Аріоста?—Я васъ привелъ на самое интересное мѣсто, и вдругъ оставилъ васъ. Вы ожидали чего-нибудь ужаснаго, Ратклифскаго,

---

[1]) Изреченіе одного изъ лицеистовъ, сказанное разсѣянному и вѣчно обо всемъ вопрошающему товарищу и ставшее любимой поговоркой. См. объясненіе въ слѣдующемъ № журнала, въ отд. „Смѣсь". *К. Г.*

да какъ и не ожидать его тамъ, гдѣ воютъ вѣтры, блеститъ молнія и ставни хлопаютъ и трещатъ; вы ожидали чего-нибудь важнаго, анъ я вамъ показалъ... *фигу*!

Л. Мдрц.

Апологія [1]).

Всякой великой человѣкъ имѣетъ свои слабости; и отъ великаго Александра (которой—между нами будь сказано—любилъ жертвовать молодому краснощокому Бахусу) эта истина не измѣнялась. И потому должны ли вы надо мной смѣяться, любезные читатели, что у меня голова слишкомъ велика; что таліи нѣтъ или что она слишкомъ высока? Вы всѣ кричите: „ты паукъ! ты козелъ!“ и вашимъ крикамъ нѣтъ конца.— Ну теперь поговоримте безъ всякаго пристрастія; скажите, чѣмъ я не молодецъ?—„Голова слишкомъ велика, лобъ въ двѣ лопаты“!—Да это все оттого, что я великой человѣкъ. Гдѣ же помѣститься необычайному и великому разуму, какъ не въ необычайной и великой головѣ! Гдѣ же взрастить семя разсудка... (разъ!.. два!.. три!...) какъ не на святой Руси, какъ не на широкомъ лбѣ моемъ!... „Да у тебя таліи нѣтъ; ты какъ будто-бы обрубленъ“.—Да, вы угадали, я точно обрубленъ: послушайте, любезнѣйшіе читатели, о моемъ плачевномъ происшествіи, а напередъ отворите поскорѣе глазныя шлюзы слезъ вашихъ:

Вы знаете, что Сюлли, Остерманъ, Оксенштирна любили думать, и я также.—Пускай завистливые люди называютъ это столбнякомъ! по мнѣ все равно; у нихъ отъ слова языкъ не переломится, да и у меня уши не завянутъ отъ ихъ рѣчей. Ну,—слушайте же: стоялъ я столбнякомъ въ лѣсу, и думалъ, помнится мнѣ, о томъ, какъ-бы выгнать всѣхъ Профессоровъ чужестранцевъ изъ матушки Русской земли, а на мѣсто ихъ поставить въ университеты Самоѣдовъ и Чукчей. Ахъ постойте, любезные чтецы, я перерву мой разсказъ коротенькимъ размышленіемъ. Какую пользу это принесетъ Россіи, а особливо намъ школьникамъ?— Теперь въ классахъ говорятъ о правахъ естественныхъ и преподаютъ только теорію; а подъ профессорствомъ Г-на Чукчи мы, раздирая ногтями мясо кобылье, повторяли бы естественное право на самой лучшей практикѣ... Но возвратимся ко мнѣ. Пришелъ мужикъ съ топоромъ... ему надобно было дровъ,... ужъ это было ночью,... я стоялъ столбнякомъ... Тикъ! такъ!.. и отрубилъ мнѣ много кой-чего. Вы вѣрно думаете, что поднялся крикъ, вой... Нѣтъ!.. углубленный въ свои размышленія, я думалъ, что на меня возстаютъ тѣ профессора, которыхъ я хотѣлъ вы-

[1]) На кого изъ товарищей написана эта сатирическая статья,—сказать трудно. Очевидно, здѣсь между прочимъ авторъ вооружается противъ чей-то мысли объ изгнаніи изъ Россіи всѣхъ профессоровъ-иностранцевъ. Срв. „Пушкинъ“. Грота, стр. 37. *К. Г.*

гнать, и потому, вы можете легко понять, что я не хотѣлъ кричать, боясь острамиться(!!!!) Такимъ-то образомъ я и сталъ обрубленой. Еще скажу вамъ, что я чрезвычайно люблю спать; потому что, когда буду великимъ Канцлеромъ Россіи, тогда спать будетъ некогда, а теперь хочу наспаться на всю жизнь. Вы ожидаете отъ меня длиннѣйшей Апологіи; но я вамъ ничего не скажу, не потому, чтобы не было доказательствъ, но потому что мнѣ чрезвычайно спать хочется... что-то зѣвается. Охъ!.. ахъ!.. ухъ!.. *).

Стихотворенія.

1) Дѣянія Мартына въ аду.

(Сказка) [1]).

Уже всѣ вѣрили Христу;
Лишь были идолы въ аду.
Тогда Мартынъ, съ тоской,
Съ иконою святой,
Въ ужасную сію страну пошелъ.
Уже онъ счастливо Коциту перешелъ;
И Стиксъ ужъ переходитъ;
Какъ Церберъ страшный вдругъ къ нему приходитъ.
И звѣрь тутъ поднялъ лай...
И нашъ Мартынъ—давай,
Его чтобъ унимать,
Словами убѣждать.
Не будь ты звѣрь, мой другъ,
Ты человѣкомъ будь,—и вдругъ,
Цербера лаить пересталъ,
Къ царю Мартына допускалъ.
Къ царю ужъ онъ достигъ,
И вмигъ,
Крестить его онъ сталъ.
Плутонъ, собравъ весь адъ,
Мартына сталъ катать,
Мартына по щекамъ;

(!!!!) Замѣчаніе издателя, состоящее въ 4-хъ восклицаніяхъ.
Прим. „Л. М.“

*) Просимъ любезныхъ читателей извинить Г-на Писаку; ему хотѣлось спать, и онъ набредилъ цѣлой листъ. *Прим. „Л. М.“*

[1]) Очевидно, на гувернера-инспектора Март. Степ. Пилецкаго. *К. Г.*

Мартына по зубамъ;
Мартынъ кричитъ, реветъ,
Изъ ада не идетъ.
Но наконецъ Мартынъ убрался,—
И окрестить Плутона отказался.

Л. М.

2) На смерть Ситникова [1]).

О Ситниковъ! гдѣ ты? иль гдѣ твой милый прахъ?
Но ты оставилъ свѣтъ,
Ты мертвъ, тебя ужъ нѣтъ!
Съ тобой смѣялся кто, увы! теперь въ слезахъ.

* * *

Ты долгой прожилъ вѣкъ, счастливой, не въ цѣпяхъ,
Достатокъ ты нашелъ!..
Да и съ ума сошелъ!—
Съ тобой смѣялся кто, увы! теперь въ слезахъ.

* * *

Вездѣ тебя зовутъ; всѣ ищутъ; видятъ,—прахъ!
Со вздохами глядятъ;
И слезы льютъ, какъ градъ;
Съ тобой смѣялся кто, увы! теперь въ слезахъ.

* * *

И протопопъ сѣдой идетъ съ крестомъ въ рукахъ.
Съ слезами говоритъ:
Здѣсь Ситниковъ лежитъ.
Съ тобой смѣялся кто, увы! теперь въ слезахъ.

Національныя пѣсни.

1. „Въ Лицейской залѣ тишина.
(Диковинка межъ нами)...“ и проч.

(Помѣщена въ отдѣлѣ „Нац. пѣсенъ“, см. выше стр. 217, а потому здѣсь опускается).

2. *На голосъ: бери себѣ повѣсу.*

„Предположивъ, и дальше;
На Грацію намекъ...“ (18 строфъ).

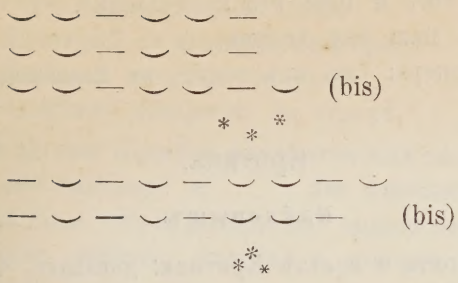
(См. выше „Національныя пѣсни“, стр. 229).

---

[1]) По словамъ Я. К. Грота, С.—сумасшедшій купецъ.

Протекторы и мудрецъ.

(Размѣръ Фосса).



Протекторы.

Ну, мудрецъ, поскорѣй,
Для себя, для друзей,
Мы журналъ издадимте.
И за круглымъ столомъ,
Мудреца мы прочтемъ,
О друзья, поспѣшите!

Мудрецъ.

Лѣность клонитъ, я засыпаю...
Ахъ усталъ, усталъ я писать.
Вамъ, друзья, теперь не мѣшаю,
И меня оставьте вы спать.

Протекторы.

Да вставай же, мудрецъ,
Скоро-ль будетъ конецъ?
Не хотимъ дожидаться.
Или толстымъ дубьемъ,
Мудреца мы прибьемъ,
Эй, пора просыпаться!

Мудрецъ.

Что мнѣ дѣлать? палокъ боюся,
Ахъ не бейте, не бейте меня.
Вамъ за то Морфеемъ клянуся,
Что издамъ журналъ мудреца.

Эпиграммы.

Какъ скоро лѣчитъ Фирсъ всегда больныхъ своихъ!
И вѣрно отъ того и домъ его всѣхъ чище.
Вчера я далъ ему двоихъ,
А прихожу теперь: ужъ ихъ несутъ въ кладбище.

Критика.

Найденышъ.

Надо бы поговорить о пользѣ Критики: доказать, что Лагарпъ былъ самый величайшій Геній въ наши времена; но я любезныхъ читателей отъ этого увольняю; а въ примѣръ высокой одической безсмыслицы, то-есть Пиндарическаго безпорядка, привожу нѣкоторые стишки.—Примѣчу напередъ, что піэса сія есть *найденышъ* [1]). Ее отыскали въ обширныхъ стѣнахъ математическаго класса, и потому она немного холодна. Вотъ начало:

Взликуйте, Русскіе народы,
Камчатки и Карпатскихъ горъ.
Дуная, Вислы воды,
Мы днесь составимъ цѣльный хоръ.

Вотъ вамъ и гармонія... Жители Камчатки въ хорѣ поютъ дишкантомъ, и подлинно выдумка прекрасная: они очень тонки во всемъ, (не къ нимъ ли принадлежитъ г-нъ Сочинитель?). Карпатскія горы поютъ альтами, отъ того, что по латыни есть слово: *altus*, высокой, а горы Карпатскія высоки. Но почему рѣка Дунай поетъ теноромъ, того, признаюсь, нигдѣ не могъ найти, а что Висла, т. е. Поляки подтягиваютъ басомъ, то всякой можетъ легко понять. Они иногда такъ заорутъ, что отголосокъ раздается въ бѣлокаменной Москвѣ.

Всѣ племени Славянска члены
Во сердце съ правдою своемъ,
Собравшись подъ свои знамены,
Однимъ языкомъ воспоемъ.

Позвольте, любезнѣйшіе читатели, объявить вамъ, что издается новая грамматика, въ которой много кой-чего новаго. Напримѣръ глаголъ *воспою* спрягается такъ:

Мы воспоете
Вы воспаютъ
Они воспоемъ

---

[1]) Весьма возможно, что и здѣсь разбирается одно изъ стихотвореній Кюхельбекера (судя по его стилю и языку). *К. Г.*

Въ этой грамматикѣ есть также то, что предлогъ *въ*, когда оказываетъ состояніе, то требуетъ винительнаго падежа, напр. въ сердце вмѣсто въ сердцѣ. Въ ней очень много новаго, совѣтую пользоваться ею.

Страшилища Европы пали,
Кичливый съ верженъ міра врагъ
Какъ тѣ, что Бога воевали,
Злодѣямъ извергамъ на страхъ.

Вотъ и новая логика! Подайте Академической словарь, сыщемъ слово *верженъ*, да что оно значитъ? а! . . . . это композиція; то-то такъ и хороша.—*Воевать Бога*—что за выраженіе? виватъ богатый языкъ нашъ! все на немъ можно сказать; злодѣи, и изверги, и мошенники... Страшно!... Страшно... перо выпадаетъ изъ рукъ.

4) Смѣсь.

Лицейской Мудрецъ есть архивъ всѣхъ древностей и достопримѣчательностей Лицейскихъ. Для того-то мы будемъ помѣщать въ семъ журналѣ приговорки, новыя пѣсенки, вообще все то, что занимало или занимаетъ почтенную публику, а для сегодняшнаго нумера мы сдѣлаемъ краткое обозрѣніе тѣхъ приговорокъ, которыя были нѣсколько дней предъ симъ въ модѣ.

1. *Бѣлой жилетъ* значитъ то, что кто-нибудь не кстати—или вмѣшался въ разговоръ, или заговорился о томъ, о чемъ въ компаніи и не думали говорить. Было сперва другое выраженіе для означенія всякаго слова не кстати, это было *З.....а* [1]) *мороженое*, потому что онъ однажды осенью, въ вечерній холодокъ, когда уже и безъ того тряслись, велѣлъ подать мороженое, что̀, какъ читатель можетъ легко понять, было чрезвычайно не кстати.—Впрочемъ сіе слово не долго удержалось въ разговорѣ, а на мѣсто его поступилъ *бѣлый жилетъ*. Многіе покушались замѣнить его другими словами, какъ напр. *жилетъ не въ талію*, малиновыя штаны и пр., но напрасно; „бѣлый жилетъ“ удержался въ блескѣ величія своего и посрамилъ всѣхъ противниковъ.

2. *Вы никогда внутреннихъ происшествій не знаете.* Выраженіе новѣйшихъ временъ, происшедшее отъ того, что господинъ мохнатый остроумъ, которой живетъ уединенно, чрезвычайно не свѣдущъ въ томъ, что до него касается. Сертуки ли мѣрять, онъ послѣдній объ нихъ узнаетъ; вообще онъ все знаетъ, все хорошо представляетъ, кромѣ себя.—Наскучивши его вопросами, нѣкто ему сказалъ: „Ты никогда внутреннихъ происшествій не знаешь“, онъ сказалъ,—и это слово было принято, и теперь всякой, кто, не зная что случилось, что говорятъ, докучливыми вопросами досаждаетъ другимъ, получаетъ въ отвѣтъ:

[1]) Не Золотарева ли, извѣстнаго лицейскаго эконома? *К. Г.*

„Ты никогда внутреннихъ происшествій не знаешь“. Сіе выраженіе такъ разпространилось, что переведено на иностранные языки, какъ на примѣръ на польскій.

Моды.

1 . . . . . .

2. Игра Гомонимовъ, которую ввелъ гг. Л..... и П..... [1]) Она состоитъ въ томъ, что одинъ оставляетъ компанію, въ которой безъ него загадываютъ двусмысленное слово,—онъ возвращается и спрашиваетъ у играющихъ: *какъ вы любите?* Каждый долженъ отвѣчать ему качествомъ принятаго имъ значенія. Послѣ сего слѣдуютъ вопросы *гдѣ? когда? почему вы любите?* если онъ угадаетъ, то тотъ, по кому онъ отгадалъ, идетъ на его мѣсто. Въ примѣръ сей игры приведемъ здѣсь Гомонимы:

1. Гомонимъ.

Воп. „Какъ любите вы?“.
A. Неправильнѣе и рѣже.
B. Правильнѣе и чаще.
C. Крупнѣе и чернѣе.

Воп. „Гдѣ любите вы?“
A. Въ Берлинѣ у Эйлера.
B. Въ Петербургѣ на парадѣ.
C. У Генриха на охотѣ.

Воп. Почему любите вы?
A. Потому что несравненно легче понять ее и пріятнѣе обойтись безъ ней.
B. Потому что тамъ бьютъ отъ боязни быть битымъ.
C. Потому что Генрихъ давно не ѣлъ дичины.

2.

Воп. Какъ вы любите? Гдѣ? Почему?
A. Ужасною, съ чертями,—въ сказкахъ простолюдиновъ,—потому что люблю суевѣріе.
B. Пространно, раскрашенно,—на географіи Бишинга,—потому что радуюсь успѣхамъ просвѣщенія.
C. Сердитою, на двухъ лапахъ,—въ клѣткѣ,—потому что такъ мнѣ лучше ее видѣть...

[1]) Быть можетъ Ломоносовъ и Пущинъ? *К. Г.*

2 (3). *Шарады*, кои ввелъ въ употребленіе г-нъ И.....ій [1])

Онѣ слишкомъ извѣстны, чтобы описывать ихъ. Скажемъ только, что введеніе въ моду того, что французы называютъ *jeux d'esprit*, чрезвычайно пріятно мудрецу; потому что ему есть случай блеснуть своею остротою; а вы знаете, что мудрецы часто бываютъ нескромны, и ищутъ случая отличиться. Вотъ шарада для примѣра, или лучше сказать шарада-логогрифъ.

Садовники въ саду садятъ меня,
Поэты надъ могилой.
Откинь мнѣ голову,—и вотъ ужъ витязь я,
Хотя по правдѣ хилой.
Откинешь брюхо мнѣ, я становлюсь травой,
Иль кушаньемъ передъ тобой.
Сложи мнѣ брюхо съ головой—
Я стану передъ тобой съ товаромъ,
Ни слова не сказалъ я даромъ,
Пойми-жъ меня, читатель мой.

Логогрифъ.

Шесть буквъ моихъ композируютъ
Названіе твое, читатель мой.
Послѣднія-жъ четыре синьифуютъ
Не рыбу, нѣтъ, а тварь, живущу подъ водой.
Вторая съ первою, съ четвертою въ добавокъ,
Скажу спроста, есть родъ булавокъ,
И рыбамъ стоитъ головы.—
Четверта съ первою съ добавкою послѣдней
Бываетъ для истцовъ у судіи въ передней
Или для грѣшниковъ у сатаны, увы!
Но если третью ты съединишь, читатель,
Съ четвертой, съ первою, и вотъ тебѣ весь трудъ,—
Таковъ останется читатель,
Когда загадки не поймутъ.

Праздники наступаютъ, и каждый располагаетъ по своему часы своего досуга. Мудрецъ представляетъ свое расположеніе и совѣтуетъ попользоваться имъ. Это маленькая проповѣдь,—послушаемъ со вниманіемъ, любезные читатели.

---

[1]) Безъ сомнѣнія, Илличевскій. *К. Г.*

День мудреца.

Наставленіе сыну.

О сынъ! примѣры золотые,
Учись, учись перенимать.
Внимай, какъ будетъ дни святые
Мудрецъ Л..... (Лицейскій?) провождать.
Когда цвѣтокъ наукъ, какъ роза,
Въ саду Едемскомъ разцвѣтетъ,
Съ стихами подружится проза,
А съ алгеброй поэтъ.—
Во первыхъ *), дни священны внукамъ
Онъ хочетъ такъ расположить,
Чтобъ каждымъ поровну наукамъ,
Достойно время удѣлить.
Но, время удѣлить не трудно,
А трудно, скажутъ, провести,—
Молчите!—Солнце изумрудно
Ужъ ѣдетъ на пути. —
И ужъ мудрецъ успѣлъ проспаться?
И въ шесть?... такъ рано?... погоди!
Чтобъ съ мудростью своей собраться,
Онъ долженъ спать до девяти,
А тамъ, напившись вдоволь чаю,
А можетъ быть и кофейку,
Онъ отдохнетъ еще, я чаю,
И вздремлетъ на боку.
Но все о мудрости мечтая,
О благѣ братіи земной,
Ужъ солнце, по небу ристая,
Домчалось къ полдени рысцой.
Мудрецъ протягиваетъ руки,
Идетъ за столъ (поѣсть не грѣхъ):
За трехъ работая наукѣ,
Мудрецъ и ѣстъ за трехъ.
Но по трудамъ, лишенну мочи,
(Таковъ природы въ насъ законъ)
Смежитъ ему усталость очи,
А ложе стелетъ сладкій сонъ.
Въ занятьи трудномъ семъ, тяжеломъ,

*) Привычка лицейская говорить: *во-первыхъ*, предоставляя просвѣщенному читателю продолжать: *во-вторыхъ*.—*Примѣч. Л. М.*

Не можетъ съ мѣста онъ сойти,
Не движется все время тѣломъ,
Потѣетъ до пяти.
Пока опять за чашкой чая,
А можетъ быть и за тремя,
Онъ не накопитъ, отдыхая,
Всѣ силы своего ума;
Пока опять, для блага свѣта,
Не встанетъ онъ изъ-за стола,
Но вотъ ужъ нѣтъ телѣги свѣта
И ночь свѣчу зажгла.
Огонь свѣчи, глазамъ противный,
Мѣшаетъ думать, говорятъ,—
Опять мудрецъ трудолюбивой
Невольно затворяетъ взглядъ.
Но свѣтлый разумъ озаряетъ
Единодушные глаза.
Мудрецъ въ безмолвьи размышляетъ
Три битые часа.
Но ахъ! почто звонокъ столовой
Отъ мудрости его влечетъ!
Мудрецъ покинуть храмъ готовый,
Съ слезами къ ужину идетъ.
А за тарелкой, бодръ душою,
Гонясь за истиной умомъ,
Не зритъ, какъ съ футъ величиною,
Куски глотаетъ ртомъ. —
Но день окончилъ ужъ теченье,
А съ нимъ и поприще мудрецъ.
Свершилось свѣта поученье!
Съ началомъ сопряженъ конецъ.—
Усталый, весь изнеможенный,
Мудрецъ несетъ природѣ дань:
Невольно опускаетъ члены,
И голову на длань. —
Покойся въ сладостной дремотѣ!
Покойся, труженикъ святой!
О какъ пріятно по работѣ,
Вкушать и отдыхъ и покой!
О чадо! правило простое
Замѣть, и въ старости не кинь.
День мудреца не что иное,
Какъ тихой сонъ; — аминь!

V. Политика.

1) Письмо къ издателю

(отъ морского кореспондента, живущаго въ Харибдѣ).

Давно, очень давно не увѣдомлялъ я васъ о всѣхъ нашихъ подводныхъ происшествіяхъ; но тому былъ причиною указъ, которой запрещалъ всѣмъ морскимъ жителямъ ѣздить на раковинахъ, а вы знаете, что у насъ почта иначе не бываетъ. — Но какъ случилось въ нашихъ странахъ такое происшествіе, которое вамъ въ диво покажется; то я не удержался, нанялъ извощика и велѣлъ ему тайно провезти контрбандное письмо это. Прочтите и подивитесь.

Вчера былъ день Ангела нашего Государя — Нептуна и всѣ морскіе подданные старались сдѣлать удовольствіе своему повелителю.— Иной, схвативъ крупной жемчугъ, унизалъ себя, какъ красную дѣвушку. Другой, порывшись въ золотомъ или разноцвѣтномъ пескѣ, выходилъ изъ него какъ будто бы расписанный Суздальскимъ живописцемъ, или какъ начальникъ Отаитскаго племени.—Говорить ли вамъ объ обѣдѣ, гдѣ нѣкоторые вѣрноподданные принесли себя въ жертву высокому повелителю своему, надѣясь, чрезъ такое пожертвованіе, ликовать въ Елисейскихъ поляхъ? Говорить ли о балѣ, для котораго были созваны всѣ Нереиды, Наяды, всѣ богини морей, для котораго было зажжено Грегоріанскимъ огнемъ полмильона свѣчъ, куда были призваны всѣ Тритоны, Сирены для полнаго оркестра, въ которомъ Китъ пѣлъ дишкантомъ и билъ хвостикомъ своимъ тактъ?

Говорить ли о канифольномъ фейверкѣ?... Нѣтъ! лучше приступимъ къ удивительнѣйшему разсказу въ свѣтѣ.

Въ то время, какъ все предавалось шумной радости, вдругъ возмутилась стекляная поверхность водъ. Смотримъ и видимъ блѣдную, толстую съ большимъ краснымъ носомъ фигуру [1]). Все было на немъ въ безпорядкѣ. Одной рукой хлопалъ онъ себя по ногѣ, въ другую хрюкалъ. Онъ снизшелъ и тотчасъ, навалившись на спину Нептуна, началъ ему басомъ говорить слѣдующіе стихи:

„Сядемъ, любезный Нептунъ, подъ тѣнью зеленыя рощи....

Нептунъ танцовалъ тогда мазурку, и потому чрезвычайно вспотѣлъ, а этотъ неучъ навалился на него, и скоро получилъ бы сильнѣйшій кулакъ..., какъ вдругъ какой-то багоръ схватилъ его за

---

[1]) Фигура—Синтезисъ. *Прим. „Л. М.“.*

галстукъ и потащилъ вверхъ. Не зная, что все это значитъ, осмѣливаюсь отнестись къ вамъ, надѣясь, что вы это мнѣ растолкуете [1]).

2.

Ахъ! любезные читатели, получили ли вы девятую часть Писемъ русскаго офицера? [2]).—Нѣтъ.—Право хороша, да развѣ она вышла? — Видно что вышла, потому что Лицейской Мудрецъ читалъ ее (физически или умственно, это все равно). — Чтожъ въ ней хорошаго? — О, очень много, напримѣръ, хоть бы это письмо объ нагоняйкѣ, которую далъ имъ Генералъ.

— Какъ? Что? Скажи пожалуйста.—Извольте:

Войска наши возвращались изъ походу (говоритъ Р. О.); близокъ былъ край желанный, мы сердцами летѣли къ родимому крову, рус-

---

[1]) Разсказъ этотъ, къ которому относится и карикатура (изображеніе вытаскивающихъ съ лодки багромъ утопающаго), имѣетъ опять предметомъ, по преданію, все того же Кюхельбекера и бывшій съ нимъ случай (когда онъ будто бы подъ впечатлѣніемъ какой-то обиды хотѣлъ утопиться). На лодкѣ изображены спасающіе его лицейскіе педагоги. *К. Г.*

[2]) Ѳ. Н. Глинки. Въ этой пародіи на эти „Письма“ разсказывается иносказательно извѣстный эпизодъ съ *гогель-могелемъ* изъ жизни лицеистовъ I курса, когда нѣсколько изъ нихъ (Пущинъ, Тырковъ, Малиновскій и Пушкинъ) устроили пирушку, достали рому, и были пойманы и наказаны, о чемъ разсказываетъ И. И. Пущинъ въ своихъ „Запискахъ“. *К. Г.*

ская кровь кипѣла при мысли, что скоро отечество приметъ насъ въ свои объятія. Осеннее время было не выгодно для похода. Трактиръ былъ подлѣ.... Крѣпкой ромъ и кипящее шампанское были демоны-соблазнители. Мы согласились сдѣлать гондель-бондель. Все казалось способствовало къ нашему намѣренію. Трактирщикъ Ѳома Лысаковскій [1]), полякъ, ну словомъ чумичка перваго сорта, согласился отпустить намъ рому.—Я былъ вмѣстѣ съ молодымъ корнетомъ Уланскимъ, съ плечистымъ Семеновскимъ полковникомъ и съ казацкимъ Есауломъ [2]), но скоро вышелъ и оставилъ ихъ на досугѣ разсуждать о важныхъ математическихъ истинахъ за стаканами гондель-бонделя. Часъ отъ часу ромъ выходилъ въ свѣтъ изъ прежняго заключенія своего — бутылки и знакомился болѣе и болѣе съ стаканами и желудками нашихъ пивакъ.

Вдругъ увидѣлъ уланъ свинью [3]), которая хрюкая подобралась подъ столъ и ѣла остатки отъ пира. Въ другое время уланъ закричалъ бы ей: „вонъ, почтенная хавроньюшка! здѣсь пьютъ защитники отечества и герои Кульмскіе, а вы можете подождать вашей череды, и слова сіи вѣрно были бы сопровождены или толчками или дубиной, но теперь все было позабыто, вездѣ царствовали *liberté*, *égalité* и свинья въ полной мѣрѣ доказала, что пословица не даромъ про нее сказана. Всякой подумаетъ, что этимъ и кончилось. На другой день Генералъ [4]) пріѣхалъ, должно было быть сбору. Наши молодцы не поспѣли, голову имъ прекрасно вымыли,.... Фома былъ отставленъ, а гондель-бондель еще и теперь шипитъ въ стаканахъ!.... не угодно ли кому попробовать?..

Вотъ *avis au lecteur*! право желательно бы, чтобъ наши Лицейскіе этимъ попользовались.... да нѣтъ!.... Урви голова!....

Вы можетъ быть удивляетесь, что г. Глинка получилъ такой новой тонъ.... Это слѣдствіе похода.

2) Демонъ Метроманіи и стихотворецъ Гезель [5]).

Демонъ. Слушай меня прилежнѣе.
Гезель. Что ты хочешь?

---

[1]) Дядька въ Лицеѣ Ѳома (срв. стр. 235).

[2]) Участниками этой попойки Пущинъ въ „Запискахъ“ называетъ себя, Пушкина, Тыркова и Малиновскаго. Судя по даннымъ здѣсь прозвищамъ, авторомъ этого разсказа былъ онъ-же. *К. Г.*

[3]) Очевидно здѣсь разумѣется дежурный гувернеръ, донесшій о случаѣ инспектору. *К. Г.*

[4]) Самъ министръ гр. Разумовскій пріѣзжалъ—по жалобѣ директора Гауэншильда—сдѣлать выговоръ шалунамъ. *К. Г.*

[5]) Конечно, Кюхельбекеръ. Его и демона (чертенка) изображаетъ и карикатура. *К. Г.*

Дем. Я привезъ на хвосту тебѣ письмо изъ Дерпта: тамъ пишутъ, что студенты выжгли стекломъ глаза твоему собрату по стихамъ.

Гез. (испугавшись, роняетъ стулъ, проливаетъ чернила и наклоняется къ чорту). Но со мной ли это случилось?

Дем. Пиши, пиши: Баллада, слышишь ли *Баллада.*

Гезель. Баллада.

Дем. Лишь для безумцевъ, о Зульма!

Гез. Что? — *Демонъ.* Лишь для безумцевъ, о Зульма! златое вино Пророкъ запретилъ.

Гез. Неужто мнѣ нельзя пить вина, я было и налилъ въ рюмку....

Дем. Глупой вопросъ? Пиши далѣе.

Гезель. Вся бумага измарана.

Дем. Давай читать: Лишь для безумцевъ, о Зулма, лишь для безумцевъ.... Лишь Зульма.... Пророкъ запретилъ — тьфу пропасть! Какой глухой тетеревъ! прощай, мнѣ скучно. —

Замѣчаніе. (Вотъ прямо діавольскіе стихи, это превосходительной адской гостинецъ).

Объявленіе.

Видя частыя перемѣны модъ и непостоянство лицейскихъ обыкновеній, Мудрецъ имѣетъ честь объявить почтенной публикѣ, что онъ *иногда* и смотря по обстоятельствамъ будетъ издавать прибавленіе.

Слово 1 Гомонима — дробь.
— 2 — — Гіенна.
— Шарады — Кипарисъ.
— Логогрифа — дуракъ.

№ 4.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Проза.

1. Къ Читателямъ.

„Пора, давно пора, кричите вы, любезные читатели. Послѣ Рождества мы не видимъ ни одного журнала! Такая бѣдность есть эпиграмма на лицейскіе умы, а особливо на почтенный разсудокъ и воображеніе Лицейскаго Мудреца. Правда, любезные читатели, я съ вами согласенъ, что уже давно не выходилъ Лицейскій Мудрецъ, но я бы вамъ сказалъ причину этого... Нѣтъ! да вы слишкомъ сердиты, вы горды, а я спѣсивъ, я у васъ прощенія не буду просить,—и такъ мы съ вами совершенно разсорились.... Ахъ! Боже мой! какое несчастіе имѣть доброе сердце,—вотъ ужъ я и растаялъ; ваши слёзы меня тронули.... Не плачте, дѣтушки мои; хотите ли вы меня слушать? *да* или *нѣтъ*. Отвѣчайте.

. . . . . .

Положимъ, что вы сказали *да*. Я вотъ что вамъ скажу. — У насъ насталъ вѣкъ самой безхарактерной. Паясъ-Мишукъ [1]) сталъ было философомъ, но къ счастію твердость Русская взяла верхъ, и характеръ паяса снова возвратился.—Сперва частенько Лицейскому Мудрецу костыляли шею, и отъ тренія, отъ переходу электрической искры изъ мускуловъ кулака въ затылокъ—воспалялось воображеніе и тогда: о счастливыя времена! слова, мысли текли водяною (извините г-да)... пламенною струею на бумагу. — А теперь! о развратъ! рѣдко увидишь какой-нибудь благонамѣренный кулакъ, летящій на враговъ и карающій иноплеменниковъ.

---

[1]) М. Л. Яковлевъ, носившій прозвище *паяца*.—*К. Г.*

Итакъ, любезные читатели, естьли вы хотите, чтобъ этотъ журналъ выходилъ, то прибавляйте форсу гравёру, писарю и красному стихотворцу—этимъ вы очень одолжите меня,

Вашего покорнаго слугу Л. М.

2. Прогулка къ развалинамъ замка Б . . . .

Уже дневное свѣтило покоилось въ водахъ и луна-сопутница ночи находилась въ кроткомъ сіяніи на голубомъ небѣ,—все было въ спокойствіи: соловей, которой пѣлъ въ рощѣ, прерывалъ молчаніе; казалось, все ему внимало и рѣзвой зефиръ не смѣлъ шумѣть съ кустами. Мнѣ хотѣлось насладиться симъ пріятнымъ вечеромъ, и я пошелъ по дорогѣ, ведущей къ развалинамъ замка *Б*....;—съ одной стороны видимы были мирныя жилища поселянъ, съ другой же—дубовой лѣсъ горделиво возвышался. Долго смотрѣлъ я на бѣдныя хижины землевладѣльцевъ и говорилъ: Вотъ гдѣ обитаетъ благополучіе и спокойствіе: вотще ищете его, горделивые вельможи, посреди пышности и нѣги; тамъ только зависть и злоба.

Вскорѣ представились взорамъ моимъ развалины замка *Б*.... Онѣ находились на высокомъ утесѣ, которой висѣлъ надъ пропастью; малая тропинка, заросшая травою вела къ замку *Б*.... Безмолвіе тамъ царствовало: только изрѣдка шорохъ ночныхъ птицъ прерывалъ его. Любопытство возбудило меня взойти въ замокъ: желѣзныя врата онаго лежали на землѣ и густая трава покрывала ихъ. Прошедши нѣсколько темныхъ переходовъ, я дошелъ до обширной колонады, посреди коей находился памятникъ. Мнѣ хотѣлось узнать, кому онъ былъ воздвигнутъ, но древность изгладила надпись его. Усталость побудила меня сѣсть на камень, и я былъ объятъ горестными воспоминаніями. Ахъ, сказалъ я, давно ли былъ здѣсь великолѣпный замокъ принца Р...., а нынѣ развалины; давно ли здѣсь слава и честь обитали; но теперь сіи развалившіяся стѣны показываютъ, что нѣкогда гордились онѣ своимъ величіемъ. Онѣ подобны человѣку, которой по смерти оставитъ только въ воспоминаніе дѣянія свои.

3. Письмо къ другу (на возвращеніе Москвы).

Любезный Другъ,

Спѣшу увѣдомить тебя, что въ Москвѣ нѣтъ уже непріятелей. Богъ для русскихъ столь милостивъ, что не допустилъ врагамъ торжествовать надъ нами. Побѣдоносное Россійское воинство подъ предводительствомъ храбраго Генерала Винценгероде освободило древнюю столицу нашу

Москву. Она свободна—а мы торжествуемъ: да вознесемъ благодареніе Всевышнему, который освободилъ первопрестольный градъ сей отъ иноплеменныхъ. Прощай.

Стихотворенія.

Поэма.

Сазоновіада [1]).

Пѣснь 1.

Воспой, божественная Муза,
И мертвыхъ здѣсь, какъ и живыхъ.
Средь мертвецовъ союза
(Хоть прахъ изчезъ ужъ ихъ)
Спаслось все Царское Село
И Павловскъ велелѣпный.
Такъ зри теперь, о смертный,
Зри Бетхево чело [2]).
Средь тишины и міра
Мы зрѣли здѣшни страны,
Теперь же зримъ лишь брани.
Воспой, воспой мнѣ лира
Столь славныя дѣла.
Да будетъ Бетху похвала!
Родимый въ Павловскѣ герой
Тамъ жизнь рабочую все велъ:
Но лишь весь срокъ прошелъ,
То познакомился съ тюрьмой.
Но къ счастію его онъ былъ освобожденъ,
Къ несчастью же не сдѣлался уменъ.

---

[1]) На извѣстнаго лицейскаго дядьку К. Сазонова, оказавшагося закоренѣлымъ преступникомъ, совершившимъ рядъ убійствъ.

Къ нему относятся извѣстные стихи Пушкина:

„Заутра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ.
Мой другъ, остался я живымъ,
Но былъ ужъ смерти подъ косою:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель лекаремъ моимъ".

Срав. о немъ замѣтку М. А. Корфа. (Гротъ, „Пушкинъ" etc., стр. 239—241).

[1]) И. И. Бетхе былъ полицеймейстеромъ (1812—1836) въ Царскомъ Селѣ. Въ архивѣ Ц.—С. Дворц. управленія есть дѣло (1823—26) о его переводѣ (впрочемъ не состоявшемся) городничимъ въ Ораніенбаумъ.

Доставъ хорошій атестатъ,
Оставилъ Павловскъ сей злодѣй
И какъ-бы не былъ плутоватъ,
Его такъ приняли въ Лицей.

Пѣснь 2.

Тихо все въ срединѣ града
И покой лишь обитаетъ:
Изъ Лицея, какъ изъ ада,
Вдругъ Сазоновъ выступаетъ
Съ смертоноснымъ топоромъ,
На разнощика летитъ
И встрѣтясь съ добрымъ симъ купцомъ,
Уже готовится убить.
Уже въ сѣни глубокой ночи
Топоръ ужасный онъ извлекъ
И страшно засверкали очи,
И взоромъ смерть ему изрекъ,
И вдругъ въ одно мгновенье
Ему всю голову разшибъ.
А мальчикъ въ сопровожденьи
Его рукою же погибъ.
Въ печали Бетхе же взываетъ:
Ты спишь, разнощикъ, полиція жъ зѣваетъ...

Примѣчаніе Издателя. Вотъ начало такого стихотворенія, которое, естьли будетъ продолжено, то принесетъ истинную честь всей національной лицейской литературѣ. Желательно было бы, чтобъ оно было кончено, но авторъ оной есть красной стихотворецъ, а вы знаете чего требуетъ его Геній? — Кулаковъ!!!

Куплеты.

Коли посмотришь на людей,
На взглядъ орлы, трусишки въ дѣлѣ,
Гдѣ обѣщанія друзей?
У всѣхъ семь пятницъ на недѣлѣ.
Гдѣ, гдѣ французъ? съ земли долой,
Но лишь сошлись при Австерлицѣ,
Всякъ стороной бочкомъ домой:
Ich schwitze.

* * *

„Вотъ я за васъ похлопочу!“
Я чинъ и мѣсто вамъ доставлю,
Министромъ сдѣлать васъ хочу,
На путь блистательный направлю,—
Послушать каждаго во лжи —
Всякъ чѣмъ-нибудь своимъ гордится,
Да дѣломъ самымъ докажи...
Ich schwitze.

* *
*

Иной, не зная ни аза,
Прослылъ вдругъ критикомъ-поэтомъ,
И кто ни попадись въ глаза,
Всѣхъ судитъ, всѣхъ рядитъ предъ свѣтомъ,—
Да докажи, что ты поэтъ,
Пустымъ вралемъ быть не годится.
Что скажетъ намъ Зоилъ въ отвѣтъ?
Ich schwitze.

* * *

Такъ! всякой—Царь ли, музыкантъ,
Министръ, купецъ, солдатъ, бродяга
И скоморохъ комедіантъ,
И набожной монахъ и скряга
О добродѣтели кричатъ:
Вотъ я!.. вотъ мы!.. но, о лисицы!
Дойдетъ до дѣла — говорятъ —
Ich schwitze.

Эпиграммы.

1.

Напрасно Бибрусу въ вину весь свѣтъ считаетъ, [1])
Что онъ моритъ людей, какъ коновалъ прямой,
Вины я въ томъ не вижу никакой,
Что должность онъ свою исправно отправляетъ.

2.

Клитъ семерыхъ дѣтей имѣетъ?—Слухъ не новъ,
Какъ размножается количествоословъ!

---

[1]) Бибрусъ—прозвище современнаго стихотворца Боброва, см. стих. Пушкина „Къ другу-стихотворцу“. Срв. стр. 310.

3.

Какъ Вздорова пригожа,
Венера сущая —повсюду слышу я —
Что скажете на то, любезные друзья?
— Да!.. естьлибъ съ моською была Венера схожа...

4.

Смотрите
Тутъ Докторъ, здѣсь Поэтъ: бѣгите! [1])

Здѣсь слѣдуетъ: „*Опытъ продолженія національныхъ пѣсней*“.
(Еще 6 куплетовъ, которые уже помѣщены выше, на своемъ мѣстѣ, въ отд. „Національныя пѣсни“, стр. 233).

Критика.

Лицейскія древности. Найденышъ.

Занимаясь открытіемъ новыхъ истинъ и угобженіемъ достоинства рода человѣческаго, Лицейской Мудрецъ, яко соха умственная, разрываетъ архивы древностей лицейскихъ и, поднимая завѣсу протекшихъ временъ, являетъ намъ въ истинномъ ихъ блескѣ предметы изслѣдованій своихъ.—Недавно (замѣчаете ли, любезные читатели, что съ Лицейскимъ Мудрецомъ много кой-чего интереснаго случается?)—недавно находясь на главной квартирѣ своей, то есть на печкѣ, и пересматривая множество бумагъ, тамъ находящихся, рука его въ прахѣ тлѣнія наткнулась на вещь славнѣйшую—Манускриптъ древнѣйшей Исторіи:

Рапортъ

О поведеніи воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея во время дежурства моего съ 4-го по 5-ое число Генваря 1816-го года [2]).

Сего мѣсяца 4-го дня во время обѣда воспитанникъ Дельвигъ кинулъ большой кусокъ хлѣба въ тарелку противъ его сидящаго Данзаса, на что я Дельвигу и сказалъ, чтобъ онъ пересталъ, а онъ и отвѣчалъ

---

[1]) Конечно, на д-ра Пешеля и Кюхельбекера. *К. Г.*

[2]) Кѣмъ-то (изъ воспитанниковъ?) цифра 6 исправлена въ 8 — быть можетъ съ умысломъ этой хронологіей лишить статью исторической подлинности? *К. Г.*

мнѣ: „дѣло было-бы другое, ежели бы онъ бросилъ хлѣба на мою тарелку, но поелику онъ сего не сдѣлалъ, то это ничего не значитъ. „А я его и послушнымъ быть", на что онъ мнѣ и сказалъ: „не хочу васъ слушать". Отъ Данзаса взялъ я наполненную говядиной и хлѣбомъ тарелку, дабы оную отдать слугѣ, а Данзасъ опять къ себѣ взялъ тарелку, хотя я ему сіе и запретилъ; вскорѣ послѣ чего онъ тарелку ко мнѣ подвинулъ и спрашивалъ меня: не угодно ли вамъ кушать? Почему покорнѣйше прошу, дабы начальство благоволило къ отвращенію таковыхъ безпорядковъ приказать, чтобъ оба вышеозначенные воспитанники во время стола и чаю въ продолженіи нѣсколько дней имѣли особенное мѣсто, а воспитанника Дельвига за непослушаніе и неучтивость противъ дежурнаго Гувернера строго и наказать въ примѣръ другимъ.—О чемъ и прошу.

Гувернеръ Карлъ Рейемъ [1]).

Тутъ почтенной Мудрецъ нашъ восклицаетъ: о времена! о развращеніе!.. и эти безпорядки доселѣ еще продолжаются! Даже днемъ даютъ кушать и кому-же?.. дежурнымъ Гувернерамъ.

Недавно умеръ одинъ Попъ, и въ его бумагахъ найдена была исповѣдь, коей содержаніе достойно вниманія нашихъ читателей.—Первое чувство ваше вѣрно есть то, чтобъ Попу вырвать языкъ. Тсъ! Господа: онъ ужъ умеръ.

Исповѣдь Мясожорова [2]).

Попъ. Приближься, чадо мое, рцы ми, кая суть прегрѣшенія твоя? но заранѣ обезоблеки главу твою изъ сей главной (т. е. головной) власеницы.

Мясож. Не могу, батюшка...

Попъ. Кая причина есть, яко не возможеши снять его? Почтеніе да побудитъ тя. Видишь ли ты, какое тутъ страшилище.

Мясож. Тѣлесный недостатокъ.

Попъ. Разумѣю... ты шелудивая овца въ стадѣ; стань отъ меня подаль, да не прильпнетъ ко мнѣ язва твоя. Рцы мнѣ...

Мясож. Батюшка, меня называютъ глупымъ; это еще можно стерпѣть, но меня называютъ осломъ, да и паршивымъ. Это меня чрезвычайно трогаетъ. Всѣ говорили, говорятъ и вѣроятно говорить будутъ, что я чрезвычайно глупъ, однакожъ я этого не примѣчаю и сошлюсь на

---

[1]) Т. е. К. Б. Мейеръ.

[2]) Т. е. воспитанника Мясоѣдова, изображаемаго въ „Л. М." постоянно съ ослиной головой.

моихъ товарищей,—Скажу вамъ, что у меня есть привычка со всѣми встрѣчными и поперечными заводить знакомство, а злонамѣренные люди сказали, будто бы мой курсъ поднимается въ то время, когда мои знакомые пріѣзжаютъ. Говоря съ кѣмъ-нибудь, я начну съ учтивости, продолжаю съ глупостью, дохожу до грубости, кончаю подлостію и униженіемъ.—Не могу вамъ, батюшка, сказать, сколько было сравненій для меня обидныхъ.—Меня сравнивали съ пузыремъ, который надутъ былъ воздухомъ, и много съ чѣмъ. Говорятъ, будто у меня есть привычка говорить о томъ, чего не понимаю, дѣлать то, чего не знаю, туда совать носъ, куда меня не спрашиваютъ. Также меня обвиняютъ въ томъ, что я, не зная французскаго языка, болтаю на немъ. Со мной случился анекдотъ, надъ которымъ очень много смѣялись, хотя я не находилъ въ немъ ничего смѣшного.—Одинъ изъ моихъ пріятелей встрѣтился со мной на прогулкѣ: это было во время поста; надо было мнѣ говѣть,—я ему сказалъ: Pardon mes péchés; онъ мнѣ поклонился, а я ему сказалъ: je vous en fais mes compliments. Всѣ зачали смѣяться, а я съ спѣсью поднявъ носъ, совершенно не понималъ причины этого смѣху.

Попъ. И сіе преестественно возмечта Безумецъ гордыню и вознесе рогъ свой.

Мясоѣд. Ахъ, батюшка, мнѣ его отшибли, но повѣрите ли—не только надо мной насмѣхаются, но и надъ моими стихами и прозой; но въ доказательство несправедливости общаго имѣнія я вамъ прочту одно мѣсто изъ моихъ сочиненій:

Блеснулъ на западѣ румяный царь природы [1])...

Попъ. Ошибка, ошибка; на востоцѣ, а не на западѣ. Возтекаю огіог.

Мясоѣд. Но чтобъ окончить достойно исповѣдь, то я пожелаю вамъ чего-нибудь. Я не педантъ и не школьникъ.

Попъ (про себя). А безумецъ.

Мясоѣд. Да протечетъ ваша жизнь, какъ ручеекъ журчащій тихо по камешкамъ, да будете вы какъ алая, розоваго цвѣта роза.

Попъ. Я роза!... Вонъ, вонъ, вонъ!

---

[1]) Извѣстно преданіе, что такъ началъ, но не умѣлъ продолжить свои стихи Мясоѣдовъ на заданную однажды ученикамъ проф. Кошанскимъ тему „восходъ солнца“, и что, видѣвъ его затрудненіе, кто-то изъ товарищей (по Гаевскому, это былъ Илличевскій, а не Пушкинъ) дополнилъ ихъ такъ:

И изумленные народы
Не знаютъ, что начать:
Ложиться спать или вставать.

В. П. Гаевскій отмѣтилъ, что и 1-ый стихъ—не собственность Мясоѣдова, а заимствованъ имъ у поэтессы А. П. Буниной, у которой такъ начинается элегія „Сумерки“ (въ собр. ея произведеній „Неопытная муза“ 1809 г., стр. 30), см. Современ. 1863 г. т. 97, стр.145; у Бартенева въ „Матер. для біогр. Пушкина“, въ Моск. Вѣд. №№ 71—118 выходка приписана Пушкину; срав. также. Гротъ, стр. 71.

Смѣсь.

Лицейскія моды.

„Что скажетъ нашъ почтенный Мудрецъ объ нашихъ новыхъ модахъ и привычкахъ?“ спрашиваютъ меня любезные читатели мои.— Ничего, отвѣчаю я.—„Какъ ничего!“—Да такъ—ничего да и все тутъ. Да благоволятъ они вспомнить конецъ басни объ Барсѣ и Бѣлкѣ, и тогда увидятъ, что правду говорить должно не въ когтяхъ у Барса, а на свободѣ и перескакивая съ вѣтки на вѣтку. Примѣненіе очень легко сдѣлать,— un quidam— барсъ; а бѣлка есть—Лицейскій Мудрецъ. Не удивляйтесь! я для васъ все презираю и начну теперь же длинѣйшую рѣчь о модахъ. 1) Quousque tandem, o Catilina... но что я вижу? что это значить, Господа? Я вижу, что у нѣкоторыхъ лобъ наморщился, черные, коричневые, голубые и разнаго цвѣта глаза обратились на меня съ нѣкоторою угрозою. Кулаки нѣкоторыхъ вольно или невольно сжались, а спина моя, бѣдная спина моя вольно или невольно затрепетала. Нѣтъ, Господа, я съ вами не ходокъ, и такъ 1-е Quousque tandem... продолженіе впредь; а потомъ мода лотерей, вѣсть о которой мы передадимъ потомству въ листкахъ нашего журнала.

Лотереи извѣстны въ мірѣ съ давнѣйшихъ временъ и берутъ начало свое въ первомъ возрастѣ рода человѣческаго. Нашъ праотецъ Адамъ былъ очень несчастливъ въ лотереѣ, ибо, естьли мы разсмотримъ хорошенько поступокъ нашего прабатюшки, то увидимъ, что выборъ, предоставленной ему между райской и человѣческою жизнью, былъ ничто иное, какъ лотерея и что Адаму попался пустой билетъ.—Въ Лицеѣ же, хотя и были сперва лотереи, но въ нихъ разыгрывались такіе неважные призы, что они сами собой упали. Въ концѣ пятаго столѣтія они снова появились, но въ величайшемъ блескѣ.—Многіе богачи клали большія суммы на лотереи и выигрывали наконецъ мѣдныя съ кремнемъ печатки, кисеты нитяные и пр. Объявляемъ любезнаго читателя (sic), что разыгрывается новая Лотерея подъ № , въ коей находятся слѣдующія вещи:

1) Старая моднаго цвѣта 17-го столѣтія шинель, перешедшая изъ рукъ портнаго Нѣмца чрезъ пять поколѣній Нѣмцовъ въ руки стараго Нѣмца. Такая фамильная древность заслуживаетъ вниманія читателей и можетъ украсить кабинетъ многихъ Археологовъ: она имѣетъ способность заставлять тѣхъ, которые носятъ ее, потѣть до чрезвычайности (schwitzen).

2) Давно разыгранный секретный замокъ, которой имѣетъ чудесную способность заставлять людей забывать свои обѣщанія. Сей замокъ есть вещь самая нужная для модныхъ людей.

3) Потерянная, но потомъ съ аукціону проданная честь совершенно особеннаго рода.—Она обложена гусарскимъ жилетомъ, имѣетъ на головѣ солнце и пр. и пр.; вѣроятно, что сія чудесная дама выѣхала изъ Японіи.

4) Прекрасный парикъ, совершившій частые путешествія изъ грязи на голову одного нашего моднаго Васеньки и наконецъ украсившій пузырь, наполненный воздухомъ.

5) Штаны, посвященные Геркулесу, а къ оному принадлежащіе ремешки, о которыхъ смѣло можемъ увѣрить почтенную публику, что они никому не будутъ малы—а естьли и понадобиться подтянутъ панталоны двоимъ, то они будутъ въ пору обоимъ,—и наконецъ

6) Отломокъ Ширасa(?), о которомъ увѣряемъ почтенную публику, что чрезвычайно годенъ ко своему назначенію.—Естьли кто его выиграетъ,

то пусть наймет у Устинова подводы и вывезетъ изъ Петербурга сію рѣдкость природы.

Модная басенка есть басня Крылова „Заяцъ на ловлѣ“, а почему? спрашиваютъ меня любезные читатели.—Кто много знаетъ, тотъ скоро состарится. Пословицы всегда говорятъ правду, да неужто вы такъ тупы, что не можете понять ни остроты этой басни, ни примѣненія оной. Плохо! [1])

[1]) Къ этому пассажу относится карикатура, изображающая льва, сидящаго на своей добычѣ, въ синей лентѣ черезъ плечо, и держащаго въ лапѣ повидимому медаль на цвѣтной ленточкѣ, а передъ нимъ зайца на заднихъ лапкахъ съ красной лентой и орденомъ на шеѣ. Въ первомъ изображенъ очевидно министръ (гр. Разумовскій), а во 2-мъ инспекторъ Фроловъ; въ извѣстной нац. пѣснѣ о послѣднемъ встрѣчается стихъ „Медали въ вѣчной ты надеждѣ“ (см. выше, стр. 236)). *К. Г.*

Модная глупость есть желаніе заводить знакомство съ животными (animal) [1])

Модный Ширасъ есть.... не знаю, Господа!

Загадка и Логогрифъ.

Простите, Господа,
Когда,
Желая васъ занять игрою,
Наскучу только вамъ усердіемъ моимъ:
Грѣхъ этотъ водится за мною
Да только не за мной однимъ.
Нусъ—эта мысль меня невольно ободряетъ;
Я начинаю тѣмъ
Что кашляю: гмъ—хемъ...
Предположивъ, что всякой знаетъ
Овидія изъ васъ,
Metamorphoseon его читаетъ,
(Читаетъ и подъ часъ,
Соскучивъ, засыпаетъ;
Однакожъ все слыветъ ученой головой)
Я назову себя Фригійскою княжной,
И самой той,
Которая съ тѣхъ поръ, какъ языка лишилась,
Такъ пѣть искусно научилась,
Что чудомъ сталъ въ природѣ голосъ мой
(Однакоже, избави Боже,
Кому другому сдѣлать тоже
Съ собой,—
Ему и мнѣ законъ иной).
Вотъ вамъ на праздникъ наставленье,
Прошу за это отгадать...

Но вы, друзья, въ недоумѣньѣ
Неужто Логогрифъ придется мнѣ писать?
Ужъ видно такъ—для васъ не жаль старанья.
Вниманія! Вниманья!
Извольте видѣтъ трехъ скотовъ.
„Экъ диво!
Кричите вы—ихъ столько.....“—Справедливо!

---

[1]) Если читать это франц. слово съ конца (какъ означено), получается имя *Лямина*—такъ звали царскосельскаго дворц. садовника. Вѣроятно это—выходка тоже на Мясоѣдова (см. карикатуру, гдѣ онъ на лошади встрѣчается въ саду съ Ляминымъ). *К. Г.*

Нашъ вѣкъ къ несчастію таковъ,
Не можно сдѣлать двухъ шаговъ,
Чтобъ цѣлой пары ихъ не встрѣтить;
Къ тому же, Господа, позвольте вамъ замѣтить,
Что одного—изъ васъ никто
Живого не видалъ—ручаюсь я за то,
Но это было отступленье.
Извольте слушать продолженье,
И я вамъ покажу растенье,
Которое даемъ мы лошадямъ своимъ;
Найду охоты Синонимъ;
Въ разрѣзѣ назову матеріи дѣленье;
Означу два мѣстоименья,
И столькожъ собственныхъ именъ
Различныхъ націй и временъ—
И наконецъ, друзья, скорѣе
Пройду для васъ безъ дальнихъ словъ:
Орудіе гребцовъ,
Жилище пастуховъ,
И голосъ злыхъ волковъ,
И голосъ нашего Орфея,
Когда одинъ съ гитарой онъ поетъ;
И то, что—не судите строго—
У всѣхъ на головѣ растетъ;
И то, чего здѣсь очень много,
Но въ чемъ—бездѣлки—смыслу нѣтъ.
Откройтежъ Матушкинъ секретъ.

Политика.

Однажды какъ солнце только-что начинало освѣщать нашъ городъ и проникать въ одно время и къ глупѣйшему писарю Царскосельской Юстицъ-Коллегіи, къ модной Венерѣ и къ рогатому мужу ея, въ Минервинъ храмъ и другія обиталища Бахуса и Меркурія, шелъ я, т. е. Лицейскій Мудрецъ, по Большой улицѣ Царскаго Села. Я шелъ и смотря на волнующійся народъ, невольно думалъ о сравненіи, которое можно было бы сдѣлать межъ нимъ и ручьемъ мутной воды, текшимъ тогда по улицѣ разстаявшаго снѣга. Подобно этому, думалъ я, ручью человѣкъ родится слабымъ, возрастаетъ часто въ худомъ воспитаніи такъ, какъ ручей течетъ въ грязи и, подобно ручью, быстро текущему чрезъ рѣшетку въ канаву, онъ низвергается въ неизмѣрную пропасть вѣчности. Вотъ напримѣръ прохожу мимо хотя не высокаго, но разукрашеннаго дома, смотря на эти золотые крендели, на эти

вензели, на эту золотую надпись *J. H. Rodax* [1]). Какъ не подумать, что онъ человѣкъ счастливый.—Находясь на верху булочной славы, онъ питается самыми искусно сдѣланными тортами, куличами, пасхами, а тысячи смертныхъ не имѣютъ куска хлѣба. Но и онъ падетъ, думалъ я, и булки и крендели его покроютъ окрестные лужи.—Не успѣлъ я сказать этихъ словъ, какъ увидѣлъ новое явленье: четыре допросчика въ синихъ платьяхъ подступили къ окну: одинъ изъ нихъ держалъ бумагу и карандашъ вѣроятно для того, чтобъ записывать его отвѣты, а можетъ быть и для того, чтобъ снять съ него не портретъ, а только силуэтъ.—Тотчасъ постучали въ окно: оно открылось и что же я уви-

дѣлъ? Чтосъ? Красный носъ, толстую въ колпакѣ фигуру.... Но лучше посмотрите на картинку, которую я на досугѣ нарисовалъ. Вотъ весь допросъ:

Допр. Herr Johann von Rodax, съ которой стороны ты уродъ?

Rodax. За-прай! Запрай! [2])—*Допр.* И что ты видѣлъ во снѣ?

Жена. Ахъ вы бестіи, свиньи, мошенники!—*Rodax.* Они не только свиньи, но и разбойники.

---

[1]) Это былъ придворный булочный мастеръ въ Царскомъ Селѣ. Въ архивѣ Ц.-С. Дворц. управленія есть дѣло съ его прошеніемъ отъ іюля 1835 г. о покупкѣ мѣста для постройки дома на площади противъ собора.

[2]) Т. е. запирай!

Картина, любезные читатели, опишетъ вамъ лучше меня и торжественную минуту молчанія, и взгляды Родакса, и смятеніе гусей, и все и всѣхъ и вся.

Слово Загадки: *Соловей.*

Слова Логогрифа: Оселъ, Волъ, Левъ, овесъ, ловъ, слой, свой, сей, Волсей, Вейсъ, весло, село, вой, соло, волосъ, слово.

VI.

Мудрецъ-Поэтъ

или

Лицейская Антологія.

Рядомъ съ „Лицейскимъ Мудрецомъ“ существовалъ еще рукописный сборникъ подъ выписаннымъ здѣсь названіемъ, который включалъ въ себѣ одну только стихотворную часть „Лицейскаго Мудреца“ и выходилъ, вѣроятно, параллельно съ послѣднимъ или вслѣдъ за нимъ. До насъ дошло двѣ тетрадки этого сборника, и одна изъ нихъ (№ 2), какъ было уже отмѣчено, заключаетъ въ себѣ буквально всю стихотворную часть сохранившихся 4-хъ №№ „Лицейскаго Мудреца“—въ томъ же самомъ порядкѣ. Другая тетрадка (№ 1)—незнакомаго намъ по „Л. М.“ содержанія—соотвѣтствовала, вѣроятно, недошедшей до насъ части этого журнала, именно конца 1814 г. Эту 1-ую часть „Мудреца-Поэта“ мы и воспроизведемъ здѣсь.

Тетрадки этого изданія изъ свѣтлосиней бумаги, въ малую 8-ку, имѣютъ тотъ же внѣшній видъ, что и другіе, уже описанные стихотворные сборники (тетрадь Матюшкина, Антологія Илличевскаго) или также Записки Комовскаго. Обѣ тетрадки писаны одинакимъ почеркомъ несомнѣнно Комовскаго (который переписалъ также, какъ мы видѣли, и значительную часть „Лицейскаго Мудреца“) [1]) и сохранились очень хорошо. На обѣихъ есть на бумагѣ водяные знаки: 1814. Въ 1-ой тетрадкѣ 29 страничекъ, во 2-ой, большей,—ихъ 40, но такъ какъ 2-ая является двойникомъ воспроизведеннаго нами „Лицейскаго Мудреца“, то наше вниманіе всецѣло обращено теперь на ту часть, на которой выставленъ № 1. Въ тетрадкѣ не имѣется оглавленія, но вотъ ея содержаніе:

---

[1]) Очень вѣроятно, что онѣ и хранились у него, и отъ него достались моему отцу.

1. *Эпиграммы.* Ихъ цѣлыхъ 15, но очень не важныхъ. Всѣ онѣ имѣютъ въ виду товарищей (особенно тѣхъ, что были вѣчной излюбленной мишенью насмѣшекъ).

2. *Вопросы и отвѣты*—въ стихахъ—7 №№, тоже—претендующія на остроуміе выходки, направленныя на разныхъ лицъ.

3. *Національныя пѣсни.*

4. *Смѣсь*: Шуточныя стихотворенія: *Паясы* (1813); *Аристъ и Глупонъ* (Идиллія); *МолитваОсловъ*; *На рожденіе носа носовъ* (6 августа 1814); *На именины С. Г. Ч-ова* (Чирикова); *Бѣдный Д...* (Дельвигъ); *Рондо.*

Вышеприведенный заголовокъ стоитъ на обложкѣ въ той и другой тетрадкѣ.

№ 1.

Эпиграммы.

1.

Великаго въ мужахъ увидятъ въ немъ потомки
И слава принесетъ объ немъ немощный звукъ:
Бывъ дальновиденъ такъ, что былъ онъ близорукъ,
Въ другихъ онъ зрѣлъ соломки.

2.

Сей мужъ въ младенчествѣ, какъ роза, процвѣталъ;
Достигнувъ юности, уже онъ древо сталъ,
Но обработанъ бывъ прилежною рукою,
Кору оставилъ онъ... дубиной сталъ простою.

3.

Начто Угрюмина здѣсь камень прахъ покрылъ:
Онъ камень самъ на свѣтѣ былъ.

4.

Взгляните, господа, вотъ славный баснословъ:
Онъ нравовъ въ истинѣ найпаче отличался,
Жаль только, что людей онъ обращалъ въословъ—
И это списывать съ души своей старался.

5.

Вотъ славный баснословъ Рустомъ,
Вѣнчанный славою и лавровымъ вѣнцомъ.
Да вотъ на чемъ онъ помѣшался:
Гдѣ въ басни нуженъ скотъ, онъ человѣкъ казался,
Гдѣ нуженъ человѣкъ — вездѣ онъ былъ скотомъ.

6.

Что тѣлу безъ души существовать не можно,
Повѣрьте—ложно.
Повѣрьте, это сущій бредъ:
Скажите-жъ, какъ Дамонъ живетъ?

7.

Клитъ умеръ. Клитъ уже не существуетъ болѣ,—
Возможно-ли? и Клитъ пересталъ ужъ говорить.
Ну долженъ я признаться поневолѣ:
Perpetuum mobile! теперь не можно быть.

8.

Когда умретъ
Князь Верхолетъ,
То камня вы надъ нимъ напрасно не кладите.
Погодите:
Онъ скоро о себѣ увѣдомитъ весь свѣтъ,—
Лишь былъ бы языкомъ здоровъ князь Верхолетъ.

9.

„Я человѣкъ!“ — всему народу
Сказалъ расхваставшись Осланъ. —
Такъ видно человѣкъ — одинъ пустой болванъ,
Иль нѣтъ: въ семьѣ не безъ урода.

10.

Морфорій все бранитъ людей, скотовъ ругаетъ
И Бога самого бранитъ,
Зоилъ нашъ обезьянъ лишь только оставляетъ,
Да иногдаословъ по милости щадитъ.

11.

Изъ остроумнѣйшихъ рѣчей
Глупона
Была послѣдняя: что онъ царемъ морей—
Назвалъ Марона.

12.

Другъ, знаешь ли, что есть у насъ Сократъ!
Не правда? — вѣрь ты мнѣ — тому чрезмѣрно радъ! —
Онъ съ чашей всякой день спокойно умираетъ;
Да только вѣдь не ядъ — вино онъ выпиваетъ.

13.

Наняли Бибруса [1]) комедію писать,
Смѣяна же—похвальны оды:
За деньги стали сочинять,
И родились отъ нихъ уроды.

14.

Осломъ Пустова называли
И всѣ ему „оселъ“ кричали,
А онъ, не суетясь о томъ,
Сказалъ: пусть буду я осломъ,
Да лишь навьюченъ серебромъ!

15.

Чердакожитель Алциндоръ
Со свайкою навѣкъ простился,
И чтобъ хоть слабый дать отпоръ —
Писать стихи на всѣхъ пустился;
Сидитъ съ бумагою, съ перомъ,
Ждетъ, чтобъ стихи пришли бы сами...
Но какъ же пишетъ эпиграммы?
Привыкши съ свайкой жить, съ кольцомъ,
Пускаетъ ихъ тупымъ концомъ.

---

[1]) Бибрусъ—прозвище заимствованное изъ тогдашней литературы: такъ звали плохого стихотворца С. С. Боброва Батюшковъ и кн. Вяземскій. См. также Пушкинъ (въ стих. „Къ другу-стихотворцу“). *К. Г.*

Вопросы и отвѣты.

I.

Во: Послушай-ка меня, товарищъ мой любезный,
Неужели газетъ не будемъ издавать?
И презрѣвъ Феба даръ толико драгоцѣнный,
Ужели болѣе не будемъ сочинять?
От: Луна на небѣ въ ночь сіяетъ,—
Явится солнце—исчезаетъ.
Газетой славу мы нашли,
Но лишь Мудрецъ блеснулъ на свѣтѣ,
Газеты утонули въ Летѣ,
И мы остались, съ чѣмъ пришли.

II.

Во: Скажи пожалуйста, зачѣмъ мы здѣсь живемъ.
Зачѣмъ рождаемся, зачѣмъ ѣдимъ и пьемъ?
От: Признаться, твой вопросъ немного удивляетъ.
Взгляни покинувъ лесть,
Что смертный для того и пьетъ и ѣстъ,
И послѣ умираетъ,
Чтобъ подъ землей лежать,
И землю удобрять.

III.

Во: Прекрасно, но позволь мнѣ испытать хоть мало
Премудрость всю твою—ты знаешь: безъ начала
Ничто не можетъ быть, равно какъ безъ причинъ.
Скажи причину мнѣ, зачѣмъ дуракъ Ослинъ?
От: Когда умъ Боги раздавали,
Всѣ люди умъ скорѣе брали.
А нашъ Ослинъ
Сперва желалъ имѣть аршинъ,
Чѣмъ умъ свой мѣрить,--
Пошелъ аршинъ купить;
Но воротившися, увидѣлъ —торгъ закрытъ.
И такъ онъ безъ ума остался вѣчно бредить
И сталъ аршиномъ онъ не умъ, а уши мѣрить.

IV.

Во: Зачѣмъ мы кверху головами
Всѣ ходимъ, а не вверхъ ногами?
От: Ты задалъ мнѣ вопросъ смѣшной,
Зачѣмъ идемъ вверхъ головой?
Я силлогизмою хочу здѣсь изъясниться:
Посылка первая:
Извѣстно, что у насъ всегдашняя столица
Великаго Царя Ума
Есть голова.
Вторая посылка:
И умъ нашъ къ небесамъ всечасно возлетаетъ,
Нога-жъ безъ разума здѣсь по землѣ гуляетъ.
Заключеніе:
Такъ ergo: головѣ вверху приличнѣй быть,
Ногамъ же по землѣ ходить.

V.

Во: Скажи мнѣ, почему козламъ Зевсъ роги далъ?
Осламъ же длинныя онъ уши привязалъ?
От: Чтобъ люди глупыми козловъ не называли,
И чтобъ отъ глупости ослы насъ не бодали.

VI.

Во: Отвѣтъ дай мнѣ, зачѣмъ дуракъ
Всѣмъ кажетъ свой кулакъ?
От: Доказывать свое дуракъ слабѣе,
А вѣдь кулакъ дилеммы посильнѣе.

VII.

Во: Скажи мнѣ, почему на свѣтѣ все согласно:
Сперва бываетъ мракъ, а послѣ солнце ясно?
От: Тутъ мудрости великой нѣтъ:
За грустью радость вслѣдъ идетъ.

Національныя пѣсни.

Этотъ отдѣлъ включенъ мною выше въ соотвѣтствующій особый отдѣлъ, см. стр. 219—223. Здѣсь помѣщены слѣдующія пѣсни:

1. Пусть кто хочетъ отличайся...
2. Блаженъ, кто діалогъ не учитъ...
3. Блаженъ мужъ, иже
   Сидитъ на каѳедрѣ ближе.
4. Лѣто, знойна дщерь природы (*Ильичевскаго*).
5. Полно Дельвигъ, не мори
   Ты людей стихами.
6. Ахъ! тошно мнѣ
   На чужой скамьѣ!
7. Пусть несчастный человѣкъ
   Безъ таланта, бейся вѣкъ...

Смѣсь.

П а я с ы [1]).

1813.

Паясы! Тыркусъ брусъ кирпичной [2])
Надъ вами сдѣланъ головой,
За нимъ весь штабъ его отличной:
Италіанецъ—Графъ съ лѣвшей; [3])
Мишукъ—паясъ первостепенный,
Гераковъ—Глинка—музыкантъ
И скоморохъ—комедіантъ. [4])
Оллёса [5]) съ коробомъ, безсмѣнный
У Тырки-Синуса драбантъ.
Смотрите—вотъ и наша птичка,
Вотъ проповѣдница—лисичка... [6])
Костенскій же со славой тамъ
Съ Ерышей-гришею толкуетъ,
А Мясоѣдовъ вальсируетъ
И носъ возноситъ къ небесамъ;

---

[1]) См. выше (стр. 212) это-же стихотвореніе, сохранившееся на отдѣльномъ листкѣ въ нѣсколько иной, вѣроятно первоначальной редакціи. *К. Г.*

[2]) Тырковъ.

[3]) Гр. Брогліо.

[4]) Яковлевъ.

[5]) Ильичевскій.

[6]) Комовскій.

А тамъ высокій и рогатый,
Какъ башня, Масловъ возстаетъ,
При немъ Суворочка [1]) идетъ
Баяцынка черноусатый....

Молитва ословъ.

Громодержавный Зевсъ! спаси ослины души.
Укороти большія уши,
Иль ихъ прибавь у птицъ, звѣрей
И у людей:
Чтобъ мы здѣсь болѣе посмѣшищемъ не были,
И чтобы смертные, какъ прежде, насъ не били.
Заставь ты ихъ молчать!—А тоословъ теперь
Ругаетъ всякой звѣрь
И нѣту намъ проходу.
Коровы и быки мычатъ,
Пѣтухъ и курицы кричатъ;
Сверчки, кузнечики сверчатъ
И такъ словъ бранятъ,
Что хоть теперь же въ воду!
И всякой хвастаетъ журналъ,
Что насъ словъ онъ обижалъ.
Пускай бы и бранилъ, когда бранить охота,
Или коль эдака, на здѣшнемъ свѣтѣ, мода,
Да насъ бы напрямикъ не звалъ
Ослами.
Вѣдь мы ничѣмъ не винны предъ людьми,
И какъ осмѣлились безчестить люди насъ?
Вѣдь ты, Зевесъ, сказалъ: „для васъ
Я выстроилъ Парнассъ“.
Парнассъ людей же выше,
И люди слѣдственно стоятъ словъ пониже.
Передъ тобой, Зевесъ, ослины слёзы льемъ,
И пѣснь печальную поемъ:
Тебя, о Зевсъ, мы просимъ
И вопль ослиной нашъ къ Олимпу мы возносимъ:
Людей пожалуй осѣдлай.
На человѣкѣ насъ, Безсмертный, покатай.
Надъ просьбою челомъ Зевесу бьютъ
И разрѣшенья ждутъ:
Премудрые Ослы.

---

[1]) В. Д. Вольховскій.

Аристъ и Глупонъ.

(Идиллія).

Гдѣ Царь? гдѣ Царь?
Ахъ когда его сыщу! [1])

Ар. О чемъ грустишь, Глупонъ, что сдѣлалось съ тобой?
Почто, въ неистовой досадѣ,
Ты чешешь голову замаранной рукой?
Скажи, почто горѣ возносишь носъ кривой
И бѣсишься какъ будто въ адѣ?

Гл. — Се жертва моему Царю.
Увы! отъ самаго рожденья
Я въ головѣ его не зрю!
И видно мнѣ до погребенья
Его въ столицѣ не имѣть!
Такъ какъ же, какъ же не скорбѣть?
Пятнадцать лѣтъ живу на свѣтѣ;
Уже тому пятнадцать лѣтъ,
Какъ онъ, въ серебрянной каретѣ,
Пустился погулять на свѣтѣ,
Съ тѣхъ поръ все нѣтъ его какъ нѣтъ!

Ар. Утѣшься, о Глупонъ! гуляющій твой Царь
Изъ всѣхъ земныхъ владыкъ мудрѣйшій Государь.
Въ конгрессѣ нынѣ онъ трудится
(За краснымъ спитъ сукномъ),
Но долго, долго онъ домой не возвратится;
Скорѣе совратится
Съ пути небесная луна
Или въ Сенатѣ появится
Прокофьева жена! [2])

На рожденье носа носовъ [2]).

(6 Августа 1814).

Разверзлися небесъ чертоги,
За платье ухватясь зари,
Явился Ѳебъ золоторогій
И сталъ землей, какъ въ кубари,

---

[1]) Изъ національной пѣсни, см. выше, стр. 219.

[2]) Прокофіемъ звали одного изъ лиц. служителей (см. выше, стр. 80). *К. Г.*

[3]) Къ сожалѣнію, не имѣемъ указанія, на кого написана эта шутка. Не опять ли (какъ и предыдущая) на Мясоѣдова, о носѣ котораго не разъ упоминается въ лицейскихъ стихахъ?

Играть, вокругъ себя гоняя,
И тѣмъ Зевеса забавляя;
Какъ лебедь въ облакахъ ходилъ,
Трудился свайкой надъ водами,
Шутилъ надъ золотыми лбами
Церквей Москвы и ихъ свѣтилъ.

* *
*

Тогда въ день моего рожденья
Судьба-судьбинушка моя,
Для смѣха иль увеселенья
Гостямъ, а можетъ для себя
(Не вѣдаю ея желаній,
А не люблю писать гаданій),
На мой большой и круглый посъ,
Какъ пирамиду Сезостриса,
Поставила, горой возвыся,
Не знаю что,—лишь цѣлый возъ.

* *
*

Я чувствую и воздыхаю!
Подъ тяжестью такой кряхчу,
Грозя судьбинѣ восклицаю:
Послушай-ка, что я скажу:
Когда ты такъ немилосерда,
И (на) такія шутки щедра;
То я, дружочекъ, удружу! —
Размою спиртомъ пирамиду
И въ вящую тебѣ обиду
Носъ полотенцемъ обвяжу.

На именины С. Г. Ч-ова [1]).

Намедни къ богу Аполлону
И къ музамъ въ гости я зашелъ,
Отвѣсилъ каждой по поклону,
Челомъ ударивъ низко въ полъ.

* *
*

[1]) На гувернера С. Г. Чирикова, котораго воспитанники звали въ шутку „Героемъ“: онъ сочинилъ трагедію въ стихахъ „Герой Сѣвера“, которую играли воспитанники. Эта невинная шутка вполнѣ согласима съ общими любовью и уваженіемъ, которыми пользовался Чирпковъ въ лицейской средѣ.

„Свѣтильникъ, благодѣтель міра!“
Я Фебу тихо прошепталъ,
„Не откажи, нужна мнѣ лира,
„А безъ нея вѣдь я пропалъ.“

* * *

— Къ чему, Лицейскихъ странъ пустынникъ,
Тебѣ на лирѣ днесь бряцать?
„Герой сегодня именинникъ:
„Его хочу я воспѣвать.“

* * *

— Герой? сказала Каліопа,
Тебѣ-ль героевъ прославлять!
Нѣтъ, нѣтъ; повѣрь, тебѣ до гроба
Однѣ забавы воспѣвать.

* * *

— „Пишу не бранному Герою,
„Не Марсовъ—онъ Минервинъ сынъ;
„Не славенъ въ полѣ онъ войною,
„Герой нашъ—мирный гражданинъ.

* * *

„Въ Лицеѣ онъ, и ...“ — Понимаю,
Сказалъ мнѣ съ свѣтлымъ Фебъ челомъ:
Онъ мнѣ служилъ (я это знаю)—
Издавна музамъ онъ знакомъ.

* * *

Такъ развѣ безъ меня не можешь
Ему ты чувства изъяснить?
Ума ужели не приложишь,
Безъ музъ не смѣя говорить?

* * *

Стыдись!... — и скорыми шагами
Безъ лиры возвратясь домой,
Кричалъ я съ добрыми друзьями:
Ура! да здравствуетъ Герой!

Бѣдный Д. [1]).

Вотъ бѣдный Д...(ельвиг)ъ здѣсь живетъ,
Не знаемъ суетою,
Бренчитъ на лирѣ—и поетъ
Съ подругою мечтою.

* * *

Пускай невѣжество гремитъ
Надъ мудрою главою,
Пускай и Эгоизмъ кричитъ
Съ фортуною слѣпою.

* * *

Одинъ онъ съ лѣностью живетъ,
Блаженъ своей судьбою.
Вѣкъ свой о радости поетъ
И не знакомъ съ тоскою.

* * *

О счастіи не говоритъ,
Но счастіе съ тобою
Живетъ—и будетъ вѣчно жить
И съ лѣностью святою!

Рондо.

На каблукахъ, въ ботфортахъ, въ шишакѣ,
Въ изорванномъ драгунскомъ сертукѣ,
Герой Морданъ (хоть и цыплятъ боится),
Какъ *Донъ-Кишотъ* на старомъ рысакѣ;
На взглядъ Бовой—такъ на одной доскѣ
Весь міръ снесетъ на сильномъ кулакѣ,—
На дѣлѣ пьетъ да ѣстъ, да лишь вертится:
На каблукахъ.

* * *

---

[1]) Бар. Дельвигъ. Срв. выше, стр. 222, прим. 1.

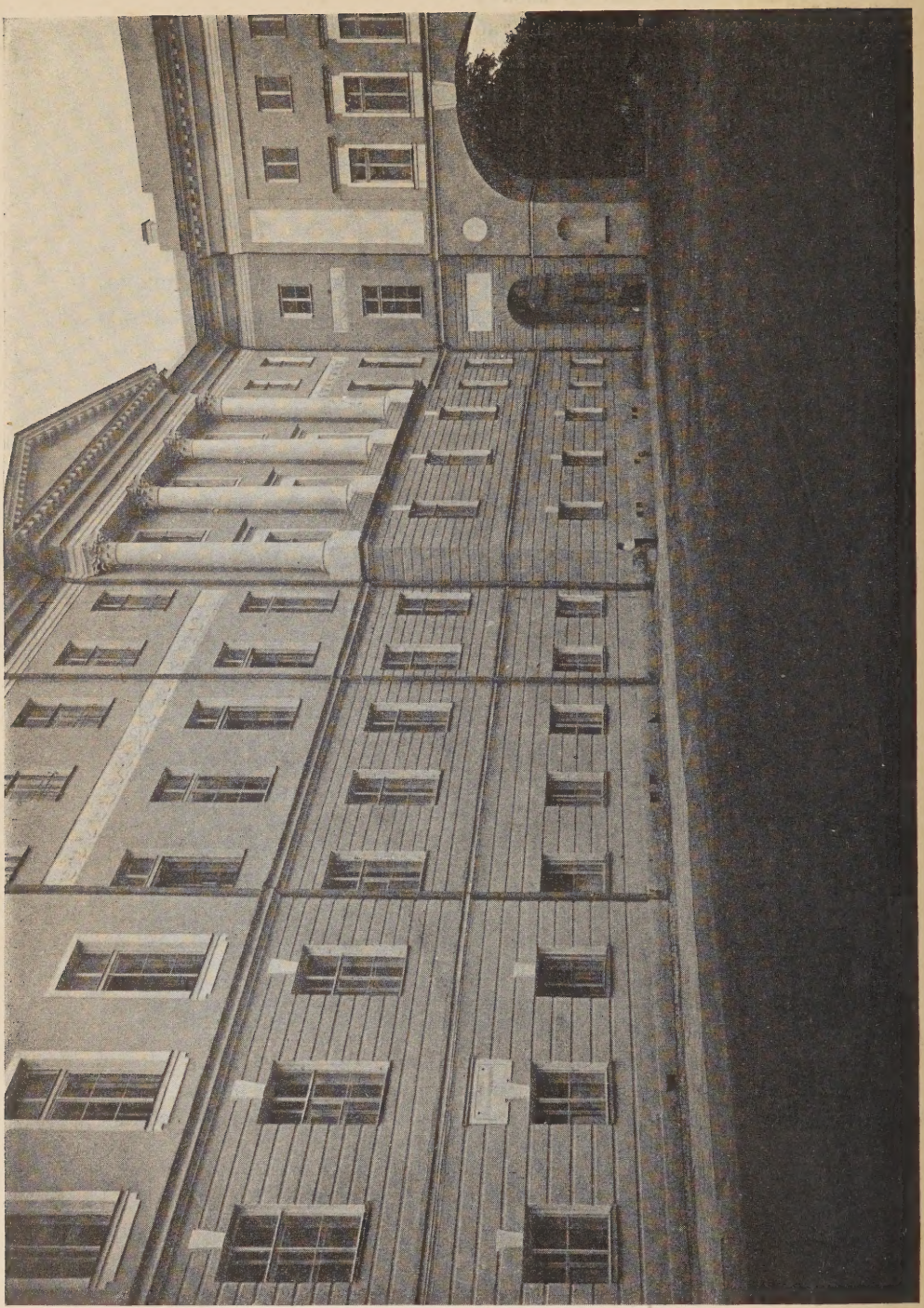
Судить ему лишь въ кабакѣ —
О новостяхъ, о шляпкѣ, табакѣ;
Такъ чѣмъ же онъ, желаю знать, гордится?
Бывъ карликомъ—гигантомъ становится?
Нѣтъ, онъ великъ отъ шума въ далекѣ:
На каблукахъ.

2-ую тетрадь „Мудреца—Поэта“, какъ уже выше объяснено, не печатаемъ въ виду ея полнаго тождества съ стихотворною частью „Лицейскаго Мудреца“.

На профессоровъ, ищущихъ милости у гр. Разумовскаго [1]).
Карикатура—рисунокъ перомъ работы Ильичевскаго, сохранившаяся на особомъ листкѣ (въ архивѣ Я. К. Грота).

---

[1]) Справа по порядку изображены: Кайдановъ, Карцовъ, Кошанскій съ Георгіевскимъ, Гауеншильдъ, Будри, Куницынъ. Внизу Ренненкампфъ.



Видъ на бывшій Лицей со стороны Больш. Дворца съ памятной Пушкинской доской; одно изъ оконъ верхняго этажа этого фасада принадлежало комнатѣ поэта [1]).

[1]) Приносимъ искреннюю признательность С. Н. Вильчковскому какъ за предоставленіе намъ этого снимка, такъ и за любезное сообщеніе нѣкоторыхъ справокъ изъ архива Царско-Сельск. Дворц. Управленія. *К. Г.*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Лицейскія стихотворенія и автографы Пушкина въ собраніи Я. К. Грота.

Маленькое собраніе лицейскихъ автографовъ Пушкина, доставшееся Я. К. Гроту (за исключеніемъ первой рукописи, извлеченнной изъ Державинскихъ бумагъ) также большею частью отъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина, переплетенное имъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими „Puschkiniana“ въ особую тетрадь, заключаетъ въ себѣ слѣдующія пьесы [1]). Считаю долгомъ воспроизвести ихъ здѣсь цѣликомъ, со всевозможной точностью (держась и правописанія и разстановки знаковъ оригинала) — дабы облегчить всякому желающему сличеніе этихъ, по большей части, первоначальныхъ редакцій съ послѣдующими варіантами и переработками.

Лл. 1—4 об. „*Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*“ (1814). Набѣло тщательно написанный автографъ, поднесенный авторомъ Державину на экзаменѣ 8-го января 1815 г., на 4-хъ листкахъ бѣлой бумаги въ 4-ку, извлеченъ изъ одной изъ Державинскихъ тетрадей (№ 9), нынѣ хранящихся въ Публичной Библіотекѣ.

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.

Нависъ покровъ угрюмой ночи [2])
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ.
Чуть слышится ручей бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

Плыветъ—и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ.
Алеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ;
Здѣсь вижу съ тополемъ сплелась младая ива
И отразилася въ кристалѣ зыбкихъ водъ,
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

---

[1]) Этими автографами пользовались при изданіи сочиненій (лицейскихъ стихотвореній) Пушкина Л. Н. Майковъ и С. А. Венгеровъ.

[2]) Въ этомъ словѣ чьей-то рукой (не Державина-ли?) *ч* зачеркнуто и сверху написано *щ*.

Пушкинъ, на лицейскомъ экзаменѣ.

Изъ № 9 Державинскихъ тетрадей. 1815.

1.

30.

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.

Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

Плыветъ — и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ.
Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ;
Здѣсь вижу съ тополомъ сплелась младая ива
И отразилась въ кристаллѣ зыбкихъ водъ,
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой,
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣнивою волной;
А тамъ въ безмолвіи огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы Росской храмъ?

Автографъ воспроизводится здѣсь въ нѣсколько уменьшонномъ видѣ. Въ настоящую величину печатается ниже конецъ автографа. — Цифра 30 — № пьесы въ Державинской тетради. Надъ ней надписи сдѣланы Я. К. Гротомъ.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой,
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣнивою волной;
А тамъ въ безмолвіи огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не сель Минервы Росской храмъ?

Не сель Елизіумъ полнощный,
Прекрасной Царско-сельской садъ,
Гдѣ льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и отрадъ?
Увы! промчалися тѣ времена златыя,
Когда подъ скипетромъ великія жены
Вѣнчалась славою щастливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины!

Здѣсь каждой шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья древнихъ лѣтъ;
Воззрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ Россъ вѣщаетъ:
„Исчезло все, Великой нѣтъ!“
И въ думу углубленъ надъ злачными брегами
Сидитъ въ безмолвіи склоняя вѣтрамъ слухъ,
Протекшіе вѣка [1]) мелькаютъ предъ очами
И въ тихомъ восхищеньи духъ.

Онъ видитъ, окруженъ волнами
Надъ твердой, мшистою скалой
Вознесся памятникъ. Ширяяся крылами
Надъ нимъ сидитъ орелъ младой.
И цѣпи тяжкія, и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столба трикраты обвились
Кругомъ подножія, шумя, валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.
О сколь онъ для тебя, Кагульской брегъ, поносенъ!
И славенъ родинѣ драгой!
Безсмертны вы вовѣкъ, о Росски исполины
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ!
О васъ, сподвижники, друзья ЕКАТЕРИНЫ,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

[1]) Сверху карандашемъ надписано *льта*.

О громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы Россіянъ!
Ты видѣлъ какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
Потомки доблестныхъ Славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали;
Ихъ смѣлымъ подвигамъ страшась дивился міръ;
Державинъ и Петровъ Героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался незабвенный!
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя, и ужасы военны;
Страдать—есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечь въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго Царя,
Возсталъ вселенной бичь, и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря.

И быстрымъ [1]) понеслись потокомъ
Враги на Рускія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля;
И сёлы мирныя, и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.

Идутъ—ихъ силѣ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны
Въ воздушныхъ съединясь толпахъ
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!.... идутъ въ дали туманной!—
Звучатъ кольчуги и мечи!...

Страшись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и старъ и младъ; летятъ на дерзновенныхъ,
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Возтрепещи, тиранъ! ужь близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь Богатыря,
Ихъ цѣль, иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за Царя.

[1]) Въ автографѣ описка: *быстромъ*.

Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками долъ.
За строемъ строй течетъ, всѣ местью, славой дышутъ.
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ.
Летятъ на грозной пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
И се пылаетъ брань, на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ
И брызжетъ кровь на щитъ.

Сразились.—Руской побѣдитель!
И вспять бѣжитъ надменный Галлъ;
Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ,
Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый;
О, Бородинскія кровавыя поля!
Не вы неистовству и гордости предѣлы!
Увы! на башняхъ Галлъ кремля!...

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны!
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни;
Вотще лишь бранью духъ пылалъ!...

Гдѣ ты краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь Русскому твой зракъ унылый страшенъ!
Изчезли зданія вельможей и Царей,
Все пламень истребилъ. Вѣнцы затмились башенъ,
Палаты пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала
Въ сѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ.
Въ часы безмолвные прекрасной, лѣтней ночи
Веселье шумное туда ужъ не летитъ,
Не блещутъ ужъ въ поляхъ [1]) брега и свѣтлы рощи:
Все мертво, все молчитъ.

[1]) Сверху надписано карандашомъ: *огняхъ*.

Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготѣла днесь на ихъ надменны выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престаетъ въ снѣгахъ рѣками течь;
Бѣгутъ — и въ тмѣ ночной ихъ гладъ и смерть срѣтаютъ
И съ тыла гонитъ Россовъ мечь.

О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О Галлы хищные! и вы въ могилу пали. —
О страхъ! О грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и щастья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру и законъ,
Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны? —
Изчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

Въ Парижѣ Россъ! — гдѣ факелъ мщенья?
Поникни Галлія главой.
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой.
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьи,
Москва въ унынiи, какъ степь въ полночной мглѣ,
А онъ — несетъ врагу не гибель, но спасенье
И благотворной миръ землѣ.

Достойный внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ древнихъ лѣтъ пѣвецъ, какъ лебедь странъ Еллины, [1])
Мой духъ восторгомъ не горитъ?
О естьлибъ Аполлонъ пiитовъ даръ чудесный
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! Тобою возхищенъ
На лирѣ бъ возгремѣлъ гармонiей небесной
И возсiялъ во тмѣ временъ.

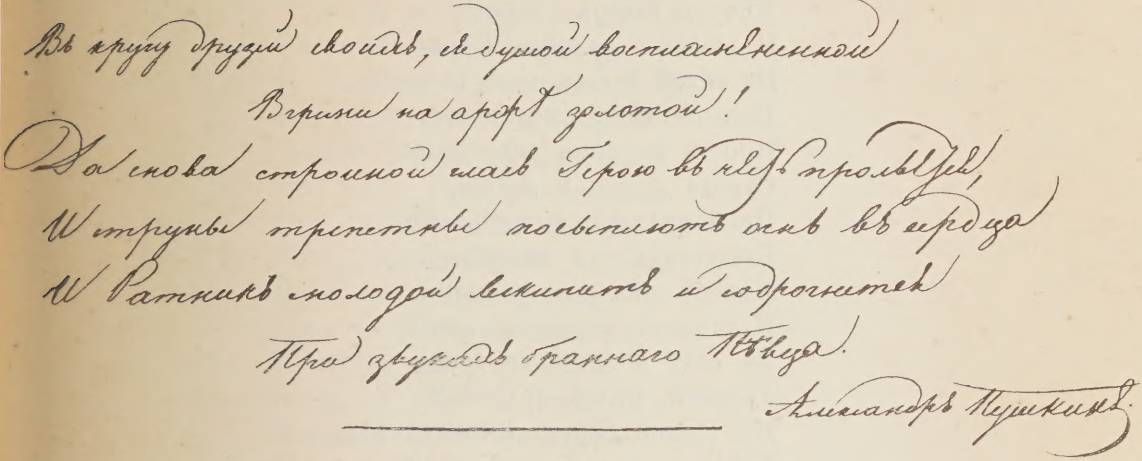
О Скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй,
Въ кругу друзей своихъ, съ душой воспламененной
Взгреми на арфѣ золотой.

---

[1]) Сверху надписано карандашомъ „Славянской бардъ дружины“.

Да снова стройной гласъ Герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца
И Ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго Пѣвца.

Александръ Пушкинъ.



Лл. 5—6 об. „*Мое завѣщаніе (друзьямъ)*“ (1815). На двухъ листкахъ синей бумаги съ водян. знакомъ 1814.

Мое завѣщаніе.

(Друзьямъ).

(Нѣтъ, полно, полно мнѣ терпѣть!
Дорожный посохъ мнѣ наскучилъ,
Угрюмый рокъ меня замучилъ) [1],
Хочу я завтра умереть
И въ міръ волшебной наслажденья
На тихой берегъ водъ забвенья
Веселой тѣнью полетѣть...
Прости на вѣкъ очарованье,
Отрада жизни и любви,
Приближьтесь, о друзья мои,
Благоговѣнье и вниманье!
Пѣвецъ рѣшился умереть.
И такъ съ вечернею луною
Въ саду не льзя ли дернъ одѣть
Узорной, бѣлой пеленою?
На темной берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши,
Нельзя ль устроя длинной ходъ
Нести наполненныя чаши?
Зовите на послѣдній пиръ,
Спѣсивой Семелеи сына,
Эрота, друга нашихъ лиръ,
Боговъ и смертныхъ Властелина [2],
Пускай веселье прибѣжитъ,
Махая рѣзвою гремушкой
И насъ отъ сердца разсмѣшитъ
За полной, пѣнистою кружкой.
Пускай игривою толпой
Слетятъ родныя наши музы —
Имъ первый кубокъ круговой,
Друзья! священны намъ ихъ узы;

[1]) Эти первые три стиха въ рукописи перечеркнуты.
[2]) Сперва было написано: Господина.

До ранней утренней звѣзды,
До тихова лучей разсвѣта
Не выйдутъ изъ руки поэта
Фіалы братской череды... [1])
Въ послѣдній разъ мою цѣвницу
Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
Прижму къ восторженной груди.
Въ послѣдній разъ, томимой нѣжно
Не вспомню вѣчность и друзей,
Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
Упьюсь отрадой юныхъ дней!
Когда жъ востокъ озолотится
Во тмѣ денницей молодой,
И бѣлой тополь озарится
Покрытой утренней росой,
Подайте гроздъ Анакреона,
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона...
Простите, милые друзья,
Подайте руку, до свиданья! [2])
И дайте, дайте обѣщанье,
Когда на вѣкъ укроюсь я,
Мое исполнить завѣщанье.
Приди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темиру,
Тебѣ дарю и лѣнь и лиру;
Да будутъ музы надъ тобой...
Ты не забудешь дружбы нашей [3]),
О II — инъ, вѣтреной Мудрецъ! [4])
Прими съ моей глубокой чашей
Увядшій миртовой вѣнецъ! [5])

---

[1]) Тутъ слѣдуютъ четыре стиха:

И брякнутъ кольца (перстни) золотыя
Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ;
А вы, подруги (товарищъ) молодыя,
Спѣшите: дорогъ, дорогъ часъ;

которые обведены кругомъ чертой, и, слѣдовательно, исключены, а слѣдующіе три приписаны, какъ замѣна ихъ, сбоку.

[2]) Этотъ стихъ приписанъ сбоку.

[3]) Было: дружбу нашу.

[4]) Было: Юноша-Мудрецъ! (*разумѣется Пущинъ*)

[5]) Было: „Прими мою въ подарокъ чашу
И съ ней мой миртовой вѣнецъ!

Друзья! вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ, красныхъ дней,
Окованныхъ щастливой лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей; [1])
Моимъ подругамъ завѣщаю
Воспоминаніе ночей,
Утраченныхъ у ногъ Венеры
Въ лѣсахъ веселыя Цитеры,
Мои стихи дарю забвенью,
Послѣдній вздохъ, о други, *ей*!...
На тихой праздникъ погребенья
Я васъ обязанъ пригласить,
Веселость [2]), другъ уединенья,
Билеты будетъ разносить...
Стекитесь рѣзвою толпою
Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою,
И пусть [3]) на гробѣ гдѣ пѣвецъ
Исчезнетъ въ рощахъ Геликона
Напишетъ бѣглой вашъ рѣзецъ:
„*Здѣсь дремлетъ Юноша* [4]) *мудрецъ,*
Питомецъ Нпы и Аполлона“.

А. П.

Лл. 7—8. „*Къ молодой вдовѣ*“ (1816) на такихъ же двухъ листкахъ синей бумаги, съ водянымъ знакомъ: 1814. Это черновой набросокъ съ многочисленными собственноручными поправками во 2-ой половинѣ стихотворенія. Эта передѣланная часть, начиная со стиха „Вѣрь мнѣ, узниковъ могилы“ переписана тутъ же, на 3-ей страничкѣ А. Д. Илличевскимъ.

Къ молодой вдовѣ.

Лида, другъ мой неизмѣнной,
Почему сквозь легкой сонъ
Часто нѣгой утомленной

---

[1]) Было: И скованныхъ любовной лѣнью etc.
Эти два стиха первоначально слѣдовали за стихомъ:
„Въ лѣсахъ веселыя Цитеры“,
но переставлены авторомъ на это мѣсто.
[2]) Было: Веселье.
[3]) Было: Пускай.
[4]) Было: вѣтренной.

Слышу я твой тихой стонъ,
Почему въ любви щастливой
Видя страшную мечту
Взоръ недвижной, боязливой
Устремляешь въ темноту?
Почему когда вкушаю
Быстрой обморокъ любви
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои.
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей.
О безцѣнная подруга
Вѣчноль слезы проливать?
Вѣчноль мертваго супруга
Изъ могилы вызывать [1]).
Вѣрь мнѣ—узниковъ могилы
Тамъ объемлетъ вѣчной сонъ [2]),
Имъ не милъ ужъ голосъ милый.
Не прискорбенъ скорби стонъ [3]).
Все забыто [4])... вешни розы,
Сладость утра, шумъ пировъ—
Откровенной дружбы слезы
И любовницъ робкій зовъ...
Рано другъ твой незабвенной [5])
Вздохомъ смерти воздохнулъ
И блаженствомъ [6]) упоенной,
На груди твоей заснулъ [7]).
Спитъ увѣнчанной щастливецъ

---

[1]) Отсюда остальные двадцать стиховъ, сильно перечерканныхъ поправками, переписаны тутъ же на чистой страницѣ—Илличевскимъ.

[2]) Было: Вѣрь—для узниковъ могилы
Лишь забвенья мертвой сонъ.

[3]) Было: Имъ не слышанъ скорби стонъ.
Слѣдующіе четыре стиха приписаны сбоку.

[4]) Было: *Не для нихъ*, но зачеркнуто. Сверху написано: *Все забыто*; еще выше: *Имъ напрасны*, но и то и другое перечеркнуто, однако жъ *Все забыто*—возстановлено.

[5]) Было: Рано—твой супругъ мгновенной.

[6]) Было: любовью.

[7]) Было: уснулъ.

Вѣрь любви—невинны мы [1]),
Нѣтъ... разгнѣванной ревнивецъ
Не придетъ изъ вѣчной тьмы [2]).
Тихой ночью громъ не грянетъ,
И завистливая тѣнь
Близъ любовниковъ не станетъ,
Вызывая спящій день [3]).

Л. 9—9 об. „*Боже царя храни*“ (1816) со 2-го куплета (1-ый былъ написанъ Жуковскимъ) на такихъ же синихъ листкахъ (на которыхъ далѣе написаны пьесы „Наслажденіе“ и „Окно“).

На оборотѣ листка черновой набросокъ еще одного куплета (не включеннаго въ пьесу). Всѣ наброски съ поправками и помарками. Гимнъ этотъ былъ дописанъ Пушкинымъ, по свидѣтельству Гаевскаго, къ лицейскому дню 19 октября 1816 года—въ подражаніе англійскому гимну „God save the King“ и исполненъ воспитанниками (см. Гаевскій,

---

[1]) Было: „Скоро взоръ сомкнемъ и мы“, но весь стихъ вычеркнутъ, какъ перечеркнутъ и другой варіантъ: „Насладимся — живы мы“, а также сбоку слова: „О, мой другъ“ и „Милый другъ“.

[2]) Было: Но разгнѣванный ревнивецъ
Изъ пустынной гроба тьмы
Не воскреснетъ ужъ съ упрекомъ,
Не увидишь въ ночь и день
Въ домѣ тихомъ, одинокомъ,
Ты—завистливую тѣнь.

Всѣ эти строки зачеркнуты, а между ними вставлены другія поправки—варіанты, которыя также перечеркнуты и, наконецъ, внизу приписаны вмѣсто ихъ всѣхъ четыре вошедшихъ въ текстъ послѣднихъ стиха.

Но въ перечеркнутыхъ стихахъ между строкъ можно еще разобрать такой варіантъ послѣ стиха „Не придетъ изъ вѣчной тьмы:“

И въ безмолвіи глубокомъ,
Въ ночь покинувъ гроба сѣнь,
Не заглянетъ ужъ съ упрекомъ
Онъ—завистливая тѣнь...

Еще можно разобрать зачеркнутыя слова: „Устрашать во снѣ не станетъ“, относящіяся, очевидно, какъ начало, къ приписанному въ концѣ четверостишію.

[3]) Послѣдніе два стиха, какъ видно изъ помарокъ въ нихъ, намѣчались въ такомъ видѣ:

Въ головахъ во мглѣ не станетъ,
Ожидая ранній день.

„Современникъ“ 1863 г., т. 97, стр. 372, и Л. Майковъ въ I т. Соч. Пушкина (акад. изд.), стр. 834—5.

Боже, Царя храни [1]).

Тамъ громкой [2]) славою
Сильной [3]) державою
Миръ онъ покрылъ,—
Здѣсь безмятежною
Сѣнью надежною
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасной часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань—
Гласъ умиленія [4]),
Благодаренія,
Сердца стремленія —
Вотъ наша дань [5]).

На оборотѣ листа (въ обратномъ направленіи сверху) приписана Пушкинымъ же слѣдующая строфа, тоже съ помарками:

---

[1]) Первый куплетъ, написанный Жуковскимъ, таковъ:

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли:
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли.

Въ тетради Грота (списанной съ Корфовскихъ) къ 1-му куплету выноска: „Сей первый куплетъ принадлежитъ Жуковскому; остальные два прибавлены Пушкинымъ“.

[2]) Первоначально было: *Кроткою славою.*

[3]) Было: *свѣтлой.*

[4]) Было: *удивленія.*

[5]) Было: *Славному дань.*

Рабства покинувъ тму [1]),
Пусть міръ несетъ ему—
Славы вѣнецъ,
Благодаренія,
Дань упоенія
Нашихъ сердецъ [2]).

Л. 10. „*Наслажденіе*“ (1816) на листикѣ такой же бумаги; чернов. набросокъ съ исправленіями—передѣлкой 2-го куплета.

Наслажденіе.

Въ неволѣ скучной увядаетъ
Едва развитый жизни цвѣтъ,
Украдкой младость отлетаетъ
И слѣдъ ея—печали слѣдъ.
Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
До нѣжныхъ юношества лѣтъ
Я все не знаю наслажденья
И щастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ [3]).

* * *

Съ порога жизни въ отдаленье
Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
„Тамъ, тамъ, мечталъ я, наслажденье!“
Но я за призракомъ летѣлъ [4]).
Златыя крылья развивая [5])
Волшебной, нѣжной красотой
Любовь явилась молодая [6])
И полетѣла предо мной.

* * *

---

[1]) Было: *Бросивъ неволи тму.*

[2]) По ошибкѣ написано: *сердцевъ.*

[3]) Было: „Со мной и тѣни щастья нѣтъ“.

[4]) Было: „И вслѣдъ за призракомъ летѣлъ“
(еще: ... тѣнью полетѣлъ).

[5]) Эти четыре послѣдніе стиха, приписанные сбоку, замѣняютъ вторую половину этой строфы, совсѣмъ замаранную. Здѣсь съ трудомъ мы разобрали слѣдующее:

Тумановъ окруженной тьмою
Бродилъ одинъ—и наконецъ
Любви далъ руку, и съ тоскою
Сказалъ: веди меня, слѣпецъ!

[6]) Было: И вдругъ прелестная, нагая (?)
Дыша небесной чистотой
Явилась дружба молодая...

Я вслѣдъ [1])... но цѣли отдаленной,
Но цѣли милой не достигъ!...
Когда жъ весельемъ окриленной,
Настанетъ щастья быстрой мигъ?
Когда въ сіяньи возгорится
Свѣтильникъ тусклой юныхъ дней
И мрачной путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

Лл. 10 — 11: „*Окно*“ (1816) — на продолженіи того же листика, тоже черновой набросокъ съ нѣсколькими собственноручными поправками. Подпись—А. П.—со множествомъ росчерковъ.

Окно.

Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушной?
Мнѣ настоящій опустѣлъ!
На все взираю равнодушно,
Дышать унынъемъ мой удѣлъ:
Напрасно лѣтнею порою
Любовникъ рощицъ и луговъ
Колышетъ розой [2]) полевою,
Летя съ тѣнистыхъ береговъ.

* * *

Напрасно поздняя зарница [3])
Мерцаетъ въ темнотѣ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлита пламенной рѣкой,
Иль день багряный вечеряетъ
И тихо тускнетъ [4]) неба сводъ,
И кленъ на мѣсяцѣ бѣлѣетъ
Склонясь на берегъ синихъ водъ.

* * *

Вчера вечерней темнотою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею—
Я видѣлъ: дѣва у окна

---

[1]) Было: Люблю...
[2]) Передъ этимъ словомъ стоитъ перечеркнутое: *рѣзвою.*
[3]) Было: *денница.*
[4]) Было: *тмится.*

Одна задумчиво сидѣла [1]),
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь—
Съ волненьемъ дѣвица глядѣла
На темный подъ холмами путь.

* * *

„Я здѣсь“, шепнули торопливо
И дѣва трепетной рукой
Окно открыла боязливо...
Одѣлся мѣсяцъ темнотой.
Щастливецъ, молвилъ я съ тоскою,
Тебя веселье ждетъ одно!—
Когда жъ вечернею порою
И мнѣ откроется окно.

А. П.

Лл. 12—13. *„Къ Жуковскому“* (1817); довольно хорошо сохранившійся, несмотря на поблѣднѣвшія чернила, автографъ на синей бумагѣ въ листъ, со многими позднѣйшими (другія чернила!) собственноручными исправленіями. Водяной знакъ на бумагѣ обозначаетъ 1814 г.

Къ Жуковскому.

Благослави, поэтъ!.. въ тиши Парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни:
Опасною тропой съ надеждой полетѣвъ,
Мнѣ жребій вынулъ Ѳебъ и лира мой удѣлъ—
Страшусь, неопытный, безславнаго паденья—
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья,
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный [2]) судія [3]),
Стражъ вѣрной прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ Музъ любимой
И блѣдной [4]) зависти предметъ неколебимой
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ;—
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ;
И славный старецъ нашъ, Царей пѣвецъ избранный [5]),
Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой

---

[1]) Было: *склонившись на руку сидѣла.*
[2]) Было: *безстрастный.*
[3]) *Карамзинъ* (прим. въ рукописи).
[4]) Было: *мощной.*
[5]) *Державинъ* (прим. въ рукописи).

И щастье мнѣ предрекъ незнаемое мной.
А ты, природою на пѣсни обреченной!
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священный?
Могу ль забыть я [1]) часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я [2]) стоялъ—и молненной струей —
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И тайно съединясь въ восторгахъ пламенѣла,—
Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я — безъ страха въ трудной путь
Отважной вѣрою исполнилася грудь;
Творцы [3]) безсмертные, питомцы вдохновенья!....
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья,
Лечу къ *безвѣстному* отважною [4]) мечтой,
И мнится Геній вашъ промчался надо мной!
Но что? подъ грозною Парнасскою скалою
Какое зрѣлище открылось предо мною?
Въ ужасной [5]) темнотѣ пещерной глубины
Вражды и Зависти угрюмые сыны,
Возвышенныхъ творцовъ Зоилы записные
Сидятъ— Безсмыслицы дружины боевыя.
Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкой вой,
Варяжскіе стихи визжитъ Варяговъ строй,
Смѣхъ общій имъ отвѣтъ; надъ мрачными толпами [6])
Во мглѣ два призрака склонилися главами [7])—
Одинъ на груды сѣлъ и прозы и стиховъ—
Тяжелые плоды полуночныхъ [8]) трудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя [9]) могилы!
Съ улыбкой внемлетъ вой [10]) стопосложитель хилый,
Предъ нимъ растерзанный стонаетъ Тилимахъ
Желѣзное перо скрыпитъ въ его перстахъ,
И тянетъ за собой Гекзаметры сухіе,
Спондеи жесткіе и Дактилы тугіе—
Ретивой Музою прославленный пѣвецъ

---

[1]) Было: *О незабвенный.*
[2]) Было: *Въ безмолвіи.*
[3]) Было: *Пѣвцы.*
[4]) Было: *съ веселою.*
[5]) Было: *глубокой.*
[6]) Было: *и челами сѣдыми.*
[7]) Было: *надъ ними.*
[8]) Было: *безсонницъ и.*
[9]) Было: *холодныя.*
[10]) Было: *визгъ.*

Гордись—ты Мевія надутый образецъ! [1])
Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
Стоитъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
Торжественной хвалы къ нему несется шумъ:
Онъ, онъ подъ ризою попралъ и вкусъ и Умъ [2]),
Ты ль это слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ холодный С***, [3]),
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предрасужденіямъ обязанный вѣнцомъ [4])
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?—
Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?
Ему ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пѣвецъ,
Веселье Россіянъ, полунощное диво?.. [5])
Нѣтъ, въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо,
И жъ на челѣ его забвенія печать,
Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
Страшилась Грація циническої свирѣли,
И персты грубые на лирѣ костенѣли.
Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ—
Явится Депрео, исчезнетъ Шапеленъ.

И чтожъ? всегда смѣшнымъ останется смѣшное;
Невѣжду пѣстуетъ Невѣжество слѣпое.
Оно сокрыло ихъ во мрачной [6]) свой приютъ;
Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
Тамъ всѣ враги Наукъ, всѣ глухи—лишь не нѣмы,
Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ Трагедіяхъ хрипятъ,
Тотъ вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую Музу,

---

[1]) Вмѣсто этихъ двухъ стиховъ стояло первоначально:
„Другой на крикуновъ умильный взоръ вперилъ
„И вялою рукой толпу ихъ осѣнилъ“.

[2]) Вмѣсто того было: „У ногъ его лежатъ попраны вкусъ и умъ“.

[3]) Сперва стояло: Завистникъ Генія, спѣсивый С***“. Карандашомъ дописано имя Сумарокова. Потомъ исправлено и тоже зачеркнуто: „Столь малый въ зависти и гордый.....“

[4]) Было: „Предразсужденію обязанный вѣнкомъ“.

[5]) *Ломоносовъ* (прим. въ рукописи).

[6]) Было: *въ огромный*.

Безсмертныхъ Геніевъ сорвать съ Парнасса мнитъ [1]):
Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ,
Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ,
Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ —
При свистахъ критики [2]) къ собратьямъ онъ бѣжитъ...
И маковый вѣнецъ Ѳеспису ими свитъ.
Всѣ, руку положивъ на томъ Тилимахиды,
Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
Волнуясь возстаютъ неистовой [3]) толпой.
Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ *чувствительной* душой!
Кто тайно могъ [4]) плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ, [5])
И Русской [6]) Глупости не хочетъ бить челомъ!....
Онъ врагъ Отечества, онъ сѣятель разврата!
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.
И вы возстаньте же Парнасскіе жрецы,
Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы
Въ счастливой ереси и Вкуса и Науки [7])—
Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья.
Отмститель Генія,—другъ истинны, поэтъ!
Ліющая съ небесъ и жизнь и вѣчной свѣтъ,
Стрѣлою гибели десница Аполлона—
Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиѳона. [8])
Смотрите: пораженъ враждебными стрѣлами
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ: други! месть!..
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ Знанья дали вѣсть,
Летите на враговъ: и Ѳебъ и Музы съ вами!

---

[1]) Первоначально: „Свой стыдъ на Геніевъ отбросить тайно мнитъ“. Вмѣсто „Безсмертныхъ Геніевъ“ было сперва поправлено: „Въ безсиліи своемъ“... вмѣсто „Парнасса“ стояло: *престоловъ*.

[2]) Было: *Зависти*.

[3]) Было: *шумящею*.

[4]) Было: *Бѣда кто могъ*.

[5]) Было: *Кто, выражаяся*. Слово *правдивымъ* перечеркнуто, но потомъ возстановлено.

[6]) Было: *Славянской*.

[7]) Было: *ученья*.

[8]) Первоначально вмѣсто предшествующихъ восьми стиховъ, которые прибавлены на послѣдней страницѣ внизу—подъ подписью автора, стояли только два слѣдующіе (зачеркнутые):

„И вы, возстаньте же, счастливые пѣвцы
„Прелестныхъ Аонидъ священные жрецы“.

Разите варваровъ кровавыми стихами;
Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный взоръ,
Спѣсивыхъ [1]) риторовъ безграмотный соборъ...
Но вижу: возвѣщать намъ истинны опасно,
Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ—
Гоненія (терпѣть) ужель и мой удѣлъ? [2])
Что нужды? смѣло *въ даль* дорогою прямою,
Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшась; мнѣ твердой Карамзинъ,
Мнѣ ты примѣръ. Что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ,
Пускай бесѣдуютъ отверженные Ѳеба;
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ Неба.
Ихъ слава—имъ же стыдъ; творенья—смѣхъ уму;
И въ тмѣ возникшіе низвергнутся во тму.

Арзамазецъ.

Далѣе, въ тетради Пушкинскихъ автографовъ Я. К. Грота слѣдуютъ отдѣльные сохранившіеся листки „*Лицейской Антологіи*“, составл. Илличевскимъ, въ малую 8-ку синей бумаги, на которыхъ (подъ №№) записаны мелкія пьесы и эпиграммы—то рукой Пушкина, то Илличевскаго (см. выше, стр. 142—144).

75.

На Пучкову.

Пучкова право [3]) не смѣшна,
Перомъ содѣйствуетъ она
Благотворительнымъ газетъ недѣльнымъ видамъ,
Хоть въ смѣхъ читателямъ, да въ пользу инвалидамъ.

76.

На нее же.

Зачѣмъ кричишь ты что ты дѣва
На каждомъ дѣвственномъ [4]) стихѣ—
О вижу я, пѣвица Эва,
Хлопочешь ты объ женихѣ.

---

[1]) Было: *И гордыхъ...*

[2]) Эти два стиха читались первоначально:
„На цѣпи указалъ и ими загремѣлъ
„Гоненья новыя ужель и мой удѣлъ“.

[3]) Было: *вовсе.*

[4]) Было: *маленькомъ.*

77.

Скажи, что новаго,—ни слова—
Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?
О братецъ, отвяжись—я знаю только то
Что ты дуракъ... но это ужъ не ново.

78[1]).

„Больны вы, дядюшка—нѣтъ мочи,
„Какъ безпокоюсь я! Три ночи,
„Повѣрьте, глазъ я не смыкалъ".
— Да, слышалъ, слышалъ—въ банкъ игралъ.

Слѣдующія эпиграммы: 79. „Куда спѣсивъ ученый Брутъ" и 80. „На Музыканта" — принадлежатъ Илличевскому, который и записалъ ихъ.

На другомъ листкѣ этой же „Антологіи", подаренномъ Я. К. Гротомъ—П. Н. Тиханову (3-го февр. 1884 г.), были написаны слѣдующія пьесы (двѣ первыя — Пушкина):

86. *Твой и мой.* (Согласно съ печ. текстомъ).
87. *Экспромтъ на А.* (Огареву). Тоже согл. съ изв. текстомъ.
88. Эпиграмма Илличевскаго: „Еще па Пучкову".
89. „Надпись на мой портретъ". Эпиграмма бар. Дельвига.

Надо думать, что первыя двѣ пьески—тоже автографы Пушкина, а вторыя двѣ—записаны Илличевскимъ. Но оригиналъ намъ не пришлось видѣть, и потому вполнѣ достовѣрнаго объ этомъ сказать не можемъ.

На слѣдующемъ (3-мъ) листкѣ записаны слѣдующіе стишки. Изъ трехъ Пушкинскихъ пьесъ (107, 108, 110) первыя двѣ его автографы. Послѣдняя, какъ и № 109, писана Илличевскимъ.

107.

Надпись въ бесѣдкѣ.

Съ благоговѣйною душой
Приближься путникъ молодой
Любви къ пустынному пріюту.
Здѣсь ею щастливъ былъ я разъ,
Въ восторгѣ пламенномъ погасъ
И время самое для насъ
Остановилось на минуту.

108.

Вотъ Виля—опъ любовью дышетъ,
Онъ пѣсни пишетъ зло,

[1]) Всѣ эти четыре пьесы - автографы Пушкина.

Какъ Геркулесъ сатиры [1]) пишетъ—
Влюбленъ какъ Буало.

109.

Ты знаешь, этого урода
Не могъ и не хотѣлъ никто нарисовать [2]).

110.

Завѣщаніе.

Друзья, простите—завѣщаю
Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ:
Обиды, пѣсни—все прощаю,
А мнѣ пускай долги простятъ [3]).

Лл. 15—16. „*Къ Ней*“ (1816) и „*Слеза*“ (1815) автографы на 2-хъ листкахъ синей бумаги—въ маленькую 8-ку. Хотя листки эти очень похожи на листки „Антологіи“, но по другимъ соображеніямъ, какъ уже указано было, ихъ принадлежность „Антологіи“ сомнительна.

Къ Ней.

Ельвина, милой другъ, приди, подай мнѣ руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сонъ,
Скажи, увижу ли... на долгую-ль разлуку
Любовникъ [4]) осужденъ?

Ужели никогда на друга другъ не взглянетъ?
Иль вѣчной темнотой [5]) покрыты дни мои,
Ужели [6]) никогда насъ утро не застанетъ
Въ объятіяхъ любви?

---

[1]) Было: *посланья.*

[2]) Было: „Или не зналъ ты, что урода
Никто не могъ нарисовать“.

[3]) Подъ № 111 записано: *Другое завѣщаніе.* Вѣроятно, авторъ его – Илличевскій, см. выше, стр. 144 и 191.

[4]) Было: *Я рокомъ.*

[5]) Было: *Ужели вѣчной тьмой.*

[6]) Было: *И больше.*

Ельвина, почему въ часы глубокой ночи
Я не могу тебя съ весельемъ обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

И въ радости нѣмой, въ восторгахъ упоенья
Твой шопотъ сладостной и томной стонъ внимать,
И тихо въ скромной тмѣ для нѣги пробужденья
Близъ милой засыпать?

А. П.

Это же стихотвореніе, въ той же редакціи, сохранилось на такомъ же листикѣ бѣлой бумаги въ копіи Илличевскаго.

Слеза.

Вчера за чашей пуншевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ,
И молча, съ мрачною душою
На дальній путь глядѣлъ.

* * *

Скажи, что смотришь на дорогу,
Мой храбрый вопросилъ,
Еще по ней ты слава Богу
Друзей не проводилъ.

* * *

Къ груди поникнувъ головою,
Я скоро просвисталъ:
Гусаръ! ужъ нѣтъ *ее* со мною!...
Вздохнулъ—и замолчалъ.

* * *

Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокалъ,—
Дитя! ты плачешь объ дѣвицѣ,
Стыдись, онъ закричалъ.

* * *

Оставь, гусаръ!.. охъ сердцу больно.
Ты знать не горевалъ. [1])
Увы! одной слезы довольно,
Чтобъ отравить бокалъ.

А. П.

Л. 16 [a]. Стих. „*Принцу Оранскому*“ (1816) на синемъ листкѣ въ 4-ку—автографъ Пушкина—четкаго и крупнаго письма, съ полной подписью.

(Принцу Оранскому).

Довольно битвы мчался громъ,
Тупился мечъ окровавленный,
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной!

* * *

Свершилось... взорами Царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй,
Могущей бранью снова скованъ.

* * *

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву—
И былъ низверженъ ужасъ міра,
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго Порфира.

* * *

И мглой повлекся окруженъ;
Притекъ, и съ буйной вдругъ измѣной
Ужъ воздвигалъ свой шаткой [2]) тронъ...
И палъ отторженъ отъ вселенной.

* * *

Утихло все—не мчится громъ,
Не блещетъ мечъ окровавленной,
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.

* * *

---

[1]) Было: *Я въ грусти отвѣчалъ.*
[2]) Было: *падшій.*

Хвала, о юноша герой!
Съ героемъ дивнымъ Альбіона
Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И мстилъ за лилію Бурбона.

* * *

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
Текли во слѣдъ щиты кровавы;
Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
И разливалъ блистанье [1]) славы;

* * *

Его текла младая кровь,
На немъ сіяетъ язва чести;
Вѣнчай, вѣнчай Его любовь!
Достойный былъ онъ воинъ мести.

Александръ Пушкинъ.

Лл. 17—18. „*Couplets*“ (1817) — автографъ на листкахъ синей бумаги въ 4-ку (объ этомъ стихотвореніи см. Л. Майковъ въ I т. акад. изд., стр. 363—4).

Couplets.

Quand un poête en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traine sa phrase,
Quand on écoute un perroquet;
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

* * *

Mais tête à tête avec sa belle
Ou bien avec de gens d'esprit
Le vrai bonheur se renouvelle
On est content, l'on chante, on rit.
Prolongez ces paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir

---

[1]) Было: *блескъ*.

A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

* * *

Amis, la vie est un passage
Et tout s'ecoule avec le temps,
L'amour aussi n'est qu'un volage,
Un oiseau de notre printemps;
Trop tôt il fuit, riant sous cape —
C'est pour toujours, adieu l'Espoir!
On ne dit pas dès qu'il s'echappe
Jusqu'au plaisir de nous revoir!

* * *

Le temps s'enfuit triste et barbare
Et tôt ou tard on va *la haut.*
Souvent le cas n'est pas si rare —
Hazard nous sauve du tombeau.
Des maux s'eloignent les cohortes
Et le squelette horrible et noir
S'en va frappant à d'autres portes
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

* * *

Mais quoi? je sens que je me lasse
En lassant mes chers auditeurs,
Allons, je descends du Parnasses —
Il n'est pas fait pour les chanteurs,
Pour des couplets mon feu s'allume
Sur un refrain j'ai du pouvoir,
C'est bien assez—adieu ma plume!
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

A. Pouchkine.

Лл. 19—18. *A M-r Pouchkin*, отвѣтъ въ стихахъ г-жи Смитъ, рожд. Charon la Rose (а не Теппера, какъ думалъ Майковъ) на такомъ же листкѣ синей бумаги въ 4-ку; писанъ рукою Илличевскаго.

A Mr. Pouchkin.

Lorsque je vois de vous, Monsieur,
Les vers faits avec tant de grace,
Je me résigne de bon coeur,
A vous céder sitôt la place.

Votre talent, sans grand pouvoir,
De beaucoup le mien efface,
Je n'en ai vu que la surface:
Mais c'est pour lui dire: *à revoir.*

* * *

Est-ce avec vous qu'il me convient,
En rimant de rompre une lance?
Si mon courage me soutient
Phébus me condamne au silence,
Il me dit que j'ai beau vouloir,
Je risque trop en conscience,
Et mes couplets, quoique j'en pense,
Seront *des couplets à revoir.*

* * *

Au revoir est un vieux dicton,
Qui jamais ne passe de mode.
S'il est souvent dit sans raison,
Dans bien des cas il est commode,
Un parleur au loin se fait voir
Dont le jargon peu m'accommode:
Pour prévenir sa periode
Rien de meilleur qu'un *au revoir.*

Къ этому же собранію лицейскихъ стихотвореній Пушкина принадлежатъ еще двѣ копіи (автографа) повидимому Илличевскаго:

1) Извѣстный набросокъ (на листкѣ синей бумаги въ 4-ку) пьесы „*Пѣсня*“ (О, Делія драгая!), который принимали нѣкоторые за Пушкинскій автографъ (послѣдній, какъ извѣстно, подаренъ Я. К. Гротомъ Чешскому Музею въ Прагѣ).

2) Стихотвореніе *Къ Д.* (Дельвигу) на бѣломъ листкѣ въ 4-ку. Оно, несомнѣнно, представляетъ первоначальную редакцію (отличную отъ донынѣ извѣстной, см. Акад. изд. I, стр. 381)[1]) и, какъ списокъ неизвѣстный издателямъ лицейск. стихотвореній Пушкина, заслуживаетъ быть воспроизведеннымъ. Почеркъ его не Пушкина, но знакомый по нѣсколькимъ рукописямъ, всего ближе къ почерку Илличевскаго.

Къ Д.

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою
Извивы темные двухолмной высоты,
Кто жизни въ тайный путь съ невинною душою
Пустился плѣнникомъ мечты!
Наперснику боговъ безвѣстны бури злыя,
Надъ нимъ ихъ промыселъ, безмолвною порой
Его баюкаютъ Камены молодыя

---

[1]) Буквально въ той же редакціи оно записано въ тетради Грота (изъ тетради б. Корфа).

И съ перстомъ на устахъ хранятъ пѣвца покой.
Стыдливой Граціи внимаетъ онъ совѣты
И, чувствуя въ груди огонь еще младой,
Восторженный поэтъ на лирѣ золотой.
О Д...! счастливы поэты!

Мой другъ, и я пѣвецъ! и мой смиренный путь
Въ цвѣтахъ украсили богини пѣснопѣнья,
И мнѣ въ младую боги грудь
Вліяли пламень вдохновенья;
Въ младенчествѣ моемъ я чувствовать умѣлъ:
Все жизнью вкругъ меня дышало.
Все рѣзвый умъ обворожало
И первую черту я быстро пролетѣлъ.

Съ какою тихою красою
Минуты дѣтства протекли;
Хвала, о боги! вамъ. Вы мощною рукою
Отъ ярыхъ грозъ мірскихъ невинность отвели.
Но все прошло—и скрылись въ темну даль —
Свобода, радость, восхищенье;
Другимъ и юность наслажденье —
Она мнѣ мрачная печаль!
Такъ рано.... зракъ кровавой
И низкой клеветы сокрытой ядъ;
Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой
Не буду ослѣпленъ. Пускай они манятъ
На край погибели любимцевъ обольщенныхъ.
Изчезъ священный жаръ,
Забвенью сладкихъ пѣсней даръ
И голосъ струнъ одушевленныхъ!
Во прахъ и лиру и вѣнецъ!
Пускай не будутъ знать, что нѣкогда пѣвецъ
Погибъ на утрѣ лѣтъ,
Враждою, завистью на жертву обреченный [1]),
Какъ ранній на полянѣ цвѣтъ,
Косой безвременно сраженный.
И тихо проживу въ безвѣстной тишинѣ;
Потомство грозное не вспомнитъ обо мнѣ,
И гробъ нещастнаго въ пустынѣ мрачной, дикой
Забвенья поростетъ ползущей повиликой!

---

[1]) Въ Гротовскомъ спискѣ послѣдніе два стиха стоятъ въ обратномъ порядкѣ.

Въ той же тетради Я. К. Грота за этими стихотвореніями Пушкина слѣдуетъ еще подлинникъ (автографъ) извѣстнаго письма В. Л. Пушкина къ своему племяннику въ Лицей отъ апрѣля 11-го 1816 г. Оно было напечатано въ сборникѣ отца (изд. 1899 г., стр. 47).

Къ лицейскимъ автографамъ Пушкина въ Гротовскомъ архивѣ слѣдуетъ причислить еще подаренный мною (въ 1909 г.) Лицейск. Пушкинскому Музею автографъ, именно черновой набросокъ перваго извѣстнаго письма Пушкина изъ Лицея, отъ 28 ноября 1815 г. къ И. И. Мартынову (Директ. Деп. Нар. Просв.), при которомъ было послано поэтомъ въ Петербургъ его стихотвореніе „На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 г.". Я. К. получилъ его въ даръ отъ Маріи Вас. Вольховской, вдовы товарища Пушкина и сестры другого товарища И. В. Малиновскаго. Оно напечатано съ комментаріемъ въ кн. Грота „Пушкинъ" etc. стр. 174—175.

Наконецъ, къ числу автографовъ Пушкина въ нашей коллекціи (въ той же тетради Я. К. Грота), относящихся къ Лицею и учебнымъ годамъ I-го выпуска его, слѣдуетъ добавить еще:

Во-1-хъ: *Два собственноручно писанныхъ поэтомъ протокола* лицейскихъ сходокъ I курса въ день лицейской годовщины 19-го октября, именно *1828* (цѣликомъ написанный Пушкинымъ) и *1836* года (дописанный М. Л. Яковлевымъ).

1-ый написанъ на бѣломъ пожелтѣвшемъ листѣ большого формата почтовой бумаги: бумага и письмо сохранились хорошо, но на бумагѣ много пятенъ. На оборотѣ 2-го листа Яковлевымъ записанъ впослѣдствіи протоколъ собранія 19 октября 1831 г. (безъ Пушкина).

2-ой написанъ на цѣломъ листѣ довольно толстой бѣлой бумаги (и дописанъ Яковлевымъ). На 2-ой половинѣ листа записанъ позже рукой Матюшкина протоколъ 40-лѣтія Лицея 1851 г. Внизу подъ нимъ карандашемъ набросанъ профиль и подписано сбоку: Камарашъ, лицейскій экономъ.

Во-2-хъ: *Двѣ записочки Пушкина къ Яковлеву* по поводу сходокъ въ дни лицейской годовщины—19 октября 1834 и 1836 года. Обѣ на небольшихъ листкахъ бумаги.

Эти автографы Пушкина, протоколы и записки, напечатаны, описаны и комментированы мною въ статьѣ „Празднованіе Лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него". Въ акад. сборн. „Пушкинъ и его современники", вып. XIII, 1910 г., стр. 38—89, и отд. оттиски.

Здѣсь прилагаются снимки съ протоколовъ и съ одной записочки (1836 г.).

Изъ бумагъ Пушкина.

24

19 Октября 1836.

Праздновали двадцатипятилѣтіе Лицея (на Екатерининскомъ каналѣ, въ бывшемъ Бобринскомъ домѣ, возлѣ Михайловскаго дворца, на квартирѣ Яковлева)

П. Юдинъ

П. Мясоѣдовъ.

П. Гревеницъ

М. Яковлевъ.

Мартыновъ.

Модестъ Корфъ

А. Пушкинъ

Алексѣй Илличевскій

С. Комовскій

Ф. Стевенъ

К. Данзасъ

Собрались вышеупомянутые господа лицейскіе въ домѣ у Яковлева и пировали слѣдующимъ образомъ:

1) обѣдали вкусно и шумно

2) выпили три здравія (по заморскому toasts):

a) за двадцатипятилѣтіе Лицея

b) за благоденствіе Лицея

c) за здоровье отсутствующихъ

3) читали письма писанныя нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей.

(Продолженіе протокола 19 окт. 1836 г.).

4) Читали старинные протоколы, письма, и проч. бумаги хранящіеся въ Архивѣ Лицейскомъ у старосты Яковлева —

5) Поминали Лицейскую старину.

6) Пѣли національныя пѣсни.

7) Пушкинъ началъ читать стихи на 25-тилѣтіе Лицея, но всѣхъ стиховъ не припомнилъ и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ, но обѣщалъ докончить, списать и приобщить въ оригиналѣ къ сегодняшнему протоколу.

Примѣчаніе. Собрались всѣ къ половинѣ 5-го часа, разошлись въ половинѣ десятаго.

Пушкинъ, къ Яковлеву. 1836.
изъ бумагъ Грота 33

Я согласенъ съ мнѣніемъ
39 №. Ничего для знаме-
нитаго товарища. Измѣ-
нять старинные
обычаи Лицея: это
было бы худымъ предзна-
менованіемъ. Сказано,
что и послѣдній Лицеистъ
одинъ будетъ праздновать
19 октября. объ этомъ
не худо ~~[illegible]~~ помнить

Согласенъ съ мнѣніемъ № 14

Пушкинъ
изображаетъ Гроза.

19 октября 1828. С. П. б.

Собрались на пепелище скотобратца Курнофеиуса Тыркова (по прозвищу Кирпичнаго бруса) 8 человѣкъ скотобратцевъ а именно: Дельвигъ — Тося, Илличевскій — Олосенька, Яковлевъ — паясъ, Корфъ — дьячокъ морданъ, Стевенъ Шведъ, Тырковъ (смотри выше) Комовскій лиса, Пушкинъ — французъ (смѣсь обезіаны съ тигромъ —)

а) пѣли извѣстный лицейскій пѣснь

Ахъ, зачѣмъ

NB. Пушкинъ-французъ вставилъ, исправилъ стишки Ал. Олосеньки про зачѣмъ вмѣсто общеупотребляемаго припѣва Ахъ зачѣмъ, а все какъ выше означено.

б) Вели бесѣду.

Копіи Лицейскихъ стихотвореній Пушкина, имѣющіяся въ сохранившихся въ нашемъ архивѣ другихъ сборникахъ лицейской поэзіи (или въ извлеченіяхъ изъ нихъ), были разобраны и использованы мною особо, причемъ всѣ ихъ отличія и варіанты (составляющіе въ большинствѣ случаевъ первоначальную редакцію) были мною приведены и отмѣчены, именно въ статьѣ моей *„Къ Лицейскимъ стихотвореніямъ А. С. Пушкина“* (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1905 г., ч. CCCLXI, № 10, стр. 227—248), къ которой и отсылаю интересующихся читателей. Здѣсь же я ограничусь лишь сообщеніемъ перечней стихотвореній въ отдѣльныхъ сборникахъ въ томъ порядкѣ, какъ они тамъ помѣщены среди произведеній другихъ товарищей-поэтовъ.

1. Въ *Матюшкинской* тетради („Стихотворенія Воспитанниковъ Лицея“, ч. II въ Царскомъ Селѣ):

1. Стран. 2— 3. Пѣвецъ („Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной“).
2. „ 3—12. Сонъ (Отрывокъ).
3. „ 12—13. Сновидѣніе („Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ“).
4. „ 19—24. Пирующіе студенты.
5. „ 24—26. Couplets.
6. „ 26. Роза („Гдѣ наша роза, Друзья мои“).
7. „ 27—29. Заздравный кубокъ.
8. „ 29—31. Евлега.
9. „ 32. Истина.
10. „ 32—45. Бова.
11. „ 45—47. Стансы („Ты мнѣ велишь пылать душою“).
12. „ 47. „Вотъ карапузикъ нашъ монахъ“.
13. „ 48. Надпись въ бесѣдкѣ.
14. „ 49. Экспромптъ на Агареву.
15. „ 50—52. Красавицѣ, которая нюхала табакъ.
16. „ 52—56. Посланіе къ Натальѣ.
17. „ 56—57. Stances.
18. „ 57—60. Князю А. М. Горчакову.
19. „ 60—62. Посланіе Лидѣ.
20. „ 63—64. Пробужденіе.
21. „ 64—65. Къ молодой вдовѣ.
22. „ 65—66. Друзьямъ.
23. „ 66—67. Въ альбомъ Илличевскому.

---

2. Въ *тетрадяхъ Грота*, составленныхъ изъ тетрадей *бар. М. А. Корфа* („Извлеченіе изъ собранія Лицейскихъ стихотвореній 1-го курса“ 3 тетради):

I. Изъ *ненапечатанныхъ* стихотвореній 1-го курса:

1. Стран. 1— 3. Къ молодой актрисѣ.
2. „ 3— 5. Князю А. М. Горчакову.
3. „ 7—10. Леда (Кантата)
4. „ 11—12. Стансы (изъ Вольтера) [1]).
5. „ 14—16. Воспоминаніе (Къ Пущину).
6. „ 16—17. Къ Наташѣ (Дочери князя Кочубея).
7. „ 18—19. Окно.
8. „ 20—21. Наслажденіе.
9. „ 21—22. Къ Машѣ.
10. „ 23 - 24. Истина.
11. „ 24—25. Делія („Ты-ль передо мною“).
12. „ 26—27. Къ Деліи („О Делія драгая“).
13. „ 42—48. Сонъ.
Изъ него выписано только нѣсколько отрывковъ [2]).
14. „ 53. Принцу Оранскому (Примѣч.: Который за сіе стихотвореніе подарилъ автору богатые часы).
15. „ 55—58. Къ Дельвигу („Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ“ и т. д.).
16. „ 58—62. Къ Дельвигу („Послушай, Музъ невинныхъ Лукавый духовникъ“).
17. „ 63—65. Фіалъ Анакреона.
18. „ 65. Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ.
19. „ 66. Сновидѣніе (Изъ Вольтера) [3]).
20. „ 68—69. Въ альбомъ Илличевскому (1817 г. мая 31).
21. „ 72—73. Боже, царя храни.

II. Изъ *напечатанныхъ* стихотвореній:

22. Стран. 80. Къ Батюшкову.
23. „ 89—90. Кюхельбекеру („Въ послѣдній разъ, въ тиши уединенья“).

---

[1]) Къ этому стихотворенію есть примѣчаніе: „Переводъ сей весьма близокъ. См. Pièces fugitives de Voltaire: *Retraite d'un amant*“.

[2]) При этомъ сдѣлана такая оговорка: „За симъ слѣдуетъ родъ дидактическаго стихотворенія Пушкина „*Сонъ*“, въ которомъ поэтъ не только отдаетъ похвалу Сну, но и совѣтуетъ различныя средства сдѣлать его пріятнымъ. Какъ стихотвореніе это довольно длинно, то здѣсь выписывается изъ онаго только нѣсколько отрывковъ“.

[3]) Примѣчаніе гласитъ: „Стихи сіи были написаны Вольтеромъ къ принцессѣ Амаліи (*Ульрикѣ*?), сестрѣ Фридриха II, во время ужина при дворѣ сего послѣдняго. Фридрихъ перехватилъ ихъ и въ ту жъ минуту написалъ извѣстный отвѣтъ, начинавшійся словами: On remarque pour l'ordinaire Q'un songe est analogue à notre caractère“.

3. Въ *остаткахъ* (разрозненныхъ частяхъ) *тетради* (тоже полученной отъ *Матюшкина*) *1818 года* (какъ свидѣтельствуетъ водяной знакъ на бумагѣ) въ листъ изъ бѣлой толстой бумаги съ золотымъ обрѣзомъ, съ копіями лицейскихъ стихотвореній—неизвѣстнаго почерка.

1. Стр. 1. Конецъ стихотворенія „Бова“ (Отъ ст. 257-го до конца).
2. „ 2—13. Городокъ (Посланіе).
3. „ 14—20. Картины (т. е. „Фавнъ и Пастушка“, вѣроятно, въ первоначальной редакціи).

II.

Отзывы наставниковъ о I-мъ курсѣ.

Прилагаемая здѣсь, сохранившаяся въ лицейскомъ архивѣ Я. К. Грота „*Табель, составленная изъ поданныхъ вѣдомостей гг. Профессоровъ, адъюнктъ-профессоровъ и учителей: 1) объ успѣхахъ, 2) о прилежаніи, 3) о дарованіяхъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, какія оказали они съ 19 марта по ноября 1812 года*“, подписанная директоромъ Василіемъ Малиновскимъ, досталась Я. К., безъ сомнѣнія, изъ семейнаго архива Малиновскихъ (б. м. самого товарища Пушкина И. В. Малиновскаго или его сестры М. В. Вольховской) съ нѣкоторыми другими бумагами.

На это между прочимъ указываетъ имѣющаяся на оборотѣ *Табели*, надпись (карандашемъ), сдѣланная рукою И. В. Малиновскаго: „Таковой же черновой или дублонъ отправленъ Горчакову въ Петербургъ на *50 юбилей* 1867 года—*служебный*—изъ Харькова [1]). Отвѣта не даде въ-первые на всю корреспонденцію. Можетъ быть и не дошло“. Ясно, что Малиновскій послалъ изъ Харькова въ 1867 г. кн. Горчакову другой (черновой) экземпляръ „Табели“, отъ котораго, повидимому, слѣдовъ не осталось.

Нечего и говорить, насколько любопытна эта таблица. Она составлена изъ отдѣльныхъ подробныхъ аттестацій профессоровъ и наставниковъ объ успѣхахъ, прилежаніи и поведеніи каждаго воспитанника. Въ архивѣ лицейскомъ сохранились въ значительномъ числѣ такіе отзывы и отчеты о занятіяхъ и поведеніи первокурсниковъ за время 1812—16 гг. и нѣкоторые, главнѣйшимъ образомъ относящіеся къ Пушкину, приведены были И. А. Шляпкинымъ въ его книгѣ: Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина С.-Петербургъ 1903 г. Приложеніе III: „Изъ лицейской жизни А. С. П.“, стр. 323—338. Нынѣ же нашелся еще длинный рядъ такихъ аттестацій-донесеній въ пожертвованныхъ Пушкинскому музею бумагахъ министра гр. А. К. Разумовскаго. Часть ихъ опубликована только-что г. Д. Мышецкимъ въ „Лицейскомъ Журналѣ“ (на правахъ рукописи, годъ 8, кн. IV, 1810—1811). Отзывы въ нашей Таблицѣ составляютъ краткій résumé этихъ отдѣльныхъ подробныхъ аттестацій профессоровъ, а именно Кошанскаго (русск. и лат.), Будри (франц.), Гауеншильда (нѣм.), Ренненкампфа (иностр. словесности), Куницына (лог. и нравст.), Карцова (матем.), Кайданова (геогр. и исто-

[1]) Въ Харьковской губерніи было помѣстье Малиновскихъ, которые тамъ и жили постоянно. *К. Г.*

ТАБЕЛЬ,

составленная изъ поданныхъ вѣдомостей гг. профессоровъ, адъюнктъ-профессоровъ и учителей: 1) объ успѣхахъ, 2) прилежаніи, 3) о дарованіяхъ воспитанниковъ ИМПЕРАТОРСКАГО Лицея, какіе оказали они съ 19-го марта по ноября 1812 года.

Имена воспитанниковъ.	Въ Законѣ Божіемъ.	Въ русскомъ и латинскомъ языкахъ.	Во французскомъ языкѣ.	Въ нѣмецкомъ языкѣ.	У адъюнктъ-профессора де-Рененкампфа *(по словесности нѣм. и франц).*	Въ логикѣ и нравственности.	Въ математикѣ.	Въ географіи и исторіи.	Въ рисованіи.	Въ чистописаніи.	Въ фехтованіи.	По нравственной части.
Горчаковъ		Многія способности, прилежаніе отличное и успѣхи чрезвычайные. 3-й ученикъ по сему классу.	Исправился въ тщеславіи и отличные успѣхи и дарованія. 1-й ученикъ по сему предмету.	По прежнему успѣшенъ, прилеженъ и способенъ отлично. 1-ый ученикъ.	Отличные успѣхи, прилежаніе и дарованіе.	Острое понятіе, прилеженъ отмѣнно и успѣшенъ. 1-й ученикъ.	Судитъ основательно. успѣваетъ превосходно. 1-й ученикъ.	Дарованіе и прилежаніе отличны, успѣхи прекрасны. 1-й ученикъ.	Хорошихъ дарованій, особеннаго прилежанія. Хорошихъ успѣховъ. 1-го отдѣленія.	Очень способенъ и прилеженъ.	Хорошо.	Весьма благонравенъ, благороденъ, ревнителенъ къ ученію и чести своей, дружелюбенъ, весьма чувствителенъ и пылокъ.
Вольховскій		Многія способности, примѣрное прилежаніе, успѣхи чрезвычайные. 2-й ученикъ.	Примѣрнаго прилежанія и великіе успѣхи, недостатокъ въ произношеніи. 15-й ученикъ.	Отмѣнное прилежаніе.	Отличные успѣхи, прилежаніе и дарованіе.	Весьма понятенъ, дѣйствуетъ силой разсудка, и отмѣнно успѣшенъ. 2-й ученикъ.	Слабѣе перваго только въ сужденіи. 2-й ученикъ.	Весьма хорошія дарованія, основательно судитъ и успѣваетъ хорошо. 5-й ученикъ.	Отличныхъ дарованій, особеннаго прилежанія, успѣхи хороши. 2-го отдѣленія.	Способенъ и очень прилеженъ.	Еще не хорошо.	Весьма благонравенъ, степененъ, благороденъ, кротокъ, искрененъ, разсудителенъ.
Илличевскій		Счастливыя способности, прилежаніе чрезвычайное и успѣхи отмѣнные. 8-ой ученикъ.	Отмѣнно внимателенъ, прилеженъ и успѣхи отличные. 3-й ученикъ.	Много способностей и успѣховъ, вниманія болѣе прежняго.	Отличные успѣхи, прилежаніе и дарованіе.	Острое понятіе, отмѣнно успѣваетъ, но слишкомъ торопливъ. 4-й ученикъ.	Судитъ основательно, но скоръ, самонадеженъ, успѣхи отличные. 4-й ученикъ.	Рѣдкихъ дарованій, особенно прилеженъ, судитъ здраво и основательно, успѣхи прекрасны.	Великихъ дарованій, успѣхи превосходны. 1-го отдѣленія.	Весьма способенъ и прилеженъ.	Хорошо.	Довольно благонравенъ, остроуменъ, пылкаго воображенія, смѣлъ, рѣшителенъ, съ чувствомъ къ добродѣтели, но властолюбивъ и съ трудомъ подчиняется.
Масловъ		Рѣдкія способности, прилежаніе и успѣхи. 1-й ученикъ.	Примѣтные успѣхи и прилеженъ, недостатокъ въ произношеніи. 10-й ученикъ.	Усердіе и прилежаніе, недостатокъ въ выговорѣ.	Очень трудолюбивъ, способности посредственной.	Очень понятенъ и внимателенъ. Надежные успѣхи. 3-й ученикъ.	Основателенъ, хорошихъ дарованій и успѣховъ превосходныхъ. 3-й ученикъ.	Весьма хорошихъ дарованій, особливо память примѣрная.	Хорошихъ дарованій и успѣховъ. 3-го отдѣленія.	Способенъ и прилеженъ, успѣхи медленны.	Не хорошо еще.	Весьма благонравенъ, степененъ, покоренъ, скроменъ, искрененъ и разсудителенъ.
Есаковъ		Многія способности, особенное прилежаніе, и усердіе къ ученію. 6-ой ученикъ.	Примѣрнаго прилежанія, весьма понятенъ. Отличные успѣхи. 5-й ученикъ.	Предуспѣлъ предъ многими говорящими.	Отличные успѣхи, прилежаніе и дарованіе.	Весьма внимателенъ и понятенъ, вѣрные и надежные успѣхи. 5-й ученикъ.	Любовь къ наукѣ. Рѣдко судитъ неправильно. Успѣхи превосходны. 5-й ученикъ.	Очень хорошихъ дарованій, особенно прилеженъ, весьма хороши успѣхи. Охота къ исторіи.	Отличныхъ дарованій. Успѣхи превосходны. 1-го отд.	Очень способенъ и прилеженъ.	Довольно хорошо.	Весьма благонравенъ, добродушенъ, чувствителенъ, дружелюбенъ, искрененъ, вѣренъ въ исполненіи своихъ обязанностей, обязателенъ.
Пущинъ		Счастливыя способности, рѣдкое прилежаніе, успѣхи твердые. 5-й ученикъ.	Прилеженъ; здраво мыслитъ и весьма замѣтные успѣхи. 6-ой ученикъ.	Прилежаніе и успѣхи надежные.	Великія способности и прилежаніе.	Понятенъ, но не такъ внимателенъ и слишкомъ скоръ на отвѣты.	Вниманіе, прилежность и хорошіе успѣхи.	Очень хорошихъ дарованій и охота къ ученію, судитъ основательно, подаетъ хорошую надежду.	Отличныхъ дарованій, очень хорошихъ успѣховъ. 2-го отд.	Очень способенъ и прилеженъ.	Довольно хорошо.	Весьма благонравенъ, съ осторожностію и разборчивостію, благороденъ, добродушенъ, разсудителенъ, чувствителенъ съ мужествомъ.
Корфъ		Счастливыя способности и отличнаго прилежанія. Хорошіе успѣхи.	Прилеженъ, весьма исправенъ и довольные успѣхи.	Всегда внимателенъ и прилеженъ отлично.	Великія способности и прилежаніе.	Острое понятіе, вниманіе и хорошіе успѣхи.		Похвальнаго прилежанія, охота къ ученію, успѣхи подаютъ прекрасную надежду.	Отличныхъ дарованій, успѣхи превосходны. 1-го отд.	Очень способенъ и прилеженъ.	Довольно хорошо.	Весьма благонравенъ, скроменъ, нѣсколько робокъ.
Комовскій		Счастливыя способности, усердіе къ наукамъ, успѣхи надежны и хороши.	Постоянное прилежаніе, много успѣлъ.	Прилежаніе и успѣхи отличные.	Способенъ и прилеженъ.	Понятенъ и внимателенъ. Надежные успѣхи.	Въ сужденіи не твердъ, прилеженъ и успѣхи хорошіе.	Прилеженъ и охотой успѣваетъ и подаетъ еще лучшую надежду.	Отличныхъ дарованій, весьма хорошихъ успѣховъ. 1-го отдѣленія.	Весьма способенъ и прилеженъ.	Весьма хорошо. Обѣими руками.	Весьма благонравенъ, скроменъ, чувствителенъ, послушенъ, любопытенъ, проворенъ, но остороженъ при всей живости.
Ломоносовъ		Счастливыя способности, и размышленія довольно, но не прилеженъ и невнимателенъ, успѣхи два не посредственны.	Понятенъ, весьма прилеженъ, счастливая память и отличные успѣхи.	По охотѣ и прилежанію великіе успѣхи.	Весьма острое понятіе, охота къ ученію, но не совсѣмъ прилеженъ.	Внимателенъ, понятіе не очень остро, прилеженъ.	Судитъ слабо, прилеженъ и успѣваетъ хорошо.	Склонность и дарованіе къ исторіи, судитъ здраво и справедливо, весьма прилеженъ. Успѣхи прекрасны. 2-й учен.	Отличныхъ дарованій, особеннаго прилежанія, весьма хорошихъ успѣховъ. 1-го отд.	Весьма способенъ и прилеженъ.	Хорошо.	Весьма благонравенъ, трудолюбивъ, степененъ, услуживъ, усердѣнъ въ исполненіи своихъ обязанностей, скроменъ.
Сабрасовъ		Едва примѣтны способности, но прилеженъ и успѣхи хороши.	Способности и успѣхи примѣтно возрастаютъ.	Трудолюбивъ и много успѣваетъ.	Способности еще мало развились.	Внимателенъ и понятенъ, дѣйствуетъ силою разсудка, успѣхъ его надеженъ.	Судитъ медленно, прилеженъ, успѣхи хорошіе.	Даровзніе и успѣхи очень хороши, а прилежаніемъ дастъ еще лучшую надежду.	Хорошихъ дарованій, изрядныхъ успѣховъ. 4-го отд.	Способенъ и очень прилеженъ.	Не хорошо еще.	Весьма благонравенъ, кротокъ, терпѣливъ, чистосердеченъ. равнодушенъ.
Малиновскій		Внимателенъ и способенъ, рѣдкое прилежаніе и успѣхи очень хороши.	Примѣтные успѣхи.	*Способенъ и много успѣлъ.*	Способенъ, но не всегда весьма прилеженъ.	Понятіе не слишкомъ острое, весьма внимателенъ, прилеженъ, успѣхи медленные, но хорошіе.	Способенъ, прилеженъ и успѣваетъ хорошо.	Размышленіе, твердо помнитъ замѣчаніе, весьма прилеженъ, отвѣчаетъ удовлетворительно.	Хорошихъ дарованій, терпѣливъ, успѣхи весьма изрядны. 4-го отдѣленія.	Способенъ и прилеженъ.	Хорошо.	Благонравенъ, добросердеченъ, искренненъ, чувствителенъ, пылокъ, склоненъ къ свободѣ и веселости, неостороженъ въ обращеніи.
Гревеницъ		Рѣдкія способности и чувствительны и прилеженъ. Успѣхи очень хороши.	Прилежаніе и успѣхи постоянные.	Весьма прилеженъ и отличные успѣхи.	Отличные успѣхи, прилежаніе и дарованіе.	Понятенъ, но не всегда внимателенъ, часто ослабѣваетъ въ прилежаніи, успѣхи довольно хороши.	Въ сужденіи не твердъ, прилеженъ и охотенъ.	Дарованіе и успѣхи хороши, прилеженъ, подаетъ хорошую надежду.	Хорошихъ дарованій, хорошихъ успѣховъ. 3-го отд.	Весьма способенъ и прилеженъ.	Не хорошо еще.	Весьма благонравенъ, вѣжливъ, чувствителенъ, скроменъ, нѣсколько застѣнчивъ.
Кюхельбекеръ		Способности, прилежаніе и успѣхи хороши.	Примѣрнаго прилежанія и успѣховъ, но тщеславенъ.	Внимателенъ, прилеженъ и отличные успѣхи.	Отличное званіе, прилежность съ педантствомъ.	Понятенъ и внимателенъ, занимается съ размышленіемъ и весьма рачителенъ.	Основателенъ, но ошибается по самодовольствію, прилежаніе и успѣхи хорошіе.	Охота къ наукѣ, судитъ здраво, успѣхи хороши.	Хорошихъ дарованій, хорошихъ успѣховъ. 3-го отд.	Способенъ и прилеженъ.	Лучше, нежели въ началѣ.	Благонравенъ, довольно искренненъ, добродушенъ, но гнѣвенъ, вспыльчивъ и легкомысленъ.
Матюшкинъ		Счастливыя способности, прилежаніе и успѣхи очень хороши.	Продолжаетъ успѣвать и весьма прилеженъ.	Болѣе способности свои употребилъ и болѣе успѣховъ оказалъ.	Много прилежности и способности необыкновенныя.	Внимателенъ и прилеженъ, занимается съ размышленіемъ. Успѣхи не худые.	Въ сужденіи не твердъ, но охотенъ, успѣваетъ изрядно.	Дарованій изрядныхъ, прилеженъ и охота великая, хорошая надежда.	Отличныхъ дарованій, весьма хорошихъ успѣховъ. 2-го отдѣленія.	Способенъ и прилеженъ.	Довольно хорошо.	Весьма благонравенъ, при всей пылкости, вѣжливъ, искрененъ, добродушенъ, чувствителенъ; иногда гнѣвенъ, но безъ грубости.
Мартыновъ		Счастливыя способности, прилежаніе и успѣхи очень хороши.	Прилеженъ и нѣкоторые успѣхи.	Великіе успѣхи, исправность и прилежаніе.	Способности еще мало развились.	Понятенъ и разсудителенъ, часто ослабѣваетъ въ прилежаніи.	Судитъ слабо, прилеженъ, успѣхи хороши.	Дарованій и успѣховъ хорошихъ, прилеженъ, требуетъ возбужденія.	Великихъ дарованій, быстрыхъ успѣховъ. 1-го отдѣленія.	Весьма способенъ и прилеженъ, успѣхи превосходны. 1-ый ученикъ.	Не хорошо еще.	Весьма благонравенъ, степененъ, равнодушенъ, внимателенъ, чистосердеченъ, усерденъ, нѣсколько упрямъ.
Стевенъ		Едва примѣтны способности, но прилеженъ и хорошіе успѣхи.	Прилеженъ и успѣваетъ.	Весьма прилеженъ и исправенъ.	Весьма прилеженъ и охотенъ. Понятіе медленное.	Не очень понятенъ и мало прилеженъ, не имѣетъ способности къ отвлеченнымъ наукамъ и успѣхи не велики.	Въ сужденіи не твердъ, прилеженъ. Успѣхи хороши.	Дарованія малы, но охота и прилежаніе.	Отличныхъ дарованій, весьма хорошихъ успѣховъ. 1-го отдѣленія.	Способенъ и прилеженъ.	Хорошо.	Довольно благонравенъ, кротокъ, добродушенъ, чувствителенъ и усерденъ.
Яковлевъ		Быстрыя способности, отличное прилежаніе и хорошіе успѣхи.	Болѣе охоты и прилежанія, нежели способности, но успѣхи замѣтны.	Прилеженъ и подаетъ надежды лучшихъ успѣховъ.	Средственныхъ способностей, но прилежаніе и охота.	Понятіе не совсѣмъ острое, но весьма прилеженъ и старается оказать успѣхи.	Судитъ слабо, прилеженъ. Успѣваетъ хорошо.	Дарованій хорошихъ, склоненъ къ исторіи и прилеженъ. Очень хорошая надежда.	Отличныхъ дарованій, очень хорошихъ успѣховъ. 2-го отд.	Очень способенъ и прилеженъ.	Довольно хорошо.	Благонравенъ, простодушенъ, усерденъ, исполнителенъ, расторопенъ, но пылокъ.
Юдинъ		Надежныя способности, любовь къ ученію, успѣхи тверды.	Внимателенъ и прилеженъ весьма, но успѣхи медленны.	Оказалъ болѣе прежняго способности и усердія и подаетъ много надежды.	Медленнаго ума.	Отмѣнно внимателенъ и дѣйствуетъ разсудкомъ, весьма прилеженъ. Успѣхи надежны.	Прилеженъ, но по слабости посредственные успѣхи.	Болѣе прилежанія, нежели дарованій, подаетъ хорошую надежду.	Хорошихъ дарованій, хорошихъ успѣховъ. 3-го отд.	Способенъ и прилеженъ, успѣхи медленны.	Худо, но подаетъ надежду.	Весьма благонравенъ, склоненъ ко всегдашнему упражненію, уединенъ, чувствителенъ, застѣнчивъ.
Бакунинъ		Быстрыя способности и довольно разсужденія, прилежнѣе сталъ и успѣхи хороши.	Болѣе прежняго успѣховъ, но нѣтъ постояннаго вниманія.	Не имѣетъ постояннаго прилежанія и охоты.	Не безъ способностей, но не прилеженъ.	Не очень внимателенъ, скоръ въ занятіяхъ, старается отличиться, но не всегда удачно.	Мало основательности, прилежанія, и успѣхи не важны.	Дарованія довольно хороши, но требуютъ возбужденія.	Отличныхъ дарованій, торопливъ. Успѣхи хороши. 2-го отдѣленія.	Способенъ, и прилеженъ, успѣхи посредственны.	Хорошо.	Благонравенъ, довольно добродушенъ, словоохотенъ, смѣшливъ, пылокъ, нетерпѣливъ, чувствителенъ съ гнѣвомъ.
Карниловъ		Памятливъ, понятенъ, прилежаніе изрядное, успѣхи хороши.	Отъ разсѣянности медленные успѣхи, но есть способности.	Поправился отъ своей разсѣянности, и болѣе успѣлъ.	Способности еще не развились.	Понятенъ и замысловатъ, не всегда внимателенъ, довольно прилеженъ и успѣхи хороши.	Судитъ слабо, прилеженъ и успѣваетъ хорошо.	Дарованія очень хороши; возбуждая охоту, ожидать можно лучшихъ успѣховъ.	Отличныхъ дарованій, очень хорошихъ успѣховъ. 2-го отд.	Способенъ и прилеженъ.	Не хорошо еще.	Благонравенъ, откровененъ съ натуральною простотою, словоохотенъ, но не молодости рѣзокъ и неосмотрителенъ.
Коржевской		Показываются способности, сталъ прилежнѣе, успѣхи хороши.	Мало успѣховъ отъ малолѣтства.	Ожидаются впредь успѣхи.	Способности не развились.	Внимателенъ, но слабое сужденіе по возрасту.	Сужденія и прилежанія мало и успѣхи посредственны.	Дарованія и успѣхи хороши, но требуетъ частыхъ увѣщаній.	Отличныхъ дарованій, очень хорошихъ успѣховъ. 2-го отд.	Способенъ и прилеженъ, успѣхи медленны.	Хорошо.	Благонравенъ, кротокъ, послушенъ, чувствителенъ, безъ гнѣва, вѣжливъ и чистосердеченъ, рѣзокъ и невнимателенъ.
Костенскій		*Малыя способности, но есть вниманіе и стараніе, успѣхи* посредственны.	Болѣе прежняго успѣховъ.	Мало способностей и успѣховъ.	Весьма средственныхъ способностей и не весьма прилеженъ.	Слабое понятіе, но очень прилеженъ. Нѣкоторые успѣхи.	Мало основательности, прилежаніе и успѣхи посредственны.	Дарованія довольно хороши, внимателенъ, изрядные успѣхи.	Отличныхъ дарованій, хорошихъ успѣховъ. 2-го отд.	Способенъ и очень прилеженъ.	Довольно хорошо.	Благонравенъ, добродушенъ и усерденъ, чувствителенъ, осторожностью предупреждаетъ вспыльчивость свою и насмѣшливость.
ПУШКИНЪ		Болѣе понятливости и вкуса, нежели прилежанія, но есть соревнованіе. Успѣхи хороши довольно.	Сталъ прилежнѣе и успѣхи постоянные. 2-й ученикъ.	При всей остротѣ и памяти ни мало не успѣваетъ.	Худые успѣхи, безъ способностей, безъ прилежанія и безъ охоты, испорченнаго воспитанія.	Весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но не прилеженъ вовсе и успѣхи не значущіе.	Острота, но для пустословія, очень лѣнивъ и въ классѣ нескроменъ, успѣхи посредственны.	Болѣе дарованія, нежели прилежанія, разсѣянъ. Успѣхи довольно хороши.	Отличныхъ дарованій, но торопливъ и неосмотрителенъ. Успѣхи не ощутительны. 1-го отд.	Способенъ и прилеженъ.	Довольно хорошо.	Мало постоянства и твердости, словоохотенъ, остроуменъ, примѣтно и добродушіе, но вспыльчивъ съ гнѣвомъ и легкомысленъ.
Корсаковъ		Скоро понимаетъ, а потомъ не радитъ. Успѣхи довольно хороши.	Успѣхи не соотвѣтствуютъ способностямъ, въ классѣ шалитъ.	Болѣе прежняго охоты и успѣховъ.	Много способностей, а мало прилежанія.	Весьма острое понятіе, но не постоянен въ трудѣ и невнимателенъ, непослушенъ и упрямъ.	Отмѣнная память, но разлюбленъ и въ классѣ нескроменъ. Успѣхи изрядны.	Дарованія и успѣхи хороши, но не прилеженъ.	Хорошихъ дарованій, весьма изрядныхъ успѣховъ. 3-го отдѣленія.	Способенъ и прилеженъ.	Довольно хорошо.	Не похвальнаго поведенія, пылокъ, черезъ мѣру рѣзокъ, нескроменъ и притворчивъ.
Гурьевъ		Памятливъ, но невнимателенъ и не прилеженъ. Успѣхи посредственны.	Способенъ, но не прилеженъ. Неуспѣшенъ отъ вѣтренности.	Тщетное ожиданіе успѣховъ.	Необыкновенныхъ способностей, но худыхъ успѣховъ.	Понятенъ и замысловатъ, но вовсе не прилеженъ, непослушенъ и другіе имѣетъ недостатки. Успѣхи посредственны.	Способности рѣдко употребляетъ въ дѣло, развлеченъ. успѣхи недовольно примѣтны.	Пылкаго дарованія но не прилеженъ.	Хорошихъ дарованій, хорошихъ успѣховъ. 3-го отд.	Способенъ и прилеженъ.	Довольно хорошо.	Не похвальнаго поведенія, боекъ, суровъ, вспыльчивъ, сердитъ и дерзокъ.
Тырковъ		Несчастливъ способностями, прилеженъ и внимателенъ. Успѣхи посредственны.	Прилежнѣе прежняго, но худые успѣхи.	Ни способности, ни прилежанія.	Худые успѣхи, способности, прилежанія и охоты нѣтъ.	Слабое понятіе, успѣхи не замѣтны.	Сужденіе и прилежаніе мало примѣтны, успѣхъ очень посредственъ.	Дарованія посредственны и память слаба, на вопросы не удовлетворительно отвѣчаетъ.	Посредственныхъ дарованій, изрядныхъ успѣховъ. 4-го отдѣленія.	Способенъ и прилеженъ.	Не хорошо еще.	Благонравенъ, кротокъ, не расторопенъ, оказываетъ искреннее желаніе образоваться.
Дельвигъ		Посредственныя способности, охота къ Россійской словесности; прилеженъ и успѣхи въ русскомъ хороши.	Старается, не менѣе всѣхъ успѣлъ.	При всемъ стараніи ни мало не успѣваетъ.	Съ способностію, но безъ охоты.	Слабое понятіе и ни мало не прилеженъ, отвѣчаетъ безъ размышленія.	Отмѣнно лѣнивъ. Успѣховъ ни малѣйшихъ.	Мало дарованій, но по склонности къ исторіи ожидается успѣховъ.	Хорошихъ дарованій, хорошихъ успѣховъ. 3-го отд.	Способенъ и прилеженъ.	Довольно хорошо.	Не похвальнаго поведенія въ полезномъ медленъ, въ малостяхъ рѣзокъ, насмѣшливъ, нескроменъ, примѣтно и добродушіе.
Мясоѣдовъ		Не счастливыя способности, но прилеженъ. Успѣхи изрядны.	Успѣхи и способности малые.	Не способенъ.	Весьма средственныхъ способностей и не весьма прилеженъ.	Не понятенъ, но прилеженъ. Успѣхи малые.	Слабая голова. Успѣховъ ни малѣйшихъ.	Дарованія посредственны, болѣе успѣхъ при великомъ стараніи о немъ.	Хорошихъ дарованій, весьма изрядныхъ успѣховъ. 3-го отдѣленія.	Способенъ и прилеженъ.	Не хорошо еще.	Благонравенъ, усерденъ, пылокъ, самолюбивъ, докучливъ.
Брогліо		Не способенъ, прилежаніе тщетно, успѣховъ нѣтъ.	Нерадѣніе и непонятность.	Не способенъ и не надеженъ въ успѣхахъ.	Старается при весьма средственныхъ способностяхъ.	Не понятенъ, прилеженъ. но безъ успѣха.	Ни охоты, ни способности. Успѣховъ ни малѣйшихъ.	Дарованія слабы. Успѣхъ малъ.	Посредственныхъ дарованій. Успѣхи медленны. 4-го отдѣленія.	Начинаетъ успѣвать.	Довольно хорошо.	Благонравенъ, простосердеченъ, крайне упрямъ и чувствителенъ съ гнѣвомъ, но признателенъ.
Данзасъ		Не видно еще способностей, прилежанія нѣтъ, ни успѣховъ.	Ни успѣховъ, ни надежды оныхъ нѣтъ.	Ограниченъ, лѣнивъ и ненадеженъ.	Худые успѣхи, ни способности, ни прилежанія, ни охоты.	Не понятенъ, вовсе не прилеженъ и слабъ разсудкомъ.		Нерадивъ, беззаботенъ, не успѣшенъ.	Отличныхъ дарованій, посредственнаго прилежанія. Успѣхи хороши. 2-го отд.	Нерадивъ, успѣлъ весьма мало.	Весьма худо.	Не всегда благонравенъ, довольно простосердеченъ, но вялъ, неловокъ и гнѣвенъ.

Подписано: Директоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Царскосельскаго Лицея ВАСИЛІЙ МАЛИНОВСКІЙ.

ріи). Отзывы „по нравственной части“ принадлежатъ надзирателю М. С. Пилецкому. Въ опубликованныхъ донесеніяхъ министру имѣется подробный отчетъ этого надзирателя „о поведеніи и свойствахъ воспитанниковъ“, относящійся къ тому же времени и на основаніи котораго составлены краткіе отзывы нашей „Табели“ [1]). Въ виду выдающагося интереса этихъ аттестацій Пилецкаго—рядомъ съ матеріалами нашего сборника и въ виду малой доступности изданія, въ которомъ они напечатаны, я считаю долгомъ воспроизвести здѣсь, въ видѣ коментарія къ моимъ матеріамъ, этотъ отчетъ.

Бакунинъ (Александръ), 13-ти лѣтъ. Не безъ дарованій и довольно добродушенъ, словоохотенъ, смѣшливъ, пылокъ и живъ, какъ живое серебро, оттого и неосмотрителенъ, нетерпѣливъ, перемѣнчивъ, чувствителенъ съ гнѣвомъ и упрямствомъ, малѣйшая трудность его останавливаетъ, которую онъ могъ бы преодолѣть терпѣливостью если бы имѣлъ ее. Начинаетъ болѣе прилежать къ ученію. Примѣчая свои ошибки, онъ охотно исправляется. Нельзя сказать, чтобы нравственные его поступки были предосудительны, но они требуютъ прилежнаго наблюденія руководителей, пока благородныя качества, которыми онъ старается украшать себя, сдѣлаются собственными свойствами его сердца.

Графъ **Брогліо** (Сильверій, католич. испов.), 13-ти лѣтъ. Весьма ограниченнаго дарованія, слабая память, крайнее упрямство и чувствительность съ гнѣвомъ, который не есть дѣйствіе вспыльчивости, составляютъ теперь важнѣйшіе его недостатки, но онъ признателенъ, чувствуетъ свои ошибки, даже оплакиваетъ ихъ, всѣми силами старается о своемъ исправленіи и съ нѣкоторымъ успѣхомъ, подавая хорошую надежду. Ласковыя увѣщанія столь же трогаютъ его сердце, сколько напротивъ раздражаютъ его упреки или насмѣшки. Впрочемъ онъ довольно простосердеченъ, опрятенъ и прилеженъ.

Вальховскій (Владиміръ), 14-ти лѣтъ. Съ превосходными дарованіями; весьма прилеженъ съ внимательностью, весьма благонравенъ, не требуя надзора; одаренъ глубокою проницательностью и силою разсудка; знанія его весьма основательны и прочны, но скромность его столь велика, что достоинства его закрыты ею, обнаруживаются безъ всякаго тщеславія и тогда только, когда должно и когда его спрашиваютъ. Добродушіе, нелицемѣрная искренность, снисходительность ко всѣмъ, кротость, благородство во всѣхъ поступкахъ, покорность, степенность и разсудительность составляютъ отличныя и явственныя черты его характера, всегда постояннаго. Въ обращеніи онъ дружелюбенъ, уступчивъ, вѣжливъ и со всѣми одинаковъ.

Баронъ **Гревеницъ** (Павелъ), лютер. испов., 13-ти лѣтъ. Съ хорошими дарованіями, весьма постоянно благонравенъ, почти не требуя надзора, охотно прилежаетъ къ ученію, любитъ порядокъ и опрятность, всегда вѣжливъ, чувствителенъ и къ малѣйшимъ выговорамъ; скроменъ, боязливъ и нѣсколько застѣнчивъ; въ поступкахъ своихъ и въ обращеніи всегда благороденъ и любезенъ.

Гурьевъ (Константинъ), 12-ти лѣтъ. Съ хорошими дарованіями, боекъ смѣлъ, чрезвычайно пылокъ, бѣглаго ума, услужливъ; но при малѣйшемъ поводѣ суровъ, вспыльчивъ, сердитъ, дерзокъ и нескроменъ; однако же, при-

---

[1]) Отзывъ о Пушкинѣ совпадаетъ и съ тѣмъ, котор. приписанъ Пилецкому въ „Памятн. Книжкѣ И. Алекс. Лицея“ на 1856—57 г., примѣч. стр. XIV. срв. Шляпкинъ, о. с. стр. 332.

знается въ своихъ ошибкахъ съ чувствительностью, изъявляющею желаніе быть лучшимъ. Нравъ его умягчается и образуется, не теряя, однако же, свойственнаго ему воинаго характера. Соревнованіе, желаніе отличаться, и честолюбіе поощрили его къ прилежанію, такъ что онъ начинаетъ любить ученіе.

Князь **Горчаковъ** (Александръ), 14-ти лѣтъ. Превосходныхъ дарованій. Благородство съ благовоспитанностію, крайняя склонность къ ученію съ быстрыми въ томъ успѣхами, ревность къ пользѣ и чести своей, всегдашняя вѣжливость, нѣжность и искренность въ обращеніи, усердіе, ко всякому дружелюбіе, чувствительность съ великодушіемъ и склонность къ благотворенію суть неотъемлемыя принадлежности души его; пылкость ума и нрава его выражаютъ быстрая рѣчь, и всѣ его движенія; при всемъ томъ онъ осторожень, проницателенъ и скроменъ. Крайняя чувствительность причиняла ему прежде много страданій, но теперь она вошла въ предѣлы умѣренности; онъ начинаетъ сносить ее со свойственнымъ великодушіемъ. Опрятность и порядокъ царствуютъ во всѣхъ его вещахъ.

Баронъ **Дельвигъ** (Антонъ), 14-ти лѣтъ. Способности его посредственны, какъ и прилежаніе, а успѣхи весьма медленны. Мѣшкотность вообще его свойство и весьма примѣтна во всемъ, только не тогда, когда онъ шалитъ или рѣзвится: тутъ онъ насмѣшливъ, балагуръ, иногда и не скроменъ; въ немъ примѣчается склонность къ праздности и разсѣянности. Чтеніе разныхъ русскихъ книгъ безъ надлежащаго выбора, а можетъ быть и избалованное воспитаніе поиспортили его, почему и нравственность его требуетъ бдительнаго надзора, впрочемъ примѣтное въ немъ добродушіе, усердіе его и вниманіе къ увѣщаніямъ, при начинающемся соревнованіи въ россійской исторіи и словесности, облагородствуютъ его склонности и направятъ его къ важнѣйшей и полезнѣйшей цѣли.

Баронъ **Корфъ** (Модестъ), 12-ти лѣтъ. Съ хорошими дарованіями, прилеженъ съ успѣхомъ, любитъ порядокъ и опрятность; весьма благонравенъ скроменъ и вѣжливъ. Въ обращеніи столь нѣженъ и благороденъ, что во всѣ время нахожденія его въ Лицеѣ ни разу не провинился; но осторожность и боязливость препятствуютъ ему быть совершенно открытымъ и свободнымъ. Иногда немножко упрямъ съ чувствительностью.

Корсаковъ (Николай), 12-ти лѣтъ. Съ весьма хорошими дарованіями, имѣетъ живое воображеніе, острой, бѣглой проницательной умъ и счастливую память; но пылокъ и слишкомъ рѣзовъ и развлеченъ, чтобы быть основательнымъ и порядочнымъ; полагаясь на свои способности, особливо на память онъ недовольно прилежаетъ къ ученію, обнимаетъ предметы скоро и болѣе поверхностно; оттого онъ нерадивъ, крайне неосмотрителенъ, неопрятенъ, непостояненъ, нескроменъ. Нравственность его была весьма испорчена, вѣрность его была вовсе ненадежна, худыя наклонности и привычки помрачали въ немъ благородство; но искреннее намѣреніе и желаніе себя исправить, скоро можетъ возстановить его, тогда оно распространитъ благотворное свое вліяніе на всѣ его поступки и дастъ, по крайней мѣрѣ, лучшее употребленіе рѣдкому его искусству притворяться, слишкомъ ему свойственному, чтобы онъ могъ совершенно потерять его. Впрочемъ, къ похвалѣ его можно сказать то, что онъ пользуется разсудкомъ и совѣтами въ познаніи своихъ слабостей и чѣмъ болѣе получаетъ сего познанія, тѣмъ примѣтнѣе въ немъ стремленіе къ усовершенствованію себя, въ чемъ можетъ онъ сдѣлать быстрые успѣхи, но съ опасностью впасть въ лицемѣріе вообще онъ съ нѣкотораго времени весьма исправился.

Комовскій (Сергѣй), 13-ти лѣтъ. Съ изрядными дарованіями. Онъ благо-

нравенъ, скроменъ, чувствителенъ, крайне ревнителенъ къ пользѣ своей, послушенъ безъ прекословія, любопытенъ, любитъ чистоту и порядокъ, пристрастенъ ко всѣмъ гимнастическимъ упражненіямъ, провореиъ, ловокъ, переимчивъ; въ обращеніи любезенъ и остороженъ при всей своей живости; весьма прилеженъ.

Костенскій (Константинъ), 15-ти лѣтъ. Съ весьма посредственными дарованіями, съ трудомъ пріобрѣтаетъ знаніе, хотя довольно прилеженъ. Частыя напоминанія произвели болѣе вѣжливости и благонравія въ его поступкахъ; онъ пріобрѣлъ осторожность, которая предупреждаетъ нѣсколько грубую его вспыльчивость и насмѣшливость, впрочемъ, нелицемѣрное добродушіе, чувствительность, усердіе и опрятность суть свойственныя ему качества.

Кюхельбекеръ (Вильгельмъ), лютер. испов., 15-ти лѣтъ. Способенъ и весьма прилеженъ; безпрестанно занимаясь чтеніемъ и сочиненіями, онъ не радѣетъ о прочемъ, оттого мало въ вещахъ его порядка и опрятности. Впрочемъ онъ добродушенъ, искрененъ съ нѣкоторою осторожностью, усерденъ, склоненъ ко всегдашнему упражненію, избираетъ себѣ предметы важные, героическіе и чрезвычайные; но гнѣвенъ, вспыльчивъ и легкомысленъ; не плавно выражается и страненъ въ обращеніи. Во всѣхъ словахъ и поступкахъ, особенно въ сочиненіяхъ его примѣтны напряженіе и высокопарность, часто безъ приличія. Неумѣстное вниманіе происходитъ, можетъ быть, отъ глухоты на одно ухо. Раздраженность нервовъ его требуетъ, чтобы онъ не слишкомъ занимался, особенно сочиненіемъ.

Данзасъ (Константинъ), катол. испов., 11-ти лѣтъ. Нельзя сказать, чтобы не имѣлъ способностей, но свойственная ему мѣшкотность, вялость, неловкость и притомъ лѣность, дѣлаютъ ихъ безплодными. Онъ требуетъ неусыпнаго понужденія и поощренія къ ученію; гнѣвенъ, грубъ, нерадивъ, непризнателенъ и неопрятенъ, не столько по намѣренію, сколько по дурному воспитанію, впрочемъ, въ немъ довольно простосердечія; онъ началъ немножко исправляться какъ въ прилежаніи, такъ и въ обращеніи. Особенно примѣтна въ немъ художественная способность и подражательность; вообще онъ болѣе механикъ и потому къ наукамъ, требующимъ умственныхъ силъ, онъ мало оказываетъ охоты и способности.

Есаковъ (Семенъ), 14-ти лѣтъ. Съ хорошими дарованіями и крайне прилеженъ. Добродушенъ, снисходителенъ, живъ съ осторожностью и безъ рѣзвости, благонравенъ не требуя надзора, чувствителенъ, склоненъ къ состраданію, и благотворенію, весьма благоразуменъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, въ обращеніи дружелюбенъ и искрененъ, всегда постоянная вѣрность, и точность въ исполненіи своихъ обязанностей, благонравіе во всей силѣ сего слова, нѣжная привязанность къ родителямъ и роднымъ, любовь къ отечеству, пріятная вѣжливость въ обращеніи, порядокъ, опрятность, трудолюбіе и умѣренность, суть отличными его свойствами; но боязливъ, устрашается грома, молніи и всякихъ видимыхъ опасностей—отъ испугу въ младенчествѣ. Примѣчательная еще слѣдующая добродѣтельная черта въ его характерѣ: изъ любви къ слабымъ товарищамъ своимъ, изъ единой любви къ пользѣ ихъ, онъ часто до усталости занимается съ ними особенно повтореніемъ уроковъ, бесѣдуя съ каждымъ съ необыкновенною кротостію, приноравливаясь къ его нраву, съ намѣреніемъ, чтобы исправить его ошибку или разсѣять его неудовольствіе. Сему доброму примѣру онъ имѣетъ уже послѣдователей между своими товарищами.

Илличевскій (Алексѣй), 14-ти лѣтъ. Съ весьма хорошими дарованіями, Одаренъ живымъ воображеніемъ и счастливою склонностью къ поэзіи, весьма

начитанъ въ россійской словесности; способности, прежде пріобрѣтенныя, знанія и возрастъ его таковы, что теперешніе учебные предметы весьма для него легки, такъ что большую часть остающагося времени употребляетъ онъ на свободныя упражненія въ словесности съ похвальнымъ успѣхомъ. При такихъ преимуществахъ (хотя по истинѣ мнимыхъ), нельзя, чтобы самолюбіе и своенравіе не находили себѣ пищи, оттого можетъ быть происходитъ въ немъ примѣтное небреженіе къ другимъ, которыхъ онъ вообще мало цѣнитъ, развѣ собственная польза того требуетъ, впрочемъ онъ довольно остороженъ занимателенъ, смѣлъ, твердъ, рѣшителенъ; но властолюбивъ, весьма неохотно подчиняетъ свою волю, неуступчивъ и вообще крутого нрава. Примѣчаемое въ немъ чувство къ добродѣтели можетъ служить надежнымъ залогомъ будущаго его усовершенствованія.

Карниловъ (Александръ), 11-ти лѣтъ. Имѣетъ весьма хорошія способности и счастливую память, мало прилежаетъ къ ученію, занимаясь, по молодости, болѣе игрой и рѣзвостью, любитъ, однако же, рисованіе и отечественную словесность. Разсудокъ и понятливость его превосходятъ его возрастъ. Откровенность, натуральная простота, добродушіе, необыкновенная словоохотность съ остроуміемъ и забавностію суть отличительныя черты его характера; но крайне нерадивъ и неосмотрителенъ въ обращеніи и всѣхъ своихъ поступкахъ, упрямится и съ трудомъ признается въ самыхъ даже очевидныхъ ошибкахъ, оправдывая себя весьма разумно.

Ломоносовъ (Сергѣй), 14-ти лѣтъ. Весьма хорошихъ дарованій, весьма благонравенъ и крайне трудолюбивъ. Благородство, обходительность, степенность, осторожность, искренность, услужливость, усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей, порядокъ, опрятность и вообще благонравіе не требующее надзора сдѣлались свойственными ему качествами. Онъ столь благоразуменъ, что вспыльчивость его совершенно въ его власти, но говоря съ ревностію занимается. Любитъ чтеніе, но не иное, какъ о важныхъ и полезныхъ предметахъ и особенно историческое; знакомится и съ любопытствомъ прилѣпляется къ тѣмъ, которые также разсуждаютъ о чемъ-нибудь полезномъ и важномъ, иначе онъ склоненъ къ уединенію, однако же, безъ задумчивости и угрюмости. Невинное разсѣяніе, пріятныя прогулки и благоразумныя бесѣды необходимо должны поддержать духъ его и силы. Примѣтно въ немъ пристрастіе къ собственному мнѣнію, но вообще видно въ немъ рѣшительное желаніе усовершенствовать нравственныя и умственныя свои силы съ благимъ намѣреніемъ быть полезнымъ человѣкомъ.

Матюшкинъ (Федоръ), лютер. испов., 13-ти лѣтъ. Съ хорошими дарованіями: пылкаго понятія, живого воображенія, любитъ ученіе, порядокъ и опрятность; имѣетъ особенную склонность къ морской службѣ; весьма добронравенъ при всей живости, милъ, искрененъ, чистосердеченъ, вѣжливъ, чувствителенъ, иногда вспыльчивъ и гнѣвенъ, но безъ грубости, и только на минуту, стараясь истреблять въ себѣ и сей недостатокъ.

Мартыновъ (Аркадій), 11-ти лѣтъ. Имѣетъ дарованія, но по молодости они еще не столь видны въ наукахъ, какъ въ искусствахъ, къ которымъ онъ (наприм., въ рисованіи) оказываетъ особенную склонность и способность, какъ и къ гимнастическимъ упражненіямъ. Онъ довольно прилеженъ, хотя могъ бы быть и еще прилежнѣе. Успѣхи его въ наукахъ нескоры, но основательны. Степенность, равнодушіе и внимательность превосходятъ его возрастъ. Подъ сѣнью сихъ достоинствъ примѣчается нѣсколько надменности и упрямства. Впрочемъ, весьма благонравенъ, всегда одинаковъ, усерденъ, чистосердеченъ, всегда опрятенъ и любитъ порядокъ.

Мясоѣдовъ (Павелъ), 13-ти лѣтъ. Способности его весьма ограничены; слабаго понятія, слабой памяти, самолюбивъ, докучливъ, пылокъ; несмотря на то, онъ съ трудомъ удостовѣрялся въ своихъ недостаткахъ; теперь чѣмъ болѣе познаетъ ихъ, тѣмъ болѣе теряетъ самолюбія, и тѣмъ болѣе старается награждать слабыя свои способности прилежаніемъ, покорностію и усердіемъ.

Масловъ (Дмитрій), 16-ти лѣтъ. Съ весьма хорошими дарованіями. Благонравіе и прилежаніе его таковы, что не требуютъ ни надзора, ни напоминаній. Благородство, искренность, скромность, особенно покорность, степенность, разсудительность и чувствительность съ отмѣннымъ добродушіемъ,—суть отличныя его достоинства. Въ обращеніи обходителенъ, одолжителенъ, ко всѣмъ равно вѣжливъ; рѣчь его мужественна, занимательна и остроумна. Къ россійской словесности и математикѣ имѣетъ отличную склонность.

Малиновскій (Иванъ), 14-ти лѣтъ. Способности имѣетъ и довольно старателенъ. Доброта сердца, искренность и чувствительность суть отличныя и весьма примѣтныя въ немъ свойства. Съ успѣхомъ старается укрощать свою пылкость, увлекающую его въ ошибки, въ которыхъ онъ признается съ раскаяніемъ. Обращеніе его, особенно съ товарищами, требуетъ еще утонченія. По живости своего нрава, онъ любитъ свободу и веселость, но предается имъ часто безъ осторожности; любитъ также военныхъ. Выборъ хорошаго общества и благородныхъ людей, которые не во зло употребятъ ни его искренности, ни склонности къ свободной и веселой жизни, утвердитъ и усовершитъ добрыя въ немъ расположенія. Впрочемъ, его добродушіе, хорошія правила, а со временемъ и опытность будутъ ему въ томъ вѣрными руководителями, чтобы склонность сія не препятствовала ему итти всегда безопаснымъ путемъ благонравія.

Пущинъ (Иванъ), 14-ти лѣтъ. Съ весьма хорошими дарованіями; всегда прилеженъ и ведетъ себя благоразумно. Благородство, воспитанность, добродушіе, скромность, чувствительность, съ мужествомъ и тонкимъ честолюбіемъ, особенно же разсудительность—суть отличныя его свойства. Въ обращеніи пріятенъ, вѣжливъ и искрененъ, но съ приличною разборчивостью и осторожностью.

Пушкинъ (Александръ), 13-ти лѣтъ. Имѣетъ болѣе блистательныя, нежели основательныя дарованія, болѣе пылкой и тонкой, нежели глубокой умъ. Прилежаніе его къ ученію посредственно, ибо трудолюбіе еще не сдѣлалось его добродѣтелью. Читавъ множество французскихъ книгъ, но безъ выбора, приличнаго его возрасту, наполнилъ онъ память свою многими удачными мѣстами извѣстныхъ авторовъ; довольно начитанъ и въ русской словесности, знаетъ много басенъ и стишковъ. Знанія его вообще поверхностны, хотя начинаетъ нѣсколько привыкать къ основательному размышленію. Самолюбіе вмѣстѣ съ честолюбіемъ, дѣлающее его иногда застѣнчивымъ, чувствительность съ сердцемъ, жаркіе порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотность съ остроуміемъ ему свойственны. Между тѣмъ примѣтно въ немъ и добродушіе, познавая свои слабости, онъ охотно принимаетъ совѣты съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Его словоохотность и остроуміе воспріяли новый и лучшій видъ съ счастливою перемѣною образа его мыслей, но въ характерѣ его вообще мало постоянства и твердости.

Ржевскій (Николай), 12-ти лѣтъ. Дарованія есть, но по молодости его они еще не довольно примѣтны въ успѣхахъ, по сей же причинѣ онъ невнимателенъ къ своей пользѣ, рѣзовъ, и кромѣ дѣтскихъ невинныхъ ошибокъ ничего предосудительнаго въ немъ не видно; напротивъ, онъ весьма кротокъ и любезенъ, послушенъ бѣлъ малѣйшаго прекословія, чувствителенъ безъ гнѣва, нѣженъ, вѣжливъ и чистосердеченъ.

Стевенъ (Фридрихъ), лютеран. испов., 15 лѣтъ. Съ изрядными дарованіями, весьма прилеженъ и благонравенъ, могъ бы болѣе показать свой умъ и свои способности, если бы языкъ русской былъ ему столь извѣстенъ, какъ природный нѣмецкой. Кротость, вѣжливость и осторожность, добродушіе, чувствительность и усердіе составляютъ главнѣйшія черты его характера.

Саврасовъ (Петръ), 13-ти лѣтъ. Дарованія его весьма основательны и надежны. Кротость, спокойствіе духа, благородство, скромность, терпѣливость, умѣренность, чистосердечіе и невинность ясно изображаются на открытомъ лицѣ его; ибо въ немъ нѣтъ ни тѣни лицемѣрія. Онъ всегда одинаковъ, чувствителенъ, когда подастъ хоть малѣйшую причину къ неудовольствію; въ ученіи постоянно рачителенъ и вѣренъ въ исполненіи своихъ обязанностей; благонравенъ, не требуя надзора; любитъ порядокъ и опрятность; въ обращеніи весьма вѣжливъ, дружелюбенъ, а къ старшимъ почтителенъ. Особеннаго пристрастія ни къ чему не оказываетъ; онъ равнодушенъ, охотно, однако же, хотя умѣренно, участвуетъ въ играхъ и забавахъ.

Тырковъ (Александръ), 13-ти лѣтъ. Чувствуя слабыя свои дарованія, онъ сдѣлался весьма старательнымъ и прилежнымъ, хотя при всемъ томъ, успѣхи медленны. Довольно благонравенъ, кротокъ, усерденъ, опрятенъ. Случающіяся угрюмость, упрямство, гнѣвъ и самая даже молчаливость съ застѣнчивостью, неловкость его и нерасторопность происходятъ болѣе отъ недостатка въ воспитаніи и образованіи; оттого и выражается онъ несвязно, сбивчиво и болѣе механически, нежели по размышленію. Впрочемъ онъ указываетъ искреннее желаніе образоваться и постоянное, неослабное прилежаніе, подаетъ надежду, что изъ него выйдетъ современемъ, по крайней мѣрѣ, полезный и добрый человѣкъ.

Яковлевъ (Михаилъ), 14-ти лѣтъ. Съ изрядными дарованіями, весьма прилеженъ, простодушенъ, усерденъ, исполнителенъ, покоренъ, расторопенъ, пылокъ и довольно благонравенъ; неимѣетъ блистательнаго воспитанія, но своей осторожностію и доброю, искреннею волею вести себя какъ можно лучше онъ пріобрѣтетъ гораздо важнѣйшія достоинства и въ добромъ своемъ желаніи весьма успѣваетъ. Имѣетъ особенное дарованіе и склонность къ музыкѣ.

Юдинъ (Павелъ), 14-ти лѣтъ. Не пылкаго ума, не блистательныхъ дарованій; но постояннымъ трудолюбіемъ онъ дѣлаетъ хотя и медленные, но весьма основательные и надежные успѣхи въ наукахъ. Онъ весьма благонравенъ, мало прогуливается; разсѣяніе его состоитъ въ скромной, пріятной невинной бесѣдѣ; прочее время занимается ученіемъ съ очевидною пользою. Стараться должно, чтобъ склонность его къ уединенію не перешла, наконецъ, въ задумчивость, впрочемъ отличныя его свойства суть: благородство и благовоспитанность во всѣхъ его поступкахъ, тихая дѣятельность и чувствительность, молчаливость съ застѣнчивостью и склонность ко всегдашнему упражненію, во время котораго не любитъ, чтобы ему мѣшали. Не чисто произноситъ букву с.

Надзиратель по учебной и нравственной части *Мартынъ Пилецкій.*

III.

Изъ бумагъ III-го курса (1817—1823).

Кромѣ бумагъ относящихся къ первому, Пушкинскому „шестилѣтію“ (1811—1817) Царскосельскаго Лицея, въ архивѣ моего отца сохранились еще нѣкоторые документы и бумаги ближайшихъ къ первому курсовъ въ Лицеѣ, т. е. изъ времени директорства Энгельгардта (продолжавшагося до осени 1823 г.), а также курса самого Я. К. Грота (VI-го 1826—32 г.), въ которомъ традиціи Пушкинской эпохи были еще очень живы и оказывали сильное вліяніе.

Дошедшія до насъ бумаги Энгельгардтовскаго времени относятся всецѣло къ III курсу (1817—1823 г.), и передачей ихъ въ свой Лицейскій архивъ Я. К. Гротъ обязанъ сохранившему эти бумаги лицеисту III-го выпуска, извѣстному государственному дѣятелю (бывшему министромъ юстиціи) Д. Н. Замятнину († 19 октября 1881 г.), горячему почитателю лицейской старины, и безъ сомнѣнія игравшему въ Лицеѣ среди товарищей, благодаря своимъ способностямъ и душевнымъ качествамъ, выдающуюся роль въ ихъ ученическомъ бытѣ, умственной жизни и литературныхъ предпріятіяхъ. Къ нему попало, какъ уже выше упомянуто было, и кое-что изъ пушкинскихъ Lyceana, перешедшихъ затѣмъ отчасти также въ архивъ моего отца.

Познакомить читателей моего сборника и съ этимъ любопытнымъ матеріаломъ я считаю своимъ долгомъ.

1.

Къ исторіи „Общества лицейскихъ друзей полезнаго“.

Я. К. Гротъ—въ своемъ сборникѣ („Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, 2 изд., С.Петербургъ, 1899 г., стр. 93—99)—въ статьѣ *„Литературное общество въ Лицеѣ при Энгельгардтѣ“* даетъ довольно подробный очеркъ возникновенія, кратковременнаго неофиціальнаго существованія и печальной судьбы, т. е. ликвидаціи этого общества, на утвержденіе котораго не послѣдовало Высочайшаго разрѣшенія, вслѣдствіе происшедшей въ то время перемѣны въ настроеніи и воззрѣніяхъ Императора Александра Павловича.

Свой разсказъ о судьбѣ этого литературнаго предпріятія Я. К. начинаетъ слѣдующими вступительными строками:

„Въ исторіи Лицея за періодъ, ближайшій ко времени перваго выпуска, встрѣчается замѣчательный эпизодъ, до сихъ поръ мало извѣстный. Въ краткой исторіи этого заведенія, составленной г. Селезневымъ, упоминается только вскользь о еженедѣльныхъ вечернихъ собраніяхъ, бывшихъ у директора для литературныхъ бесѣдъ [1]). Теперь могу сообщить болѣе полныя о томъ свѣдѣнія изъ подлинныхъ бумагъ, полученныхъ мною отъ нашего бывшаго министра юстиціи Дмитрія Николаевича Замятнина, вышедшаго изъ Лицея, по окончаніи тамъ курса, въ 1823 году (это былъ 3-й выпускъ). Изъ этихъ бумагъ оказывается, что въ 1821 г. Е. А. Энгельгардтъ задумалъ основать въ Лицеѣ, для содѣйствія литературному образованію молодыхъ людей, „Общество лицейскихъ друзей полезнаго“... При уставѣ, подписанномъ директоромъ и нѣсколькими воспитанниками Лицея, сохранились и относящіяся къ засѣданіямъ бумаги“.

Главнѣйшія бумаги, касающіяся эфемерной жизни этого Общества, и вся недлинная переписка Энгельгардта съ высшимъ начальствомъ по поводу его утвержденія, столь плачевно закончившаяся его закрытіемъ, приведены Я. К. Гротомъ въ его статьѣ. Но этотъ матеріалъ я считаю полезнымъ—въ виду интереса этого эпизода—пополнить здѣсь обнародованіемъ полностью нѣкоторыхъ документовъ, съ которыми мой отецъ познакомилъ читателей лишь въ извлеченіяхъ.

Таковы самый *Уставъ* Общества и вступительная французская рѣчь предсѣдателя Энгельгардта, къ чему присоединю еще для образца два-три протокола собраній Общества.

Представлю сперва общее описаніе всѣхъ этихъ бумагъ.

Въ особую синюю бумажную папку (съ желтымъ ободкомъ и 4 ленточками для связыванія), на которой имѣется наклейка съ изображеніемъ лицейской медали, вложена другая папка или переплетъ въ форматѣ листа, оклеенный красной бумагой съ широкимъ бордюромъ (съ поперечными золотыми по черному полосками), въ который вшитъ *Уставъ* Общества, на заглавномъ листѣ котораго самое заглавіе „Уставъ Общества Лицейскихъ Друзей Полезнаго, Царское Село, 1821“ нарисовано перомъ большими печатными буквами очень красиво.

Въ тотъ же переплетъ вложены, кромѣ устава, и всѣ прочія бумаги Общества.

Вотъ перечень этихъ бумагъ:

1. Рѣчь, произнесенная Президентомъ Общества (Е. А. Энгельгардтомъ) въ 1-мъ собраніи 11 ноября 1821 года (на франц. языкѣ).

2. Подлинное письмо (автографъ) г. Министра Народнаго Просвѣщенія кн. А. Н. Голицына къ Президенту отъ 5 декабря 1821 года.

---

[1]) Историческій очеркъ бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея, С.-Петербургъ, 1861 г., стр. 148.

3. Копія съ письма г. Президента къ г. Министру отъ 6 декабря 1821 года.

4. Отношеніе г. Министра въ отвѣтъ на это письмо къ г. Президенту Общества отъ 11 января 1822 года, за № 111 (о неразрѣшеніи Государемъ учрежденія Общества).

5. Рѣчь Директора Лицея на послѣднемъ чрезвычайномъ собраніи Общества, 14 января 1822 года.

6. 11 протоколовъ частныхъ (неофиціальныхъ) засѣданій Общества (на отдѣльныхъ листахъ).

№ 1	. . . . .	11 ноября	1821 г.
№ 2	. . . . .	18 „	1821 „
№ 3	. . . . .	25 „	1821 „
№ 4	. . . . .	2 декабря	1821 „
№ 5	. . . . .	9 „	1821 „
№ 6	. . . . .	16 „	1821 „
№ 7	. . . . .	25 „	1821 „
№ 8	. . . . .	30 „	1821 „
№ 9	. . . . .	6 января	1822 „
№ 10	. . . . .	13 „	1822 „
№ 1 (и послѣдній)		14 „	1822 „

Каждый протоколъ (цѣльный листъ) раздѣленъ продольно пополамъ: слѣва записано все, что происходило въ засѣданіи, справа—постановленія собранія: послѣднія подписаны (на каждомъ журналѣ) президентомъ Энгельгардтомъ и присутствовавшими членами. Дѣйствительными членами общества, какъ видно изъ протоколовъ, состояли слѣдующіе воспитанники: А. А. Бѣлуха-Кохановскій, Д. Н. Замятнинъ, Серг. Павл. Убри, Ф. Самсонъ, Андр. Вас. Малиновскій, Ник. Ив. Васьковъ. На 8-мъ засѣданіи, по общему согласію принятъ въ дѣйствит. члены гувернеръ баронъ Алекс. Сакенъ, а на 10-мъ избранъ въ члены еще воспитанникъ Анат. Евст. Жадовскій. Въ засѣданіяхъ читались сочиненія членовъ, сообща обсуждались, и авторъ, на основаніи критическихъ замѣчаній, исправлялъ свое сочиненіе къ одному изъ слѣдующихъ собраній.

7. При протоколахъ общества сохранилось только четыре сочиненія Д. Н. Замятнина (одно русское и 3—на французск. языкѣ), а именно:

1) Взглядъ на законодательство Екатерины Великой.

2) Coup d'oeil sur l'état moral de l'Europe de nos jours.

3) Sur l'opinion publique.

4) Le Misantrope par Molière et Philinte de Molière par Fabre d'Eglantines.

Затѣмъ, какъ видно изъ особаго „списка“ хранившихся бумагъ,

а также изъ протоколовъ, имѣлись на лицо (но, вѣроятно, взяты впослѣдствіи авторами обратно, слѣдующія сочиненія:

Г. Бѣлухи: Réponse à un ami sur la question: si vous ne viviez pas dans le siècle actuel, lequel des siècles passés auriez vous préféré pour y vivre?

Его же: Qu'est ce qui est plus pernicieux pour un état: des guerres fréquentes ou une administration vicieuse.

Г. Убри: L'idée de l'existence d'un Être suprême et celle de l'immortalité de l'âme sont des bases des vertus et de la felicité de l'homme.

Г. Жадовскаго: Causes des triomphes de la Russie sur la Suède.

Г. Самсона: La traite des Negres.

Г. Васькова: двѣ басни (подражанія Песталоцци):

1) Стѣна, фундаментъ и лѣпныя украшенія.

2) Дубъ и трава.

Г. Малиновскаго: Coup d'oeil sur les principales révolutions dans l'histoire de la Russie (отмѣтка: отдано Г. Президенту на разсмотрѣніе) [1]).

Наконецъ, упоминается еще „Рѣчь б. Сакена при принятіи его въ члены Общества.

Для ознакомленія съ тѣмъ, какъ велись засѣданія Общества, мы помѣстимъ ниже 2—3 протокола.

УСТАВЪ

Общества Лицейскихъ друзей полезнаго.

Всѣ высшія учебныя заведенія, признавъ пользу, приносимую такъ называемыми Литературными обществами, учредили таковыя между собою. Они безъ сомнѣнія, суть вѣрныя средства распространять кругъ нашихъ свѣдѣній и понятій, утвердить насъ въ пріобрѣтенныхъ уже понятіяхъ, познакомить насъ самихъ съ недостатками и способностями нашими, и вообще внушать охоту къ образованію. Увѣренные въ сей истинѣ и побѣждаемые искренними чувствами любви и благодарности къ нашему Отечеству и къ Лицею, мы вознамѣрились послѣдовать примѣру тѣхъ заведеній и учредить у себя подобное общество подъ названіемъ: *Лицейскіе друзья полезнаго.*

Мы увѣрены, что сіе учрежденіе съ пріятностью и пользою займетъ

---

[1]) Невольно напрашивается предположеніе, не повліялъ ли на отрицательный исходъ ходатайства Энгельгардта дошедшій черезъ услужливыхъ людей до властей слухъ о такихъ „вольнодумныхъ“ темахъ, трактуемыхъ воспитанниками, какъ „вредъ отъ порочной администраціи“, о „революціяхъ въ исторіи Россіи“, о „существованіи Бога и безсмертіи души“ и проч.? При этомъ быть можетъ сыгралъ роль и § VII Устава о своего рода секретности частныхъ собраній Общества.

насъ въ остающееся время пребыванія нашего въ Лицеѣ и что оно увѣнчается желаннымъ успѣхомъ, какъ для насъ самихъ, такъ и въ будущее время для любезныхъ товарищей нашихъ, если поддержатъ они начатое нами дѣло.

Но какъ всякое общество должно быть основано на извѣстныхъ постановленіяхъ и правилахъ, безъ коихъ неминуемо происходятъ безпорядки, недоразумѣнія, несогласія и остановки въ общемъ дѣлѣ, то во избѣжаніе сего положили мы принять въ основаніе состава нашего общества слѣдующія главныя правила, кои обязываемся исполнять со всею точностью.

§ I.

Составъ Общества. Общество состоитъ изъ *членовъ дѣйствительныхъ и изъ членовъ почетныхъ*. Первые собираются исключительно изъ воспитанниковъ Лицея, старшаго возраста, а послѣдніе какъ изъ оныхъ, такъ изъ преподающихъ, Гувернеровъ, а со временемъ и изъ постороннихъ лицъ.

§ II.

Должностные члены. Общество имѣетъ: Президента, Секретаря, Архиваріуса и Казначея. Директоръ Лицея есть Президентъ общества. Прочіе чины избираются ежегодно вновь по большинству голосовъ изъ дѣйствительныхъ членовъ. Избранный въ какую-либо изъ сихъ должностей членъ обязанъ оную на себя принять въ первый разъ, при послѣдующихъ же выборахъ имѣетъ онъ право отъ принятія должности отказаться.

§ III.

Обязанности и права ихъ. *Президентъ* предлагаетъ предметы на разсмотрѣніе общества; въ случаѣ равенства голосовъ онъ рѣшаетъ вопросъ; всѣ могущія встрѣтиться со временемъ внѣшнія отношенія общества производятся посредствомъ его.

Секретарь ведетъ протоколъ всему въ собраніяхъ происходящему, скрѣпляетъ оный, отмѣчаетъ полученіе поступающихъ бумагъ и ведетъ журналъ входящимъ и исходящимъ бумагамъ. Всѣ текущія и неоконченныя дѣла хранятся у него, а по окончаніи передаются Архиваріусу.

Архиваріусъ завѣдываетъ всѣми оконченными дѣлами, которымъ ведетъ подробный реестръ для справокъ. Къ нему также по истеченіи года поступаютъ протоколы или журналы общества. По требованіямъ членовъ дѣйствительныхъ сообщаетъ онъ имъ подъ ихъ расписки сочиненія и сужденія объ оныхъ, въ Архивѣ находящіеся, и печется объ исправномъ ихъ возвратѣ.

Казначей собираетъ вносимыя ежемѣсячно членами деньги, хранитъ оныя и ведетъ приходо-расходныя книги. Когда со временемъ образуется Библіотека Общества, то онъ имѣетъ ее въ своемъ вѣдомствѣ и за цѣлость оной отвѣчаетъ.

§ IV.

Обязанности и занятія дѣйствительныхъ членовъ.

Дѣйствительные члены обязаны каждый въ свою очередь прочесть въ собраніи какое-либо свое сочиненіе, разсужденіе, а иногда и переводъ, о коихъ по изъясненному ниже сего порядку производится общее сужденіе. При семъ общество, имѣя въ виду доставить членамъ своимъ сколько возможно болѣе пользы, желаетъ получать всѣ таковыя сочиненія, предпочтительно на иностранныхъ языкахъ, для усовершенствованія себя въ оныхъ.

§ V.

Принятіе членовъ.

Каждый дѣйствительный членъ имѣетъ право предлагать обществу новаго члена къ принятію. Для сего представляетъ онъ какое-либо его сочиненіе и при ономъ въ запечатанномъ кувертѣ имя сочинителя. Если при прочтеніи и подробномъ разсмотрѣніи въ обществѣ сочиненіе не будетъ совершенно одобрено онымъ, то, не открывая куверта, оный въ самомъ собраніи Президентомъ сожигается, а сочиненіе съ отмѣткою по протоколу отдается въ Архивъ.—Но если сочиненіе будетъ одобрено, то Президентъ въ собраніи открываетъ кувертъ и, объявляя объ имени сочинителя, предлагаетъ его собранію къ баллотировкѣ въ члены дѣйствительные или почетные. Когда же по оной будетъ онъ принятъ, то сообщается ему о томъ именемъ общества черезъ письмо отъ Президента, съ означеніемъ, въ дѣйствительные или почетные онъ принятъ члены. Въ первомъ случаѣ приглашается онъ къ присутствованію въ первое собраніе.

§ VI.

Собранія. Собранія общества бываютъ или частныя или публичныя. Частныя собранія бываютъ каждую недѣлю, по пятницамъ въ вечеру; при оныхъ находятся одни только дѣйствительные члены. Публичныя собранія бываютъ чрезъ два мѣсяца или ближе по усмотрѣнію общества и по соображенію поступившихъ сочиненій. Къ публичнымъ собраніямъ приглашаются всѣ воспитанники Лицея и со временемъ Г.г. преподающіе, Гувернеры и постороннія особы.

§ VII.

Частныя Собранія. Въ частныхъ собраніяхъ, какъ выше сказано, участвуютъ одни только дѣйствительные члены. Все въ частныхъ собраніяхъ происходящее, какъ то: чтеніе сочиненій, сужденія и критики объ оныхъ, поправки и перемѣны по общему мнѣнію въ сочиненіяхъ сдѣланныя, принятіе или непринятіе какого-нибудь сочиненія и пр. должно оставаться между членами и ни подъ какимъ видомъ не должно быть разглашаемо или пересказываемо постороннимъ лицамъ.

§ VIII.

Ходъ и порядокъ частныхъ собраній. При началѣ каждаго собранія Секретарь читаетъ составленный имъ Протоколъ послѣдняго засѣданія, который всѣми присутствующими подписывается. Потомъ Президентъ предлагаетъ собранію чтеніе того сочиненія, коего очередь. Чтеніе никогда никѣмъ не прерывается; но каждый членъ, имѣя предъ собой тетрадь, дѣлаетъ для памяти въ оной свои замѣчанія, которыя по окончаніи чтенія сообщаетъ собранію. Если замѣчанія коротки и не требуютъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія сочиненія, то они сообщаются изустно и тогда сужденіе и возраженія производятся также изустно и обращая всѣ возраженія къ лицу Президента. Результатъ сего сужденія вносится Секретаремъ въ Протоколъ для наблюденія и исполненія. Но если критика такого рода, что требуетъ пространнѣйшаго изложенія, то дѣлается она письменно, и въ такомъ случаѣ Секретарь записываетъ, что такое-то сочиненіе отдано на разсмотрѣніе такому-то изъ

членовъ, который обязанъ представить свою критику неотмѣнно къ слѣдующему собранію. Здѣсь она читается и когда по большинству голосовъ замѣчанія сдѣланныя признаны будутъ основательными, то сочинитель обязанъ исправить по онымъ свое сочиненіе къ слѣдующему собранію, развѣ пожелаетъ онъ представить письменное опроверженіе тѣхъ замѣчаній. Въ такомъ случаѣ представляется ему на то сроку до перваго собранія, въ коемъ уже по прочтеніи его опроверженія большинствомъ голосовъ рѣшается о достоинствѣ сочиненія и можетъ ли оное быть принято для публичнаго чтенія или нѣтъ. Если сочиненіе удостоено будетъ, то по запискѣ о томъ въ Протоколъ, оное отдается Секретарю для внесенія онаго въ первое публичное собраніе, а по прочтеніи тамъ съ отмѣткою поступаетъ въ Архивъ, равно какъ и неудостоенныя сочиненія.—Почетные члены не иначе участвуютъ въ частныхъ собраніяхъ, какъ по особому личному приглашенію.

§ IX.

Публичныя собранія.

Въ публичныхъ собраніяхъ присутствуютъ вмѣстѣ съ дѣйствительными членами и почетные, и тогда въ случаѣ какой-либо баллотировки подаютъ голоса. Имъ также предоставлено право въ публичныхъ собраніяхъ произнести рѣчи или читать какое-либо свое сочиненіе, съ тѣмъ однако, чтобъ таковыя за недѣлю до собранія сообщены были чрезъ Секретаря Президенту для соображенія.

§ X.

Ходъ и порядокъ публичныхъ собраній.

Къ публичнымъ собраніямъ приглашаются всѣ воспитанники Лицея, Профессора, и преподающіе, а со временемъ и постороннія особы. Члены, какъ дѣйствительные, такъ и почетные сидятъ по старшинству поступленія ихъ за общимъ присутственнымъ столомъ, а публика по сторонамъ. Каждое публичное собраніе открывается рѣчью говоренною кѣмъ-либо изъ членовъ. Рѣчь сія должна быть предварительно читана и одобрена обществомъ. По окончаніи рѣчи Президентъ, по утвержденному предварительно въ частномъ собраніи положенію, вызываетъ того изъ членовъ, которому надлежитъ читать сочиненіе. Во время публичныхъ собраній

и чтепій не допускаются никакія замѣчанія; но имѣющіе таковыя могутъ доставлять оныя за подписаніемъ своимъ къ Секретарю Общества, которое съ признательностію пріиметъ оныя на разсмотрѣніе въ первомъ частномъ собраніи. Расположеніе предметовъ чтенія въ публичныхъ собраніяхъ должно быть сколь возможно разнообразнымъ.

§ XI.

Годичное Собраніе. Въ концѣ каждаго года, въ день рожденія Благословеннаго Основателя, Покровителя и Благотворителя Лицея, (то есть 12 декабря) бываетъ чрезвычайное публичное собраніе, къ коему приглашается и публика. Въ семъ собраніи между прочимъ Секретарь читаетъ годовой отчетъ или обозрѣніе занятій и успѣховъ общества въ теченіе прошедшаго года.

§ XII.

Протоколы. Все въ собраніяхъ происходящее вносится въ Протоколъ. Такъ какъ предметы и образъ сужденій въ частныхъ и публичныхъ собраніяхъ совершенно различны, и первые должны быть тайною между дѣйствительными членами, то протоколы обоихъ ведутся совершенно отдѣльно; протоколъ частныхъ засѣданій подписывается только одними дѣйствительными членами, протоколъ же публичныхъ подписывается всѣми присутствовавшими дѣйствительными и почетными членами.

§ XIII.

Архивъ. Архивъ общества составленъ: 1) изъ всѣхъ сочиненій, одобренныхъ и вслѣдствіе того въ публичныхъ собраніяхъ читанныхъ; 2) изъ всѣхъ письменныхъ замѣчаній, критикъ, антикритикъ и пр. относительно сочиненій сихъ; 3) изъ всѣхъ сочиненій, одобренныхъ обществомъ; 4) изъ протоколовъ по прошествіи года, и 5) изъ всѣхъ прочихъ бумагъ, къ симъ протоколамъ принадлежащихъ или по онымъ для сдачи въ Архивъ назначенныхъ. За порядокъ и цѣлость Архива отвѣчаетъ Архиваріусъ, а по сему выдаетъ требуемыя членами для справокъ бумаги не иначе какъ подъ расписку и о возвращеніи оныхъ имѣетъ попеченіе.

§ XIV.

Касса Общества.

Каждый дѣйствительный членъ обязанъ вносить ежемѣсячно два рубля въ общественную кассу. Деньги сіи назначаются на постепенное пріобрѣтеніе лексиконовъ, словарей и тому подобныхъ книгъ, которыя нужны и полезны могутъ быть для справокъ при занятіяхъ членовъ по разнымъ отраслямъ наукъ и словесности. Каждый членъ имѣетъ право предлагать обществу пріобрѣтеніе таковой книги, если она найдена будетъ полезною и дѣйствительно соотвѣтствующею предполагаемой цѣли, то по соображенію способовъ кассы, покупка оной опредѣляется по протоколу. Касса хранится у Казначея, который ведетъ всему вѣрный счетъ.

§ XV.

Задачи.

Общество при каждомъ публичномъ собраніи задаетъ два или три предмета для сочиненій или переводовъ и назначаетъ срокъ, къ которому оные должны быть окончены. Въ таковыхъ сочиненіяхъ могутъ участвовать не только члены общества и воспитанники Лицея, но и посторонніе любители наукъ, если найдутся желающіе. Сдѣланныя по симъ задачамъ сочиненія должны быть доставлены въ положенный срокъ къ Секретарю общества съ наблюденіемъ того самаго порядка, относительно имени сочинителя, какой наблюдается (§ V) при избраніи въ члены. Одобренное обществомъ по большинству голосовъ сочиненіе вносится по заглавію и съ именемъ сочинителя въ протоколъ и по усмотрѣнію можетъ быть читано въ публичномъ собраніи. По одобреніи и принятіи такового сочиненія, посылается сочинителю благодарственный листъ отъ общества, за подписаніемъ всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ.

§ XVI.

Подпись на сочиненіяхъ.

Сочиненія, отъ постороннихъ лицъ доставляемыя, могутъ быть и безъ имени сочинителя и вмѣсто онаго имѣть только какой-либо эпиграфъ для означенія оныхъ. Но замѣчанія и критики никогда и ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть приняты иначе, какъ за подписаніемъ сочинителя, и всякое

таковое безымянное сочиненіе остается безъ вниманія и въ собраніи сожигается.

§ XVII.

Выбывшіе изъ Лицея члены общества.

Всѣ воспитанники Лицея, бывшіе не менѣе одного года дѣйствительными членами сего общества, и послѣ выхода своего остаются почетными членами общества и пользуются всѣми правами онымъ присвоенными.

§ XVIII.

Каждый вновь поступающій членъ, обязываясь исполнять и поддерживать сей Уставъ, подписываетъ оный въ первое собраніе, въ которое онъ приглашенъ будетъ.

§ XIX.

Хотя и нѣтъ причины предполагать, чтобы кто-либо изъ членовъ общества захотѣлъ нарушить которое-нибудь изъ правилъ сего Устава; а паче всего разглашать что-либо о частныхъ дѣйствіяхъ общества, однако, если бы противъ чаянія сіе могло случиться, то по точномъ въ томъ удостовѣреніи таковой по большинству голосовъ и по запискѣ о томъ въ протоколъ исключается изъ общества.

§ XX.

Общество предоставляетъ себѣ право впослѣдствіи времени по усмотрѣнію надобности и для вящшей пользы дѣлать въ семъ уставѣ отмѣны и прибавленія.

Предсѣдатель Егоръ Энгельгардтъ.
Андрей Бѣлуха-Кохановскій.
Дмитрій Замятнинъ.
Сергѣй Убри.
Эдмундъ Самсонъ.
Андрей Малиновскій.
Николай Васьковъ.
Александръ Сакенъ.

Рѣчь произнесенная Президентомъ Общества, Е. А. Энгельгардтомъ въ первомъ его собраніи 11 ноября 1821 г.

Messieurs,

Je croirais avilir une réunion formée par le beau désir de s'instruire et animeé par la franchise, la concorde et, l'amitié reciproques, si je voulais débiter ici devant vous un assemblage de paroles arrangées d'après les règles de l'art oratoire, un discours en forme! Non, Messieurs, je n'aspire point à la couronne d'orateur, et je ne parle ici que pour satisfaire un besoin da mon coeur en vous exprimant — la satisfaction pure que je ressens en voyant se réaliser une idée que je porte depuis longtemps avec moi, de la voir réalisée, non pas par une suite de longues persuasions de ma part, non pas par condéscendance pour l'opinion d'un Supérieur, mais comme resultat de votre propre raisonnement qui vous en a montré l'utilité.

Oui, Messieurs, cette réunion est votre ouvrage—je n'y ai que le mince mérite d'en avoir passagèrement indiqué le principe, qui a germé dans vous et qui a produit cet intéressant résultat. Vous avez énoncé dans l'introduction de notre règlement le but de cette réunion littéraire, celui de faire mûrir et d'utiliser par l'échange réciproque, par le frottement des idées, les connaissances théorétiques que vous avez acquises dans notre bon et cher Lycée, dont la réputation fondée sur les succès de ses élèves dans le monde et sur l'utilité dont ils seront un jour à leur patrie et à leur Souverain-Bienfaiteur, doit toujours être l'objet principal de votre sollicitude. Vous l'avez énoncé ce but — je ne doute nullement, que vous ne mettiez tous vos soins à y parvenir et que vous ne souteniez votre entreprise avec une noble persévérance, en éloignant de cette réunion vouée à la bonne cause commune, jusqu'à l'ombre d'égoisme ou de personnalité, qui détruirait notre association amicale.

Tel est notre but, Messieurs, tels sont les principes, qui doivent nous guider, pour y atteindre, et nous y atteindrons!

Outre ce résultat prononcé, j'en pressens encore un autre, qui y est étroitement lié et qui ne m' est pas moins précieux: — je prévois que cette réunion, purement littéraire, en amenera une autre — morale, tout aussi utile et — pourquoi ne le dirais-je pas — plus intéressante encore. Cette réunion littéraire resserera encore les liens de confiance, de franchise et d'amitié qni nous unissent déjà et qui — je suis fier de le dire — ne se trouvent guère à ce point dans aucun autre institut entre l'instituteur et les élèves.

Oui, mes bons amis, cette union de coeur, qui produit par amour, par reconnaissance et non par la crainte une soumission, une obéissance

solides, et que le vulgaire ne saurait concevoir, parcequ'il ne saurait la sentir, cette union de coeurs qui me dédommage de mille désagréments attachés à mes fonctions et à la manière dont j'aime à les remplir, cette union dis-je, gagnera encore de solidité par nos soirées littéraires. Nous nous y rapprocherons, nous nous y lierons plus étroitement et cette liaison formée et consolidée ici dans cet azyle de la paix et de l'amitié, durera je l'espère bien au delà de votre séjour au Lycée. Notre anneau de fer en sera le symbole! Les distances et les devoirs pourront quelquefois nous éloigner les uns des autres, mais jamais nous séparer.

Que le Lycée nous soit cher à jamais, qu'il soit toujours notre point de réunion! Et quand je n'y serai plus, et quand je n'existerai plus— mes amis, aimez le Lycée, soyez toujours unis comme les mains de notre anneau.

G. Engelhardt.

Протоколъ первому частному засѣданію, сотоявшемуся ноября 11-го дня 1821 года.

№ 1.

Собраніе было открыто рѣчью Президента, произнесенною имъ самимъ въ присутствіи всѣхъ членовъ.

Положено сообщить сію рѣчь Архиваріусу для всегдашняго храненія оной въ Архивѣ общества.

Въ первомъ собраніи общества присутствовали подъ предсѣдательствомъ Г-на Директора Лицея, учредители общества: Бѣлуха-Кохановскій, Замятнинъ, Убрій, Самсонъ, Малиновскій и Васьковъ.

Разсуждаемо было о правилахъ на коихъ должно быть основано сіе общество.

Положено по прочтеніи сихъ правилъ и по нѣкоторымъ въ оныхъ перемѣнахъ, ихъ утвердить, и взявъ съ нихъ бѣлую копію, хранить оную въ Архивѣ за подписаніемъ всѣхъ присутствующихъ.

Предсѣдатель предложилъ собранію о необходимости немедленно приступить на основаніи правилъ статьи 1-ой къ выбору Секретаря, Архиваріуса и Казначея.

Положено по общему соглашенію избрать: въ Секретари Замятнина, въ Архиваріусы—Убри, въ Казначеи—Бѣлуху-Кохановскаго.

Онъ же предложилъ и назначить очередь, соображаясь съ коей каждый долженъ читать свое сочиненіе.

Положено назначить порядокъ сей очереди жеребьемъ, по коему вышло, что первый читаетъ: Андрей Бѣлуха-Кохановскій, вто-

рой Дмитрій Замятнинъ, третій Сергѣй Убри, четвертый Эдмундъ Самсонъ, пятый Андрей Малиновскій и шестый Николай Васьковъ.

Предсѣдатель Егоръ Энгельгардтъ.
Андрей Бѣлуха-Кохановскій.
Дмитрій Замятнинъ.
Сергѣй Убри.
Эдмундъ Самсонъ.
Андрей Малиновскій.
Николай Васьковъ.
(*Подписи собственноручныя*).

Протоколъ пятаго частнаго засѣданія, состоявшагося Декабря 9-го дня 1821 года.

№ 5.

Въ силу Устава статьи XV, каждый изъ членовъ представилъ по 3 программы для предложенія оныхъ Публикѣ въ собраніи 12 числа сего мѣсяца.

Вслѣдъ за симъ Господинъ Предсѣдатель объявилъ собранію, что онъ по долгу своему донесъ Г-ну Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія какъ вообще объ образованіи сего общества, такъ и о предполагаемомъ въ

Общество, нашедъ предложеніе всѣхъ сихъ предметовъ публикѣ излишнимъ, почло за нужное избрать для сего только слѣдующіе шесть:

1. Pourquoi la civilisation des peuples est-elle ordinairement accompagnée de la corruption des moeurs? En serait-elle la source et peut on avec raison avancer que la civilisation amène la dégénération et l'affaiblissement des peuples et des états?

2. Eloge satyrique de la calomnie.

3. La bataille de Poultava, ses suites et son influence sur les évènements de ces temps.

4. Esquisse de l'histoire de l'ordre de Malthe depuis son origine jusqu'à son extinction.

5. La puissance de l'habitude (sujet comique).

6. Esquisse biographique de trois hommes marquants dans l'antiquité, dans le moyen âge et dans l'histoire moderne. Parallèle charactéristique entre ces personnages.

Положено: означенныя копію

день рожденія Всемилостивѣйшаго Государя Императора первомъ торжественномъ собраніи, на что и испрашивалъ дозволенія Его Сіятельства. На сіе полученъ письменный отзывъ Г-на Министра на имя Предсѣдателя, съ предписаніемъ представить немедленно Уставъ общества для поднесенія онаго на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе. Во исполненіе того онъ Предсѣдатель препроводилъ копію съ Устава Г-ну Министру при донесеніи своемъ, которое при семъ предложилъ въ копіи Обществу, равно какъ и означенное отношеніе Г-на Министра въ подлинникѣ. Наконецъ, читано было членомъ Общества Самсономъ собственное сочиненіе подъ заглавіемъ: Traite des Nègres.

Положено было, чтобы сочинитель по нѣкоторымъ значительнымъ перемѣнамъ доставилъ оное Обществу для храненія въ Архивѣ.

Егоръ Энгельгардтъ
Андрей Бѣлуха-Кохановскій.
Дмитрій Замятнинъ.
Сергѣй Убри.
Эдмундъ Самсонъ.
Андрей Малиновскій.
Николай Васьковъ.

Протоколъ чрезвычайнаго частнаго собранія, состоявшагося Генваря 14-го дня, 1822-го года.

№ 1.

Засѣданіе открылось рѣчью Г-на Президента, въ коей онъ сообщилъ членамъ отношеніе Г-на Министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія на имя его, въ коемъ изображена Высочайшая Его Императорскаго Величества воля о прекращеніи *Общества Лицейскихъ друзей полезнаго.* Г-нъ Президентъ сообщивъ о семъ собранію, предложилъ оному во исполненіе сей Высочайшей воли немедленно прекратить существованіе Общества *Лицейскихъ друзей полезнаго* съ сего Генваря 14-го дня, положено всѣ понынѣ состоявшіеся Протоколы, Уставъ Общества, сочиненія и прочія бумаги доставить Г-ну Президенту на сохраненіе въ особо запечатанномъ кувертѣ, пріобщивъ къ тому и нынѣ произнесенную рѣчь Г-на Президента, равно какъ и отношеніе Г-на Министра Духовныхъ дѣлъ и народнаго про-

кратить дѣйствія общества и оное уничтожить. [1]).

свѣщенія объ уничтоженіи общества.

Егоръ Энгельгардтъ.
Андрей Бѣлуха-Кохановскій.
Дмитрій Замятнинъ.
Сергѣй Убри.
Эдмундъ Самсонъ.
Андрей Малиновскій.
Николай Васьковъ.
Александръ Сакенъ.

2.

Журналы, издававшіеся на III курсѣ.

III-ій курсъ Царскосельскаго Лицея, къ которому принадлежалъ Д. Н. Замятнинъ, и который въ лицейской старинѣ оставилъ по себѣ такой любопытный памятникъ умственной серіозности, дѣловитости и литературныхъ интересовъ, какъ знаменитое „Общество друзей полезнаго“, оставилъ потомству еще и другое яркое свидѣтельство этого литературнаго, умственно- и нравственно-пробужденнаго настроенія. Этотъ памятникъ—плоды постоянныхъ литературныхъ упражненій воспитан-

[1]) Нельзя не привести здѣсь этой суровой характерной резолюціи:

„Милостивый государь мой, Егоръ Антоновичъ! Присланный при письмѣ вашего превосходительства отъ 6-го числа минувшаго декабря проектъ правилъ для учрежденія, между воспитанниками Императорскаго Царскосельскаго Лицея, общества, подъ названіемъ: Лицейскіе друзья полезнаго, доводилъ я до свѣдѣнія Государя Императора. Его Величество, по прочтеніи сихъ правилъ, соизволилъ признать учрежденіе такого общества между воспитанниками лицея неприличнымъ и ненужнымъ: во-первыхъ, потому что занятія, предполагаемыя для сего общества, будутъ слишкомъ ихъ развлекать и отнимать у нихъ время, необходимое на повтореніе уроковъ и на упражненія гораздо полезнѣйшія по разнымъ предметамъ ученія; во-вторыхъ, самые такъ называемые литературные труды учащихся не могутъ еще никакъ составлять предмета чтенія для публичныхъ собраній и собственныя ихъ сужденія о сочиненіяхъ и переводахъ должны быть еще столько недостаточны, что имъ слѣдуетъ болѣе слушать мнѣнія знающихъ и опытныхъ, нежели проявлять мысли свои о томъ, чему еще обучаются и чего потому основательно знать не могутъ, въ-третьихъ, позволеніе воспитанникамъ засѣдать въ собраніяхъ на ряду съ своими наставниками и воспитателями отниметъ у нихъ должное уваженіе къ начальствующимъ надъ ними.

По всѣмъ симъ причинамъ Государю Императору не угодно учрежденіе такого Общества между воспитанниками.

Увѣдомляя васъ о семъ, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
Вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою
Князь Александръ Голицынъ.

№ 3. Въ С.-Петербургъ
11 генваря 1822“.

никовъ въ видѣ *Журналовъ*, издававшихся почти непрерывно въ періодъ 1818—1821 г., бережно сохраненныхъ Д. И. Замятнинымъ и переданныхъ имъ моему отцу, вѣроятно вмѣстѣ съ другими бумагами. Слѣдуетъ вспомнить, что къ этому курсу принадлежалъ сынъ директора Лицея Максимъ Егор. Энгельгардтъ, а потому—надо думать—старый директоръ, хотя, какъ образцовый начальникъ и педагогъ, отличавшійся высокимъ безпристрастіемъ, относился къ этому курсу тѣмъ съ большею отеческою заботливостью и попеченіемъ; за это несомнѣнно и воспитанники (по крайней мѣрѣ большинство) платили ему соотвѣтственными чувствами глубокаго уваженія и благодарности, цѣня его истинныя достоинства рѣдкаго педагога и видя противныя ему, уже явныя въ 1820 г., теченія на верхахъ, на что имѣются указанія и въ сохранившихся рукописяхъ. (См. напр., въ нижепомѣщаемыхъ статьяхъ: „Взглядъ на состояніе любезнаго отечества“ — въ № 1 „*Лицейскаго Аргуса*“ и „Письмо изъ города Лицея“ въ журн. „*Муза возобновленнаго Лицея*)“.

Сохранилось *семь* различныхъ, послѣдовательно издававшихся разнаго наименованія журналовъ — въ 17 №№ или тетрадкахъ разнаго формата и вида, писанныхъ нѣсколькими почерками, по большей части очень тщательно. Издателями и авторами были безъ сомнѣнія (какъ мы это видимъ и на I курсѣ) всего нѣсколько лицъ—„записныхъ“ любителей этихъ литературныхъ упражненій и сочинителей въ разныхъ родахъ: прозѣ, стихахъ, сатирѣ, эпиграммѣ, критикѣ etc. Вслѣдствіе анонимности журнальныхъ статей — имена ихъ намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Возможны, конечно, разныя догадки, но для ихъ провѣрки потребовалось бы особое изслѣдованіе. Одно можно сказать съ полною вѣроятностью: что къ числу этихъ издателей-авторовъ въ лиц. журналахъ III к. не могли не принадлежать по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ извѣстныхъ намъ членовъ основаннаго Е. А. Энгельгардтомъ въ 1821 г. литературнаго общества, очевидно уже раньше заявившіе себя своимъ литературнымъ направленіемъ и любовью къ словесности. Это были, кромѣ самого Д. И. Замятнина (у котораго не даромъ и сохранились эти журналы!), еще: А. А. Бѣлуха-Кохановскій, С. П. Убри, Н. П. Васьковъ, А. В. Малиновскій, Э. Самсонъ. Очень вѣроятно, что, если не всѣ, то нѣкоторые изъ нихъ, принимали въ свое время дѣятельное участіе въ „журнальномъ“ сочинительствѣ.

Содержаніе и характеръ дошедшихъ до насъ журналовъ очень разнообразны: нѣкоторые держатся серіознаго, очень благонамѣреннаго и даже немножко сентиментальнаго направленія и тона, другіе—сатирическаго, шутливаго и насмѣшливо-веселаго. Въ послѣднихъ встрѣчаемъ и ѣдкую критику, и полемику (иногда между издателями и неудовлетворенными ихъ читателями), а также постоянныя сатирическія выходки и

насмѣшки по адресу педагоговъ, особенно гувернеровъ („консуловъ"), и товарищей, причемъ извѣстныя лица и въ той и въ другой категоріи (какъ это было и на I-мъ курсѣ) являлись излюбленной мишенью для всякихъ нападокъ, шутокъ и острословія[1]). Въ разсматриваемыхъ журналахъ есть много общаго съ журналами I-го курса—по общему характеру и схемѣ, по отдѣламъ содержанія, но индивидуальныя особенности и условія жизни и развитія того и другого курса дѣлаютъ отличія между ними весьма существенными и рѣзкими. Геній Пушкина и таланты его курса не могли не дать особеннаго отпечатка силы и бойкости даже самымъ пустымъ и иногда пошловатымъ выдумкамъ и пробамъ пера сочинителей-сотрудниковъ „Лицейск. Мудреца". Въ журналахъ III к. недостаетъ этой острой и подчасъ злой, изобрѣтательной шутки, нѣтъ той жизни и черезъ край льющейся веселости, нѣтъ, наконецъ, признаковъ той литературной начитанности и соприкосновенія съ общественною жизнью, которыя бросаются въ глаза въ литературныхъ упражненіяхъ товарищей Пушкина. Затѣмъ—въ то время какъ въ журналахъ I курса поэзія и стихотворство всякаго рода занимаютъ первенствующее мѣсто,—въ журналахъ III курса этотъ родъ не только отходитъ на задній планъ, но представленъ сравнительно очень блѣднымъ и ничтожнымъ образомъ. Быть можетъ, все стихотворное въ этихъ журналахъ принадлежитъ одному или — много — двумъ лицамъ. Впрочемъ и здѣсь помѣщены образчики своего рода „національныхъ пѣсенъ", традиціонно сочинявшихся вѣроятно и преемниками лицейскихъ первенцовъ.

Зато для изображенія и характеристики жизни и быта Лицея этихъ лѣтъ (1818 — 21 гг.) — по непосредственному отношенію содержанія своего къ этой жизни, къ быту Лицея и отношеніямъ воспитанниковъ между собой и къ наставникамъ,—эти журналы даютъ очень много: они полны мелкихъ подробностей, описаній и чертъ, и изъ нихъ бытописатель стараго Лицея можетъ извлечь не мало штриховъ въ дополненіе къ тому, что извѣстно изъ остатковъ архива I-го курса.

Въ этомъ смыслѣ любопытны бывшія въ большомъ ходу у сотрудниковъ журналовъ иносказательныя *описанія* Лицея и его педагогическаго и ученическаго состава—подъ видомъ государства („республики") или города съ подраздѣленіемъ ихъ на территоріи или на кварталы, съ разрядами жителей или національностями, и съ соотвѣтственными наименованіями. Такъ какъ внутренніе порядки и бытъ въ Лицеѣ оставались неизмѣнными въ первое его 10-лѣтіе слишкомъ, въ которое входитъ и семилѣтнее директорство Е. А. Энгельгардта (1816—1823), то

---

[1]) Изъ наставниковъ такой мишенью былъ, повидимому, гувернеръ Фотій П. Калиничъ, который въ статьяхъ журналовъ именуется то прямо Фотіемъ, то буквами.

изображаемые въ этихъ описаніяхъ характеръ и черты ихъ могутъ быть въ значительной мѣрѣ примѣнены и къ Пушкинскому времени. Нельзя поэтому не отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ такимъ статьямъ, какъ „Нѣчто о жителяхъ Лицея“, „Описаніе города Лицея“, „Черты землеописанія владѣній мал. Лицея“, „Взглядъ на состояніе любезнаго отечества“ и т. д., или къ отдѣлу „Внутреннихъ извѣстій“ (съ сообщеніями о томъ, что̀ творилось въ разныхъ лицейскихъ „кварталахъ“). Любопытны также нѣкоторыя статьи, имѣющія сюжетомъ нѣкоторые выдающіеся эпизоды и случаи изъ лицейской жизни. Куріозны (хотя въ большинствѣ для насъ непонятны) въ одномъ изъ журналовъ „Отрывки изъ лицейскаго словаря“ (особыя слова и изреченія, имѣвшія свое происхожденіе и свой смыслъ).

Наконецъ заслуживаютъ особаго вниманія—по своему общему историческому (для стараго лицея и для даннаго періода) характеру и значенію слѣдующія статьи: „*Обозрѣніе нашихъ журналовъ*“ (именно за 1818—19 г.)—въ „Лицейскомъ Аргусѣ“ (№ 2), „*Духъ нашей Исторіи*“ (въ № 3 того же журнала) и наконецъ особенно интересное „*Письмо изъ города Лицея*“ въ журналѣ (послѣднемъ) конца 1821 г. „Муза возобновленнаго Лицея“ (№ 1), гдѣ уже видна въ авторѣ и зрѣлость мысли и большая вдумчивость и разсудительность. Это было время неофиціальнаго открытія и дѣятельности знаменитаго въ лѣтописяхъ стараго лицея „Общества Друзей Полезнаго“.

Мы дадимъ здѣсь общій перечень и описаніе сохранившихся журналовъ, а затѣмъ позволимъ себѣ привести нѣсколько наиболѣе характерныхъ и важныхъ въ историческомъ отношеніи извлеченій изъ журналовъ, въ томъ числѣ выше отмѣченныя наиболѣе интересныя статьи.

I. Журналъ „**Весна**“—два номера—вышли весной 1818 г. (въ № 1 подъ вводной статьей стоитъ: Лицей 1818 г. февраля 17 дня). Это 1-й журналъ: въ немъ тѣ же отдѣлы, что и въ послѣдующихъ: Проза, Стихотворенія и Смѣсь.—См. ниже ст. „Отъ издателей“ и статью „Обозрѣніе журналовъ“.

II. Журналъ „**Свободные часы**“—пять №№ съ эпиграфомъ изъ Boileau:

„Craignez vous pour vos écrits la censure publique?
Soyez à vous-même un sévère critique“.

№ 1, какъ видно изъ даты подъ оглавленіемъ, вышелъ 1 декабря 1818 г. Изъ этого № печатаемъ ниже статейку „Потопленье“. Къ лицейской жизни имѣютъ отношеніе еще стихотворенія „Исповѣдь“ (на гувернера Ф. Калинича) и ст. „Опекунъ“.

№ 2 вышелъ 15 дек. 1818 г. Содержаніе: Проза: Изгнаніе іезуитовъ изъ П.; Нечаянное нападеніе Ф...я (? Фотія, т. е. гуверн. Калинича); Нѣчто о жителяхъ Лицея.

Послѣдняя статья начинается такъ:

„Городъ Малый-Лицей [1]) лежитъ подъ 59° сѣв. шир. на возвышенномъ мѣстѣ, и есть совершенный Римъ нашей Республики, а слѣдовательно центръ наукъ, художествъ, политики и проч.“.

№ 3—янв. 5, 1819 года (здѣсь окончаніе статьи о жителяхъ Лицея).

№ 4—янв. 26, 1819 г. Между прочимъ, находимъ здѣсь статью „*О критикѣ*“, которая начинается такъ:

„Страннымъ, можетъ быть, покажется читателямъ сего журнала, что въ немъ не помѣщаютъ разборовъ сочиненій. Легко угадать причину: теперь лишь только начинаетъ возникать у насъ словесность; строгая критика можетъ воспрепятствовать ея распространенію. По первымъ опытамъ не всегда можно заключать объ успѣхахъ впослѣдствіи. Но съ позволенія публики я осмѣливаюсь объявить мое мнѣніе о семъ предметѣ“...

Въ замѣткѣ „Библіографія“ находимъ пренебрежительный и неблагосклонный отзывъ о возникшемъ тогда, вѣроятно, исключительно юмористическомъ журналѣ (стихотворномъ) „*Веселый часъ*“.

№ 5—февр. 16, 1819 г. Здѣсь въ „Смѣси“ находимъ маленькую язвительную отповѣдь „Веселому часу“ на его отвѣтъ на упомянутый о немъ отзывъ.

Ш. Третьимъ (или 4-мъ, если считать „*Веселый часъ*“) по времени журналомъ былъ по характеру болѣе забавный и легкій: журн. „**Сотрудники Мома**“ (или „**Лицейскій Момъ**“), три №№ съ виньеткой на заглавномъ листѣ, изображающей пляшущаго Мома (Momus), бога насмѣшки въ костюмѣ полосатаго шута съ дурацкимъ колпакомъ и лирою.

Эпиграфъ взятъ изъ Beaumarchais:

„Si ce gai, ce fol ouvrage
Renfermait quelque leçon:
En faveur du badinage
Faites grace à la raison!“.

№ 1—Лицей, октября 26, 1819 г.—Здѣсь вводная статейка „Отъ издателей“, мотивирующая изданіе такого веселаго, шутливаго журнала. Содержаніе журнала дѣйствительно соотвѣтствуетъ цѣлямъ издателей: юмористика и сатира (напр., надъ педагогами) въ немъ преобладаютъ.

№ 2—ноября 22, 1819 г. Въ немъ двѣ первыя статьи посвящены полемикѣ. Кто-то изъ читателей выступилъ съ довольно рѣзкимъ осужденіемъ сатирической задачи и характера журнала, высказывая свою приверженность серіозному и поучительному роду этой журнальной

[1]) Подъ „Малымъ Лицеемъ“ слѣдуетъ, какъ кажется, разумѣть младшее отдѣленіе Лицея, такъ какъ 6-ти лѣтній курсъ его раздѣлялся на 2 трехлѣтія.

литературы и доказывая предосудительность насмѣшекъ надъ наставниками и товарищами.

Въ „*Отвѣтѣ*“ своемъ издатели не менѣе рѣзко (называя противника „лицемѣромъ“) отстаиваютъ свой взглядъ и свое предпріятіе и осыпаютъ своего критика очень нелестными упреками.

Сатиру надъ кѣмъ-то изъ товарищей и надъ педагогами представляютъ и статьи: „Портретъ NN“ и „Судъ Миноса“.

№ 3—декабря 12, 1819 г. Заключаетъ въ себѣ статью „Черты землеописанія владѣній Малаго Лицея“, которую приводимъ ниже. Другія статьи, стихи, эпиграммы и, наконецъ, „пѣсни“ (на разные голоса)—въ родѣ извѣстныхъ намъ „національныхъ“,—все это сатирическія выходки на лицейскихъ. Въ заключеніе находимъ стихотворное „Прощаніе сотрудника Мома“, повидимому прекратившаго свое существованіе по требованію педагогической власти за слишкомъ открытую и злую насмѣшку („Труды бродягъ парнасскихъ... Гнѣвъ Феба возбудили...)

IV. Журн. „**Бесѣда въ Піитическомъ кварталѣ**“. Два №№. Онъ издавался въ нач. 1820 года. Его эпиграфъ взятъ изъ Поре:

„Plus notre esprit est fort,
Plus il faut qu'il agisse;
Il meurt dans le repos,
Il vit dans l'exercice.

Этотъ журналъ отличается отъ другихъ тѣмъ, что къ его №№ приложены акварельные рисунки, но, конечно, далеко уступающіе карикатурамъ „Л. Мудреца“.

№ 1—вышелъ 22 янв. 1820 г. Въ немъ находимъ статью „*Отъ издателей*“, которую, въ виду ея интереса, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь. Отсюда узнаемъ, что издавался около этого времени еще неизвѣстный намъ журналъ „*Неопытная Муза*“.

„Участіе, изъявляемое публикою при появленіи изданій періодическихъ, заставляетъ насъ справедливо заключить, что она чувствуетъ удовольствіе и пользу, которую могутъ они доставить. Благодарны ей тѣмъ болѣе, что чрезъ то избавляемся труда писать панегирикъ журналамъ, въ которомъ, при всемъ нашемъ отвращеніи отъ педантства, могли бы вкрасться нѣкоторые оттѣнки сего зловреднаго и, какъ опытъ научаетъ насъ, усыпительнаго искусства привлекать удивленіе невѣждъ и насмѣшки просвѣщенныхъ.—Впрочемъ, вспоминая уваженіе, должное почтеннымъ наставникамъ нашимъ, не осмѣливаемся болѣе порицать педантства. Чтобы удовлетворить справедливому любопытству читателей, мы скажемъ нѣсколько словъ о планѣ нашего журнала; не говоримъ о цѣли: ибо въ новѣйшія времена просвѣщенія издатели „Неопытной Музы“ рѣшили сію таинственную задачу, открывъ, что цѣль періодическаго изданія есть усовершенствованіе въ отечественной словесности.

Названіе не опредѣляетъ родъ сочиненій, коими будетъ наполненъ

журналъ сей. Но въ семъ отношеніи цензура не будетъ строгая, и мы не откажемся помѣстить, послѣ похвальнаго слова нашимъ консуламъ или наставникамъ, наивную національную пѣсню, послѣ эпиграммы на политиковъ, ихъ замѣчанія о первоначальной причинѣ переворотовъ въ нашемъ Государствѣ, и жалобные звуки романсовъ и нѣжныхъ посланій не заглушатъ колкія насмѣшки питомцевъ Мома.—И такъ, истинный талантъ въ какомъ бы родѣ ни было—найдетъ въ семъ журналѣ мѣсто для твореній своихъ".

Такимъ образомъ, это первый журналъ смѣшаннаго характера, гдѣ рядомъ съ серіознымъ встрѣчается и насмѣшливое и юмористическое, по большей части относящееся къ лицейской жизни. Въ „Смѣси" рядомъ съ „Внутренними Извѣстіями" находимъ уже упомянутый выше „Отрывокъ изъ Лицейскаго Словаря".

№ 2—февраля 15, 1820 г. Здѣсь находимъ отчасти продолженіе статей 1-го №; остальное въ томъ же сатирическомъ и забавномъ родѣ. Акварельные рисунки въ обоихъ №№—всего 3—иллюстрируютъ разные моменты разсказанныхъ въ журналѣ событій лицейской жизни.

V.—Журналъ „**Лицейскій Аргусъ**". Три №№; издавался въ концѣ 1820-го и началѣ 1821 г., уже послѣ постигшаго Лицей большого пожара. Эпиграфъ взятъ изъ Gresset:

„Aujourd'hui dans le monde on ne connaît qu'un crime;
C'est l'ennui: pour le fuir tous les moyens sont bons".

На заголовкѣ 1-го № виньетка, изображающая Аргуса.

№ 1.—Декабря 25, 1820 г. По разнообразному содержанію этотъ журналъ довольно сходенъ съ предыдущимъ. Самая замѣчательная статья его (помѣщаемая ниже) это—„*Взглядъ на состояніе любезнаго отечества*", гдѣ изображается трудное положеніе директора (т. е. Энгельгардта), въ виду сказывающихся новыхъ, противныхъ ему тенденцій высшаго начальства—въ смыслѣ болѣе суроваго, стѣснительнаго полувоеннаго режима,—и съ явнымъ къ Энгельгардту сочувствіемъ выражаются опасенія относительно будущаго.

Къ этому № журнала приложена также акварельная иллюстрація.

№ 2.—Вышелъ 8 февраля 1821 г. Въ немъ, кромѣ обычныхъ отдѣловъ прозы, стиховъ, внутреннихъ извѣстій etc., помѣщена тоже любопытная статья „Обозрѣніе нашихъ журналовъ", ниже приводимая.

№ 3.—15 марта, 1821 г. Въ немъ, между прочимъ, находимъ пространный „Отвѣтъ на критику", появившуюся въ другомъ журналѣ, въ № 1 „*Питомецъ Фантазіи*", который до насъ не дошелъ.

Но наиболѣе интересной статьей—въ историческомъ отношеніи—является здѣсь „Духъ нашей исторіи", которую нельзя не помѣстить ниже цѣликомъ.

VI. Журналъ „**Питомецъ Фантазіи**“ дошелъ только въ одномъ, 2-мъ №, изданномъ 8 мая 1821 г., съ эпиграфомъ:

„Ecrive qui voudra, chacun à ce metier
Peut perdre impunément de l'encre et du papier“.

Здѣсь, между прочимъ, помѣщенъ длиннѣйшій „Отвѣтъ на антикритику“ (въ „Лиц. Аргусѣ“) и довольно большой отдѣлъ „Стихотвореній“, заканчивающійся эпиграммой:

Извѣстный лжецъ Даметъ
Весь увѣряетъ свѣтъ,
Что будто бы жена Глупона за носъ водитъ.
Межъ тѣмъ, какъ безъ него пять лѣтъ какъ онъ ужъ ходитъ.

Внизу и сбоку карандашомъ приписано слѣдующее:

„Г-нъ Васьковъ—творецъ сихъ стиховъ. Вопросъ: онъ каковъ?“
„Я Васькова прочелъ
И сердцемъ сокрушился,
Зачѣмъ онъ азбукѣ учился“.

VII. Послѣдній по времени сохранившійся журналъ „**Муза возобновленнаго Лицея**“—одинъ № 1, отъ 15 ноября 1821 г. съ виньеткой, изображающей возрождающагося изъ пепла Феникса.

Эпиграфъ слѣдующій:

„Le délire même d'un citoyen qui rêve au bonheur
de sa patrie a quelque chose de respectable“.
Guibert.

Любопытно „*Письмо отъ Издателя*“:

„Изгнанные жестокою судьбою изъ стѣнъ Лицея[1]), обитатели анрадныхъ (?) предмѣстій его, удрученные грозящею злобою лицемѣрныхъ фанатиковъ,—никогда не забывали мы нашихъ пенатовъ—музъ, хотя произведенія нашей литературы и не носили тогда на себѣ отпечатка той веселости, которая была прежде постоянно отличительнымъ характеромъ нашей словесности. Негодованіе одушевляло насъ и перо неохотно повиновалось выраженію другихъ слабѣйшихъ чувствъ. Обстоятельства перемѣнились, политическій горизонтъ нашъ прояснился, мы снова наслаждаемся всѣми удобствами жизни въ возобновленномъ Лицеѣ; необходимыя наши нужды удовлетворены безъ нашихъ заботъ—намъ предстоитъ удовлетвореніе потребностей души, которая жаждетъ просвѣтиться, и, разливая вокругъ себя свѣтъ истины и познаній, приноситъ пользу. Но *Муза Возобновленнаго Лицея*, которой эмблема Фениксъ, возрождающійся изъ пепла, не будетъ говорить языкомъ „Лицейскаго Мома“ или подобныхъ ему періодическихъ изданій. Время измѣнило сей языкъ, приличный только первымъ годамъ юности. Наша муза будетъ говорить смѣлымъ языкомъ правды, будетъ съ со-

[1]) Послѣ пожара.

жалѣніемъ описывать заблужденія гражданъ, но будетъ тоже жестоко осмѣивать пороки тѣхъ людей, которые недостойны важнаго и почтеннаго званія просвѣтителей нашихъ умовъ. Такъ! Мм. Гг., мы не ищемъ одобренія публики, льстя ея извѣстнымъ наклонностямъ; но желаемъ ей передать въ настоящемъ видѣ тѣ истины, которыя сами живо чувствуемъ".

Въ этомъ журналѣ, относящемся уже къ 2-му, старшему 3-хлѣтію лицейскаго III курса и носящемъ печать уже большей зрѣлости, имѣется помѣщаемая ниже интересная для исторіи Лицея статья „*Письмо изъ города Лицея*", съ характеристикой лицеистовъ въ цѣломъ, въ ихъ типическихъ чертахъ, со всѣми ихъ общими похвальными качествами и недостатками. Любопытно, что между первыми—главными и преобладающими отмѣчаются „любовь и привязанность къ отечеству (т. е. къ Лицею)" и обусловленное ими чувство товарищества и крѣпкой взаимной связи.—Въ этомъ журналѣ имѣется еще разсказъ и хроника лицейская. Есть акварельная иллюстрація, но совсѣмъ нѣтъ стихотворнаго отдѣла.

Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько наиболѣе любопытныхъ выдержекъ изъ журналовъ.

№ 1 журнала „*Весна*" начинается такимъ обращеніемъ къ читателямъ

Отъ Издателей.

Всегда желая усовершиться въ отечественной словесности, надѣемся изданіемъ сего журнала увеличить свои познанія въ оной. Такая цѣль, кажется, должна заставить каждаго изъ насъ стараться быть участникомъ въ нашемъ намѣреніи, исполненіе котораго будетъ лучшею наградою для издателей. Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ первыхъ опытовъ нашихъ сотрудниковъ и впослѣдствіи времени надѣемся, что сіи, теперь столь маловажныя занятія, приносящія намъ только удовольствіе, со временемъ доставятъ намъ и пользу.

Всякій можетъ доставлять свои сочиненія издателямъ, и по разсмотрѣніи ихъ достоинства, они будутъ помѣщены въ журналъ. Но читатели должны вспомнить, что это первый шагъ нашихъ упражненій, и разборъ оныхъ по справедливости не долженъ быть слишкомъ строгъ.

По соглашенію издателей, журналъ сей названъ „Весною", которая есть живой образецъ нашей юности и начала нашихъ познаній. Весьма желательно, чтобы товарищи наши приняли сіи предложенія съ такою охотою, какую должно ожидать отъ юношей, старающихся о своей пользѣ.

Лицей
1818 года, февраля 17 дня.

Въ концѣ журнала имѣется такое *Объявленіе*:

„Чтобы не было остановки при изданіи сего журнала, прочіе господа должны стараться своимъ вспоможеніемъ облегчать труды и издержки на оный. Нынѣ пожертвовалъ четырьмя листами голандской и полулистомъ цвѣтной бумаги Анастасій Евстафьевичъ Жадовскій [1]), за что ему весьма благодарны. Имена прочихъ, которые соблаговолятъ пожертвовать чѣмъ-нибудь, будутъ съ благодарностію вписаны въ сей журналъ.

Журналъ будетъ издаваться каждыя 2 недѣли. Особы, желающія читать его, должны адресоваться къ одному изъ издателей. Число нумеровъ зависитъ отъ расположенія, съ какимъ публика приметъ его".

Въ журн. „*Свободные часы*" (№ 1) находимъ описаніе маленькаго эпизода изъ жизни лицеистовъ зимой 1818 г.

Потопленіе.

Наступилъ ноябрь угрюмый; сѣдой иней одѣваетъ голыя вершины деревъ, и свѣтлые пруды покрываются льдомъ. Наши лицеяне быстро носятся на гладкой поверхности оныхъ, какъ древніе витязи носились на ристалищахъ своихъ. Трескучій морозъ хладнымъ дыханіемъ румянитъ ланиты рыцарей; ледъ гнется и трещитъ подъ стопами ихъ. Тамъ быстроногій К—ъ едва касается поверхности озера, всѣхъ удивляетъ смѣлымъ поворотомъ своимъ и одерживаетъ побѣду надъ противниками... Но кто тамъ мелькаетъ между милыми четырьмя братцами. Онъ приближается, скачетъ и падаетъ... о, это вѣрно нашъ веселый острякъ: сейчасъ вылетѣла изъ устъ его эпиграмма.

Здѣсь цѣлый рядъ лицеянъ руку въ руку летитъ стройно—и разсыпается. Но вотъ любезный сыночекъ диктатора [2]), едва окончивъ трапезу родительскую, съ отягченнымъ желудкомъ является на конькахъ своихъ,—и спѣшитъ соединиться съ товарищами. Ледъ пуще прежняго трещитъ подъ бременемъ легонькаго М—а [3]). Однако неустрашимый достойный сынъ диктатора смѣется надъ опасностію и отдаляется отъ прочихъ. Онъ хочетъ удивить героевъ своею смѣлостью, переваливается съ боку на бокъ, и летитъ на середину тонкаго льда.—Берегись, кричатъ ему.—Пустое, ничего... тутъ крѣп... ахъ,... вдругъ слышимъ—ледъ сильно треснулъ, раздался жалобный крикъ... оборачиваемся,

---

[1]) Воспитанникъ Ш-го курса, впослѣдствіи тайный совѣтникъ, большой хлѣбосолъ, у котораго одно время происходили лицейскія сходки первыхъ выпусковъ въ день 19 октября.

[2]) Т. е. директора Е. А. Энгельгардта.

[3]) Его звали Максимомъ (Мах).

глядимъ и видимъ М—а простирающаго изъ глубины дрожащія отъ холода руки. Что такое, говоримъ мы другъ другу съ недоумѣніемъ.— Но вотъ проворный К—ъ [1]) вмигъ бросается и вытаскиваетъ мокраго перепуганнаго сына диктатора. Морозъ по кожѣ подираетъ, когда вспомнишь его жалкое положеніе... вода течетъ со всѣхъ сторонъ изъ одѣянія М—а. Несчастнаго провождаютъ въ теплое жилище. Нѣсколько чашекъ к—го чаю согрѣваютъ М—а, и нѣжныя попеченія сохраняютъ его отъ простуды—онъ здоровъ, избавитель представленъ родителю избавленнаго. Награда перваго была нѣжная благодарность диктатора, а потомъ вмѣсто лавроваго вѣнка—альбомъ съ изображеніемъ славнаго дѣянія—и съ надписью пріятною для настоящаго—и лестною для будущаго: только...

Въ № 3 журнала „*Сотрудники Мома*“ помѣщена нижеслѣдующая статья:

Черты землеописанія владѣнія Малаго Лицея.

Страны, нынѣ исключительно Малому Лицею принадлежащія, искони были извѣстны; но не обитаемы. Только въ прошедшемъ столѣтіи граждане Мало-Лицейскіе туда проникнули. Они нашли землю мало обработанною, но способною вознаграждать труды земледѣльца. Стараніемъ правительства земли сіи были обведены стѣною, раздѣлены поровну между гражданами—и желаннымъ слѣдствіемъ сего было то цвѣтущее состояніе сей страны, въ которомъ нынѣ привлекаетъ она вниманіе путешественниковъ.—Войдемъ въ нѣкоторыя подробности землеописанія.

Положеніе страны. Къ сѣверу отъ владѣній Малаго-Лицея простирается общирная степь Кузминская, отдѣляемая отъ нихъ владѣніями вассаловъ Императора Царскосельскаго; обширный паркъ сего Императора съ великолѣпнымъ дворцомъ и близъ лежащими зданіями—ограничиваетъ наши владѣнія съ юга и запада; къ востоку онѣ смежны съ замками Лицейскихъ вассаловъ.

Находятся подъ 59° С. Ш.

Воды: а) *внѣшнія.* Со всѣхъ сторонъ окружены землею.

в) *внутреннія.* Замѣчателенъ колодезь, который находится въ рощѣ, посвященной генію мѣста (Genio loci). Попеченіемъ правительства сдѣланъ надъ нимъ красивый навѣсъ и для удобности доставленія воды весьма искусно построенъ насосъ [2]).

---

[1]) Кто-то изъ товарищей.

[2]) Это—вѣроятно тотъ „Грибокъ“ въ лицейскомъ садикѣ, который изображенъ на акварельномъ рисункѣ одного изъ старыхъ воспитанниковъ, снимокъ съ коего приложенъ у насъ, см. стр. 121. Что касается извѣстнаго памятника „Genio loci“, поставленнаго у церковной ограды близъ Лицея—I-мъ курсомъ—

Горы, равнины, почва земли и климатъ. Владѣнія Малаго Лицея представляютъ обширную равнину, покатую къ сѣверо-востоку. Почва земли не вездѣ одинакова. На югѣ, близъ самаго города, растилается большая песчаная равнина, служащая гражданамъ мѣстомъ для гимнастическихъ упражненій. Далѣе простирается роща, посвященная генію мѣста. Кудрявыя вѣтви березъ сей рощи осѣняютъ луга, подобно свѣтлозеленому сукну распростертыя—и не примѣтнымъ скатомъ понижающіяся къ востоку. Сіи луга представляютъ тучныя пажити для скотоводства; но такъ какъ граждане преимущественно занимаются разведеніемъ садовъ и земледѣліемъ, то сія вѣтвь народной промышленности оставлена безъ вниманія;—и вмѣсто стадъ рогатаго скота, овецъ и проч. взорамъ представляются многочисленныя стада покоющихся лѣнивцевъ.—Къ сѣверу отъ сихъ луговъ лежатъ земли, удобренныя и обработанныя трудолюбивыми гражданами Малаго Лицея. Произведенія съ избыткомъ вознаграждаютъ труды ихъ. Поразительный примѣръ плодородія представляютъ смежныя земли, по нерадѣнію древнихъ обитателей не обработанныя, но производящія сами собою въ такомъ изобиліи лебеду, что симъ благодѣтельнымъ растеніемъ ежедневно питаются тысячи гражданъ. Климатъ умѣренный. Ни жары, ни стужи, не превосходятъ 20° Р.

Произведенія земли.

Изъ царства ископаемаго. Различные камни глинистой породы находятся въ биткахъ, сверткахъ, пирогахъ, супахъ и пр. Мѣлъ не въ большомъ количествѣ, но удовлетворяетъ нуждамъ гражданъ. Нѣкоторые изъ нихъ съ особеннымъ искусствомъ употребляютъ сей продуктъ для задѣлыванія впадинъ, отверстій и пр. Безъ сомнѣнія, могли бы они съ такимъ же успѣхомъ занятся защекатуриваніемъ морщинъ состарѣвшихъ красавицъ. Изъ металловъ замѣчателенъ чугунъ, выламываемый изъ перилъ. Олово получается тамъ же.

2. *Изъ царства прозябаемаго.* Произведенія по сему царству въ великомъ изобиліи по причинѣ особенной склонности гражданъ къ садоводству. Но самый важный продуктъ есть лебеда, о чемъ прежде было упомянуто.

3. *Изъ царства животнаго.* Изъ близъ лежащаго буфета заходятъ во владѣнія Малаго Лицея насѣкомыя, названныя извѣстнымъ Лейбъ-

---

воображаемому „Генію“ Лицея—по мысли директора Е. А. Энгельгардта, то о судьбѣ его см. замѣтку лицеиста V вып. И. Р. Фонъ-деръ Ховена „Лицейскій памятникъ съ надписью „Genio Iosi“ въ „Русск. Стар.“ 1873 г. Декабрь, стр. 1000—1001. „Роща“, о которой здѣсь рѣчь,—это лицейскій садикъ, который за годъ передъ этимъ былъ обнесенъ красивой оградой по Высочайшему соизволенію. См. ст. „Изъ Лиц. старины“ Ал. Р. въ „Лиц. журналѣ“, IV (1810—1811) стр. 6—10, гдѣ помѣщена любопытная о томъ переписка.

Медикомъ Іоганомъ таракапами. Сверхъ того въ изобиліи находятся мыши. Изъ птицъ примѣчательны вороны и галки, коихъ обширныя стаи часто являются на вершинахъ деревъ священной рощи. Въ лѣтніе жары воздухъ бываетъ наполненъ милліонами зловредныхъ насѣкомыхъ, лишающихъ гражданъ способности спать.

Жители.

Число жителей въ Маломъ Лицеѣ простирается до 2.500.

Они состоятъ изъ двухъ главныхъ племенъ:

1. *Славянское племя.* Сюда принадлежатъ Русскіе и Поляки.

Первые составляютъ владычествующій народъ; ихъ числомъ 16.000. Вторые составляютъ весьма малую часть народонаселенія. Ихъ не болѣе 1000.

2. *Нѣмецкое племя.* Къ нему причисляются собственно Нѣмцы (Лифляндцы), коихъ считается 7000, и Французы, коихъ числомъ 1000.

Вѣра. Русскіе исповѣдуютъ вѣру отцовъ своихъ, не изъявляя къ ней большой приверженности; главная причина сего есть легкомысліе. Поляки, Французы послѣдуютъ католической вѣрѣ, и съ большимъ усердіемъ. Нѣмцы послѣдуютъ вѣрѣ Лютеранской.

Языкъ, образованіе и характеръ. Господствующій языкъ есть Россійскій, употребляемый какъ въ общежитіи, такъ и на публичныхъ лекціяхъ и въ судопроизводствѣ. Языкъ нѣмецкій употребляется весьма немногими. Просвѣщеніе достигло въ высшихъ классахъ народа достаточной степени совершенства и начинаетъ распространяться во всемъ Маломъ Лицеѣ. Хотя Малый Лицей можетъ выставить по каждой части познаній, художествъ и искусствъ мужа отличныхъ дарованій; но вообще обращаютъ особенное вниманіе на Россійскую, Французскую словесности, Исторію, также и на Математику (хотя не совершенно самопроизвольно). Довольно справедливо можно сравнить гражданъ Малаго Лицея съ вѣтренными Аѳинянами. То же легкомысліе, та же склонность къ новостямъ, къ насмѣшкамъ, пляскамъ, музыкѣ, пѣнію, поэзіи и любви. Тѣ, которые во дни спокойствія кажутся изнѣженными, преданными удовольствіямъ, ненавидящими труды, Сибаритами—съ геройскою смѣлостью Спартанцевъ принимаютъ удары непріятелей, овладѣваютъ укрѣпленіями, огражденными глубокими рвами и не страшатся зимнихъ непогодъ. Донынѣ любовь къ Отечеству и единодушіе были отличительными чертами гражданъ.

Промыслы народные.

Мануфактура.

Токарныя произведенія достигли совершенства; довольно искусно выдѣлываютъ различныя вещи изъ картона; нѣкоторые изъ гражданъ

съ успѣхомъ занимаются столярною работою; есть фабриканты, отлично производящіе искусственный холодъ.

Торговля.

Внутренняя маловажна.

Внѣшняя. Торговля съѣстными припасами есть важнѣйшая и поглощаетъ большую часть доходовъ гражданъ.

Правленіе.

Монархическое неограниченное. Непосредственно управляютъ дѣлами гражданъ два консула[1]), смѣняющіеся каждые три мѣсяца. Законодательная власть въ рукахъ Императора. Судопроизводство предоставлено консуламъ, кои въ важныхъ случаяхъ относятся къ Императору. Не смотря на кроткое и мудрое правленіе Монарха, личный характеръ консуловъ, а еще болѣе духъ свободы часто побуждали гражданъ производить мятежи.—Вообще исторія наша представляетъ безпрестанное бореніе между гражданами и консулами, прекращаемыя обыкновенно посредничествомъ Императора. Внутреннее управленіе имѣетъ видъ республиканскій.

Описаніе города Малаго Лицея.

Государство наше состоитъ изъ города Малаго Лицея и земель, о коихъ упомянуто было при описаніи равнинъ.

Городъ раздѣляется на двѣ части: на нижнюю и верхнюю (названную такъ по той причинѣ, что находится на значительномъ возвышеніи). Нижняя часть есть обыкновенное мѣстопребываніе гражданъ; состоитъ изъ шести кварталовъ, въ срединѣ коихъ находится обширная площадь. Сіи кварталы, начиная съ сѣверо-запада, суть слѣдующіе:

1. Кварталъ *учебный*, названъ симъ именемъ потому, что здѣсь собираются граждане для публичныхъ лекцій. Неоднократно стѣны сего квартала были безмолвными свидѣтелями республиканскаго духа гражданъ и неоднократно преподающіе съ трепетомъ смирялись предъ пылкими Лицеянами.

Здѣсь же люди зажиточные часто угощаютъ согражданъ своихъ, и тогда бываетъ въ семъ кварталѣ большое стеченіе народа. Постоянное же число жителей простирается отъ 6000 до 7000, между коими есть люди, отличные своими литературными произведеніями.

2-ой кварталъ *Политической* къ востоку отъ учебнаго. Получилъ сіе названіе потому, что служитъ мѣстопребываніемъ нашего Политика. Сей гражданинъ, побуждаемый корыстолюбіемъ, подъ предлогомъ особен-

[1]) Разумѣются гувернеры.

наго надзора надъ нѣкоторыми малолѣтними гражданами, пользовался ихъ имѣніемъ. Неопытные кліенты, не примѣчая хитрости, ежедневно стекались бесѣдовать съ почтеннымъ Патрономъ, который рѣчь обращалъ обыкновенно на любимый предметъ свой—Политику. Тогда кварталъ сей былъ населеннѣйшимъ. Въ немъ считалось до 10.000 жителей. Но обманъ не долго скрывался отъ проницательныхъ глазъ людей опытныхъ; вскорѣ они открыли, что сей демагогъ стремился къ верховной власти — посему, соединившись, вооружились противъ него, изобличили его хитрости; разувѣренные кліенты оставили его и требовали ихъ имѣнія.—Политикъ не былъ въ состояніи заплатить и старался умягчить жестокія ихъ требованія. Но тѣмъ не менѣе кредитъ его былъ потерянъ и виновная связь съ консуломъ Пигмеемъ еще болѣе утвердила нелюбовь гражданъ къ нему, такъ что нынѣ всѣми оставленный, онъ проводитъ жизнь уединенно въ томъ самомъ домѣ, гдѣ нѣкогда, окруженный многочисленными толпами покорныхъ кліентовъ, онъ жилъ великолѣпно. Нынѣ въ семъ кварталѣ только 3.000 жителей и ни одинъ изъ нихъ не признаетъ власти Политика.

За симъ кварталомъ слѣдуетъ площадь—мѣсто гимнастическихъ упражненій гражданъ и мѣсто публичныхъ празднествъ ихъ. Чтобъ дать яснѣйшее объ ней понятіе, скажемъ, что она то же для Лицеянъ, что нѣкогда Вадимова площадь для Новгородцевъ. Здѣсь неукротимый консулъ Ф... часто разсуждаетъ съ гражданами о дѣлахъ касающихся до всего государства, и здѣсь громкой ихъ смѣхъ даетъ почувствовать, что рѣчь его нелѣпа; но тщетно: ни мало не смущаясь, онъ всегда продолжаетъ свои разсужденія, и углы площади ознаменованы постыдною казнью дерзавшихъ противорѣчить ему. Сколько воспоминаній для истиннаго Патріота при видѣ ея!—Къ югозападной ея части примыкаетъ:

3-й кварталъ *Музыкальной*. Здѣсь находится Филармоническая зала, и любители музыки часто здѣсь плѣняютъ пѣніемъ своимъ Лицеянъ. Иногда же

Шумнымъ хоромъ
Всѣмъ соборомъ

граждане воспѣваютъ національныя пѣсни ихъ, при гласѣ коихъ они забываютъ свои горести, заботы и несогласія.

4-й кварталъ *Токарный*. Получилъ названіе отъ огромной токарной машины, гдѣ съ особеннымъ искусствомъ выдѣлываются различныя полезныя вещи. Сей же кварталъ есть вмѣстѣ и гардеробъ Малаго Лицея, и вдоль стѣнъ его висятъ длинные ряды одѣяній гражданъ въ такомъ порядкѣ, что замѣшательства ни малѣйшаго не бываетъ. При шумѣ точимаго вещества толпы любопытныхъ зѣвакъ стекаются смотрѣть на работу; и тогда сей кварталъ бываетъ весьма многолюденъ.

5-й кварталъ *Католической*. Есть жилище Французовъ и Поляковъ, послѣдующихъ сей религіи. Обитаютъ въ немъ также и Русскіе, но

число ихъ не большое. Французы дѣятельно занимаются науками, и хотя имѣютъ особенную склонность къ Математикѣ, но тѣмъ не менѣе обращаютъ вниманіе и на другія части; подлѣ Франкера часто случается видѣть Виланда; возлѣ описанія путешествій, собранныхъ Кампе,—Расина, подлѣ Гиббона Жуковскаго и подлѣ Корнелія Непота—Библію. Поляки особенно занимаются Ботаникою и Исторіею.

6-й кварталъ *Піитической* или *стихотворной*. Здѣсь 4.000 жителей; большая часть поэты, хотя не всѣ отличные, но всѣ люди довольно образованные. Должно замѣтить, что они первые способствовали къ униженію власти Политика и болѣе всего воспрепятствовали ему снова возстановить ее. Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія былъ здѣсь всеобщій сеймъ, на которомъ присутствовали всѣ граждане, исключая Политика и нѣкоторыхъ жителей отдаленнаго учебнаго квартала. Слѣдствія его оказались довольно важными. Здѣсь же находится типографія, гдѣ печатаются періодическія изданія наши, и здѣсь собираются всѣ граждане при публичномъ чтеніи ихъ.

Описавъ каждый кварталъ порознь, скажемъ нѣсколько словъ вообще о нижней части Малаго Лицея. Хотя правительство весьма печется о соблюденіи чистоты, но при всемъ томъ не вездѣ ее соблюдаютъ. Освѣщеніе посредственное, но горючіе матеріалы оставляютъ по себѣ весьма непріятный запахъ, который часто еще болѣе усиливается по причинѣ разныхъ физическихъ опытовъ, производимыхъ при горѣніи.

Верхняя часть Лицея раздѣляется на четыре квартала. Хотя сіи кварталы еще въ прошедшемъ столѣтіи были описаны искуснымъ перомъ одного изъ лучшихъ нашихъ прозаиковъ; но при всемъ томъ вторичное описаніе не будетъ излишнимъ, ибо—tempora mutantur et nos in illis mutamur—времена перемѣняются а съ ними перемѣняется и все прочее.

1-й кварталъ *Западный*. Лежитъ на западѣ Лицейскихъ владѣній. Нѣкогда садоводство было здѣсь въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; но нынѣ склонность гражданъ къ сему искусству значительно уменьшилась. Въ семъ кварталѣ находится замокъ, служащій мѣстопребываніемъ консуламъ во дни ихъ начальства. Въ историческомъ отношеніи замѣчателенъ онъ по случаю ночного пренія гражданъ съ консуломъ Ф... Имѣетъ 6000 жит.

2-й кварталъ *Литературный*, въ коемъ столько же жителей, какъ въ предыдущемъ; большая часть изъ нихъ извѣстны по своимъ литературнымъ произведеніямъ. Остальные же весьма ограниченныхъ познаній; замѣчательны только по искусству клеить картоны и дѣлать калейдоскопы. Впрочемъ, почти всѣ они люди хорошей нравственности.

3-й кварталъ *Пѣвческой*. Представляетъ большое разнообразіе въ разсужденіи образованности и характера. Самый населенный; въ немъ

3.000 жителей. Часы отдохновенія жители сего квартала посвящаютъ пѣнію и музыкѣ. Самые великолѣпные домы Малаго Лицея находятся въ семъ кварталѣ, и роскошныя пиршества происходятъ здѣсь чаще, нежели во всѣхъ другихъ.

4-й кварталъ *Нѣмецкой*. Весь заселенъ нѣмцами, коихъ считается въ немъ не болѣе 4.000; впрочемъ, и въ семъ кварталѣ Россійской языкъ есть господствующій. Почти никогда не бываетъ въ немъ большого стеченія гражданъ, ибо не весь кварталъ принадлежитъ Малому Лицею, и часть его заселена древними обитателями.

Изъ журнала „*Лицейскій Аргусъ*“, № 1 (25 декабря 1820 года).

Взглядъ на состояніе любезнаго отечества.

Внутреннія смятенія и долгія распри между народомъ и консулами, колебавшія болѣе году наше отечество, наконецъ прекратились и уступили мѣсто всеобщему спокойствію и мирной дѣятельности. Власть—прежде столь страшная—консуловъ совершенно унизилась, хотя число ихъ удвоилось: только одинъ изъ нихъ любимъ и уважаемъ большею частью гражданъ [1]); къ другимъ они очень равнодушны, ибо не имѣютъ причины ни любить ихъ, ни опасаться. Множество правъ, присвоенныхъ народомъ законнымъ или незаконнымъ образомъ, уступлены имъ съ большимъ или меньшимъ ограниченіемъ, но отъ многихъ также требованій они принуждены были отказаться.

Впрочемъ и среди всеобщаго спокойствія происходятъ часто небольшія неудовольствія между гражданами и нынѣшнимъ начальникомъ ихъ, который противъ воли своей принужденъ ограничивать свободу Лицеянъ. Противъ воли своей: ибо верховное правительство ограничиваетъ власть,—правительство, которое нынѣ заражено ужаснымъ духомъ нетерпимости и гдѣ властвуютъ неограниченно набожные лицемѣры [2]), враги нашего начальника и слѣдственно враги Лицеянъ,—люди низкіе и коварные, которые, прикрывая виды свои личиною Божественности, грозятъ уничтожить свободу мыслей, и объявляя личныхъ враговъ своихъ врагами религіи (а быть врагомъ религіи по ихъ мнѣнію значитъ не соблюдать суевѣрныхъ обрядовъ ихъ), находятъ удобное средство погубить ихъ и дѣлать зло ужасное, не подвергаясь опасности потерять доброе имя въ свѣтѣ, гдѣ надобна только наружность добродѣтели. И чтобы лучше успѣть въ злобныхъ своихъ намѣреніяхъ, чтобы лучше вредить намъ, они стараются вводить въ нашемъ оте-

---

[1]) Конечно здѣсь разумѣется гувернеръ С. Г. Чириковъ.

[2]) Конечно, разумѣется министръ кн. А. И. Голицынъ со своими приспѣшниками.

чествѣ разныя новости, совершенно несообразныя съ духомъ Лицеянъ, въ твердой надеждѣ, что они не будутъ точно исполнять ихъ, и подадутъ имъ способъ обвинить ихъ въ своевольствѣ и вольнодумствѣ.— Сіи низкіе люди тайно окружаютъ насъ своими вѣрными агентами, которые, будучи прельщены ихъ золотомъ или обѣщаніемъ вѣчнаго блаженства,—доносятъ почтеннымъ членамъ библейскаго общества о всѣхъ нашихъ и нашего начальника поступкахъ; а святые отцы, зная все у насъ происходящее, умѣютъ все толковать въ худую сторону, и подъ видомъ ревности къ религіи чернятъ насъ самыми неблестящими красками: ибо твердо увѣрены, что худая слава заведенія падетъ на начальника, котораго они ненавидятъ.

Въ такомъ-то отношеніи находятся Лицеяне съ верховнымъ правительствомъ. Изъ сего очень ясно можно видѣть, почему начальникъ ихъ часто старается ограничить свободу ихъ: онъ не желаетъ подать способа врагамъ своимъ обвинять его въ излишней снисходительности, въ слабости и маломъ почтеніи къ религіи. Впрочемъ онъ ревностно покровительствуетъ свободѣ мыслей, свободной цензурѣ, наукамъ, художествамъ, и вообще просвѣщенію. Лицеяне умѣютъ цѣнить сего человѣка; всѣ уважаютъ его дарованія, и многіе его праводушіе; любятъ его и чувствуютъ кротость его правленія; они наслаждаются имъ съ безпечностью и только сквозь пальцы глядятъ на будущность; только рѣдко думаютъ о томъ, что ихъ ожидаетъ, ежели враги восторжествуютъ, ежели начальника смѣнятъ... и вмѣсто его дадутъ новаго, который безъ сомнѣнія будетъ слѣпое орудіе бѣдныхъ мистиковъ,—мистиковъ, которые столько ненавистны всякому Лицеянину... Эта мысль рѣдко приходитъ въ голову народу,—но тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на его воображеніе; съ ужасомъ видятъ они приближеніе грозной тучи невѣжества и суевѣрія, готовой обрушиться на нихъ вмѣстѣ съ новымъ начальникомъ; съ ужасомъ и негодованіемъ смотрятъ они другъ на друга и спрашиваютъ другъ друга: неужели возвратились среднія времена?...

Но возвратимся къ ихъ безпечности. Они безпрестанно занимаются настоящимъ, ищутъ разсѣянія, и пользуясь своимъ богатствомъ веселятся на пиршествахъ, на горахъ и на гульбищахъ,—и часто—хотя любятъ свое отечество,—скучаютъ уединеніемъ, на которое они осуждены въ стѣнахъ своего города.—Зато у нихъ цвѣтутъ науки и художества,—слѣдствіе таковой тихой и трудолюбивой жизни. Всѣ почти отрасли наукъ находятъ у нихъ страстныхъ любителей. Есть историки, что граждане увидятъ, когда выйдетъ нѣсколько номеровъ сего журнала; есть философы, химики—въ чемъ удостовѣряются ежедневнымъ опытомъ; есть политики, которые удивляютъ всѣхъ своими обширными планами и проницательностью; есть люди опытные въ военной и гражданской службѣ (хотя ни тѣ, ни другіе не знаютъ хорошенько, въ чемъ

состоитъ ихъ служба), которые не менѣе поражаютъ гражданъ своими основательными сужденіями, остроумными мыслями и страстью спорить;— одного только не достаетъ: поэтовъ.—Напрасно Педантъ съ накладкой ищетъ ихъ *межъ нашими рядами;*—напрасно взоры его останавливаются на нѣкоторыхъ: унылое безмолвіе всегда служило ему яснымъ отвѣтомъ.

Замѣтимъ еще, что Лицеяне живутъ между собою въ братскомъ согласіи; только между нѣкоторыми изъ нихъ продолжаются къ несчастью старинныя ссоры, иногда же происходятъ поединки.—Все это не мѣшаетъ имъ стремиться къ одной цѣли. Всѣ они одинаково любятъ свое отечество и желаютъ его пользы: увеличить его славу и быть достойнымъ его сыномъ—есть искреннее желаніе всякаго добраго Лицеянина.

Во 2-мъ № *„Лицейскаго Аргуса“* помѣщена слѣдующая статья, обозрѣвающая первые журналы III-го курса (въ младшемъ трехлѣтіи).

Обозрѣніе нашихъ журналовъ.

Первый журналъ вышелъ у насъ въ концѣ 1817 года, но гораздо позже сдѣлался извѣстенъ публикѣ. Ежели судить безпристрастно, то надобно признаться, что симъ началомъ словесности нашей мы во многомъ были обязаны своимъ образованнымъ сосѣдямъ. Говоря словами историка Оххота, мы тогда были еще въ младенчествѣ и хотя просвѣщеніе нѣкоторымъ образомъ бросало на насъ благодѣтельные лучи свои, но сіи лучи не могли вдругъ разсѣять тьмы заблужденій и предразсудковъ, которые принесли мы съ собою изъ унылыхъ степей Софіи. Еще понятія наши не были развиты, еще не было общаго духа, который (по крайней мѣрѣ какъ говорятъ) теперь соединяетъ насъ въ одно цѣлое, неразрывное,—еще граждане не занимались ревностно науками, изящными искусствами и проч..., не было ни поэтовъ, ни библіотекъ, ни минералогическихъ кабинетовъ; впрочемъ, видно было нѣкоторое желаніе усовершиться, желаніе заслужить имя просвѣщеннаго народа—и надобно было только одного человѣка, который бы умными совѣтами далъ лучшее направленіе доброй воли ихъ.—Сей человѣкъ нашелся въ особѣ одного изъ образованныхъ сосѣдей нашихъ. Ободряя вездѣ науки и художества, онъ былъ почтенъ отъ нихъ именемъ *Мецената*,—и скоро мы увидѣли, сколько человѣкъ сей онаго былъ достоинъ. Онъ явился въ нашемъ городѣ, пріобрѣлъ довѣренность нѣкоторыхъ гражданъ и своими совѣтами, силою своего краснорѣчія—убѣдилъ насъ предпринять великое дѣло... издавать журналъ еженедѣльный или ежемѣсячный. Его велерѣчіе такъ сильно на насъ подѣйствовало, что тріумвиры, не теряя ни минуты, принялись

за дѣло, учредили свою типографію и собрали конференцію, чтобы разсуждать о названіи будущаго журнала. Усѣлись, наморщили лбы, думали, думали, спорили,—наконецъ одинъ изъ нихъ, вдохновенный какимъ-то божествомъ, воскликнулъ съ восторгомъ: есть названіе— „*Весна*“ и привелъ то самое доказательство, которое читатель найдетъ на второй страничкѣ сего журнала, въ письмѣ отъ Издателей. Скоро первый нумеръ былъ почти весь наполненъ прозою; но стиховъ! увы!.. не являлось. Напрасно увѣщевали они другъ друга писать стихи... никто не былъ столь дерзокъ; наконецъ (спустя мѣсяцъ), какой-то великодушный поэтъ, изъ числа самихъ же издателей, рѣшилъ ихъ недоумѣніе, и журналъ явился; а черезъ 2 мѣсяца вышелъ и другой № онаго. Читатель, не брани меня, ежели слишкомъ долго занималъ тебя происхожденіемъ журнала нашего; въ награжденіе обѣщаю разборъ его сдѣлать гораздо кратче: одно извиняетъ другое.

Скажемъ вообще, что „*Весна*“ отзывается духомъ своего времени: не видно еще большого знанія въ словесности, правильнаго вкуса, счастливаго выбора предметовъ, и слога пріятнаго, занимательнаго. Въ *Утрѣ* и *Прогулкѣ* находимъ почти одно и то же подъ разными названіями и описанное различными авторами; въ *Мартышкѣ* видимъ неудачный переводъ; стихи *Могила друга* были читаны съ большимъ одобреніемъ, можетъ быть болѣе по своей новости, нежели по достоинству;—теперь они показались бы очень обыкновенными, хотя впрочемъ есть мысли хорошія и стихосложеніе вѣрное.

Во 2-мъ № заслуживаетъ вниманіе повѣсть *Зюлимей*, довольно занимательная и написанная довольно пріятнымъ и вездѣ ровнымъ слогомъ, который превосходитъ слогъ прочихъ прозаическихъ сочиненій сего журнала; стихи *Ночь въ Новгородѣ* были приняты съ рукоплесканіемъ и кажется обязаны тѣмъ необразованному вкусу тогдашнихъ Лицеянъ и ужасной длинѣ своей, которая всѣхъ приводила въ изумленіе и замѣняла недостатокъ красоты.—Видно, однакожъ, что поэтъ писалъ и чувствовалъ—есть мѣстами стихи удачные и даже цѣлыя строфы: такъ напримѣръ, послѣдняя и нѣкоторыя другія; но вообще мысли набросаны безъ всякой между собою связи,—часто одно и то же повторяется нѣсколько разъ другими только словами, — и по сей одной причинѣ половину изъ нихъ можно выбросить.—Сей № заключился небольшимъ прозаическимъ сочиненіемъ (*Уеыпленіе*), которымъ начинается тотъ длинный рядъ сатиръ и насмѣшекъ на Консуловъ, которыми были наполнены всѣ наши журналы.

На слѣдующій лицейскій годъ (т. е. послѣднюю половину 1818 и первую 1819 гг.) издаваемъ былъ журналъ подъ названіемъ „*Свободныхъ часовъ*“ тѣми же самыми издателями, которые трудились надъ „*Весною*“, но которые сдѣлались уже гораздо опытнѣе;—одинъ только изъ нихъ, не успѣвъ покрыть себя лаврами, оставилъ поприще словесности; новый

авторъ (Катонъ) заступилъ его мѣсто и былъ великимъ пріобрѣтеніемъ для нашего журнала, какъ по своимъ дарованіямъ, такъ и по трудолюбію.

Въ *Свободныхъ Часахъ* видно болѣе вкуса, болѣе знанія, болѣе чистоты и пріятности слога, болѣе занимательности,—нежели въ предыдущемъ журналѣ. Есть однакожъ пьесы, которыя напоминаютъ времена *Обезьяны* и *Прогулокъ*. Стихи заслуживаютъ особенное вниманіе: извѣстный баснописецъ нашъ помѣщалъ здѣсь часто произведенія своей музы, и нѣкоторыя изъ басней его (какъ то: *Ворона и Лисица, Овца и Собака, Желудокъ и Члены*) имѣютъ много достоинства: разсказъ довольно живъ и развязенъ; слогъ басенный,—но есть ошибки противъ языка и стихи, которые читать очень трудно. Романы и Эпиграммы не слишкомъ удачны.— Прочія стихотворенія, какъ-то: *Исповѣдь, Плачъ на могилѣ супруги* и отчасти *Посланіе къ Эрасту* были довольно одобрены публикою и не безъ причины. Въ первыхъ есть забавныя мысли, счастливыя выраженія, характеры Ф....я и Мотягина представлены вѣрно; стихи довольно легкіе,—но виденъ еще неопытный поэтъ, который, стараясь, писалъ еще дрожащею рукой. Въ *Плачѣ на могилѣ супруги* есть піитическія описанія, воображеніе; но стихи довольно растянуты и неровны!—Между прозаическими сочиненіями замѣчательны: *Нѣчто о жителяхъ Лицея, Окрестности Турина, Пробужденіе, Нашъ опекунъ, Неожиданное нападеніе*, повѣсть *Великодушные друзья* и нѣкоторые отрывки, помѣщаемые въ Смѣси. Въ нихъ виденъ талантъ, плодовитость,—въ нѣкоторыхъ плавность и легкость; въ другихъ недостатокъ послѣднихъ качествъ, но въ замѣну живыя, забавныя мысли, разнообразіе; въ повѣсти *О великодушныхъ друзьяхъ* найдемъ много чувства и поэзіи.

Вообще въ *Свободныхъ часахъ* болѣе шуточнаго и веселаго, нежели важнаго и разсудительнаго; болѣе насмѣшекъ и сатиръ, нежели истиннаго и поучительнаго рода, и къ несчастію жертвою сихъ насмѣшекъ были большею частью свои же товарищи. Несмотря на то журналъ сей далеко подвинулъ насъ къ отечественной словесности и служилъ къ развитію талантовъ юныхъ и неопытныхъ Лицеянъ.

Изъ журнала „*Лицейскій Аргусъ*“ № 3 (15 марта 1821 г.):

Духъ нашей исторіи.

Исторію нашу, кажется мнѣ, очень удобно раздѣлить на 6 періодовъ по особенному, отличительному характеру и духу времени, который каждый изъ нихъ въ себѣ заключаетъ.

1-й періодъ, заключающій въ себѣ первый годъ пребыванія нашего въ Маломъ Лицеѣ, можно назвать *Софійскимъ*, ибо времена сіи слишкомъ отзываются духомъ обитателей Софіи [1]). Подобно имъ Лицеяне въ

---

[1]) Т. е. Лицейскаго Благороднаго Пансіона.

сіе время не представляли ничего общаго въ характерѣ своемъ, т. е. не было общаго мнѣнія (l'opinion publique), съ которымъ бы всякій соображалъ свои поступки, не было общей цѣли, общихъ любимыхъ разговоровъ, однимъ словомъ не было общаго духа. Всякій жилъ самъ по-себѣ, и отъ того мы терпѣли много невзгодъ и притѣсненій, отъ которыхъ насъ избавило бы тѣсное соединеніе между собою. Видно было какое-то дѣтство, ребячество, которое примѣчаемъ теперь только въ одномъ или двухъ изъ нашихъ гражданъ и которое есть несомнѣнное слѣдствіе недостатка образованія. Оттого примѣчали большое разнообразіе въ характерахъ Лицеянъ: ибо, какъ говоритъ Карамзинъ, *„просвѣщеніе сближаетъ свойства народовъ и людей, равняя ихъ какъ древа въ саду регулярномъ“*. Впрочемъ и народъ необразованный заключаетъ въ членахъ своихъ нѣкоторое, хотя малое, сходство. Такъ напр. и у насъ были нѣкоторыя общія увеселенія, даже изрѣдка общіе разговоры. Шашки, воланы, ловля рыбы, собираніе ягодъ, разведеніе цвѣтовъ, нѣкоторыя книги, какъ то: *Modèle des jeunes gens*, *Анекдоты* и *Другъ дѣтей* и проч. были обыкновенными занятіями Лицеянъ. Они часто приходили въ восторгъ, когда Фотій [1]) съ ласковымъ видомъ предлагалъ итти на загонъ играть въ лапту, или въ звѣринецъ—играть въ прятки, или къ обитателямъ Софіи—плясать и слушать музыку и проч. Часто, когда одинъ изъ нихъ подвергался суду консуловъ,—они приходили въ смятеніе и уныніе,—тихонько роптали, но не смѣли еще противиться—и покорялись. Всѣ были очень набожны, сохраняли строго обряды греческой церкви и ужасались о нарушеніи оныхъ обитателями Софіи.—Сначали жили дружно съ консулами, любили играть съ ними и часто разрывали консульскую одежду Фотія, который прощалъ имъ великодушно. Диктаторъ [2]) былъ всѣми любимъ и уважаемъ,—онъ входилъ часто въ наши занятія и помогалъ прилежнымъ. Въ концѣ сего года дружелюбная связь съ консулами понемногу разрывалась;—но прежде открытой съ ними брани, начали граждане тихонько и издали надъ ними смѣяться.—Въ сіе время уже замѣчена страсть Лицеянъ къ насмѣшкамъ и шуткамъ. Это доказываетъ журналъ, который тогда издавали подъ именемъ *„Весны“*, гдѣ осмѣлились дурачить Фотія. Но сей самый журналъ доказываетъ худое наше согласіе въ то время и худую довѣренность другъ къ другу, ибо *„Весна“* читана была *немногимъ*.

2-ой періодъ заключаетъ въ себѣ первую треть второго года. Его можно назвать *любовнымъ*: почти всѣ были влюблены—дѣйствительно или воображаемо. Это подавало много пищи нѣкоторымъ страстнымъ охотникамъ смѣяться. Гражданинъ Катонъ, Мотягинъ и многіе другіе играли здѣсь главную роль. Въ сіе время духъ народный началъ обра-

---

[1]) Гувернеръ Ф. П. Калиничъ.

[2]) Т. е. директоръ (Е. А. Энгельгардтъ).

зоваться, и общее мнѣніе начало имѣть нѣкоторое вліяніе на поступки каждаго. Консула Фотія уже не терпѣли;—но спорить съ нимъ рѣдко дерзали. Пигмей былъ очень любимъ и дѣлалъ съ народомъ частыя утреннія путешествія въ кружныя мѣста, гдѣ граждане очень веселились и гдѣ нѣкоторые изъ нихъ дѣлали важныя пріобрѣтенія въ цвѣтахъ и овощахъ всякаго рода.

3-й періодъ занимаетъ средину и конецъ второго года. Онъ можетъ назваться временемъ остротъ и поэтовъ. Любовники были оставлены въ покоѣ. Всѣ насмѣшки на счетъ ихъ истощились;—надобно было что нибудь новое, и на нашей сценѣ явились въ самомъ дѣлѣ совершенно новыя существа, извѣстныя подъ именемъ *остряковъ*; они цѣлый день и ночью даже осыпали насъ остротами, разнаго рода эпиграммами, каламбурами, эпитафіями; ихъ было такъ много, что они всегда заставляли молчать людей благоразумныхъ.—Во всѣхъ кварталахъ, на площади, на улицахъ, на гульбищахъ раздавались голоса остряковъ и торжественные клики ихъ обожателей. Нѣкоторые люди образованные, любители всего хорошаго и изящнаго, рѣшились сдѣлать безсмертными творенія острыхъ умовъ нашихъ, и собрали изустныя стихотворенія ихъ въ одну книгу, которую и теперь хранятъ какъ прекрасный памятникъ прежняго образованія, который служитъ упрёкомъ нынѣшняго невѣжества и варварства. Тогда многіе Лицеяне, ободренные симъ поступкомъ и желая, подобно имъ, увѣнчать себя парнасскими лаврами, сдѣлались ревностными послѣдователями нашего Тредьяковскаго и Урбана. Всякую недѣлю являлся новый питомецъ Аполлона, превосходившій своихъ предшественниковъ и удивлявшій геніемъ своимъ веселую публику. Посреди сихъ важныхъ литературныхъ занятій происходили частные, но не жаркіе и не дерзкіе споры съ консулами; спокойствіе было возстановляемо, и часто на долгое время. Граждане дѣйствовали общими силами, но безъ большой ревности и безъ упорства.

4-й періодъ заключаетъ въ себѣ все остальное время до славнаго пожара [1]) и можетъ назваться эпохою *просвѣщенія и браней*. Въ концѣ прошедшаго періода случилось знаменитое происшествіе (игра въ мячики), которое имѣло весьма важныя послѣдствія. Умы народа воспламенились ненавистью противъ Пигмея и Фотія—и сія ненависть обнаружилась въ долгихъ, междоусобныхъ битвахъ, которыя продолжались между ими и консулами въ теченіе всего періода. Остряки все еще не умолкали, но число обожателей ихъ уменьшилось. Многіе изъ нихъ очень искусно умѣли подражать кариктатурнымъ тѣлодвиженіямъ Фотія и въ каждой комнатѣ можно было найти подобныхъ живыхъ портретовъ консула, забавляющихъ товарищей, которые никакъ не могли насытиться сими зрѣлищами, всякой день наслажда-

[1]) Въ 1820 г. (лѣтомъ).

лись ими и всякой день громче смѣялись. Граждане показывали большое упорство, твердость и единодушіе въ браняхъ съ консулами; часто падали, но возставали съ большею силою и съ большею опасностью для непріятелей, которые хотя не были побѣждаемы, но часто принуждены были оставить свои злобныя покушенія на свободу нашу. Журналы въ сіе время издаваемые, особливо „*Бесѣда въ Піитическомъ кварталѣ*“ служатъ тому вѣрнымъ доказательствомъ. Образованность дѣлала въ сіе время быстрые между нами успѣхи и служила къ тѣсному соединенію всѣхъ гражданъ Малаго Лицея. Съ сей стороны и междоусобія были для нихъ весьма благодѣтельны: ибо доказано, что величіе народнаго характера наиболѣе тамъ видимо, гдѣ народъ сей окруженъ опасностями, трудностями и угрожается близкою гибелью.

5-й періодъ заключаетъ въ себѣ пространство времени отъ пожара до нынѣшней зимы и можетъ назваться *революціоннымъ*. Въ началѣ весны споры съ консулами начали утихать понемногу,—все приходило въ спокойствіе. Но наступило время ужасное:—пламя истребило жилище Лицеянъ—и все пришло въ волненіе. Безпорядокъ и неустройство, причиненные пожаромъ, сдѣлали то, что многія прежнія узаконенія и обязанности были нѣкоторое время не исполняемы гражданами; они невинно воспользовались обстоятельствами, чтобы увеличить свободу свою,—свободу, которая такъ прелестна сердцамъ юнымъ и пылкимъ,—свободу, которая тѣмъ болѣе показалась имъ восхитительной, что предшественники ихъ уже наслаждались оною. По возстановленіи прежняго устройства—консулы и Диктаторъ хотѣли возстановить прежній порядокъ въ управленіи; но Лицеяне сильно воспротивились. „Съ старымъ жилищемъ, говорили они, остались и старые обязанности; съ новымъ жилищемъ—новая жизнь и законы“. Мысль о старшемъ курсѣ сильно поддерживала сіе мнѣніе,—и брань жестокая, кровопролитная, безпримѣрная возгорѣлась въ областяхъ нашихъ. Въ пылу битвы, пламенѣя ненавистью къ консуламъ, мы часто обвиняли самого Диктатора, часто оскорбляли его благородное и доброе сердце. Вездѣ—дома, на прогулкахъ, на собраніяхъ слышны были одни шумныя политическія сужденія и толкованія о нынѣшнемъ нашемъ положеніи, о мѣрахъ, которыя должно предпринять для отвращенія вводимыхъ постановленій, несовмѣстныхъ съ свободою гражданъ и проч. Нѣкоторые граждане съ удивительнымъ краснорѣчіемъ и ясными доводами предсказывали будущую нашу горестную участь, отъ чего у слушателей волоса становились дыбомъ и очи сверкали яростью. Всѣ спорили, кричали, сердились, были недовольны своею судьбою, проклинали Лицей, и всѣ теперь признаются, что никогда не было такого несноснаго, скучнаго и несчастнаго времени. Но мало-по-малу къ осени умы начали успокаиватся и послѣ краткой, но сильной бури небо прояснилось на лицейскомъ горизонтѣ,—только изрѣдка показывались на немъ черныя облака:

остатки тучъ революціи; революціи, которая многое перемѣнила въ нашемъ политическомъ состояніи. Консулы потеряли всю власть и вліяніе свое на гражданъ; Фотій не находилъ болѣе пищи своему велерѣчію, ибо граждане не внимали оному, и часто весельчаки смѣялись въ глаза и дурачили грознаго консула, того, который два года назадъ однимъ мановеніемъ руки приводилъ ихъ въ трепетъ и послушаніе. Всю ненависть свою они обратили на верховное правительство,—и безпрестанно были слышны проклятія и колкости на мистиковъ и лицемѣровъ.

6-й періодъ и послѣдній простирается отъ начала зимы до нашихъ временъ; можетъ назваться *военнымъ*; нѣтъ нужды доказывать почему. Мы еще живо помнимъ времена, когда споры о военной и статской службахъ обращали на себя особенное наше вниманіе. Наконецъ поборники послѣдней оставили поле битвы—и люди *военные* свободно поносятъ и ругаютъ *статскихъ*. Титулярной совѣтникъ сдѣлался браннымъ словомъ,— и ежели имя сіе произнесется громкимъ голосомъ, то всѣ бѣгутъ къ окошку, надѣясь увидѣть карикатуру въ изорваномъ фракѣ, въ зеленыхъ очкахъ и боливарской шляпѣ. Только нѣкоторые изъ военныхъ отдаютъ хотя немного уваженія сей службѣ; зато отчаянные товарищи въ отмщеніе называютъ ихъ титулярными совѣтниками. Но чтобы короче познакомиться съ духомъ нашего времени; чтобы лучше узнать, въ чемъ полагаемъ мы достоинство и важность военнаго человѣка,—надобно войти въ 1-ой кварталъ Полотняной части и послушать разговоры нашихъ воиновъ, которые въ большомъ числѣ тамъ собираются въ свободные отъ классовъ часы, чтобы заниматься важными изслѣдованіями и размышленіями по военной части, между тѣмъ какъ другіе тратятъ золотое время на пустыя занятія, на чтеніе, на науки и проч.—Постоявъ и послушавъ, вы узнаете, что такой-то гусаръ купилъ себѣ новую лошадь, гнѣдую, сѣрую или вороную, что у нея задъ дурной, голова красивая и проч.; узнаете имя ея и породу; узнаете всѣ модныя названія всѣхъ частей и нарядовъ конскихъ; узнаете по имени и по качеству всѣхъ жеребцовъ гусарскихъ; услышите острыя насмѣшки на счетъ офицеровъ и лошадей, отличившихся сегодня въ манежѣ,—и порадуетесь, узнавъ въ одинъ день такъ много вещей достойныхъ примѣчанія и удивленія, пріобрѣвъ много познаній важныхъ для ума и сердца. Ступайте туда всякой день—и всякой день вы услышите такіе занимательные разговоры, достойные вниманія Лицеянъ; вы примѣтите также между ними любимца ихъ, любезнаго ребенка П....а, который всякое воскресеніе занимаетъ ихъ любопытными разсказами и новостями, происшедшими въ мірѣ лошадиномъ, и доставляетъ имъ на цѣлую недѣлю обильную матерію для разборовъ, для критическихъ изслѣдованій, для споровъ и т. д. Зато наши уланы осыпаютъ ласками нашего ребенка и позволяютъ ему задавать тонъ

въ ихъ собраніяхъ. Вы вспомните прошедшее и скажете съ удивленіемъ: неужели это тѣ самые Лицеяне, кои за нѣсколько времени тому назадъ осмѣивали пансіонеровъ, услышавъ, что они предъ выпускомъ безпрестанно занимаются своими будущими мундирами...

Чтожъ дѣлать? tempora mutantur et nos mutamur in illis.

Изъ журнала 1821 года „*Муза возобновленнаго Лицея*“ (№ 1-й, 15 ноября).

Письмо изъ города Лицея.

Сегодня, другъ мой, ровно годъ какъ я поселился въ семъ городѣ [1]). Тебѣ уже извѣстны многія мѣстныя примѣчательности онаго;—теперь поговоримъ о самыхъ жителяхъ. Въ теченіе всего этого времени я не упускалъ ни одного случая узнать ихъ короче и подробнѣе, ибо они заслуживаютъ все вниманіе наблюдателя. Я познакомился съ большею частью оныхъ, присутствовалъ въ ихъ обществахъ и теперь кажется имѣю объ нихъ довольно правильное и ясное понятіе.

Особенно поразила меня любовь и привязанность ихъ къ отечеству. Не хочу здѣсь философствовать, и не буду разсматривать причинъ сей прекрасной добродѣтели; во многихъ она достигла до степени страсти и даже энтузіазма;—вы холодные жители П.... [2]) можетъ быть въ этомъ мѣстѣ бросите другъ на друга насмѣшливую, придворную улыбку—энтузіазмъ, энтузіазмъ! ха! ха! ха!.. къ несчастью вѣроятно и въ семъ городѣ найдутся многіе люди, которые бы тоже сказали,—но Богъ съ ними; пусть смѣются, а я съ сердечнымъ удовольствіемъ повторю: Лицеяне любятъ свое отечество, любятъ сильно и пламенно. Недавно разговаривалъ я съ однимъ изъ здѣшнихъ патріотовъ—разговоръ коснулся Лицея: онъ съ жаромъ схватилъ меня за руку:—Государь мой! Въ Лицеѣ много хорошаго, ибо мы всѣ такъ любимъ его... Кто изъ гражданъ нашихъ не можетъ сказать: здѣсь научился я благородно чувствовать и мыслить,—научился любить добродѣтель, ненавидѣть порокъ,—научился говорить правду безъ страха, смѣло защищать невинность, дерзко вооружаться противу несправедливости, любить человѣчество, восхищаться прекраснымъ, высокимъ—и гнушаться низкимъ и подлымъ!.. Такъ, Государь мой, въ Лицеѣ всякой научится симъ чувствованіямъ, — всякой, у кого сердце склонно къ добру... горе! горе!—тому, кто и здѣсь останется съ обыкновенными мыслями... это пустой, ничтожной человѣкъ—отошлите его въ другой городъ:—я горжусь именемъ Лицеянина; я считаю себя первымъ сыномъ Россіи, первымъ подданнымъ ея Государя; первымъ ея защитникомъ

---

[1]) Т. е. послѣ перехода на старшій курсъ.

[2]) Петербурга.

и хранителемъ... Отъ насъ должны излиться на нее благодѣтельнѣйшіе лучи просвѣщенія; высокія чувствованія, коими дышемъ, должны нѣкогда одушевить всю Россію—да будетъ Лицей источникомъ ихъ; Государь мой! какая благородная цѣль! Ахъ! ежели когда-нибудь я долженъ буду оставить мѣсто сіе,—ежели когда-нибудь въ бурномъ океанѣ свѣта—страсти и коварные люди вовлекутъ меня въ горести и бѣдствія... на краю ужасной бездны, подъ навѣсомъ грозящей тучи—Лицей спасетъ меня,—любезное имя его оживитъ увядшую душу,—чувство добродѣтели снова закипитъ въ этомъ пламенномъ сердцѣ—и грозная бездна сокроется отъ взоровъ моихъ...

Изъ этихъ словъ ты уже можешь видѣть—сколько Лицеяне привыкли къ своему отечеству; разумѣется, это не ко всѣмъ относится! и въ Римѣ и въ Спартѣ были люди, которые не славились патріотизмомъ—и здѣсь есть граждане, которые довольно равнодушны къ Лицею.

Это прекрасное чувство есть источникъ многихъ другихъ, столь же благородныхъ и рѣдкихъ, которыя свойственны большей части гражданъ и составляютъ славу и благоденствіе Лицея.

Всякой—или почти всякой—принимаетъ живѣшее участіе въ томъ, что касается до Лицея. Гражданинъ, который уличенъ въ какомъ-либо худомъ, безчестномъ поступкѣ, подвергается всеобщей ненависти:—всѣ избѣгаютъ его, всѣ прекращаютъ съ нимъ связи. Его поступокъ, говорятъ они, дѣлаетъ намъ стыдъ, чернитъ насъ,—это пятно, падающее на все общество,—онъ вреденъ для Лицея, слѣдственно не достоинъ нашей дружбы.

Великодушіе, просвѣщенный образъ мыслей Лицеянъ и ихъ начальника, многія преимущества, коими пользуются и проч. навлекли сему городу множество враговъ сильныхъ и опасныхъ.—Если бъ ты видѣлъ, какъ они ненавистны Лицеянамъ:—всѣ, всѣ до одного ненавидятъ ихъ; какъ часто имена ихъ предаются здѣсь проклятію, какъ часто злоба народная изливается въ саркастическихъ, язвительныхъ насмѣшкахъ, и съ какою смѣлостью, и съ какою силою... О! ты бы удивился этому послѣ свѣтскихъ разговоровъ столицы,—ты бы подумалъ, что переѣхалъ въ новый міръ...

Въ обидѣ причиненной одному—всѣ граждане принимаютъ живѣйшее участіе.—Это было для меня самымъ новымъ явленіемъ, самымъ пріятнымъ и трогательнымъ, послѣ того какъ въ продолженіе 20 лѣтъ всей моей жизни я видѣлъ въ свѣтѣ однихъ эгоистовъ, которые никогда о другихъ не заботятся и весь міръ заключаютъ въ самихъ себѣ... Недавно же случился здѣсь самый разительный примѣръ такого тѣснаго соединенія гражданъ.—Когда-нибудь опишу тебѣ сіе происшествіе со всею подробностью. Теперь осталось еще многое говорить о духѣ и свойствѣ жителей.

Лицеяне имѣютъ многихъ друзей, которые имъ привержены и готовы жертвовать всѣмъ для счастія ихъ; граждане умѣютъ— быть

хотя и не совсѣмъ—благодарными, и большая часть изъ нихъ любятъ искренно и постоянно сихъ друзей-покровителей. О семъ предметѣ скажемъ послѣ нѣсколько словъ, которыя здѣсь могутъ прервать связь нашихъ замѣчаній.

Откровенность царствуетъ между гражданами, гдѣ дѣло идетъ о публичныхъ вещахъ; но разность характеровъ и нѣкоторыя другія обстоятельства—особенно склонность къ насмѣшкамъ—не позволяютъ, къ сожалѣнію, распространяться и увеличиться сей прекрасной добродѣтели... Послѣднее особенно заставляетъ каждаго быть осторожнымъ въ словахъ своихъ, а у нѣкоторыхъ совершенно отнимаетъ языкъ.

Изъ всего этого ты видишь, любезный другъ, что городъ Лицей представляетъ въ жителяхъ своихъ нѣчто особенное, привлекательное и любопытное. Многія одинаковыя чувства, ихъ одушевляющія, которыхъ главныя я тебѣ вычислилъ и описалъ, въ разныхъ отношеніяхъ должны необходимо соединять ихъ тѣсно между собой. Всякой гражданинъ можетъ имѣть особенный характеръ, особенный образъ мыслей, желаній; но изъ любви къ Лицею, онъ готовъ для гражданъ онаго жертвовать оными—и вотъ въ чемъ состоитъ хорошее товарищество, которымъ Лицеяне такъ гордятся, и слава Богу до сихъ поръ могутъ хвалиться. Но другъ мой! все на свѣтѣ непостоянно, и хорошее товарищество можетъ также рушиться—ты видѣлъ въ чемъ оно здѣсь обнаруживается, — изъ чего оно проистекаетъ — причина прекрасная: любовь къ отечеству; но такъ ли любовь сія во всѣхъ пламенна, продолжительна, сильна, основательна, чтобы можно было всегда надѣяться отъ нея такихъ благодѣтельныхъ слѣдствій; да и теперь даже, все хорошее, что мы до сихъ поръ описали въ Лицеѣ,—все ли она произвела,—нѣтъ ли другихъ обстоятельствъ тому способствовавшихъ, могущихъ прекратиться? — По крайней мѣрѣ многіе Лицеяне въ томъ со мною не сомнѣваются и страшатся какъ самаго ужаснаго несчастія, чтобы прекрасное зданіе не рушилось, на которомъ основано благоденствіе, слава и величіе ихъ отечества, т. е. истинное товарищество. — Есть вездѣ люди, которые на развалинахъ общаго согласія готовы утвердить свою славу, которые ждутъ только удобнаго случая, чтобы принять начальство надъ какою-либо партіею, и которымъ спокойное и мирное состояніе общества мало благопріятствуетъ, ибо имъ въ то время не даютъ имѣть большого вліянія на дѣла онаго; и такъ честолюбіе, зависть, слабость и легкомысіе, — все соединяется, чтобы разрушить это зданіе... потребно всей осторожности, всей осмотрительности, самой пламенной ревности и самой неутомимой дѣятельности истинныхъ патріотовъ, чтобы предупредить сію угрожающую опаспость.

Послѣ сего главнаго обозрѣнія характера жителей Лицея—вотъ тебѣ нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія, необходимыя для точнаго о нихъ понятія.

Большая часть изъ нихъ чрезвычайно легкомысленны и судятъ обыкновенно безъ всякой основательности; напримѣръ, они воображаютъ, что у нихъ правленіе свободное; между тѣмъ какъ начальникъ ихъ имѣетъ самую неограниченную власть;—воображаютъ, что могутъ противиться, между тѣмъ какъ воля его есть законъ, за нарушеніе котораго онъ имѣетъ право наказывать смертію (на нашемъ языкѣ изгнаніемъ), и потому, что онъ добръ, снисходителенъ, кротокъ, ласковъ, умѣренъ и никогда не пользуется совершенно своею властью, они думаютъ, что онъ не имѣетъ оной, — и считаютъ нарушеніемъ ихъ правъ все, что принимаетъ онъ къ ограниченію свободы, которую самъ даровалъ имъ и слѣдственно, если находитъ не нужною, и отнять можетъ. Впрочемъ, это одна изъ немногихъ истинъ, которую не должно отваживаться говорить здѣсь публично,—хотя касается до дѣлъ публичныхъ; за нее тебѣ достанется множество колкостей и грубостей; никто не пойметъ или не захочетъ понять, — и рѣшительно назоветъ ее ложью.—Вотъ еще примѣръ неразсудительности: ты знаешь уже, что всякой безчестной поступокъ считается здѣсь самымъ ужаснымъ преступленіемъ. Никто не осмѣлится здѣсь нарушить явно честное слово или обѣщаніе; всякой увѣренъ, что это низко, и несмотря на то, многіе не считаютъ за худое дѣло вывернуться изъ обѣщанія, т. е. нарушить смыслъ онаго, не нарушая наружности. Недавно жители Малаго Лицея какими-то поступками навлекли негодованіе здѣшнихъ. Чтобы прекратить съ ними короткія связи — по большинству голосовъ рѣшились не участвовать въ играхъ, празднуемыхъ ими на огромной площади, къ обоимъ городамъ прилежащей.—Слова были въ точности исполнены—площадь опустѣла; но зато всѣ внутреннія площади и улицы Малаго-Лицея наполнились ихъ защитниками изъ нашего города.—Боюсь впрочемъ, чтобы не всегда одно легкомысліе было причиною такихъ поступковъ—боюсь, чтобы подъ видомъ этой слабости не скрывалась тайна пренебреженія справедливости и честности. Теперь поступили они совершенно иначе съ жителями Малаго Лицея,—но о томъ здѣсь не мѣсто говорить.

Лицеяне славятся своимъ товариществомъ, но многіе о семъ словѣ не имѣютъ точнаго понятія,—другіе совершенно ошибаются въ значеніи онаго. Такъ напр., они думаютъ, что всѣ должны защищать гражданина, какой бы ни былъ его поступокъ, ежели дѣло идетъ о правахъ нашихъ.

Отъ сей неразсудительности и легкомыслія происходитъ холодность и равнодушіе къ нѣкоторымъ предметамъ, заслуживающимъ болѣе вниманія и участія, —равнодушіе, которое горестно видѣть между такими людьми, какъ Лицеяне. Защищая мнимыя права свои, они рѣдко думаютъ о томъ—противъ кого защищаютъ ихъ;—рѣдко бываютъ умѣренны, и самыхъ истинныхъ друзей своихъ, которыхъ они любятъ и

почитаютъ, не страшатся огорчать самымъ жестокимъ образомъ,—часто осыпаютъ ихъ укоризнами и даже поносятъ. Есть однако между ними многіе благомыслящіе, которымъ больно видѣть такое грубое чувство, явно обнаруживаемое въ ихъ отечествѣ. Я не осуждаю, говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, этой ревности къ свободѣ, которую вы между нами примѣчаете. Самъ я не вижу въ ней большого счастья, но такъ какъ согражданамъ она кажется необходимою, то именно для предупрежденія всякихъ несогласій, для сохраненія нашего товарищества,—я готовъ иногда вмѣстѣ съ ними противиться узаконеніямъ Начальника, слишкомъ ограничивающимъ кругъ нашихъ дѣйствій. Здѣсь я поступаю противъ собственнаго чувства—я жертвую—ибо люблю и почитаю Начальника болѣе, нежели мнимыя права наши; я долженъ буду огорчить его, хотя мнѣ это больно;—повторяю еще—я жертвую многимъ для товарищества, но пусть же и они что-нибудь для него пожертвуютъ; пусть не заставляютъ они насъ краснѣть изъявленіемъ самыхъ грубыхъ, недостойныхъ чувствъ. Вы видѣли напр., недавно, какъ оскорбили они Консула С..... [1]); это еще простительно, ибо по ихъ мнѣнію было необходимо; но послѣ того радоваться, торжествовать!.. неужли и это было необходимо?.. Ахъ! будемъ всѣ умѣренны—и истинное товарищество останется еще надолго удѣломъ Лицея.

Какъ кажутся тебѣ мысли сіи? Я по крайней мѣрѣ съ нимъ согласенъ. Онъ говорилъ мнѣ съ чувствомъ, съ жаромъ и при послѣднихъ словахъ слезы показались въ глазахъ его... онъ поглядѣлъ тихонько на обѣ стороны — и скорѣе отеръ ихъ... О! другъ мой! я расхвалилъ тебѣ прежде Лицей,—сказалъ даже, что многіе въ немъ умѣютъ чувствовать сильно, даже съ энтузіазмомъ... но и здѣсь слезы не смѣютъ показываться, и здѣсь энтузіазмъ, хотя его болѣе въ Лицеѣ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ,—и здѣсь долженъ онъ скрываться въ глубинѣ души...

Если ты пораженъ какою-нибудь прекрасною, высокою мыслью, если ты горишь любовію къ Отечеству и желаніемъ принести ему пользу, если душа твоя очарована, изумлена прелестями и ужасами природы, если сердце твое тронуто глубоко какимъ-нибудь великодушнымъ поступкомъ,— словомъ, если ты сильно чувствуешь и хочешь сообщить свое чувство другому:—приходи въ Лицей—здѣсь многіе поймутъ тебя, многіе наединѣ раздѣлятъ ихъ; но страшись обнаруживать ихъ предъ публикою,—она заражена духомъ нынѣшняго свѣта и ею управляютъ злые, холодные насмѣшники, которые съ презрѣніемъ назовутъ тебя *сентиментальнымъ* и учтивымъ образомъ прогонятъ.

Лицеяне извѣстны по своему образованію. Всѣ читаютъ книги—Вольтеръ, Рейналь, Верто, Шиллеръ, Геренъ и проч. проч. здѣсь очень

---

[1]) Вѣроятно Сакена (фонъ-деръ Остенъ-Сакена, Ал. Ѳед.), служившаго въ Лицеѣ съ 1817 по 1824 г.

извѣстны, но повѣришь ли? Нигдѣ въ обществахъ и въ публичныхъ собраніяхъ не услышишь о томъ ни слова.—Я, не зная того, что такіе разговоры здѣсь не въ модѣ, заговорилъ однажды о Шиллерѣ, моемъ любимомъ поэтѣ. Всѣ посмотрѣли на меня съ удивленіемъ, замолчали и потихоньку разошлись. Я стоялъ, разинувъ ротъ и развѣся уши... ахъ! Лицеяне, какъ я въ васъ ошибся!!. Впослѣдствіи времени я привыкъ къ ихъ разговорамъ, — и немудрено привыкнуть: это отголосокъ тѣхъ, которыхъ наслушался я въ Л... [1]). Безпрестанныя насмѣшки, иногда удачныя, иногда противныя, — громкія восклицанія, анекдоты все почти выдуманные, пустыя замѣчанія, споры объ именахъ, платьяхъ, орденахъ или шляпахъ людей, надъ которыми хотятъ смѣяться и даже жаркіе споры:—вотъ все, что ты слышишь, — и горе тебѣ, если ты не знаешь, что такой-то человѣкъ въ сѣромъ фракѣ съ черною плосковатою шляпою называется такъ-то; что у кондитера Л. нѣтъ болѣе мороженнаго, что поваръ Г. хуже другого... ты не будешь принятъ ни въ какія общества, или по крайней мѣрѣ будешь молчать въ нихъ, сложа руки и поникнувъ головою. ... Здѣсь издаются иногда журналы: въ нихъ всѣмъ жертвуютъ, чтобы разсмѣшить публику, но о вкусѣ ея нельзя сказать ничего привлекательнаго. Имя какого-нибудь извѣстнаго смѣшного лица производитъ болѣе хохоту, нежели тонкая шутка, забавная мысль или острота. Иногда помѣщаются здѣсь сочиненія, требующія большого размышленія, но на нихъ мало кто обращаетъ вниманіе, и даже часто чтеніе оныхъ заглушается разговорами и криками публики. Еслибъ по случаю сіе письмо было напечатано, то оно вѣроятно имѣло бы ту же участь,—единственно отъ того, что это длинное, слишкомъ серьёзное сочиненіе. Никогда почти не разсуждаютъ о томъ, что было читано; *это хорошо, это мнѣ нравится, это очень хорошо, это скучно*: въ сихъ словахъ заключается вся критика нашихъ господъ слушателей; а никто не скажетъ, что такое-то мѣсто особенно хорошо или худо, чѣмъ оно хорошо, чѣмъ худо, — что бы должно выпустить, что прибавить и т. д. — Нѣтъ! это слишкомъ ученая матерія, — какое намъ до того дѣло—мы не философы, мы свѣтскіе люди, должно быть къ такимъ вещамъ всегда хладнокровнымъ, всегда быть разсѣяннымъ... И такъ изъ сего ты видишь, любезный другъ, что образованіе въ Лицеѣ не на такой ногѣ, какъ бы ему должно быть и какъ многіе думаютъ. Я уже сказалъ: всѣ читаютъ книги, но читаютъ для того, чтобы прочесть, для славы, и то не въ Лицеѣ, а въ другихъ городахъ, посѣщаемыхъ жителями, ибо у насъ можно очень обойтись безъ этой славы.— Не забудь, что нѣтъ правилъ безъ исключенія, и здѣсь особенно исключеніе не маловажно: на 25.000 ж.[2]) можетъ придется 10.000, которые

---

[1]) Петербургѣ.

[2]) На III курсѣ было, дѣйствительно, 25 воспитанниковъ.

совершенно преданы образованію, любятъ иногда—даже слишкомъ разсуждать, сочинять и проч. — и удивительно, что сіи люди, будучи въ такомъ числѣ, не могли перемѣнить духа лицейской публики!..

Лицеяне суть самые ревностные почитатели моды, только не въ одеждѣ, а въ разговорахъ, въ занятіяхъ, а иногда и въ пищѣ.— Я говорю о большей части. Все почти здѣсь дѣлается изъ подражанія. Если многимъ нравится какое-нибудь кушаніе, то другіе, хотя не любятъ онаго, находятъ его самымъ вкуснымъ. Кому-то вздумалось пить чай послѣ ужина, и чрезъ нѣсколько дней во многихъ домахъ ввелось тоже въ обыкновеніе. Одинъ смѣльчакъ вздумалъ прогуляться ночью по руинѣ — и на другой день набралось нѣсколько охотниковъ итти на кладбище. Нѣкто вздумалъ было чертить—и въ короткое время явилась цѣлая Академія рисовщиковъ; какой-то вѣтренной академистъ вышелъ—и Академія опустѣла.—Сегодня всѣ тебя любятъ, потому что друзья твои говорятъ о тебѣ—пусть они замолчатъ, пусть враги твои скажутъ нѣсколько словъ — и тебя возненавидятъ,—единственно изъ подражанія, одинъ за другимъ... Вчера цѣлый день говорили о Яковѣ Ильичѣ, сегодня о вчерашней свадьбѣ, завтра будутъ говорить объ остротахъ новаго Петра Микулина и тому подобное.

— Вотъ тебѣ, другъ мой, довольно странностей про Лицеянъ.— Ты видишь—вездѣ добро смѣшано со зломъ; боюсь даже, что всѣ ихъ пороки не заставили тебя забыть о ихъ добродѣтеляхъ — о любви къ отечеству и примѣрномъ товариществѣ. Но это моя вина — надобно было менѣе говорить о послѣднемъ и болѣе о первомъ. Не забудь также и того, что вездѣ худая сторона перевѣшиваетъ хорошую, вездѣ болѣе недостатковъ, нежели совершенствъ. Притомъ добродѣтели, проистекая изъ чистыхъ источниковъ, кажется, имѣютъ менѣе оттѣнокъ (sic), нежели пороки, которыхъ страсти образуютъ и дѣлаютъ чрезвычайно многообразными. Всякой день печатаютъ комедіи въ которыхъ осмѣиваются все новые, да новые пороки или слабости, достойныя сожалѣнія или смѣха—и когда это кончится?—И такъ я надѣюсь, что послѣднія замѣчанія мои не изгладятъ въ тебѣ хорошихъ понятій, которыя старался я сначала внушить тебѣ о Лицеѣ. — Люблю его, — онъ того достоинъ.—По крайней мѣрѣ я привязанъ къ нему, какъ къ отечеству, и всѣмъ готовъ жертвовать для его счастія.

1821 года.
Ноября 8.

Въ дополненіе къ помѣщеннымъ здѣсь памятникамъ литературныхъ занятій и упражненій воспитанниковъ III-го курса, нельзя не упомянуть здѣсь еще объ одной ихъ категоріи, образчики которой сохранились не въ бумагахъ отца, но были у меня въ рукахъ, бывъ одолжены мнѣ для ознакомленія—владѣльцемъ ихъ, внукомъ директора

Е. А. Энгельгардта, барономъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакеномъ [1]). Это именно—рукописныя *драматическія пьесы*, которыя игрались въ эту эпоху въ Лицеѣ воспитанниками не только III-го, но также II-го и IV-го курсовъ.

Пьесы эти *нѣмецкія* и *французскія*. Директоръ Энгельгардтъ видимо поощрялъ эти лицейскія спектакли, считая ихъ полезнымъ развлеченіемъ въ смыслѣ общаго развитія молодежи и усовершенствованія въ языкахъ. При дѣйствующихъ лицахъ въ этихъ пьесахъ обозначены и имена игравшихъ ихъ воспитанниковъ. Въ точности время исполненія обозначено только при одной (французской) пьесѣ—13 окт. 1818 г. Вѣроятно и прочія относятся приблизительно къ эпохѣ около 1820 г., когда воспитанники II курса были уже близки къ выходу изъ Лицея, а IV-го вскорѣ затѣмъ (ос. 1820) вступили въ Лицей, тогда какъ III-ій курсъ переходилъ въ старшее отдѣленіе.

Пьесы тщательно переписаны въ переплетенныя тетрадки разнаго формата. Ихъ всего восемь. Мы дадимъ ихъ краткій перечень, съ поименованіемъ участвовавшихъ воспитанниковъ:

I. Die Bildsäule Peters des Grossen.

Schauspiel in einem Akt.

II. Die Zerstreuten.

Ein Lustspiel (разыграна воспитанниками II курса).

Personen:

Staubwirbel, Major . . . . . *Eristoff.*
Menzkorn, Capitain . . . . . *Dansas.*
Karl, sein Sohn . . . . . *Dubensky.*
Christian, des Majors Diener . . . . . *Langer.*

III. Er ist nicht so dumm, wie er aussieht.

oder

Wer andern eine Grube gräbt fällt selbst hinein.

Posse in einem Akt, nach dem Französischen frei bearbeitet (исполнена тѣми же).

Personen:

Herr Mathias Federkiel, Notarius publicus. *Dansas.*

---

[1]) За что приношу ему мою искреннюю признательность.

Süsswedel, Apotheker und belesprit	Vettern.	*Eristoff.*
Baldrian Klau, Sohn eines Pächters		*Dubensky.*
Herrmann Müller, Schreiber bei dem Notariat.		*Tscharnysch.*
Johnathan, Bedienter Federkiel's		*Langer.*

IV. Der Sklavenhändler.

Lustspiel mit Gesang, in einem Akt (исполнена воспитанниками III курса, съ участіемъ нѣсколькихъ изъ IV).

Personen:

Ibrahim Pascha, Befelshaber einer Stadt .	*Samätnin.*
Osmin, Sklavenhändler	*M. Engelhardt*
Mulei, Aufseher der Sklaven	*W. Engelhardt.*
Baskakoff, Kapitain eines russischen Schiffes.	*Malinowsky.*
Filatieff, ein russischer Kaufmann . . .	*Popow.*
Don Diego Romudo Pinheiro v. Puerkow, Lastaurs de Kolibrados, ein spanischer Edelmann.	*Üxküll.*
Michel, Foset, zwei Sawojarden	*Annensky, Oseroff.*
John, ein englischer Matrose	*Smirnoff.*
Ein Beamter des Pascha.	*Kapher.*
Chor: *Nekliudow, Rittmeister, Mestmacher.*	*Kondratjew.*
Pagen des Pascha	*Kotzebu, Miller.*

Въ концѣ имѣется „*Musik-Beilage* zum Sklavenhändler".

V. La Banqueroute du Savetier.

(Исполнена вопитанниками II-го курса).

Personnages:

Laforme, cordonnier.		*Langer.*
L'Empeigne, savetier		*Chanykoff.*
Galopin, postillon		*Broussiloff.*
Commissionnaire	personnages épisodiques	*Doubensky.*
Un poète		*Tcharnych.*

VI. Les anciens amis de collège ou le rendez-vous du J. Fuin.

(Исполнена тѣми же, II-мъ курсомъ).

Personnages:

Mr. de Valmont, juge de paix dans une ville de province	*Dansas.*

Mr. Lormier, ancien recteur d'un collège dans la capitale, retiré dans une ville de province. *Langer.*

Derval, ci-devant magistrat, demeurant chez Valmont p. . . . . *Tcharnych.* } amis de collège

Belcourt, militaire . . . . . *Broussiloff.* } amis de collège

Henry Valmont, diplomate . . . . . *Dubensky.* } amis de collège

Victor, ancien serviteur de Derval et des deux amis . . . . . *Jachontoff.*

Finot, valet de Mr. Valmont . . . . . *Chanykoff.*

VII. L'enfance de Jean-Jacques Rousseau.

Comédie melée d'arriéttes, paroles d'après Andrieux; musique de Tepper. Représentée pour la première fois par les élèves du Lycée Impérial de Tsarskoje Selo; le 13 octobre 1818 (исполнено тѣми же).

Personnages:

Rousseau-père, horloger . . . . . *Dansas.*

Jean-Jacques, son fils . . . . . *Doubensky.*

Bernard, son cousin . . . . . *Chanykoff.*

Boulant, vieux militaire, oncle maternel de Jean-Jacques. . . . . *Eristoff.*

Vulson, membre du conseil de Génève, ami de Rousseau. . . . . *Broussiloff.*

Masseron, greffier de la ville . . . . . *Langer.*

Barnabas, son clerc . . . . . *Wassiltchikoff.*

Saint-Laurent, officier de la garde citoyenne *Ougrimoff.*

Officiers de la garde . . . . . *Charlamoff.*

Magistrat . . . . . *Numers.* *Savitch.* *Posniack.*

VIII. L'homme de bien et l'homme du monde.

Comédie en trois actes (разыграна воспитанниками III курса).

Personnages:

Valmont, homme de bien, rétiré du monde *Oubril.*

Mondor, homme du monde . . . . . *Rachette.*

Henri, neuveu de Mondor, élève de Valmont. *Annensky.*

Un avocat . . . . . *Samiatnine.*

Un procureur . . . . . *Popoff.*

Un commissaire. . . . . *Galahoff.*
Un huissier . . . . . *B. Engelhardt.*
Dubois, valet de Valmont . . . . . *M. Engelhardt.*

Въ бумагахъ, переданныхъ *Д. Н. Замятнинымъ* отцу моему, находился еще небезынтересный маленькій лицейскій его *альбомчикъ* въ зеленой кожѣ съ рисунками и собственноручными записями именъ товарищей-лицеистовъ (съ прибавленіемъ еще записей С. Г. Чирикова, А. Остенъ-Сакена и Матюшкина). Рисунки сепіей, акварелью и карандашемъ изображаютъ видъ Царскаго Села и другіе этюды. Изъ ихъ авторовъ — названы тутъ А. Бѣлуха (Кохановскій), А. Воронихинъ, А. Жадовскій. Между прочимъ есть портретъ-карикатура (карандашемъ) съ надписью:

Я Лангеръ Валерьянъ, Платоновъ
Сынъ, то есть Платоновичъ зовусь, позвольте Вамъ донесть
Соученикъ Тредьяковскаго.

Этотъ альбомчикъ переданъ мною 18 марта 1903 года въ Лицейскій Пушкинскій Музей.

Наконецъ, вѣроятно съ тѣми же бумагами попало въ нашъ Лицейскій архивъ нижеслѣдующее стихотвореніе, написанное послѣ 1822 г., какъ это видно по бумагѣ [1]).

Къ Временщику.

Надменной Временщикъ и подлой и коварной,
Монарха хитрый льстецъ, и другъ неблагодарный,
Неистовой тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ;
Изъ устъ твоихъ хула достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобой уничиженьемъ!
Могу-ль унизиться твоимъ пренебреженьемъ:
Коль самъ съ презрѣніемъ я на тебя гляжу,
И гордъ, что чувствъ твоихъ въ себѣ не нахожу?
Что сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?

---

[1]) Происхожденія этого стихотворенія, имѣющаго въ виду, должно быть, всесильнаго Аракчеева, мы совсѣмъ не знаемъ. Во всякомъ случаѣ это списокъ — неизвѣстной руки и позднѣйшій: на бумагѣ водяные знаки Charles Wise 1822.

Что власть ужасная и санъ твой величавой?
Ахъ! лучше скрыть себя въ безвѣстности простой,
Чѣмъ съ низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгаго своихъ согражданъ взора,
На судъ ихъ выставлять, какъ будто для позора!
Когда во мнѣ, когда нѣтъ доблестей прямыхъ,
Что пользы въ санѣ мнѣ, и въ почестяхъ моихъ?
Не санъ, не родъ —одни достоинства почтенны;
Сеянъ! и самые цари безъ нихъ презрѣнны,
И въ Цицеронѣ мной не Консулъ,—самъ онъ чтимъ,
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ...
О, мужъ, достойный мужъ! почто не можешь, снова
Родившись, согражданъ спасти отъ рока злова?
Тиранъ, вострепещи! родиться можетъ онъ!
Иль Кассій, или Брутъ, иль врачъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ!
Подъ лицемѣріемъ, ты мыслишь можетъ быть,
Отъ взора общаго причины зла укрыть...
Не зная о своемъ ужасномъ положеньи!
Ты заблуждаешся въ несчастномъ ослѣпленьи,
Какъ ни притворствуешь, и какъ ты не хитришь,
Но свойства злобныя души не утаишь.
Твои дѣла тебя изоблачатъ народу;
Познаетъ онъ—что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщикъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,
Все трепещи, тиранъ! за зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство!

IV.

Изъ лицейскихъ воспоминаній Я. К. Грота

(VI курса: 1826—1832).

Въ введеніи къ нашему сборнику, по поводу собиранія моимъ отцомъ реликвій и бумагъ I-го, Пушкинскаго курса, помѣщено нѣсколько воспоминаній его о пребываніи въ Лицеѣ и раннемъ благоговѣйномъ отношеніи его къ лицейской старинѣ, къ Пушкину и къ Пушкинскимъ преданіямъ. Эти воспоминанія заимствованы главнѣйшимъ образомъ изъ его извѣстной книжки, посвященной Пушкину и Лицею. Но свидѣтельства и впечатлѣнія Я. К. Грота, какъ воспитанника VI курса, столь близкаго къ Пушкинскому „шестилѣтію“ Лицея, еще окруженнаго его обстановкой и отчасти персоналомъ и какъ-бы дышавшаго той же духовной атмосферой, настолько важны и цѣнны, что будетъ вполнѣ умѣстнымъ остановиться на этомъ предметѣ здѣсь еще разъ, чтобы познакомить читателей вообще съ воспоминаніями Я. К. о пребываніи своемъ въ Лицеѣ, въ ихъ цѣломъ, вошедшими въ его „Автобіографическія Замѣтки“ [1]).

Въ дополненіе къ матеріаламъ этого сборника я считаю поэтому вполнѣ цѣлесообразнымъ помѣстить здѣсь это извлеченіе изъ „Замѣтокъ“ и присоединить къ нему, въ видѣ комментарія, нѣсколько извѣстій, документовъ (писемъ) и выдержекъ изъ личныхъ лицейскихъ бумагъ Я. К., сохраненныхъ имъ отъ пребыванія въ Лицеѣ.

Вотъ это извлеченіе изъ автобіографіи:

„Лицейскій пансіонъ[1]) служилъ тогда единственнымъ разсадникомъ для Лицея. Въ послѣдній переходили черезъ каждые три года 25 лучшихъ пансіонеровъ извѣстнаго возраста, и тамъ ученіе продолжалось шесть лѣтъ. На этомъ основаніи я и поступилъ 26-го августа 1826 года въ Лицей, гдѣ я съ самаго начала до конца считался первымъ воспитанникомъ по успѣхамъ и поведенію.

---

[1]) Автобіографическія замѣтки, см. „Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ“ Спб. 1895 и „Труды“ Я. К. Грота, т. V, стр. 5—12.

[1]) Гдѣ Я. К. Гротъ учился съ 1823 г. *К. Г.*

Лицей имѣлъ тогда назначеніемъ приготовлять молодыхъ людей для поступленія какъ въ высшія гражданскія вѣдомства, такъ и въ военную службу. Воспитанники не были обязаны, при самомъ поступленіи, избрать то или другое поприще, и потому всѣ проходили одинъ общій курсъ, соединявшій по возможности науки философскія (humaniora) съ юридическими. Еще въ послѣднее время царствованія Александра I на Лицеѣ отразилась общая перемѣна во внутренней политикѣ: Энгельгардтъ, при которомъ воспитанники дѣйствительно пользовались большой свободой, навлекъ на себя неудовольствіе Государя и былъ замѣненъ генераломъ Гольтгоеромъ, который до того былъ директоромъ такъ называемаго Дворянскаго полка и пріобрѣлъ репутацію начальника, умѣвшаго поддерживать строгую дисциплину. Дѣйствительно, онъ завелъ въ лицеѣ порядокъ, и нарушенія не проходили безнаказанно. Онъ былъ добрый, хотя и неученый нѣмецъ, впрочемъ, знавшій порядочно математику и потому ставившій ее выше всѣхъ наукъ. Содержали насъ не дурно, если взять въ расчетъ, что на каждаго воспитанника отпускалось въ сутки не болѣе 10 коп.

Изъ стѣнъ Лицея къ роднымъ и знакомымъ отпускали насъ по праздникамъ только на день, и мы не могли отлучаться никуда за предѣлы Царскаго Села и Павловска. Тотъ же порядокъ соблюдался даже и во время вакацій. Это въ сильной степени развивало между тогдашними лицеистами духъ товарищества и было благопріятно для занятій. Но слишкомъ большое разнообразіе предметовъ, которые намъ преподавались, и какое-то смѣшеніе гимназическаго курса съ университетскимъ вредило основательности ученія: въ составъ нашего курса входили историческія и политическія науки, и право, и высшая математика съ физикой. Изъ древнихъ языковъ насъ учили только латинскому, изъ новыхъ иностранныхъ французскому и нѣмецкому (англійскій былъ введенъ гораздо позднѣе).

Недостатокъ основательнаго обученія вознаграждали мы въ нѣкоторой мѣрѣ свободнымъ чтеніемъ: конечно, многіе ограничивались одними романами, но другіе читали также историческія сочиненія, классическихъ писателей и поэтовъ. Не надо забывать, что мы поступили въ Лицей только черезъ 9 лѣтъ послѣ выпуска Пушкива и Дельвига: преданіе о нихъ и ихъ товарищахъ было такъ еще свѣжо и не могло не имѣть большого вліянія на все наше умственное развитіе: любовь къ поэзіи и попытки въ стихотворствѣ сдѣлались между нами тѣмъ болѣе общими, что первый нашъ профессоръ по русской литературѣ—Кошанскій—поощрялъ это направленіе. Между профессорами было нѣсколько очень хорошихъ: Кошанскій по русской и римской литературѣ, Тилло по французской, Шульгинъ по географіи и статистикѣ, Врангель по правамъ и политической экономіи, Архангельскій по математикѣ. Послѣдній, къ сожалѣнію, скоро умеръ. Кошанскій

училъ насъ года два, Тилло года четыре. Преемники ихъ—Георгіевскій, Карцовъ и Жилле были совсѣмъ не то, но между тѣмъ первые уже успѣли возбудить въ нѣкоторыхъ изъ насъ любовь къ литературѣ и самостоятельному труду. По крайней мѣрѣ, я въ этомъ отношеніи считаю себя много обязаннымъ Кошанскому и Тилло.

Способъ преподаванія Кошанскаго и собственное притомъ одушевленіе не могли не возбуждать въ молодыхъ людяхъ любви къ поэзіи и литературѣ вообще. На первыхъ порахъ онъ познакомилъ насъ съ сельскими стихотвореніями Жуковскаго, съ Пушкинымъ, съ содержаніемъ поэмъ Гомера, съ Корнеліемъ Непотомъ и съ Федромъ [1]). Не знаю только, хорошо ли, что онъ задавалъ намъ сочиненія не только въ прозѣ, но и въ стихахъ; поданные ему труды онъ разбиралъ съ эстетической точки зрѣнія передъ цѣлымъ классомъ. Разъ онъ прислалъ намъ изъ Петербурга свой отзывъ на взятыя у насъ тетради, и какъ сильно подѣйствовала на насъ эта записка, въ которой между прочимъ была фраза: „Кто молодъ и чувствителенъ, тому стыдно не быть поэтомъ“ [2])! Мы всѣ и тянулись за Пушкинымъ, и хоть ни одинъ изъ насъ даже не приблизился къ нему, но мы рано выработали себѣ правильный языкъ и еще на школьной скамьѣ дѣлались литераторами. Въ числѣ лицейскихъ поэтовъ былъ и я; впрочемъ, я выбралъ на свою долю скромное поприще баснописца и выступалъ на немъ довольно рѣдко. Уроками Кошанскаго мы пользовались недолго, и я горько сожалѣлъ о томъ, кто называлъ меня „золотымъ воспитанникомъ“.

Тилло въ объясненіяхъ законовъ французской рѣчи требовалъ отъ насъ строгой отчетливости, а чтеніемъ писателей вѣка Людовика XVI и исторіей тогдашней литературы сильно развилъ въ насъ интересъ къ этой блестящей эпохѣ [3]). Благодаря ему, узналъ я теорію французскаго языка въ совершенствѣ и рано прочиталъ большую часть французскихъ классиковъ. Онъ самъ по моимъ порученіямъ покупалъ мнѣ въ Петербургѣ книги, на которыя я истрачивалъ всѣ свои маленькія средства.

Изъ наукъ я первое время съ особеннымъ увлеченіемъ занимался географіей и математикой, въ которой, по отзыву уважаемаго профессора Архангельскаго, имѣлъ „весьма основательныя познанія“. Любовь къ географіи умѣлъ возбудить во мнѣ своимъ оживленнымъ преподаваніемъ извѣстный профессоръ И. П. Шульгинъ; карты, которыя заставлялъ онъ насъ рисовать, занимали меня самымъ пріятнымъ образомъ.

---

[1]) Латинскимъ баснописцемъ, басни котораго были переведены на русскій языкъ Н. Ѳ. Кошанскимъ (1814 г., 2-е изд. 1832, раньше *Барковымъ*). Онъ же перевелъ и Корнелія Непота. *Я. Г.*

[2]) См. ниже въ Дополненіяхъ, I.

[3]) Тилло скончался въ 1830 г., См. ниже письмо къ Я. К. кн. А. В. Мещерскаго.

Исторію любилъ я также, но къ сожалѣнію преподаваніе ея мало соотвѣтствовало условіямъ пріобрѣтенія въ ней обширныхъ свѣдѣній.

На нравственное и религіозное мое развитіе, которому хорошее основаніе положено было въ родительскомъ домѣ, дѣйствовалъ много пасторъ Авенаріусъ, частью своимъ преподаваніемъ, частью церковными проповѣдями, иногда очень удачными по исполненію и всегда прекрасными по духу. Изъ гувернеровъ самый почтенный былъ Чириковъ, лицейскій ветеранъ, поступившій еще при первомъ выпускѣ. Онъ училъ рисованію, которому я съ дѣтства предавался страстно, самоучкою. Чириковъ высоко цѣнилъ мои успѣхи въ этомъ искусствѣ[1]); но скоро умственныя занятія совершенно отвлекли меня отъ него. По роду своихъ способностей и живой впечатлительности я пристрастился къ литературѣ, много читалъ, сочинялъ стихи, особенно юмористическіе, издавалъ рукописные журналы, которые самъ переписывалъ[2]). Не будучи особенно прилеженъ и даже подтрунивая надъ болѣе усидчивыми изъ товарищей, я успѣлъ однакожъ и въ Лицеѣ удержать пальму первенства по всѣмъ предметамъ, всего же болѣе отличался я въ языкахъ.

Подъ руководствомъ этихъ и другихъ наставниковъ духовное развитіе мое приняло совершенно созерцательное направленіе, къ чему много способствовала затворническая жизнь Лицея посреди живописной мѣстности, украшенной еще болѣе историческими воспоминаніями, а съ другой стороны, посреди самыхъ преданій заведенія, пріобрѣтавшихъ особенный блескъ отъ поэтической славы Пушкина и извѣстности многихъ другихъ лицъ, которыя тамъ же получили свое образованіе въ первыя времена Лицея. Къ этому надобно прибавить, что такъ какъ мы во всѣ 6 лѣтъ узаконеннаго лицейскаго курса не смѣли выѣзжать изъ предѣловъ Царскаго Села, то самый Петербургъ былъ для насъ какимъ-то отдаленнымъ и чуждымъ міромъ, куда мы могли переноситься только воображеніемъ, и ничто не выводило меня изъ моей чисто созерцательной жизни.

Міръ дѣйствительности ограничивался для меня стѣнами Лицея, окружавшими его садами и домомъ матери, которая, отдавъ и второго сына своего[3]) въ благородный пансіонъ, сама переселилась въ Царское Село. Я жилъ въ своихъ урокахъ и книгахъ, впрочемъ любилъ и порѣзвиться съ товарищами. Всѣ они считали дни, остававшіеся до выпуска, думали о будущей своей карьерѣ, о чинѣ, который каждаго ожидалъ, но меня это вовсе не занимало; я безпечно предавался своей склонности къ ученію, не думая о будущемъ, но впрочемъ и не отли-

---

[1]) Въ бумагахъ Я. К. сохранились два его лицейскихъ акварельныхъ рисунка, подтверждающихъ эту лестную оцѣнку Чирикова. *К. Г.*

[2]) См. еще ниже и „Дополненія“, III.

[3]) Константина Карловича (1815—1897)..

чаясь особеннымъ усердіемъ въ приготовленіи уроковъ. Я больше любилъ чтеніе, имѣвшее какую-нибудь связь съ преподаваніемъ.

Лицейское шестилѣтіе раздѣлялось тогда на 2 курса, изъ которыхъ каждый обнималъ три года. Всѣ воспитанники, независимо отъ неравенства успѣховъ, вмѣстѣ переходили изъ младшаго курса въ старшій. Отношеніе между обоими курсами (такъ назывались оба класса) было чисто патріархальное. Младшіе съ уваженіемъ, иногда даже съ подобострастіемъ смотрѣли на старшихъ, во всемъ брали съ нихъ примѣръ и готовы были слушаться ихъ даже болѣе своихъ наставниковъ. И у меня было между старшими нѣсколько друзей, изъ которыхъ одинъ казался мнѣ настоящимъ идеаломъ совершенства. Въ привязанностяхъ моихъ была съ самаго дѣтства какая-то мечтательная восторженность, придававшая имъ нерѣдко характеръ неограниченной приверженности. Таковы были и мои отношенія къ князю Мещерскому[1]). Онъ былъ также поэтъ, имѣлъ большую начитанность и вписывалъ въ особыя тетради извлеченія изъ книгъ, особенно ему нравившихся: я сталъ дѣлать то же, переписавъ сперва почти все изъ его готовыхъ тетрадей.

Уже въ младшемъ курсѣ я постоянно велъ подробныя записки на лекціяхъ русской географіи, читанныхъ профессоромъ Шульгинымъ. Въ старшемъ курсѣ я продолжалъ составлять такія записки по статистикѣ и нравственной философіи. Такъ какъ я ихъ тщательно обрабатывалъ и переписывалъ въ неклассное время, то онѣ много способствовали къ облегченію мнѣ искусства владѣть русской прозой. Это напоминаетъ мнѣ одно обстоятельство еще во время моей пансіонской жизни. На 12-мъ году сталъ я переписывать тетрадь, заключавшую въ себѣ географію Россіи. Я до сихъ поръ очень хорошо помню, какъ меня поражала въ ней нѣкоторая неловкость слога и какъ я, переписывая ее, безпрестанно поправлялъ въ ней выраженія, укорачивалъ или упрощалъ фразы и иногда исключалъ *сей* и *оный*, которыхъ и въ дружеской перепискѣ терпѣть не могъ.

Ту же пользу, какъ записки, имѣли для меня литературные журналы[2]), которые я началъ издавать въ старшемъ курсѣ: кромѣ моихъ собственныхъ опытовъ въ стихахъ и прозѣ, въ нихъ помѣщались труды моихъ товарищей. Эти журналы, подъ заглавіемъ: *Лицейскій Вѣстникъ* и *Муравей*, не имѣли, впрочемъ, никакого дѣльнаго направленія и были только тѣмъ хороши, что доставляли намъ упражненіе

---

[1]) Кн. А. В. Мещерскій былъ воспитанникомъ V курса (1829). Онъ, между прочимъ, имѣлъ слабость писать французскіе стихи, что ему отсовѣтовалъ Пушкинъ. Кн. М. позже (въ 40-хъ годахъ) служилъ въ Варшавѣ. *Я. Г.*—Срв. о немъ Я. К. Грота „Пушкинъ, etc.“, стр. 9, 43. См. ниже „Дополненія“, II.

[2]) См. о нихъ ниже „Дополненія“, III.

въ изложеніи мыслей и могли служить путемъ къ раскрытію рода и степени нашихъ способностей. Этимъ не ограничивались мои литературные опыты: я написалъ русскими стихами траги-комедію Мидасъ, въ представленіи которой самъ участвовалъ вмѣстѣ съ товарищами въ костюмахъ, нами же изготовленныхъ Это былъ не первый дебютъ мой въ искусствѣ актера: въ младшемъ курсѣ на первомъ году сыграли мы однажды предъ приглашенной публикой Расинову трагедію *Esther* (на французскомъ языкѣ), въ которой я исполнилъ роль главной героини; въ другой разъ игралъ я въ Расиновой же комедіи: *les Plaideurs*.

Между новыми для меня науками, которыми я занимался съ особенною охотою въ старшемъ курсѣ, была физика. Въ этотъ же періодъ ученія полюбилъ я нѣмецкую литературу и читалъ съ особеннымъ наслажденіемъ драматическія произведенія Шиллера и Гёте; французская классическая литература стояла для меня уже на второмъ планѣ. Толки о классицизмѣ и романтизмѣ, о субъективной и объективной поэзіи находили отголосокъ и въ нашихъ залахъ. Правда, я не доходилъ до односторонности, которая рѣшительно отвергаетъ достоинство въ произведеніяхъ писателей вѣка Людовика XIV, но мои досуги уже принадлежали предпочтительно Шатобріану, Бюффону, Бернардену, Вальтеръ-Скотту и первымъ представителямъ германской литературы, почему и лекціи нѣмецкаго профессора Оливы пріобрѣли для меня особенную занимательность.

Въ первые годы моего пребыванія въ Лицеѣ я, хотя по религіи и протестантъ, по духу и языку былъ болѣе русскій, нежели нѣмецъ; въ старшемъ курсѣ я, не переставая признавать Россію своимъ отечествомъ, научился, однако-жъ, цѣнить свое германское происхожденіе въ отношеніи къ языку и наукѣ. Но вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей живо уже сочувствовалъ современной русской литературѣ. Не говоря о лучшихъ произведеніяхъ, которыя тогда въ ней появились и которыя мы съ жадностью читали немедленно по выходѣ ихъ, какъ напр., позднѣйшія главы Евгенія Онѣгина, Полтаву,—мы слѣдили и за періодическою литературою: прилежно читали Сѣверную Пчелу, Телеграфъ, Сынъ Отечества, Телескопъ и, кажется, Московскій Вѣстникъ. Особенно интересовала насъ Литературная газета предка нашего по Лицею, барона Дельвига, съ которымъ я былъ лично знакомъ; послѣдовавшая вскорѣ неожиданная кончина его произвела на меня сильное впечатлѣніе. Въ его газетѣ въ первый разъ напечатаны были написанныя мною строки: профессоръ Тилло, желая обличить петербургскаго учителя Ферри де Пиньи, который подъ своимъ именемъ издалъ записки его о французской литературѣ, написалъ объ этомъ статью и просилъ меня перевести ее на русскій языкъ,—этотъ-то переводъ

мой и былъ помѣщенъ въ Литературной газетѣ[1]); кажется, въ этой же газетѣ читалъ я съ большимъ сочувствіемъ статью Плетнева о смерти Дельвига[2]). Имя Плетнева было также мнѣ извѣстно изъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ, которые мы постоянно читали, какъ и всѣ выходившіе въ то время альманахи. Трудно описать свѣжесть и пріятность впечатлѣній, которыя доставляла мнѣ всякая литературная новость, отвѣчавшая потребности молодой души въ эстетическихъ наслажденіяхъ.

Жадность къ расширенію этихъ наслажденій въ области литературы, а можетъ быть и неясная мечта о будущихъ путешествіяхъ возбудила во мнѣ желаніе узнать еще нѣкоторые изъ европейскихъ языковъ, и я началъ съ итальянскаго. Безъ всякаго живого руководителя я изучалъ этотъ языкъ по однѣмъ книгамъ, но черезъ два-три мѣсяца могъ уже говорить и писать на немъ, какъ оказалось при случайномъ знакомствѣ съ однимъ жившимъ въ Царскомъ Селѣ итальянцемъ. Я читалъ Тасса, Метастазіо, Боккачіо, Манзони и особенно трагедіи Альфіери, о которыхъ къ публичному экзамену написалъ на нѣмецкомъ языкѣ длинное разсужденіе. При изученіи итальянской грамматики мнѣ показалось, что теорія глаголовъ нигдѣ не изложена удовлетворительно, а потому я тогда написалъ на итальянскомъ языкѣ особенное сочиненіе объ этомъ предметѣ, которое до сихъ поръ у меня цѣло[3]). Оно посвящено было одному изъ товарищей моихъ (курляндцу Бреверну [4]), который также занимался этимъ языкомъ. Не одинъ онъ увлекался моимъ примѣромъ: было три или четыре воспитанника, которымъ я давалъ уроки въ итальянскомъ языкѣ; однако-жъ ихъ охота скоро прошла, и ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ замѣтныхъ успѣховъ. Была ли то вина учителя или учениковъ—не знаю. Но я еще и послѣ Лицея усердно продолжалъ свое знакомство съ итальянской литературою и даже подбилъ къ тому же брата своего, который оставался послѣ меня въ Лицеѣ и далъ уговорить себя переписываться со мною по-итальянски. Изъ біографіи дѣда моего узналъ я послѣ, что и онъ въ молодости своей, по собственной охотѣ, выучился итальянскому языку.

Я выпелъ изъ Лицея на 20-мъ году, въ іюнѣ 1832 г. Изъ Лицея вынесъ я общую привязанность къ заведенію, къ тамошней жизни, ко всѣмъ наставникамъ, а особливо къ тѣмъ, которые отличались чѣмъ-либо пріятно-оригинальнымъ или, какъ ветераны Лицея, служили проводниками его преданій.

---

[1]) Замѣтка профессора Тилло о „Курсѣ французской литературы Ферри де Пиньи“. *Литературная Газета* барона Дельвига, 1830 г., № 29, критика, стр 233—234. *Я. Г.*

[2]) 1831 г. 16 января, № 4 (некрологъ).

[3]) См. также „Дополненія“, IV.

[4]) Иванъ Христофоровичъ Бреверн, впослѣдствіи сенаторъ.

Хочу воспользоваться случаемъ, чтобъ уяснить себѣ и другимъ, чѣмъ могъ бы я быть по элементамъ, полученнымъ отъ природы, и чѣмъ сдѣлался по вліянію воспитанія и обстоятельствъ. Я уже сказалъ, что до вступленія въ пансіонъ я имѣлъ очень мало знаній; при всемъ томъ хорошимъ началомъ въ языкахъ (въ грамматикѣ) положено было твердое основаніе будущимъ успѣхамъ въ наукахъ. И въ годы моего пребыванія въ пансіонѣ ученіе мое шло, какъ нельзя лучше: при переходѣ въ Лицей я для 13-ти-лѣтняго возраста зналъ уже довольно изъ исторіи и географіи, изъ геометріи и алгебры, изъ латинскаго языка, и особенно могъ хорошо выражаться не только словесно, но и письменно на трехъ живыхъ языкахъ. Чего не могли бы сдѣлать изъ меня въ Лицеѣ съ такими началами при моей любознательности и стремленіи впередъ! Но надобно отдать справедливость тамошнимъ моимъ наставникамъ; всѣ они, за исключеніемъ двухъ или трехъ, очень плохо понимали и цѣль свою и средства, которыя надобно было употреблять при обученіи. Правда, впрочемъ, что и неравенство воспитанниковъ составляло немалое къ тому затрудненіе. Вмѣсто того, чтобы развивать въ насъ охоту распространять чтеніемъ свѣдѣнія по предметамъ преподаванія, они строго держались своихъ краткихъ учебниковъ, большею частью очень плохихъ, какова была особенно *Исторія* Кайданова. Чтеніемъ же нашимъ никто не руководилъ, кромѣ воспитанниковъ старшаго курса, которые также были слишкомъ предоставлены самимъ себѣ. Мы читали произведенія изящной словесности, но связи между преподаваніемъ и чтеніемъ не искали, или по крайней мѣрѣ, не довольно о ней заботились. Кошанскаго скоро смѣнилъ Георгіевскій, человѣкъ очень хорошій, но преподаватель бездарный, и успѣхи мои въ латинскомъ языкѣ тогда же почти остановились на все продолженіе лицейскаго курса.

Самое назначеніе Лицея благопріятствовало поверхностно-энциклопедическому ученію. Въ воспитанникахъ господствовало всегда предубѣжденіе противъ латинскаго языва, и къ несчастью—говоря о массѣ—даже противъ прилежанія. Надъ тѣмъ, кто много сидѣлъ за своими занятіями, лѣнивые ученики подтрунивали, а кто хорошо училъ уроки, того называли долбней. Я, не имѣя по живости характера склонности безпрестанно заниматься уроками и еще менѣе слишкомъ буквально держаться тетрадей, не навлекалъ на себя нареканія товарищей. Пользуясь хорошей памятью и понятливостью, я легко схватывалъ уроки, но зато легко и забывалъ ихъ. Еще недоставало мнѣ привычки сосредоточивать вниманіе, такъ что, если лекція не была особенно интересна, я слушалъ ее невнимательно, да и во время уроковъ легко развлекался другими предметами. Но легкость пониманія и толковость, которой я отличался, а также знаніе языковъ и умѣніе выражаться, вмѣстѣ съ почтительностью къ наставникамъ и совѣстливостью въ по-

ступкахъ, доставили мнѣ у всѣхъ преподавателей самое блестящее мнѣніе.

Къ стыду моему я долженъ сознаться, что, замѣтивъ такую выгоду, я сталъ ею пользоваться и часто не училъ уроковъ, по крайней мѣрѣ, сухихъ и скучныхъ. Такъ И. П. Шульгинъ въ послѣдніе годы совсѣмъ пересталъ меня спрашивать изъ географіи, зато и зналъ я довольно плохо Африку и Австралію. Во время скучныхъ лекцій я читалъ постороннія книги—дѣло очень обыкновенное въ Лицеѣ. Такимъ образомъ вышелъ я оттуда съ меньшими познаніями, нежели могло бы быть, еслибъ дано было лучшее и болѣе серіозное направленіе моей любознательности и еслибъ самое преподаваніе по нѣкоторымъ предметамъ сообщало болѣе точныя, ясныя, полныя и основательныя свѣдѣнія. Не говорю уже о томъ, что моей любви къ рисованью дали совершенно охладѣть и таланту въ этомъ искусствѣ—заглохнуть въ ложномъ убѣжденіи, будто это ни къ чему пригодиться не можетъ.

Изъ профессоровъ послѣдняго времени выше всѣхъ по преподаванію стоялъ И. П. Шульгинъ, который питалъ ко мнѣ особенное расположеніе и безъ всякаго съ моей стороны ходатайства, даже безъ моего вѣдома отрекомендовалъ меня кн. Кочубею, предсѣдателю комитета министровъ, вслѣдствіе чего и поступилъ я въ канцелярію этого комитета. Такъ не осуществилась мечта моя по выпускѣ изъ Лицея поступить на дипломатическое поприще, которое нѣкогда проходилъ довольно успѣшно мой дядя Цизмеръ[1]). Съ Шульгинымъ продолжались мои сношенія долгое время послѣ выпуска; я посѣщалъ его на дому и ходилъ иногда слушать его университетскія лекціи по исторіи (когда университетъ былъ еще въ Семеновскомъ полку). Поступивъ подъ начальство управлявшаго дѣлами комитета министровъ барона Модеста Андреевича Корфа, вышедшаго изъ Лицея же вмѣстѣ съ Пушкинымъ, я вскорѣ былъ приближенъ къ нему и получилъ приглашеніе жить у него въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ на дачѣ и такимъ образомъ помогать ему въ его служебныхъ занятіяхъ[2]).

---

[1]) Як. Ив. Цизмеръ, братъ матери Я. К., служилъ въ министерствѣ иностр. дѣлъ и былъ близокъ къ Н. И. Панину. (См. о немъ „Переписка Г. съ Плетневымъ“, т. II, стр. 292 и 299). *К. Г.*

[2]) Первое знакомство Я. К. Грота съ бар. М. А. Корфомъ состоялось также черезъ И. П. Шульгина. Въ бумагахъ Я. К. сохранилась записочка Шульгина, оставленная имъ у Я. К. на дому 16 авг. 1832 г., въ которой онъ сообщаетъ, что Корфъ приказалъ ему притти на другой день, 17 авг. въ 10 ч. у., и объясняетъ его адресъ *К. Г.*

Дополненія къ замѣткамъ.

I.

Записка проф. Кошанскаго, присланная имъ въ 1827 г. воспитанникамъ VI-го курса при возвращеніи ихъ поэтическихъ опытовъ.

Хвала и честь пѣвцамъ Лицея!...

Мечты юности возвращаютъ младость и старцу. Я чувствовалъ это, читая Лицейскій Цвѣтникъ [1]), воспоминалъ былое, сравнивалъ прошедшее съ настоящимъ—и мнѣ казалось, что слышу первыя пѣсни Лицея, звуки родины, голосъ *праотцевъ*, воскресшій въ любезныхъ потомкахъ,— и самъ становился моложе годами 18-ю.

Друзья-Поэты! Лицей есть храмъ Весты, въ которомъ не гаснетъ огонь Поэзіи святой; онъ горитъ невидимо, и его питаетъ Добрый Геній... (genius loci).

Любезный Миллеръ умѣетъ говорить и языкомъ Поэзіи и языкомъ сердца—сила чувствъ его смягчается легкостью и красотою слога. Его „*Къ Лицею*“ прекрасно. „И въ прозѣ гласъ слышенъ соловьинъ“, но кто скажетъ? когда Мирославъ освободитъ сестру свою?...

Эйхенъ рѣшителенъ и отваженъ, рѣшимость его достигаетъ цѣли,— его „Къ Б.“ очень удачно. Въ немъ, кажется, что-то зрѣетъ.

Горчаковъ, Гротъ, Швыйковскій—милые пѣвцы Лицея! Ихъ первыя пѣсни пріятны, какъ воспоминанія прошедшей радости. Кто молодъ и чувствителенъ душою, тому непростительно не быть поэтомъ.

Незнаемый пѣвецъ Гаральда чувствителенъ къ звукамъ гармоніи.

Благодаря за удовольствіе, винюсь, что имѣлъ слабость продлить его и упустилъ первый случай возвратить „Цвѣтникъ“. Теперь печатаю наказъ въ ожиданіи первой и *вѣрной* руки, которая приметъ его отъ меня и доставитъ въ вѣрныя руки.

II.

Изъ лицейской переписки Я. К. Грота.

I.

Кн. А. В. Мещерскій (о немъ см. упом. выше стр. 118), съ которымъ отецъ мой такъ подружился въ Лицеѣ—хотя онъ былъ старше цѣлымъ курсомъ (т. е. трехлѣтьемъ),—вышелъ изъ Лицея въ 1829 г.

---

[1]) Одинъ изъ журналовъ издававшихся на VI курсѣ. См. ниже. *К. І.*

съ чиномъ IX кл., и поступилъ на службу въ Министерство Финансовъ, въ канцелярію Департамента внѣшней торговли. По оставленіи Лицея онъ не порвалъ съ нимъ связи и дѣятельно переписывался съ товарищами. Пачка писемъ (на франц. и русск.) къ Я. К. (1829—1832) сохранилась въ бумагахъ отца. Помѣщаемыя здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этихъ писемъ, живо характеризуя автора, свидѣтельствуютъ о прочности тѣхъ товарищескихъ связей, которыя создавались въ Лицеѣ, и о томъ идеализмѣ и тѣхъ поистинѣ свѣтлыхъ воспоминаніяхъ, которыя старый Лицей оставлялъ въ своихъ питомцахъ.

Ce 30 d'Auguste 1829. Toultchine.

. . . Я недавно въ Польскомъ театрѣ сидѣлъ подлѣ полковника Корнилова[1]), который изъ 1-го курса. Я его совсѣмъ не зналъ, когда онъ въ первый разъ заговорилъ со мной такъ дружески, что я удивился; прямо началъ объ мундирѣ (который *я* все еще ношу) и который онъ съ радостью узналъ.

Въ минуту мы сблизились и коротко познакомились; ты знаешь, что я въ эдакихъ связяхъ болѣе inflamable, нежели въ любви: я слышалъ отъ Мартыновой, что онъ такъ любитъ Лицей, говоритъ объ немъ съ такимъ восхищеніемъ (12 лѣтъ послѣ выпуска), что Мартынова и другія говорятъ: „Еслибъ у меня былъ сынъ, я не была бы спокойна, пока не знала бы, что онъ принятъ въ Лицей“.—Вотъ какъ подѣйствовалъ панегирикъ Корнилова. Его даже не считали ослѣпленіемъ, пристрастіемъ; въ эдакомъ случаѣ и пристрастіе идетъ въ похвалу заведенія. Я *содержусь* къ Корнилову—какъ меньшой Лицейскій—къ старшему. Лѣта и служба не перемѣняютъ этого содержанія, или отношенія.

Я не хочу надоѣдать твоимъ товарищамъ упреками за ихъ молчаніе; я не хочу никакого принужденія въ нашей дружбѣ. Но нельзя не поблагодарить тебя, другъ мой, за твои письма. Они меня и радуютъ и веселятъ. Мы очень смѣялись надъ замѣчаніемъ Хозровъ-Мирзы. — Зачѣмъ ты говоришь: Quand notre Lycée le reverra? Что я за рѣдкая птица для Лицея? это *я* имъ только живу. Sais-tu que cette phrase est un crime de lèse nation.—Однако полно придираться . . . . . .

Твой другъ и товарищъ
Мещерскій.

---

[1]) Товарищъ Пушкина А. А. Корниловъ.

Въ департ., 24 мая 1830 (С.-Петербургъ).

. . . Мнѣ Егоръ Антоновичъ давно говорилъ объ любезномъ, радушномъ пріемѣ, которымъ Вы его обрадовали, и по которому онъ узналъ въ Васъ истыхъ Лицейскихъ. Поете-ли вы „Шесть лѣтъ“? Недавно, въ день рожденія Шванебѣса[1]) мы затягивали у него хоромъ: я soprano fortissimo и т. д. Я собирался на этихъ дняхъ въ Лицей *прійти* пѣшкомъ, какъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ, вмѣстѣ съ Турновымъ и Рукташелемъ. Но не думаю, чтобы удалось; а развѣ недѣли черезъ двѣ пріѣду въ омнибусѣ (или: *ой-небось!..*).

Вотъ опять двоихъ изъ нашихъ не станетъ въ Питерѣ, пора вамъ ихъ замѣстить, друзья мои; или нѣтъ, лучше жуируйте въ Лицеѣ покуда часъ вашъ не притече и время не совершися. Успѣетъ Вамъ надоѣсть Петербургъ. Я радъ, что всѣ наши одного мнѣнія со мною на этотъ счетъ. Фаминцину въ Питерѣ не сидится; онъ въ восхищеніи отъ Ц. С.

Прощай, другъ мой, Деларю меня дожидаетъ и вѣрно проклинаетъ, покуда я съ Вами растарабарываю.

Твой другъ и товарищъ
Мещерскій.

16 октября 1830.

. . . Какъ А. Д. сожалѣла объ Тилло[2])! И въ самомъ дѣлѣ—невозвратимая потеря! Еслибъ самого Villemain сдѣлать профессоромъ Лицея и С.-Петербургскаго Университета, то онъ бы своимъ краснорѣчіемъ не замѣнилъ педагогики нашего Тилло. Онъ единственный въ этомъ родѣ. Дня четыре передъ смертью онъ мнѣ говорилъ объ одномъ нововведеніи, которое онъ сдѣлалъ у васъ, и оно мнѣ кажется прекрасно. Способъ взаимнаго экзаменованія. Какъ онъ успѣлъ примѣниться къ лицамъ, къ временамъ и къ обстоятельствамъ въ преподаваніи: что курсъ, то какая-нибудь перемѣна, и никогда безъ причинъ. Какъ онъ хвалилъ васъ въ послѣдній разъ, когда я былъ у него и читалъ ему: „Mémoires de Bourienne; и какъ мое „родительское“ сердце радовалось при каждомъ его словѣ!... Вы вѣрно знаете всѣ подробности его послѣднихъ минутъ . . . . . .

Прощай, душа моя, кланяйся твоимъ товарищамъ отъ Вашего общаго друга

А. Мещерскаго.

---

[1]) Т. е. товарища пхъ Шванебаха.

[2]) Преподавателя франц. языка въ Лицеѣ, тогда скончавшагося, о которомъ см. отзывъ Я. К. въ его „Замѣткахъ“.

5 ноября 1830. Петербургъ.

Спасибо, душа моя, что ты съ такою заботливостью берешь на себя мои комиссіи, которыми ужъ я тебѣ вѣрно надоѣлъ. Ты себѣ представить не можешь, какъ меня радуетъ, когда, возвращаясь домой вечеромъ, я нахожу на столѣ письма изъ милаго Царскаго Села—изъ Лицея, которому мало всѣхъ эпитетовъ; когда я могу кончить день часто скучный, томительный—мысленно бесѣдою съ вами.

Еслибъ вы знали, какъ письма ваши меня веселятъ, вы бы мнѣ писали вѣрно чаще, не дожидаясь даже отвѣта, которымъ мнѣ трудно заняться; вы сами скоро въ этомъ убѣдитесь.

Твое письмо, даже объ предметахъ постороннихъ, переноситъ меня въ *другое мѣсто, въ другую эпоху, въ Лицей, гдѣ все дышетъ изящнымъ, великодушнымъ, гдѣ каждая мысль—поэзія, каждое чувство—патріотизмъ.*—Въ одинъ вечеръ, лежа въ постели, я печально сравнивалъ прошлое съ настоящимъ и остановился на первомъ; переходя отъ мечты къ воспоминаніямъ, я разгулялъ совершенно сонъ, забылъ гдѣ я, и только въ 6 часовъ утра природа взяла свое, не знаю самъ—какимъ образомъ тоже продолжалось во снѣ, что на яву было начато.

На другой день послѣ почти безсонной ночи я былъ въ духѣ (что бываетъ рѣдко), веселъ, живъ и любезенъ. Такъ-то потребности души и воображенія по временамъ замѣняютъ мнѣ всѣ физическія потребности, и сонъ и пищу и движеніе!—Такія минуты приходятъ Богъ знаетъ отъ чего, но онѣ тѣмъ болѣе памятны, чѣмъ онѣ рѣже; и я измѣряю жизнь мою не событіями (которыя слишкомъ обыкновенны), но подобнымъ расположеніемъ духа...

Напиши мнѣ про ваши mesures sanitaires въ Лицеѣ [1]); говорятъ къ вамъ не попадешь... Говорятъ, что васъ лучше кормятъ и одѣваютъ и берегутъ, какъ подобаетъ беречь такихъ рѣдкихъ малыхъ, какъ ваша братья...

Прощай, мой милый другъ, цѣлую мысленно тебя и твоихъ товарищей и пребываю во вѣкъ

Твой другъ Мещерскій.

Ноября 20. 1830. Петербургъ

(Къ товарищамъ).

Ah! vive la bienfaisance!
C'est la vertu de nos jours.
On n'entend parler en France
Que de donner des secours.

Предлагаю вамъ, друзья мои, случай не отстать въ этомъ отношеніи отъ Франціи.

[1]) По случаю холеры.

Бѣдная вдова, у которой два сына убиты въ послѣднюю кампанію и у которой отняли пенсію и послѣдній кусокъ хлѣба, разсказала свое положеніе Деларю, и нашъ добрый поэтъ хочетъ напечатать въ ея пользу новую свою пьесу *Ангелъ смерти и Ангелъ сна*, и беретъ три экземпляра. Баронъ Дельвигъ взялъ на себя изданіе этой пьесы и печатныя издержки.—Каждый экземпляръ по три рубля.

Мы надѣемся, что всѣ теплые Лицейскіе присоединятся въ этомъ случаѣ къ роднымъ: поэту, издателю и подписчикамъ. Снеситесь объ этомъ же съ Фаминцынымъ, съ кѣмъ хотите изъ гувернеровъ и вашихъ меньшихъ и знакомыхъ (на васъ главная надежда несчастной) и отвѣчайте мнѣ скорѣе черезъ Грота, который знаетъ, какъ все это справить.

Вашъ другъ и товарищъ
Мещерскій.

25 ноября.

Сто разъ благодарю тебя, мой добрый Гротъ, за твою одолжительность, т. е. за тетради, которыя Фаминцынъ мнѣ привезъ. Дай Богъ, чтобы я имѣлъ случай и способъ отплатить тебѣ такимъ же комплезансомъ, когда-нибудь.

Твой Мещерскій.

2.

Кромѣ писемъ кн. Мещерскаго въ бумагахъ Я. К. Грота сохранилось нѣсколько рукописей другого его товарища и однокурсника (VI к.) Ник. Горчакова, оставившаго Лицей въ 1829 г., (т. е. послѣ 1-го трехлѣтія) и поступившаго на военную службу. Осенью того же года онъ отправился въ дѣйствующую армію, прямо на югъ Россіи (см. въ журн. „Лицейскій Муравей“ № 4 упоминанія о немъ). Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна. Въ Лицеѣ Горчаковъ принадлежалъ къ числу поэтовъ, участниковъ лицейскихъ журналовъ и былъ очень любимъ товарищами; о немъ съ похвалой упоминаетъ Кошанскій въ своемъ вышеприведенномъ письмѣ. Вѣроятно, на этой литературной почвѣ онъ сблизился и съ Я. К. Гротомъ. Не лишены интереса начало его „Записокъ лицейскаго воспитанника“, предназначенныхъ имъ для лицейскаго журнала „Цвѣтникъ“[1]), и два сохранившіяся письма къ Я. К.; считаю умѣстнымъ напечатать этотъ отрывокъ и одно изъ писемъ.

[1]) Онѣ были помѣщены въ журналѣ Я. К. Грота „Лицейскомъ Муравьѣ“ № 1, 2, 3 и 4.

Записки Лицейскаго Воспитанника.

...Куда-бъ ни бросила судьбина
И счастье куда-бъ ни завело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ — чужбина,
Отечество намъ Царское Село.

Петербургъ. Іюля—1829 г.

Послѣ горестной съ вами разлуки, друзья мои, я пошелъ къ Троицкому [1]), но такъ какъ я еще не всѣхъ васъ прижалъ къ моему сердцу, то пошелъ по той улицѣ, по которой возвращаются Павловскіе жители, чтобы по возможности со всѣми проститься. И я такъ былъ счастливъ, что встрѣтилъ Крузена и Шторха,—ахъ какъ сердце мое билось, грудь моя трепетала и, кажется, всѣ мои чувства превращены были въ слезы,— онѣ лились по щекамъ моимъ, и я совершенно себя не помнилъ. Памятно мнѣ только то, что долго смотрѣлъ я вслѣдъ моимъ товарищамъ и радовался тому, что и маленькій Шторхъ, совершенно чужой мнѣ, и тотъ былъ тронутъ нашею разлукой. Нѣтъ, не падетъ долго духъ Лицея, и въ меньшомъ курсѣ есть добрые люди!..—Наконецъ, когда мнѣ надобно было поворотить въ Пансіонъ, я посмотрѣлъ слезящимися глазами на родной Лицей, нашу обитель, мои милые, вспомнилъ объ васъ, и слезы снова полились ручьями. Кто можетъ мнѣ сказать, кто можетъ меня утѣшить, что я еще васъ увижу, прижму къ моему сердцу и побываю въ благословенномъ Лицеѣ?—*Господи, храни Лицей!..* сказалъ я, скрѣпился духомъ, побрелъ къ Троицкому, но на каждомъ почти шагу долженъ былъ останавливаться; но потомъ, давъ волю течь моимъ слезамъ, дошелъ кое-какъ до моего ночлега. По пріѣздѣ въ Петербургъ я былъ цѣлый день самъ не свой, всѣ безпокоились о моемъ здоровьѣ, и въ самомъ дѣлѣ я былъ боленъ, но только не тѣломъ, а душою. Съ 29-го числа прошедшаго мѣсяца я уже считаюсь въ полку и въ скоромъ времени надѣюсь туда отправиться. Къ 6-му числу у меня будетъ уже мундиръ, но это меня не радуетъ, потому что галунъ можетъ ли замѣнить золотыя петлицы, и Егерскій мундиръ замѣнитъ ли Лицейскій, не говоря уже о томъ, каковы будутъ мои сослуживцы, будутъ ли они хотя малѣйшею чертою походить на моихъ друзей-товарищей. Вы, я думаю, давно знаете о взятіи Силистріи, но объ этомъ въ просвѣщенной столицѣ Сѣвера ничего не говорятъ и большая часть умовъ занята похищеніемъ и супружествомъ дочери графини Строгановой съ кавалергардомъ графомъ Ферзеномъ. Опъ, какъ сказываютъ,

---

[1]) Вѣроятно В. Д. Троицкій, адъюнктъ-проф. въ Лицеѣ, о которомъ упоминается ниже. *К. Г.*

давно хотѣлъ на ней жениться, но неизвѣстныя причины тому воспрепятствовали. Но кто можетъ удержать любовь? Любовники, въ то время какъ прочіе предавались на дачѣ успокоенію, находили случай (хотя изъ оконъ) показывать другъ другу страстными взорами, сколь они любятъ, наконецъ часъ насталъ (въ то время 30-го числа, какъ я былъ у васъ), юная графиня, хотя нѣсколько разъ обнаруживала, что имѣетъ нѣкоторое предпріятіе, но это не мѣшало ей выйти изъ-за ужина, пробраться къ каретѣ, которая ее ожидала, и вмѣстѣ съ возлюбленнымъ ѣхать въ Тайцы и тамъ обвѣнчаться. На другой день мать ея обо всемъ узнала, но, къ счастію, тотчасъ же простила, прося скорѣе пріѣхать, чтобы принять родительское благословеніе.

Кто говоритъ pro, кто contra, но я, хотя не говорю ни того, ни другого, но болѣе держусь pro, потому, что самъ бы это сдѣлалъ.— Кстати сказать вамъ: весь полкъ помогалъ въ похищеніи, особенно Бревернъ, который, если не ошибаюсь, былъ и шафером. Дай Богъ счастія новобрачнымъ, я скоро надѣюсь ихъ посмотрѣть.

(Продолженіе походнымъ запискамъ лицейскаго воспитанника).

Итакъ, я скоро отправляюсь,—сказалъ я самъ себѣ, когда узналъ, что Сигизмундъ соглашался со мною ѣхать. Мы рѣшили, чтобъ соименникъ короля польскаго взялъ меня за заставой, или въ Царскомъ, или наконецъ въ Гатчинѣ. Весь четвергъ прошелъ въ приготовленіяхъ, служили молебенъ въ путь шествующимъ, и престарѣлый священникъ Каменноостровской церкви, окропивъ меня Святою водою, далъ мнѣ нѣкоторыя наставленія, въ которыхъ какъ въ зеркалѣ отражалась его добрая душа. Въ 12 часовъ ночи я отправился съ вѣрнымъ слугою за заставу—ночь была свѣтлая, изрѣдка слышенъ былъ окликъ часовыхъ и, наконецъ, добрели мы до заставы. Меня пропустили не опрашивая, но надо было дать знать Сигизмунду, что я за заставой. По этой причинѣ я пошелъ на гауптвахту, подалъ писарю билетъ мой: онъ вздѣлъ очки на вздернувшійся носъ свой, но очки не помогали ему читать. Сжалясь надъ добрымъ человѣкомъ, который не разбираетъ скорописнаго, я прочелъ ему билетъ 2 раза, и писецъ уразумѣлъ сокрытыя въ ономъ премудрости. „Ступайте, сказалъ онъ мнѣ, бейте за насъ басурмановъ“. „Да, сударь, колотите нехристей“, промолвилъ грамотей барабанщикъ. Зная, что они люди глубокомысленные, я поблагодарилъ ихъ обоихъ гривной, пожелалъ почтенному собранію добраго утра и продолжалъ путь, въ ожиданіи курьера. Наконецъ, я находился у крайняго кабачка. Хозяева находились въ объятіяхъ Морфея, мы же, не желая ихъ будить, присѣли на лѣстницѣ. Чуть послышатся намъ конскій топотъ или стукъ телѣги, мы все думали, что курьеръ скачетъ. Вдругъ является мужикъ съ бочками. „Дядя, куда

ѣдешь“.—„Въ Софэю“.—„Возьми меня“.—„Изволь, сержантъ“.—Тутъ я простился съ вѣрнымъ слугою, далъ ему синенькую и, сѣвъ на бочку, поѣхалъ въ Царское.

Вотъ я и въ Софэи злосчастной, думалъ я, отряхивая на почтовомъ дворѣ пыль съ моей шинели.—Проходитъ часъ, другой, третій,—нѣтъ Сигизмунда. Ну, сказалъ я, проѣзжай онъ мимо или нѣтъ, а я долженъ, пообѣдавъ, навѣстить нашихъ, долженъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ видѣть родимый, благословенный Лицей. Сказано и сдѣлано. Я пришелъ къ вамъ и по счастью всѣхъ имѣлъ удовольствіе видѣть.

„Я видѣлъ въ васъ: все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный“.

Сказавъ вамъ, какъ мнѣ казалось, послѣднее прости, я возвратился въ почтамтъ, гдѣ до 4-хъ часовъ ожидалъ фельдъегеря; но напрасно. Я поѣхалъ въ Гатчину, ночевалъ въ почтовомъ трактирѣ и поутру отъ ямщиковъ узналъ, что Сигизмундъ пріѣхалъ. Нечего было тутъ думать, и я, сѣвъ на телѣгу, отправился обратно въ Царское Село, гдѣ имѣлъ счастіе быть вмѣстѣ съ вами, мои любезные,—если не со всѣми, то по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми. Переночевавъ у Троицкаго, я успѣлъ побывать у васъ и потомъ отправился въ Питеръ. Я думалъ, что бѣда будетъ на заставѣ, однако, благодаря присутствію духа, отвѣчалъ, что ѣдетъ Пащенко, лицейскій унт.-оф., закупать говядину на продовольствіе воспитанниковъ.—Пріѣзжаю домой, мнѣ говорятъ, что всѣ меня ожидаютъ, ибо фельдъегерь возвратился назадъ по повелѣнію Государя. Ѣду на дачу—всѣ ахнули, не исключая графини Ферзенъ, которая при неумѣстной веселости не перестаетъ быть милою, привлекательною; рѣдко, весьма рѣдко видны мрачныя думы на челѣ ея.

Очень желаю, чтобъ мои записки были въ „Цвѣтникѣ“.

Прощайте, друзья.

Н. Горчаковъ.

Порховъ, 8-го августа 1829.

Наконецъ нашелся такой человѣкъ, который ѣдетъ въ армію — это г. подполковникъ Амбургеръ. Дѣло сдѣлано: онъ платитъ за двѣ, а я за одну лошадь: 5-ое августа было днемъ, назначеннымъ для отъѣзда. Я пріѣхалъ къ нему въ 6 часовъ вечера: онъ еще не обѣдалъ, и предложилъ мнѣ принять участіе въ смиренной его трапезѣ. Не заставляя долго просить себя, я согласился на его предложеніе.—Сошедши внизъ, нашелъ я тамъ многихъ его пріятелей, которые сидѣли уже за столомъ. Вы знаете эти обѣды: то къ чему говорить вамъ объ нихъ? Это скучное описаніе отниметъ только у меня время, а на васъ нагонитъ дремоту.—Передъ концомъ стола узналъ я, что нынче

рожденіе моего патрона. За столомъ было насъ восемь человѣкъ, и мы выпили за здоровіе 15 бутылокъ шампанскаго; сосѣди мои поминутно наливали мнѣ бокалъ, прося не чиниться. Впрочемъ, не удивляйтесь количеству бутылокъ; вспомните пословицу: „По усамъ текло, да въ ротъ не попало“. Со мной точно такъ случилось...

Наконецъ, мы выѣхали. Въ Царскомъ Селѣ бричка сломалась, и это было благопріятною минутою для нашего свиданія, мои любезные! Послѣ починки брички мы отправились въ путь. Въ Лугѣ остановились на нѣсколько часовъ, и я успѣлъ выспаться на свѣжемъ воздухѣ. Дорога до Порхова скверная; во многихъ мѣстахъ накладены брёвна, и къ этому надо прибавить проливной дождь, который, несмотря на то, что мы были окутаны въ буркахъ, промочилъ насъ до нитки. — По этому тракту множество болотъ: изъ чего слѣдуетъ, что земля сія не совершенно обсохла, и что оная была нѣкогда дномъ морскимъ. Въ Порховѣ мы переночевали. Федоръ Карловичъ (подполковникъ) мѣняетъ свою бричку на другую, потому что эта требуетъ безпрестанныхъ починокъ. Прощайте покамѣсть, мои милые, до слѣдующаго письма, и не забывайте

друга вашего Н. Г.

Житомиръ. 14 августа 1829.

Здравствуйте, милые, безцѣнные друзья-товарищи! Не десятки, не сотни верстъ отдѣляютъ насъ, но уже цѣлая тысяча! Впрочемъ, помните слова почтеннаго Директора Лицея, Егора Антоновича, что люди насъ могутъ разлучать, но мысли и сердца наши всегда будутъ одинаковы. Вы любите родной Лицей, находясь въ немъ: я его также люблю, хотя и не въ ономъ.

Милые мои! Мнѣ грустно безъ васъ, и хотя я не лью слезъ, но блестятъ онѣ безпрестанно на глазахъ моихъ. Вамъ можетъ показаться, что я не чувствую того, что говорю; нѣтъ! не дай Богъ ни другу, ни недругу быть въ моемъ положеніи, чтобъ узнать, что̀ значитъ эта непонятная грусть о Лицеѣ. Сердечно желаю найти случай написать къ вамъ большее письмо, какъ полагаю изъ Яссъ или Бухареста [1]), а теперь довольствуйтесь хоть этимъ. Теперь поручаю васъ, мои любезные, десницѣ Божіей: да хранитъ Она васъ, да хранитъ родину нашу—Лицей! Прощайте, друзья, помните вашего

Н. Г.

P. S. Съ деньгами, которыя имѣю, надѣюсь добраться кое-какъ до мѣста; а тамъ ужъ Богъ вѣсть, какъ жить!

---

[1]) Обѣщаніе сіе товарищъ-воинъ исполнилъ; его письмо изъ Бухареста въ неизвѣстныхъ рукахъ. *Изд.*

Іюня 3-го 1830-го г.

Давно уже любезнѣйшій Гротъ долженъ бы былъ отвѣчать вмѣстѣ съ прочими на письмо Горчакова, но онъ этого не сдѣлалъ. Почему Горчаковъ послалъ письмо, исполненное колкими укоризнами, черезъ которое быть могутъ непріятности и даже ссора.—Вотъ, Гротъ, твоими словами почти отвѣчаю, но укоризны въ сторону, примемся за дѣло. Письмо твое получилъ, и съ удовольствіемъ читалъ, какъ вы до сихъ поръ провели время. У васъ была la petite cholera, у насъ въ Кишиневѣ теперь хотя не въ большой степени есть la grande. Вы катались съ горы, а я изъ Измаила прошелъ за Кишиневъ ровно 200 верстъ. Вотъ тебѣ и сравненіе!.. ха! ха! ха! Впрочемъ, хотя я боленъ, но такъ какъ Богу не надо, то чортъ не возьметъ. Этой пословицѣ я вѣрю, и ей-ей презираю опасность. Ѣмъ сыръ, яйца, молоко, разрѣшаю вино и елей, и кое-какъ держусь. Часто бываю въ Кишиневѣ съ офицерами (по воскресеньямъ): поѣдемъ трое, и пообѣдавъ въ трактирѣ пойдемъ къ одному изъ нашихъ офицеровъ „*бить муху*“—этого выраженія ты не знаешь: бить муху значитъ пить вино, ликеръ, пиво, медъ и т. п., короче сказать—значитъ напитать себя винными парами, принести жертву Бахусу!—Но мы шалимъ осторожно, такъ что кромѣ насъ никто не знаетъ. Ты, можетъ быть, думаешь о Горчаковѣ, что онъ пьяница; нѣтъ, этого прошу не думать: все это дѣлается умѣренно и довольно рѣдко. Если бы былъ между вами, то имѣя самыя чистѣйшія удовольствія, никогда на это не рѣшился; но бывъ въ отдаленіи, не имѣя друга искренняго, можно безъ зазрѣнія совѣсти позволить себѣ подобную слабость. Даже самое здоровье мое требуетъ подкрѣпленія.—Василію Дмитріевичу [1]) и всѣмъ наставникамъ — хранящимъ юность нашу—мой поклонъ!.. Кстати, вы вѣрно нуждаетесь темами для своихъ сочиненій,—такъ вотъ всѣмъ поэтамъ нашимъ даемъ мы Б. М. Горчаковъ тему: „*бить муху*“,—отчасти я истолковалъ это выраженіе,—то прошу—сдѣлайте мнѣ удовольствіе—напишите стишки и пришлите ко мнѣ, и Анненскій, такъ какъ хорошій *острословъ* (bonmotiste), пускай въ числѣ прочихъ пришлетъ свое сочиненіе на данную тему.—Прошу тебя, Гротъ, въ знакъ старой дружбы исполнить мою просьбу, чѣмъ сдѣлаете мнѣ большую радость. Прошу, помни какъ ты, такъ и всѣ—лицейскаго воспитанника

Николая Горчакова.

---

[1]) Такъ звали Троицкаго, ад.-проф. латинской и русск. словесности на VI к. (съ 1828 по 1833 г.). *К. Г.*

III.

О журналахъ VI курса.

Въ вышепомѣщенной запискѣ проф. Кошанскаго идетъ рѣчь о лицейскомъ журналѣ VI к. „Цвѣтникѣ“, который воспитанники давали на прочтеніе своему бывшему профессору, какъ разъ въ эту пору (въ нач. 1828 г.) оставившему лицей, и о которомъ упоминаетъ товарищъ Я. К. Грота—Горчаковъ въ своихъ „Запискахъ“. Я. К. Гротъ въ свою очередь въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ упоминаетъ о двухъ литературныхъ журналахъ, которые онъ издавалъ на старшемъ курсѣ, именно о „Лицейскомъ Вѣстникѣ“ и „Лицейскомъ Муравьѣ“. Но эти названные журналы были не единственныя изданія VI курса. Были и болѣе ранніе, относившіеся къ младшему 3-хлѣтію (съ 1826 г.). Во всякомъ случаѣ изъ имѣющихся у насъ данныхъ, изъ свидѣтельствъ Я. К. Грота и изъ словъ проф. Кошанскаго можно заключить, что VI курсъ (какъ и III-ій) выдавался какъ по горячему и одушевленному слѣдованію лицейскимъ Пушкинскимъ традиціямъ, такъ и по литературному направленію и дарованіямъ составлявшихъ его питомцевъ. Между послѣдними Я. К. Гротъ былъ въ этомъ смыслѣ (какъ и вообще въ дѣлѣ ученія и самообразованія) особенно дѣятеленъ и предпріимчивъ.

Вотъ что сохранилось въ его бумагахъ отъ этой литературно-журнальной дѣятельности. Все это былъ главнѣйшимъ образомъ его собственный трудъ и писано лицейскимъ, красивымъ и четкимъ почеркомъ (очень сходнымъ съ нѣкоторыми извѣстными почерками I курса). Сохранились у него четыре тетрадки—журнала, изъ которыхъ 1-я есть извлеченіе изъ журнала 1827 г., а три другія—три №№ журнала „Лицейскій Муравей“.

Первая тетрадка носитъ заглавіе „*Первѣйшіе опыты 6-го курса, 1826-го и 1827-го годовъ*“. Здѣсь же подъ заглавіемъ имѣется такая надпись:

„Въ началѣ 1827-го года издавался въ 6-мъ курсѣ журналъ „*Труды 6-го курса*“; находящееся въ сей тетради выписано, частью изъ этихъ *Трудовъ*, и частью прямо изъ рукъ соч(инителей) въ оную помѣщено, для показанія Николаю Ѳедоровичу Кошанскому, который съ большимъ удовольствіемъ (встрѣтилъ?) сіе собраніе стиховъ---хотя не отличныхъ, но въ которыхъ видно по крайней мѣрѣ доброе намѣреніе“.

Въ этомъ маленькомъ собраніи стиховъ и прозы воспитанниковъ VI курса помѣщены: стихи и маленькія прозаическія пьесы Н. Горчакова, Ѳед. Анненскаго, Павла Миллера, В. Эйхена, и одна басня Я. К. Грота [1]), перев. съ французскаго, „Сверчокъ“ (дек. 1827 г.).

[1]) Онъ подписывался обыкновенно буквами: ..о.. ..о..

Журналъ „*Лицейскій Муравей*“ дошелъ въ трехъ №№: 2-мъ, 3-мъ 4-мъ. 1-й №, къ сожалѣнію, не сохранился; въ немъ было помѣщено начало вышепомѣщенныхъ „Походныхъ записокъ лицейскаго воспитанника (Н. Горчакова)“, остальныя части которыхъ помѣщены въ слѣдующихъ сохранившихся 3-хъ нумерахъ. Этотъ журналъ относится къ 1830 году, т. е. уже къ старшему трехлѣтію, а потому и содержаніе его уже серіознѣе. Въ каждомъ № послѣ оглавленія эпиграфъ: „Sans un peu de travail on n'a point de plaisir“. Florian.

Содержаніе *№ 2-го* „Лиц. Муравья“, состоитъ изъ *2-хъ статей въ прозѣ*: 1. Объ отроцѣ Кривичѣ сказаніе вкратцѣ (кажется, Ѳ. Анненскаго). 2. Отрывки изъ Походныхъ Записокъ Лицейскаго Воспитанника (Горчакова)“; *Стихотвореній* (между прочимъ, басни Я. К. Грота), *Письма къ издателю* Лиц. Муравья.“ и *Отвѣты* на него и *Критики* (гдѣ самъ авторъ — именно Ѳ. Анненскій, какъ „неумолимый зоилъ, разбираетъ безъ всякаго пристрастія и самолюбія“ свое стихотвореніе „Гаральдъ“, о которомъ упоминаетъ Кошанскій въ своей запискѣ: см. стр. 420. Наконецъ, въ концѣ помѣщенъ благосклонный отзывъ издателя (Грота) о выходившемъ на ихъ же курсѣ нѣмецкомъ журналѣ „Allerley“, („Всякая всячина“).

Въ Письмѣ къ издателю рѣчь идетъ объ лицейской журналистикѣ и о другомъ журналѣ — предшественникѣ „Муравья“—„Вѣстникѣ“, а потому не лишне здѣсь привести это письмо и отвѣтъ издателя на него.

Письмо къ издателю Лицейскаго Муравья.

Появленіе Лицейскаго Муравья, возобновленнаго въ воспоминаніе стараго товарища [1]), чрезвычайно радуетъ публику; но въ то же время всѣ искренно сожалѣютъ, что „Вѣстникъ“ болѣе не издается. Муравей есть журналъ совершенно другого рода, и безъ сомнѣнія занимательнѣе Вѣстника во всѣхъ отношеніяхъ; но и сей доставлялъ читателямъ не малое удовольствіе; тѣмъ болѣе, что въ немъ сообщались часто извѣстія совершенно новыя и всегда облеченныя въ необыкновенную, особенную форму. Вотъ что побудило меня, М. Г., сдѣлать вамъ предложеніе, исполненіемъ коего Муравей получитъ новую прелесть для всѣхъ читателей. Вотъ мой проектъ. Нельзя ли соединить оба журнала въ одинъ, или, по крайней мѣрѣ, издавать тотъ и другой въ одно время и въ одной книжкѣ, держась въ каждомъ предположеннаго плана? Симъ способомъ мы бы имѣли не только Литературный, но и Политическій

[1]) Очевидно здѣсь разумѣется всѣми любимый, уѣхавшій служить въ армію, Ник. Горчаковъ, авторъ „Походныхъ Записокъ Л. В.“ *К. Г.*

журналъ. Трудъ вашъ отъ сего, кажется, не увеличится, а между тѣмъ, удовольствіе читателей удвоится. Теперь остается вамъ разсмотрѣть мой проектъ, и потомъ исполнить его или отвергнуть. Что касается до меня, то я всегда буду стараться, сколько могу, раздѣлять ваши труды.

4 февраля 1830 г.

Анонимъ.

Отвѣтъ Г-ну Анониму.

Извините, Г. Анонимъ, что я осмѣлился помѣстить ваше дружеское письмо въ „Муравей"; но по крайней мѣрѣ симъ способомъ публика узнала ваши благія намѣренія, не зная къ сожалѣнію васъ самихъ. Планъ вашъ я обдумалъ, и если обстоятельства позволятъ, если дѣйствительно, какъ вы говорите, удовольствіе читателей увеличится исполненіемъ онаго, то издатель „Муравья" съ радостью соглашается на возобновленіе „Вѣстника". И такъ можетъ быть, 3-ій № „Муравья" будетъ въ соединеніи съ 9-мъ № „Вѣстника". Не теряю надежды на дѣятельность и постоянство почтенныхъ моихъ сотрудниковъ, и весьма благодаренъ вамъ, Г. Анонимъ, за данное мнѣ обѣщаніе.

Въ видѣ образчика лицейскихъ стихотворныхъ опытовъ Я. К. Грота, приведемъ помѣщенную въ этомъ № его басню:

Муха и Муравей.

(Басня).

Ничтожное творенье!
Сказала Муха Муравью:
Твоя судьба достойна сожалѣнья,
Взгляни-ка ты на жизнь мою.
Ты ползаешь; а я летаю;
Уставъ, сажуся на людей,
На головѣ ихъ отдыхаю,
Вездѣ, гдѣ захочу, бываю,
И даже у Царей.
Мнѣ непогоды нечего страшиться,
И я всегда могу укрыться
Отъ бури и дождей.

Какъ въ чистомъ воздухѣ меня застанетъ
Гроза иль вѣтръ,—иль если громъ
Внезапно грянетъ,
Скорѣй лечу я въ ближній домъ,
И нахожу себѣ пріемъ.
Къ тому же пищу достаю какую!
Мнѣ столъ готовъ вездѣ куда ни погляжу;
Въ покояхъ пышныхъ я съ вельможами пирую,
Вокругъ богатыхъ яствъ хожу,
И первая обѣдъ не рѣдко начинаю.
А ты, несчастный Муравей,
Весь вѣкъ ползи—тебя я презираю...
„Пускай, смиренно отвѣчалъ онъ ей,—
Но я доволенъ участью своей,
И счастливымъ себя считаю.
Хотя, какъ ты, я не летаю,
Хотя ползу, но тѣмъ горжусь,
Что я тружусь“.

...o... ...o...

Въ *№ 3-мъ* „Лицейскаго Муравья“ находимъ слѣдующее содержаніе: Въ двухъ первыхъ статьяхъ шуточное описаніе двухъ вечеровъ (12-го и 15-го февраля): изъ лицейской жизни; анекдоты; отрывки изъ „Записокъ Л. В.“ (Горчакова); стихотворенія, въ томъ числѣ басня Я. К. Грота „Верблюдъ и Горбатый“; критика — разборъ трагедіи (вольными стихами, въ 5 дѣйствіяхъ) „Коріоланъ“, соч. воспитанниковъ Лицея—IV к. Попова и Деларю и V—Деларю (извѣстнаго впослѣдствіи поэта). Разборъ принадлежитъ издателю Муравья (Я. К. Гроту); изъ него узнаемъ, что пьеса эта была представлена въ Лицеѣ 19 ноября 1829 г., и послѣ того въ журналѣ „Лицейскій Вѣстникъ“ появилось краткое обозрѣніе этой трагедіи, съ замѣчаніями насчетъ представленія ея (конецъ разбора находится въ 4-мъ № „Л. М.“); послѣ „Критики“ слѣдуютъ „Литературныя извѣстія“ и отчетъ о журналѣ „Allerlei“.

Изъ „Литературныхъ извѣстій“ узнаемъ, что въ то же время сталъ издаваться въ Лицеѣ еще журналъ „Саранча“. Вотъ самое извѣстіе о немъ. „Ко всеобщей радости явился у насъ недавно, и совершенно неожиданно, еще новый журналъ: „Саранча“, плодъ минутныхъ занятій двухъ нѣмецкихъ литераторовъ Б... и К...

Каждый понедѣльникъ будетъ выходить изъ Типографіи Г-на К. ясно и чисто печатный полулистъ большого формата. Разныя статьи въ прозѣ и въ стихахъ, критическіе разборы, описанія путешествій, изрѣдка анекдоты и повѣсти и проч. будутъ входить въ составъ сего

журнала; но къ сожалѣнію безъ подписи настоящихъ именъ сочинителей.

Первые №№ Саранчи подаютъ пріятнѣйшія надежды и на слѣдующіе. Слогъ вездѣ чистый, свободный и большею частью шуточный. Въ семъ отношеніи между прочими забавными статьями особенно понравились намъ: Ужасныя и неслыханныя приключенія Женевца въ непроходимыхъ лѣсахъ близъ его родины,—гдѣ сообщаются многія весьма любопытныя извѣстія.

Только одинъ упрекъ заслуживаютъ издатели Саранчи: слишкомъ скромно говорятъ они о журналѣ своемъ въ объявленіи объ ономъ, и слишкомъ неумѣренно превозносится „Лицейскій Муравей“ въ небольшомъ посланіи: *Къ Г.*—На сей разъ не пожелаемъ гг. Б... и К... ничего кромѣ успѣшнаго изданія Саранчи и постояннаго благоволенія публики. Смѣло увѣряемъ ихъ, что они достигнутъ своей цѣли, если журналъ ихъ будетъ доставлять читателямъ столько же удовольствія, какъ прелестный „Allerlei“.

. . . . . .

А вотъ и вышеупомянутая нами басня Я. К. Грота:

Верблюдъ и Горбатый.

(изъ Le Bailly).

Верблюда на показъ
По городу водили.
А любопытные, какъ водится у насъ,
Со всѣхъ сторонъ къ нему спѣшили,
И всякій про него свой голосъ подавалъ.
Вельможа въ немъ покорность выхвалялъ,
Усердіе и послушанье.
Скупому нравилось верблюда воздержанье,
А гордецу—его надменный видъ.
Межъ тѣмъ горбатый тутъ случился;
Остановился,
И говоритъ:
„Ну что за украшенье,
По мнѣ,
У звѣря на спинѣ!
Смотрите, это возвышенье
Ему всю прелесть придаетъ,
И въ правду какъ оно пригоже!
А безъ горба—ей-ей верблюдъ—уродъ!“

Читатель, не дивись! и между нами то же:
Какъ часто хвалимъ мы другихъ
Лишь съ тѣмъ, чтобъ въ нихъ
Насъ похвалить самихъ.

Г.

26-го февраля
1830.

Наконецъ, *4-ый №* „Лицейскаго Муравья“ содержитъ слѣдующее: 1) окончаніе „Отрывковъ изъ Походныхъ Записокъ Л. В.“. 2) Три анекдота. 3) Пѣсня. 4) Окончаніе критики („Коріоланъ“). 5) Литературныя Извѣстія (въ которыхъ издатель сообщаетъ свои планы и прощается съ читателями на каникулярное время). 6) Письмо (прощальное) отъ Муравья ко „Всякой Всячинѣ“. 7) Ибрагимъ, восточная сказка (изъ „Lettres Persanes Монтескьё“, разсказанная персіяниномъ) и 8) Извѣстіе.—Въ „Литературныхъ Извѣстіяхъ“ издатель, прощаясь съ публикой, говоритъ:

„При семъ почитаемъ обязанностью изъявить искренную нашу благодарность какъ читателямъ Л. М. за снисхожденье ихъ и постоянную благосклонность къ трудамъ издателя, такъ и всѣмъ содѣйствовавшимъ ему въ его литературныхъ занятіяхъ. Мы не скроемъ при этомъ случаѣ, что весьма много одолжены и малымъ успѣхомъ Муравья сочинителямъ: Молитвы Гаральда, Воспоминаній, стихотвореній: Къ Голубку, Ракетки,— особенно автору Походныхъ Записокъ. Душевно сожалѣемъ, что не могли сообщить оныхъ публикѣ въ цѣлости; но тому виноваты не мы, Издатель Муравья и по сію пору не знаетъ, куда дѣвались остальныя драгоцѣнныя для насъ письма Н. Горчакова. Ужели они должны потеряться? Жаль, очень жаль! И съ какими глазами явимся мы передъ сочинителемъ оныхъ, когда онъ узнаетъ, что мы ихъ и не читали?— Вотъ что побуждаетъ насъ покорнѣйше попросить каждаго, отъ имени всей публики, постараться провѣдать, гдѣ остальныя письма, и доставить ихъ, если возможно, издателю Л. М., который почтетъ за величайшее удовольствіе дать имъ мѣсто въ слѣдующемъ 5-мъ № или въ дальнѣйшихъ №№ по возобновленіи осенью сего года журнала. Или, если угодно, пусть обладающій оными самъ издастъ сіи письма въ видѣ журнала: публика и за это будетъ благодарна!“

Здѣсь кстати будетъ привести слѣдующее помѣщенное въ концѣ журнала „*Извѣстіе*“:

„Недавно получили мы отъ В. Д. Т—аго извѣстіе, которое спѣшимъ обнародовать, если только оно уже нѣкоторымъ не сообщено. Безцѣнный нашъ Н. Горчаковъ писалъ къ княгинѣ Г—ой, что онъ крайне недоволенъ своимъ полкомъ, гдѣ нѣтъ ни дружбы, ни товарищества, и гдѣ

общество весьма худое. Потому онъ просилъ княгиню о перемѣнѣ полка, и вѣроятно скоро сіе желаніе Горчакова, а слѣдственно и наше исполнится, ибо княгиня неусыпно о томъ печется".

IV.

Къ лицейскимъ занятіямъ Я. К. Грота.

Кромѣ спеціальнаго сочиненія (*Объ итальянскихъ глаголахъ*), о которомъ идетъ рѣчь въ „Замѣткахъ", памятникомъ усердныхъ и упорныхъ занятій Я. К. Грота итальянскимъ языкомъ являются его тетради съ изложеніемъ правилъ итальянской грамматики и синтаксиса: одна съ заглавіемъ „Per la lingua italiana" (Règles de la grammaire) и три маленькихъ (въ 8-ку) тетрадки „*Observations sur la grammaire, la syntaxe et la prosodie de la langue italienne*" (d'après Rubini) Lycée Impérial, 1831, и въ особой тетрадкѣ „Supplément aux Observations". При нихъ сохранилась еще черновая французскаго письма Я. К. къ своему руководителю въ этомъ предметѣ. Приведемъ его начало и конецъ, между прочимъ, какъ свидѣтельство того, насколько Я. К. владѣлъ тогда и французскимъ языкомъ.

Monsieur,

Votre bonté obligeante n'étant pas ignorée de moi, je prends la liberté de vous adresser ce peu de lignes, pour vous prier de vouloir bien m'eclaircir quelques doutes que j'ai sur la versification italienne. Les ouvrages poétiques étant précisement ceux qui ont donné a cette littérature l'eclat dont elle brille encore, ce serait en avoir une connaissance bien imparfaite que de n'être pas initié au méchanisme des beaux vers qui en font la gloire. Il ne suffit pas de les comprendre: en négligeant la mesure, on les depouille d'un de leurs principaux ornements, et l'on n'en jouit qu'à demie. Voilà le motif qui m'autorise à cette démarche, veuillez à ce titre m'en pardonner la hardiesse.

Послѣ ряда вопросовъ и цитатъ Я. К. заключаетъ свое письмо:

Je me ferais un scrupule Monsieur, d'abuser plus longtemps de votre patience: je termine donc et j'ose espérer que vous ne me refuserez pas la complaisance, si vous en avez le temps, d'indiquer sur ce même papier au moyen de quelques signes, les syllabes qu'il faut prononcer, et celles qu'il faut élider. Quand aux autres questions, je me contenterais d'un simple oui au non mis à la marge. Vous réiterant, Monsieur, mes excuses, je suis avec le plus profond respect Votre très humble et très obéissant serviteur.

Le 10 janvier 1832.

Свидѣтельствомъ серьёзности литературныхъ занятій и направленія Я. К. Грота въ Лицеѣ можетъ служить еще сохранившаяся тетрадка съ его сочиненіями и разсужденіями въ прозѣ, подъ заглавіемъ „*Упражненія*“, помѣченная датой *15 сентября 1830 г.* Она заключаетъ въ себѣ:

1. *Письмо къ другу* (приступающему къ изученію греческаго языка)— о просвѣщеніи и драматическомъ искусствѣ грековъ.

2. *Объ истинныхъ достоинствахъ писателя.*

3. *О вліяніи богатства народнаго на успѣхи образованія.*

Чтобы дать понятіе о томъ, какого склада и духа были въ ту лицейскую пору (незадолго до выпуска) взгляды и чувства, одушевлявшіе юношу Я. К. Грота, я считаю умѣстнымъ привести здѣсь 2-е изъ этихъ разсужденій.

Объ истинныхъ достоинствахъ писателя.

Быть истолкователемъ нравственности и добродѣтели — вотъ истинная, возвышенная цѣль сочинителя! Сколько условій, сколько качествъ необходимо для исполненія оной, и потому сколь немногіе достойны назваться писателями! Не довольно для сего имѣть проницательный умъ и обширныя познанія: они суть безъ сомнѣнія важныя качества, требуемыя отъ автора; но если, при изображеніи добродѣтели, сердце его остается холоднымъ; если каждое его слово не согрѣто пламенемъ чувства; если въ произведеніи его не участвуетъ доброе сердце: то никогда любовь современниковъ и уваженіе потомства, улыбка страдальца и раскаяніе порочнаго не будутъ его наградою.

Для изображенія добродѣтели должно оную чувствовать: вотъ правило, которое авторъ никогда не долженъ терять изъ виду. Счастливъ тотъ, чья каждая мысль, каждое чувствованіе есть отпечатокъ благородной души его, чьи поступки никогда не противорѣчатъ словамъ! Чуждый притворства, онъ готовъ открыть сердце свое всему человѣчеству, и тогда-то каждое слово, выходящее изъ устъ его, проникаетъ въ душу, наполняетъ ее любовью къ изящному и презрѣніемъ ко всему унижающему прекрасное созданіе Творца.

Не зная ни лжи, ни лести, писатель, соединяющій съ чувствительностью высокое образованіе и нѣжный вкусъ, восторжествуетъ надъ всѣми преградами, полагаемыми ему завистью и клеветою, и можетъ быть увѣренъ, что труды, посвященные благу отечества, не останутся безполезными: съ именемъ автора они передадутъ потомству образецъ добродѣтели, достойный славы и подражанія.

Истинное дарованіе, встрѣчая на поприщѣ словесности соперниковъ, не ищетъ средствъ унизить ихъ таланта; и между тѣмъ какъ посредственность силится тщетно затмить славу блестящаго дарованія, оно принимаетъ искреннее участіе въ чужихъ успѣхахъ. Безкорыстіе должно быть также отличительною чертою писателя, если онъ хочетъ дѣйство-

вать на умы и сердца людей: иначе всѣ мысли его сдѣлаются рабами, всѣ чувствованія принужденными; душа благородная не стремится къ богатствамъ и почестямъ: благодарность отечества, любовь ближнихъ— вотъ что для нея дороже всего въ мірѣ. Таковы достоинства автора. Не награду, даже не славу имѣетъ онъ въ виду; но единственно распространеніе царства истины и добродѣтели!

Ежели во всю жизнь онъ не измѣнитъ симъ священнымъ правиламъ, тогда и самая могила не будетъ для него страшна: онъ обратитъ спокойный взглядъ на прошедшее, и если рука его никогда не употребляла во зло пера [1]), если ни одна мысль его не могла склонить неопытнаго сердца къ пороку; тогда онъ съ сладостнымъ утѣшеніемъ видитъ передъ собою будущность, видитъ потомство, готовое съ благодарностью произносить имя его, видитъ награду въ вѣчности, и съ спокойнымъ духомъ, съ ясною надеждою проводитъ послѣднія минуты жизни.

V.

Увлеченіе поэзіей въ стѣнахъ Лицея.

Въ бумагахъ Як. К. Грота, кромѣ уже описанныхъ документовъ и воспоминаній, сохранилось нѣсколько исписанныхъ его рукою листовъ бумаги, доказывающихъ, какіе исключительный интересъ и влеченіе существовали въ тогдашнемъ Лицеѣ ко всѣмъ видамъ поэзіи и стихотворства (о чемъ такъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и литературныя занятія лицеистовъ первыхъ курсовъ). На этихъ листахъ имѣются записи разныхъ солдатскихъ и простонародныхъ пѣсенъ, стишковъ и прибаутокъ, которые записаны, вѣроятно, со словъ какого-нибудь лицейскаго дядьки или служиваго.

Таковы, напр., пѣсни:

„Ахъ ты Русская земля,
Много славы у тебя
Про Платова-казака“ и пр.

(о томъ, какъ Платовъ обманулъ французовъ)

---

[1]) Здѣсь невольно вспоминается позднѣйшее стихотвореніе автора (1840 г.) „*Перо*“, гдѣ встрѣчается извѣстный его обѣтъ:

Я передъ Ангеломъ благимъ
Добру и Правдѣ обѣщаю
Всегда служить перомъ моимъ!
и т. д.

См. кн. „Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ“, (Спб. 1895). стр. 102—4.

К. Г.

или: „Воспоемте, братцы,
Канту прелюбезну,
Воспоемте скуку
Сердцу безполезну“
и т. д.

или: „...Еще что-то таково—
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ
Самъ и пашетъ и оретъ
Самъ съ крестьянъ оброкъ беретъ“...

и тому подобное.

Тутъ же рядомъ Я. К. набросаны и нѣкоторыя лицейскія пѣсенки и стишки неизвѣстнаго происхожденія (въ томъ числѣ даже чьи-то французскіе стихи).

Во всякомъ случаѣ интересенъ фактъ общенія питомцевъ Лицея съ литературными и образовательными цѣлями—даже съ представителями народа въ стѣнахъ Лицея (бывшими служивыми) [1]).

---

[1]) Нельзя не отмѣтить еще явленія, что страсть поэзіи и стихотворству до того внѣдрилась въ средѣ лицейской молодежи, что заражала очевидно даже служительскій персоналъ Лицея, который повидимому также имѣлъ своихъ „литераторовъ“ и стихотворцевъ.

Въ тѣхъ же бумагахъ отецъ мой сохранилъ образчики такихъ собственноручныхъ „литературныхъ“ упражненій какого то дядьки или служителя Гавриилы Зайцова (отъ 1829 г.). Тутъ находимъ, во-1-хъ его, конечно безграмотные, стихи „На переходъ Дибича черезъ Балканскія горы“, а затѣмъ курьёзные стихи, посвященные лицеистамъ VI курса по поводу ихъ перехода на старшій курсъ, въ которыхъ первый стихъ съ измѣненіемъ числа лѣтъ взятъ изъ лицейскаго гимна (б. Дельвига).

„Три года промчались, какъ мечтанье,
Гремитъ намъ старшій курсъ призванье—
О Вы! которые съ умиленіемъ
На Небо Богу поклонялись—
Богъ открыль вамъ счастіе наукъ...и т. д.

Въ другомъ обращеніи къ тѣмъ-же воспитанникамъ онъ такъ характеризуетъ ихъ призваніе:

„А Вы, готовьтесь носить ни саблю, ни шпагу
Имѣть передъ собой чернила, перо и бумагу—
Пускай летитъ вашъ гордый умъ,
Пускай враговъ онъ попираетъ
И въ горесть страшну погружаетъ“...
и проч.

Дополненія.

Къ стр. 14. (Примѣч. 2) С. Д. Комовскій до Лицея въ теченіе 3-хъ лѣтъ учился въ нѣмецкой школѣ Св. Петра, о чемъ ему и выдано было за подписью инспектора Г. Шуберта отъ 27 іюля 1811 г. и съ приложеніемъ печати *Свидѣтельство*, сохранившееся въ его бумагахъ.

Къ стр. 126 (Прим.). Къ библіографіи о *Н. Ф. Кошанскомъ* надо прибавить болѣе раннюю и обстоятельную статью о немъ въ „Памятной книжкѣ И. А. Лицея“ на 1856—1857 гг., стр. 142—160, гдѣ имѣются еще біографическія статьи о В. Ѳ. Малиновскомъ (директорѣ), А. П. Куницынѣ, Я. И. Карцовѣ и Ф. П. Калинычѣ.

Къ стр. 155—6. Въ „Оглавленіи“ лицейскихъ стихотвореній сборника Я. К. Грота (изъ тетрадей Корфа) пропущены случайно: Делія (кромѣ ст. „Къ Деліи“) *Путкина*, „Къ Дельвигу“ (2-ое), *его же*, и „Къ Надеждѣ“ *Илличевскаго*.

Къ стр. 379. При журналахъ III-го курса, переданныхъ Д. Н. Замятнинымъ Я. К. Гроту въ ноябрѣ 1877 г., сохранилась нижеслѣдующая препроводительная записка:

Литературныя занятія воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея III-го курса (1817—1823 г.).

Воспитанники раздѣлялись на кружки, и каждый кружокъ издавалъ свой журналъ. Статьи этихъ журналовъ читались въ общемъ собраніи кружковъ и потомъ передавались на храненіе архиваріусу, воспитаннику Мартынову, уже покойному.

Вотъ названія этихъ журналовъ:

1. Муза возобновленнаго Лицея. (Одинъ нумеръ).
2. Лицейскій Момъ. (Три нумера).
3. Бесѣда въ піитическомъ кварталѣ. (Два нумера).
4. Лицейскій Аргусъ. (Три нумера).
5. Свободные часы. (Пять нумеровъ).
6. Весна. (Два нумера).
7. Питомецъ Фантазіи. (Нумеръ второй, 1-го нѣтъ).

Замятнинъ имѣетъ честь препроводить означенные семь журналовъ Якову Карловичу, согласно дозволенію его Превосходительства.

I.

Указатель личныхъ именъ и мѣстностей.

Абаза 81.
Абамеликъ (Обомеликъ) 81.
Авенаріусъ, паст. 418.
Агафонъ (кучеръ) 81, 203—205.
Аксёнъ 81.
Александръ I Павловичъ императоръ XVI, 44, 48, 65, 68, 69, 88, 89, 113, 130—135, 349, 363, 374, 416.
Александръ II, императоръ 93.
Алексѣевъ (Н. С.), шт.-офиц. 7.
Альфіери 421.
Амбургеръ, Ф. И. подполковникъ 431—432.
Анакреонъ 63, 156, 329.
Англія 84.
Анэтъ (Annette), пріемн. дочка Энгельгардтовъ 101, 105.
Анненковъ, П. В. XV, XVIII, XXI, 6, 91, 92, 106, 107, 116.
Анненскій (Ф. Н.) лиц. 411, 412, 433—435.
Анюта (?) 80.
Аракчеевъ, гр. 26, 236, 413.
Архангельскій 80, 416.
Афанасій 81.
Ахматовъ 34, 60.

Байкалъ 100.
Бакунинъ (А. П.), тов. Пушк. 89, 111, 357.
Бакуринскій 42.
Барановъ 81.
Баратынскій (Е. А.) 30.
Барковъ, 417.
Барсуковъ, Н. П. 107.
Бартеневъ, П. И. XV, XXI, 2, 107, 391.
Батюшковъ (К. И.) 44, 65, 310.
Бевадени 81.
Безаки 38.
Безбородко, гр. И. А. 45.
Бекетовъ (цензоръ) 115.
Бемъ 42.
Беркенъ (Berquin) 135.
Бернарденъ 420.
Бетхе, царскосельск. полицеймейстеръ 296, 297.
Билье 80.
Б—ій, И. А. 151.
Бланшардъ 51.
Бобровъ, С. С., пис. 144, 298, 310.
Боккаччіо 421.
Бологое, ст. 108, 109.
Бомаршэ 382.
Фонъ Боргъ 57.
Борнгольмъ 230.
Бразилія 83.
Бреверн, И. Х. лиц. 421.
Брогліо гр. С. Ф. 7, 89, 225, 228, 277, 313, 357.
Бронницы, ст. 28.
Брусиловъ (Н. Н.), лиц. 81, 411, 412.
Буало 342.
Будри, 9, 41, 43, 80, 319, 356.
Булгаковъ 107.
Бутурлинъ, Ф. И. 85.
Бутырки 82.
Бухарестъ 432.
Бухаровъ 38.
Бюффонъ 420.
Бѣлгородъ (Бѣлградъ) 128, 129.
Бѣлуха-Кохановскій А. А. 365—367, 373—379, 413.

Вагинъ (служ.) 80.
Ваньвиль 80, 236.
Вальтеръ-Скотъ 420.
Варенцовъ, А. 242.
Васильчиковъ (А. М.), лиц. 412.
Васьковъ, Н. И. 365, 366, 373—379, 385.
Вашингтонъ 83, 84.
Вевѐ 108.
Венгеровъ, С. А. 7, 321.
Венигель, гувернеръ 278.
Верто 407.
Виландъ 393.
Вилмъ (Вильмъ) 80.
Вильменъ 426.
Вильчковскій, С. Н. 320.
Виля, прозвище В. К. Кюхельбекера 222, 341 (см. это имя).
Винценгероде, ген. 245.
Висла 284.

Витгенштейнъ, ген. 233, 251.
Владиміръ Святой 128, 129.
Владиславлевъ, (А. А.) (губерн.) 80, 231, 278.
Волконская кн. М. Н. 99.
Волховъ, р. 26.
Вольтеръ 44, 135, 157, 168, 354, 407.
Вольховская, М, В. (рож. Малиновская) 88, 89, 101, 113, 119, 349.
Вольховскій, В. Д. XVI, XVII, XX, 53, 77, 82, 88, 89, 94, 95, 99, 101, 112, 118, 119, 213, 223, 224, 228, 230, 242, 314, 356, 357.
Воронихинъ, А. А., лиц. 413.
Врангель, бар. Е. В., проф. 416.
Высокое,село (кн. Эристовыхъ) 109.
Вѣна 44.
Вяземскій, кн. П. А. 30, 83, 105—107, 310.

Гаевскій, В. П. XV, XVII—XXII, 70, 110, 125, 126, 129, 130, 141, 144, 146, 159, 195, 205, 222, 227, 232, 234, 240, 242, 243, 247, 254, 255, 301, 332.
Гакенъ (А. Ф), гуверн. 80, 218, 231, 234, 278.
Галаховъ (С. П.), лиц. 413.
Галичъ, А. И. 80, 123.
Гамбургъ 79.
Гассанъ 80.
Гастфрейндъ, Н. А. XV, 205.
Гатчина 431.
Гауэншильдъ (Ф. А.) 38, 44, 80, 217, 218, 235, 236, 292, 319, 356.
Гауэншильдъ (жена его) 80.
Гезель (прозв. Кюхельбекера) 256, 269, 292—293 (см. это имя).
Геймъ 220.
Гельсингфорсъ XX, 114, 115.
Геникени 81.
Георгіевскій (П. Е.) 80, 230, 319, 417, 422.
Геренъ 407.
Германъ 81.
Геснеръ 148.
Гёте 152, 420.
Гиббонъ 393.
Гижицкій 37, 45.
Глазуновъ, книготорг. 143.
Глинка, Ѳ. Н. 291—292.
Гнѣдичъ (Н. И.), 44.
Голдсмитъ 81.
Голицынъ, кн, А. Н. 364, 378, 394.
Голицынъ, кн. (Моск.) 85.
Голицынъ, кн. Н. Н. XV, 116.
Головнинъ, А. В. 108—110.
Головнинъ, В. М. адм. 24, 25, 68.
Голубь 40.
Гольтгеверъ (Ѳ. Г.), генер. (директоръ лицея) 416.
Гомбургъ 106.
Гомеръ 417.
Горацій 63.
Горчаковъ, кн. А. М. XVI, XVIII, 6, 37, 63, 77, 89, 90, 147, 155, 173, 195, 225, 244, 246, 248, 253, 353—356, 358.
Горчаковъ, Ник. (лиц.), VI к. 424, 428—439.
Горчаковъ, Д. П., пис. 46.
Гофманъ, А. Л. 46.
Гофманъ, товар. Фусса въ гимн. 60, 62, 63.
Гревеницъ, баронесса 81.
Гвевеницъ, П. Ѳ. (тов. Пушк.) 80, 89, 96, 226, 229, 244, 246, 357.
Гречъ, Н. И. 41.
Грибоѣдовъ, А. С. 247.
Гротъ, К. К. 108, 418.
Гротъ, Я. К. IX—XII, XIV—XXIII, 2—8, 23, 25, 29, 33, 72, 85, 90, 91, 95, 105, 108, 110, 112, 114, 115—120, 125, 126, 140, 141, 143, 146, 155, 166, 170, 196, 217, 218, 230, 243, 248, 250, 254, 267, 276, 319, 321, 333, 341, 347, 349, 353, 356, 363, 364, 415—444.
Грузино, село 26.
Грузія 95.
Грёнъ, М-me 115.
Гурьевъ (тов. Пушк.) 89, 107, 111, 357.
Гюаръ 80.

Даль, В. И. 107, 108.
Данзасъ, Б. К. (лиц. II-го к.) 140, 410—412.
Данзасъ, К. К. 72, 89, 108, 112, 140, 228, 248, 255—258, 273, 277, 299, 300, 359.
Данилевскій, Н. Я. 108.
Дашковъ 65.
Деларю, М. Д., лиц. (V кл.) 426, 428, 437.
Делиль, 44.
Дельвигъ, бар. А. А. X, XVI—XVIII, 6, 30, 63, 69, 70, 80, 86, 89, 94, 103, 114, 124, 129, 140, 143, 146—160, 166—169, 173, 174, 177, 193, 195—206, 210, 211, 219, 227, 229, 242, 246, 247, 250, 253, 255, 258, 299, 300, 308, 313, 318, 341, 347, 348, 354, 358, 416, 420, 421, 428, 443.
Демидовъ 81.
Демидовъ (П. Г.) 119.
Депрео 338.
Державинъ, Г. Р. 44, 65, 116, 130, 136, 156—167, 195, 196, 207, 321, 322, 324, 336.
Дерптъ 293.
Дмитревскій, актеръ 74, 253.
Дмитріевъ, И. И., 44, 57, 65, 336.
Дольстъ 40.
Дондуковъ-Корсаковъ (М. А.), попечит. уч. окр. 54.
Дубенскій (П. И.), лиц. 410—412.
Дунай 284.
Дю-Серсо (Du Cercеau) 57, 189.

Европа 44, 82, 137, 251, 326.
Екатерина II, Имп., 71, 323, 326, 365.
Елизавета Петровна, Императрица, 71.
Енисей 233.
Ершова 81.

Есаковъ, С. С. (тов. Пушкина) 60, 62, 64, 77, 80, 89, 242, 253, 359.
Ефремовъ, П. А. XV, 5, 6, 7, 116.

Жадовскій, Анат. Евст. 365, 387, 413.
Жано, Jeannot (т. е. И. И. Пущинъ) 97, 101 (см. это имя).
Жилле 417.
Жуковскій, В. А. XVII, 44, 65, 106, 122, 196, 199, 273, 326, 332, 333, 336—340, 393, 417.
Загрядская 81.
Заимка, имѣніе 108—110.
Зайцовъ, Гаврила, служит. лиц. 443.
Закревскій (гр. А. А.) 81.
Закупъ, село 85.
Замятнинъ, Д. Н. XI, XXI, 115, 116, 140, 144, 146, 155, 363—365, 373—379, 411, 412.
Зассъ 81, 237.
Зассъ, сестра его, 237.
Захаровъ, 236.
Зейдлеръ 81.
Зерновъ (А. П.), пом. гуверн. 80, 218.
Золотаревъ (М. А.), лиц. экономъ 80, 237, 271, 285.
Зотовъ 81.
Зюрзе (Дзюрдзь)-Селетскій (А. Ѳ.) 80.
Зябловскій 81.

Ижора 25. 228.
Измаилъ 433.
Измайловъ 81.
Измайловъ, А. Е. 196, 197.
Измайловъ, Вл. В., писат. 54.
Иконниковъ, А. Н., 74, 75, 77, 80, 123, 218, 232, 242, 252, 253, 278.
Икскуль, А. К., лиц. XXI к. 411.
Илличевскій, Д. (отецъ А. Д.), губерн. 39.
Илличевскій, А. Д. X, XI, XX, XXII, 2, 3, 6, 29—67, 77, 89, 93, 115, 122, 124, 126 — 136, 139, 140 — 144, 146, 147, 151, 153—157, 163—166, 168—170, 174, 175, 177—195, 199, 203, 206, 207, 210, 212, 217, 221, 224, 241, 242, 246—248, 254, 255, 256, 267, 287, 301, 307, 313, 319, 330, 331, 340—343, 347, 353—354, 359.
Инзовъ, генер. 7.
Иркутскъ, 98.
Исаковъ (Я. А.), издатель 116.

Іоганъ (мед.) 81, 390.

Кавказъ 96, 239.
Кайдановъ, И. К. 44, 80, 230, 319, 356, 422.
Калиничъ, Ѳ. П. 77, 80, 233, 236, 380, 381, 398—400, 444.
Камарашъ, И. А. (экономъ) 80, 218, 231, 235, 236, 271, 349.
Каменка, им. 88—90, 119.
Кампе 393.
Камчатка 284.
Кантъ 60, 225.
Капгеръ (И. Х.), лиц. 411.
Капнистъ, пис. 57.
Карамзинъ, Н. М. 65, 83, 106, 107, 336, 340, 399.
Карамзины 107.
Карлъ (служ.) 80.
Карузи 95, 96.
Карцова, г-жа 80.
Карцовъ, Я. И. 44, 80, 223, 230, 271, 319, 356, 417, 444.
Каттерфельдъ, Ф. И. 39, 40.
Кекгъ (?) 81.
Кемерскій, Леонтій (служит.), см. Леонтій.
Кернъ, А. П. (Маркова-Виноградская) 6.
Киселевъ (служ.) 80.
Кишиневъ 7, 247, 433.
Клейстъ 43, 52, 180, 185.
Клопштокъ 93, 222, 225.
Кобелевъ (служ.) 80.
Кобеко, Д. Ѳ. XV, 4, 24.
Комовскіе, родители С. Д. 78, 79.
Комовскій, С. Д. XI, XV, XVIII—XXI, 2—22, 74—94, 108, 144, 213, 217, 226, 233, 255, 256, 276, 277, 307, 313, 444.
Кондратьевъ (С.), лиц. 411.
Константинъ Павловичъ, В. К., Цесаревичъ 113.
Копенгагенъ 83.
Корнелій Непотъ 42, 393, 417.
Корниловъ А. А. (тов. Пушкина) 6, 82, 89, 91, 91, 92, 225, 277, 360, 425.
Корниловъ, Ѳ. П. 6, 93.
Корсаковъ, Ник. Алекс. (тов. Пушкина) 54, 81, 89, 146, 155, 159, 210—213, 241—244, 248, 254, 255, 358.
Корсаковъ, Петръ Алекс. 54.
Корфъ, бар. (графъ), М. А. XI, XV—XXI, 1, 2, 5, 9, 13, 14, 18, 21, 30, 31, 72, 74, 76, 79, 83, 89—91, 94—96, 110, 115, 140, 172, 205, 213, 215, 217, 218, 223, 226, 228—230, 234, 237, 238, 240, 242, 243, 254, 278, 296, 353, 358, 423, 444.
Корфъ, Ник. 81.
Костенскій, К. Д. (тов. Пушк.) 89, 94, 213, 254, 313, 359.
Коцебу (К. Е.), лиц. (IV к.) 411.
Кочубей, гр. Нат. В. 81, 159, 354.
Кочубей, кн. 423.
Кощанскій, Н. Ф. 42, 43, 80, 123, 126—136, 192, 203, 204, 230, 301, 319, 356, 416, 417, 422, 424, 434, 435, 444.
Красный 251.
Крей 81.
Кременчугъ 229.
Крижановскій 80.
Крузенъ (Крузенштернъ), лиц. 429.
Крыловъ, И. А. 44, 57, 303.
Крымъ 108.
Кубаревъ 119.
Кукольникъ (Н. В.) 81.
Куницынъ, А. П. 13, 44, 80, 233, 319, 356, 444.
Кутузовъ, писат. 65.

Кутузовъ, фельдмарш. 251, 252.
Кюкюэль (К. Е., гуверн.) 80, 235, 278.
Кюхельбекеръ, В. К. X, XI, XVI, 57, 76, 80, 85—88, 89, 94, 122, 124, 136—138, 141, 146—149, 153, 155, 156, 160—163, 169—173, 176, 177, 192, 193, 205—214, 210, 212, 214, 217, 222, 223, 225, 232, 242, 243, 247, 248, 256, 263, 265, 266, 269, 276, 284, 292—293, 299, 341, 354, 359.

Лаврентій 81.
Ланге, докт. 108—110.
Лангѐръ (В. П.) 111, 410—412, 413.
Ле Бальи (Le Bailly) 438.
Левашевъ, ген. 81, 232.
Леонтій, служ., (Кемерскій) 84, 235.
Лёрнеръ, Н. О. XV, 29, 30, 110, 141, 149.
Ливорно 83.
Лоди 81.
Ломоносовъ, М. В. 44, 130, 338.
Ломоносовъ, С. Г. (тов. Пушк.) 83, 89, 106, 107, 244, 246, 286, 360.
Лондонъ 83.
Лонка, им. Фролова 236.
Луга 432.
Людовикъ XIV, кор. 420.
Людовикъ XVI, кор. 417.
Ляминъ, Цар.-сельск. дворц. садовникъ 276, 304.

Магометъ 237.
Мадридъ 83.
Майковъ, Л. Н. XV, 6, 139, 140, 146, 149, 232, 321, 345, 346.
Малиновская, М. И. 90, 101.
Малиновская, Н. А. 112.
Малиновскіе, семья, XXI, 326.
Малиновскій, А. И. (сынъ товар. Пушкина) XXI, 72, 89, 112—114.
Малиновскій, Андр. Вас. 365, 366, 373—379, 411.
Малиновскій, А. О., нач. Моск. Арх. И. Д. 65.
Малиновскій, В. Ѳ. директ. лицея 9, 16, 32, 65, 80, 113, 119, 122, 217, 356.
Малиновскій, И. В. XIX, 5, 65, 71, 77, 88—91, 95, 96, 101, 112, 119, 156, 168, 225, 233, 243, 291, 292, 349, 356, 361.
Малиновскій, П. И. 113.
Малый Ярославецъ 251.
Манзони 421.
Маркова-Виноградская, см. Кернъ.
Мартынова 425.
Мартыновъ, Аркад. Ив. (тов. Пушкина) 52, 77, 89, 94, 96, 255, 277, 360.
Мартыновъ, Ив. Ив. 52, 349.
Масловъ, Д. Н. (тов. Пушк.) 28, 82, 89, 213, 224, 229, 242, 244, 253, 254, 314, 361.
Матвѣевъ, чинов. въ правл. Лицея 38.
Матвѣй 1, служ. лиц. 80, 238.
Матвѣй 2, служ. лиц. 80, 238.
Матернъ 81.
Матюшкинъ, Ѳ. Ѳ. XI, XVIII—XXII, 2—5, 23—29, 68—73, 77, 84, 89, 90, 91, 96, 108—110, 115, 116, 125, 140, 143, 144, 146, 155, 196, 207, 217, 233, 234, 255, 307, 321, 349, 355, 360, 413.
Мейеръ, К. Б. (гуверн.) 80, 90, 233, 234, 265 — 267, 270, 299, 300.
Метастазіо 421.
Мещерскій, кн. А. В. 118, 417, 419, 424—428.
Миддендорфъ (А. Ѳ.) 37.
Миллеръ, лиц. (К. К.) 411.
Миллеръ, П. И., лиц. 118, 120, 424, 434.
Мининъ, 79, 251.
Мишò (Michaud) 48, 183.
Молчановъ 81.
Молчановъ, ст.-секр. 45.
Мольеръ 365.
Морозовъ, П. О. XV.
Москва XXI, 6, 24—25, 63, 68, 74, 78, 79, 82, 85, 93, 95, 106, 108, 120, 132, 134, 250, 252, 284, 295, 296, 316, 325, 344.
Мста, р. 26.
Мышецкій, Д. 356.
Мясоѣдовъ (тов. Пушк.) 89, 100, 213, 225, 228, 256, 265, 266, 271, 276, 300—301, 304, 313, 315, 361.

Надлеръ, проф. 113.
Наполеонъ I (Бонапарте) 64, 132, 137, 138, 207, 251, 252, 256, 269.
Нарышкина 99.
Наталья (актр.) 80, 147, 154.
Наташа (кн. Кочубей) 81, 155, 158, 159, 354.
Нелединскій (Мелецкій) 65.
Нижній Новгородъ 250.
Нижегородская губ. 250.
Никонъ 338.
Новгородъ 26, 78, 128.
Новосильцева Е. В. (рожд. гр. Орлова) 79.
Носова, А. В. 89.
Носовъ, А. А. 89.
Носовы, внучата В. Д. Вольховскаго 89.
Нумерсъ (Л. Ѳ.) лиц. 412.

Огарева 143, 147, 341.
Ожаровская, графиня 203, 204.
Ожаровскій, гр. 234.
Озеровъ (В. А.) 3 9.
Озеровъ (С. П.) лиц. 411.
Ознобишинъ 113.
Олива (Ф. А.) проф. 420.
Олосенька, прозвище Илличевскаго 31, 192, 212, 313 (см. это имя).
Ольхинъ, Илья 34, 35, 37, 39—42.
Оржитскій 40.
Орлова (Чесменская) гр. А. А. 79.
Орловъ 324.
Орловъ гр., В. Г. 79.
Орловъ, гр. Г. В. 79.

Остенъ-Сакенъ, бар. А. Ѳ. 365, 366, 373, 408.
Остенъ-Сакенъ, бар. Ѳ. Р. 410.

Павелъ I, Импер. 5, 114, 119.
Павелъ, отецъ 80.
Павлищева, О. С. 6.
Павлищевъ, Н. И. 6, 91.
Павлищевы 6.
Павловскъ 296, 297, 416.
Пальчикова 81.
Панинъ, Н. И. 423.
Панютинъ 113.
Парижъ 43, 83, 130, 134, 326, 349.
Парни 57.
Пащенко, лиц. унт.-оф. 431.
Персія 237.
Песселье (Pesselier) 135.
Песталоцци 366.
Петербургъ XX, 24—26, 30, 38, 50, 53, 62, 106, 108, 110, 161, 237, 270, 303, 403, 408, 417.
Петровскій заводъ 101, 103, 104.
Петровъ 81.
Петровъ, (В. П.), пис. 324.
Печенѣги 128, 129.
Пешель Ф. О. докт. 81, 230, 231, 256, 276, 296, 299.
Пиксановъ, Н. К. 126.
Пилецкій, Илья С. 80 81.
Пилецкій, Март. С. 80, 111, 123, 218, 241, 248, 278, 281, 357.
Пиндъ 33.
Платовъ, ген. 443.
Плетнева, А. В. 107.
Плетневъ, П. А. 107, 195, 421.
Плутархъ, 51.
Погодинъ, М. П. 118—119.
Подоляне, с. 112.
Пожарскій, кн. 79, 251.
Познякъ (И. Д.) лиц. 412.
Полѣновъ, Д. В. 140, 144.
Поныри, ст. 112.
Поповъ (М. Н.), лиц. 411, 412, 437.
Попъ (Pope) 156.
Португалія 83.
Порховъ 432.
Поццо ди Борго 107.
П. П., дядя С. Д. Комовскаго 21, 22.
Прага 347.
Прокоповичъ-Антонскій, А. А. 68.
Прокофій, служ. 80, 315.
Пултускъ 81.
Пучкова (Е. Н.) 143, 341.
Пушкина, Н. Н. XVII.
Пушкинъ. А. С. IX—XXII, 2—8, 23, 24, 29—32, 52, 60, 61, 63, 64, 65, 68, 71—74, 76, 80—81, 86, 88—95, 97, 105—107, 112, 114, 116, 118, 120, 122—126, 136, 139—144, 146—149, 152—159, 166—170, 174, 177, 192, 195—197, 205—207, 210, 211, 214, 216, 219, 221, 224, 229, 231—233, 240, 242, 246, 247, 255, 261, 291, 292, 296, 298, 301, 310, 320, 321—356, 361, 415—423.
Пушкинъ, Вас. Л. 65, 83, 106, 107, 349.
Пушкинъ, С. Л. 105, 106.
Пущина, Анна Ив. 103.
Пущинъ И. И. XIII, XIV—XIX, 2, 4, 5, 9, 15, 71, 72, 77, 88, 89, 97—105, 107, 109, 112, 141, 155, 158, 204, 216, 221, 224, 229, 232, 235, 242, 254, 286, 291, 292, 329, 354, 361.
Пущинъ, И. (отецъ И. И.) 90.
Пущинъ, Мих. Ив. 112.
Пущины, родители И. И. 105.

Радищева 81.
Разумовскій, гр. А. К. 80, 235, 254, 292, 303, 319, 356.
Рамлеръ 63.
Ранино, ст. 28.
Расинъ 44, 135, 338, 393, 420.
Растрелли, гр. 71.
Рашетъ И. К. лиц. 38, 412.
Рейналь (ист. Raynal) 407.
Рейнботъ, П. Е. XV.
Ренненкампфъ А. Я. 81, 319, 356.
Ржевскій, Н. Г. 81, 89, 225, 255, 262, 276, 361.
Рига 27—28.
Римскій-Корсаковъ, поруч. Тарутин. полка 26.
Розенъ, А. В., баронесса 99, 101—105.
Родаксъ, Іоханъ (Rodax) Ц.-С. булочникъ 81, 306—307.
Родастъ, см. Родаксъ.
Романовскій 38.
Роспини, 80, 321.
Россія 44, 51, 102, 106, 112, 131, 167, 250, 256, 326, 366.
Рукташель (Р. К.). лиц. 426.
Румянцовъ 324.
Руссо, Эм. 236.
Рылѣевъ, К. Ѳ. 107.
Рязановъ 54.
Рязановъ 81.

Саблуковъ 46.
Савва, св. (его монастырь) 28, 29.
Савичъ, А. П. акад. 119.
Савичъ, Н. П. (лиц. II к.) 150, 412.
Саврасовъ, П. Ѳ. (тов. Пушк.) 79—81, 89, 102, 362.
Сади 80.
Сазоновъ (Конст., служит.) 235, 296, 297.
Сакенъ, см. Остенъ-Сакенъ, бар. Алекс. Ѳед.
Салтыковъ (гр.?) 46.
Салтыковъ гр. П. И. 79.
Самборскій, А. А. 113, 119.
Самсонъ, Ф. (лиц. III к.) 365, 366, 373—379.
Сапожниковъ, Д. 216, 232.
Святыя Горы 119.
Севастополь 71.
Северина 81.
Сегинъ (Seguin) 81.
Сегюръ (Segur) 54.

Селезневъ И. Я. XIV, XV, XXI, 110, 111, 364.
Семевскій, М. И. 117.
Семенова, Н. П. 108.
Семеновъ, Н. П., сен. 108.
Сибирь 30, 97, 109, 203.
Силистрія 420.
Ситниковъ, куп. 81, 282.
Смирновъ, лиц. (С. И.) 411.
Смитъ, г-жа рожд. Шаронъ ла Розъ 346.
Соболевскій, С. А. 30.
Созоновичъ, Серг. 68—71.
Соколовъ (А. И., гуверн.) 80, 218, 278.
Софія 388, 431.
Софья (?) 80.
Сперанскій, М. М. 72, 119.
Стасовъ 81.
Стевенъ, Ѳ. Х. (тов. Пушк.) 89, 96, 226, 229, 362.
Стесель 81.
Суворовъ, А. В. 81, 251, 324.
Суворочка (прозв. Вольховскаго), 95, 99, 112, 224, 314, см. В. Д. Вольховскій.
Сумароковъ 338.
Сѣверо-Американ. Соед. Штаты 83, 84.
Сѣмечкина, М. Б. 140.

Тассо 421.
Тепперъ де Фергюсонъ, бар. 69, 80, 346.
Тилло 416—421, 426.
Тимковскій, И. О. 37.
Тимоѳей (служ.) 80.
Тифлисъ 95.
Тихановъ, П. Н. 143, 341.
Толстая (А. Н.) 81.
Толстой, графъ 50, 80.
Торжокъ, 27.
Тосна, ст. 26.
Требіо 252.
Тредьяковскій 413.
Троицкій, В. Д. проф. 429, 431, 433, 439.
Трубецкая, кн. Е. И. 99.
Тургеневъ, А. И. 105, 106.
Турновъ, лиц. (Торнау, И. Е.) 426.
Тырковъ, А. Д. (тов. Пушк.) 85, 89, 212, 226, 228, 291, 292, 313, 362.
Тюрень 80.

Убри, Серг. Пав. 365, 366, 373—379.
Уваровъ, генер. 64.
Уваровъ, гр. С. С. попечит. 44.
Угрюмовъ (А. И.) лиц. 412.
Ульрика (Амалія) сестра Фридриха II 345.
Уралъ 102.
Усланка, дер. 45.
Устиновъ 303.
Ушакова, Варвара, 81, 144.

Фаминцынъ, (С. А.) лиц. 426, 428.
Федернельке (? Ф. Ф. Матюшкинъ) 96.
Федръ 42. 417.
Ферзенъ, граф., рожд. граф. Строганова 429—430.
Ферзенъ, гр. 429—430.
Ферри де Пиньи 420—421.
Филадельфія 83.
Филаретъ 46.
Филипинъ 81 (Philippin).
Филиппъ, Герцогъ Бургундскій 59.
Фильдъ 81.
Флоренція 83.
Фонвизина, Н. Д., рожд. Апухтина (за И. И. Пущинымъ) 109.
Фонвизинъ, М. А. 109.
Франкеръ 393.
Фроловъ, С. С. 77, 80, 111, 234—237, 303.
Фуссъ, Ал. Н. 34, 35, 39.
Фуссъ, В. (Виленька) 35, 39, 51.
Фуссъ, Вл. П. XXI, 32.
Фуссъ, Е. (Егорушка) 35, 39, 51, 56.
Фуссъ, Н. И. 32, 35, 40, 45, 48.
Фуссъ, мать П. Н. 35, 40, 45.
Фуссъ, П. Н. XX, XXII, 3, 29, 32 — 67, 129, 178, 185, 189, 199.
Фуфайкинъ, И. П. 74.

Ханыковъ (Н. Д.), лиц. 411, 412.
Харламовъ, Н. Н., лиц. 412.
Харьковск. губ. 90, 95.
Харьковъ 95.
Хвостовъ, гр. Д. Н., пис. 65.
Херасковъ 44.
Хилковъ, кн. 81.
Ховенъ, фонъ-деръ-, И. Р. XXI, 389.
Хрущовъ, И. П. 146, 149.

Царское Село 24—29, 38, 45, 46, 50, 68—71, 74, 84, 107, 120. 123, 216, 234, 237, 296, 305, 306, 413, 416, 418, 421, 432.
Цизмеръ, Я. И. 432.

Чарнышъ, (М. П.), лиц. 411—412.
Чезари 81.
Черкасовъ 38.
Черная Грязь, ст. 27.
Чертковъ 80.
Чириковъ, С. Г. 8, 10, 11, 21, 74—77, 80, 84, 237—239, 308, 316—317, 394, 413, 418.
Чита 99.
Чулковъ 234.

Шапеленъ 338.
Chaton la Rose, M-me (въ замуж. Смитъ) 346.
Шатобріанъ 420.
Шванебахъ (Х. А.), лиц. 426.
Шварцъ 39.
Швейцарія 108.
Швыйковскій (Повало-Шв.) „лиц. 424.
Де-ла Шетарди, марк. 71.
Шиллеръ 63, 144, 149, 163, 207 407, 408, 420.
Шляпкинъ, И. А., проф. XV, 356, 357.
Шмидтъ 81.
Штейнгель, В. И. 103.
Штейнгель, Всев. 103.
Штеричъ 45.

Шторхъ, (К. А.), лиц. 429.
Шубертъ, Г. 444.
Шульгинъ, И. П. XV, 117, 416, 417, 419, 423.
Шумахеръ 81, 231.

Эбергардъ, Г. М. (гуверн.) 80, 236, 237, 239.
Эйлеръ, Іоаннъ Альбертъ 48.
Эйлеръ, Леонардъ, знамен. математикъ 51, 52, 53, 60.
Эйлеръ, Леонт. Карл. (экономъ) 218.
Эйхенъ (В. П.), лиц. 434.
Эльснеръ 80.
Энгельбахъ 40.
Энгельгардтъ, Александръ 81.
Энгельгардтъ, В.
Энгельгардтъ, Владим. (Воля) 81, 99, 116—118, 411—413.
Энгельгардтъ, Е. А. XIX, XX, XXIV, 4, 9, 24, 25, 62, 68—70, 81, 83, 84, 85, 86, 90, 97—105, 107, 111, 114, 115, 116, 122, 228, 234, 236, 363—366, 373—380, 384, 387, 389, 399, 401, 410, 416, 426, 432.
Энгельгардтъ, Макс. 81, 379, 387, 388, 411, 413.
Энгельгардтъ, Марія Яковл., рожд. Витекеръ 99, 102, 103, 105.
Энгельгардтъ, Фрицъ 99.
Эристовъ, кн. Д. А. лиц. 108, 410—412.
Эристова, кн. 25, 108—110.
Эристовы, кн. 109.

Ѳедоровъ, Б. М. („Борька“) 197.
Ѳома (? Лысаковскій), дядька 235, 292.

Юдинъ (тов. Пушк) 88, 96, 362.
Юшновская 99.

Яковлевы, родители М. Л. 74.
Яковлевъ, братъ М. Л. 80.
Яковлевъ, М. Л. XI, XVIII — XIX, 5, 6, 20, 23, 24, 71—74, 80—82, 89, 91, 92, 93, 95, 96, 110, 124, 125, 139, 140, 198, 199, 210, 212, 227, 242, 250, 253, 254, 255, 294, 313, 349, 362.
Ялуторовскъ 9.
Яссы 432.
Яхонтовъ, лиц. 412.

Указатель лицейскихъ литературныхъ произведеній и упражненій въ стихахъ и прозѣ.

1. Авторы и ихъ произведенія.

Анненскій, Ѳ., Гаральдъ (Молитва его) стих. 435, 439.

Бѣлуха-Кохановскій. Qu'est ce qui est plus pernicieux pour l'état-des guerres fréquentes ou une administration vicieuse, соч. 366.
Réponse a un ami sur la question: si vous ne viviez pas dans le siècle actuel etc. соч. 366.

Васьковъ. Дубъ и трава, басня 366.
Стѣна, фундаментъ и лѣпныя украшенія, басня, 366.

Горчаковъ, кн. А. М. „Изяславъ“, проз. соч. 253.
Горчаковъ, Н., Записки Лицейскаго воспитанника, 428—432, 434, 435, 437, 439.
Гротъ, Я. К., Верблюдъ и Горбатый, басня 437—439.
— Мидасъ, траги-ком. (стих.) 420.
— Муха и Муравей, басня 436--437.
— Объ истинныхъ достоинствахъ писателя, соч. 441 –442.
— Объ итальянскихъ глаголахъ 440.
— О вліяніи богатства народнаго на успѣхи образованія, соч. 441.
— Письмо къ другу, соч. 441.
— Сверчокъ, басня (съ франц.) 434.
— Упражненія (литерат. сборникъ) 441.

Деларю. Ангелъ смерти и ангелъ сна, 428.
Деларю и Поповъ. „Коріоланъ“, траг, 437, 439.
Дельвигъ, бар., А. А., Близость любовниковъ (Близость милой) 147, 152—153, 155, 163, 195.
— Богиня Тамъ и богъ Теперь, 147, 150—151, 195.
— Въ альбомъ Илличевскому 156, 169—170, 195.
— Застольная пѣсня (Диѳирамбъ) 155, 158—159, 195, 203.
— Къ Амуру 147, 148—149, 195, 203.
Дельвигъ. Къ больному Горчакову, 63, 170, 173—174, 195.
— Къ Діону 63, 153.
— Къ Илличевскому 203.
— Къ Лилетѣ 63.
— Къ Пастушкѣ 203.
— Къ переводчику Діона 147, 153, 195.
— На взятіе Парижа, ода, 129.
— Надпись на мой портретъ 143, 147, 154, 195, 341.
— На смерть Державина 156, 166—167, 195, 196, 199.
— На смерть кучера Агафона (пародія) 203—205.
— Пародія на „Смальгольмскаго барона“ Жуковскаго 196—197.
— Перемѣнчивость 198.
— Подражаніе I-му псалму (ода Ипполиту) 155, 157, 158, 195, 196.
— Полякъ, баллада 63, 199—202.
— Старикъ 198.
— Тихая Жизнь 63, 155, 156, 195.
— Того ужъ нѣтъ 155, 159, 195.
— Тріолетъ кн. Горчакову 147, 154, 195.
— Шефизъ 147, 151—152, 195, 196, 199.
— Шесть лѣтъ, лицейск. гимнъ 69, 70, 114, 115, 205.

Есаковъ, Полордъ, соч. 253.

Жадовскій, Causes des Triomphes de la Russie sur la Suède, соч. 366.

Зайцовъ, Г. На переходъ Дибича черезъ Балканск. горы 443.
Замятнинъ, Взглядъ на законодательство Екатерины II соч. 365.
— Coup d'oeil sur l'état moral de l'Europe de nos jours, соч. 365.
— Le Misantrope de Molière et Philinte de M. par Fabre d'Églantine, соч. 365.
— Sur l'opinion publique, соч. 365.

Иконниковъ. Добрый Помѣщикъ, ком. 253—254.

Илличевскій, А. Д. Акростихъ 178.
— Бурная Ночь, соч. въ прозѣ 128.
— Весенній вечеръ 48, 183—185.
— Въ альбомъ Малиновскому 156, 168, 191.
— Гостепріимство (мадагаск. пѣсня) 58, 190—191.
— Григорій (или „Герцогъ Бургундскій“), комед. (переводъ изъ du Cerceau) 57, 59, 189.
— Изъ „Грозы“ Ламберта 192.
— Добродѣтель, стих. 127, 192.
— (Другое) Завѣщаніе, эпиграмма 144, 191, 342.
— Дубъ, басня (въ 2-хъ редакціяхъ) 34, 35, 178—180.
— Еще на Пучкову, эпигр. (Зачѣмъ объ инвалидной долѣ) 143, 147, 154, 191, 341.
— Иринъ, идиллія (подраж. Клейсту) 52, 56, 185—189.
— Куда спѣсивъ учтивый Брутъ, эпигр. 143, 191, 341.
— Къ Надеждѣ 164—165.
— Лисица вельможею, басня 55.
— Лѣто, знойна дщерь природы (нац. пѣсня) 192—193.
— Мадагаскарскія пѣсни 58, 189—191.
— Мальчикъ на столѣ, стих. 178, 179.
— На взятіе Парижа, ода 39, 129—135, 178, 180.
— Надежда 156, 163, 191.
— На музыканта, эпиграмма 143, 147, 153, 191, 341.
— Освобожденіе Бѣлграда, ода 128, 129, 253.
— Отъ живописца 156, 165—166, 191.
— О цѣли человѣческой жизни, разсужд. 48.
— Перерожденіе 156, 163—164, 191.
— Побѣдитель (мадагаск. пѣсня) 58, 189—190.
— Роза 170, 174—175, 191.
— Сила времени 191, 246—247.
— Строгое исполненіе должностей доставляетъ чистѣйшее удовольствіе, разсужденіе 135.
— Ты знаешь — этого урода, эпиграмма 144, 191, 341.
— Цефизъ, идиллія (подраж. Клейсту) 43, 56, 180—182.
— Эпиграмма („Гуляй, mon Prince, на что учиться!“) 178.

Корсаковъ, Н. Наташа 81, 155, 159, 211.
Кошанскій. На смерть гр. Отаровской,— ода 203—204.
Кюхельбекеръ, В. К. Безсмертіе 207.
— Безсмертіе есть цѣль жизни человѣческой, ода 136—138, 207.
— Вино 155, 160—161, 207.
— Въ альбомъ Илличевскому 156, 169, 207.
— Гроза (исправл. Илличевскимъ) 210.
— Der Kosak und das Mädchen 209.
Кюхельбекеръ, Die Verwandten und das Liebchen 208—209.
— Дифирамбъ (изъ Шиллера) 147, 149, 155, 162—163, 207.
— Зима 170, 175—176, 207.
— Кофе 170, 176—177, 207.
— Къ радости 155, 161—162, 207.
— Мертвый—живому 170—172, 207.
— О древней русской поэзіи, соч. 57.
— Осень 147, 148, 207.
— Отрывокъ изъ Грозы Сет. Ламберта 207, 247.
— Пѣснь Лапландца 170, 172, 207.
— Утро 207, 208.
— Шекспировы духи, драм. шутка 86.

Малиновскій, Андр. B. Coup d'oeil sur les principales révolutions dans l'histoire de la Russie, соч. 366.
Масловъ, Гренобль 253.
Миллеръ, П. И. Къ Лицею, стих. 424.

Поповъ и Деларю. Коріолонъ, трагед. 437, 439.
Пушкинъ, А. С. Бова 147, 153, 353, 355.
— Боже, Царя Храни 156, 170, 332—334.
— Больны Вы дядушка, эпигр. 143, 341.
— Воспоминаніе, см. „Къ Пущину“.
— Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ 136, 321—327.
— Вотъ Виля — онъ любовью дышитъ, эпиграмма 144, 341.
— Вотъ карапузикъ нашъ монахъ, см. Портретъ.
— Въ альбомъ Илличевскому 147, 154, 169, 353, 354.
— Гавриліада 7, 8.
— Городокъ 355.
— 19 октября 1825 г. 7, 23.
— Протоколъ 19 октября 1825 г. 349. 19 октября 1836 г. 349—350.
— Делія 159, 347, 354.
— Друзьямъ 147, 154, 353.
— Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ 156, 168.
— Евлега 147, 153, 353.
— Завѣщаніе 144, 342.
— Заздравный кубокъ 147, 153, 353.
— Заутра съ свѣчкой грошевою 296.
— Измѣны 81.
— Истина 147, 153, 155, 159, 353, 354.
— Картина Царскаго Села (предполож. пьеса) 216.
— Картины („Фавнъ и пьстушка“) 355.
— Князю А. М. Горчакову 147, 154, 155, 156, 353, 354.
— Козакъ, баллада 63.
— Красавицѣ, которая нюхала табакъ 147, 154, 353.
— Couplets 147, 152, 345—346, 353.
— Къ Батюшкову 170, 174, 354.
— Къ Делiи 155, 159, 354.
— Къ Дельвигу 156, 168, 354.

Пушкинъ. Къ Д. (Дельвигу) 347—348, 354.
— Къ другу-стихотворцу 310.
— Къ Жуковскому 336—340.
— Къ Машѣ 155, 158, 354.
— Къ молодой актрисѣ 155, 156, 354.
— Къ молодой вдовѣ 330—332, 353.
— Къ Наташѣ 81, 155, 158, 159, 354.
— Къ ней 144, 342—343.
— Къ Пущину (Воспоминаніе) 155, 158, 354.
— Кюхельбекеру 170, 177, 354.
— Леда 155, 157, 354.
— Мое завѣщаніе (Друзьямъ) 328—330.
— Молодой вдовѣ 147, 154.
— Надпись на бесѣдкѣ (эпигр.) 144, 147, 154, 341, 353.
— На Пучкову, эпигр. (Зачѣмъ кричишь ты) 143, 340.
— На Пучкову, эпигр. (Пучкова, право не смѣшна) 143, 340.
— Наслажденіе 155, 158, 334—335, 354.
— Окно 155, 158, 335—336, 354.
— Отрывки изъ Лицейск. Записокъ 74, 216, 230—232.
— Пирующіе Студенты 72, 147, 152, 353.
— Портретъ („Вотъ карапузикъ нашъ монахъ") 147, 153, 353.
— Посланіе къ Натальѣ 147, 151, 353.
— Посланіе Лидѣ 147, 154, 353.
— Принцу Оранскому 156, 168, 344—345.
Пушкинъ. Пробужденіе 147, 154, 353.
— Пуншевая пѣснь 149.
— Пѣвецъ 147, 149, 353.
— Пѣснь. (О, Делія драгая!), см. Делія 347.
— Роза 147, 152, 353.
— Роза (друг. стих.) 212.
— Скажи, что новаго—ни слова, эпигр. 143, 341.
— Слеза 64, 144, 342—344.
— Сновидѣніе 147, 149, 168, 353, 354.
— Сонъ (Отрывокъ) 147, 149, 166, 353, 354.
— Стансы (изъ Вольтера) 147, 153, 155, 157, 353, 354.
— Stances 147, 159, 353.
— Твой и мой, эпигр. 143, 341.
— Усы 64.
— Философъ, комедія 60.
— Фіалъ Анакреона 156, 168, 354.
— Экспромтъ на А. (Огареву), эпигр. 143, 147, 154, 341, 353.

Самсонъ, Э., La traite des Nègres 366.
Смитъ, Мар. A M-r Pouchkin, 346—347.

Убри, L'idée de l'existence d'un Être suprême etc., соч. 366.
Чириковъ. Герой Сѣвера, траг. 316.

Эйхенъ, Къ Б., стих. 424.

2. Пьесы неизвѣстныхъ лицъ, авторовъ.

(Кромѣ журнальныхъ—анонимныхъ пьесъ).

Бородинское сраженіе 212.

Галебъ 253.
Гимнъ Богу 249.
Громобой (Буревой) 253.

Домовые, ком. 42.

Какъ не такъ („Фи, Вы курите табакъ", ? Дельвига) 211.
Кантемиръ, пьеса 253.

Мадригалъ 203, 211.
Майскій вечеръ, 249.
Муравлей, 250.

На Свѣтлый Праздникъ Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа 213.

Описаніе паясовъ (въ 2-хъ ред.) 212—213, 313.
Освобожденіе Кіева 253.
Освобожденіе Полоцка 253.

Посланіе къ великому мужу грамматики 250.
Пѣсня („Пригорки, рощи и долины") 211.

Слова истиннаго русскаго 242, 250—252.
Ссора двухъ сосѣдей, комедія 55.

Tous les jours il me regardait 215.

Хоръ по случаю дня рожденія А. Д. Илличевскаго 193.

3. Драматическія пьесы,

(дававшіяся въ Лицеѣ воспитанниками II—IV курса).

Der Sklavenhändler, ком. 411.

Die Bildsäule Peters des Grossen, драма 410.

Die Zerstreuten, ком. 410.

Er ist nicht so dumm, wie er aussieht, шутка 410.

La Banqueroute du Savetier, ком. 411.

Les anciens amis de Collége ou le rendez-vous.... 411.

L'enfance de Jean-Jacques Rousseau 412.

L'homme de bien et l'homme du monde 312.

4. Лицейскіе Журналы.

Allerlei, журналъ VI к. („Всякая Всячина“) 435, 437, 438, 439.
Бесѣда въ Піитическомъ кварталѣ, журн. III к. 383, 401:
— Отрывокъ изъ лиц. словаря 384.
Веселый часъ, журн. III к. 382.
Весна, журн. III к. 381, 386, 397, 399.
Всякая Всячина („Allerlei“), журн. VI к. 435, 437, 438, 439.
Вѣстникъ (I курса) 241, 243—248.
Для удовольствія и пользы (I к.) 242, 250.
Лицейскій Аргусъ, журналъ III к. 379, 381, 384, 385, 394, 396, 398:
— Взглядъ на состояніе любезнаго отечества 379, 381, 384, 394.
— Духъ нашей исторіи 381, 384, 398—403.
— Обозрѣніе нашихъ журналовъ 381, 384, 396.
Лицейскій Вѣстникъ журн. (VI к.) 419, 434, 435, 437.
Лицейскій Момъ (или „Сотрудники лицейскаго Мома“), журн. III к. 382, 388.
— Описаніе города Лицея 381, 391.
— Портретъ NN 383.
— Прощаніе сотрудника Мома 383.
— Судъ Миноса 383.
— Черты землеописанія владѣній Мал. Лицея 381, 388—391.
Лицейскій Мудрецъ (I к.) 217, 229, 235, 243, 254—307, 319, 380, 383:
— Апологія 256, 280—281.
— Булочникъ Rodax и допросчики 305—307.
— Вервиль 279—280.
— Демонъ Метроманіи и стихотворецъ Гезель 292—293.
— День Мудреца (наставленіе сыну) 288—289.
— Дѣянія Мартына въ аду 281—282.
— Загадка и Логогрифъ 304—305.
— Занятіе Наполеона Б. на Нортумберландѣ 256, 269—270.
— Зима (стих.) 272.
— Исповѣдь Мясожорова 300—301.
— Куплеты („Коли посмотришь на людей“) 297.
— Къ Друзьямъ (стих.) 270—271.
— Къ заключенному другу-поэту (стих.) 260—261.
— Къ Мудрецу (стих.) 261.
— Лицейскія Древности (Найдёнышъ: Рапортъ о поведеніи воспитанниковъ) 299—300.
— Моды 286—287, 302—304.
— Мудрецъ (стих., подражаніе Жуковскому) 273.
— Найдёнышъ (крит.) 1: 263—264, 2: 284—285, 3: 299—300.
— На смерть Ситникова 282.
— Нѣтъ! Нѣтъ! (стих.), 262—263.
— Оселъ-Философъ (стих.) 259—260.
— Ослы, басня 274.
— Охота 276—277.
— Письмо изъ Индостана къ Лицейск. Мудрецу 265—268.
— Письмо къ другу (На возвращеніе Москвы) 295.
— Письмо къ издателю (отъ морского корресп.,жив. въ Харибдѣ.) 290—291.
— Прогулка къ развалинамъ замка Б. 295.
— Протекторы и Мудрецъ 283.
— Процессія усопшихъ 278.
— Сазоновіада (поэма) 296—297.
— Эпиграммы 261—262, 274—275, 284, 298—299.
— Эпитафія (на Ржевскаго) 262.
Лицейскій Муравей, журн. VI к. 419, 428, 434—439
— Ибрагимъ, восточ. сказка (изъ Lettres Persanes Монтескьё) 439.
— Къ Голубку, стих. 439.

— Объ отроцѣ Кривичѣ сказаніе вкратцѣ 435.
— Письмо къ издателю Лицейск. Муравья (и отвѣтъ) 435.
— Ракетки, стих. 439.
Лицейск. Цвѣтникъ, журн. VI к. 424, 428, 431. 434.
Мудрецъ Поэтъ или лицейск. антологія. (I к.) 219—221, 229, 243, 307—319:
— Аристъ и Глупонъ (идиллія) 308, 315.
— Бѣдный Д. (Дельвигъ) 308, 318.
— Вопросы и отвѣты 308, 311—312.
— Молитва Ословъ 308, 314.
— На именины С Г. Чирикова 308, 316—317.
— На рожденіе носа носовъ 308, 315—316.
— Паясы 308, 313—314.
— Рондо 308, 318.
— Эпиграммы 308—310.
Муза возобновленнаго лицея, журналъ III к. 379, 381, 385, 403.
— Письмо изъ города Лицея 379, 381, 386, 403—409.
Неопытная муза, журн. III к. 383.
Неопытное перо, журн. I к. 242.
Первѣйшіе опыта VI курса, журн. VI к. 434.
Питомецъ Фантазіи, журн. III к. 384, 385.
Сарско-сельскія Лицейскія Газеты (I к.) 241, 244.
Сверчокъ, (ж. I кур.) 243, 248.
Саранча, журн. VI к. 437, 438.
Свободные часы, журн. III к., 381, 387, 397, 398:
— Великодушные друзья 398.
— Ворона и Лисица (басня) 398.
— Изгнаніе іезуитовъ изъ П. 381.
— Исповѣдь 381, 398.
— Нечаянное нападеніе Ф—я 381, 389.
— Нѣчто о жителяхъ Лицея 381, 398.
— Овца и Собака (басня) 398.
— Окрестности Турина 398.
— О критикѣ 382.
— Опекунъ 381, 398.
— Плачъ на могилѣ Супруги 398.
— Посланіе къ Эрасту 398.
— Потопленіе 381, 387—388.
— Пробужденіе 398.
Сотрудники лиц. Мома, журн. см. Лицейск. Момъ.
Труды 6 курса, журн. VI к. 434.
Юные Пловцы, журн. I курса 242, 252—253.

5. Лиц. національныя пѣсни (I-го к.).

Національныя пѣсни 215—239, 256, 282, 299, 308, 313:
„Аполлонъ, напившись пьянъ“ 219.
„Ахъ! тошно мнѣ“ (и отвѣтъ) 222.
„Блаженъ, кто діалогъ не учитъ“ 220.
„Блаженъ мужъ, иже Сидитъ къ каѳедрѣ ближе 221.
„Вотъ припрятавъ свой парикъ“ 239.
„Вотъ Эбергардъ, смотрите, господа“ 239.
„Въ Лицейской залѣ тишина“ 217—218.
„Давайте пѣть Золотарева“ 237.
„Лѣто, знойна дщерь природы“ 221.
„Полно, Дельвигъ, не мори“ 222.
„Предположивъ и дальше“ etc. 90, 229—234.
„Пусть кто хочетъ отличайся“ 219.
„Пусть несчастный человѣкъ“ 223.
„Суворовъ нашъ, Ура! маршъ, маршъ!“ 224—227.
„Ты былъ директоромъ Лицея“ 234—237.
„Физика, къ тебѣ стремлюся“ 223.
„Что за странная тревога“ 227—229.
„Я во Питерѣ бывалъ“ 237—239.

6. Сборники лиц. стихотвореній (I-го к.).

Антологія Лицейская (собр. трудами пресловутаго ійшій) 141—144, 191, 340—344.
Жертва Мому или Лицейск. Антологія 141, 206 (*упом.*).
Извлеченія Я. К. Грота изъ тетрадей Корфа 140, 155—177, 353, 354; остатки старой (лицейской?) тетради 355.
Собраніе стих. А. Пушкина 139 (*упом.*).
Стихотворенія воспитанниковъ Император. Лицея („Матюшкинская“ тетрадь) 140, 144—154.
Тетрадь Сѣмечкиной (Духъ лицейскихъ Трубадуровъ) 140 (*упом.*).

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Посвященіе VII

Предисловіе IX

Введеніе . . . . . XIII—XXIII

I. Лицей и его первенцы въ запискахъ и перепискѣ . . . . . 1—120

1. Записки и замѣтки . . . . . 1— 29

Дневникъ С. Д. Комовскаго . . . . . 4— 22
Путевыя замѣтки Ѳ. Ѳ. Матюшкина . . . . . 23— 29

2. Переписка первенцевъ Лицея . . . . . 29—105

Письма Илличевскаго къ Фуссу . . . . . 33— 65
Письма другихъ первенцевъ Лицея . . . . . 65—105

3. Письма лицъ, близкихъ къ первенцамъ Лицея . . . 105—120

II. Лицейская поэзія и литературныя занятія первенцевъ Лицея . . . . 122—239

1. Сочиненія на заданныя темы . . . . . 126—138

2. Свободныя упражненія. Стихотворные опыты питомцевъ Лицея . . . . . 139—215

Лицейскіе стихотворные сборники:
I. Лиц. Антологія . . . . . 141—144
II. Матюшкинская тетрадь . . . . . 145—154
III. Тетради Грота . . . . . 155—177

Стихотворенія Илличевскаго . . . . . 178—194
Стихотворенія бар. Дельвига . . . . . 195—205
Стихотворенія Кюхельбекера . . . . . 205—210
Стихотворенія неизвѣстныхъ авторовъ . . . . . 211—215

3. Лицейскія „Національныя пѣсни“ . . . . . 215—239

стр.

III. Лицейскіе журналы . . . . . 240—319

I. Журналъ „Вѣстникъ“ . . . . . 243—248
II. Остатокъ неизвѣстнаго изданія . . . . . 248—250
III. Остатокъ журн. „Для удовольствія и пользы“ . . . . . 250—252
IV. О журналѣ „Юные Пловцы“ . . . . . 252—253
V. „Лицейскій мудрецъ“ . . . . . 254—307
№ 1 . . . . . 258—268
№ 2 . . . . . 268—278
№ 3 . . . . . 279—294
№ 4 . . . . . 294—307
VI. „Мудрецъ-Поэтъ или Лицейская Антологія“ . . . . . 307—319

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Лицейскія стихотворенія и автографы Пушкина въ собраніи Я. К. Грота . . . . . 321—355

II. Отзывы наставниковъ о I курсѣ . . . . . 356—362

III. Изъ бумагъ III курса (1817—1823) . . . . . 357—414

1. Къ исторіи „Общества лицейскихъ друзей полезнаго“ . . 363—368
2. Журналы, издававшіеся на III курсѣ . . . . . 368—409
3. Нѣкоторыя другія бумаги III курса . . . . . 409—414

IV. Изъ лицейскихъ воспоминаній Я. К. Грота (VI курса, 1826—1832) . . . . . 415—443

Автобіографическія замѣтки . . . . . 415—423
Дополненія къ замѣткамъ:
I. Записка проф. Кошанскаго 424
II. Изъ лицейской переписки Я. К. Грота . . . . . 424—433
III. О журналахъ VI курса . . . . . 434—443

Дополненія 444

Указатели:
1. Личныхъ именъ и мѣстностей . . . . . 445—451
2. Лицейскихъ литературныхъ произведеній и упражненій (въ стихахъ и прозѣ) . . . . . 452—456

Поправки 461

ПЕРЕЧЕНЬ

портретовъ, автографовъ и рисунковъ.

Портреты:

Я. К. Грота . . . . . —
А. С. Пушкина (въ Лицеѣ) XIII

стр.

Бар. (графа) М. А. Корфа 1
С. Д. Комовскаго 4
Ѳ. Ѳ. Матюшкина 23
М. Л. Яковлева (въ Лицеѣ) 82

Факсимиле автографовъ:

А. Д. Илличевскаго:

Изъ письма 25 марта 1812 г. 36
Изъ письма отъ 25 февраля 1815 г. 47
Изъ письма отъ 16 января 1816 г. 61
Письмо 20 марта 1816 г. . . . . 66—67

Ѳ. Ѳ. Матюшкина:

Записка М. къ Яковлеву (по поводу смерти Пушкина) . 73

А. Н. Иконникова:

Запись въ тетрадкѣ Комовскаго 75

В. К. Кюхельбекера:

Изъ письма 17 февраля 1823 г. 87

А. С. Пушкина:

Стих. „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ . . . . . 322—327
Протоколъ сходки 19 окт. 1828 г. . . . . .
Протоколъ сходки 1836 г. . . . . 350—351
Записка по поводу собранія 19-го окт. 1836 г. 352

Другіе факсимиле:

Заглавный листокъ „Лицейской Антологіи“ 142
Заглавный листокъ „Матюшкинской“ тетради 145
Заглавный листокъ журн. „Вѣстникъ“ (№ 1, 1811 г.) . . 245
Оглавленіе журн. „Лицейскій Мудрецъ“ (№ 1) 257

Виды и рисунки:

Лицейскій залъ (на заглавн. стран.)
(виньетка на брош. „Прощальн. пѣснь“ б. Дельвига).

Видъ на лицей и дворецъ съ Садовой улицы
(виньетка на почтов. бум. 1840 г.) XXIV

Видъ „Грибка“ въ лицейскомъ саду
(ок. 1820 г.) 121

Внѣшній видъ журн. „Лицейскій Мудрецъ“
(въ темно-красномъ сафьян. переплетѣ) 256

Карикатуры (Илличевскаго) въ журналѣ „Лицейскій Мудрецъ“:

Кюхельбекеръ, Мясоѣдовъ и гув. Мейеръ 266
„Вспышкинъ“, Мясоѣдовъ и Мейеръ 267

стр.

Мясоѣдовъ, гл. дворц. садовникъ Ляминъ и Комовскій 276
Данзасъ (Мишка), Брогліо, Корниловъ, Комовскій и Мартыновъ 277
Процессія усопшихъ (уволенные лицейск. гувернеры) 278
Лицейск. профессора, спасающіе Кюхельбекера . . . 291
Демонъ метроманіи и стихотворецъ Гезель (Кюхельбекеръ) 293
„Заяцъ на ловлѣ“ (на Фролова и гр. Разумовскаго) . 303
Булочникъ Родаксъ и четыре допросчика 306
Профессора, ищущіе милости у министра гр. Разумовскаго 319

Видъ на б. Лицей со стороны Б. Дворца (съ памятной Пушкинской доской) 320

ПОПРАВКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
9	22 сверху	интересными	интересами
30	3 снизу	Иллючевскій	Илличевскій
32	19 сверху	каррикатурахъ	карикатурахъ
45	7 „	прилѣжностью	прилежностью
65	14 снизу	Первенцовъ	Первенцевъ
140	11 сверху	М. С. Корфа	М. А. Корфа
146	4 „	Л. М. Майковъ	Л. Н. Майковъ
155	между 10 и 11 стр. снизу—вставить:		„Делія“.
156	„ 2 и 3 „ сверху—вставить:		„Къ Надеждѣ“
156	„ 6 и 7 „ сверху—вставить:		„Къ Дельвигу“.
191	10 снизу—послѣ „Надежда“ вставить:		„Къ Надеждѣ“.
235	2 сверху	Кокюэлѣ	Кюкюель

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000144407395